Юрий Корольков

Тайны войны

ЮРИЙ КОРОЛЬКОВ

РОМАН-ХРОНИКА

МОСКВА
СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
1986

ББК 84.Р7
К 68

Художник АНАТОЛИЙ МЕЩКОВ

К $\frac{4702010200-268}{083(02)-86}$ 76—86

ОТ АВТОРА

Это было много лет тому назад. В Нюрнберге шел процесс главных военных преступников. Судили Геринга, Гесса, Кейтеля... На скамье подсудимых сидели двадцать главарей фашистской Германии. Заговорщиков постигла заслуженная кара.

Документы Нюрнбергского процесса не только изобличали подсудимых, но и проливали свет на вероломную роль пособников германских фашистов в других странах.

Там, в Нюрнберге, и зародилась идея этой книги. Мне захотелось рассказать о раскрывшихся тайнах международного заговора, о борьбе передового человечества с силами мрака, о судьбах простых людей, сражавшихся на фронтах и в подполье, людей разных национальностей, убеждений, политических взглядов, объ-

единенных стремлением защитить жизнь, независимость, мир и человеческое достоинство.

Я черпал материалы не только из немецких источников. После войны Западную Европу наводнили потоки мемуарной литературы. С разными намерениями авторы мемуаров брались за перо. Одни — для того чтобы раскрыть истину, другие — чтобы скрыть ее, фальсифицировать историю. Оценки событий были различны, но меня интересовали факты, достоверные и конкретные.

Собранные материалы и легли в основу романа-хроники «Тайны войны».

1956

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

I

В том, что норвежская шхуна «Луиза», приписанная к порту Нарвик, вошла в устье Темзы и бросила якорь недалеко от берега, не было ничего странного — мало ли кораблей останавливается здесь в ожидании лоцмана. Только рыболов, стоявший босиком на подгнивших сваях, лениво сказал приятелю:

— Бьюсь об заклад, Вильям, что это китобой! Гляди, как низко опущена палуба. А если вон там, на полубаке, поставить гарпунную пушку, хоть сейчас отправляйся на промысел.

Щурясь от яркого света, рыболов приложил козырьком руку к глазам и принялся рассматривать шхуну. Она стояла в нескольких сотнях ярдов, и палубные надстройки, покрашенные в белый цвет, выделялись на сероватом фоне воды.

— А мне наплевать, что это, китобой или плавучий курятник,— флегматично ответил Вильям.— Мало ли ходит здесь всяких посудин.

Он не отрываясь следил за поплавком, мимо которого на воде плыли блестящие под солнцем лилово-оранжевые нефтяные пятна.

— Так, значит, не будешь спорить? Хочешь, на кварту пива?

— Нет, Джон, мне и без того осточертели споры. Хватит одного Данцига. Зайдем, так выпьем... Ну и жара!

Рыболовы углубились в свое занятие. Они больше не обращали внимания ни на судно с желтыми мачтами, ни на лоцманский катер, лихо подскочивший к невысокому борту шхуны.

У рыболовов не вызвало бы недоумения и то, что единственным пассажиром на шхуне был ее владелец — глава китобойной фирмы «Иогансен и сын», который в это время стоял на капитанском мостике. Мало ли кто в это знойное лето 1939 года искал прохлады и отдыха в морских путешествиях!

Владелец шхуны, квадратный человек с обветренным лицом и короткой шеей, молчаливо глядел на берег и терпеливо ждал лоцмана. С давних пор, еще с тех лет, когда он сам хаживал гарпунером на китобойный промысел, за Мартином Иогансеном сохранилось меткое прозвище — Кнехт. Оно так и прилепилось к нему, как ракушка к корабельному днищу.

В самом деле — с годами все больше он напоминал чем-то массивную чугунную тумбу, которую укрепляют на палубе, чтобы канатами швартовать судно к берегу. Сходство это подчеркивал еще больше плоский берет на голове Мартина, походивший на шляпку кнехта.

Не вызывала бы ни у кого сомнений и цель, с которой Иогансен пересек Северное море и прибыл в Лондон. Приехал он на совещание промышленников-китобоев. В этом году оно почему-то созывалось раньше обычного. Конечно, можно было бы лететь в Англию самолетом, но Мартин давно обещал дочери совершить вместе с ней морскую прогулку, показать ей Копенгаген, а оттуда рукой подать и до Лондона.

Была у Кнехта и еще одна затаенная мысль, которой он не хотел поделиться даже с женой. Их дочери Луизе — ее именем он и назвал шхуну — шел двадцать девятый год. Девушка была скроена так же плотно, как и отец, такая же короткая шея, грубое, обветренное лицо, словно она тоже плавала годами в Антарктике. На свою внешность Мартин не обращал внимания, но для девушки это имело, видимо, значение, и Мартина начинала тревожить ее судьба.

В глубине души Мартин лелеял надежду, что, может быть, Луизе скорее удастся найти жениха, если она будет сопровождать его в многочисленных деловых поездках по Европе. Ведь женился же он сам на своей Гертруде, познакомившись с ней в Киле, во время ремонта судна...

С такими мыслями Кнехт отправился в путешествие, об этом думал он и сейчас, стоя рядом с Луизой на капитанском мостике. Черт побери, видимо, долго придется ждать лоцмана — вон сколько кораблей дожидаются своей очереди!

Но Мартин Иогансен был приятно изумлен, когда через четверть часа, минуя другие корабли, к борту «Луизы» подвалил катер и на шхуну поднялся высокий, сухопарый лоцман. Учтиво раскланявшись с Кнехтом, он осведомился, можно ли ему немедленно приступить к исполнению своих обязанностей.

В конце концов, в этом неожиданно быстром появлении лоцмана тоже нет ничего странного. Странным было другое — за передвижением «Луизы» от самого Нарвика очень внимательно следили в британском министерстве иностранных дел. И в тот час, когда на борт шхуны поднялся лоцман, чтобы провести судно вверх по Темзе, об этом, несмотря на воскресный день, немедленно сообщили по домашнему телефону сэру Горацио Вильсону, ближайшему сотруднику британского премьер-министра Невиля Чемберлена.

Часа через три, когда норвежская шхуна ошвартовалась у гранитного пирса, вблизи королевских доков, лоцман попросил Мартина Иогансена уделить ему несколько минут для конфиденциального разговора.

Следом за Кнехтом лоцман прошел в каюту. Удостоверившись, что иллюминаторы плотно закрыты и разговор их не достигнет постороннего уха, он сказал:

— Мистер Иогансен, одно высокопоставленное лицо желает сегодня встретиться с вами. Не сможете ли вы быть на борту шхуны, предположим, в девять часов вечера?

Кнехт не сразу понял, чего от него хотят. Норвежский китопромышленник соображал довольно туго.

— А зачем это нужно? — неуверенно спросил он.

— Высокопоставленное лицо нуждается в ваших услугах,— ответил лоцман.— Но имейте в виду: встреча должна быть абсолютно тайной.

Иогансен сгреб рукой губы. Так простолюдины вытирают рот после сытного обеда — всей пятерней. От этой привычки, приобретенной в детстве, Мартин не мог избавиться всю свою жизнь; особенно она мешала ему теперь, когда он, став владельцем солидной китобойной фирмы, проник в деловое общество.

Жест рождался непроизвольно каждый раз, когда Кнехт оказывался в затруднительном положении. Так и сейчас. Он вытер с губ невидимый жир, а в голове его начала складываться мысль, приближавшая его к смыслу происходящего разговора. Недаром Кнехт в свое время не только промышлял китов. Приходилось ему заниматься и контрабандой. Кнехт прикинул: тут что-то нечисто, не намекает ли лоцман на какую-то сделку? Кнехт хитровато улыбнулся. Кажется, он понял предложение лоцмана.

— В девять часов буду ждать у себя в каюте,— сказал Иогансен и посмотрел на золотую луковицу карманных часов, увешанных коллекцией всевозможных брелоков.

Лоцман учтиво попрощался и вышел. Кнехт постоял, барабаня коротенькими пальцами по столу, потянулся рукой ко рту, но вовремя спохватился.

— Когда я, черт побери, отвыкну от этого! — пробормотал он.

Пока у норвежского промышленника не было особых оснований выражать недоумение. Удивляться он начал после того, как ровно в девять часов в его каюту вошел человек в сером макинтоше с поднятым воротником и в светлой шляпе, надвинутой до бровей.

— Имею честь видеть господина Мартина Иогансена, члена китоловной комиссии? — спросил незнакомец, пристально вглядываясь в лицо Кнехта.

Удостоверившись, что перед ним именно тот человек, который нужен, он откинул воротник и попросил разрешения сесть.

— Я буду краток и сразу приступлю к делу,— сказал незнакомец.— Вы, кажется, знакомы с господином Вольтатом Гельмутом из Германского экономического ведомства Германа Геринга? Не так ли?

Человек средних лет, сидевший перед Кнехтом, был почему-то хорошо осведомлен о деловых связях Мартина. Китопромышленник действительно встречался с министериаль-директором Вольтатом, уполномоченным Геринга по четырехлетнему плану. Они несколько раз виделись в Берлине, когда Иогансен вел переговоры о поставке большой партии китового жира. Раза два они обедали вместе в «Адлоне» на Унтер-ден-Линден. В заключение министериаль-ди-

ректор дал в честь его, Мартина Иогансена, банкет, на котором присутствовал и Герман Геринг. Конечно, Вольт содрал с Кнехта немалый куртаж, но Иогансен человек коммерческий, он не был за это в большой обиде: кто даром станет оформлять сделку! Мартин тоже не остался внакладе.

— Да, я имею деловые связи с господином Вольтатом,— ответил Кнехт, мучительно пытаясь сообразить, какое отношение это может иметь к посещению незнакомца.

— Вы знакомы с ним лично?

— Да, имею честь быть знакомым.

— Министериаль-директор Вольтат сейчас находится в Лондоне,— сказал неизвестный посетитель,— он примет участие в работе вашей китоловной комиссии.

— Господин Вольтат? — переспросил Кнехт.

— Да. Он пробудет здесь несколько дней. Вы не могли бы за это время с ним встретиться? — Незнакомец сделал вид, что не заметил изумления Кнехта.

Известие о том, что господин Вольтат будет участником совещания китоловов, вызвало недоумение Мартина. Кто-кто, а уж Гельмут Вольтат не имеет ни малейшего отношения к китоловному промыслу! Вряд ли он отличит кита от дельфина! Странно! Какой из него китолов!

Но этих мыслей Иогансен не высказал своему собеседнику. Он только спросил:

— Зачем?

Этот вопрос мог относиться в одинаковой степени и к предложению о встрече, и к сообщению о том, что Вольтат будет членом китоловной комиссии.

— Я думаю, вас не затруднит эта встреча. Вам нужно лишь спросить у Вольтата, не хочет ли он побеседовать с одним высокопоставленным лицом.— Англичанин на секунду замялся.— Можете вы сохранить тайну?

Кнехт утвердительно кивнул.

— Речь идет о министре заморской торговли мистере Хадсоне. Он желает говорить с Вольтатом на тему, которая может представлять интерес для министериаль-директора. Надеюсь, вас не затруднит наша просьба. Кстати, вы сами сможете извлечь при этом кое-какую пользу. В компенсацию за вашу услугу я могу обещать, что при заключении китоловной конвенции английская сторона могла бы пойти на значительные уступки.

Иогансен по-прежнему ничего не понимал. Какое ему дело до того, кто и с кем хочет встречаться! Но если дело идет об уступках, о конвенции, он согласен.

— Когда я должен встретиться с Вольтатом?

— Немедленно! Мы поедем с вами в гостиницу, где остановилась немецкая делегация, и постараемся в ресторане увидеть господина министериаль-директора. Вы, кажется, приехали с дочерью? Неплохо, если и она пообедает с нами. Там будет небольшое об-

щество. Согласны? Надеюсь, вам достаточно десяти минут, чтобы переодеться.

«Что за диковина? — подумал Кнехт.— Откуда он знает, что здесь Луиза? Что ж, пусть и она поедет».

Покинув гостя, он вышел на палубу.

Луиза поселилась в кормовой части шхуны в каюте, которую освободил для нее старший механик. Сейчас, облокотившись о поручни, она болтала со стюардом и рассеянно бросала в воду кусочки хлеба. Они плыли по течению, и около них мгновенно закипала вода — рыбешки жадно растаскивали намокшие крошки.

— Луиза, мы едем в город! Надень вечернее платье. Только, ради бога, быстрее! Ждем тебя через десять минут.

Конечно, через десять минут сборы были только в разгаре. Луиза долго возилась с платьем. Не ладилась прическа. Потом она долго выбирала и примеряла клипсы.

Гость начинал нервничать. Кнехт дулся и в третий раз собирался посылать стюарда за дочерью, когда Луиза наконец появилась. Оделась она довольно безвкусно, но с подобающей роскошью. Палантин из черно-бурых лис, накинутый на плечи, делал ее фигуру еще короче. Это отметил про себя и посетитель, галантно здороваясь с девушкой. Фамилию свою он произнес очень невнятно. Кнехт остался доволен нарядом дочери — он любил, чтобы все было дорого и солидно.

Мартин Иогансен облачился в черную тройку, оставив, как полагается, не застегнутой нижнюю пуговицу жилета. Из жилетного кармашка свешивалась массивная золотая цепочка часов, сделанная в форме якорного каната. Берет Кнехт сменил на котелок, но чувствовал себя в нем неудобно и время от времени поправлял его незаметным движением головы.

II

Машина неизвестного посетителя — черный неуклюжий лимузин — ждала за воротами порта. Солнце скрывалось за резными прямоугольными башнями Вестминстера, когда лимузин бесшумно мчался по направлению к Вест-Энду, в аристократические кварталы города. Миновав Трафальгар-сквер с бронзовыми львами на постаментах, свернули к Пиккадили и остановились возле гостиницы, облицованной серым гранитом.

В ресторане почти все столики были заняты. Но подоспевший метрдотель провел прибывших к сервированному столу, расположенному очень удобно — не на самом виду и в то же время так, что отсюда был виден весь зал. Стол был накрыт на семь персон.

Незнакомец вырвал листок из записной книжки, что-то написал и передал метрдотелю.

— Позвоните по этому телефону и передайте, что мы ждем,— сказал он.

Мартин до сих пор не знал ни имени, ни фамилии нового зна-

комого и поэтому чувствовал себя несколько стесненно, не зная, как к нему обращаться.

— Кажется, здесь будет кто-то еще? — спросил он.

— Да, небольшая компания,— ответил англичанин и заговорил с Луизой.

Кнехт сразу же, как только вошел, заметил Вольтата. За его столом сидела молодая женщина в вечернем туалете и высокий мужчина, показавшийся Мартину знакомым. Кажется, он видел его в ведомстве Геринга. Кнехт поклонился министериаль-директору. Тот ответил на приветствие и продолжал беседу с дамой и ее спутником.

Новый знакомый Кнехта, казалось, весь был поглощен беседой с Луизой. Он был необычайно галантен и оказывал девушке всяческое внимание. Он предложил Луизе карточку, посоветовал заказать деволяй — его здесь прекрасно готовят. Что касается вина, лучше пить светлое бордо. Оно несколько мягче и тоньше красного. На сладкое стоит взять свежую землянику. Ее растят в глиняных плошках и так подают к столу.

Для себя англичанин заказал коньяк с лимоном. Кнехту посоветовал сделать то же.

Китопромышленник выбрал бифштекс, попросил, чтобы сделали посочней, с кровью.

Мартин остался доволен началом вечера. Новый знакомый оказался приятным собеседником. Он рассказывал о поездке в Индию, о тамошних нравах, ужасном климате. Луиза оживилась, весело смеялась шуткам, отвечала на остроты, и Кнехту показалось, что она стала менее угловатой. Когда оркестр, скрытый на антресолях, заиграл фокстрот, собеседник пригласил Луизу потанцевать. Видимо, она ему нравилась. Мартин, глядя на танцующую пару, подумал: «Неплохо бы иметь такого зятя. Луизе англичанин, видно, тоже понравился. Дай-то бог!..»

Время от времени Иогансен переводил глаза на столик, где сидел Гельмут Вольтат. Его спутник ушел танцевать с дамой, и он тоже остался один. Кнехт подошел. Они поздоровались.

— У меня к вам есть поручение,— Иогансен наклонился и сказал почти на ухо: — Мистер Хадсон хотел бы побеседовать с вами по вопросу, который может заинтересовать вас.

Вольтат метнул взгляд по сторонам. На них никто не обращал внимания.

— Когда?

— В любое время, когда вам будет удобно.

— Хорошо. Завтра я дам вам ответ. Вы, конечно, будете на совещании?

Оркестр перестал играть, танцующие возвращались к столикам. Вернулся и Кнехт. Спутнику он тихо сказал:

— Ответ даст завтра, на совещании.

Больше об этом не говорили. Вскоре в ресторане появились еще две пары — чопорные дамы в сопровождении элегантных мужчин. Англичанин поднялся, приветствуя их. Представил Луизу и ее

отца. За столом завязалась легкая, непринужденная беседа, но Кнехт в ней почти не участвовал. Шутки до него не доходили, а сам он никак не мог придумать, что бы такое сказать. Пары часто уходили танцевать, Кнехт оставался один и все свое внимание сосредоточивал на коньяке и бифштексе. В голове приятно шумело, и ему вдруг захотелось принять участие в разговоре. А что?.. Нельзя же весь вечер молчать! Он отодвинул тарелку и вытер ладонью рот. Англичанка с длинным подбородком испуганно на него посмотрела. Официант подал сладкое. Кнехт не заметил взгляда соседки, не обратил внимания на смутившуюся дочь, которая глазами делала ему какие-то знаки.

— А знаете, что я вам скажу.

Сидящие за столом повернулись к Мартину. Он подпер щеку рукой.

— Знаете, например, какой длины кишки у китов? А, не знаете!.. Больше двухсот метров! Честное слово! Сам мерил. Выпотрошили одного и растянули кишки на палубе, как манильский канат...— Кнехту нравилось, что он привлек внимание. То-то вот! Он ухмыльнулся.— А вот мозгов у кита маловато — килограммов шесть, больше не будет. Тоже взвешивали. У него, знаете, мозги составляют какую-нибудь двадцатитысячную часть туши. Да... Я вот раз своими руками загарпунил одного — больше ста тонн, честное слово! А мозгов, поверьте мне...

— Папа! — растерянно воскликнула Луиза.

Соседка брезгливо передернула плечами. Все смущенно переглянулись, шокированные словами Кнехта, но китопромышленник пытался продолжать.

— Простите, мы пойдем потанцуем,— прервал новый знакомый.— Разрешите пригласить вашу дочь?

Кнехт снова остался один и налил себе коньяку. Затуманенным взором следил он за дочерью. «А ведь, честное слово, они подходят друг другу! Может, в Лондоне и свадьбу справим...» Он пребывал в очень приятном настроении.

Когда все снова сошлись за столом, Кнехт услышал сзади себя чей-то веселый голос.

— Хелло! Кирпатрик, вы тоже здесь? Как поживаете?

Запоздалый посетитель подошел к англичанину, которого Мартин уже начал считать почти что зятем, и дружески поздоровался. Кирпатрик скривил недовольную гримасу. Черт принес этого шалопая! Выполняя деликатное поручение, Кирпатрику не хотелось, чтобы китолов знал его фамилию.

— Я завернул сюда,— говорил между тем не вовремя появившийся приятель,— чтобы выпить на сон грядущий пару мартини. Кстати, кто из вас был сегодня на дерби?.. Жаль, многое потеряли! Кто бы мог подумать, что Индус придет первым!.. Жена здорова? Очень рад!.. Как дети?.. Очень хорошо. Передавайте привет!

Знакомый Кирпатрика поболтал еще несколько минут, перескакивая с одного на другое, раскланялся со всеми и направился к стойке.

Кнехт насупился. Жена... Дети!.. Ему показалось, что человек, названный Кирпатриком, обманул его в самых лучших чувствах. Чего крутит девчонке голову! Порядочные женатые люди так не поступают. А она тоже дура, растаяла!.. Глядите, как раскраснелась! Не разберешь отчего — от увлечения или от лисьего палантина. Надо же в такую жару обряжаться в меха!

Он заторопился. Пора домой. У него есть совершенно неотложные дела.

Кирпатрик не возражал. Он распростился с остальными и отправился провожать Луизу и Кнехта. Мартин всю дорогу молчал. Его раздражала болтовня дочери. Что она нашла в этом субъекте?

Машина остановилась у тускло освещенной набережной Темзы. Шофер выскочил из кабины и распахнул дверцу. Кирпатрик вышел из машины, учтиво простился и приказал шоферу ехать домой. Из дому он позвонил сэру Вильсону и доложил о результатах встречи.

— Надеюсь, вы не назвали моей фамилии? — спросил советник премьера.

— Нет, сэр, о вас не было и речи. Я говорил только о Хадсоне.

— Отлично! Значит, ответ будет завтра. Спокойной ночи!

III

Гельмут Вольтат покинул ресторан гораздо раньше Кнехта и его спутника. Он сразу же отправился в посольство, чтобы поговорить с фон Дирксеном — германским послом в Лондоне.

Той же ночью в Берлин отправили шифрованную телеграмму. Дирксен сообщал в министерство иностранных дел о том, что попытки Гельмута Вольтата войти в контакт с английскими деятелями пока не удались, но англичане сами, видимо, ищут такой встречи. Посол информировал о предложении, поступившем через норвежского китолова, и запрашивал, какие будут указания господина министра иностранных дел. Фон Дирксен настоятельно просил сообщить ответ не позже одиннадцати утра, к открытию совещания китоловов.

На следующий день Вольтат сам нашел в кулуарах норвежского китопромышленника и доверительно сообщил, что готов встретиться с мистером Хадсоном. Он просил уточнить место встречи.

Министериаль-директор еще перед отъездом на совещание получил ответ из Берлина. Риббентроп отнесся одобрительно к английскому предложению, но рекомендовал Вольтату не давать никаких обещаний, больше слушать самому, а предстоящий разговор представить как частную беседу, как предварительное зондирование почвы.

Кирпатрик тоже присутствовал на открытии конференции китобоев. Подтянутый, элегантный, он оживленно разговаривал с членами британской делегации, когда Кнехт протиснулся к нему сквозь толпу гостей и участников совещания. Он отозвал Кирпатрика в сторону и передал ответ министериаль-директора.

— Благодарю вас, господин Иогансен,— сказал англичанин.— Не откажите в любезности выполнить еще одну просьбу — передайте министериаль-директору, что мистер Хадсон ожидает его сегодня после полудня в любое время. Вот адрес.

Кирпатрик достал из бокового кармана карточку и передал ее Кнехту.

— Как чувствует себя ваша дочь? Она очень мила...

— Спасибо,— сердито буркнул Кнехт, вспомнив вчерашние огорчения.

Делегатов пригласили в зал заседания. Немецкие китопромышленники сидели за противоположным концом стола, покрытого зеленым сукном. Кнехт нацарапал лаконичную записку: «Сегодня после ленча в любое время». Он вложил ее в конверт вместе с адресом, надписал «Господину Вольтату, министериаль-директору» и передал соседу. Кнехт видел, как записка шла по рукам делегатов, как Вольтат неторопливо раскрыл конверт, прочитал, аккуратно сложил записку, сунул ее обратно в конверт и положил в карман. Он еще некоторое время посидел на совещании и вскоре ушел.

С тех пор норвежский китопромышленник Мартин Иогансен никогда не встречался ни с Кирпатриком, очаровавшим его дочь, ни с Гельмутом Вольтатом, с которым Кнехт собирался перемолвиться по поводу продления контракта. Ни тот, ни другой не появлялись больше на заседаниях китоловной комиссии. «Стоило ему приезжать в Лондон!» — думал Кнехт, досадуя и недоумевая по поводу странного поведения Вольтата.

В житейских заботах, в сутолоке повседневных дел Кнехт забыл вскоре о таинственном посещении шхуны представителем Хадсона. Только раз, на заключительном банкете китоловов, подвыпивший Кнехт по простоте душевной похвастался за столом, что именно он, Кнехт, организовал встречу английского министра с господином Вольтатом. Разговор слышал кто-то из журналистов, и это просочилось в печать, но Кнехт не имел представления о последствиях своего бахвальства — это произошло уже после его отъезда из Лондона. Да и едва ли он мог вспомнить, что говорил на банкете, когда проснулся на следующее утро с тяжелой головной болью.

Несколько дольше сохранилось у Кнехта чувство затаенной обиды и горечи от крушения мимолетных надежд сделать своим зятем обходительного и ловкого англичанина. Жаль, не удалось загарпунить такого кита!..

Из многолетнего опыта Кнехт знал, как в море киты находят друг друга. Они сходятся там, где есть корм, где скапливаются мириады рачков черноглазок. На огромной морской поверхности от присутствия этих крохотных животных вода приобретает красновато-желтый оттенок. Знал Кнехт и акульи повадки, знал, что акульим стаям всегда предшествуют мелкие синие рыбешки — наводчики. Они питаются крохами добычи акул. Но китопромышленник и не подозревал, что в океане политических интриг он сам оказался этаким рачком черноглазкой или рыбешкой-наводчиком.

Удовлетворенный крохами уступок в китоловной конвенции, Кнехт вскоре покинул Лондон, бродил по Европе в поисках оптовых покупателей китового жира и жениха для засидевшейся дочери. Он не имел ни малейшего представления о том, что в событиях, которые через несколько недель ввергли мир в новую войну, он, Мартин Иогансен, по прозвищу Кнехт, принимал непосредственное участие.

IV

В тот же день, когда открылось китоловное совещание, Гельмут Вольтат после полудня отправился к министру заморской торговли мистеру Хадсону.

Жара начинала спадать, но в городе было необычайно душно. Раскаленный асфальт, стены домов не успели остыть, и от них, как из калориферов, тянуло зноем. Из предосторожности, чтобы не вызывать кривотолков, Вольтат отказался от посольского «хорьха» и предпочел взять такси где-нибудь в городе.

С видом человека, которому некуда торопиться, он вышел из гостиницы, пересек улицу и теневой стороной, затерявшись среди пешеходов, направился к Темзе. У него было время поразмыслить о предстоящей беседе.

Экономический советник Геринга сам искал встречи с влиятельными англичанами. Для того и прилетел он с континента в британскую столицу под видом участника китоловного совещания. Правда, Вольтат рассчитывал на более солидную встречу, но для начала нелишне поговорить и с Хадсоном. Тем более что именно Хадсон ездил недавно в Москву, вел там какие-то переговоры, имея поручение британского премьера. В Берлине поездка Хадсона вызывала беспокойство, заставляла насторожиться — как бы англичане не выкинули какой-нибудь фортель.

Вообще за последнее время в англо-германских отношениях, суливших после Мюнхена такие широкие перспективы, внезапно наступило взаимное охлаждение. Между партнерами пробежала черная кошка. Вольтат уверен, что произошло это после мартовских событий в Чехословакии, когда фюрер плюнул на свои мюнхенские обещания, на гарантии и занял Прагу. Он заставил президента Гаху подписать акт о ликвидации самостоятельного Чехословацкого государства. Министериаль-директор отлично помнил, как это произошло. Фюрер большой мастер идти ва-банк!

Старикан Эмиль Гаха и вправду возомнил себя чехословацким президентом — заупрямился ехать в Берлин по вызову фюрера. У старика оказалась короткая память. Он забыл, что президентское кресло получил по настоянию Гитлера, вскоре после того как в Мюнхене Судетскую область присоединили к Германии. Фюрер уже тогда знал, что делает,— Мюнхен был только началом.

Гаха, видите ли, заявил, что ему неудобно раскрывать свои связи с Берлином. Пришлось просто-напросто взять старика под руки и усадить в самолет. Впрочем, Гаха особенно и не упирался. Зато в Берлине на Темпельгофском аэродроме инсценировали пыш-

ную встречу — с оркестром, почетным караулом и прочими атрибутами, необходимыми при встрече почетных гостей. Это нужно для общественного мнения. Кто бы мог подумать, что за час до того президента не совсем вежливо волокли в самолет.

Гаху торжественно отвезли в имперскую канцелярию, а там заставили до полуночи ждать в приемной, пока Гитлер соблаговолил пригласить его к себе в кабинет. С первых же слов Гитлер начал кричать, грозить, топать ногами. Под конец бросил на стол заготовленный акт, вышел из кабинета. Место фюрера занял Геринг. Он не кричал на президента, но сказал: «Жаль, что придется бомбить Прагу, это такой красивый город... Я вынужден отдать приказ»,— и потянулся к телефону.

Гаха упал в обморок, его привели в чувство. Дрожащей рукой он подписал акт: Чехословакия «добровольно» присоединяется к рейху. Тем временем германские войска уже заняли Прагу. Потом Гитлер частенько вспоминал, как он нагнал страху на президента. Это стало его любимой шуткой, он не раз повторял: «Теперь я знаю, как гахаризировать президентов!..» Что говорить, фюрер умеет делать такие вещи!

Но тем не менее все это испортило отношения с французами и англичанами. Вольтат был искренне убежден, что произошло какое-то досадное недоразумение,— англичане же сами подстрекали Гитлера. Недоразумение следует рассеять и устранить. Ведь в тот же самый день, когда Прага стала немецкой провинцией, в Дюссельдорфе состоялось тайное совещание английских и немецких предпринимателей. Все шло как нельзя лучше — совещание единодушно решило уважать взаимные интересы. Больше того, представители делового мира обеих стран условились в случае чего обратиться к своим правительствам за поддержкой, на случай если кто-то третий попытается ставить палки в колеса и наносить ущерб объединенным интересам.

И вот на тебе, все рассыпалось! Теперь снова надо что-то предпринимать. Именно с этой целью, усевшись в тряское и неудобное такси, Вольтат ехал в душной, нагретой, как жаровня, машине на встречу с мистером Хадсоном.

Министериаль-директор вытер потную шею, расплатился на углу бульвара с шофером и направился к одноэтажному особняку, перед которым был разбит небольшой, тщательно подстриженный скверик. Местом для встречи Хадсон избрал частную квартиру.

Беседа с Хадсоном носила дружеский характер. Министр начал развивать идею англо-германского сотрудничества на мировых рынках, говорил о разграничении сфер интересов обеих стран, об устранении ненужной конкуренции. Вольтат обратил внимание, что министр во многом повторяет то, что говорили представители Федерации британских промышленников на совещании в Дюссельдорфе, он словно копировал их заявления.

— Мы с вами деловые люди,— доверительно сказал министр.— Что нам делить? Разве мир стал тесен?

Мистер Хадсон намекнул, что английское правительство пошло

бы на то, чтобы предоставить гарантированный заем Германии, ну, предположим, в миллиард фунтов стерлингов, конечно, если удастся договориться по другим вопросам.

От разговоров на политические темы Хадсон уклонился, но, как бы в нерешительности, спросил Вольтата, не желает ли он более обстоятельно поговорить об этом с советником британского премьера сэром Горацио Вильсоном.

«До чего же осторожны эти англичане!» — подумал Вольтат, прислушиваясь к журчащей речи британского министра. Он немного огорчился тем, что ему не удалось ничего выяснить о поездке мистера Хадсона в советскую столицу, но вообще-то, кажется, дело сдвинулось с мертвой точки. Значит, и Хадсон выполняет только роль норвежского китолова. А Горацио Вильсон — это уже фигура! Вольтат знал, какую роль сыграл он в мюнхенских переговорах.

Министериаль-директор осведомился, где и когда может произойти встреча.

— Хотя бы сегодня,— ответил Хадсон и добавил с улыбкой: — Надеюсь, вы не особенно огорчитесь, если пропустите вечернее заседание китоловов...

Вольтат сделал вид, что не понял намека, и простился с хозяином.

Едва проводив гостя, Хадсон снял трубку и позвонил сэру Горацио Вильсону. Вильсон поблагодарил Хадсона за услугу и тотчас же отправился в кабинет премьера. Обычно он заходил к нему без доклада.

Высокий худощавый старик с упрямым костистым лицом и пергаментной кожей, видимо, поджидал своего советника. Как только в дверях появился Вильсон, премьер вызвал секретаря и предупредил, чтобы его не отвлекали другими делами.

— Не принимайте никого,— медленно произнес он и подчеркнул это выразительным жестом.— К телефону пригласите меня только по зову его величества. Ступайте!

— Да, сэр! — секретарь поклонился и вышел.

Британский премьер-министр, сын достопочтенного Джозефа Чемберлена, только два года тому назад, уже на склоне лет, добился высокого поста, о котором мечтал на протяжении всей жизни. Но, в отличие от отца, он не проявлял ни талантов, ни способностей к государственной деятельности, был примитивен в политике, упрямо ограничен во взглядах и оставался на уровне высокомерного провинциального фабриканта. Только связи отца да положение в мире бирмингамских предпринимателей позволили ему всплыть на поверхность политической жизни Англии. Пост главного директора крупнейшего объединения военных заводов «Бирмингам смолл армз компани» открыл ему дорогу в правительство, заменил и широту ума и другие качества, необходимые для главы правительства.

Сэр Горацио Вильсон отлично знал недостатки премьера и, насколько возможно, пытался смягчить их. Порой это удавалось сделать, тем более что престарелый премьер отличался удивительной способностью подхватывать на лету чужие идеи и немедленно

выдавать за свои. Сэр Горацио Вильсон довольно умело пользовался этой привычкой премьера. Будто невзначай, он высказывал какую-то мысль, и вскоре она, как бумеранг, возвращалась к советнику в форме указаний премьера.

Так было и на сей раз. Сэр Горацио Вильсон и премьер-министр уже неоднократно возвращались к запутанной и сложной европейской проблеме. Теперь, когда появилась наконец возможность вновь начать переговоры с Германией, оставалось только сформулировать и принять окончательные решения. Подготовленный предыдущими беседами, Чемберлен напутствовал советника, давал инструкции, как вести себя с немецким посланцем. Он возвращал то, что взял, а Вильсон почтительно записывал указания премьера, хотя это было повторением его собственных мыслей. Прежде всего надо осторожно предложить немцам заключить широкое соглашение в области экономических, политических и военных проблем. Это укрепит империю и направит внимание Гитлера в другую сторону. Горацио Вильсону следует прояснить, как относятся немцы к идее заключить англо-германский пакт о ненападении и невмешательстве. В конечном счете такой пакт мог бы послужить отличной ширмой для разграничения сфер влияния между двумя странами.

Слова премьера лились медленно-медленно. Он словно размышлял вслух, откинувшись в кресле и заложив ногу за ногу. Глаза его были полуприкрыты. Казалось, что премьер дремлет.

— Я не удивляюсь,— говорил он,— что ликвидация Чехословакии вызвала в Англии раздражение. Но ведь, в конечном счете, чехи сами по себе не играют роли в большой политике. В мире есть кое-что поважнее. Заняв Прагу, Гитлер оказался значительно ближе к границам России...

Лицо премьера заметно оживилось. Он приоткрыл глаза.

— Надеюсь, вы понимаете, о чем я говорю?

— Да, конечно...

По ассоциации, которую нетрудно было проследить, премьер спросил:

— А как там у них на Буин-Норе, или как его, Халхин-Гол, что ли? Мне трудно запоминать эти названия... Японцы держатся?

— Да, сэр, но обстановка неясная. В таких случаях говорят — бои с переменным успехом. То японцев, то русских.

— Посмотрим. Распорядитесь, чтобы мне присылали всю информацию о ходе боев. Для нас это очень важно. Мы должны наконец знать, что такое Россия — колосс на глиняных или стальных ногах.

— Да, это важно, сэр, но если разрешите заметить, глина или сталь может повлиять лишь на нашу стратегию. Я думаю, у вас, господин премьер, не прибавится симпатии к большевикам оттого, что они стоят на ногах прочнее, чем мы думаем.

— Да, да. Вы правы, сэр... Однако вернемся к теме. Вы согласны, что попытка запугать Гитлера нашими переговорами с Москвой не дает ожидаемых результатов? — Вильсон кивнул утвердитель-

но.— Гитлер не стал сговорчивее. Может быть, он понял, что наше заигрывание с русскими просто блеф. Как вы думаете, сэр?

— Да, возможно. Пожалуй, теперь не стоит пользоваться этим козырем.

— Вот именно! Вы угадали мою мысль. Немцам надо прямо сказать об этом, подкупить их своей откровенностью. Переговоры с Москвой причиняют нам лишь дополнительные затруднения. Многие из англичан принимают их за чистую монету. Смотрите, какой шум поднимают газеты. Они недовольны, что переговоры затягиваются, что Чемберлен медлит...— На лице премьера мелькнула улыбка.— Я не медлил, когда было нужно. Помните, сэр, Мюнхен? В прошлом году. Я сам полетел к Гитлеру. Полетел самолетом, хотя за свои семьдесят лет ни разу не поднимался в воздух. Я предпочитаю дилижансы, старые, добрые дилижансы. Мой отец Джозеф Чемберлен никогда не пользовался другими видами транспорта, тем не менее он был великий деятель. Не так ли?

— Да, сэр, ваш отец был великий деятель...

— Благодарю вас. Вы же понимаете, что я не случайно отправил военную миссию в Москву товаро-пассажирским судном. Это мой дилижанс. Скорость не всегда бывает полезна... Кстати, распорядитесь, чтобы в Лондоне пошли слухи: русские, мол, сами затягивают переговоры. Немцам же следует намекнуть, что Англия не только не поддерживает Польшу в данцигском вопросе, но и тяготится гарантиями, которые пришлось дать в свое время полякам. Договор с Гитлером о ненападении и невмешательстве помог бы нам избавиться от ненужных гарантий. Вы согласны с этими мыслями?

— Да, сэр, я тоже так думаю.

— Прекрасно! Попытайтесь внушить все это господину Вольтату. В разговор вложите как можно больше сердечности. Вам это хорошо удается. Идите соберитесь с мыслями. Да благословит вас господь!

Сэр Невиль Чемберлен поднялся с кресла, дав понять, что беседа закончена. Он болезненно скривил пергаментное лицо — премьера мучила старая подагра.

V

Встреча с Вольтатом произошла вечером того же дня, здесь же, на Даунинг-стрит, в резиденции британского премьера.

Горацио Вильсон принял германского представителя в своем кабинете. Он вышел из-за письменного стола навстречу гостю, долго жал ему руку, радушно усадил в глубокое вольтеровское кресло и сам уселся напротив.

— Я очень рад, очень рад, господин Вольтат! Мы будем с вами большими друзьями! — Вильсон изобразил на лице сладостное удовлетворение встречей.

Он поднялся, перенес пепельницу на курительный столик и пододвинул коробку с сигарами.

Советник премьера спросил гостя, как понравился ему Лондон, хорошо ли чувствует себя здесь господин министериаль-директор, давно ли он видел господина Гитлера. В Мюнхене фюрер показался Вильсону несколько утомленным и нервным... Да, да, конечно... Высокая ответственность, государственные заботы неизбежно отражаются на здоровье. Таков удел великих людей...

Лицо Горацио Вильсона излучало столько обаятельной предупредительности, что ее хватило бы на всех участников любого раута по случаю бракосочетания британского короля. Так встречаются друзья после случайной размолвки, в трепетном ожидании задушевной беседы, в которой с взаимной осторожностью обходят подводные рифы минувших досадных недоразумений. Вольтат сразу понял, что разговор предстоит многообещающий и приятный.

— Я вам скажу,— Вильсон ласково дотронулся кончиками пальцев до колена гостя,— все мы, британцы, посчитали бы для себя прекраснейшим и незабвенным моментом в жизни, если бы фюрер с его величеством королем Георгом проехали бы вместе по Малл-стриту... Вы знаете Лондон? Малл-стрит ведет к Букингемскому дворцу, к резиденции британского короля. Мы все мечтаем, что господин Гитлер совершит официальный визит в Лондон... Это бы сразу разрядило политическую обстановку. Не правда ли?

Министериаль-директор вспомнил об инструкции больше слушать, чем говорить, и ответил дипломатической фразой:

— Да, конечно, это выглядело бы очень трогательно.

— Да, да! Именно трогательно! Их совместная поездка в карете в Букингемский дворец символизировала бы единодушие, взаимное понимание между нашими странами... Ведь мы, англичане, романтичные люди, привержены к старому, храним традиции. Вы знаете, на прием к королю у нас по-прежнему ездят только в карете и обязательно на лошадях. Никаких автомобилей! В автомобиле вас просто не допустят... Да, это наши чудачества. А встреча с фюрером так необходима... Но, к сожалению, приходится пока ограничиться такими встречами, как у нас. О, вы поймите меня правильно! Будем надеяться, что эта дружеская встреча поможет нам найти общий язык.

Горацио Вильсон осторожно подходил к основной теме беседы. Вольтат почувствовал это по тому, как едва уловимо изменилась интонация англичанина.

— Я очень внимательно прочитал речь фюрера,— продолжал Вильсон.— Я не обладаю искусством делать комплименты, но скажу, что речь просто взволновала меня. Будем откровенны,— советник понизил голос, подчеркивая конфиденциальность того, что собирается сообщить.— В речи фюрера заложена серьезная основа для широких переговоров. Мы могли бы договориться о многом в том аспекте, как предусматривает господин Гитлер.

Советник британского премьера высказывал свои мысли так, будто бы они только сейчас приходили ему в голову. Под конец сказал:

— Я хочу быть до конца откровенным. У нас не должно быть

секретов. Заключение пакта о невмешательстве дало бы нам возможность освободиться от обязательств по отношению к Польше. Помогите нам в этом. Англо-германский пакт мог бы, так сказать, химически растворить данцигскую проблему. Разве не выгодно господину Гитлеру получить свободу рук на востоке? Как это называется по-немецки? Есть такой термин у автомобилистов...

— Фрайе фарт,— подсказал Вольтат.

— Да, да! Фрайе фарт — свободная езда без ограничений... Скажу даже больше, но это уж совсем конфиденциально,— рука англичанина еще раз мягко коснулась колена Вольтата.— В феврале британский кабинет решил вернуть Германии некоторые ее колонии. Вы можете сообщить об этом господину Гитлеру. Речь может идти об африканской территории вдоль экватора, до самого Мозамбика. На север она протянется до пятого градуса. Вы представляете, как выглядит все на карте? Разве это не доказательство того, что мы стремимся к тесному сотрудничеству с вами?

Изобразив легкое утомление, Вильсон откинулся в кресле и на мгновение будто прикрыл глаза. Он наблюдал, какое впечатление произвели его слова на министериаль-директора. Но Вольтат был невозмутим.

— Вот все, что я хотел вам сказать,— продолжал Вильсон.— У меня нет перед вами тайн. Конечно, я обязан предупредить, что общественное мнение Англии против сближения с вами, поэтому переговоры нужно вести в абсолютной тайне. Учтите и еще одно обстоятельство — у нас предстоят парламентские выборы. Мы должны быть вдвойне осторожны.

Вильсон хотел сказать, что завидует фюреру, которому удалось так быстро угомонить левые безответственные элементы, но удержался.

Вольтат спросил:

— Вы думали над тем, какие вопросы следовало бы обсудить на предварительном совещании?

Вместо ответа Вильсон поднялся с кресла, взял с письменного стола лист бумаги и поставил внизу свою подпись.

— Возьмите это, господин Вольтат! Передайте господину Гитлеру. Он может собственной рукой написать здесь любую повестку. Я подписываю заранее.

До сих пор министериаль-директор только слушал, запоминал. Теперь он решил выяснить еще одно.

— Скажите, вы излагали только вашу личную точку зрения? Могу я предполагать, что она не расходится с мнением других официальных лиц Англии? Это крайне важно для моей информации в Берлине.

— Вас удовлетворит,— горячо ответил Вильсон,— если я с той же откровенностью сообщу, что сэр Невиль Чемберлен полностью разделяет мои мысли. Вы немедленно можете убедиться в этом. Кабинет премьера находится рядом. Идемте! Он сам подтвердит мои слова.

Горацио Вильсон жестом предложил Вольтату последовать за собой.

Под благовидным предлогом Вольтат отказался от встречи с премьер-министром. Беседа приобрела бы официальный характер. Министериаль-директор поблагодарил за беседу и распрощался с Горацио Вильсоном.

Советник премьера в раздумье остановился посреди комнаты. Его пальцы нервно барабанили по краю стола, на холеном лице еще бродила вежливая, предупредительная улыбка, но мысли уже приняли другое направление. Ему так и не удалось выяснить настроение немцев. Из этого тугодума Вольтата не выжмешь ни слова... Глядит, как бык! Улыбка погасла. Лицо стало холодным, озабоченным. В политической обстановке все еще много неясного.

VI

С Даунинг-стрит Вольтат возвратился в посольство, чтобы информировать фон Дирксена о беседе. Он старался не пропустить ни одной детали из разговора. В итоге решили, что министериаль-директор немедленно возвратится в Берлин и лично доложит об английских предложениях. Самолет на Берлин уходил в восемь часов утра.

Проводив министериаль-директора, фон Дирксен вызвал стенографистку и продиктовал краткую справку о беседе господина Вольтата с сэром Горацио Вильсоном.

Девушка работала быстро, сосредоточенно, с невозмутимостью автомата. Когда посол задумывался над фразой, она глядела прямо перед собой, не поворачивая головы и не выказывая ни малейшего нетерпения.

Белокурую секретаршу недавно прислали из Берлина, и фон Дирксен знал только, что зовут ее фрейлейн Люция, по фамилии Киршмайер. Посол ею доволен. Она могла бы быть идеальной сотрудницей, вот только ее внешность... Худая, угловатая, с маленьким, недоразвитым подбородком, она производила впечатление птицы, сидящей на жердочке. Люция непрестанно подтягивала нижнюю губу, и поэтому казалось, будто секретарша постоянно досасывает леденец.

И потом еще ноги. Почему у нее такие огромные ноги? В Токио едва ли найдется ее размер даже в мужском обувном магазине.

Дирксен попросил секретаршу срочно расшифровать запись. Он предупредил, что будет ждать здесь, в кабинете.

Девушка вышла. Он принялся за работу, но почувствовал большую усталость. С утра посол занимался делами. Лучше пойти отдохнуть. Задерживала нерасшифрованная стенограмма. Дипломат положил руки на подлокотник кресла, прислонил голову к резной спинке и застыл в такой позе.

Герберт фон Дирксен принадлежал к аристократическому роду крупных земельных магнатов Германии. Родственные узы связы-

вали его с банкирским домом Штейна, а мать происходила из семьи рурских промышленников-монополистов. Многие усматривали даже внешнее сходство фон Дирксена с его кузеном Георгом фон Шницлером — директором химического концерна «ИГ Фарбениндустри». Считали, что у него такие же широкие, полукруглые брови, печальные глаза и большие, как у всех Шницлеров, уши с широкими мочками. Фон Дирксен не находил этого, но всегда гордился связями с семейством Шницлеров.

Дирксену было под пятьдесят, когда он получил предложение заменить Риббентропа и сделаться послом в Англии. Это было всего с год тому назад, но Дирксен уже сумел достаточно хорошо разобраться в европейской ситуации. Вообще-то говоря, Герберт фон Дирксен слыл знатоком русского вопроса. Еще во время гражданской войны в России, в 1918 году, ему пришлось представлять германские интересы на Украине при гетмане Скоропадском. Тогда, в Киеве, он отлично справился с деликатным поручением выдвинуть немецкого агента в гетманы. К сожалению, в гетманах Скоропадский проходил очень недолго. Потом — это было незначительно позже — Дирксен пять лет состоял германским послом в Москве. Ему и тогда удалось неплохо наладить информацию из России. На дипломата должны были работать чуть ли не пять тысяч немецких специалистов, приглашенных большевиками. К нему в посольство на Леонтьевский переулок стекалась информация с разных концов России.

Потом пришлось уехать в Японию. Дирксен стал специалистом по Дальнему Востоку. В конце концов, там он не только коллекционировал японские безделушки... А теперь получил новую специальность — знатока Центральной Европы. В дипломатии надо быть мастером на все руки.

Представитель старой немецкой дипломатической школы, посол считал, что отношения людей всюду должны зиждиться на дипломатической основе. Иначе разве мог бы он, Герберт фон Дирксен, так долго преуспевать и продвигаться по иерархической лестнице! Он служил при его величестве императоре Вильгельме Втором, сохранил положение в годы Веймарской республики и преуспевает при Гитлере. Конечно, посол не во всем согласен с нацистами, так же как в чем-то он не был согласен и с Веймарской республикой. Но разве это имеет значение для дипломата? Дирксен, например, обязательно сменил бы эти безвкусные ковры с изображением свастики, эти громоздкие кожаные диваны и шкафы красного дерева, похожие на крестьянские сундуки. Разве это обстановка для посольства в Лондоне! Но таков стиль. Риббентроп сказал, что за границей должны привыкать к немецкому стилю — добротному, прочному, на века. Ну и пусть, стоит ли по этому поводу спорить...

В кабинет вошла фрейлейн Люция, принесла текст записи. Дирксен вычитал первый экземпляр, сделал несколько исправлений и поручил срочно, дипломатической почтой, отправить в Берлин.

Оставшись один, посол удовлетворенно потянулся. Он любил эти поздние часы, когда закончены все дела и можно принадлежать самому себе. Дирксен подошел к тяжелому стальному сейфу, стоявшему в углу кабинета. Он вынул папку с надписью «Английские предложения» и аккуратно подколол в нее копию только что продиктованной записки.

«Коллекция пополняется!» — усмехнулся посол. Он начал перелистывать страницы досье.

Знакомые лица! Действительно, целая коллекция сокровенных мыслей британских дипломатов! Такой коллекцией можно гордиться. Кто-то сказал, что дипломатам язык нужен для того, чтобы скрывать свои мысли. Это не совсем точно. Свои мысли они скрывают на конференции, в официальных беседах, но не в кабинетах за двойными, звуконепроницаемыми дверями. В том и ценность коллекции, что здесь, в этой папке, собраны те мысли людей, которых они ни за что не выскажут вслух при посторонних.

Вот лорд Галифакс. Британский министр иностранных дел. Он, точно коммивояжер, курсирует между Лондоном и Берлином. Это фигура ясная. Лорд не меняет взглядов, он целиком на позиции клайвинской группы. Друг леди Астор, русофоб до мозга костей. А как рассыпается лорд в комплиментах фюреру! Будто собирается наниматься в заместители к Риббентропу...

Дирксен остановился на записи беседы Гитлера с Галифаксом и прочитал: «Я целиком и полностью признаю ваши великие заслуги, фюрер, в деле восстановления Германии. Вы достигли многого не только в самой Германии, но, в результате уничтожения коммунизма в своей стране, преградили ему путь в Западную Европу. Германия по праву может считаться бастионом Запада против большевизма».

А вот еще: «Многие из социальных реформ господина Гитлера носят характер высокодемократический, невзирая на то, что в них совершенно игнорируется свобода мысли, слова и действия. Они осуществляются в целях высших идеалов цивилизации и гуманности».

Неплохо! Говорит как заправский наци!

Посол перевернул еще несколько страниц. Лорд Лотиан. Теперь он посол в Вашингтоне. Старая запись. Как она попала сюда? Но это интересно: «Германская армия в любой момент может прорвать ряды русской армии с такой же легкостью, как нож режет масло».

«Где он говорил это? Ну да, в Берлине на совещании. Хотят стравить нас с русскими, чтобы загребать жар чужими руками. Старая британская политика!»

Дирксен незаметно увлекся чтением коллекционируемых материалов. Иные записи он едва пробегал глазами, на других задерживал свое внимание. Постепенно у него сложилась мысль, что неплохо было бы подготовить обзорную записку для Берлина. Сейчас крайне важно предусмотреть, как будут вести себя англичане в предстоящих событиях. От этого будет зависеть, удастся ли фюреру осуществить свои планы в отношении Польши.

Посол остановился на фамилии Кренфильда. Кто такой Кренфильд? Ах да! Как же он запамятовал! Редактор «Дейли мейл». Тот, кто присылает в немецкое посольство гранки статей, перед тем как напечатать их в своей газете. Этого можно использовать. Деньги получает не даром. Нужно проверить, когда в последний раз ему давали объявления в «Дейли мейл». Это самый удобный способ рассчитываться за услуги. Многие газеты только и живут доходами от объявлений.

К письму редактора были приколоты гранки статьи виконта Ротермира с заголовком «Нам нет дела до чехословаков». Посол прочитал несколько фраз:

«До Чехословакии нам нет никакого дела. Если Франции угодно жечь себе там пальцы, то это ее дело... Чехословацкое государство, созданное недальновидными договорами восемнадцать лет тому назад... С приходом к власти национал-социалистского правительства, под руководством этой партии Германия сама найдет способ немедленно исправить вопиющую несправедливость... В результате таких событий Чехословакия может в одну ночь прекратить свое существование».

Так оно и получилось! Дирксен с удовлетворением вспомнил, что эта статья, инспирированная им, произвела большое впечатление и показала, что англичане не намерены были вмешиваться в конфликт с Чехословакией. Тогда Дирксен получил благодарность от Риббентропа. Правда, появление статьи стоило немало денег — пришлось опубликовать в «Дейли мейл» кучу ненужных объявлений, но игра стоила свеч. Сейчас Ротермир стал еще более крупной фигурой — он не только глава английского газетного треста, его назначили начальником отдела печати британского министерства информации. В таком учреждении неплохо иметь своего человека. Надо учесть это. То же самое Ротермир может написать и о Данциге. Как полезно иногда просматривать архивы!

Посол сделал пометку в блокноте и перелистал еще несколько страниц. Вот беседа Черчилля. Ее прислали Дирксену для информации. Любопытно, какими путями она попала в германскую разведку? Это собственноручная запись Черчилля о его беседе с данцигским руководителем нацистской партии Ферстером.

Посол Дирксен считал Черчилля самой непонятной фигурой в своей коллекции. «Хитрая лиса! Стоит в оппозиции к Чемберлену, выступает против Германии, а думает как-то иначе. Он тоже спит и видит, чтобы стравить нас с русскими». Фон Дирксен остановился на фразе, подчеркнутой синим карандашом:

«Я сказал Ферстеру, что было бы вполне возможным включить в общеевропейское соглашение пункт, обязывающий Англию и Францию прийти Германии на помощь всеми своими силами в случае, если бы она явилась жертвой неспровоцированного нападения со стороны России, через Чехословакию или каким-либо иным образом».

Конец фразы был подчеркнут дважды.

«Ловок и осторожен,— продолжал размышлять Дирксен.— Но почему он так активно выступает сейчас против сближения с нами? Впрочем, он выступал и против мюнхенского соглашения, хотя его мысли были другие. Надо их освежить в памяти. Ну да, конечно!» Посол прочитал несколько строк: «Плохо, что Советский Союз не был брошен на чашу весов в нашем споре с Германией». «Интересно, что он подразумевает под этим?»

Дирксен закрыл папку и положил в сейф. Посол был осторожен. Он тщательно проверил замки сейфа, потом взял оригинал стенограммы, оставленный секретаршей, и подошел к камину. Полка камина, облицованного розовым мрамором, была уставлена изящными резными фигурками. Посол любил эти японские безделушки. Он считал себя знатоком древнего японского искусства. Коллекцией восточных статуэток фон Дирксен гордился не меньше, чем личным досье, в котором собирал наиболее важные документы.

Листки стенограммы, брошенные в камин, горели желтым пламенем. Дирксен переворошил щипцами остывающий, еще багровый пепел и взял с камина любимое изображение будды — Сиддхартхи. Эту статуэтку он совершенно случайно купил у бродячего торговца в Токио. Посол любовался тонкими линиями резной фигурки. Как великолепно передал неизвестный резчик по дереву выражение лица будды, полное неразгаданной тайны и вечной мудрости! Статуэтка возвратила мысли фон Дирксена к папке, запертой в сейфе. Черчилль!.. Странная и не разгаданная до конца фигура. Мудрости, тем более вечной, в нем мало, но он чем-то напоминает божка, который стоит рядом с изображением Окитошвара — толстенький, с непонятной улыбкой. Да, улыбка непонятная, как у Черчилля. Она может таить и добродушие, и коварство.

— Коварство! — вслух сказал Дирксен.— В нашем деле добродушия не бывает...

Он поставил на место резную статуэтку, погасил свет и вышел из кабинета. Его квартира находилась здесь же, в посольстве.

ГЛАВА ВТОРАЯ

I

Давно не переживала старая добрая Англия такого всеобщего возбуждения, как в это памятное знойное лето. Споры возникали повсюду — в парламенте и в омнибусах, за обеденным столом в жилищах докеров и в кабинетах министров. До выборов оставалось еще несколько месяцев, их предполагали провести в ноябре, но сейчас спорили так, будто вся страна превратилась в дискуссионный клуб или в футбольный стадион в перерывах между двумя таймами, когда, как известно, особенно разгораются страсти.

Полли Крошоу, хлопотливая и вечно озабоченная жена докера Джона, только в трех случаях признавала за мужчинами право

волноваться и спорить — на бегах, во время выборов и на футболе. Тогда еще куда ни шло! Но так, как сейчас, изо дня в день, это совершенно невероятно! Даже в уик-энд, в то время, когда следовало бы спокойно наслаждаться природой, уезжать за город, ловить, наконец, рыбу или просто отдыхать, предаваясь воскресному безделью,— вместо этого мужчины только и знают, что спорят и возмущаются, причем больше возмущаются, чем спорят.

Полли стояла в крохотной кухоньке и гладила сорочку мужу,— может, удастся сходить в кино и немного погулять в парке. Она болтала с соседкой Парсонс, которая забежала к ней на минутку за кофейной мельницей, да так и застряла.

Вот, извольте радоваться, полюбуйтесь на ее Джона! Крошоу отставила утюг и посмотрела в окно, выходившее на улицу. С раннего утра сидит на крыльце и разглагольствует с Вильямом, будто он министр иностранных дел! Полли просто обиделась на него сегодня. Ну как же, приготовила на завтрак яичницу с ветчиной, поджарила хлеб как раз так, как он любит,— цвета незрелого каштана,— а Джон не доел, все бросил и с газетой побежал к Вильяму. Не каждый-то день она может баловать мужа таким блюдом. Они не родились с серебряной ложкой во рту, надо самим добывать себе пропитание. Дети растут, и крутиться приходится, как белке в колесе. Теперь Роберт собрался жениться, все нужно обдумать, а Джону и горя мало. Данциг ему важнее! Подумаешь, Данциг! Полли даже не знает толком, где находится этот Данциг... Нет, может быть, и правда, есть такие кометы... Когда они приближаются к земле, люди становятся возбужденными, нервными.

— А твой Роберт решил жениться на Кэт? — спросила Парсонс.

— Да, она хорошая девушка. Жаль только, что Роберт собирается уходить от нас. По-своему он тоже прав. Смотри, в какой тесноте мы живем. Но сейчас, кажется, и Роберту не до женитьбы,— женщина засмеялась.— Спорит, как и отец. Ну конечно, Гитлер на себя очень много берет. Пора бы ему дать по рукам. Джон в этом отношении прав. Сначала Австрия, потом Прага, теперь Данциг. Дай ему волю — он захочет и еще что-нибудь. Вконец избалуется...

Жене докера немецкий фюрер представлялся невоспитанным, балованным подростком, как старший сын у Кларков. Вчера миссис Кларк заходила сама, говорила, что парень совсем было отбился от рук, сладу никакого с ним не было, пока отец не приструнил как следует. Теперь немного взялся за ум. Кларки собираются отправить его к дяде в Коломбо. Для них это единственный выход. Как-никак семья в шесть человек и один работник. Все лишним ртом меньше. Но не у всех есть дяди в колониях. Роберту тоже следовало бы поехать в Индию. Ему даже место предлагали на чайных плантациях — у Липтона. Но там такой климат, что мальчику будет трудно, Полли даже отчасти довольна, что поездка расстроилась из-за женитьбы. Как-то они будут жить? И время такое тревожное. Что только этому Гитлеру нужно? Лезет и лезет...

Женщины и сами не заметили, как перевели разговор на события, которые так взволнованно обсуждали на крыльце двое мужчин.

— Я бы этому писаке запретил работать в газетах! — тем временем с возмущением говорил Джон Крошоу.— Дать ему в руки скребок — пусть чистит от ракушек корабельные днища в доке. Да не пароход, а самую что ни на есть старую баржу на Темзе! Видал? «Зачем умирать за Данциг?» — Докер прочитал заголовок статьи и сжал газету так, словно за рукав тащил автора статьи работать в доке.

У Джона были крупные, мускулистые руки с пожелтевшими от сигарет кончиками пальцев. Казалось, что они всегда были измазаны йодом.

— Тебе кладут под зад динамитную шашку,— продолжал он,— она уже дымится, а находятся джентльмены, которые спрашивают, стоит ли ее убирать или нет. То же самое с Данцигом. Нет, если Чемберлен хочет оставаться премьером, пусть скажет Гитлеру — баста! Иначе я голосовать за него не стану, будь уверен, Билль!

В их избирательном округе баллотировался другой кандидат, тоже консерватор, но Джону казалось, что голосовал он именно за Чемберлена, который не оправдал сейчас его доверия. Джон затянулся остатком сигареты и хотел бросить его в сторону. Окурок прилип к большому пальцу, оставался только огонек с горошину и размокшая бумага. Крошоу сердито, щелчком, отбросил окурок в кусты.

— А я что тебе говорил в прошлом году на этом самом крыльце? В Мюнхене Гитлеру дали палец — он отхватил всю руку.

Джон хорошо помнил тот разговор. Вильям, пожалуй, прав, но соглашаться с ним не хотелось.

— Тогда иное дело. Нужно было попробовать. Все говорили: раз в Судетах живут немцы, пусть сами решают, где им быть — с чехами или с немцами. Это нас не касалось.

Джон, как и Вильям, сидел без пиджака, в подтяжках, с засученными рукавами нижней рубашки. Оба они жили в одном доме, старом и длинном, как пакгауз. Здесь арендовали квартирки, знали друг друга с детства, вместе работали в доках, дружили всю жизнь, но характером были разные и неизменно о чем-нибудь спорили. Они спорили и пререкались, даже играя в карты, хотя всегда выступали в паре и не садились за стол один без другого.

Внешне они тоже были совершенно разные. Джон — плотный, широкий. Сквозь поредевшие волосы спереди у него просвечивала лысина, и от этого лоб казался очень большим, занимал чуть не половину лица. Вильям, наоборот, был худощавым, жилистым, с густейшими жесткими волосами и тонкими, насмешливыми губами.

Оба они не принадлежали ни к какой партии, но Джон предпочитал читать лейбористскую газету «Дейли геральд», а Вильям, кроме того, заглядывал иногда и в коммунистическую «Дейли уоркер».

— В Данциге тоже немцы, как и в Судетах,— ответил Вильям.— Чего же ты теперь возмущаешься? Не сходятся у тебя концы с концами...

Джон еще не придумал, что ответить приятелю, когда внимание их привлекла легковая машина, остановившаяся в конце улицы. Из нее вышли двое. Один был в дорожном макинтоше, с массивной коричневой тростью в руке — под стать его солидной фигуре. Другой более молодой и значительно выше ростом. На нем были брюки гольф и легкий джемпер, который он носил без пиджака. Оба медленно шли по тротуару, приближаясь к крыльцу, а машина поодаль двигалась сзади.

Незнакомцы подошли и поклонились.

— Отдыхаете? — спросил тот, что был с тростью. Он вежливо приподнял шляпу.

— Больше спорим, чем отдыхаем. Теперь все спорят — и все без толку.

Вильям достал сигареты, одну протянул Джону. Тот все еще не нашелся что ответить по поводу Данцига и поэтому дулся. С ленивой снисходительностью принял сигарету из рук приятеля.

— О чем же вы спорите?

— Конечно, не об успехах команды «Челси». Теперь другой футбол затевается. Говорят, что наш премьер хороший вратарь. В Мюнхене сам пропустил мяч, понадеялся, что немцы будут играть теперь на другом конце поля — на востоке, а мяч опять у наших ворот. Гитлер собирается бить пенальти, теперь уже Данцигом.

— Любопытное сравнение! Видите ли, нас этот вопрос как раз и интересует. Мы знакомимся с настроениями избирателей.

Член парламента лорд Эмерли возвращался из избирательного округа, где снова предполагал выставить свою кандидатуру. По дороге он решил завернуть в рабочий поселок, чтобы еще раз проверить свои наблюдения. Здесь Эмерли решил не называть фамилии — так будет лучше. Эти двое рабочих, сидящие на крыльце, скорее выскажут откровенное мнение. Секретарь лорда Эмерли, высокий молодой человек, не вмешивался в разговор. Молчал и Джон. Он предпочитал спорить в своем кругу. К тому же Вильям острее его на язык, пусть и занимается с этим джентльменом. Вилли не полезет в карман за словом!

— Учитываете общественное мнение? — иронически спросил Вильям.

— Совершенно верно! Так что же вы думаете о Данциге?

— То же, что и о Мюнхене. Становится стыдно за наше правительство.

— Но ведь это лучше, чем война!

— Война? Я три года воевал с бошами. Знаю, что это такое. Только мне думается, что на крепкий сук нужен острый топор, вот и все. Если как следует цыкнуть на Гитлера, можно обойтись без войны. Во всяком случае, говоря начистоту, русские были правы, а мы — нет.

— Простите, но в чем же русские были правы, когда они предлагали защищать чехов? Разве худой мир не лучше доброй ссоры?

Вместо ответа Вильям сам задал вопрос:

— Может быть, вы скажете сами, почему мы до сих пор водим русских за нос?

— То есть как?

— А так. В Москве сколько месяцев идут переговоры? А толку вот! — Вильям показал кончик ногтя.— Сейчас кого послали в Москву заключать военное соглашение? Коменданта плимутского порта, отставного служаку. А у русских Ворошилов ведет переговоры. Да и ехала наша делегация в Москву без малого две недели. Дали ей что ни на есть самую тихоходную баржу. Думаете, русские — дураки, не понимают? Они посмотрят, посмотрят да плюнут, поверьте моему слову!

— Да, но переговоры зависят не только от нас. От русских тоже... Простите, ваша профессия?

— Докер.

— Вот видите! — сказал Эмерли, словно обрадовавшись внезапному доводу.— Дипломатия — это не погрузка в порту. Я бы сказал, профессия более тяжелая, чем ваша.

Вильям вдруг обозлился на этого человека с тростью и выпирающим брюшком. «Раз докер — значит, дерьмо, ничего не понимает...»

— Действительно, в дипломатических тонкостях мы не разбираемся,— Вильям иронически скривил губы,— но скажу вам, что с нашими дипломатами каши не сваришь. Они, простите, клистирной трубкой хотят тушить пожар...

— Но зачем же так резко? — Лорда Эмерли покоробила грубость докера, который не оставлял раздражающего, иронического тона.— А ваш коллега думает так же?

Джон чертил прутиком на земле какой-то замысловатый узор. Он поднял голову, встретился глазами с приятелем и ухмыльнулся,— так он улыбался ему за игрой в карты, поняв, с какой масти нужно ходить.

— Я тоже не дипломат. Знаю только, что за Чемберлена теперь голосовать не буду. Пусть вот этот за него голосует,— Джон ткнул пальцем в газету,— который про Данциг пишет. У нас в Глазго так говорят: «Не надо изображать из себя гусака». Это значит, что не следует человеку попадать в дурацкое положение. Я говорю про нашего премьер-министра...

Эмерли поторапливался в Лондон. Нового ничего нет. Пора ехать.

Когда сели в машину и шофер стал разворачиваться на узенькой улочке, вымощенной брусчаткой, секретарь спросил:

— Вы хотели заехать куда-то еще?

— Нет, везде одно и то же. Главное, что в одних и тех же выражениях. А этот докер с насмешливым лицом хотя и примитивно, но с убеждением высказывает общую точку зрения.

Для себя лорд отметил: с программой умиротворения Гитлера

на выборах выступать нельзя, избирательная программа должна быть иная.

Шофер вывел машину на шоссейную дорогу. Отсюда можно было ехать к побережью, в имение Эмерли, либо налево — в Лондон.

— Куда прикажете, сэр?

— В Лондон.

— Да, сэр...

Набирая скорость, машина мягко катилась по асфальтовой глади. За стеклом поплыли знакомые пейзажи — вересковая пустошь с отарой овец, сгрудившихся на берегу ручья, руины старого замка на холме, вековые дубы и зеленый буковый лес в стороне от дороги. Картины, мелькавшие за окном, будто сошли с полотен старых художников. Все это было столь знакомо, так привычно с раннего детства, что Эмерли не обращал внимания на дорогу.

Лорд посмотрел на часы — без пяти три. Он еще успеет переодеться и немного отдохнуть с дороги. Лорд Черчилль пригласил его к вечернему чаю,— значит, в пять. По вечернему чаю или ленчу можно проверять часы. Ровно в пять вся Англия садится за чайные столики.

Несведущему человеку могло показаться странным, что в разгар лета, тем более в воскресенье, лорд Эмерли должен ехать на файф-о-клок в душный, задыхающийся от зноя Лондон. Но время было тревожное, со дня на день ждали серьезных событий. Поэтому Черчилль, как и многие члены парламента, не говоря уже о министрах, проводил летние каникулы в городе.

Лорд Эмерли погрузился в раздумье. Он откинул голову на спинку сиденья и казался спящим. Секретарь так и подумал, покосившись на своего шефа. Ни одно движение бровей, опущенных уголков рта не выдавало его мыслей. Какие бы чувства ни охватывали лорда, будь это в разговоре с детьми или на парламентской трибуне, лицо его оставалось бесстрастным. А улыбка рождалась почти механически именно в тот момент, когда этого требовали обстоятельства. Лорд улыбался только нижней частью лица.

Опытный парламентарий, каким считал себя лорд Эмерли, был откровенен только наедине с собой. Мысли его перескакивали с одного на другое, но главным образом вращались вокруг наиболее важных международных событий. По дороге в Лондон Эмерли раздумывал о предстоящей встрече. Она имела прямое отношение к тому, что происходит в мире.

«Парламентские каникулы заканчиваются в пятницу. Предстоят дебаты по международным вопросам. Нужно подготовить запрос, который застал бы премьера врасплох. Черчилль мастер на такие номера. С ним следует посоветоваться... Как сказал этот докер о футбольном матче?.. Премьер оказался плохим вратарем, сам забил гол в свои ворота. И потом еще — на крепкий сук нужен острый топор. Удачно сказано! Можно использовать в своем выступлении... Но как сложна политическая ситуация! Нет, с мюнхенской политикой умиротворения нечего и думать выходить на

выборы. Не соберешь и десяти процентов голосов. Коммунисты укрепляют влияние. Нужно придумать иной ход». Это тоже одна из причин поездки к Черчиллю. Старик обещал посвятить его в свои планы. Вот у кого есть опыт плести интриги! Паук-шелкопряд!..

Машина въехала в город со стороны Ист-Энда, заселенного лондонской беднотой, замелькали каменные одноэтажные домики, белье, развешанное на веревках, закопченные заборы, чахлые, пыльные деревья, выросшие неведомо как в этих трущобах. Лорд Эмерли на мгновение открыл глаза и продолжал думать.

«Конечно, Чемберлен по-своему прав, Россия представляет собой огромную опасность, но зачем давать возможность укрепляться Гитлеру? Это совсем неразумно! Черчилль действует тоньше и дальновиднее. Разве у нас самих нет интересов в России? Баку, например. Акции Нобеля до сих пор замороженными лежат в банке Шредера. Действительно, нефть — кровь земли. Дорого бы он, лорд Эмерли, дал, чтобы отогреть, вернуть к жизни пакет этих акций! А медь? Свинец? А русская Средняя Азия? Северный лес? Зачем отдавать это Гитлеру? В Европе должно быть равновесие сил, равновесие в пользу Британии. Конечно, фюрер служит отличным барьером, который предохраняет от распространения большевизма в Европе, Гитлер может быть крепким тираном, чтобы пробить брешь в Россию,— но и только Гитлера самого нужно держать в узде, иначе мы останемся при разбитом корыте... Как сказал докер: «...водим русских за нос...» Не так-то просто водить их! А с докером придется считаться, это голос на выборах. Голос с интонацией коммунистов. Нужно отдать справедливость — Гитлер сумел зажать рот красным. В Англии это сложнее».

II

Без семи минут пять машина лорда Эмерли остановилась у подъезда старого лондонского особняка семьи Черчиллей. Прежде чем выйти из машины, Эмерли снял пробирку с цветами, прикрепленную металлическими зажимами на стенке кабины. Член парламента выбрал гвоздику, показавшуюся ему наиболее свежей, вытер платком мокрый стебель и приколол цветок. Это был его стиль — во все времена года белая гвоздика в петлице, в меру крупная и обязательно свежая.

Лорд Эмерли рассчитывал задержаться у Черчилля. Он предполагал встретить здесь изысканное общество и поэтому немало был удивлен, когда камердинер проводил гостя в кабинет Черчилля. Хозяин встретил Эмерли в просторной пижаме табачного цвета, испещренной застежками-молниями такого же зеленоватого цвета. В зубах он держал неизменную сигару и, не выпуская ее изо рта, пошел навстречу гостю.

— Я очень рад видеть вас, дорогой Эмерли! — воскликнул Черчилль, намереваясь обнять гостя.— Вы, как всегда, в полном блеске и с гвоздикой в петлице... Не бойтесь, не бойтесь, не изомну

ваш цветок! У политика хоть в петлице должно быть что-то чистое и непорочное. С вами, лорд, я могу быть циником!

Лорд Эмерли был лет на пятнадцать моложе Черчилля, но их связывала тесная дружба, которая возникает порой между людьми совершенно различного возраста. К тому же они находились в каком-то дальнем родстве. Во всяком случае, лорд Эмерли считал, что он, как и Черчилль, происходит из старинного рода герцогов Мальборо, по материнской линии.

Несмотря на обоюдную радушную встречу, Эмерли все же был немало шокирован. Уинстон всегда оригинальничает. Являться на файф-о-клок в пижаме! Пусть даже дома... Да и пижама у него необычайно странного цвета — как сигара. Он, вероятно, и спит с сигарой...

— Ну, рассказывайте,— продолжал между тем Черчилль, усаживая гостя напротив себя.— Я поджидал вас и поэтому никого больше не пригласил. Давайте начнем.

Он уселся в гнутой венской качалке и с интересом слушал рассказ Эмерли о поездке в избирательный округ. Черчилль сидел, положив на подлокотники обе руки, сидел плотно, приземисто, заполнив своей массивной фигурой все кресло. Сейчас он походил на позеленевший валун, вросший в землю.

— Я давно не видел такого возбуждения в Англии,— говорил Эмерли.— Должен сказать, что настроение избирателей явно не в пользу премьер-министра. Чемберлен терпит фиаско в своей политике. Симпатии безусловно на стороне тех, кто предлагает бескомпромиссные и решительные действия против Гитлера.

— Я уже учел это, мой дорогой лорд,— ответил Черчилль. Голос у него был густой, говорил он растягивая слова, которые резонировали, словно в пустом бетонном колодце.— Я учел это. Пусть премьер выступает на выборах с политикой умиротворения. Как раз поэтому наши лозунги будут диаметрально противоположными. Посмотрим, кто кого! К одной цели можно идти разными путями. Если нужно, то на выборах следует потакать избирателям, высказывать их мысли. Позже это окупится. Главное — прийти к власти. Мне нужна власть!

Черчилль поднял руку с подлокотника качалки и опустил тяжелый кулак на стол. В дверях появился слуга с чаем и коньяком на подносе. Хозяин переждал, когда слуга покинет кабинет. Сжатый кулак так и остался лежать на столе.

— Мне нужна власть! — повторил он. Лицо его приобрело хищное выражение.— Я тридцать три года назад впервые начал министерскую карьеру, возглавлял семь министерств и ни разу не был премьер-министром. Я хочу быть им и буду! Я верну Британии минувшую славу.— Кулак снова энергично опустился на стол. Успокаиваясь, он спросил: — А как относятся к русским?

— Я говорил с докерами. Они несколько прямолинейны в своих суждениях. Считают, что русские занимают более верную позицию по отношению к Гитлеру. Чемберлена называют неудачливым

вратарем, который сам забивает мячи в британские ворота. Все крайне недовольны затяжным ходом московских переговоров.

Черчилль забарабанил пальцами по столу. Он сказал после раздумья:

— Это наиболее сложный вопрос. Удивительно, откуда просачиваются русофильские настроения в Англию! Так будет до тех пор, пока существуют Советы. Их надо стереть с политической карты мира. Кстати, вы читали последнее донесение из Германии? Я распорядился послать его вам. Э-э-э... как его?..— Черчилль щелкнул пальцами, вспоминая кличку осведомителя. Но так и не вспомнил и назвал по фамилии: — Гизевиус.

Эмерли подсказал:

— Номер тридцать один, кличка «Валет».

— Совершенно верно! Наш козырь в Германии. Вы обратили внимание, что сообщает он по поводу настроений в немецких деловых и военных кругах? Они поддерживают Гитлера в его политике «дранг нах остен» — движения на восток. Нас это устраивает. Военную оппозицию против фюрера придется опять законсервировать, как перед Мюнхеном. Я дал указания не отвечать на запрос Гизевиуса. Предоставим развиваться событиям самим по себе. От Данцига до Москвы ближе, чем до Берлина. Поверьте, Гитлер не остановится на полпути. Его военная машина имеет огромную инерцию, стоит только двинуть. Не будем мешать Гитлеру, пусть лезет себе на восток, и чем дальше, тем лучше. Предоставим им свободу рук, как просил меня Риббентроп.

Совершенно отчетливо Черчилль вспомнил эту беседу, происходившую два года назад в его кабинете. Риббентроп был тогда германским послом в Лондоне. Они стояли у карты Европы, и Риббентроп высказывал свою точку зрения. Германский посол убеждал — нужен англо-германский союз, нужна тесная дружба. Германия смогла бы оберегать Англию. Важно только получить от нее свободу рук в Восточной Европе. Риббентроп был откровенен, он сказал прямо: «Для будущего существования германской империи нам абсолютно необходимы Украина и Белоруссия. От вас мы ждем лишь невмешательства». Черчилль ответил уклончиво. Он дал понять, что все зависит от выгод, которые получит Англия.

Лорд Эмерли возразил Черчиллю:

— Вы хотите пустить в Россию Гитлера и укрепить там его позиции? Едва ли нам это выгодно,— Эмерли подумал о своих акциях.

— Укрепить Гитлера?! — Черчилль рассмеялся.— Это на меня не похоже! Укреплять надо только Британию. Наоборот, пустить Гитлера на восток — значит измотать, ослабить и русских, и немцев. Помните охотничью картину, она называется «Поединок» — издохший крокодил, в пасти которого застряла голова тигра. Нам нужен такой поединок. Пусть выбирают сами, кто из них крокодил, а кто тигр. Для меня это не имеет никакого значения. Для английского общественного мнения мы будем вести себя иначе — мы должны выступать против соглашения с Гитлером. Это закон-

ный прием в избирательной схватке. Избиратели — это лошадь, на которую нам следует ставить, как на бегах. Великобритания нуждается в правительстве сильной руки, сильной и гибкой! Вы понимаете идею моего плана?

Да, в конечном счете это были мысли и самого Эмерли. Черчилль изложил их лишь более сжато, конкретнее и, пожалуй, циничнее. Старик разоткровенничался сегодня. Он даже сбросил с себя напускную флегму.

— Итак, мой дорогой лорд,— заключил Черчилль,— сейчас нам нужно оседлать белого коня — избирателя. На нем мы въедем на Даунинг-стрит, как в побежденный город. Ситуация на выборах складывается в нашу пользу. А дальше посмотрим. Я всегда был сторонником дешевой войны. Чем больше немцы и русские будут колотить друг друга, тем лучше. Немецкий партнер после драки тоже будет сговорчивее. О Франции я не говорю. Играть будем мы и Гитлер. Выпьем за короля!

Черчилль разлил коньяк в серебряные стаканы и стоя выпил.

— За короля Великобритании!

III

В свои двадцать три года Роберт успел переменить несколько профессий. Одно время он работал юнгой на пассажирском судне «Антей», совершавшем рейсы между Гавром и Лондоном, был докером, шофером такси, а последний год служит на бензозаправочной станции. Нельзя сказать, чтобы Роберт был очень доволен новой должностью. Не велика радость торчать с утра и до вечера около бензиновой колонки, обтирать пыль с машин, заливать в радиаторы воду, менять масло либо заниматься текущим ремонтом забарахливших в дороге моторов. Но как-никак это лучше, чем ничего. Крошоу имел свои два фунта и восемь шиллингов в неделю, не считая мелочи, перепадавшей ему иногда от владельцев машин.

Конечно, хозяин, точнее — арендатор бензоколонки, молчаливый Стоун, тоже не бог весть какой богач. Если бы не крохотный буфет при станции, которым заведовала миссис Стоун, старик едва ли мог бы сводить концы с концами. Но это его частное дело. Роберта волновало другое — при таком положении дел, видимо, не придется рассчитывать на обещанную прибавку.

А ведь когда Роберт пришел наниматься к Стоуну, тот твердо обещал через полгода прибавить зарплату. Хозяин и не скрывал, что до прихода Роберта у него на обслуживании станции работало двое, но дорога здесь такая тихая, что и одному нечего делать. Стоуна никто не тянул за язык, когда он сказал: «С полгодика поработаешь, а к тому времени мы перейдем на Бирмингемское шоссе. Работы там станет побольше и клиенты богаче. Мне уже обещали передать станцию пьяницы Гринвуда. Фирма им недовольна».

Но, как на грех, Гринвуд, говорят, перестал пить, и Стоун остался на старом месте. Оказывается, старик уже десять лет мечтает перебраться в Вест-Энд, на Бирмингемскую дорогу. Может быть, Стоун еще десять лет не получит станции на бойком месте? Что ж, выходит, Роберт так и будет ждать обещанной прибавки? А тут еще новое дело — Стоун требует теперь отдавать ему чаевые. Это уж слишком! Роберт наотрез отказался. Хозяин до сих пор на него дуется. Ну и пусть! Не сошелся же свет клином у бензоколонки с оранжевой вывеской, на которой изображена морская раковина — эмблема нефтяной компании.

Эта история и заставила Роберта подумать о новой работе, а потом привела к событиям, изменившим всю его жизнь.

Дело было еще весной, месяца три тому назад, вскоре после неприятного разговора с мистером Стоуном. Роберт возвращался домой со знакомым шофером грузовой машины. В поселке около стоянки омнибусов он выбрался из кабины и в это время за спиной услышал веселый голос:

— Хэлло, Крошоу! Ты уже ездишь в собственном «роллс-ройсе»?

Роберт оглянулся. На панели стоял Джимми Пейдж — школьный товарищ, с которым они когда-то дружили, но последнее время встречались редко. Роберт знал, что Джимми работает в порту шипшандлером — снабжает продовольствием иностранные пароходы. Пейдж, видимо, преуспевал в жизни — на нем были отличный костюм и новые ботинки.

— Э, да ты, кажется, сегодня не в духе! Смотри, от твоего вида может молоко скиснуть,— Джимми кивнул на фургон, груженный молочными бидонами.

— Не шути, Джимми, у меня сегодня действительно кислое настроение.

— Что случилось, Боб? — меняя тон, спросил Джимми.

— Надо искать другую работу.

— Почему?

— Да так, пьяница Гринвуд стал вести трезвый образ жизни, а я страдаю...— Роберт иронически усмехнулся.

— Подожди. Я ничего не понимаю. Идем, расскажи толком.

Товарищи пошли вдоль улицы поселка. Роберт коротко рассказал о последних событиях.

— Кажется, я могу тебе помочь, Боб,— сказал Джимми.— Хочешь ехать в Коломбо? Фирма Липтона набирает людей. Контракт на пять лет. Если не будешь дураком, сможешь завести чековую книжку в банке.

— Сейчас я готов ехать хоть к черту на рога. Цейлон — так Цейлон. Как это сделать?

— Видишь ли,— сказал Джимми,— я имею дело с фирмой Липтона. Мы каждую неделю получаем со склада чай для наших клиентов. Это недалеко от Королевских доков. Там у меня есть один знакомый, он мне рассказывал. А кроме того...— Джимми за-

мялся.— Впрочем, это не важно... Если хочешь, я дам тебе адрес управляющего складом.

Через день, договорившись накануне с мистером Стоуном о том, что он приедет на работу несколько позже, Роберт отправился по адресу, который дал ему Джимми.

Оптовый склад Липтона найти было нетрудно. Он тянулся вдоль набережной, у самого берега Темзы, но обнаружить конторку, про которую говорил Джимми, оказалось значительно сложнее. Наконец он нашел ее в углу прохладного и полутемного склада, загороженную высокими штабелями фанерных ящиков. Роберт вошел в застекленную дверь и очутился в крохотной комнатке, где, кроме двух конторских столов и дубовых стульев, не было никакой мебели. В помещении было немного светлее, чем в складе. Свет падал сверху, через пыльное окно, затянутое проволочной сеткой.

За одним из столов сидела миловидная смуглая девушка. Она подняла глаза и вопросительно посмотрела на Роберта.

— Простите, я могу видеть мистера Стейнбока? — неуверенно спросил Роберт. Ему показалось, что он попал не туда. Не может же управляющий сидеть в такой дыре!

— Нет, мистер Стейнбок будет не раньше, как через час,— ответила девушка.— Если хотите, можете подождать. Сейчас он на пристани.

— Ах, какая досада! — огорчился Роберт.— Ждать так долго я не смогу.

— Тогда вы, может быть, заедете в другой раз?

Роберт стоял в нерешительности возле стола и раздумывал, как поступить. Ждать целый час — значит, на работу попадешь только к самому ленчу. Стоун и без того ворчал: уезжаешь, мол, в самое горячее время. А на самом-то деле дай бог, если с утра подле бензоколонки остановятся две-три машины. И все же неудобно перед стариком. А приезжать еще раз — значит снова заводить разговор с хозяином. Стоун может не отпустить. Как же тут быть?

Девушка занялась накладными, лежавшими перед ней розовой стопкой, и, казалось, больше не обращала внимания на посетителя. Роберт украдкой посмотрел на нее. Какая она красивая и, вероятно, совсем молоденькая! Неожиданно он вдруг сказал:

— Если вы разрешите, я подожду немного. Но, знаете, мне очень некогда.

— Пожалуйста. Берите стул...

Роберт присел, положив на колени шляпу. В глубине души он уже ругал себя за неожиданное решение — придется торчать здесь до скончания века. И еще эта совершенно глупая фраза: «Знаете, мне очень некогда...» Какое ей дело, что ему некогда! Раз некогда, нечего ждать... Очень глупо — сидит на краешке стула и молчит, как истукан...

Он продолжал незаметно наблюдать за девушкой, поглощенной своим занятием. Темно-каштановые волосы то и дело спадали ей на лицо, и она движением руки отбрасывала их назад. Легкая серо-зеленая блуза и такого же цвета галстук шли к ее смуглому

лицу с нежным подбородком и прямым носиком. Под складками блузы едва угадывались линии невысокой груди, а обнаженные руки казались упругими и были в меру тонкими. Почувствовав на себе взгляд юноши, она подняла голову. Роберт не успел отвести взора, и глаза их на мгновение встретились. Девушка нахмурила брови, а Роберт, передвинув стул, спросил:

— Скажите, а может быть, я найду мистера Стейнбока на пристани?

Сейчас ему не хотелось искать Стейнбока, он предпочел бы сидеть здесь, в тесной конторке чайного склада, и никуда не ходить, но что-то нужно было сказать, и он произнес первую пришедшую на ум фразу.

— Нет, вы его не найдете сами,— ответила девушка.— Впрочем, если хотите, я могу вас проводить. Мне нужно отнести туда документы.

Они вышли из конторки и пошли к Темзе.

Воздух был пропитан крепким запахом чая, который заглушал все другие запахи — смолы, речной сырости, гниющих водорослей. Миновав какие-то строения, потом баркас, стоящий на стапелях, свернули влево и пошли вдоль причала. У стенки среди других кораблей стояла трехмачтовая шхуна с убранными парусами.

Всю дорогу шли молча, обмениваясь лишь незначительными фразами. Крошоу испытывал непонятную робость.

— Мистер Стейнбок должен быть здесь,— сказала девушка, указывая на шхуну.

Она легко взбежала по трапу, мимо грузчика, шагавшего навстречу с большим ящиком чая. Чтобы уступить дорогу, ей пришлось посторониться на самый край трапа. Роберт переждал, когда спустится грузчик, и тоже поднялся на шхуну.

— Он у первого трюма. Надеюсь, вы найдете дорогу обратно? До свидания!

Роберт посмотрел на удалявшуюся девушку в зеленой блузе. Она оглянулась и приветливо махнула ему рукой. «Вот и все»,— подумал Крошоу. Ему показалось, что он давным-давно знает эту девушку и вот сейчас почему-то с ней нужно расстаться. Роберт подавил вздох и отправился искать Стейнбока.

Стейнбок, высокий, сутулый человек с дряблым, морщинистым лицом и подслеповатыми глазами, выслушал Роберта, задал ему несколько вопросов и обещал с кем-то поговорить.

— Зайдите в четверг, в это же время,— сказал он, прощаясь.— Я попробую выяснить. Но имейте в виду, ехать придется очень скоро,— может быть, на той неделе. Об условиях вам скажут в дирекции.

Тем же путем Роберт возвращался обратно. Задумавшись, он медленно шел по краю причала. Странное дело — хотя к этому будто бы не имелось оснований, но находился он в состоянии смутной тревоги. Почему это? Все шло хорошо. Ему не отказали, а, наоборот, обещали. Какие бы там ни были условия, но они наверняка лучше того, что имеет Роберт здесь, в Лондоне. Может быть,

через неделю он будет в пути. Вероятно, это и вызывает смутное беспокойство, как всегда перед сложным решением. Интересно, как зовут эту девушку?

Он прошел мимо баркаса, поднятого на стапеля, и только сейчас сообразил, что вправо надо бы свернуть несколько раньше. Роберт повернул обратно и увидел приближавшуюся девушку в зеленой блузе. Она его заметила тоже.

— Вы все-таки заблудились? — засмеялась она.— Вас нельзя отпускать без провожатых. Идемте, я выведу вас из нашего чайного царства. Ну как, нашли Стейнбока?

— Да, спасибо. В четверг я должен быть у него снова. Он сообщит мне ответ.

— Уж не по поводу ли Цейлона?

— Да. Откуда вы знаете?

— Дядя всех обещает устроить. Он делает вид, будто это от него зависит. А вообще-то он добрый старик.

— Значит, ваша фамилия тоже Стейнбок?

— Нет, он брат моей матери. Моя фамилия Грей, Кэт Грей.

— А меня зовут Роберт. Я рад, что познакомился с вами.

— Так все говорят, когда знакомятся.

— Нет, честное слово. А вы живете в Ист-Энде?

Они шли рядом. В сравнении с широкоплечим Робертом Кэт выглядела девчонкой. Она была ниже его на целую голову.

— Да, я живу совсем рядом,— сказала она.— Омнибусом это пять минут езды. Я даже на ленч езжу домой. Это удобнее. Кстати, кажется, уже можно ехать. Мой дядюшка такой строгий, раньше времени никогда не отпустит. С родственниками лучше и не работать. Правда?

— Не знаю. Когда-то я работал вместе с отцом, но он не был моим начальником.

Роберт и Кэт перешли через полотно узкоколейки, поднялись на пригорок, мощенный булыжником. Роберту хотелось как можно дольше продлить это маленькое путешествие от набережной до дверей склада. Но они уже приближались к высоким желтым воротам, которые должны были проглотить Кэт. Вдруг, оступившись, девушка вскрикнула, сделала несколько неуверенных шагов и остановилась. Роберт едва успел поддержать ее.

— Что с вами? — испуганно спросил он.

Роберт увидел наморщенный лоб, закушенную от боли губу и две слезинки в уголках ее глаз.

— Ну, говорите, что с вами? — переспросил он еще раз.

— Не знаю. Кажется, я вывихнула ногу...

С помощью Роберта Кэт добралась до скамьи, высеченной из серого камня. Скамья с остатками драконов, невесть какими судьбами попавшая на берега Темзы, стояла на солнцепеке. Камни были горячие и шершавые. Но, может быть, это только показалось Роберту, после того как он отпустил локоть Кэт. Ладонь его будто еще ощущала приятную прохладу ее руки.

Кэт сбросила туфлю и принялась растирать ушибленное место.

— Кажется, ничего, пройдет. Но сначала было так больно... Как-нибудь доберусь. Я просто перепугалась. Вы и не знаете, какая я трусиха. Что со мной будет, если начнется война!..

— Вы разрешите проводить вас? — предложил Роберт.

— Пожалуйста, но если это не затруднит вас. Ведь вы говорили, что вам очень некогда...

Не без лукавства Кэт взглянула на Роберта. Она улыбнулась, и на ее щеках появились маленькие продолговатые ямочки.

— Пустяки! Разве только мистер Стоун поворчит малость. Да все равно мне с ним не работать.

— А кто этот Стоун?

— Мой хозяин. Я работаю у него механиком.

Роберт сказал только половину правды. Вообще-то он никогда не стыдился своей должности, но перед новой знакомой ему захотелось показать себя стоящим хоть на одну ступень выше того места, которое он занимал в обществе. Да и действительно, по своей профессии Роберт механик. То, что ему приходится, как чернорабочему, обтирать пыль с машин или стоять со шлангом у бензоколонки, это в конце концов дело временное и не имеет существенного значения.

Они посидели еще несколько минут на каменной скамье, прогретой солнцем, и пошли к остановке. Кэт, прихрамывая, доверчиво опиралась на руку широкоплечего юноши, а Роберт был доволен, что ему представилась возможность оказать девушке хоть небольшую услугу.

По поводу неприятностей, которые ожидали его при встрече с хозяином, Роберт не думал. Но когда они, миновав район порта, вышли на улицу, Роберт почувствовал себя не в своей тарелке. Для этого были все основания. Как на грех, из-за угла появилось такси, и шофер затормозил перед самым его носом. Как ненавидел сейчас Роберт этого заискивающе улыбающегося парня, услужливо приоткрывшего дверцу машины! Черт бы его побрал! Конечно, по-настоящему он должен бы взять такси и отвезти Кэт домой. Ей все-таки трудно идти пешком. Но как быть, если в кармане наиболее крупной монетой оставался единственный шиллинг?

Роберт отвернулся к Кэт, делая вид, что не замечает медленно двигавшейся за ними машины. Но шофер уже нацелился на свою жертву и не хотел упускать заработка.

— Простите,— обратился он к Роберту,— вашей спутнице трудно идти. Я помогу вам. Ваше счастье, что я оказался рядом. Моя машина в вашем распоряжении. Прошу вас!..

— Может быть, правда, нам стоит доехать в такси? — еще не думая о последствиях, спросил Роберт.

— Нет, здесь недалеко. А впрочем, если хотите...

Роберт пропустил Кэт вперед, метнул на шофера сердитый взгляд и опустился на кожаное сиденье. Водитель удовлетворенно захлопнул дверцу, поплотнее уселся и деловито спросил:

— Куда?

Кэт назвала адрес. Роберт мрачно раздумывал, как он выйдет из затруднительного положения, но как ни в чем не бывало продолжал разговаривать с девушкой.

Они остановились подле старого двухэтажного кирпичного дома, черного от лондонской копоти. Его сводчатый подъезд выходил прямо на улицу.

— Я вам очень признательна,— сказала Кэт, протягивая руку.— Заходите, когда будете снова на складе. Я буду ждать вас...

Она улыбнулась, и Роберту показалось, что ради одной этой улыбки он готов перенести еще бóльшие неприятности. Кэт исчезла в подъезде, а Роберт уверенно сел рядом с шофером.

— Теперь куда?

— Прямо...

На перекрестке остановились в потоке машин, ожидая, когда полисмен откроет дорогу. Роберт положил руку на баранку.

— Послушай, а ты знаешь, что у меня нет денег?

Шофер покосился на Роберта: не шутит ли с ним пассажир?

— Какого же черта ты лез в машину? — от его вежливости не осталось следа.

— Ты же сам меня уговаривал. Я только что познакомился с девушкой. Нечего было приставать со своими услугами!

— Вот это здорово! Я же и виноват! Все это объясняй теперь полисмену.

— Слушай,— Роберт перешел на просительный тон,— я сам работал на такси и тоже знаю, как ловить пассажиров. Зачем нам ссориться? Полисмен все равно за меня не заплатит. Ты, может быть, знаешь бензоколонку Стоуна на Челмосфордском шоссе? Заезжай при случае, я расплачусь, но только не раньше субботы.

Возможно, на шофера произвело впечатление, что Роберт его коллега, или, может быть, его убедил довод, что полисмен в самом деле не станет платить за пассажира. Он сказал:

— Только мне и дела, что собирать долги! Вытряхивайся из машины! В другой раз знакомься с девушками, когда у тебя есть деньги.

Роберт очутился на улице. Полисмен дал знак, и поток машин выплеснулся на тесную площадь. Такси исчезло в этом водовороте.

IV

В четверг Роберт снова был в конторке на складе Липтона. Он огорчился, обнаружив здесь только одного Стейнбока. Может быть, Кэт заболела?

— Ну, молодой человек,— встретил его старик,— вы можете благодарить меня. Я говорил с директором. Езжайте в правление и заключайте контракт. Приемный день в понедельник.

Больше разговаривать здесь было не о чем. Роберту ничего не оставалось, как попрощаться. О Кэт он не решился спросить, но, уходя, сообразил, что она должна быть где-то здесь,— на ее столе

лежали неубранные бумаги. Как он не заметил этого раньше! Настроение поднялось. Роберт решил во что бы то ни стало дождаться Кэт. Он медленно пошел к выходу, потом свернул к реке и остановился подле каменной скамьи с обломанными драконами.

Кэт обязательно должна пройти здесь. Вероятно, она снова пошла на пристань. Роберт закурил, нетерпеливо поглядывая в конец узенького проулка между стенами из гофрированного железа. Но Кэт появилась с противоположной стороны.

— Что вы здесь делаете?

Роберт вздрогнул от неожиданности. Его лицо осветилось широкой улыбкой. Он поднялся навстречу.

— Я ждал вас. Хотел узнать о здоровье...

Сквозь смуглую кожу девушки проступил легкий румянец. Роберт с радостью отметил это.

В этот раз они условились, что ближайший уик-энд проведут вместе. В воскресенье они решили совершить прогулку на речном трамвае в Виндзор. Кэт там никогда не бывала. В Виндзоре изумительные виды. Да и сама прогулка вверх по Темзе будет очаровательной.

В субботу вечером Роберт сказал матери:

— Мама, сегодня я не могу отдать тебе деньги. Я собираюсь поехать в Виндзор.

Эта новость не доставила удовольствия Полли. Вырвать из бюджета фунт стерлингов — не простое дело. Но по своей натуре она никогда не была скаредной и постаралась все обратить в шутку.

— Уж ты и впрямь не решил ли ехать к королю в гости? Но ведь король еще не переселился туда на лето. Разве какая принцесса тебя ждет там? — Мать лукаво улыбнулась.

Роберт положил на стол часть недельной получки и вышел из кухоньки. Полли посмотрела вслед сыну. Теперь она понимает, в чем дело. Все эти дни был он каким-то странным. Женщина грустно вздохнула. Вот и ее Боб становится мужчиной. Дай только бог, чтобы ему на пути встретилась хорошая девушка! А как он похож на отца! Такой же широкий, выпуклый лоб, светлые волосы и серые глаза. Ведь ее Джон был точно таким же. Правда, это было лет двадцать пять тому назад. Четверть века — как раз в первый год мировой войны... Полли задумалась о своей юности.

А Роберт и Кэт замечательно провели воскресенье. В назначенный час они встретились на пристани. Роберт приехал несколько раньше, успел купить билеты, и они сразу же прошли на катер. И места достались очень удобные — самая первая лавочка под парусиновым тентом. Отсюда все видно. Кэт радовалась, как семилетняя девочка.

Эти три часа, пока катер шел вверх по реке до Виндзора, они, не умолкая, болтали и не заметили, как прошло время.

— Да,— вспомнила Кэт,— оказывается, Джимми Пейдж ваш хороший товарищ! Как тесно в Лондоне! Где только не найдешь общих знакомых!

— Да, Джимми и рекомендовал меня мистеру Стейнбоку.

— Я его тоже знаю, он часто бывает у нас на складе. Придет в конторку и сидит. Смешной какой-то...

Роберту показалось, будто Кэт о чем-то задумалась.

— Почему же смешной?

— Не знаю. Зашел позавчера, пригласил в кино, а я сказала, что мы едем в Виндзор. Звала поехать вместе, он отказался.

— Вы об этом жалеете?

— Он веселый.

Роберт нахмурился. Как быстро может испортиться настроение! Но продолжалось это недолго. На Кэт просто невозможно сердиться. Катер подходил к Виндзору. Пассажиры поднялись со своих мест и столпились у трапа. Кэт тоже вскочила и потянула за собой Роберта, но их разъединили. Девушка оказалась впереди, и Роберт никак не мог к ней пробраться. Он видел только ее профиль и прядь каштановых волос, закрывавшую часть лица. Их разделяла какая-то пара — чопорный джентльмен и такая же дама с поджатыми губами. Кэт сама пришла на помощь Роберту. Она протиснулась назад и стала рядом. Женщина в сиреневой кофте еще больше поджала губы и уничтожающе взглянула на непоседливую девчонку. Роберт благодарно улыбнулся Кэт.

На берег они вышли чуть не последними и пошли вдоль реки. Роберт нес клетчатый плед и саквояж, которые захватила с собой Кэт на прогулку. Потом они любовались королевским замком с древними башнями, загорали на пляже, ели бутерброды, извлеченные Кэт из саквояжа. Перед тем она на несколько минут исчезла в ивовых зарослях и появилась в ярко-синем купальном костюме. На груди ее красовалась белая чайка, распластавшая крылья. Кэт во что бы то ни стало хотела искупаться, но вода в Темзе была еще холодна, и Роберт запротестовал. Девушка кокетливо надула губки, но уступила. Она снова исчезла в зарослях, чтобы надеть платье.

Потом пошли бродить по окрестностям Виндзора.

Миновав дубовую рощу, вышли на открытое место. В миле от них среди полей приютилась крохотная деревенька с черепичными кровлями.

— Смотрите, как красиво! — воскликнула Кэт.— Я уж не помню, когда бывала в деревне. Давайте пройдем туда.

Взявшись за руки, они медленно шли полевой дорогой. Весна только наступила, и зелень деревьев, благоухающие травы, облака в прозрачном небе казались такими нежными. Кэт подняла голову и подставила лицо солнцу. Она шла с закрытыми глазами. Роберт вел ее, стараясь, чтобы она не оступилась.

— Вы как подсолнечник,— засмеялся он,— все время поворачиваетесь к солнцу.

— Я очень люблю его, оно такое горячее.— Кэт открыла глаза.— Смотрите, как далеко я прошла! В детстве я очень любила ходить так, с закрытыми глазами. Идешь, идешь, на душе так тревожно, боязно, вся замираешь и едва сдерживаешься, чтобы не глянуть, а посмотришь — очутилась где-то уже далеко-далеко...

В деревне на фасаде крайнего двухэтажного домика она прочитала вывеску — сельская гостиница. Оба вдруг почувствовали голод. В обеденном зале почти не было посетителей. После яркого солнца здесь показалось темно и прохладно. Столик выбрали в самом углу, у окна, выходившего на улицу. Заказали обед и по стакану вина. Хозяин налил его из бочонка, стоявшего здесь же, в зале.

Служанка принесла румяные, поджаренные ломтики хлеба. Кэт не вытерпела и отщипнула кусочек. Запила вином.

— Давайте за что-нибудь выпьем,— предложил Роберт.

— За что?

— За счастье. Давайте за свое счастье,— он сделал ударение на слове «свое».

— Хорошо,— Кэт отпила несколько глотков и поставила стакан.— Мне нравится это вино.

Бульон пили из грубых фаянсовых чашек. Бульон тоже казался очень вкусным, как и жареная курица, которую принес хозяин на большом блюде.

Из гостиницы вышли поздно. Близился вечер. Пора было собираться обратно в Лондон. Назад возвращались той же дорогой, лишь ближе к Темзе свернули влево и пошли вдоль ограды виндзорских владений. Появлялось все больше гуляющих, но Роберт и Кэт, поглощенные друг другом, ни на кого не обращали внимания. Оба уступали дорогу встречным и продолжали идти по неширокой дорожке парка. Они не заметили, что кто-то торопливо обогнал их и, удаляясь, шел впереди.

— Да ведь это Джимми! — воскликнула вдруг Кэт.— Джимми! Джимми, подождите!..

Шедший впереди не оглянулся, он только ускорил шаг.

Роберт тоже узнал Джимми Пейджа. Конечно, это он! Чему так обрадовалась Кэт? На Роберта снова, как там, на катере, нахлынуло чувство настороженной неприязни. Он упрямо высвободил руку Кэт и свернул на боковую дорожку. Некоторое время шли молча.

— Роберт, что с вами? — спросила Кэт.

Он остановился, отвернулся в сторону.

— Я не заводная игрушка, Кэт. Вам нужно было поехать с Джимми.

— Боб, какой же вы глупый! Боб...

В голосе девушки почудились мольба, обида. Роберт посмотрел на Кэт. Она стояла перед ним, совсем близко, касаясь его своей одеждой. Зачем он обидел ее? В сердце вспыхнула такая нежность, что, не удержавшись, он обнял девушку. Роберт почувствовал, как всем телом Кэт прильнула к нему, как губы ее ответили на поцелуй...

На палубе катера было прохладно, и Роберт предложил спуститься в общую каюту. Сидели рядом. Утомившись за день, Кэт начала дремать и под конец заснула, склонившись на плечо Ро-

берта. А он сидел всю дорогу, боясь пошевельнуть затекшей рукой, чтобы не потревожить сон девушки.

С тех пор они вместе проводили каждый уик-энд, как-то раз ездили на побережье, а среди недели тоже выбирали время погулять в парке или сходить в кино на вечерний сеанс. Их чувства, родившиеся так внезапно, продолжали крепнуть, и теперь оба начинали тосковать сразу же после свидания и нетерпеливо считали время до следующей встречи.

Он никак не мог и представить, что ему придется надолго расстаться с Кэт, но тем не менее в один из понедельников он все же побывал в правлении фирмы Липтон. Действительно, Роберт нашел там человека, фамилию которого назвал ему Стейнбок, но это не был даже однофамилец директора. Крошоу попал в какой-то отдел к старшему клерку, ведавшему приемом посетителей. Он и слыхать не слыхал о мистере Стейнбоке. Кто он такой, чтобы рекомендовать этого молодого просителя? Но, может быть, потому, что клерк был тщеславен, а Боб по ошибке назвал его господином директором, чиновник любезно принял Роберта Крошоу, записал его адрес и пообещал сделать все, что будет возможно.

Через несколько недель — это было в июле — Роберт получил письмо на бланке фирмы, извещавшее, что просьба его удовлетворена и Роберт Д. Крошоу, проживающий там-то, может подписать контракт для работы на чайных плантациях Липтона. Вот здесь и начались его треволнения! Покинуть Кэт на пять лет — Роберт не мог этого и представить, не мог он и оставаться в Лондоне у скряги Стоуна. Нищенская заработная плата никак не удовлетворяла его, тем более если он женится. А к этой мысли Боб возвращался все чаще. Парню приходилось выбирать между счастьем и обеспеченной жизнью. В споре с самим собой Боб чувствовал, что решает не он, а события, обстановка, что кто-то неведомый покушается на его свободу, заставляет делать то, чего он не хочет.

Терзания продолжались два дня, как раз те дни, когда он не видел Кэт. При встрече Боб считал себя обязанным сказать ей об окончательном решении — так или этак.

До конца рабочего дня оставалось около часа. И вдруг Боб пришел к окончательному выводу. Он не едет в Коломбо! Опасаясь, как бы не передумать, Крошоу попросил у мисс Стоун конверт и бумагу, тут же написал письмо, заклеил конверт и бросил его в почтовый ящик. Теперь все!

Вечером, когда они встретились, Роберт сказал:

— Знаешь, Кэт, я отказался ехать в Коломбо. Мы остаемся вместе. Я тебя очень люблю, Кэт.

Девушка посмотрела на него.

— Ты правильно сделал, Боб. Но как же ты будешь жить?

— Проживем, Кэт! По крайней мере я чувствую себя свободным, я сохраняю свое счастье — тебя, а до остального мне нет никакого дела. Я не хочу быть рабом событий. Когда мы поженимся, Кэт?

В тот вечер они уговорились устроить помолвку в начале сентября, в день рождения Кэт, а свадьбу отложить до зимы. Может быть, к этому времени Роберт сумеет найти работу получше.

А пока он каждый день стоял у бензоколонки, вытирая пыль с машин, заливал в радиаторы воду или чинил моторы. Деньги, которые Роберт получал за услуги, он отдавал Стоуну. Старик добился своего, а Крошоу теперь не мог с ним ссориться.

V

Тео Кордт, первый советник германского посольства в Лондоне, относился к положению дипломата точно так же, как в свое время рассматривал специальность лудильщика кастрюль или профессию бродячего музыканта-шарманщика, когда ему приходилось скитаться по улицам чужих городов. Дипломатическая служба была для него только ширмой, скрывавшей его настоящее занятие: Тео Кордт был профессиональным разведчиком.

Посол Дирксен отлично знал характер своего советника. Кордт был игроком, для которого безразлично, на какую бы лошадь ни ставить. Был ли это Гинденбург или Гитлер, Эберт или кто-то другой,— не имело значения. Лишь бы не красный. В этом отношении посол и его советник сходились во взглядах. Кордту было важнее знать, на кого выгоднее поставить. А на этот счет у Кордта был изумительный нюх.

Пребывание в Лондоне Кордт сравнивал с передовыми позициями во Фландрии или на Сомме, где в первую мировую войну он четыре года командовал ротой. Наблюдение в стереотрубу за противником, личная разведка или донесения постов наблюдения имели здесь, в Лондоне, такое же значение, как и на фронте. Кордт по-прежнему оставался солдатом. Изменились методы, обстановка, но не принципы. Посты наблюдения стали называть агентурой, а стереотрубу заменил небольшой, но сильный бинокль, которым пользовался Кордт, отправляясь на прогулку, преимущественно в места расположения военных заводов.

Во всех этих делах Кордт слыл опытным дипломатом, и поэтому именно ему Дирксен решил поручить такое деликатное дело. А дело заключалось в том, что вскоре после отъезда Вольтата в Берлин посол получил шифрованную телеграмму из министерства иностранных дел. Руководитель политического отдела Вейцзекер остался недоволен беседой с Горацио Вильсоном. Ведь сам собой напрашивался вопрос: отказывается ли британское правительство от переговоров с Москвой или нет? Этого вопроса министериальдиректор почему-то не задал Вильсону. Кроме того, Вейцзекер высказывал недовольство тем, что сведения о беседе Вольтата с Хадсоном каким-то путем просочились в печать. Поди опровергай теперь и доказывай, что это не так, когда все газеты полны догадками и пересудами! Переговоры так и не удалось сохранить в тайне.

Какую-то долю вины посол принимал на себя. Нелепый просчет! Вольтату, надо полагать, крепко влетело от Геринга. А мо-

жет быть, это известно и фюреру. Нужно срочно исправлять опасность. Кому же, как не Кордту, поручить такое задание! Пусть он прояснит, что осталось неясным. А по поводу газет придется звонить лорду — болтливые сороки эти английские дипломаты!..

Тео Кордт отличался выдержкой и терпением снайпера. Он испытывал истинное наслаждение от своей работы, упивался ею и ощущал нетерпеливую внутреннюю дрожь, перед тем как приступить к заданию. Но потом, когда все было продумано и рассчитано, Кордт сохранял ледяное спокойствие.

Несколько дней Кордт не предпринимал никаких шагов. Он решил: если англичане действительно ищут сами точек соприкосновения, то молчать они долго не будут. Не получив ответа, сами постараются войти в контакт с немцами. Расчет оказался верным. Не прошло и недели, как на квартиру Кордта позвонил благочестивый квакер по имени Чарльз Роден Бакстон. Кордт знал, что Бакстон является политическим советником лейбористской партии, встречался с ним несколько раз на официальных приемах, но близко знаком с ним не был.

Обменялись любезностями. Бакстон спросил, не желает ли господин Кордт встретиться наедине для частной и ни к чему не обязывающей беседы. По какому поводу? Да просто так, без повода. Поговорить, обменяться мыслями, как делают это старые добрые друзья...

Условились, что Бакстон заедет на следующий день.

Встреча состоялась на квартире у Кордта. Он жил в сторонке от посольства, даже в другом районе. Это удобнее для его работы.

Камердинер, предупрежденный Кордтом, предложил гостю пройти в гостиную, но Бакстон сперва вручил свою визитную карточку, попросил передать ее и только после этого вошел в залу.

Перед Кордтом стоял пожилой англичанин с седыми жиденькими кудряшками, обрамлявшими венчиком его крупную голову. Был он весь какой-то старомодный, начиная от постного лица до желтого клетчатого жилета и узких коричневых брюк, шитых, видимо, в царствование королевы Виктории. Бакстон сел ближе к окну, и в свете августовского дня тонкий пушок на его голове казался сияющим нимбом.

— Меня волнует международная ситуация,— начал Бакстон, приступая к деловой стороне разговора. Он походил на проповедника. Голос его был тихий, вкрадчивый.— Не думайте, ради бога, что я пришел к вам от имени правительства или моей партии! Я квакер и как христианин ищу пути умиротворения возбужденных умов. А возбуждение народов достигло такого предела, что всякое разумное предложение наших пастырей — я говорю о государственных деятелях — вызывает негодование и ярость паствы. Неразумные, заблудшие овцы! Извините меня за такие сравнения... Я глубоко уверен, что сейчас открытое обсуждение международных проблем вызвало бы еще большее, я бы сказал, трагическое возбуждение. Смотрите, что получилось с беседой господина

Вольтата. Одно неосторожное слово — и все. Этого совершенно не нужно делать. По моему мнению, следовало бы возвратиться к своего рода тайной дипломатии. Неразумной овце не нужно знать, что делает пастух. Ее дело — пастись и подчиняться направляющему посоху. Не так ли я говорю?

Кордт пытливо смотрел в поблекшие глаза Бакстона. Когда же этот святоша начнет выкладывать то, что интересует Берлин? Пока единственное, что выжал он из себя,— предложение вести совершенно секретные переговоры.

— Извините меня,— Кордт прервал Бакстона,— но нельзя одновременно служить богу и маммоне. Вы предлагаете вести тайные переговоры с фюрером и одновременно заигрываете с русскими.

— Нет, нет! Я ни при чем здесь! — Бакстон поднял руки, будто отстраняясь от собеседника.

— Конечно, не вы. Я говорю об английском правительстве.

— Подождите, подождите! Об этом я и хочу говорить. Не думайте, что я во всем согласен с нашим кабинетом. На этот счет у меня свое мнение. Понятие жизненного пространства, которое так замечательно сформулировал господин Гитлер, направило мои мысли в должном направлении. Его идеи могли бы лечь в основу соглашения. В самом деле, почему бы Англия и Германия не смогли заключить договор и разграничить сферы влияния? Вы, допустим, не вмешиваетесь в дела Британской империи, мы обещаем уважать ваши интересы в Восточной и Юго-Восточной Европе. Сообща мы заставили бы и третьи государства, расположенные в сфере наших интересов, прекратить враждебную политику.

— А все-таки что же будет с переговорами, которые вы ведете в Москве? — Кордт решил получить совершенно ясный ответ. Кажется, Бакстон перестает вилять. Он уже не отрицает, что ведет переговоры от имени британского правительства.

Бакстон почему-то понизил голос и сказал:

— Вы можете быть уверены, что Великобритания прекратит все переговоры о пакте с Советским Союзом. Ведь Россия должна войти в сферу ваших интересов. Не так ли?

Кордт не ответил.

— Что касается Франции, то мы смогли бы оказать на нее воздействие, чтобы она расторгла свой договор с Советами.

«Улитка вылезает из раковины»,— подумал Кордт. Он задал еще один вопрос:

— Ваш план любопытен, конечно, он представляет интерес, но скажите, как же возможно связать его с английской политикой по отношению к Данцигу?

— Здесь другое дело! Мы гарантировали полякам их безопасность. Не так ли? Британский престиж не позволяет нам оставаться в стороне, если на Польшу совершат нападение. Иное дело, если сами поляки неожиданно вызовут какой-то конфликт. Мы понимаем — так ведь тоже может случиться...

Бакстон осторожно поднял глаза, выжидая, какое впечатление произведут на собеседника его слова. Кордт внутренне насторо-

жился. Такое состояние он сам называл положением стойки — как у гончей собаки, почуявшей дичь. Улитка выползла из своей раковины! Вот в чем дело! Ну и святоша!..

Советник Кордт был удовлетворен беседой: лейборист Бакстон говорил куда откровеннее консерватора Вильсона! С наивным видом Кордт сказал британскому представителю:

— Конечно, ваш план весьма интересен. Как жаль, что это только ваша личная точка зрения! Скажите, вы не делились своими мыслями с членами британского правительства?

Бакстон разгадал ход Кордта. Улитка запряталась в раковину. Квакер снова принял елейный и ханжеский тон:

— Я только христианин, алчущий мира. Да благословит вас господь, если вы поможете мне выполнить долг перед человечеством!

Бакстон молитвенно сложил руки. Сейчас он особенно напоминал проповедника, взывающего с амвона к заблудшей пастве.

«Аминь!» — мысленно заключил советник германского посольства.

В тот же день личная коллекция Дирксена пополнилась еще одним документом.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

I

С некоторых пор курортный городок Берхтесгаден, раскинувшийся в глуши альпийских предгорий, стал негласным центром политической жизни Германии. В кургаузах и отелях, в частных пансионатах, на уютно-чистеньких улочках и среди живописных окрестностей стали появляться не только жаждущие излечения астматики — постоянные завсегдатаи курорта. Здесь уже были не только представители разновидностей сердечнобольных и ревматиков и не только жизнерадостные здоровяки — спортсмены, туристы, молодожены, люди, ищущие красот природы, остроты впечатлений либо просто уединения. Вместо заурядных курортников в отелях селились заехавшие ненадолго штабные генералы, командующие военными округами, промышленники и дипломаты. В городке останавливались именитые посланцы зарубежных стран, а коренное население Берхтесгадена заметно возросло за счет эсэсовских офицеров и штатских людей неопределенной профессии, которые появлялись всюду и проницательными глазами подозрительно сверлили прохожих и посетителей кафе.

На асфальтированных неширокой улицах, предназначенных больше для передвижения медицинских кресел-колясок, уже не в диковину стало появление правительственных машин. Неистовыми сиренами они нарушали покой тихого, еще недавно такого сонного городка. «Опель-адмиралы», «хорьхи», «майбахи» мчались с неограниченной скоростью по новой, только что отстроенной авто-

страде Мюнхен — Берхтесгаден, а специальные экспрессы в три-четыре вагона, шедшие без остановок от самого Берлина, надолго застревали на запасных путях, в стороне от аккуратненького, будто игрушечного вокзала.

И в то же время в самом Берхтесгадене внешне абсолютно ничего не изменилось. Здесь не сооружалось ни грандиозных зданий, предположим, таких, как «Коричневый дом» в Мюнхене, построенный по личным эскизам Гитлера, ни стадионов, подобных нюрнбергскому «Партейгеленде» — колоссальному сооружению с каменными, как египетские пирамиды, трибунами и подъездными железнодорожными путями, месту партийных съездов и всегерманских слетов «гитлеровской молодежи». В Берхтесгадене ничего этого не было. Здесь даже не было и тех зенитных огневых точек-громадин в шесть железобетонных этажей, с массивными козырьками и перекрытиями, которые понастроили в других городах за последнее время.

Поэтому самым высоким зданием, господствовавшим над Берхтесгаденом, по-прежнему оставался отель «Кайзергоф» с его четырьмя этажами, если считать за этаж полуподвальную часть гостиницы. А городок стоял на дне зеленой долины-чаши, обрамленной могучими кряжами гор, и, как прежде, сюда тянулись спортсмены и астматики, чтобы полюбоваться оранжевыми рассветами, насладиться прозрачной свежестью воздуха, суровыми видами горного озера Кениг-зее и другими достопримечательностями, подробно описанными в бедекерах для туристов.

Но даже наиболее подробный бедекер последнего издания не отмечал изменений, происходящих вокруг Берхтесгадена. Кажется, одним из первых ощутил это господин Пауль Мюллер из Панкова, владелец пуговичной мастерской на Клейнбергерштрассе, который посетил курорт полтора-два года тому назад. Сам господин Мюллер объяснял свои неприятности несовершенством бедекера и этим обстоятельством был расстроен не меньше, чем вынужденным посещением гестапо. Позже такие события стали обычным и повседневным явлением в Берхтесгадене, но тогда неприятности господина Мюллера изрядно взволновали обитателей кургауза, где остановились супруги.

Человек среднего достатка, Пауль Мюллер не мог себе позволить роскошь каждый год ездить на курорты, но в то лето дела его начали поправляться. Мюллер перешел на изготовление образцов форменных пуговиц. Пользовались они большим спросом, и владелец мастерской, доверив сыну надзор за предприятием, выбрался с женой на десяток дней в Берхтесгаден.

Предварительно он подробно изучил бедекер, выяснил все подробности, начиная с адресов гостиниц и стоимости сосисок в кафе «Альпийская роза». В справочнике господин Мюллер нашел перечень всех достопримечательностей, которые может увидеть посетитель курорта, прочитал лирическое описание красот природы и пришел к выводу, что стоимость путешествия будет вполне по карману.

Лишних вещей супруги Мюллеры решили не брать. Пусть все будет так, как у заправских туристов,— заплечные мешки, альпенштоки и ничего больше. Но по мере того как приближался день отъезда, становилось все яснее, что кроме рюкзаков придется брать, во всяком случае, еще три чемодана. Нагруженные багажом, супруги Мюллер отправились в Берхтесгаден.

Поезд прибывал в Берхтесгаден под вечер, и Мюллеры, осмотрев город, решили с утра отправиться в первое путешествие, строго следуя указаниям бедекера.

На рассвете их разбудил легкий стук в дверь — хозяйка принесла ранний кофе. Фаянсовые кружки с горячим напитком Мюллеры обнаружили на полу коридора, под дверью, рядом с начищенными башмаками,— они с вечера выставили их в коридор. Сам Мюллер облачился в кожаные тирольские трусики, натянул шерстяные гетры, а фрау Эльмира надела достаточно широкие брюки, скрадывающие формы ее малоизящной фигуры.

Вооруженные альпенштоками и темными солнечными очками, супруги покинули кургауз и вышли на улицу. Как и утверждал бедекер, их охватила прозрачная свежесть раннего утра. Солнце только что поднялось из-за гор, и рассеянный оранжевый свет мягко лился на землю. В конце улицы их встретил старик тиролец в зеленой шляпе с приподнятыми полями, разукрашенной пышным султаном и витым малиновым шнуром. Приметив еще издали бредущих супругов, тиролец скинул теплый потертый пиджак, оправил белую рубаху, кожаные подтяжки и, взяв в зубы разрисованную фарфоровую трубку с длинным коричневым чубуком, принял эффектную позу. Позировать перед туристами, видимо, было основной профессией старика. По тому, как он повернулся к свету, чтобы солнце в меру освещало его изрезанное морщинами лицо, по дальнейшему разговору можно было судить, что тиролец неплохо знает основы фотографии.

— Диафрагму ставьте на восемь,— вместо приветствия сказал он Мюллерам.— Выдержка — одна сотая. Надеюсь, господин имеет противоореольную пленку «Аква»? Снимок будет отличный: это тиролец, он в национальной одежде.— Старик говорил о себе в третьем лице.

Владелец пуговичной мастерской раскрыл «кодак», сделал несколько снимков, в том числе фото жены, беседующей со стариком, заплатил тирольцу сколько-то пфеннигов и тронулся дальше.

Миновав мост и пройдя тысячу двести метров, указанных в бедекере, Мюллеры остановились на возвышенности с приметным камнем, якобы похожим на голову ихтиозавра. Особого сходства камня с древним животным супруги-туристы не обнаружили, они поверили бедекеру на слово и принялись осматривать местность. Перед ними открылась широкая горная долина, покрытая холмами и перелесками, виднелась деревня с черепичными кровлями. Через всю долину извивалась речка, но ее не было видно — она только угадывалась в хлопьях не рассеявшегося белесого тумана. Пауль Мюллер великодушно уступил жене бинокль, а сам принялся чи-

тать вслух путеводитель. По мере того как муж читал описания раскрывшейся панорамы, фрау Эльмира медленно переводила бинокль слева направо. Получалось как в кино при демонстрации видовой картины.

— «Если ранним утром вы остановились около камня, похожего на голову ихтиозавра,— читал Мюллер,— слева перед вами откроется восхитительной красоты вершина горы Вацман высотой в 2714 метров...» Правильно,— отметил Мюллер.— Гора есть.

«Невольно,— продолжал он,— в своем горделивом духе воспарите вы к этой снежной вершине, откуда в ясную погоду видны необъятные просторы красавицы Австрии, той Австрии, которая ждет, чтобы волей фюрера прийти в лоно своей родной матери — Великогермании. Часа аншлюса ждет каждый немецкий патриот и сторонник фюрера».

Да, конечно, Австрию давно пора присоединить к нам. Все это очень правильно.

Фрау Эльмира спросила:

— Паульхен, тогда можно будет ездить в Вену?

— Само собой разумеется,— снисходительно ответил Мюллер,— хоть каждый день.

Покончив с горой Вацман, с вершины которой, как выяснилось, видна не только Австрия, но и дружественная Италия Бенито Муссолини, супруги Мюллеры переключились на озеро Кениг-зее. С того места, на котором бедекер рекомендовал остановиться туристам, озера не было видно, его закрывали скалы и часть пологой горы. Но авторы путеводителя настойчиво требовали от супругов, чтобы они обязательно посетили Кениг-зее и тем самым причислили себя к немногим и счастливым избранникам судьбы.

— Пауль,— прервала чтение фрау Эльмира,— может быть, и правда, нам следует побывать на Кениг-зее?

— Все зависит от того, сколько это будет стоить.

— Но раз мы уже столько потратили...

— Там будет видно! Не мешай мне читать.

Он продолжал читать бедекер, будто проводил инвентаризацию склада, с удовлетворением отмечая, что все написано так, как есть на самом деле. Справочник рассказывал об амфитеатре гор, окружающих котловину, о дикой природе, об отвесных скалах и необычайной глуши, где водятся кабаны и еще сохранились олени. Бедекер уверял, что только здесь, в альпийских предгорьях, сильные души сливаются с природой, что, взирая на эту первозданную, не тронутую цивилизацией картину, нельзя удержаться от слез умиления, от мыслей о необъятной вселенной, о вечном. Правда, владелец пуговичной мастерской, читая эти строки, не смог выдавить из себя ни единой слезинки, как требовалось по бедекеру, но его сентиментальная подруга опустила бинокль и приложила к глазам платок.

Супруги все еще стояли у камня, похожего на голову ихтиозавра, и собирались переходить на другое место, точно указанное в бедекере, когда фрау Эльмира спросила:

— Паульхен, а там что такое? Вон там, на самой горе. Будто ползают муравьи.

— В бедекере об этом не сказано,— ответил Мюллер.— Там ничего нет.

— Но посмотри сам! Я отлично вижу...

Фрау Эльмира передала мужу бинокль. Он отрегулировал линзы по своим глазам и посмотрел на вершину скалистой, обрывистой горы, на которую указывала жена. Прозрачный воздух придавал необычайную стереоскопичность всему, что попадало в поле зрения. Пауль Мюллер, владелец пуговичной мастерской, совершенно отчетливо увидел не муравьев, а людей, копошившихся на вершине. Они возводили какое-то здание, но строили его на самой верхушке скалы, на такой головокружительной высоте, что трудно было представить себе, как вообще могли туда забраться люди.

Продолжая осмотр, Мюллер увидел, что и посредине горы и у ее подножия тоже что-то строят. Там уже стояли какие-то дома, целый поселок, но об этом ничего не говорилось в бедекере. Владелец мастерской почувствовал, будто его обсчитали, обвесили, чего-то недодали, обманули. Своими глазами он видел неприступную гору, поросшую бурыми елями, видел людей, будто чудом попавших туда, с тачками, бетономешалками, с какими-то другими непонятными механизмами; он видел серое, почти достроенное приземистое здание, похожее то ли на средневековый замок, то ли на бомбоубежище. Значит, эти места не так уж безлюдны, значит, в этой глуши живут не только кабаны и дикие козы! Мюллер был оскорблен в своих лучших чувствах. Он доверял и подчинялся карманному справочнику, как своему наставнику, как первоклассник безраздельно повинуется своему учителю,— и вот, на́ тебе!

Владелец пуговичной мастерской сердито засопел и молча направился к заинтересовавшей его горе. Они шли с полчаса, и гора по мере их приближения становилась все выше, все неприступнее. Казалось, будто она, точно поршень, выдвигается из земли. Мюллер порой останавливался, смотрел в бинокль, примечал какие-то новые детали и снова упрямо продолжал идти вперед. Фрау Эльмира давно начала отставать, робко спрашивала, не пора ли возвращаться назад или хотя бы присесть позавтракать. Мюллер не отвечал или бормотал невнятное, твердо решив поправить бедекер и написать протестующее письмо в издательство о досадных и недопустимых пробелах.

Супруги прошли бо́льшую часть пути, когда он, Мюллер, достал из футляра «кодак» и стал наводить объектив на скалы. Мюллера особенно интересовало бетонное сооружение на скалистом уступе. Теперь его было отлично видно и невооруженным глазом, а вершина горы полностью вмещалась в кадр. Ему даже показалось, что люди наверху одеты в полосатые одежды. Мюллер щелкнул раз и два, и в этот самый момент появился крупного роста эсэсовец с широколобым, свирепого вида псом.

— Хальт! — металлическим голосом не громко, но внушительно сказал он.— Дайте аппарат. Что вы здесь делаете?

Охранник почти вырвал «кодак» из рук Мюллера. Пес сердито зарычал, оскалив белые зубы.

— Мы... мы туристы,— запинаясь, сказал Мюллер.— Я владелец пуговичной мастерской. А это моя жена, фрау Мюллер.

Он сделал жест, будто знакомил жену со своим приятелем. Казалось, что фрау Эльмира так это и восприняла. Она сделала подобие книксена, склонила голову и пролепетала испуганно:

— Да, я фрау Мюллер... Очень приятно...

— Идите за мной,— холодно сказал эсэсовец.

— Но мы же туристы! Мы... Я, в конце концов, протестую!

— Идите за мной! — таким же ледяным и бесстрастным тоном повторил эсэсовец.— Рекс! — скомандовал он собаке.

Пес неторопливо подошел к Мюллеру, угрожающе зарычал и понюхал обнаженные коленки хозяина пуговичной мастерской. От одного прикосновения к обнаженному телу шершавого влажного носа животного, от одного вида белых клыков у Мюллера захолонуло сердце. Больше он не возражал и безропотно позволил доставить себя в каменный домик, расположенный за пригорком.

Дальше события развивались с калейдоскопической быстротой. Супругов ввели в отдельную пустую комнату, заставили сидеть молча, чего-то ждать, потом вызвали в соседнюю комнату с голыми стенами. Только на одной из них висел большой портрет Гиммлера. Плотно сжав тонкие губы, рейхсфюрер СС подозрительно глядел на них со стены сквозь стекла пенсне. На столе гестаповского чиновника лежала проявленная, но еще сырая пленка. Разговаривая с Мюллером, он разглядывал ее на свет, поднимая высоко над головой. Чиновник был в форме штурмфюрера. Мюллер видел на воротнике его кителя две вышитые молнии — эмблему СС. Эмблема должна была символизировать цели охранных отрядов — молнией разить врагов нацистской Германии.

Пауль Мюллер в принципе не возражал против этих целей, но его всегда подирал по коже мороз, когда самому приходилось иметь дело с гестапо. Даже когда он принимал заказы на пуговицы от хозяйственного руководителя штаба СС, ему все равно становилось не по себе. Но те переживания не шли ни в какое сравнение с тем, что испытал Мюллер в предгорьях Альп, близ поселка Оберзальцберг, выраставшего у подножия скалистой горы. Мюллер переводил глаза с портрета Гиммлера на лицо гестаповца, и его все больше охватывал панический ужас в ожидании неминуемого несчастья.

Он уже видел себя в полосатой одежде, заключенного в концентрационный лагерь, видел...

Но дело повернулось иначе. Чиновник записал берлинский адрес, составил акт, заставил подписать его, снял оттиски пальцев и предупредил, что супруги должны немедленно покинуть Берхтесгаден.

Был уже вечер. В сопровождении того же гестаповца, который задержал их, Мюллеров доставили на машине в кургауз, а оттуда к уходящему ночному поезду.

Часа через два супруги сидели в купе вагона, и Мюллер, разглядывая большой палец, измазанный лиловой мастикой, сказал жене:

— Да, мы, кажется, легко выпутались из этой истории, Эльмира...

— Но в чем мы виноваты, Паульхен? А потом — кто нам теперь оплатит наши расходы?

— Не знаю... Давай об этом никому не говорить, слышишь? Нет ли там у нас чего-нибудь перекусить, Эльми?

Владелец пуговичной мастерской из Панкова действительно не знал, чем он нарушил государственный порядок Третьей империи. Но нет худа без добра — много лет спустя, когда не стало ни чиновников гестапо, ни поселка Оберзальцберга, разрушенного бомбами, ни самого фюрера, Мюллер вспомнил о происшествии и совершенно убежденно говорил всем, что и он является жертвой фашизма, человеком, пострадавшим от нацистского строя.

Происшествие с супругами Мюллер не могло пройти не замеченным обитателями кургауза. Горемычных туристов первой увидела хозяйка гостиницы. С предупредительной улыбкой, предназначаемой для клиентов, она поднялась им навстречу и только собиралась спросить, почему уважаемые господа опоздали к обеду, не заблудились ли они, упаси бог, в незнакомых горах, как позади Мюллеров хозяйка заметила рослую фигуру гестаповца, одетого в полную форму. Растерянная улыбка так и застыла на побледневшем лице одинокой вдовы. Дрожащими руками она передала гестаповцу ключ от комнаты Мюллеров и некоторое время стояла посреди холла, прислушиваясь к удаляющимся шагам — к уверенному топоту сотрудника гестапо и бессильному шарканью ног такого с виду благопристойного владельца пуговичного предприятия. Как можно ошибиться в людях!

Хозяйка почувствовала себя по меньшей мере замешанной в каком-то страшном преступлении, совершенном в стенах ее гостиницы, и поделилась мыслями с подошедшим жильцом из третьего номера. Астматического вида господин немедленно сделал вывод, что супруги Мюллеры или фальшивомонетчики, или — того еще хуже — агенты Москвы, прибывшие сюда с какими-то тайными целями. Это еще больше расстроило хозяйку. В разговор включились молодожены из Лейпцига, проводившие на курорте медовый месяц, и через минуту весь кургауз уже знал о несчастье, приключившемся с благопристойной вдовой. Всех возмущало и волновало коварство преступников, избравших кургауз бедной вдовы ареной грязных интриг. Ведь это могло отразиться на репутации гостиницы! Конечно, толком никто ничего не знал, но молодожены, пошептавшись о чем-то, тут же сказали хозяйке, что они как раз пришли, чтобы предупредить о своем отъезде. Пусть фрау хозяйка не думает, будто это связано с такой неприятной историей, но тем не менее...

Вскоре вдову позвали наверх. Мюллер расплатился с ней и, нагруженный чемоданами, спустился в холл. Его сопровождали жена

и гестаповец. Хозяйка даже не пожелала проститься с клиентами. Она стояла, отвернувшись и поджав губы, пока господин Мюллер протискивался в дверь с громоздкими чемоданами.

II

С тех пор прошло без малого два года. Происшествие, всполошившее жителей кургауза, вскоре забылось, его заслонили другие, более значительные события. Прежде всего, Австрия стала немецкой провинцией, сбылись предсказания бедекера, и теперь из Берхтесгадена можно свободно ездить в Вену, в Линц, куда угодно. Получилось это очень просто: Гитлер послал войска в Австрию,— он уверял, что делает это по просьбе самих австрийцев,— а на другое утро австрийцы проснулись присоединенными к Германии.

Не менее знаменательным событием для берхтесгаденцев было и то, что рейхсканцлер избрал их город своей постоянной резиденцией. В этой связи приоткрылась и завеса тайного строительства среди диких и безлюдных скал. У подножия горы вырос поселок Оберзальцберг с просторной виллой Гитлера — Бергхофом. Закончилось и строительство на вершине горы, здесь вырос замок с гордым названием «Орлиное гнездо». А сам Берхтесгаден стал приобретать все более широкую известность, и в газетах название города начинало звучать так же, как Даунинг-стрит в Англии, Кэ д'Орсэ в Париже или Белый дом в Вашингтоне. Берхтесгаден стал символом германской политики.

Одним из первых гостей Гитлера в Берхтесгадене был престарелый британский премьер-министр Невиль Чемберлен. В результате этой встречи чехи были вынуждены уступить и отдали Гитлеру Судетскую область. Через несколько месяцев и вся Чехословакия, подобно Австрии, стала германской провинцией под названием «Протекторат Богемия и Моравия». Берхтесгаденские обыватели были совершенно уверены, что для чехов это несравненно лучше — спокойнее и больше порядка.

А вообще жители недавно еще захолустного курорта — лавочники, владельцы пансионов, кафе, булочных — теперь чувствовали себя непосредственными участниками мировых событий. В самом деле, за последнее время в Европе не происходило ни одного маломальски крупного события, которое не зарождалось бы в их городе на глазах обывателей. Присоединение Чехословакии произошло после приезда Чемберлена в Берхтесгаден. Английского премьера в черной тройке и высоком цилиндре, одетого будто для похорон, не раз видели на курорте. Иные даже отметили, что премьер никогда, в любую погоду, не расстается с черным дождевым зонтиком.

Что же касается событий в Австрии, то старожилы помнят приезд последнего австрийского канцлера Шушнига. Он проскользнул довольно быстро в резиденцию Гитлера и, не задерживаясь, уехал в Вену с жестким ультиматумом по поводу аншлюса. Вскоре Австрия потеряла самостоятельность.

Появление Шушнига в Берхтесгадене жители связывали потом с другим событием. Долгое время в городке был расквартирован австрийский легион Гитлера. Для конспирации австрийских легионеров называли «жетонами», но для берхтесгаденцев это не было секретом. Под руководством германских офицеров вооруженные легионеры открыто маршировали по улицам, а вскоре после приезда Шушнига они вдруг исчезли и какими-то путями очутились в Вене как раз накануне вступления германских войск в австрийскую столицу...

Здесь, в Берхтесгадене, с королевскими почестями встречали Бенито Муссолини, из Венгрии приезжал напыщенный регент Хорти в адмиральской форме, густо разукрашенной золотым позументом. Даже политики из пивных Берхтесгадена относились к венгерскому диктатору с некоторым оттенком иронии. Они в каждый его приезд обычно спрашивали друг у друга, каким же все-таки флотом командует Хорти. Уж не в собственной ли ванне стоят военные корабли сухопутного адмирала? Но фюрер явно мирволил Хорти. Не так давно он даже подарил ему прогулочную яхту, и с тех пор венгерский регент имел полное основание носить адмиральский мундир с кортиком — на Дунае плавал настоящий корабль.

Немалые разговоры вызвал и другой подарок Гитлера, который был подороже яхты. После очередного появления Хорти в Берхтесгадене — это как раз совпало с приходом германских войск в Прагу — в газетах появилось известие, что Закарпатская Украина отныне присоединяется к Венгрии. Адмирал оказался ловок! Фюрер присоединил Чехословакию к Германии, а старик Хорти, из которого вот-вот посыплется песок, как из дырявой тачки, отхватил себе кусок территории с миллионом жителей. Не лучше ли эти земли сохранить за Германией? Булочник, державший магазин рядом с «Гранд-отелем», никак не понимал щедрости Гитлера, а владелец гаража таксомоторов глубокомысленно утверждал, что Гитлер, конечно, неспроста делает такие подарки, но в чем тут дело, он так и не мог сказать. Обычно разговор в пивной заканчивался фразой: «За нас думает фюрер, ему лучше знать».

Да, рейхсканцлер думал за немцев. Адольф Гитлер стоял на скале в «Орлином гнезде» и рассеянно глядел на раскинувшийся невдалеке Берхтесгаден, на горы, кое-где уже покрытые снегом, на рваные облака, повисшие на утесах, на бурую зелень долины. Сюда, на каменистые склоны горы, он удалился для размышлений.

Да, Гитлер думал за немцев, за обывателей, из среды которых вышел он сам и которых знал лучше, чем кто-либо другой. Он считал себя вправе думать за нацию как человек, отмеченный перстом провидения, как вождь, ниспосланный судьбой германскому народу. Считал, что он приобрел это право ценой борьбы и унижений, надежд и отчаяния. Он слишком долго жил в бедности, чтобы поддерживать бедняков, этих насекомых, карабкающихся друг на

друга. Сколько веков говорили о том, что нужно покровительствовать несчастным и бедным, поддерживать слабых,— не пора ли наконец защитить богатых и сильных от толпы немощных и бедняков! В наше время только сильные владеют миром, только сильные имеют право на существование...

Гитлер подошел к обрыву и носком сапога столкнул вниз небольшой камень. Он проводил его глазами и усмехнулся: так надо относиться к слабым — подталкивать в пропасть. Это куда гуманнее, чем давать им жить, позволять влачить жалкое и бесполезное существование.

В своих мыслях Гитлер видел мир, раскинувшийся под его ногами. Да, мир действительно скоро будет у его ног — весь, весь! Пришла пора взять его, как зрелый плод. Надо только как следует тряхнуть дерево, и яблоко — тотальная власть — само попадет в руки. А уж он тряхнет мир как следует!

В честолюбивых мечтах, в упоении собственной силой и властью, рейхсканцлер вскинул голову, расставил ноги и уперся кулаками в бедра. Так стоял он некоторое время на фоне облаков и гор, к чему-то прислушиваясь. Даже наедине с самим собой он не переставал позировать и рисоваться, а на этот раз, пребывая в кажущемся уединении, Гитлер знал, что он не один. Время от времени он слышал мягкое тиканье затвора лейки и тогда, делая вид, что, погруженный в свои размышления, ничего не замечает, сам принимал нужную позу, как старик тиролец в Берхтесгадене.

Застыв в избранной позе, Гитлер ждал, но на этот раз привычного щелчка почему-то не последовало. Он недовольно повернул голову. Его личный фотограф Поль Гофман, присев за камнем, возился с аппаратом. Вот он торопливо захлопнул крышку и встретился глазами с Гитлером.

— Я же просил оставить меня одного, почему ты здесь, Гофман?

— Простите, мой фюрер, но я хочу запечатлеть для потомков ваш образ. Кто, кроме меня, сделает это? — В интонации Гитлера Гофман уловил дружелюбные нотки. Он знал, что фюрер лишь делал вид, будто не замечал фотографа.

— Хорошо, раз ты здесь, сделай мне этот снимок. Запомни сегодняшний день, Гофман: я стою накануне великих решений... Кстати, что случилось у тебя с аппаратом? — В голосе Гитлера послышалось беспокойство.

— Все в полном порядке, мой фюрер, я менял кассету.

Под угрозой самой жестокой пытки личный фотограф не признался бы сейчас, что во время съемок у него отказал аппарат. Гофман знал о суеверности своего шефа.

Гофман спустился несколько ниже и, рискуя свалиться с обрыва, сделал несколько кадров.

— А теперь оставь меня. Не то получишь, как при нашем первом знакомстве. Помнишь? — Гитлер хмуро улыбнулся собственной шутке.

— Но тогда разве был плохой снимок, мой фюрер? За него американцы заплатили мне тысячу долларов.

— Да, да, то был мой первый портрет, напечатанный в Америке. Он обошел все газеты... Иди, иди, Гофман! Сейчас не время вспоминать прошлое, мне надо сосредоточить мысли на будущем.

Фотограф ушел, но Гитлер не мог избавиться от воспоминаний, да он и не гнал их — они были приятны. Когда это произошло? Видимо, лет шесть назад, а может быть, семь. Как раз в самое тяжелое время, когда партия начала рассыпаться. Если бы не деньги Кирдорфа и Круппа, пришлось бы солоно! Совершенно верно, тогда он и познакомился с Гофманом. Американское агентство Юнайтед Пресс пообещало тысячу долларов за хороший портрет Гитлера. Гофман взялся исполнить заказ, но лично не знал еще будущего правителя, а штурмовики из охраны поколотили фотографа во время съемки. Это было на митинге. Думали, что Гофмана подослали левые. Зепп здорово поработал тогда кулаками. Хорошо, что в свалке хоть уцелела пленка. Каковы бывают превратности судьбы! Кусок пленки сыграл такую роль! Может быть, рурские тузы и не дали бы денег, не увидев портрета Гитлера в американских газетах. Где это была подпись: «Восходящая звезда Германии — Адольф Гитлер»? Кажется, в «Нью-Йорк таймс». Что говорить, американцы сделали ему неплохую рекламу!..

С Полем Гофманом его связывали и другие воспоминания.

Это было словно вчера, тоже в Мюнхене и в те же самые дни. Он зашел в фотографию Гофмана за портретом. Портрет не был готов. Предложили подождать с четверть часа. Тут он и встретился с Евой Браун, лаборанткой у Поля. Она печатала копии. Конечно, Ева принесла ему счастье. Молодая женщина вышла из-за портьеры и сказала сдержанно, почти застенчиво:

— Прошу вас, господин, фотографии в этом конверте.

Она оценивающе посмотрела на посетителя, протянула ему плотный черный конверт, в которых обычно хранят фотобумагу. Да, то было время, когда он, Гитлер, сам еще ходил за своими портретами в фотографии и ему отдавали их в использованном конверте. Но тогда не приходилось обращать на это внимание.

Гитлера покорили красивые ноги и светлые волосы лаборантки. Она была просто мила, а элегантное серое платье ей очень шло. Ева и тогда умела одеться. С такой дамой не стыдно появиться в обществе.

Ева просто отнеслась к их сближению. Не стала строить из себя недотрогу. Встречались в его квартире на углу Принцрегентштрассе. В квартиру с низкими потолками, на третий этаж, можно было проникнуть только по темной лестнице. Но какие вкусные сосиски жарила Ева на электрической плитке! Гитлер не знал, какую роль в его сближении с Браун сыграл все тот же Поль Гофман, уступив ему свою любовницу.

Потом было время, когда они не встречались долгие месяцы. Ева ждала его, коротала время с портнихами, а Гитлер то выступал в «Клубе господ» — перед промышленниками в Дюссельдорфе, то

мчался в Берлин, в гостиницу «Адлон»,— советовался с Герингом и тайно встречался с иностранными дипломатами, что-то обещал им и сам получал обещания, неистовствовал на митингах и добывал деньги, тут же раздавая их нужным людям. Он интриговал, подкупал, устранял противников.

Но когда он снова появлялся в Мюнхене, неизменно проводил вечера с Евой на Принцрегентштрассе. Эта женщина становилась ему просто необходимой. Она прежде всего заставила его позабыть имя Гели, Гели Раубаль. Впрочем, нет, Гитлер ничего не забыл. То, что случилось тогда, еще больше озлобило, ожесточило его, заставило его еще раз почувствовать себя неудачником в жизни. Появление Евы смягчило удар, который нанесла ему судьба. Но несомненно, смерть Раубаль повлияла на склад его характера, сделала Гитлера еще более мрачным, замкнутым и недоверчивым. Теперь-то он не назовет себя неудачником! Пусть ими будут другие.

И все же старое чувство озлобленности снова охватило Гитлера. Не надо бы сейчас вспоминать Раубаль, все это давно прошло, вот уже семь лет, как она застрелилась. И все же Гитлер думал о ней — Гели Раубаль.

Это была его племянница, дочь сводной сестры. Адольф питал к ней далеко не родственные чувства и был уверен, что она станет его женой. Он полагал, что имеет на нее безраздельное право. Но Гели предпочла забулдыгу Морица — приятеля и единомышленника Гитлера. Они вместе ходили в пивную Берчкеллер, вместе выступали на митингах. Произошла ссора с Морицем, и Гитлер отправил племянницу в Вену, подальше от греха. Для всех Гели уехала в Вену учиться пению. Гитлер говорил, что мечтает сделать ее певицей. Но и после этого он не прекращал домогательств, а Раубаль отвергала их и наконец, не выдержав, застрелилась. Она ушла из жизни, и Гитлер не мог ничего сделать. Считал себя обманутым. Вот что бесило! Он начал искать утеху в вине. Однажды, обливаясь пьяными слезами, сказал приятелям: «Теперь одна только Германия будет моей невестой...» Прошло немного времени, и Гитлер утешился с Евой Браун.

Усилием воли Гитлер повернул мысли от прошлого, но он продолжал думать о женщинах.

Гитлер вообще любил женское общество. Перед женщинами легче показать свое превосходство. Женщины лучше умеют слушать, пусть не всегда понимая, о чем идет речь, но в их глазах быстрее можно зажечь огоньки восхищения, они гораздо легче поддаются гипнозу слова, способствуют вдохновению, оживляют мысль. В этом отношении Ева бесподобна. Склонив голову, она часами может слушать самые глубокомысленные рассуждения и не перебивать, что очень редко бывает у женщин.

Гитлер перешел на другую сторону утеса и присел на камень, поросший зеленоватым лишайником. Это было его излюбленное место. Он привыкал к одним и тем же местам, вещам и почти не терпел новых людей в своем окружении. Возможно, здесь сказывалась возрастающая с годами мнительность, может быть, влияло

предсказание гороскопа. Но, так или иначе, каждое новое лицо заставляло настораживаться, вызывало подозрительное чувство нависавшей опасности.

Солнце все больше начинало пригревать камни. На склоне горы становилось теплее. Небо было совершенно чисто, и на Вацмане искрился первый выпавший снег. Можно считать, что утро уже кончилось, а фюрер все еще не мог обратиться к мыслям, ради которых он уединился здесь, как всегда это делал перед большими решениями.

Впрочем, решение созрело уже давно. Сейчас самое удобное время расправиться с Польшей. Дальше оттягивать нечего. Генерал Браухич обещал покончить с ней в две недели. Пятьдесят шесть дивизий стоят на границе и ждут приказа. Он отдаст этот приказ двадцать пятого. Хотя нет, сегодня вторник... Гитлер начал считать на пальцах — двадцать пятое будет в пятницу. Ни в коем случае! Только не в пятницу — этот день приносит несчастье. Надо следовать старой пословице: «Что предпримешь в пятницу, не продержится и недели». Тогда в субботу... Дело, конечно, не в Данциге. Это разговоры для дураков. Германии нужно жизненное пространство — лебенсраум. В субботу наступит новая эра в истории. Германцы начнут движение на восток. Они пойдут по следам древних тевтонов, во главе их встанет он, Адольф Гитлер! Он затмит славу и Наполеона и Фридриха. Ну, а повод найдется. Как его зовут, этого англичанина? Бакстон. Он подбросил неплохую идею — пусть поляки сами нападут на Германию...

Гитлер уже поручил Гейдриху добыть одежду польских солдат. Этот сдерет ее вместе с кожей! А кто напялит мундиры, кто станет нападать, не важно, лишь бы люди были в польской форме. Потом их нетрудно убрать. Мертвые, как известно, умеют держать язык за зубами.

Значит, англичане, если они подсказывают такие вещи, не хотят воевать из-за Польши. Мы еще с ними поладим, они пригодятся. Им бы только стравить нас с русскими. Всему свое время, дойдет черед и до русских. Если бы только в Москве поверили, что мы всерьез заключаем договор с ними. Договор! Это клозетная бумага. Договора заключают, чтобы рвать их...

А британцев он тоже выжмет, заставит их танцевать под его дудку, как Чемберлена. Этот сухой стручок тоже хочет быть хитрым! Предлагает вернуть колонии в Африке. Чьи? Германии нужны немецкие колонии, а он предлагает бельгийские. Подумаешь, от пятого градуса до Мозамбика... Бельгийские можно и так взять. Но дело сейчас не в этом. Значит, англичане хотят полюбовно разделить мир и разделить только с ним. Вот это важно! Значит, тыл обеспечен.

Сегодня на совещании он сообщит генералам свое решение. Нужно подкрутить этих зазнаек. Они слишком расчетливы и осторожны, он бы сказал — ограниченны. В большой политике нужны дерзость и риск. Иначе разве удалось бы подчинить Австрию и чехословаков! Конечно, надо благодарить за это Чемберлена. Как

обвел он этого старого дурака! Прорвать судетские укрепления — не шутка. Для этого следовало иметь по меньшей мере тридцать дивизий, а было их тринадцать! Тем не менее Чехословакия пала без единого выстрела. А генералы еще не верят в его полководческий гений! Шкодливые кошки! Хотят действовать только наверняка. Бездарь! Только и думают о чинах и наградах. Он даст их, эти награды, пусть только воюют. Генералы все еще считают его серым ефрейтором, шмирштифелем — смазным сапогом, а они лакштифель — лакированные сапожки, белая кость.

Рейхсканцлер, распалившись в мыслях, ударил себя кулаком по колену. При одном воспоминании о снисходительном отношении генералов, прикрытом внешней почтительностью, он приходил в бешенство. Он чувствует это. Пусть Вильгельм Лист посидит сегодня на совещании. Это полезно, сбросит немного генеральскую спесь. Когда-то ефрейтор Адольф Гитлер служил у него в пехотном полку, а теперь... Роли меняются.

Мысли Гитлера переметнулись на полк, где он служил под началом Листа, на холодные и неприютные казармы на окраинах Мюнхена. Там он получал даровое питание и ефрейторскую каморку. Потом снова вспомнил о квартире на Принцрегентштрассе. По сравнению с каморкой она показалась тогда дворцом. Переселение из казармы было первым признаком возросшего благополучия. Там соседи уже называли его «герр Гитлер», выказывали уважение. Это не то что в Вене, в кварталах Мейдлинга, где в любую погоду приходилось выстаивать перед дверями благотворительного ночлежного дома. А ночлежка походила на Австро-Венгерскую монархию, в ней не по доброй воле жили люди разных национальностей. В ночлежку забирались чешские бетонщики, словенские каменщики, хорватские чернорабочие, кто угодно. Гитлеру, всегда помнившему, что он немец по крови и, значит, выше всего этого сброда, казалось, что они перебивали у него работу, оттирали от хлеба насущного, забирались на лучшие нары. Быть может, там, в ночлежках Мейдлинга, почувствовал он впервые ненависть к славянским и другим недочеловекам, которые мешают жить чистокровным арийцам.

Вена! Красивая мачеха! И все же он любил этот город, где прошли ранние и недобрые годы. Любил — не то слово. Цепная собака тоже любит свою конуру. Нужда приковала его к мачехе-городу. Если бы мог он тогда жить иначе! Как завидовал он сытым господам, гулявшим на Пратере! Сколько пришлось пережить унижений, крушений надежд, болезненных уколов, щелчков по самолюбию! Его не пустили и на порог Академии художеств, хотя он был абсолютно уверен в своей одаренности. Он предложил архитектурный проект, который затмил бы автора Бельведера, но над ним посмеялись. Рискнули бы сделать это теперь! А тогда вместо работы в академии пришлось торговать поддельными картинами и зарабатывать на хлеб, пока не случились неприятности с криминальной полицией. Много лет спустя канцлер Дольфус пытался шантажировать его каким-то протоколом из полицейских архивов

Вены. Думал, что безнаказанно может заигрывать с Италией и показывать кукиш Гитлеру! За то и поплатился своей головой. Гесс чисто обставил дело...

Нет, в Вену он стремился не для того, чтобы поклониться ночлежке и вспоминать об унижениях. Он жаждал удовлетворения, добивался признания, которого столько времени не было. И он добился своего, Адольф Гитлер. В город въехал сразу после аншлюса, въехал как победитель.

Конечно, жизнь в Вене не прошла бесследно. Она дала очень многое. Во время триумфальной поездки к нему привели старика букиниста. Это был единственный старый знакомый, обнаруженный в Вене. У него дрожала голова от старости, быть может, от страха. Букинист наконец вспомнил, как герр Гитлер приходил к нему читать старые иллюстрированные журналы. По тем журналам Гитлер начал изучать военное искусство — читал отчеты о франко-прусской кампании. Значит, не всем нужна академия генерального штаба, ее могут окончить и совершенно посредственные генералы. А толку? От штанов, протертых за партой, не всегда прибавляется в голове. Он убежден: в военном искусстве главное — интуиция. Она есть у него, хотя Гитлер и учился на старых журналах, у прилавка венского букиниста...

Верный своей обычной манере перескакивать в мыслях с одного на другое, Гитлер вдруг отдался более ранним воспоминаниям — о своей родословной, об отце, Алоизе Шикльгрубере, который пожертвовал всем, даже именем, чтобы выбиться в люди.

Гитлер не мог помнить, когда отец работал сапожником,— то было за много лет до рождения Адольфа. К рождению сына Алоиз был уже хоть и небольшим, но таможенным чиновником, носил форму — не ровня мастеровому люду. К тому времени, когда Адольф стал подрастать, его отец успел до краев наполниться высокомерным презрением к голодранцам, к низшим слоям, то есть к людям в спецовках, комбинезонах и заштопанных, засаленных блузах. Адольф рано усвоил высокомерное отношение австрийских обывателей к «черни» и тяготился, что ему приходится жить в окружении этой публики.

Алоиз Шикльгрубер, надо полагать, был неудачником в жизни. Только раз судьба улыбнулась ему, протянув тугой кошелек в виде наследства румынского еврея Гитлера. Но в последний момент капризная дама — судьба отняла руку, и Алоиз остался ни с чем. В самом деле, чем еще, как не роковым невезением, можно объяснить неудачу отца с женитьбой! Сапожник Шикльгрубер в зрелом возрасте женился на дочери бухарестского кельнера еврея Гитлера. Конечно, не по любви. Кто может воспылать к уродливой и сварливой женщине, которая к тому же была лет на пятнадцать старше! Но кельнер любил внебрачную дочь как память о приятных грехах молодости. Он пообещал Алоизу приданое, но поставил условие: женившись, сапожник возьмет фамилию тестя, а стало быть, и дочка будет законно носить фамилию Гитлер.

У старого кельнера имелись свои соображения: других детей

у него не было, но он не хотел, чтобы на земле оборвался род Гитлеров. Кельнер для того и придумал сложную, хитроумную комбинацию, вбив себе в голову, что так будет легче оставить молодоженам наследство, накопленное чаевыми. А Шикльгрубер не дорожил фамилией, он предпочитал деньги. Но старик обманул Алоиза — умер, не успев написать завещания. Немногим позже умерла и супруга Алоиза. Так и получилось, что в результате всех комбинаций австрийский сапожник получил в наследство от тестя только фамилию. Огорченный неудачей, Алоиз женился на прислуге усопшей — на Кларе Пельц, матери будущего канцлера Германской империи.

Судьба еще раз улыбнулась сапожнику, он поступил в таможню. Но обманутый в своих расчетах Алоиз усмотрел причину неудачи в вероломстве бухарестского кельнера и навсегда затаил глубокую неприязнь к еврейскому племени. Это чувство он постарался внушить и сыну.

Так получилось, что злейший антисемит из всех антисемитов в истории последних веков Адольф Гитлер носил фамилию еврея, кельнера из Бухареста...

Два поколения род Гитлеров выкарабкивался, пробивался в люди. То, чего не добился таможенный чиновник, удалось сделать его сыну Адольфу. Путь к долгожданному благополучию, к славе и власти нащупал он все в той же Вене. «Красивая мачеха» многому научила. Озлобленный житейскими неудачами, подросток Гитлер шатался по венским базарам и митингам, ввязывался в споры, слушал в пивных выступления модного вожака какой-то национальной партии Георга фон Шенерера. Вместе с лавочниками Гитлер негодующе кричал «пфуй» по адресу иудеев, одобряя этим призывы оратора громить газеты и еврейские магазины.

В молодости Гитлеру довелось слушать и другого оратора — Карла Люгера, мэра города, который тоже к чему-то призывал, кого-то клеймил и что-то обещал обывателям. В завистливую душу сумрачного подростка на всю жизнь запали слова Люгера: «Чтобы преградить путь социалистам, нужно включить их требования в свою программу. Не беспокойтесь о программе — она нужна только для выборов».

Отчаявшись добиться успеха в Вене, молодой Гитлер решил искать счастья в Германии. Он перебрался в Мюнхен, убежденный в том, что виновники всех бед на земле — это евреи, рабочие и социалисты. А господами положения, Гитлер тоже в этом уверился, должны быть люди, в жилах которых течет немецкая кровь.

В Мюнхен он переехал незадолго до начала мировой войны, но и война ничего не изменила в личной судьбе Адольфа. В полку дослужился до чина ефрейтора. Фортуна обратила внимание на неудачника лишь значительно позже...

И вот он, избранник судьбы, сидит на диких камнях в канун великих свершений. Взглянул бы на него сейчас отец, Алоиз Шикльгрубер! Он остался бы доволен успехами сына. Ради благополучия отец отказался от собственной фамилии, Адольф тоже

пошел по его стопам. Сын австрийского таможенника всего несколько лет назад принял германское подданство. Национальность, как и совесть,— ненужное тряпье, мешающее идти к намеченной цели. Он, Гитлер, признает только борьбу крови с кровью, расы с расой. Только борьба за существование сделает одних властелинами, других — рабами. Естественный инстинкт побуждает всякое живое существо не только побить врага, но и уничтожить его. Он, Гитлер, пришел к этому выводу в результате долгих, глубоких раздумий. Лишь в процессе войны происходит естественный отбор и очищение земли от неполноценной и низшей расы. Только война поставит германскую расу на уготованное ей место под солнцем.

Но с войной надо спешить. Надо наверстать упущенное время. Александр Македонский стал полководцем в двадцать лет, Наполеон и Фридрих начинали завоевательные походы в двадцать шесть лет, а Карл XII — еще раньше, семнадцатилетним юношей. Он, Адольф Гитлер, отстал от великих полководцев мира, ему уже пятьдесят лет. Надо наверстать время, надо спешить!

Гитлер поднялся с камня, покрытого зеленым лишайником. Он торопливыми шагами начал спускаться по тропинке вниз, к Бергхофу, будто и впрямь спешил наверстать упущенное время.

До совещания с генералами оставалось не больше часа. За это время из Москвы должен был еще позвонить Риббентроп.

III

Дежурный адъютант, подполковник Шмундт, пригласил генералов в кабинет фюрера. По обыкновению, Гитлер назначил совещание внезапно, известив о нем только накануне вечером, и многие явились в Бергхоф прямо с аэродрома. За четверть часа до назначенного времени почти все были в сборе. Состав участников оказался узким — на совещание вызвали всего человек двадцать, преимущественно командующих армиями, танковыми соединениями и авиационных генералов. Из «старой гвардии» кроме Геринга здесь были только Борман и Гесс, но они прошли во внутренние апартаменты фюрера и до сих пор не возвращались.

Сначала генералы толпились в приемной, перекидываясь пустяковыми фразами, а потом, уступая один другому дорогу, предупредительные и вежливые, прошли в кабинет. Неторопливо, с чувством собственного достоинства, деловито они рассаживались за широким и длинным столом, отполированным до зеркального блеска.

В кабинете, ближе к письменному столу фюрера, уже сидел подтянутый и седой, коротко остриженный главком сухопутных войск фон Браухич. Квадратное лицо его с округлыми бровями и прямыми, вытянутыми в линейку губами было сосредоточенно. Он вполголоса разговаривал с Гальдером — преуспевающим, полненьким и педантичным артиллеристом, недавно назначенным начальником генерального штаба.

Возле окна, которое занимало всю южную стену кабинета и походило на витрину берлинского универмага, стоял рейхсмаршал Геринг. В парадном мундире из светло-голубой замши, в высоких сапогах с золочеными шпорами, он выделялся среди остальных ярким и броским нарядом. Облокотившись на спинку стула, Геринг задыхался от приступа смеха. Видимо, рейхсмаршал был в отличном настроении и не переставая подшучивал над закадычным приятелем генерал-полковником Милхом. Он стоял тут же, рядом с начальником имперской полиции Кальтенбруннером. Массивный торс Геринга колыхался от сдерживаемого хохота. Смеялся и Кальтенбруннер, обнажая крупные, длинные зубы. Но шутки рейхсмаршала, видимо, не доставляли удовольствия Милху. Коротконогий и широкий в плечах, он стоял, заложив назад руки, и недовольно, натянуто улыбался.

Речь шла о неарийском происхождении Милха. Генерал выпутался из этой истории с помощью обоих собеседников, но с тех пор это служило дежурной темой для грубых и назойливых шуток Геринга.

— Отстань, Герман, не надоело тебе говорить об одном и том же? — На смуглом, нагло-красивом лице Милха скользнула тень раздражения.

— Нет, ты нам признайся: согрешила твоя мамаша с арийцем или не согрешила? Ну, признавайся! — Геринг достал платок и вытер глаза, он смеялся до слез.

— Я мог бы задать тоже кое-какие вопросы,— Милх взглянул на орден «Пур ле Мерит», блестевший в созвездии других регалий на груди Геринга. Рейхсмаршал особенно гордился этой наградой, полученной в мировую войну.

Милх что-то хотел сказать, но удержался.

Среди людей их круга существовал негласный закон — не говорить о некоторых событиях прошлого. Тогда почему же Геринг сам так надоедливо вспоминает об этой злополучной истории? Впрочем, это его дело, лучше быть осторожным...

Геринг не заметил ни угрозы, ни раздражения в словах Милха. Вытирая глаза, он продолжал его донимать:

— Ты, Эгардт, признайся только — да или нет? Тогда мы отпустим тебя на все четыре стороны.

— Оставь, Герман, честное слово, мне это надоело!..

История, которой забавлялся Геринг перед совещанием, заключалась в том, что отец Милха, аптекарь из Вильгельмсгафена, был евреем. Обнаружилось это при заполнении «аненпаса» — родословного паспорта, определявшего чистоту крови. В паспорт записывали предков до четвертого поколения. Любому немцу, жителю Третьей империи, такое количество неарийской крови, как у Эгардта Милха, не сулило ничего хорошего. Но Милх не был рядовым немцем, в имперской авиации он числился вторым человеком после Геринга. Кроме того, их связывала с фельдмаршалом давняя и тесная дружба, уходящая корнями в то далекое время, когда оба в мировую войну служили летчиками в эскадре Рихтгофена. Милху

довелось тогда оказать Герингу одну деликатную услугу, в результате которой на кителе будущего фельдмаршала появился его первый орден — «Пур ле Мерит». Это сейчас грудь его походит на витрину лудильщика — орденов и не пересчитать,— но тогда было иное. Заработать «Пур ле Мерит» во время войны дело не шуточное: его давали летчику-истребителю за двадцать самолетов, сбитых в воздушном бою.

В мимолетном раздражении Милх едва удержался, чтобы не намекнуть Герингу на то, как он получил награду. Ведь почти половина сбитых самолетов из двадцати принадлежала ему, Милху. Приятели сговорились: если действовать врозь, не будет ни одного ордена, а вместе получается двадцать один самолет. Простая арифметика. Кому приписывать, тащили на спичках. Досталось Герингу. Милх вытащил короткую спичку, но ему до сих пор кажется, что приятель смухлевал и выставил две обломанные спички.

Дело это старое, и его не проверить, точнее — не подтвердить, так же, как историю с гибелью офицера Рейнгардта.

В шестнадцатом году они стояли на русском фронте. После гибели командира отряда на эту должность назначили старшего по званию офицера — Рейнгардта. Помнится, Геринг завидовал ему и даже как-то сказал Милху: «Везет же этому Рейнгардту! Если б не он, то я стал бы командиром отряда...»

А вскоре — это случилось как раз в тот день, когда разбился Рейнгардт,— Милх перед рассветом вышел из палатки и увидел Геринга. Он возился под брюхом истребителя. Потом Герман уверял, что пораньше встал для того, чтобы подтянуть тросы у своего самолета. Но Милх-то не был пьян, он собственными глазами видел — Геринг вылезал из-под машины Рейнгардта.

Рейнгардт погиб часов в десять утра. Он не успел набрать высоту и свалился в штопоре тут же, на аэродроме. Комиссия установила причину: лопнул трос — и самолет потерял управление. Рейнгардта с почестями похоронили, а Геринг, как старший по званию, стал командиром истребительного отряда.

На войне долго не горюют о погибших, про Рейнгардта скоро забыли, а Геринг оценил молчание приятеля — с Милхом у них завязалась тесная дружба.

И вот, когда потребовалось, Геринг пришел на помощь. Собственно, предложил это не он сам, Кальтенбруннер оказался более искушенным в таких делах. Он посоветовал: пусть мать заявит, что она была неверна мужу-еврею. К счастью, в это время отец уже умер. Главное — пришлось долго убеждать мать, старуха никак не хотела давать клятву. Но Эгардт настоял на своем, заставил ее сделать все, что нужно. В полицию поступило заявление матери, оно подтверждалось официальной клятвой, заверенной нотариусом, что ее мальчик Эгардт, благодарение богу, родился не от мужа-еврея. Настоящим отцом его — да простит бог ее прегрешение! — является ныне уже покойный учитель господин Лемке, человек строгих правил и чистой арийской крови.

Остальное взял на себя Кальтенбруннер. В полиции он все уладил. Достаточно было телефонного звонка.

— Ну ладно, ладно! — сказал Геринг, заметив наконец, что Милх вот-вот может взорваться.— Благодари мамашу за ее прегрешения... Однако не пора ли нам начинать? — Генерал-фельдмаршал посмотрел на часы: — Ого, фюрер что-то запаздывает!

— К нему прошли Борман и Гесс,— сказал Кальтенбруннер.

Геринг беспокойно поднялся и ревниво глянул на дверь — уже успели! Он не выносил, когда кто-то другой находился возле фюрера, тем более в его отсутствие. Опять плетут какие-нибудь интриги...

— Пройду-ка я выясню, что там случилось... А Борман давно там?

— Нет, с полчаса, не больше.

Озабоченный генерал-фельдмаршал прошел в боковую дверь, казавшуюся частью резного орехового шкафа, скрытого в стене.

Тем временем просторный кабинет заполнился приглашенными генералами. Вошел Роммель, бывший преподаватель тактики при личной охране фюрера. С волевым лицом, грубоватый и резкий в манерах, он сел к столу, с шумом пододвинув под себя стул.

Появился высокий и худощавый фон Паулюс. Поговаривали, что его прочат на должность оберквартирмейстера генерального штаба. Пришел командующий танковой армией массивный, как глыба, Геппнер. Его сопровождал Гудериан, автор только что изданной и нашумевшей книги «Внимание: танки!». Маленький рот и сведенные, нахмуренные брови оставляли на лице его выражение постоянного недовольства и желчной обиды. Но Гудериану нечего было обижаться, роптать на судьбу — Гитлер целиком разделял его доктрину массового применения танков для прорыва и окружения противника. Поэтому Гудериана называли «генералом с перспективой».

Морской флот представляли гросс-адмиралы Дениц и Редер. К представителям флота в какой-то степени можно было отнести и вице-адмирала Канариса, во всяком случае по его званию и морской форме. Если бы не вице-адмиральский мундир, который, кстати сказать, он надевал только в сверхисключительных случаях, Канариса можно было бы принять за рассеянного и немного утомленного профессора с мягкими, ленивыми манерами и добродушной внешностью. Только горящие, проницательные глаза говорили о его энергии и неукротимом движении мысли. Вице-адмирал, или «маленький грек», Вальтер Канарис стоял во главе абвера — военной разведки империи.

Всеобщее внимание привлек к себе генерал-полковник Герд фон Рунштедт. Его появление расценили как верный признак примирения старого генерала с Гитлером. Генерал прусской школы, прямой и надменный, с окаменелым, лишенным морщин лицом, он прошел к свободному месту, не обращая внимания на притихшие разговоры и любопытные взгляды, сел к столу, поздоровавшись только с фон Браухичем. Остальным небрежно кивнул головой.

За столом усаживался разговорчивый Дитрих, известный больше прозвищем «Зепп», смуглолицый красавец восточного типа, похожий на содержателя бара. На нем была форма обергруппенфюрера войск СС, что соответствовало званию генерала. Бывший начальник личной охраны фюрера, Зепп теперь командовал особой дивизией СС «Адольф Гитлер».

Среди приглашенных были также командующий армией Клюге — человек с умным, породистым лицом, высоколобый, главком парашютных войск Штудент, генерал Шернер, импонирующий Гитлеру грубой солдатской хваткой.

В Бергхофе — личной резиденции Гитлера — собрался цвет военной Германии. В кабинете воцарилась атмосфера нетерпеливого ожидания. Не все знали тему предстоящего совещания, но по многим признакам чувствовалось, что назревают большие события. Напряжение усилилось с появлением Кейтеля — уже пожилого генерал-полковника с подстриженными седыми усами и впалыми щеками, обтянутыми сухой кожей. Кейтель был одним из ближайших военных советников фюрера и начальник штаба ОКВ — всех вооруженных сил Германии.

Многие поражались поистине феерической карьере начальника штаба. К пятидесяти годам Вильгельм Кейтель оставался только заурядным майором. Это не говорило о его гениальных военных способностях, но, сделавшись приближенным фюрера, майор начал расти как на дрожжах. В течение нескольких лет он поднялся до генерал-полковника. Другие генералы завидовали, иронизировали и в то же время побаивались злопамятного, ловкого, умеющего приспособляться военного помощника фюрера.

В руках Кейтель держал папку с бумагами. Отыскав глазами адъютанта Шмундта, он подозвал его и передал бумаги — для фюрера, срочно! Шмундт тотчас же исчез за дверью, в которую только что прошел Геринг.

Самым последним на совещание явился Гиммлер — рейхсфюрер СС, невысокий, тщедушный человек, чем-то похожий на провинциального учителя, обладающий колоссальной властью в империи. На нем была зеленая эсэсовская униформа без орденов и знаков различия. Он был убежден, что его, Генриха Гиммлера, узнают без всяких регалий.

Гиммлер остановился в дверях кабинета, протер пенсне, острым взглядом окинул собравшихся генералов. Среди них он не обнаружил ни Геринга, ни Бормана с Гессом и, поняв сразу, что все они собрались наверху, круто повернулся на каблуках и короткими шажками застучал по паркету через приемную в апартаменты Гитлера.

IV

Гиммлер поднялся на второй этаж, в малый кабинет канцлера. Гитлер сидел в кресле, склонившись над письменным столом и рукой прижимая к уху телефонную трубку. Другая рука оставалась

свободной, Гитлер то подпирал ею подбородок, то разглядывал ногти, начинал их обкусывать, то снова опирался на руку подбородком. Черная неширокая прядь волос спадала к бровям, и от этого лоб казался еще ниже.

Вокруг Гитлера расположились Геринг, Борман и Гесс. Опираясь руками на край стола, неуклюжий и широкоплечий, с бычьей шеей, мрачно стоял Мартин Борман. На его лице с выдающимися скулами и широкими ноздрями застыло выражение черствой хитрости. Геринг тоже слушал, навалившись животом на стол. Гесс, высокий, аскетического вида человек с глубоко запавшими глазами, скрытыми под чащей нависших бровей, стоял позади и держал раскрытую папку, на случай, если Гитлеру потребуется какая-то неотложная справка.

Все, кто был в кабинете, сдерживая дыхание, прислушивались к разговору. Распахнув дверь, Гиммлер хотел что-то сказать, но на него замахали руками, а Геринг приложил палец к губам, давая понять — требуется немая тишина.

На проводе была Москва. Говорил Риббентроп, он вел там переговоры с Советским правительством. Министр иностранных дел сообщал, что переговоры идут успешно, подробности обещал передать часа через полтора шифром, а пока с удовлетворением отмечал, что русские согласны подписать пакт о ненападении. Риббентроп выражал восхищение Москвой, делал комплименты советским руководителям, восторженно отзывался об их умении быстро решать вопросы, не обращая внимания на какие-то мелочи.

Чуть искаженный голос министра отчетливо доносился из трубки. Всем были слышны елейные интонации в голосе Риббентропа, и это вызывало удовлетворенные, хитроватые улыбки: русские наверняка тоже слушают разговор. Он предназначен больше для них.

«Русские, как и мы, стремятся к миру,— доносилось из трубки.— Я счастлив, мой фюрер, что вы именно мне поручили осуществить эту благородную миссию в Москве».

Гитлер отвечал в тон Риббентропу. Дал понять, что надо во всем идти на уступки русским, соглашаться со всеми их требованиями.

— Передайте в Москве,— ворковал он,— что я искренне удовлетворен успешным ходом переговоров. Отныне две великие страны будут вечно жить в мире, служение которому, вы это отлично знаете, является смыслом моей жизни...

Гитлер положил трубку и, потирая руки, торжествующе поглядел на всех.

— Кажется, я оставлю в дураках и англичан, и русских... А теперь — на совещание! Генералы уже ждут меня.

— Это гениально, мой фюрер! Вот отбразец гибкости мысли! — успел вставить Геринг.

Гитлер взял папку, не ту, которую держал Гесс, а другую, с надписью «Вермахт» — вооруженные силы. Спустился вниз. Его окружила «старая гвардия». На какую-то секунду Гитлер задер-

жался перед дверью, оправил лацканы кителя и, наклонив голову, подавшись вперед, стремительно вошел в кабинет.

Не отвечая на приветствия, фюрер прошел к столу, дал знак всем занять места и начал говорить без всяких вступлений. Адъютант торопливо записывал его речь.

— Я пригласил вас, мои генералы,— чуть слышно произнес Гитлер в наступившей тишине,— чтобы поделиться мыслями, которые владеют мной перед назревающими событиями, и сообщить вам мои решения.

Выступая на совещаниях, Гитлер никогда не стоял на месте. Так и сейчас он расхаживал по кабинету, останавливался, жестикулировал, возвращался к письменному столу и вновь отправлялся в путешествие по кабинету.

— Провидение определило,— продолжал Гитлер,— что я буду величайшим освободителем человечества. Перед поворотным этапом истории я освобождаю людей от сдерживающего начала разума, от грязной и разлагающей химеры, именуемой совестью и моралью. Я благодарю судьбу за то, что она уготовила мне благословение свыше и опустила на мои глаза непроницаемую завесу, освободив душу от предрассудков.

Природа жестока, следовательно, и мы тоже имеем право быть жестокими. Если я посылаю цвет германской нации в пекло войны, проливая без малейшей жалости драгоценную немецкую кровь, то я, без сомнения, имею право уничтожить миллионы людей низшей расы, которые плодятся, как насекомые. Я приближаюсь к ниспосланной мне роли с колоссальным, ледяным спокойствием, избавленный от предрассудков. Война, господа, производит естественный отбор, очищает землю от неполноценных и низших рас. И само государство, если немного пофилософствовать, и само государство является объединением мужчин в целях войны.

Начало речи Гитлер подготовил заранее. Подготовил, выучил наизусть и другие, наиболее значимые места, на которых следовало сосредоточить внимание. В остальном он полагался на свое ораторское искусство. Он импровизировал и отличался способностью гипнотизировать аудиторию, ошеломляя хлесткими фразами, крутыми и неожиданными поворотами мысли, нарушавшими логический ход речи. У него была своя, тщательно продуманная манера говорить — сначала тихо, потом внезапно переходить на высокие, истеричные ноты, подкрепленные неожиданно резкой жестикуляцией, затем снова опускаться до трагического шепота, перерастающего внезапно в захлебывающийся, почти кликушеский вопль.

Так и сейчас, не повышая голоса, он говорил о страшных вещах, излагал свое философское кредо, и вдруг, ударив ладонью по столу с такой силой, что многие вздрогнули, Гитлер заговорил отрывисто, резко:

— Вопрос решен! Мы атакуем Польшу при первой возможности. Об этом я уже говорил весной. Сейчас мы имеем такую возможность. Не может быть речи о том, что справедливо и несправедливо. В войне имеет значение не право, а победа. Только побе-

да! Сильнейший владеет правом. Наша сила — в быстроте и жестокости. Чингисхан по собственной воле с легким сердцем умертвил миллион мужчин, женщин и детей. Скажите мне, кто вспоминает об этом? История видит в нем только великого созидателя государства.

Я не считаюсь, что скажет обо мне дряхлая современная цивилизация. Я пошлю на восток свои дивизии «Мертвая голова», чтобы безжалостно уничтожать мужчин, женщин, детей польской национальности или говорящих по-польски. Только так мы, немцы, можем получить жизненное пространство, можем вкусить наконец лакомый кусок со стола вселенной. Разрешение проблемы требует мужества. Это невозможно разрешить без вторжения на территорию иностранных государств, без посягательства на чужую собственность. Запомните: речь идет не о Данциге. Я созвал вас для того, чтобы осветить перед вами сложную политическую ситуацию, раскрыть планы, на которых основано мое решение. Я хочу укрепить в ваших сердцах доверие ко мне. Я говорю вам: приказ к наступлению будет дан в субботу, и я застрелю любого, кто произнесет хоть одно слово критики!

Голос оратора начал срываться, стал еще более резким, пронзительным. Лицо исказилось молниеносной судорогой. Он еще продолжал ощущать холодную стену отчужденности генералов, их недоверие к предначертанной миссии. Рунштедт, Браухич, даже Гальдер и Клюге что-то еще таили в душе. Может быть, они до сих пор пренебрежительно относятся к бывшему ефрейтору? Ему, Гитлеру, многих удалось привлечь на свою сторону. Он многих заставил уверовать в свой непогрешимый военный гений. Стена, когда-то отделявшая его от генералов, пала, но, видимо, существуют еще обломки, руины, которые нужно развеять в прах. Сейчас, немедленно!

Гитлер снова начал говорить тихо, растягивая слова. Говорил об успехах предшествующих лет, о выходе из Лиги Наций, о воинской повинности, введенной вопреки Версальскому договору, о первых вооруженных отрядах и первых партиях оружия.

Гитлер вспомнил о встрече с американским агентом, майором Гиера. В одном лице Гиера представлял интересы американских предпринимателей и военных. Он — американский майор — был первым поставщиком вооружения для армии Гитлера. Впрочем, воспоминание только мелькнуло и отошло. Существуют тайны, которые не следует разглашать даже здесь, в узком кругу.

Он напомнил генералам, как с одним батальоном солдат вернул империи Рейнскую область, оккупированную англо-французскими войсками. Тогда Гитлер особенно ясно почувствовал, что кто-то усиленно поддерживает его за рубежом. Иначе — как можно с батальоном без единого выстрела занять всю Рейнскую область! В европейских столицах сделали вид, будто ничего не случилось. А на самом деле произошло событие огромной важности — Рейнская область перестала существовать как демилитаризованная зона. Гитлеру намекнули: вооружайся!

Годом позже пришла Австрия, потом Чехословакия, теперь очередь за Польшей.

— Все эти годы,— повысив голос, говорил Гитлер,— было много пророков, предрекавших несчастье, неудачи, и очень мало было людей, веривших в меня. А кто был прав, кто?.. Вспомните Австрию. Этот мой шаг встречали с большими сомнениями. Он принес усиление империи. Кто возразит мне, что с чехами надо было поступать иначе? Теперь нельзя рассчитывать на повторение чешской операции. Конфликт с Польшей будет иметь успех только в том случае, если Запад останется вне игры. Сейчас у меня в этом существует полная уверенность. Дар предвидения меня не обманывает. Я долго раздумывал и опасался, не будут ли мне препятствовать Англия, Россия, Польша и Франция, объединившись вместе. Но этого нет. Чемберлен не хочет воевать с нами, он не пойдет вместе с Россией. Эти ничтожные людишки Даладье и Чемберлен — я знаю их с Мюнхена — слишком робки для наступления. Они не пойдут дальше блокады. Мы будем избавлены от войны на два фронта. Территория Польши будет очищена от своего народа и заселена немцами. Договором с Польшей я хотел только выиграть время. Международные договоры для этого и существуют. В конце концов с Россией, господа, случится то же самое, что я делаю с Польшей. Сегодня Риббентроп получил от меня еще раз указания — идти на любые предложения в Москве и соглашаться с любыми требованиями русских.

В кабинете стояла немая, непроницаемая тишина. Только голос Гитлера, то властный и резкий, то вкрадчивый и приглушенный, проникал всюду, захватывал, подчинял, будоражил. У многих начинали розоветь лица, загорались глаза. Исключение, может быть, представляли только Рунштедт и Браухич. Они сидели с бесстрастными и холодными, невозмутимыми лицами. Но так только казалось. Браухич крутил в руках штабной карандаш и думал: «На этот раз, кажется, Гитлер прав. Польские границы нас могут устроить. И этот Данцигский коридор...»

Командующий сухопутными силами имел личные интересы в Польше. Померанский помещик, владелец трехсот тысяч акров земли, он не мог мириться с мыслью, что польский коридор, разрезавший Восточную Пруссию, клином врезается в его собственные владения.

Генерала Рунштедта обуревали иные мысли. «Черт возьми,— думал он,— может быть, военное искусство просто случай, удача, а великие полководцы только счастливчики. Иначе чем объяснить успехи Гитлера? Бывший ефрейтор и... Непостижимо! Может быть, именно он возьмет реванш за проигранную войну, восстановит престиж немецкого генералитета. Конечно, воевать с Польшей придется не две недели, это абсурд, но игра стоит свеч!»

Речь Гитлера действовала даже на самых упрямых и несговорчивых генералов. Гитлер интуитивно почувствовал это, понял, что аудитория теперь в его руках. Гипноз начал действовать. Это нелегко далось. Лицо оратора покрылось бисером пота, все чаще по-

являлись судороги, кривившие рот. Он умел на какие-то мгновения, на какой-то период почти искусственно, точно шаман, взвинчивать себя, терять самообладание, впадать в состояние транса и, задыхаясь, изрекать, словно непроизвольно, отдельные слова и фразы. Такое состояние психоза неизбежно передавалось аудитории.

Почувствовав приближение такого состояния, Гитлер отдался ему, стараясь только немного отдалить его, чтобы завершить выступление.

— Для нас обстановка сейчас наиболее благоприятна. Я опасаюсь только одного — что Чемберлен или какой другой грязный субъект придет ко мне с предложением или с акробатическим трюком посредника. Тогда я спущу его вниз по лестнице, если бы даже мне самому пришлось толкать его ногой в живот на глазах у толпы фотокорреспондентов.

Нет, теперь уже слишком поздно! Нам никто не помешает. Уничтожение Польши начнется в субботу утром. У меня будет несколько рот в польской форме, которые проведут нападение на наши границы. Мне наплевать, поверит этому мир или нет. Мир верит только успеху.

Господа, вас ждут слава и честь, невиданные в веках! Будьте жестоки и беспощадны! Действуйте быстрее и грубее! Жители Западной Европы должны содрогнуться от ужаса! Мы стоим перед самой гуманной войной — она будет молниеносной и вселит ужас!..

А теперь — на врага! В Варшаве мы отпразднуем нашу новую встречу!..

Воинственным кличем Гитлер закончил речь. Усталость охватила его. Дряблые мешки под глазами набухли, лицо приняло землистый оттенок и постарело. Он прошел к письменному столу и сел, почти упал, в кресло. Психоз, охвативший зал, достиг апогея. Здесь не было человека, который захотел бы возразить Гитлеру, всех устраивало решение Гитлера. Война! Каждому она сулила что-то свое. Браухич снова подумал об отторгнутом имении, Рундштедт вспомнил о горечи военного поражения кайзеровской Германии, он жаждал реванша, восстановления престижа. Другие мечтали о славе, о новых землях, богатстве, безбедном существовании. Что же касается сомнений, раздумий, расчетливого чувства осторожности, они отошли на задний план. Только много лет спустя перед лицом неминуемой катастрофы иные участники совещания в Оберзальцберге задним числом пытались поставить себя в оппозицию к Гитлеру. Но это было значительно позже. А в тот августовский день 1939 года все были едины в мыслях. В зале ревели, кричали: «Хох!», раздавались истошные возгласы: «Хайль Гитлер!» Даже седые, сдержанные и чопорные генералы вскочили с мест и горячо зааплодировали своему фюреру. И снова резкий, гортанный клич «хох» повис над потерявшими самообладание людьми, совсем недавно выглядевшими такими благопристойными, сдержанными и добропорядочными мужами. Они приветствовали войну, вторую мировую войну.

В разгар этого воинствующего бедлама на стол вскочил Геринг,

тучный, обрюзгший. Казалось, что стол не выдержит его стодвадцатикилограммового веса. Как в немом фильме, слов его не было слышно. Он только широко раскрывал рот, притопывая ногами, и ордена, обильно украшавшие грудь, живот и бока, подскакивали на замшевом серо-голубом кителе. Со стола посыпались бумаги, упала чернильница. Шокированный фон Браухич растерянно отодвинулся в сторону.

Утомленно бросив руки на подлокотники кресла, сидел Гитлер, взирая на опьяненных его словами, неистовствующих генералов. На лице фюрера застыла непонятная улыбка. Он был удовлетворен. Кажется, генералы уверовали в его непогрешимую силу. Все-таки удалось расшевелить, взять их за живое! Только он сам и его адъютант Шмундт не принимали участия в том бурном излиянии разнузданного восторга. Гитлер наблюдал, а подполковник торопливо дописывал последние строки протокола. Совещание было столь секретно, что на него не пригласили даже наиболее доверенных стенографов. Шмундт записал:

«Речь фюрера была встречена с энтузиазмом. Геринг вскочил на стол и начал танцевать, как дикий».

Из окна гитлеровского кабинета открывалась широкая панорама Альпийских гор, скалистых вершин, запорошенных снегом. Небо, как и утром, было безоблачным и прозрачно-синим. Августовское солнце струило тепло. Было так тихо, что листья на кленах казались вырисованными на холсте искусной рукой большого художника. Даже неистовый рев собравшихся в кабинете не мог нарушить этой первозданной тишины. Звуконепроницаемые стены и двойные двери не пропускали ни единого звука. Стены, как и заговорщики, умели хранить тайну. Только эсэсовец, разгуливающий возле виллы, остановился, прислушиваясь к почудившемуся будто шуму, и зашагал дальше. Он, как и стены, охранял носителей тайны.

Дискуссий на таких совещаниях обычно не полагалось. Фюрер приказал объявить перерыв и пригласил участников пообедать с ним в «Орлином гнезде». Он хотел до конца проявить свое расположение к генералам. Каждому из них польстит такая честь.

V

В окружении свиты Гитлер вышел из виллы. К гранитному крыльцу подкатил громоздкий «майбах», тяжелый и неуклюжий, но такой просторный, что человек среднего роста свободно мог стоять в нем, как в автобусе. Кроме рейхсканцлера в машину сели Геринг, Борман, Кейтель и Розенберг, приехавший в Оберзальцберг к концу совещания. Гесс задержался с Иодлем — военным советником Гитлера, а Гиммлер, замешкавшись в холле, опоздал на несколько секунд. «Майбах» уже тронулся, когда на крыльце появился рейхсфюрер. Он скрыл проскользнувшее на лице недовольство и бросил настороженному адъютанту: «Машину!» Но к подъ-

езду подходили другие автомобили, в них рассаживались генералы, и Гиммлеру пришлось ехать в самом конце процессии.

«Майбах» мягко взял с места. От Бергхофа асфальтированная дорога сразу поворачивала вправо, поднималась в гору мимо железобетонных казарм — виллу охраняли несколько сот эсэсовцев — и исчезала среди камней. На склоне горы мелькнул поселок — десятка два небольших домов с черепичными кровлями. Здесь были виллы Геринга, Риббентропа, Геббельса и других представителей «старой гвардии».

Примерно на половине пути к «Орлиному гнезду» дорога вырвалась на террасу, окруженную скалами. Высокий забор из грубо отесанного камня опоясывал гору. Концы этого каменного пояса сходились здесь, у террасы, и замыкались, как пряжкой, железными воротами с барельефом, изображающим свастику и распластанные орлиные крылья. Дальше строений не было. Только на вершине — отсюда он хорошо виднелся — поднимался приземистый, бетонный, цвета дикого камня замок с пологой крышей. Миновав ворота, дорога поднималась вверх еще круче, извиваясь спиралью вокруг горы.

Машины карабкались медленно, на первой скорости. В «майбахе» говорили о совещании, обменивались впечатлениями. Гитлер все еще чувствовал усталость. Но возбуждение и приподнятое состояние, пережитые там, в кабинете, постепенно начинали спадать. Он был еще во власти собственной речи, но им завладевали другие мысли. Он высказал их своим спутникам.

— Мы не можем откладывать великий конфликт еще по одной причине. Никто не знает, сколько я еще проживу, а без меня положение станет безнадежным на долгое время. Я в этом уверен. Мое существование является наибольшим и благоприятнейшим политическим фактором. Поэтому действовать нужно только в этом году. Я не уверен, что меня не попытается устранить какой-нибудь полуидиот или сумасшедший.— Гитлер остановился, задумался и повторил: — Действовать только сейчас, только сейчас!..

— Мой фюрер,— быстро нашелся Геринг, он сидел рядом с Гитлером,— разрешите вам возразить. Я говорю как пророк: из этого замка вы еще будете управлять и повелевать миром! Не нужно так мрачно смотреть на будущее!

Геринг отлично знал о честолюбивых мечтаниях фюрера и попал в самую точку. Когда-то Гитлер сам по разным поводам и в разное время высказывал эти мысли. Геринг только вовремя умел их повторять. Да и «Орлиное гнездо», построенное в недосягаемых горах, отражало ту же идею мирового владычества. Гитлер собственноручно набросал архитектурный проект замка. Толстые средневековые стены, дубовые, кованные железом двери должны символизировать крепость германского духа, необузданную первозданную силу. Отсюда, окруженный ореолом средневековой романтики и неприступными горными кряжами, Гитлер мечтал управлять миром.

Все это знал Геринг и не упустил случая ввернуть льстивую фразу.

— Спасибо, Герман! Ты угадываешь мои мысли. Это первый признак близости наших душ. При всей скромности, я незаменим... В субботу начнем, если... Впрочем, никаких «если»! Альфред,— обратился он к Розенбергу,— приготовься стать министром оккупированных территорий. Имейте в виду: Польша — только начало. На твой век хватит работы. А гаулейтером в Польшу назначим Франка, он умеет драть шкуры. Ты, Альфред, кажется, учился в Москве?

— Да, мой фюрер, я неплохо знаю Россию.

Гитлер знал прошлое Розенберга. Он мог бы не хуже его самого дать любую справку из биографии остзейского барона, но разговоры о Москве, о России всегда щекотали нервы, возбуждали, как наркотик, а это сейчас было крайне необходимо. Гитлер спросил:

— Как же ты из Прибалтики очутился в Москве?

— Туда эвакуировали Рижский политехнический институт, мой фюрер. Я заканчивал его в самую революцию.

— Ну, а потом?..

Потом было бегство из Советской России, скитанья в Париже по кабачкам, переполненным белогвардейцами, эмигрантские склоки, жизнь впроголодь, неудачная работа во французской разведке и наконец Мюнхен, знакомство с Гитлером. Из России Розенберг вынес неуемную злобу к большевикам, черносотенные взгляды, заимствованные у главарей «Союза Михаила Архангела», и навязчивую идею об отделении Украины. Розенберг даже предпринимал некоторые шаги, чтобы осуществить заветную цель. Здесь, неподалеку, в Рейхейнгалле, он участвовал в съезде белоэмигрантов вместе с гетманом Скоропадским, Севруком, Полтавцем-Остраницей и другими столпами украинских националистов. Тогда, в двадцать первом году, с отторжением ничего не вышло, но он по сей день считается специалистом по русскому вопросу.

Но все это только пронеслось в голове будущего министра оккупированных территорий. Гитлеру он лаконично ответил:

— Потом, мой фюрер, было счастье работать с вами. Из Москвы я уехал ровно двадцать лет тому назад.

— Я обещаю, мы еще побываем там вместе...

Разговор прервался. «Майбах» тяжело поднялся на верхнюю площадку, высеченную у подножия отвесной скалы. Все вышли из машины и отправились к горловине сводчатого туннеля, облицованного розоватым гранитом. Как ни торопился Геринг, он едва поспевал за остальными. Его тучная фигура в прорезиненном алюминиевого цвета плаще, перетянутом портупеей, напоминала небольшой аэростат воздушного заграждения, который заводят в ворота ангара. Отдуваясь, рейхсмаршал вплыл в туннель самым последним.

Кованые фонари на фигурных кронштейнах — такие можно увидеть только в порталах старинных храмов — освещали гулкий тун-

нель, ведущий в глубину скалы. Заканчивался он широким гротом, тоже облицованным камнем. В левой стене виднелась дверь лифта, прикрытая бронзовой решеткой.

Человек в форме эсэсовского офицера распахнул дверь, пропустил Гитлера и его спутников в лифт. Одновременно незаметным движением руки он нажал электрическую кнопку, скрытую в облицовке, и прислушался — из-под земли донесся приглушенный топот, шарканье чьих-то ног: личная охрана фюрера — двенадцать эсэсовцев — занимала места в нижнем этаже лифта.

Удостоверившись, что охрана на месте, офицер прикрыл за собой дверь и встал к пульту управления лифтом. В полированных до зеркального блеска латунных стенах отражались фигуры стоящих в кабине людей. Подъем продолжался несколько минут — штольня, пробитая в скале, превышала сто метров. Это был единственный способ проникнуть в «Орлиное гнездо». Поднятый наверх лифт полностью изолировал замок от внешнего мира.

Вскоре в «Орлиное гнездо» поднялись и остальные гости.

Обед сервировали в «чайной комнате» — в совершенно круглом зале. Кроме огромного, тоже круглого стола, нескольких картин непонятного содержания, принадлежащих кисти фюрера, да ковра, сплошь закрывавшего паркет, здесь не было никакого убранства.

За столом было оживленно и весело, хотя и отсутствовали женщины. Ева Браун появилась среди гостей лишь ненадолго вначале. Она была в черном, закрытом и недлинном платье, достаточно обнажавшем красивые, точеные ноги. Лицо этой тридцатилетней светлой шатенки, чуть начинавшей полнеть, можно было бы назвать красивым, если бы не ее рот, точно заключенный в скобки вертикальных морщин.

Кроме колец и жемчужного ожерелья, на ней не было других украшений. Браун сдержанно поздоровалась с ближайшими к ней генералами, отозвала в сторону Гитлера, что-то сказала ему, поправила галстук или, может быть, сняла невидимую пылинку с кителя и, улыбнувшись ему, снова исчезла. Ева интересовалась, не вызвать ли сейчас Гофмана, пока на столе не нарушен порядок, пока все выглядит так красиво. Гитлер пригласил всех к столу. Место рядом с ним так и осталось незанятым.

Ели умеренно и мало пили — после обеда предстояло еще совещание,— но и без вина возбуждение не исчезало. Только Геринг, отличавшийся неуемным аппетитом, ел все, что ему подавали. Предпочтение он отдавал соусам. Руками макал куски хлеба, начисто вытирая тарелку.

Гитлер ограничивался вегетарианскими блюдами, мясной пищи он избегал. За обедом выпил бокал рейнского вина, да и то налил его для того, чтобы произнести тост перед фотокамерой Гофмана. Появление в зале фотографа внесло обычную в таких случаях скованность. Каждый хотел выглядеть на снимке в более привлекательном виде. Все эти люди, у которых каких-нибудь полчаса тому назад прорвалось их звериное естество, позировали перед объекти-

вом и снова походили на благопристойных военных, чинно сидящих вокруг стола с салфетками, заткнутыми за воротники, с бокалами и улыбками или, наоборот, серьезными, но тоже благопристойными, абсолютно человеческими лицами. Так их зафиксировал фотограф на снимке.

За обедом общего разговора не состоялось, переговаривались друг с другом, но, когда подали кофе и служители удалились, Гитлер вернулся к мысли, высказанной по дороге в замок.

— Среди благоприятных факторов нынешней ситуации,— сказал он,— я должен упомянуть о собственной персоне и, при всей скромности, квалифицировать это так: я незаменим. Я знаю свои способности и силу воли. Я не кончу войны, пока не сокрушу противника. Я не капитулирую ни при каких обстоятельствах. Судьба рейха зависит от меня и только от меня.

Адъютант Шмундт, отодвинув недопитый кофе, записывал мысли Гитлера. Речь зашла об отношениях с Англией, о ее политических деятелях.

— Этот толстяк хочет меня обмануть,— Гитлер говорил о Черчилле.— Он, конечно, хитрее Чемберлена, но ему не хватает одного качества — смелости. В конце концов он перехитрит самого себя. Черчилль предпочитает действовать исподтишка, загребать жар чужими руками. Я уверен, что британцы не станут возражать против нашего вторжения в Польшу,— мы будем ближе к России, а это им на руку. С Черчиллем или Чемберленом мы скорей найдем общий язык, чем с русскими. Наш общий враг — большевизм, это объединяет нас с Западом. Пока суть да дело, под прикрытием красной опасности, мы приберем к рукам Польшу. Посмотрим, кто кого перехитрит!

Геринг потянулся в карман за портсигаром, но задержал руку на полпути — в присутствии Гитлера никогда не курили.

Гитлер изрек еще несколько мыслей, записанных подполковником Шмундтом, и напомнил, что пора продолжать совещание.

Военное совещание проходило все в том же кабинете Гитлера в Бергхофе. Докладывал фон Браухич, оперируя стратегической картой Восточной Европы. На ней территория Польши была изрезана цветными линиями, стрелами, уходящими от германской границы в глубь страны. К докладу Браухича Гитлер сделал несколько замечаний, принятых без возражений. Он еще раньше перечеркнул излишне благоразумный и, на его взгляд, робкий план операции, представленный генеральным штабом. Не хватает войск? Снять с западной границы. Французы не полезут в драку. Принудить поляков к отступлению? Чепуха! Надо уничтожить живую силу. Все ударные дивизии сосредоточить на левом крыле, перерезать коридор и нанести удар с тыла. Рискованно? Чепуха! На Западе войны не будет, можно не беспокоиться...

Совещание затянулось почти до полуночи. Решали и согласовывали технические детали. Столь долго создаваемая военная машина была готова к действию.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

I

На другой день после свадьбы Карл Вилямцек проснулся от изнуряющей, томительной духоты. Под периной, хотя и почти невесомой, было невероятно жарко. Сперва ему даже показалось, будто он лежит в закрытом парнике, насыщенном тяжелыми, влажными испарениями. Может быть, это показалось потому, что шторы на окнах удивительно напоминали соломенные циновки, которыми весной покрывают на ночь парниковые рамы. Сквозь эти шторы в спальню проникал полусвет, и трудно было понять, давно ли наступило утро.

Движением ног Карл сбросил с себя перину и облегченно вздохнул. Первое, что попалось ему на глаза, была высокая ярко-желтая спинка деревянной двуспальной кровати. За кроватью, рядом с дверью, занимая половину стены, высился гардероб такого же цвета. Над головой висела деревянная люстра с колпачками из вощеной бумаги, а подле кровати по обе стороны стояли тумбочки с настольными лампами в форме матовых шаров на изогнутых никелированных стойках.

Рядом с собой Карл увидел спящую Герду. Она, разметавшись, лежала под такой же периной, и ей, видимо, было так же жарко. На ее губах, на всем порозовевшем лице Герды бисером выступил пот. Распахнутый ворот ночной сорочки обнажал дряблую шею и все еще полную, широкую грудь.

Карл удовлетворенно закрыл глаза. Все, что окружало его в этой комнате, теперь принадлежало ему. Он потянулся и пятерней провел по обнаженной груди жены. Герда здесь главная собственность. Она проснулась от прикосновения его руки и томно, еще в полусне, пробормотала:

— Карлхен, какой баловник ты!..

Но едва Герда открыла глаза, как лицо ее изменилось, приняло сосредоточенно-деловое, озабоченное выражение.

— О майн готт! — испуганно воскликнула она.— Как поздно! Имей в виду, мы будем вставать очень рано. Пора за работу. Впрочем, если хочешь, сегодня ты можешь немного полежать в постели, мой Карлхен...

Она торопливо встала, не таясь наготы, будто прожила с Карлом добрый десяток лет, сунула в туфли босые ноги, прошла к гардеробу, накинула цветной халат, поправила волосы и вышла из спальни. Уже за дверью сказала:

— Твоя пижама висит на стуле. Примерь ее, она должна быть тебе впору.

Карл продолжал нежиться на смятой постели. После вчерашней попойки ломило голову. Но это ничего. Свадьба была как свадьба. Все было очень солидно, как и полагается в таких случаях. Правда, пришлось немного поиздержаться, но что поделаешь, не каждый день люди женятся или выходят замуж! И Герда, кажется, прилич-

ная женщина. Она-то не будет пускать денег на ветер! Не то что те, в альбоме у фрау Кюнце. Размалеванные красотки! Карл вспомнил неудачное посещение брачной конторы.

Месяц назад дочка приехала к нему на велосипеде в деревню. Она застала его во дворе за работой — Карл чинил старые парниковые рамы. Эмми привезла адрес «Дианы» и сказала, что ему обязательно надо заехать в контору. Может быть, что и выйдет, а поездка ни к чему не обязывает.

Эмми не первый раз заводила с отцом разговор о женитьбе, да и сам Карл начинал об этом подумывать. В доме нужна хозяйка. Прежде хоть кое-что делала дочка, но, с тех пор как она вышла замуж, Эмми не так-то часто стала бывать у отца. А Карлу надоело жить одиноким вдовцом. Сколько можно! На пятом десятке хочется иметь какой-то уют, потом — он не считает себя немощным стариком. Наоборот...

Брачная контора находилась на Курфюрстендамм. Вильямцек отправился туда на автобусе, который шел до зоопарка. Дальше можно было ехать трамваем, но зачем тратить лишние деньги, и Карл предпочел пройтись пешком. В этом аристократическом квартале он бывал очень редко, но без труда нашел дом и подъезд с маленькой вывеской: «Диана». Других надписей здесь не было.

Фрау Кюнце, владелица конторы, встретила его вежливо, но покосилась на грубую, крестьянскую одежду. Обычно у нее бывали более изысканные посетители. Владелица что-то щебетала Карлу о Диане, покровительнице охоты и женского целомудрия, уверяла, что с ее помощью — не то Дианы, не то самой фрау Кюнце — герр Вилямцек найдет свое счастье.

Потом хозяйка провела Карла за ширму, с каким-то благоговением, точно евангелие, раскрыла перед ним большой альбом в бархатном голубом переплете. С каждой страницы на Карла глядели фотографии женщин разного возраста. Непослушными пальцами, привыкшими больше к земле и навозу, Карл начал перелистывать альбом, а фрау Кюнце давала пояснения и одновременно расспрашивала, кого предпочитает господин посетитель, каковы его склонности. Если ему нравятся блондинки, она может порекомендовать эту фрейлейн. Очень приличная семья...

Фрау Кюнце заметила, как неуклюже листает посетитель страницы, и сама принялась перелистывать альбом,— чего доброго, еще испортит или засалит картон.

Может быть, господин обратит внимание на эту даму? Вдова. Конечно, она более пожилая, чем та блондинка, но смотрите, как прекрасно сохранилась! Дай бог выглядеть так каждому в сорок пять лет! Имеет небольшой капитал, очень добрый характер. В семейной жизни это очень важно...

Карл остановился на полногрудой женщине в кружевном платье, с напряженной улыбкой и пронзительными глазами. Чем-то она напомнила ему покойную жену.

— Простите,— сказала фрау Кюнце,— эта дама уже нашла свое счастье. Если бы вы пришли к нам немного раньше! Она толь-

ко неделю назад вышла замуж. Мы не успели снять из альбома ее фотографию...

В торжественной тишине брачной конторы Карл почувствовал себя не в своей тарелке. С другой стороны ширмы до него доносился проникновенный шепот. Там было дамское отделение. Говорили женщины. Одна убеждала другую:

— На вашем месте я предпочла бы вот этого господина... Вас смущает лысина? Ну что вы! Не обращайте внимания! Смотрите, какой солидный мужчина! Вполне обеспеченный. Я уверена, вы ему очень понравитесь.

— Хорошо, я хотела бы с ним познакомиться.— Это говорила, видимо, посетительница. Голос ее был неуверенный, робкий.— Как это сделать?

— Мы напишем господину открытку. Впрочем, у него, кажется, есть телефон... Оплату за услуги мы принимаем вперед. Сколько стоит? Сущие пустяки! Разве это имеет значение, когда вы находите счастье!

— А если это не подойдет мне?

— Тогда мы предложим вам что-нибудь другое. Наша фирма — солидное предприятие. Но я уверена, что это как раз то, что вы ищете...

Карлу не понравились фотографии, а когда он услышал, что деньги надо платить вперед, ему стало совсем не по себе. Он заторопился.

— Может быть, вы оставите свою фотографию и необходимые сведения? — спросила фрау Кюнце.

Вилямцек пообещал заехать в другой раз и привезти карточку. Но другой раз так и не подошел — на Курфюрстендамм он больше не ездил.

Порой сам не знаешь, с какой стороны придет счастье. Через некоторое время в газете, среди брачных объявлений, Карл нашел то, что ему было нужно. Вилямцек сохранил на память эту газету. В ней было написано:

«Вдова средних лет ищет знакомства с мужчиной твердого характера. Желательно знание огородного дела, чтобы принять на себя хозяйство».

Вдова фрау Мюллер жила на окраине Панкова, а это как раз недалеко от деревни — каких-нибудь десять — двенадцать километров. В воскресный день Карл отправился туда, и они с фрау Мюллер очень скоро нашли общий язык.

Конечно, хозяйство было не такое уж большое и находилось в довольно запущенном состоянии. Следовало заменить подгнившие рамы, поправить забор, ввести другие культуры, а не ограничиваться одной капустой, как это делала фрау Мюллер, но во всяком случае, если приложить руки, парники смогут приносить неплохой доход. Находились они за дорогой, как раз против домика, половина которого тоже принадлежала вдове.

У своего клиента, державшего овощную лавочку на Шонхаузераллее, Вилямцек достал трехколесную машину, свозил вдову к себе

в деревню, показал хозяйство — он тоже занимался огородничеством,— и оба решили, что могут и должны связать вместе свою судьбу.

Было это неделю тому назад, а сегодня Карл Вилямцек проснулся женатым человеком, и Герда пошла готовить ему завтрак. Ароматный запах кофе доносился из кухни.

Потом он услышал, как хлопнула входная дверь,— зашла соседка позвонить по телефону. Она прошла в столовую, назвала номер, сказала несколько слов и повесила трубку.

— Фрау Вилямцек, десять пфеннигов я оставлю вам здесь, на столике.

— Спасибо, я потом их возьму, не могу оставить кофейник,— ответила Герда из кухни.

Соседка вышла в прихожую.

— Я так рада за вас, фрау Вилямцек! Вас еще никто так не называл? Я первая! Вы так хорошо выглядите сегодня, будто помолодели на десять лет.

— Ой, ну что вы! С этой свадьбой было столько хлопот!

— А муж уже встал?

— Нет еще. Я разрешила ему немного поваляться сегодня.

— Конечно! Пусть отдохнет. Впереди ему столько забот... Желаю счастья, фрау Вилямцек. Вы не возражаете, если я и теперь иногда буду заходить звонить по телефону?

— Конечно, конечно! Я всегда рада, когда вы заходите.

Дверь в прихожей захлопнулась.

«Что и говорить,— одобрительно подумал Карл,— жена бережливая! Десять пфеннигов, конечно, не деньги, но лучше их получить, чем отдавать. Не обязана же она, в самом деле, разрешать кому угодно звонить бесплатно по телефону! И соседке удобно — не ходить к автомату».

— Карлхен! Пора вставать, муженек! — позвала Герда.— Завтрак почти готов.— Голос ее был счастливый, ласковый.

Вилямцек потянулся, встал, взял со стула пижаму и натянул на себя. Да, видимо, герр Мюллер был значительно толще его. Пижама, особенно куртка, висит, как на вешалке. Надо дать перешить. А вот костюм, в котором Вилямцек ездил вчера в кирху, оказался почти в самый раз. Что фрак, что брюки — совсем новые. Покойный Мюллер ни разу не надевал их после свадьбы. Герда достала костюм из чемодана, проветрила, разгладила и дала Карлу. Только лакированные туфли оказались малы. А жаль — такой обуви теперь не делают. Настоящий стерлинг-лак! На «Саламандре» умели шить прежде. Теперь не то, эрзацы. Были бы хоть на номер побольше, а так одно мученье. Карл едва дошел в них до свадебной кареты. Нет ничего хуже тесной обуви. Дома пришлось расшнуровать туфли и под конец даже снять. За столом Карл так и сидел в одних носках. Но это было уже в конце вечера, никто не обратил внимания.

Вилямцек натянул старые брюки — свадебный костюм Герда еще с вечера убрала в шкаф,— поправил подтяжки и прошел в ван-

ную комнату. Здесь все блистало ослепительной чистотой. Унитаз, ванна, раковина для умывания, изразцовые стены были такого же молочно-белого цвета, как накрахмаленные чехлы на перинах.

Против унитаза в тонкой рамке висело изречение, вышитое готическим шрифтом: «Каждая птичка любит свое гнездышко». Правильно! Вот и он, Карл, нашел свое гнездо. Теперь можно в нем жить до старости.

Вилямцек любил подобные изречения. В них сосредоточена библейская мудрость, утверждаются извечные, незыблемые истины о добре и зле, о послушании и других добродетелях. Они так легко остаются в памяти, не надо даром ломать башку, что хорошо и что плохо. В квартире Герды много таких изречений. Они развешаны всюду на стенах.

На прозрачной стеклянной полочке Карл нашел горячую воду и принялся бриться. Он старательно намылил подбородок, щеки. Теперь на фоне ослепительного белого сияния изразцов, отражавшихся в зеркале, выделялась коричневым загаром только верхняя часть лица с плотным носом да короткими, щетинистыми усами, которые Вилямцек обычно подстригал ножницами. Герда позаботилась и о бритве. Она лежала в суконном зеленом чехле рядом с кувшином горячей воды. Карл посмотрел на марку. «Золинген»,— прочитал он. А ниже фабричное клеймо — два человечка-близнеца. Известная фирма. Бритва тоже осталась от Мюллера.

Состояние удовлетворения, довольства, такое чувство, которое бывает после удачно завершенной сделки, не оставляли Карла. И все же что-то неясное будто тревожило его, давило, как неприметный камешек, попавший в сапог. Он никак не мог понять — что́, и от одного этого начало портиться настроение. По своему обыкновению, Карл не стал вдумываться, он заменял мысли воспоминаниями. Таким путем он попытался обнаружить причину затаившегося где-то маленького неприятного чувства.

Что же это все-таки могло быть? Тесные туфли? Нет. В кирхе тоже прошло все как полагается. В черной тройке, с крахмальной манишкой, в цилиндре, он выглядел вполне солидно. Карл даже самодовольно отметил, как глазели на него любопытные около кирхи. Сквозь расступившуюся толпу они шли под руку с Гердой, а люди вытягивали шеи, чтобы взглянуть на новобрачных. Вилямцек сам слышал, как перешептывались двое. Один спросил: «Кто это венчается — лавочник?» Другой ответил: «Ну что ты, сказал тоже! Огородники это!» Карл не обернулся, хотя ему и очень хотелось взглянуть, кто это говорит. Он помог Герде подняться на ступеньку кареты, уселся рядом, и они поехали к дому.

На свадьбу пригласили фотографа, жившего неподалеку, в Панкове. Он явился в сопровождении подростка, который нес тяжелую треногу, большой аппарат-ящик и черный платок, похожий на плед. Фотограф долго устанавливал аппарат, нырял под платок, расстанавливал и усаживал гостей, потому что каждому хотелось быть на переднем плане и обязательно ближе к новобрачным. Потом фотограф снимал отдельно его и Герду. Сначала она положила

ему на плечо голову, но Карл подтолкнул ее и шепнул, что лучше так, как снимаются все.

Конечно, Вилямцек не состоит в национал-социалистской партии, у него и без того много дела на огороде, но ему необычайно польстило, когда блоклейтер — партийный руководитель квартала — собственноручно преподнес им на свадьбу книгу фюрера «Майн кампф». Теперь уж так заведено — всем молодоженам преподносят такой подарок. Разве это не знак уважения, внимания фюрера к нему и его супруге?!

Книга в коричневом переплете и сейчас лежит в столовой на видном месте. Надо будет ее там и оставить, как память. Подарок фюрера переходил за столом из рук в руки. Все перелистывали книгу и хотя не читали, но восторгались. Только Вилли, зять Карла, когда до него дошла очередь, раскрыл наугад и начал читать. Он сидел в эсэсовской форме на другом конце стола. Карл сразу даже не разобрал, почему за столом вдруг стало так тихо. Вилли совсем еще молодой парень, не будет и тридцати лет, а дослужился до чина штурмфюрера. Этот пойдет далеко, Эмми не просчиталась, что вышла за него замуж. Конечно, свадьба не время для чтения, тем более такой книги. Все с нетерпением ждали, когда Вилли закончит, всем хотелось выпить, но что делать...

Вилли читал внятно и медленно. Он держал книгу в левой руке, а правой то и дело поправлял волосы, падавшие ему на лоб. Вилли читал:

— «Земля, на которой мы сейчас живем, не была даром небес нашим предкам. Они должны были завоевать ее, рискуя жизнью. Точно так же и в будущем наш народ не получит территорий и тем самым средств к существованию как благодеяние от какого-нибудь другого народа, он должен будет завоевать их силой торжествующего меча.

Мы обращаем наши взоры к землям на востоке, и если желать новых территорий в Европе, то в общем и целом это могло бы быть достигнуто только за счет России. Это гигантское восточное государство неизбежно обречено на гибель. К этому созрели все предпосылки. Конец большевистского господства в России будет также концом России как государства».

Вилли неожиданно захлопнул книгу, поднялся из-за стола, вытянул вперед руку и гаркнул так, что все вздрогнули:

— Хайль Гитлер!

За столом поднялся невероятный шум. Кричали: «Хайль!», «Хох!», что-то говорили, не слушая друг друга, подняли рюмки, пивные кружки, кто-то разлил на скатерть вино, и Герда потянулась за солью, чтобы присыпать пятно. Карл как следует не разобрал, что читал Вилли, но тоже вместе со всеми кричал «хох» и «хайль Гитлер». А когда шум потух, Франц вдруг сказал,— он всегда говорил невпопад:

— Россия — крепкий орешек, как бы нам не сломать на ней зубы. Это не Данциг...

Франц — это младший брат Карла, он работает в Берлине на

каком-то заводе. Когда подвыпьет, он не умеет держать язык за зубами. Надо же сболтнуть такую вещь!

Вилли резко обернулся к Францу:

— Что вы сказали?

— А то, что я предпочитаю договор с русскими, который позавчера подписал в Москве Риббентроп.

— Одно другого не исключает,— ответил штурмфюрер.— А вообще вы неосторожны в словах, господин Вилямцек. Можете нарваться на неприятности.

— Я? Что я сказал?! Могу же я быть откровенным на свадьбе моего брата!

— Да, но свадьба сегодня кончится...

В словах зятя Карлу почудилась скрытая угроза. Потом он видел, как Франц и Вилли продолжали о чем-то спорить, но слов их Вилямцек не мог разобрать.

— Господа,— сказал фотограф, которого тоже пришлось пригласить к столу,— чего нам спорить! Я предлагаю выпить за Данциг. Поверьте моему слову, мы прижмем хвост этим полякам. Фюрер знает, что делать.

— А я бы заодно прижал и бельгийцев, они лезут всюду. Тоже страна — взял и закрыл ладонью. И с голландцами надо кончать, как с евреями.

Говоривший хлопнул рукой по столу. Это был хозяин цветочной фирмы Вильгельм Шторх с толстыми, будто женскими грудями и двойным подбородком. В прошлом году после «хрустальной недели» — недели еврейских погромов, когда берлинские улицы были усеяны битым хрусталем и осколками разбитых витрин еврейских магазинов,— господин Шторх кое-что сумел урвать для себя. Ему передали цветочный магазин конкурента-еврея, и теперь дела Шторха значительно поправились. Вот если бы бельгийские цветоводы не подрывали его коммерции... То же самое и с овощами. Эти проныры успевали на целую неделю раньше поставлять свежие овощи. Поэтому слова Шторха за столом встретили с одобрением.

Потом беседа рассыпалась, распалась на отдельные очажки. Гости спорили, двигали стульями, переходили с места на место, брали друг друга за пуговицы, пытаясь удержать собеседника и сказать ему что-то очень важное, а собеседникам самим хотелось говорить. Шторх в чем-то уверял соседа, крупнолицего мужчину с кроткими глазами и седой шевелюрой. Это был Пауль Мюллер, брат покойного мужа Герды. Он содержал пуговичную мастерскую, и Герда высоко отзывалась о коммерческих способностях бывшего деверя. Естественно, что он оказался в числе приглашенных со стороны Герды.

Мюллер кивал, соглашался, пытался прервать говорливого цветовода, но это ему не удавалось, и он снова начинал повторять:

— Да, да. Вот именно... Только извините, вот что я хочу сказать... Да, да, вот именно...

Тут опять поднялся зять Вилли и неуверенной рукой постучал по столу, призывая к вниманию.

— Я штурмфюрер СС, вы меня знаете,— заплетающимся языком произнес он.— Я хочу произнести тост за колыбель... После свадьбы всегда нужна колыбель, и чем скорее, тем лучше... Правда, Эмми?..

Вилли наклонился к Эмми и подмигнул ей. Тут Карл подумал, что дочери, кажется, в самом деле скоро понадобится колыбель. Как это он не заметил прежде! Может получиться, что внук будет старше его дочери или сына. У них с Гердой непременно должны быть дети...

А Вилли продолжал свой тост. Накануне он прочитал в «Дас шварце кор» — в эсэсовской газете — статью и теперь повторял ее, выдавая за собственные мысли. Но Карл не знал об этом. У него самого кружилась голова, он думал, что и зять говорит что-то спьяна.

— Господа, мы стоим на пороге великих событий... По следам тевтонских рыцарей мы пойдем на восток, чтобы на новых землях раскачивались немецкие колыбели. Восток — это хлеб, это сало, это ватрушки на нашем столе. И не такие, как эти вот, деревянные муляжи.

Вилямцек немного обиделся на зятя. Разве на столе только одни муляжи? А кровяные колбасы, которые он привез из деревни? А «швайноре» — печенье «свиные ушки»? Все это не так часто можно попробовать теперь даже за свадебными столами. Конечно, на столе есть и муляжи, но это для красоты. Герда специально ездила на Фридрихштрассе к «Цаубер кениг» — «Волшебному королю». Есть такой магазинчик недалеко от Унтер-ден-Линден. Там продаются разные фокусы и муляжи. Разве не аппетитно выглядят эти ватрушки? Они будто только что вынуты из духовки. А торт? Конечно, его есть нельзя, он картонный, из папье-маше, но это украшает стол. Теперь так принято во всех домах держать муляжи — булки, жареные утки, ватрушки. Вообще-то Вилли прав, ватрушки лучше иметь из крупчатой муки, с настоящим маслом и творогом, а не раскрашенные муляжи. Что-то он говорит интересное...

— Нам нужно жизненное пространство, и мы получим его. На востоке получим земли, которые заселим людьми немецкой и только немецкой крови. Мы станем господами. На нас будут работать славянские недочеловеки, представители низшей расы. А наше дело будет под периной закреплять победу. Нам нужны дети, чтобы заселить ими новые земли. Поэтому я поднимаю бокал за немецкие колыбели на новых землях! Хайль Гитлер!..

Снова все зашумели, захохотали. Шторх отпустил какую-то неприличную шутку по адресу Герды. Но кто на это обращает внимание! Карл не заметил в суматохе, как Вилли, покачиваясь, вышел из-за стола, свирепо глянув на Франца. Следом в прихожую вышла и Эмми. Карл позже увидел два пустых стула и решил, что Вилли стало не по себе. Он подумал, что ему, может, нужно помочь, и прямо в носках вышел в переднюю. Эмми и зять стояли в кухне.

Они не слышали, как отец появился в прихожей, и продолжали спор. Эмми сказала:

— Ведь это мой родной дядя!

А Вилли упрямо ответил:

— Если не я, то об этом все равно кто-нибудь сообщит. Гляди, сколько народу! Мне же и всыплют: почему скрыл, промолчал?

— Но нельзя так сразу! Потом — ты же сам вызвал его на разговор.

— Ах, Эмми, ты ничего не понимаешь! Надо быть патриотом Германии.— Вилли стоял среди кухни с фуражкой в руках.

— Я понимаю, но...— Эмми остановилась, увидев в дверях неслышно появившегося отца.

— Ты куда это? — спросил Карл, кивнув на фуражку.

— Хочу немного пройтись. Кажется, я перепил. Здесь очень душно...

Так вот отчего у Карла остался неприятный осадок! Теперь понятно. Вилли хотел донести на его брата. Но ведь этого не случилось. Вилли снова повесил фуражку и вернулся в столовую. Мало ли что может взбрести ему в пьяную голову... Чепуха!

Вилямцек кончил бриться, вытер насухо бритву и налил в ладонь одеколон «Кельнише вассер» — тоже солидная фирма — и принялся растирать лицо.

— Иду, иду! — ответил Карл на зов Герды.— Какая ты нетерпеливая, женушка!

Супруги сели за стол завтракать остатками свадебного пира.

II

Эрна и Франц не были парой, на которую заглядываются прохожие. За время их двухлетнего знакомства едва ли случалось, чтобы хоть кто-нибудь оглянулся им вслед на улице и восхищенно сказал бы или просто подумал: «Смотрите, какая интересная пара, как они подходят друг другу!» Нет, такого случая не бывало. Да и что могло в них привлекать внимание? Оба они не были ни стройны, ни красивы и одевались не так, чтобы нарядами выделяться на улице. Поди-ка оденься элегантно в отделении готового платья у «Херти»! Эти эрзац-материалы выглядят так ужасно! И за каждый пустяк надо выстригать талоны. А выдают их не так-то много.

Но все это нисколько не смущало влюбленных. Они нравились друг другу, значит, были подходящей парой. И вполне возможно, если кто и оглядывался на них, то, увлеченные собой, они просто этого не замечали.

Эрне Кройц было двадцать семь лет, но упаси бог, если бы она кому в этом призналась, даже Францу! Это ее личное дело. Эрна не была лгуньей. Она просто придерживалась мнения, что женщине столько лет, на сколько она выглядит. А по лицу Эрны все равно ничего не узнаешь. Она меняется. Когда Эрна возвращается, усталая, с фабрики, ей можно дать и за тридцать, а в праздники или в субботние вечера совсем другое. Отдохнувшей, причесан-

ной и самую малость подкрашенной — никто не даст и двадцати трех.

Низкорослая, с большим ртом и вздернутым носиком, далеко отстающим от классических форм, Эрна, конечно, не была красавицей. Но что оживляло и украшало ее лицо — это глаза и улыбка. Достаточно было Эрне чуточку улыбнуться — и тотчас же глаза загорались, немного щурились и лицо становилось таким привлекательным.

Если говорить о внешних чертах, Францу в подруге больше всего нравилась ее улыбка. Ну, и характер женщины тоже имеет значение, даже немалое, особенно если начинаешь подумывать, не сделать ли ее женой. Франц Вилямцек во многом походил на брата Карла — такой же плотный, с темными, рыжеватого оттенка бровями и глубокой ямкой на подбородке. С годами он так же, как брат, начал понемногу сутулиться, и от этого руки у Франца казались слишком длинными. Изъяны в фигуре Франц объяснял своей профессией,— пусть хоть сам Аполлон сядет на его место в сборочном цехе и десять лет, не разгибая спины, будет монтировать радиоприемники, он станет таким же. Сейчас Вилямцеку тридцать лет, а на завод к Симменсу он пришел в двадцать, когда был комсомольцем и красным фронтовиком. Конечно, это увлечение молодости. У них в ячейке удалось порвать списки, сжечь их. Может быть, поэтому, когда наци пришли к власти, они не привязались к Францу. Неразговорчивый и замкнутый Франц с переменой режима стал еще молчаливее. Так спокойнее. Неизвестно, зачем он только ввязался в спор с Вилли на свадьбе у брата. Как все-таки спиртное развязывает язык!

Обычно Франц не посвящал даже Эрну в некоторые свои мысли: политика — не женское дело. Он предпочитал слушать ее веселую болтовню, рассказы о происшествиях на фабрике или сам отвечал на ее расспросы. А бывало так, что он просто молчал или сидел с газетой, пока Эрна прибиралась в его холостяцкой комнате либо штопала ему белье. Эрна с первых же дней забрала в свои руки несложное хозяйство.

Жил Франц на самом верху пятиэтажного дома в районе Веддинга, занимая небольшую комнату под крышей, на чердаке. Но и в этом были свои особые прелести. Во-первых, днем здесь гораздо светлее, чем в других, нижних квартирах, выходящих окнами в вонючий и тесный двор, похожий на дымовую трубу, ну и, конечно, наверху больше воздуха. А квартплату хозяйка дома брала за чердак несколько меньше. Правда, высота комнаты не везде одинакова. Посредине ее мог стоять в полный рост человек и повыше их с Эрной, но в сторону окна потолок шел на крутой скос, повторяя покатость черепичной крыши. Практически это не имело значения — возле окна стоял стол, за которым, как известно, располагаются сидя. Приходилось лишь немного пригибаться, вставая или присаживаясь к столу. В этой вот комнатке, если они не уходили в кино или в «Луна-парк», Эрна и Франц чувствовали себя очень уютно, и Вилямцек все чаще возвращался к мысли, не пора ли им

пожениться. Два года — достаточный срок, чтобы узнать человека. Вон Карл устроил свою судьбу за неделю и, кажется, не раскаивается в своем выборе.

...Вилямцек подземкой возвращался домой, задержавшись дольше обычного на работе. Как это он забыл предупредить Эрну! Еще в субботу Франц пообещал заехать в Целендорф, проверить приемник. Это на другом конце города. Он иногда подрабатывал такими заказами. Неисправность оказалась совсем пустяковой, но все-таки пришлось повозиться. Эрна небось обижается на него, но ничего, она знает, где лежит ключ, подождет. Он придет сегодня и скажет: «Давай-ка, Эрна, бросим тянуть волынку, пора нам пожениться». Или нет, лучше иначе. Он скажет так: «Эрна, разве тебя устраивает такая жизнь? Мне уж надоело жить на два дома. Давай поженимся».

Он представил, как улыбнется в ответ Эрна и глаза ее сразу засветятся, заблестят. Франц и сам мысленно улыбнулся Эрне.

А его подруга действительно начинала сердиться. Вот уже два с лишним часа она ждет, а Франца все нет и нет. Зашел небось с приятелем в локаль и слушает, как другие точат лясы. Сам-то он за час слова не вымолвит, только слушает.

За последнее время Эрна имела все основания быть недовольной Францем. Взять хотя бы эту свадьбу. Она, конечно, не скажет ему ни слова, но ей стало неприятно, когда он отправился к брату один. Эрна понимает — Францу неудобно знакомить ее с родными. Кто она такая? У них не было даже помолвки. Но вот это и огорчает. Что думает Франц? Разве он не замечает ее состояния, двойственного и неопределенного? Так можно жить месяц, два, ну, полгода, но не два года. А потом... Эрна еще не знала наверняка, но это вполне может быть... Францу она пока не скажет о своих опасениях. Сперва надо выяснить, думает ли он наконец жениться. Сама она вовсе не против ребенка.

Эрна успела все переделать — вытерла пыль, навела порядок в шкафчике, вымыла чашки, а первым делом, само собой разумеется, распахнула окно. Днем крыша нагревается, в комнате становится так душно, что нечем дышать. Теперь стало прохладнее. Еще бы, окно открыто часа два, вон уж начинает темнеть. Скоро можно зажигать свет. При свете в комнате гораздо уютнее.

Наконец-то! Эрна услышала, как открылась входная дверь и в прихожей кто-то вытер ноги. Конечно, это Франц, у него есть ключ, он никогда не звонит. Но что это? Соседка сказала:

— Вторая дверь направо. Постучите,— может, он дома...

Почти тотчас же раздался осторожный стук. Кто бы это мог быть? К Францу никогда никто не заходит.

— Да, войдите! — Эрна поднялась из-за стола.

В дверях появился незнакомый человек средних лет. В комнате стоял полумрак, и Эрна не сразу могла разглядеть его. В глаза бросился высокий лоб, прямой подбородок и черные волосы. Одет он был в темный, видимо, синий макинтош и в руках держал шляпу.

— Простите,— обратился он к Эрне,— могу я увидеть Франца?

— Его еще нет, но он вернется с минуты на минуту.

— Так, значит, он по-прежнему живет здесь? Это хорошо! Если вы не возражаете, я немного подожду. Вы, вероятно, жена?

Эрна замялась:

— Нет, я просто его знакомая...

— Извините меня,— смутился посетитель,— я товарищ Франца и не видел его много лет. Ведь за это время могло немало произойти перемен. Меня зовут Эрвин. Разрешите познакомиться?

Эрна протянула руку.

— Пройдите, посидите немного. Я его тоже заждалась. Вот сюда.

Эрвин оглянулся, куда бы положить шляпу, бросил на кровать и пошел к столу.

— Узнаю... У Франца абсолютно ничего не изменилось. Даже одеяло старое. Ну, а сам он как сейчас выглядит?

— Вы давно не видели Франца?

— Да, порядочно. Мы с ним были большими друзьями.

Эрвин оставлял хорошее впечатление простотой и непринужденной манерой разговаривать. Теперь Эрна разглядела его немного лучше. У него подвижное, узкое лицо и усталые глаза, а лоб не такой уж большой,— просто Эрвин, видимо, начинает спереди лысеть. Но Франц никогда не рассказывал ей про товарища с таким именем. Потом непонятно, почему Эрвин уходит от ее расспросов. За полчаса Эрна рассказала ему чуть ли не всю свою жизнь, а сама знала только одно его имя.

— Простите, я все говорю, говорю, а вы ничего не рассказываете.

Эрвин отшутился:

— Ничего, теперь мы будем встречаться, еще надоест слушать мои рассказы.

Звонок в прихожей прервал разговор.

— Вот, кажется, и Франц! Вероятно, он забыл ключи. Я открою ему. Простите...

Эрна вышла в прихожую, взялась за скобу.

— Это ты, Франц?

— Господину Вилямцеку телеграмма,— деловым тоном сказал человек за дверью.

Эрна сняла цепочку.

В приоткрытую дверь протиснулся сапог, чтобы дверь не могли захлопнуть снова.

— Ничего, мы его подождем!

В квартиру ввалилось трое полицейских. Эрна растерянно попятилась.

— Что вам нужно? Здесь какая-то ошибка...— Эрне показалось, что пол уходит у нее из-под ног.

— Ладно, вопросы мы будем задавать сами. Где его комната?

— Здесь. Но...

— Вы что, его жена?

— Нет...

— Значит, комната заперта?

— Нет, нет! Я сама его жду. И еще один товарищ его... Но, может быть, вы ошиблись...— Эрне хотелось думать, что это ошибка, недоразумение.

— Гестапо не ошибается... Проводите. Посмотрим, какие у него товарищи.

Полицейские пропустили Эрну вперед и вошли за ней в комнату.

Стоял полумрак, тени сгустились, но Эрна увидела, что в комнате никого нет.

— Где ваш знакомый?

— Я не знаю... Он только что был здесь... Вот его шляпа.

— Зажгите свет! Быстрее!

Лампочка над столом озарила комнату. Полицейские заволновались. Один из них, видимо старший, бросился к окну. Из-за его спины Эрна тоже взглянула на крышу. Ей показалось, будто у трубы мелькнула фигура человека в плаще и исчезла за обратной стороной ската. Потом она заметила, что скатерть на столе сдвинута и запачкана.

— Черт побери! — выругался старший.— Фишер, оцепить квартал. Живо! Он далеко не уйдет!

— Яволь! — Полицейский, которого назвали Фишером, стремительно выбежал из комнаты.

— Вы мне за это ответите! Кто это был?

— Я не знаю... Он сказал, что товарищ Франца.

— Не валяй дурака! — Полицейский взял шляпу, осмотрел ее и в раздражении бросил на пол.— А ты кто такая?

— Эрна Кройц. Работаю на ткацкой фабрике. Можете проверить. Честное слово, я не знаю, кто был здесь...

— Брось притворяться! Знаем мы эти штучки! Шульц, занимайся делом! Обыщи это логово!

Второй полицейский открыл бельевой шкаф, отодвинул кровать, поднял матрац. Через несколько минут вещи были перевернуты вверх дном, разбросаны, опрокинуты. Эрна стояла бледная, и сердце ее учащенно билось. Она начинала понимать, что происходит,— на нее и на Франца свалилось несчастье, которое вот-вот задавит их своей тяжестью.

Обыск не дал ничего. Шульц собирался доложить о результатах, вернее — о том, что ничего не найдено, когда в прихожей послышался шум и двое полицейских втащили Франца. Эрна увидела его растерянное, ошеломленное лицо, сбившийся в сторону галстук — ее недавний подарок — и бросилась к Францу:

— Франц, что происходит?

— Молчать! — рявкнул на нее старший.— Ты Франц Вилямцек?

— Да, но я ничего не понимаю...

— Отвечай на вопросы! Кто у тебя был здесь?

— Не знаю. У меня никого не бывает.

— Врешь! Чья это шляпа? — полицейский ногой подкинул шляпу.

— Франц, здесь был твой товарищ, Эрвин. Он...

— Молчать, шлюха! Иначе я заткну тебе рот тряпкой!.. Кто такой Эрвин? Его фамилия?

— Я не знаю никакого Эрвина. У меня нет такого товарища.

— Брось запираться! Ты у нас скоро заговоришь! Собирайся! Ты тоже.— Полицейский обернулся к Эрне: — Вы арестованы.

— Господин полицейский,— упавшим голосом проговорил Франц,— но скажите, в чем дело?

— Молчать! Там разберемся... Идите!

Франц окинул взглядом разоренную комнату, закрыл окно, вышел в прихожую и запер дверь. Делал он это как в полусне. Все произошло так внезапно, что он не мог еще подумать о происшедшем. Франц повертел в руках ключ, хотел сунуть его в карман, но передумал.

— Эрна, я оставлю его на старом месте,— сказал он и положил ключ в щель над притолокой. Так делал он всегда, уходя на работу.

В окружении полицейских они спустились по темной лестнице. У подъезда стояла закрытая полицейская машина с решетками на окнах. Первым в машину втолкнули Франца, а Эрна оступилась и не могла сразу подняться на высокую ступеньку. Франц подал ей руку, полицейские захлопнули дверцу. Старший сел в кабину, рядом с шофером. Нудно завыла сирена, и автомобиль повернул за угол.

Между Эрной и Францем сел полицейский. Женщина опустила на колени руки и так застыла. На повороте полицейский не удержал равновесия и надавил на нее плечом. Тыльной стороной ладони Эрна ощутила шершавый и жесткий рукав соседа. Она отдернула руку, хотела отодвинуться, но ей мешала передняя стена кабины. Эрна поняла, что сидит в самом углу и ей некуда двинуться. Некуда! Тупик... В темноте она услышала тихий голос Франца:

— Эрна, я хотел тебе сегодня сказать, что мы должны пожениться...

Его прервал полицейский:

— Молчать! Арестованным запрещено разговаривать!

Эрна закрыла лицо руками и всхлипнула. Дальше они ехали молча.

III

Рудольф Кюблер, стараясь держаться как можно спокойнее, вышел из подъезда и перешел улицу. Не поворачивая головы, боковым зрением, он внимательно следил, не появятся ли полицейские. Кюблер был уверен, что гестаповцы уже подняли тревогу и оцепляют квартал. Спасти его могут секунды. Успеть бы дойти до остановки трамвая...

С видом человека, вышедшего поразмяться, Кюблер нарочито медленно шел по тротуару, удаляясь все дальше от злополучного дома. А ноги будто сами рвались вперед, убыстряли шаг, и усилием воли приходилось их сдерживать. Замедляя ход, к остановке подошел трамвай, до него оставалось метров сорок, не больше. Рудольф мог бы легко нагнать его и вскочить на подножку. В какое-то мгновение он собирался так сделать, но удержался. Одно неосторожное движение могло его выдать. Лучше подождать следующего.

На улицах зажглись фонари. Кюблер повернулся к витрине. За стеклом веером лежали книги, много книг. Названий их он не видел. Его внимание привлекли два полицейских, вынырнувшие из-за угла. Они начали проверять документы прохожих. Значит, его след уже обнаружен. Иначе и не могло быть. Кюблер решил, что, если гестаповцы оцепят и эту улицу, он шмыгнет в соседние ворота. Кажется, здесь был проходной двор. Скорей бы подходил трамвай!

На остановке ожидающих было немного. Рудольф уступил дорогу двум дамам и последним вошел в трамвай. Кажется, и на этот раз ему удалось выбраться из западни. Просто везет!

Кюблер взял билет и достал из кармана газету. Теперь он жалел, что в подъезде пришлось бросить макинтош. Рудольф засунул его за батарею парового отопления. Жаль, но черт с ним!

Все-таки как же так получилось, что его выследили гестаповцы? Рудольф был осторожен. Прежде чем зайти к Францу, он дважды прошел по улице — вперед и назад. Ничего подозрительного не заметил. На всякий случай придется сменить явочную квартиру, хотя бы на время. Но, может быть, это случайность, хотя он собственными ушами слышал голос за дверью: «Господину Вилямцеку телеграмма». Известно, какая это телеграмма! Откуда в гестапо могли знать, что он идет именно к Францу, с которым столько не виделся? Сколько же он не встречался с Францем? Шесть лет. Даже больше, с марта тридцать третьего года. Он заходил к нему последний раз вскоре после того, как наци зажгли рейхстаг. Да, возможно, это простая случайность. Почему обязательно гестапо должно напасть на его след? Пусть ищут Эрвина! Интересно, что это за женщина, которая встретила его у Франца? Но, кроме вымышленного имени, она ничего не знает о нем.

Трезвые размышления успокоили Кюблера. Все не так уж плохо, но надо быть осторожнее. Подпольщик, как и сапер, может ошибиться только раз, тем более в Германии. Досадно все же, что не встретился с Францем! Когда-то Франц был порядочным парнем. Конечно, сейчас неизвестно, каковы его взгляды. Нацизм разложил многих людей, растлил их, сделал мерзавцами. Может, и Франц стал таким. Но ведь среди этих многих сохранились порядочные, честные немцы, которые пусть тайком, в душе, но ненавидят нацизм. Их надо искать. Но как тяжело это, как безумно трудно... Впрочем, разве русским товарищам, большевикам, было легче в подполье? Но они своего добились. Ничего, добьемся и мы...

Рудольф проехал несколько остановок, сошел с трамвая и пересел на другой. Ночевать он решил в Сименсштадте или в Шпандау — это все в одной стороне. Там еще остались кое-какие связи. Старые. Новые теперь заводить трудно.

Трамвай шел по Инвалиденштрассе, выскочил на мост через канал, миновал Ангальтский вокзал с высокой стеклянной крышей. Рудольф глядел в окно, но сам следил за тем, что происходит в вагоне. Стекло, затемненное снаружи, отражало, как зеркало. Не поворачивая головы, можно было видеть входную дверь. Черт побери! Все-таки как надоела такая жизнь затравленного зверя, без жилья, без друзей... Да, главное — без друзей. Их остается все меньше, а тех, кто есть, надо беречь, не встречаться, не заходить к ним. В родном городе он — как прокаженный.

— Альт Моабит! — объявил кондуктор следующую остановку.

Моабит? Это напоминает о многом. Кюблер приблизил лицо к стеклу. В свете уличных фонарей проползла обшарпанная кирпичная стена и широкие башни Моабитской тюрьмы. А вот переулок, где они ждали Тельмана! Рудольф приподнялся, стараясь получше разглядеть, но мешали отблески лампы над головой кондуктора.

Как быстро летит время! Будто бы это было только вчера.

Кюблер вспомнил ту холодную, дождливую ночь. То было через год после того, как Гитлер захватил власть. Поджог рейхстага для Кюблера был мрачной вехой, гранью, отделявшей не вполне разумное от кошмарно-средневекового. В веймарской Германии тоже жилось не сладко, но тогда хоть можно было говорить, опровергать, доказывать. И тогда сажали людей в тюрьмы, разгоняли рабочие демонстрации, но фашизм аккумулировал, сгустил произвол, сделал концлагерь, пытки, смерть единственной формой убеждения и доказательства. От той февральской ночи, озарившей заревом пожарища Бранденбургские ворота, Кюблер начинал исчислять время.

Да, то было спустя год после ареста Тельмана. Так же горели тогда фонари. Они отражались в сыром асфальте, будто в воде канала. А около фонарей мерцали нимбы светящейся измороси, фосфоресцирующей, как на циферблате часов.

В машине их было трое. Они сидели в полицейском автомобиле в форме гестаповцев и ждали Тельмана. С секунды на секунду он должен был появиться в сопровождении еще двух товарищей, тоже переодетых в форму эсэсовцев. Иногда секунды кажутся длиннее века. Когда стало невмоготу ждать, Гельмут сказал ему:

— Руди, приоткрой дверцу, чтобы Эрнст сразу мог сесть.

Он ответил:

— Разве не видишь, она давно открыта...

Кюблер сидел за рулем и глядел на циферблат. Непонятно, почему было холодно — от сырости или нервного озноба. Или оттого, что стрелка так медленно переваливалась с одной мерцающей цифры на другую... Они ждали, теряя терпение, но никто не сомневался в успехе.

План был простой и дерзкий — увезти Тельмана из тюрьмы будто бы на допрос к Гиммлеру, в управление гестапо на Принц-Альбрехтштрассе. В охране тюрьмы находился хорошо законспирированный, надежнейший человек. Он служил вахмистром. Но сколько месяцев пришлось ждать, чтобы вахмистр смог перейти на охрану тюремного блока, где содержали Тельмана!

А сколько пришлось затратить трудов, чтобы подготовить, проверить, по секундам рассчитать действия! Вытачивать ключи от камеры поручили ему, Кюблеру. Но сначала требовался слепок. Его добыли в тюрьме, сделали из хлебного мякиша. Никогда в своей жизни — ни раньше, ни позже — слесарь-лекальщик не работал с таким напряженным старанием. Рудольф сдавал пробу, от которой зависело так много. Это походило на работу брюссельского гранильщика алмазов. Во всяком случае, так казалось самому Кюблеру.

Но ведь это тоже было еще не все. А как добывали полицейскую машину, форму гестаповцев, как предупредили Тельмана! Многое взяла на себя Роза, его жена. Только ей одной разрешали свидания с Эрнстом, и она сумела шепнуть все, что нужно. Молодец Роза! Она сделала это на глазах охранников. Где-то она сейчас? Говорили, будто в Равенсбрюке, в концлагере.

Да, в том, что побег удастся, никто не сомневался. Беспокоило другое: как быть дальше, как потом сбить гестапо с толку? Но и это придумали. Тельмана укроют на конспиративной квартире здесь, в Берлине, а дня через три объявят, что руководитель Германской компартии Эрнст Тельман прибыл в Прагу. Он выступит даже по радио, все услышат его голос: конечно, выступит не он сам, в Берлине запишут на пленку его выступление и отправят чешским товарищам, в Прагу. Они обещали помочь организовать «выступление» Тельмана по радио. А потом, когда гестапо утихомирится, смирится с побегом, можно будет переправить Эрнста через границу.

И вот побег не удался. Рудольф до сих пор не знает, что произошло, что случилось в ту ночь за стеной Моабита. Он только отчетливо помнит, как сейчас видит дождливую улицу, стену тюрьмы и двоих людей в черных гестаповских плащах, на которых играют блики фонарей. Они подошли к машине, но не было третьего, которого ждали. Оба сели в кабину, и один сказал:

— Поехали. Побег не состоялся...

Только через час, на конспиративной квартире, Рудольф узнал скупые подробности. Те двое, что должны были сопровождать Тельмана, выдавая себя за гестаповцев, подошли к тюрьме в точно условленное время, но вахмистра не было. Они ждали его очень долго. Долго,— может, им тоже только казалось, что долго. Вахмистр вышел, взволнованный, отдал ключи, чтобы не оставлять улик. Еще он успел сказать, что за полчаса до побега вахмистр сам капнул в скважину несколько капель масла, чтобы не скрипел замок. Но, видимо, была какая-то лишняя капля, она просочилась из скважины и потекла по двери.

Перед сменой дежурный обходил камеры, он заметил эту злополучную каплю. В тюрьме не поднимали тревогу, но Тельмана сразу перевели в другой блок, в противоположное крыло тюрьмы. Вот и все, что сказал вахмистр, передавая уже ненужные ключи от камеры Тельмана.

Как могли знать рядовые подпольщики, что дело было совсем не в масляной капле. Провокатор, проникший в аппарат партийного центра, сообщил в гестапо о предстоящем побеге...

Вскоре Кюблера и других, кто готовил побег, переправили через границу. Он долго жил в Праге, работал в партийном центре, а вот сейчас уже несколько месяцев скитается по Берлину в поисках связей, растерянных явок и надежных людей.

Оккупировав Прагу, нацисты не только расправились с Чехословакией, они нанесли еще один, уже который по счету, удар по народу Германии. Кюблер совершенно в этом уверен. Для немецких коммунистов, укрывшихся в Праге, вторжение нацистских войск не было совсем неожиданным — многие заранее пытались покинуть Прагу, выехать в Лондон. Но британский консул, словно нарочно, задерживал визы. Поэтому многие так и остались в Праге. Их арестовали тотчас же, как только фашисты заняли город. Партийный центр фактически перестал существовать. Пусть временно, но это так. Едва успели запрятать секретные документы, а часть пришлось уничтожить.

Горше всего то, что многие немцы даже и не заметили удара, который им нанесли. Наци поднесли Прагу как подарок всему народу — богатым и бедным, аристократам с Курфюрстендамма и мастеровым из Веддинга. Многие на это клюнули. Взять хотя бы этих людей в трамвае. Они спокойненько едут, будто в мире ничего не случилось. А ведь происходит страшное — народ делают соучастником преступлений.

Кюблер проводил глазами супружескую пару, ехавшую от Инвалиденштрассе. Они всю дорогу восхищались покупкой — новыми туфлями с фабричной маркой Бати. Батя — чешский обувной Форд. Наплевать на Батю, но туфли-то делали обувщики в Злыне, они сами ходят в деревянных колодках. А супруги, что вышли на остановке, радовались: так дешево на талоны получили настоящую кожу! По виду это простые немцы,— он, вероятно, мелкий служащий, она добропорядочная домашняя хозяйка. Получили ворованную обувь и рады! А остальные? Кюблер перехватил завистливые взгляды. Женщина, сидевшая перед ним, вздохнула: везет же людям!

Становится страшно. Наци перессорят немцев со всем миром. Страшно, что не только Гитлер, но и рядовые немцы — Карлы, Гансы, Рудольфы, да, да, и он, Рудольф Кюблер,— становятся ненавистны чехам. А сейчас затевается что-то с Польшей. Что же будет дальше? Он тоже несет ответственность. Почему он, коммунист Кюблер, не смог вовремя остановить фашистское хулиганье, почему допустил их к власти? Конечно, воспитать низменные инстинкты куда легче, чем привить человеку благородные качества.

Но ведь это же атавизм, возвращение к пещерному веку! Что говорить, нацисты артистически умеют пробуждать низменные инстинкты, развращать подачками, обещаниями. Нужно быть объективным — они, немецкие коммунисты, что-то делали, но не все, они не смогли раскрыть глаза народу. Возможно, такой вывод слишком резок, но партия не научилась работать в массах, не смогла противопоставить атавистическим идеям нацистов свои идеи. Потом уже было поздно...

Работая в Праге, Кюблер не раз приезжал нелегально в Германию. С горькой болью, исходившей от собственного бессилия, он в каждый приезд наблюдал и убеждался все больше, как наци расширяют свое влияние. Они начали с ареста коммунистов в ту ночь, когда запылал рейхстаг. Потом разогнали профсоюзы и пересажали активистов, включая сборщиков членских взносов.

Дошла очередь и до социал-демократов, до тех, кто ратовал за социальный мир. Рудольф вспомнил разговор с отцом, он перешел в ссору. Старик говорил — не надо выдвигать чрезмерных требований, это отпугнет массы, не нужно обострять положение. А штурмовики в то время уже шатались по улицам Кепеника, разгоняли рабочие митинги, подкладывая слезоточивые, чихательные бомбы. Рудольф сам был на собрании в клубе, когда наци выпустили в зал десятки мышей. Они принесли их в специальных клетках, похожих на плоские фляги. Женщины подняли визг, вскакивая на стулья. Суматоха и крики, утробный хохот заглушили слова оратора. Собрание было сорвано. По этому поводу отец возразил: «В политике не обращают внимания на безобидные шутки. Конечно, наци поступают неправильно, но с коммунистами нам не по пути».

Шутки кончились плохо, они оказались не такими безобидными, как думал отец,— его тоже посадили. А социальный мир стал насаждать Роберт Лей, возглавивший нацистский трудовой фронт. Гитлер ввел принцип фюрерства на предприятиях — каждый владелец, любой хозяин завода и фабрики, стал промышленным фюрером и получил право решать за рабочих и от их имени.

Интересно, что бы сказал теперь отец о таком социальном мире? Где он сейчас — в Бухенвальде, в Дахау, в каком еще лагере? На воротах концлагеря в Бухенвальде нацисты вывели железными коваными буквами евангельское изречение: «Каждому свое!» Им нельзя отказать в остроумии. Отец тоже получил свое, оказалось, и ему по пути с коммунистами — в лагерь. Конечно, нацисты свое получат, но и он, Кюблер, тоже получил свое — затравленный и бездомный скитается по Берлину. Это за грехи многих.

Трамвай остановился на перекрестке, в вагон ворвался треск барабанов, резкие звуки фанфар, сначала еще невнятные слова песни. Через площадь с факелами шла колонна демонстрантов. Пассажиры приникли к стеклам. Демонстранты проходили по четыре в ряд. Факелы освещали молодые лица, багровые отсветы выхватывали из темноты раскрытые рты, блестящие зубы, глаза. А дальше и лица и факелы сливались в одно. Казалось, что в тем-

ноте ночи по улице ползет, извивается огненный змей. Отсветы факелов падали и на кроны деревьев. Это походило на далекое, едва уловимое, багрово-зеленое зарево. Медленно нарастая, в вагон ворвалась марш-песня. Рудольф разобрал слова.

Если весь мир будет лежать в развалинах,
К черту, нам на это наплевать!
Мы все равно будем маршировать дальше.
Потому что сегодня нам принадлежит Германия,
Завтра — весь мир!..
Завтра — весь мир!..
Завтра — весь мир!..

Демонстранты подчеркивали ударные слоги, а треск барабана сливался с топотом множества ног, печатающих шаг на асфальте.

Песня оборвалась, некоторое время, какие-то секунды, были слышны лишь топот ног и четкие удары барабанов, а потом голоса тоже в такт шагам начали скандировать:

— Дан-циг!.. Дан-циг!.. Дан-циг!..

Соседка повернулась к Рудольфу:

— Как это красиво, торжественно!

Кюблер сделал вид, что не слышит. Он подумал: «Это канун войны». Кюблер еще обратил внимание на пожилого человека, сидевшего на противоположной скамье. Узловатые, загорелые руки его — такие бывают у рабочих, имеющих дело с металлом,— лежали на коленях. Он хотел что-то ответить женщине, но только сердито пожевал губами. Рудольф встретил взгляд старика, и оба они тотчас же опустили глаза.

Трамвай задержался ненадолго — ему преграждал путь только хвост колонны. Покачиваясь, трамвай снова мягко загрохотал по улицам.

«Может быть, и мой сын будет скоро так же шагать по улицам...» Горькая мысль перенесла Кюблера в Кепеник, в район на противоположной окраине города. Сыну скоро двенадцать, а он его почти не знает. Гертруду тоже не видел три года. Она здесь, рядом, в каком-нибудь часе езды, а кажется, будто на том конце света. Может быть... Появилось ревнивое чувство. Он постарался отбросить его. Возможно, это тоже расплата — за то, что не сумели сделать, не справились...

Кюблер свернул газету. На следующей остановке он вышел. Здесь начинался берлинский пригород. Рядом с каменными домами стоял рабочий поселок — колония, как обычно называли ряды хибарок, разбросанных на малюсеньких участках земли.

Рудольф прошел вдоль проволочной изгороди, свернул направо, повернул еще раз, незаметно оглянулся и с другой стороны направился к домику. Настроение было не из хороших, но среди обрывков мрачных раздумий мелькнуло что-то обнадеживающее, светлое. Что это? Ах да, пассажир, сидевший напротив. Как он сердито глянул на женщину, а потом посмотрел на него! Это был

молчаливый протест. Значит, нацистам не удалось развратить всех. Конечно, нет! И не удастся! Впереди будет хорошее!

Кюблер открыл калитку, прошел вдоль огородных грядок и постучал. В домике еще не спали.

ГЛАВА ПЯТАЯ

I

Кавальеро Галеаццо Чиано граф ди Кортеляццо и Букари стоял у зеркального окна просторного, богато отделанного красным деревом салон-вагона и задумчиво смотрел на сменявшиеся пейзажи. Поезд еще на рассвете миновал суровую Верону, днем из-за ремонта локомотива довольно долго задержался во Флоренции и сейчас пересекал знойную Тоскану с ее холмами, узкими плодородными долинами, оливковыми рощами и высокими зонтами пиний на берегу Тибра.

Человек с таким пышным и длинным титулом был невысок ростом и хорошо сложен. Красивое, с правильными чертами лицо графа несколько портили резкие линии, которые накладывали отпечаток холодной расчетливости и самодовольства. Выглядел он значительно моложе своих лет, и только лучи морщин, разбегавшиеся от уголков глаз к вискам, показывали, что граф приближался к сорокалетнему возрасту.

Единственный пассажир салон-вагона несомненно гордился титулом, доставшимся ему от отца — ливорнского землевладельца. Но главное для него было не в этом. Куда большее значение для блистательной карьеры графа имели родственные отношения с дуче: Чиано был женат на старшей дочери Бенито Муссолини, первого человека в Италии. В конце концов, и высокий пост министра иностранных дел являлся следствием этого выгодного и многообещающего родства с дуче.

Задержка во Флоренции раздражала графа — из-за нее он отказал себе в удовольствии побывать в Ливорно. Всегда приятно посетить места, где провел детство, юность, поклониться минувшему. Здесь каждая мелочь вызывает массу воспоминаний, навевает чистую, трогательную грусть об уходящем, о прошлом. Действует как причастие... Иногда стоит почувствовать себя абсолютно невинным, кристально чистым, иногда, но не сейчас!

Кроме всего прочего, графа привлекали в Ливорно другие, более прозаические дела: не прошло месяца, как умер его отец, и Галеаццо Чиано должен был утвердиться в наследстве. Теперь он стал владельцем латифундий, земельным магнатом. Оставалось выполнить лишь некоторые, совершенно обязательные формальности. Они заняли бы немного времени, но задержка во Флоренции нарушила планы.

Чтобы наверстать время, пришлось отказаться от поездки вдоль побережья, выбрать более утомительный, но короткий маршрут —

через Тоскану. На побережье, конечно, не было бы такой изнуряющей духоты.

В вагоне стояла жара. Бесшумные вентиляторы почти не охлаждали воздуха, но тем не менее Чиано не решался открывать окна — боялся пыли. Сейчас можно позавидовать прохладе Бреннерского перевала; ночью, когда пересекали Альпы, там было просто холодно.

Однако духота закупоренного вагона, августовский зной и задержка во Флоренции служили только внешним поводом для раздраженного состояния министра иностранных дел. Здесь были другие, более глубокие причины.

Граф Чиано возвращался из Зальцбурга, где он встречался с Гитлером и Риббентропом. Немцы продолжают хитрить и опять ставят итальянского союзника перед совершившимся фактом. В марте Муссолини узнал из газет об оккупации Праги, а сейчас то же самое получается с Польшей. И Риббентроп еще имеет наглость требовать активной помощи со стороны Италии, упрекает в непонимании!..

Риббентроп забыл, что всего три месяца назад он поставил собственноручную подпись на «Стальном пакте». Если так, то возникает вопрос: зачем подписывать секретные пакты? Там черным по белому сказано: обе стороны — Германия и Италия — обязаны предварительно консультироваться по всем вопросам их международной политики. Хорошая консультация — вызвать, как мальчишку, в Зальцбург и сказать: «Мы начинаем войну! Готовьтесь, вы обязаны нам помогать...»

Конечно, обе стороны обязались в случае войны немедленно оказывать друг другу помощь. Он, Чиано, подписал это. Но там есть примечание, на которое теперь Риббентроп не хочет обращать внимания: война будет начата не раньше, как через три года. Через три года, но не через три месяца! Все-таки надо же подготовиться! Граф Чиано хоть и министр иностранных дел, но лучше других знает, в каком состоянии находятся итальянские вооруженные силы. С такими силами можно выступать против Албании, а здесь надо подумать, все взвесить.

Сначала Риббентроп не говорил ни да, ни нет. Он это умеет делать. Рейхсминистр оскорбительно холодно пытался уклониться от разговора о дальнейших планах Германии, но Чиано все-таки сумел вытянуть то, что надо.

Перед обедом два министра гуляли в Клессгеймском парке в Зальцбурге. За деревьями поднималась зубчатая каменная стена, окружавшая замок. От нее веяло прохладой и сыростью. Риббентроп говорил о пустяках, рассказывал историю Клессгейма. В средние века замок принадлежал каким-то епископам Зальцбурга,— Чиано совершенно не интересовало, кому именно,— а теперь Гитлер решил использовать замок для приема особо почетных гостей. Риббентроп распинался: «Господин Чиано наиболее уважаемый среди них». Вспоминал какие-то легенды, вычитанные из истории австрийских замков, явно оттягивая решительный разговор, ради ко-

торого Чиано приехал в Зальцбург. Все это нужно было слушать и улыбаться.

Покончив с королем Генрихом Птицеловом, который якобы имел отношение к Клессгейму, рейхсминистр без видимого перехода спросил о здоровье донны Марии, сестры Чиано. Риббентроп придал лицу выражение сочувствия и печали: бедная женщина, сколько страданий ей причиняет болезнь...

Чиано вежливо слушал, поддерживая беседу, стараясь перевести ее в нужное русло. Так они ходили по глухим дорожкам парка, с виду большие друзья, находящие удовольствие в разговоре о пустяках. На шее германского министра иностранных дел блистал итальянский орден Аннунциаты с ярким, как в церковных витражах, изображением картины благовещения господня. Совсем недавно, в день подписания «Стального пакта», Чиано именем короля вручил ему этот высший итальянский орден, знак непорочности и чистоты. Парадоксально: кому приходится давать такую награду! Но, может быть, орден позволит вернуться к теме?

— Вы, кажется, не расстаетесь с королевской наградой? — учтиво спросил Чиано.— Не правда ли, это наиболее красивый из орденов?

— О да! Признаюсь, мне он очень нравится, и я горжусь им. Геринг завидует мне. Вы знаете его слабость...

Граф Чиано знал об инциденте, разыгравшемся сразу после церемонии. Геринг прослезился от огорчения, что орден достался не ему, а Риббентропу. Маккензен, германский посол в Риме, конфиденциально, но не без умысла рассказал об этом графу Чиано. Посол намекнул, что Геринг обижен: ведь именно он считает себя вдохновителем «Стального пакта» и вообще укрепления германо-итальянского союза. Теперь и Риббентроп говорит о том же самом. Вот попрошайки!

Тем временем разговор снова ушел в сторону. Чиано вежливо, но настойчиво повернул его на свою тему. Когда ему удалось это сделать, итальянец прямо спросил:

— Скажите мне откровенно: чего вы хотите? Данцигский коридор?

Некоторое время Риббентроп шел молча. Под ногами шуршал гравий. Чиано подумал: может быть, рейхсминистр не расслышал или, по своему обыкновению, хочет уйти от прямого ответа. Но Риббентроп повернул к собеседнику бесстрастное, бледно-матовое лицо и, глядя на него холодными, металлическими глазами, внятно ответил:

— Мы хотим войны...

После этого разговор стал более откровенным и острым. Чиано говорил убедительно: господин Риббентроп, несомненно, знает, что дуче размышляет так же, как фюрер, но надо учитывать внутреннее положение союзника — Италия еще не готова к войне.

Разговор в парке оказался безрезультатным. Чиано заупрямился и отказался дать какие-либо определенные обещания. Беседу

прервали, за обедом сидели молча, недовольные друг другом. Царила атмосфера холода и недоверия.

Первоначально в Зальцбурге предполагали ограничиться встречей только министров иностранных дел — Чиано и Риббентропа,— но ситуация изменилась, и Риббентроп пригласил на подмогу Гитлера.

Он явился на следующий день, говорил без перерыва почти два часа, не позволяя Чиано вставить даже короткой реплики. Смысл рассуждений Гитлера сводился к тому, что Германия и Италия связали навечно свою судьбу. Они распределили сферы влияния: итальянцы — на Средиземном море, а он, Гитлер, устремляется на восток. Теперь обе стороны обязаны помогать друг другу. Для этого и подписан договор — «Стальной пакт»,— святость которого нерушима.

Граф Чиано сумел вставить только одно замечание: слишком неожиданны требования принять участие в акции против Польши. Если господину Гитлеру не изменяет память, германская сторона до последнего времени даже не упоминала, что положение на восточной границе Третьей империи так серьезно. Наоборот, господин Риббентроп совсем недавно утверждал, что данцигская проблема разрешится мирно, сама собой. Только исходя из этого, Муссолини полагал, что он имеет года два-три на подготовку к войне.

В ответ Гитлер вспылил, но тут же взял себя в руки. Чиано с удовлетворением отметил эту деталь: значит, немцы заинтересованы в итальянской помощи, зависят от нее в своей политике проникновения на восток. Стало быть, здесь кое-что можно выторговать.

Гитлер уже мягче подчеркнул, что отступать невозможно, нужно форсировать события. Он убеждал, уговаривал. Польскую проблему надо решать немедленно, через месяц там начнется осенняя распутица, дороги превратятся в океан грязи. Откладывать дальше он просто не может.

Чиано подумал: какое нам дело до осенних дождей в Польше, в конце-то концов у Рима есть тоже свои заботы! Если фюреру не терпится начинать войну, пусть ведет ее сам... Но вслух граф с подкупающей искренностью заверил Гитлера в понимании его тонких и гениально продуманных планов. Чиано ловко ушел от прямого ответа — сослался на то, что должен информировать Муссолини. Они незамедлительно изложат письменно точку зрения итальянского правительства, а если потребуется, граф не сочтет за труд снова приехать в Зальцбург. Тогда обе стороны, обстоятельно взвесив все за и против, несомненно, придут к единому решению.

Гитлер, кажется, не остался в восторге от такого ответа.

В тот же вечер Чиано покинул Зальцбург и теперь возвращался в Рим. Он рассчитывал, что попадет туда засветло, тогда еще сегодня удастся встретиться с дуче.

Из поездки в Зальцбург граф сделал немаловажные выводы. Муссолини должен знать об этом немедленно. Разногласия между союзниками возникали и прежде, Чиано это не так беспокоило, но тон, снисходительно-покровительственный тон, который усвоил

Риббентроп в Зальцбурге, не только раздражал, но и настораживал. Здесь есть нечто новое. Адольф Гитлер говорил как судебный исполнитель, а не как союзник. Забывает, что договор еще не исполнительный лист... Вообще немцы не особенно щепетильны. С Польшей у них тоже есть договор. Может быть, и «Стальной пакт» превратится в мокрую, расползающуюся бумажку...

Со стороны могло показаться, что он, Чиано, сохранил престиж и независимость суждений. Но ведь это не так! Вот что раздражает. Гитлер простился с обидно уверенным видом, что в конечном счете он, а не кто другой, навяжет свои решения. Как-то посмотрит на это дуче? Надо предпринимать контрмеры.

Наконец в мареве знойного вечера открылась панорама Вечного города. Как всегда, он был прекрасен. Железная дорога, обегая возвышенность, медленно поворачивала вправо, и Рим заглянул в окно сразу, вдруг, полный своего великолепия, с золотом куполов, с дворцами на холмах и неразличимым в палевом сумраке нагромождением хибарок на рабочих окраинах.

II

На северном вокзале, куда прибыл специальный экспресс, министра встречал ограниченный круг людей. Это тоже была его заранее продуманная идея — никакой пышности, надо подчеркнуть деловое значение поездки. На перроне стояли лишь несколько сотрудников министерства, обязательные фоторепортеры и, конечно, жена Эдда с букетом цветов. Граф не помнит случая, чтобы Эдда не встречала его на вокзале или в аэропорте, как бы коротка ни была отлучка из Рима. Министр знал — руководило ею не чувство, а честолюбие. Но он прощал жене эту слабость. Из окна Чиано увидел высокую, прямую фигуру жены, окруженную фотографами. Она и здесь хочет быть в центре внимания. Граф снисходительно улыбнулся. Как Эдда походит на отца! Муссолини тоже не может оставаться в тени, но у нее это выглядит так наивно, уж очень по-женски.

Чиано принял горделиво-напыщенный вид. Сам того не замечая, он копировал в этом отношении дуче. Сошел на перрон, поцеловался с женой, сдержанно поздоровался с остальными. Под наведенными на него объективами граф вышел на привокзальную площадь. Эдда держала мужа под руку и поворачивалась лицом то к одному, то к другому фотографу. Она охотно позировала, но делала это очень естественно и непринужденно. Фотографии Эдды частенько мелькали в столичных газетах и журналах — граф Чиано нередко выезжал из Рима.

По дороге к машине кто-то пытался интервьюировать министра, но Чиано ограничился заранее подготовленной лаконичной фразой:

— Как всегда, мы нашли с фюрером общий язык.

В машине он сказал Эдде:

— Я должен сразу же поехать к дуче. Может быть, и ты заедешь в Палаццо Венециа?

— Нет, я не хочу встречаться с Клареттой. Уверена, что она уже торчит там.

Эдда терпеть не могла интимную подругу отца, Кларетту Петаччи,— развязную, бойкую даму, умеющую из всего извлекать выгоду не только для себя, но и для всего семейства Петаччи.

— Тогда поезжай к матери, я заеду за тобой к донне Ракеле. Когда? Как только освобожусь.

Чтобы избавиться от газетных хроникеров, увязавшихся за машиной министра, Чиано распорядился выехать на шумную Виа Тритоне. Здесь легче скрыться от назойливых репортеров, жаждавших узнать какие-то дополнительные новости. Он понимает — малозначащая фраза о встрече с Гитлером не удовлетворила газетчиков. Тем более нельзя показывать, что министр иностранных дел прямо с вокзала направился к дуче. Это даст пищу для вредных умозаключений и слухов.

Совершив вынужденную поездку по городу, Чиано вышел у подъезда Венецианского дворца. Вскинув голову, он прошел мимо вытянувшихся перед ним мушкетеров из личной охраны Муссолини и поднялся по лестнице. Граф миновал анфиладу дворцовых комнат, пересек залу с балконом, выходящим на площадь святого Марка. Высокую стеклянную дверь закрывали тяжелые синие портьеры. С этого балкона Бенито Муссолини обычно выступал перед горожанами, копируя ораторов древности.

Личный секретарь дуче передал Чиано, что Муссолини знает о приезде министра, ждет его, но пусть кавальеро благосклонно извинит, секретарь должен предупредить дуче.

Обстановка, расположение дворца были хорошо знакомы Чиано; знал он и этот удлиненный зал — полуприемную-полугостиную. Здесь, рядом с кабинетом дуче, обычно происходили заседания Большого фашистского совета. В глубине комнаты возвышалось троноподобное кресло дуче, а напротив подковой стояли более низкие стулья для членов совета.

На стенах залы висели картины старых итальянских мастеров и потемневшие бронзовые канделябры в стиле раннего Ренессанса. Дорогие, тоже старинные ковры приглушенных оттенков и замысловатого рисунка закрывали пол, украшали стены.

Чиано остановился перед тициановской Венерой. Он очень любил этого художника, восхищался его манерой, свежестью красок, цветом каштаново-красных волос, красотой женских тел, не старея живущих сотни лет в картинах художника.

Министр иностранных дел отличался удивительной чертой — мог умиляться, глядеть увлажненными глазами на произведения чистого искусства и тотчас же возвращаться к прозаическим, не всегда чистоплотным повседневным делам. Так произошло и сейчас. Секретарь дуче пригласил его пройти в кабинет. Оторвавшись от картин Тициана, Галеаццо Чиано последовал за секретарем. Служитель неслышно закрыл за ним дверь.

С тех пор как граф Чиано женился на старшей дочери Муссолини, у них начали складываться не только родственные отношения. Первоначально они носили характер сдержанной и, пожалуй, не совсем искренней дружбы, где связующим звеном была Эдда. С годами дуче преисполнялся все большим доверием к молодому, отлично воспитанному и образованному юристу с располагающей внешностью. Своенравному, экспансивному и самовлюбленному Муссолини импонировало поведение зятя. Чиано умел вовремя польстить тестю, был предупредителен и проявлял тонкое, совсем не назойливое восхищение перед дуче. Но главное, что окончательно покорило Муссолини,— это острая хватка зятя и его направление мыслей, удивительно совпадавшее с мыслями самого дуче. Поэтому, когда в минувшем году возникла надобность заменить министра иностранных дел, Муссолини, не раздумывая, остановился на кандидатуре Чиано. Его никогда не покидала честолюбивая мысль стать родоначальником новой династии, династии Муссолини. Все ведущие посты в государстве будут принадлежать членам его семьи. Мягкотелый король Виктор Эммануил, представитель савойской династии, просто не способен к решительным действиям, только путается под ногами.

После того как Чиано сделался министром иностранных дел, их отношения с тестем стали еще более тесными. У Муссолини почти не оставалось тайн от Чиано, чего не мог сказать о себе новый министр. Их встречи отличались полной откровенностью, и они, не стесняясь, называли вещи своими именами.

Когда Чиано вошел в кабинет, Муссолини стоял подле стола перед большим раскрытым географическим атласом.

— Ну, на какой странице теперь мы раскроем свой атлас? — вместо приветствия спросил он, услышав мягкие шаги зятя.

— Затем я и приехал к вам, дуче. Прямо с вокзала. Гитлер опять старается нас обойти.

— Ну, положим! Это-то ему не удастся! В области политики я несомненно стою выше Гитлера.

Чиано, кажется, приехал вовремя — бахвальство дуче всегда служило признаком хорошего настроения тестя.

— Вы правы, дуче,— ответил граф,— но фюрер настаивает, чтобы мы вместе с ним вступили в войну. Однако я думаю, что страна еще не готова...

— Решать о войне мы будем сами. Я не позволю, чтобы на меня кто-то давил. У нас есть свои интересы.— Муссолини выпрямился у стола. Голос у него был неровный: то глубокий, гортанный, то становился пронзительно резким — все зависело от настроения. Сейчас он говорил мягко, слова лились свободно, звучали уверенно.— Принцип нашей политики — самостоятельность и упорство. Обратите внимание,— Муссолини указал на раскрытый географический атлас,— после того как мы заняли Абиссинию, я три года держал этот атлас раскрытым на карте Испании. Мои берсальеры перевернули страницу, я остановился на карте Албании. А следующей будет Греция или Югославия. Возможно, нам кое-

что перепадет и от Гитлера. Что он говорил в Зальцбурге? Снова не давал раскрыть рта?

Чиано подробно рассказал о переговорах, обратил внимание на фразу Риббентропа в парке Клессгеймского замка «Мы хотим войны» и в заключение сказал:

— Немцы безусловно заинтересованы в нашем участии. Я намекнул, что мы не сможем выступить на стороне Германии, не получив нужных запасов сырья, угля, вооружения.

— Что же ответил фюрер?

— Поморщился и обещал подумать. Просил дать список нужных стратегических материалов. Конечно, его интересует количество.

— Да, но я все же склонен принять участие в войне. Иначе придется пользоваться его объедками. Это будет не жирно.

— Но, к сожалению, мы не готовы к войне, мой дуче. И не только в чисто военном плане. Мне не нравятся настроения итальянцев. Они столь тупы, что не понимают своей исторической миссии.

— Это дело Сторачи,— отмахнулся дуче,— он руководит фашистской партией. Пусть сделает так, чтобы народ воевал. Я с ним согласен, что если не мужчины, то хотя бы итальянские женщины будут рады войне. Каждая солдатка станет получать шесть лир в день и к тому же избавит себя от заботы готовить мужу обеды.

— Мне кажется, Сторачи несколько оптимистично настроен. Нам придется испытать некоторые затруднения.

— Не знаю. Мы должны стряхнуть с итальянского плебса его вековую умственную лень.— В голосе дуче зазвучали пронзительные нотки.— Народ следует подвергнуть испытаниям. Для его же пользы. Я одену итальянцев в военную форму. Чтобы сделать народ великим, его нужно посылать в битвы, посылать даже в том случае, если придется гнать и подталкивать пинками в зад.— Дуче согнул ногу в колене, словно он действительно собирался кого-то ударить.— Я заставлю народ воевать. Я не прощу ему и не забуду восемнадцатого года, когда в Италии насчитывалось пятьсот сорок тысяч дезертиров... А в конце-то концов, народ подобен избалованной женщине — он отдает предпочтение победителю.

— К сожалению, победа в Албании не подняла настроения в народе, хотя мы оперировали Албанию так умело, что пациент и не пикнул.

— Не плохо сказано! — Муссолини рассмеялся.— Однако поговорим о другом. Теперь надо дать югославам хорошую дозу хлороформа,— пусть в Белграде ничего не подозревают, а мы тем временем подумаем о румынской нефти.

— Но как же сложатся наши отношения с западными странами?

— Не загадывайте. Все будет зависеть от их позиций. Они не беспокоят меня. Помните, как англичане из посольства пели на вокзале, когда провожали Чемберлена из Рима зимой. Как это? — Дуче пощелкал пальцами, вспоминая.— Ну да: «Он чертовски славный парень...» Я готов был подпевать им. За эти месяцы Чембер-

лен не изменился, чертовски славный парень! А как вам нравится, что он заранее прислал свою речь, с которой намерен выступать в парламенте?! Просил одобрить ее, согласен внести исправления... Это анекдот, но сейчас я говорю серьезно: глава британского кабинета впервые представил на утверждение иностранному правительству текст парламентской речи. Для англичан это плохой признак, дорогой Галеаццо.

— Значит, подобно осьминогу, мы должны мутить воду...

— Совершенно верно! Именно мутить воду! Западные страны несомненно уступят, они проглотят пилюлю. Расчеты Гитлера правильны, а мы будем поддерживать немцев, чтобы получить свою долю. Заодно сведем счеты с Белградом. Атлас, видимо, надо открывать на этой странице... Ну, а если французы и англичане вступятся вдруг за Польшу?

Муссолини сам ответил на поставленный вопрос:

— В таком случае осьминог уползет в сторону — мы устранимся от немцев. Не так ли?..

Муссолини просидел с зятем еще около часа, уточняя и обдумывая возможные варианты дипломатических ходов. Главное — не раскрывать преждевременно своих планов.

— Я, как кошка, осторожен и благоразумен,— заключил Муссолини,— но когда прыгаю, знаю, что попаду куда надо. Мы вступим в войну, но в свое время.

Чиано покинул Палаццо Венециа поздно вечером, когда на улицах давно зажглись фонари.

Заехав к донне Ракеле за женой, Чиано не стал задерживаться там, как это частенько делал. Сославшись на утомление после дороги, он заторопился домой. Ему хотелось побыть немного на воздухе.

Свирепствовавший последние дни африканский сирокко оставлял и поздними вечерами изнуряющую влажную духоту. Проехали к Тибру, к мосту Маргериты, окаймленному кружевной мраморной балюстрадой. Но и река не принесла свежести. Над Тибром поднимался и нависал опалово-бледный ядовитый туман.

От реки повернули на Виа Микеланджело и выехали к развалинам Колизея. Руины цирка стояли освещенные прожекторами, они бросали снопы трепетного яркого света на сооружения древних. Лучи выхватывали из мрака развалины сенаторских лож, выщербленные временем колонны, уцелевшие своды, а там, куда не проникал свет, выступали черные провалы теней.

Эдда сидела рядом и говорила что-то о новых художествах семьи Петаччи. Брат Кларетты занялся крупной спекуляцией золотом, но полиция не в силах что-нибудь сделать — боится Кларетты. Чиано рассеянно слушал не новые новости и думал о былом величии Римской империи. Об этом напомнили ему стены Колизея, похожие на освещенные театральные декорации.

Да, Римская империя возродится, она станет могучей, как прежде. Возможно, стоит восстановить тогда развалины Колизея — символ минувшего господства, мост, соединяющий прошлое с бу-

дущим. Как много говорят руины горделивым сердцам! Недаром дуче приказал освещать Колизей. Это свет истории...

Внимание графа и его жены вдруг привлекла картина, покоробившая их эстетические чувства,— среди развалин в отблесках голубоватых лучей стоял современный плебей в клетчатой рубахе и страстно обнимал девушку. Влюбленным не было дела ни до чего на свете. Сейчас, видимо, их меньше всего волновали размышления о судьбах Римской империи, будущее господство над миром.

— Как это пóшло! — брезгливо воскликнула Эдда.

Чиано приподнял стекло, отделявшее кабину шофера, и приказал ехать домой. Очарование прошлого было нарушено.

III

Ни одна геральдическая коллегия, занятая изучением фамильных гербов знатных дворянских фамилий Европы или составлением юридически обоснованных генеалогических списков, не взяла бы на себя труд восстанавливать родословную семейства Антонио Челино, прибывшего в Рим лет пятнадцать тому назад. Конечно, можно бы сделать логический вывод: раз существовал на свете Антонио Челино, значит, на протяжении веков жили и его предки. Иначе следовало бы допустить реальность мифа о непорочном зачатии кого-то из ближайших родоначальников семейств Челино. Но в подобную чепуху, при всей набожности, Антонио никак не мог верить.

Род Челино безнадежно терялся всего на глубине второго колена. Если бы в живых оставался сам Антонио, то и он не смог бы, не согрешив, поклясться святой мадонне, что достоверно знает, откуда происходят его отец или дед.

Однако если бы случилось самое невероятное и некий историк, вдруг отложив монографию рода промышленных магнатов Турина или описание ветхозаветной истории потомков римских патрициев, взялся бы исследовать жизнь семейства Челино, он несомненно отметил бы день приезда Антонио в Рим. Произошло это в конце третьего года новой эры, если учитывать время по фашистскому летосчислению — со дня похода Муссолини на Рим. В переводе на старый календарь семья Антонио Челино прибыла в Вечный город и высадилась на вокзале Остиа в 1925 году после рождества Христова в непомерно знойный осенний день.

Но кому нужна родословная итальянского батрака, который бросил в отчаянии землю Тосканы и в поисках — не счастья, нет,— просто куска трудового хлеба перебрался в Вечный город. Антонио никогда не сравнивал себя, предположим, со старым графом Чиано. У того и фамилия говорит о его воинской доблести — граф ди Кортелляцо и Букари, кто их знает, эти места, где отличился хозяин, но, услыхав впервые о королевском указе, так удлинявшем фамилию Чиано, Антонио без всякой зависти, с веселой усмешкой сказал жене:

— Теперь и нам надо ждать указа, Кармелина. Представь себе, король присвоит мне титул — граф Челино ди Капоретто!.. Ты небось и не знаешь, что такое Капоретто. Признайся, не знаешь? Там крепко поддали нам вот под это самое место. Драпали мы оттуда, как зайцы, а я после того в третий раз и окончательно сбежал из армии. Помнишь, ты мне еще дала то дьявольское снадобье, которым я надышался...

Антонио без стеснения вспоминал о злоключениях войны, и трехкратное дезертирство не отягощало его совесть. Он охотно рассказывал, конечно не в полиции, как разошелся во взглядах с папой и королем: те звали его на войну, а он не хотел. Во всем остальном Челино считал себя добропорядочным католиком и подданным короля. Тосканский батрак любил вспоминать слова приятеля Джулиано, мусорщика из Рима,— они бежали с ним вместе из-под Капоретто. «Лучше всю жизнь считаться трусом,— философствовал Джулиано, пробираясь с фронта,— чем быть хоть раз покойником».

Кто же, зная настроения Антонио, вздумает после этого заниматься жизнеописанием главы семейства Челино! Нет никакого смысла. С точки зрения военной доблести это не представляло ни малейшего интереса. Возможно, поэтому приезд Антонио в Рим так и остался не отмеченным историей, но в жизни семьи Челино он послужил важной вехой. Что же касается Бруно, младшего из семейства Челино, то в его памяти сохранился только зной раскаленного асфальта на привокзальной площади, такого горячего, что голой пяткой он выдавил в нем лунку для игры в мяч. Босому оборванцу с большим ртом и волнистой копной нестриженных иссиня-черных волос было тогда восемь неполных лет.

Они сидели вчетвером на панели — отец, мать, Луиджи и он. Луиджи — это сводный брат, от первой жены отца. Луиджи было уже лет пятнадцать. Они сидели перед вокзалом и ели апельсины, заедая хлебом. Отец глухо кашлял, хватаясь за грудь, и солил каждому апельсиновые дольки. Вкус посоленных апельсинов, таких ароматных и сочных, тоже остался в памяти вместе с зноем асфальта на римской площади.

Кажется, семья успела позавтракать, когда подошел к ним полицейский, разряженный, как павлин в саду синьора Чиано. Полицейский снизошел до разговора с ними. Он не только жестом показал — проваливайте, мол, отсюда,— но процедил сквозь зубы, что на площади нельзя задерживаться с вещами. Отец, не споря, торопливо начал собирать пожитки. Видимо, и его подавлял шум такого большого города. Как ни бедно жило семейство Челино, но вещей набралось порядочно — два тюка, большой сундук, кошелка да несколько узлов и узелков. Это с годами сундук будто становился все меньше, а там, на площади, он казался Бруно огромным.

Вещи перетащили в соседний переулок и вечером погрузили на тачку, которую отцу откуда-то помог привезти широкоплечий человек, еще незнакомый Бруно. Оба они, отец и его товарищ, болтали всю дорогу и умолкали только в то время, когда приходилось тол-

кать тележку в гору. Отдыхая, они шлепали друг друга по спине, и отец все время говорил приятелю:

— А помнишь, Джулиано... А помнишь...

На первое время они расположились у Джулиано. Вскоре нашли каморку рядом, и отец начал работать. Позже, много лет подряд, Бруно помнил сухой железный грохот тележки, катившейся по камням узенькой улочки, застроенной домами, похожими на многоэтажные сараи-курятники. Солнце проникало сюда только ранним утром, и потом весь день улица оставалась в глубокой тени. Железный грохот каждый день будил Бруно. Только тогда он и видел освещенную солнцем улицу. Отец добыл такую же тележку, как у дяди Джулиано, и ежедневно громыхал с ней к центру Вечного города, чтобы убирать мусор. Сначала Бруно не понимал: зачем ездить куда-то далеко, если на их улице тоже хватает мусора? Но здесь никто не обращал внимания на груды отбросов, а мусорщики почему-то ехали к центру, подталкивая впереди себя тяжелые, громыхающие тележки.

Железный грохот под их окном не прекратился и после смерти Антонио. Отец умер от туберкулеза в марте, когда ядовитые густые туманы на Тибре выкашивают больных грудью. Мать сама впряглась вскоре в железную телегу, и Бруно иногда помогал ей возить тачку, убирать мусор на широких, красивых улицах, застроенных мраморными дворцами. Мир впервые тогда раздвинулся перед мальчуганом, он оказался более интересным, чем район грязных, кривых улочек с мрачными серыми домами и обшарпанной штукатуркой.

После смерти отца мать стала еще сварливее, и Луиджи совсем перестал бывать дома, только приходил ночевать, да и то не всегда. С мачехой они не смогли найти общего языка, но Бруно с Луиджи всегда оставались добрыми приятелями, и старший иногда баловал брата жареными каштанами или дешевой конфеткой, где крахмала всегда было значительно больше, чем сахара. Бруно относился к брату с чувством восторженного обожания, особенно когда Луиджи поступил на завод и приносил в дом запах машинного масла и другие терпкие запахи — ржавчины или горелого железа.

В те годы Бруно знал, что отец умер не своей смертью. Умер он от какого-то снадобья, которым давно-давно надышался, чтобы избавиться от военной службы. Но Бруно соглашался с матерью, что отец все же прожил лет на двенадцать больше, чем ему было отведено господом богом или солдатской судьбой. Подумать только, сколько мужчин не вернулись после войны в деревню! Они были бы рады подышать черным зельем, да поздно. А Кармелина, слава святой мадонне, сохранила мужа. Она никогда не чувствовала за собой греха: какой может быть грех, если Кармелина старалась продлить жизнь человека, да еще мужа!

Кармелина сама добыла рецепт, сварила густое, тягучее зелье, вылила его на горячие угли и заставила Антонио дышать ядовитой, удушливой гарью. Антонио задыхался, его выворачивало от кашля, на другой день он лежал в жару, и это помогло, слава святой ма-

донне! Карабинеры пронюхали, что упрямый дезертир в третий раз бежал с фронта, арестовали Антонио, но продержали его совсем недолго, освободили по чистой. Случилось это как раз в день благовещения. С тех пор она каждый год отмечает этот праздник — заходит в церковь помолиться и поблагодарить матерь божию.

Кармелина, если не ругалась с соседками, частенько повторяла им свою историю, рассказывала, как спасла от войны мужа, и женщины одобряли ее находчивость. Подразумевалось само собой, что дышать зельем не большая радость, но раз это нужно, то нужно. Возможно, Антонио прожил бы значительно дольше, но это по мирному времени, когда не требуется вдыхать всякую дрянь, а на войне без того долго не проживешь. Солдатский век — как у мотылька — короткий. Кармелина знала еще одно средство — от него нога распухает, что твое бревно. Любой, самый придирчивый доктор даст освобождение или положит в больницу.

Женщины замолкли, вздыхая, крестились за упокой души дезертира и продолжали вязать. Крестилась, смахивая слезу, и Кармелина, уверенная в правоте своей житейской, крестьянской мудрости.

А младший Челино помогал матери, бродил с тачкой по городу, познавал мир, и вскоре Вечный город стал источником его существования. Он сделался чичероне. Конечно, не сразу. Сначала сам слушал проводников, так просто, из любопытства,— разве не интересно знать, что было здесь тысячу лет назад? Вместе с такими же оборванцами бродил за туристами по достопримечательным местам, выпрашивал монетку и слушал занимательные истории из жизни Вечного города. Мальчишки особенно любили слушать Менарино — пожилого чичероне с подвижным, как у обезьяны, лицом и пронзительным голосом, напоминавшим голос бродячих торговцев. Вот это был человек! Он знал тысячи самых удивительных историй и с какой-то торопливостью старался выплеснуть их слушателям. Говорил он как заведенный. Бруно не представлял себе, как умещается столько знаний в одной, да еще сплющенной голове. Голова чичероне имела такую форму, будто когда-то она побывала под прессом, которым жмут виноград.

Но Менарино терпеть не мог, чтобы его слушали те, кто не платит. В разбитных босяках, подобных черноглазому Бруно, он видел будущих конкурентов и всегда обрушивал на них потоки брани и замысловатых проклятий. Но не так-то легко бывало отвязаться от оравы любителей истории древнего Рима.

Годам к двадцати Бруно стал опытным чичероне, знающим всю подноготную Рима, его историю, великих художников, зодчих. Так бы и жил он, простаивая часами у подъездов гостиниц в ожидании туристов или подстерегая их у портала храма святого Петра, но призывная повестка изменила судьбу чичероне — к началу семнадцатого года новой эры Челино-младший стал рядовым в полку берсальеров.

Полк стоял в казармах на окраине Таранто, в Апулии. Это было лучше, чем воевать в Испании, где красных хотя и побеждали, но

дрались они бешено. Бруно исправно, хотя без излишнего рвения, нес службу, ходил на строевые занятия, обливаясь пóтом, совершал перебежки, постигал военную науку, но как только начали сгущаться тучи над Адриатическим морем, Челино-младший вспомнил про своего отца.

В середине марта, сразу же после того как Адольф Гитлер в одно весеннее утро очутился в Праге, солдаты в Таранто заговорили про Албанию. Одни утверждали, что дуче не преминет воспользоваться суматохой, вызванной захватом Праги, и прикончит королевство Ахмета Зогу. Другие рассказывали о достоверных новостях: в порт прибыл лайнер, но в дальнейший рейс он не вышел, а стоит у пирса близ судоверфи «Франко този» без пассажиров и чего-то ждет. На таком лайнере только и возить десантные войска.

Были и другие, не ведомые никому, кроме солдат, признаки, по которым можно было определить — тучи сгущаются.

Прикинув в голове все, что может случиться, Бруно не стал откладывать решение в долгий ящик. Совершенно неожиданно, без видимых причин, у него распухла нога, его положили в околоток, и полковой доктор определил у солдата рожистое воспаление голени.

IV

Бруно добился отпуска по болезни. Он появился в Риме в тот день, когда его полк высадился в Дураццо. Прихрамывая, шел он по тесной знакомой улице, с рюкзаком, закинутым на одно плечо, и тут услышал голоса мальчишек, торговавших газетами.

— «Пополо де Италиа»! «Пополо де Италиа»! Последние известия! Бегство короля из Албании! Наши берсальеры высадились в Дураццо!.. Последние известия!.. «Пополо де Италиа»!

Мальчишки трещали, как попугаи, заглушая друг друга, совали газеты в руки прохожим и бежали дальше, стараясь побыстрее распространить новость и распродать газеты.

Бруно купил у шустрого сорванца газету и остановился на панели. На первой странице была напечатана фотография — берсальеры строем проходят по улицам Дураццо, а рядом министр граф Чиано выходит из самолета на аэродроме в албанской столице.

Так, с газетой в руке, Челино и пришел домой, поднялся по выщербленной лестнице на второй этаж. Мать была дома, она успела вернуться с работы и копошилась около плитки.

— Пресвятая дева Мария! Какими судьбами?!

Кармелина бросилась к сыну, они обнялись, и женщина засуетилась, как суетятся женщины во всем мире, встречая неожиданно вернувшихся сыновей.

Последнее время Кармелина жила одна — Бруно был в армии, а Луиджи исчез еще года полтора назад неизвестно куда. Он только сказал: «Не беспокойся, мать,— Луиджи звал ее матерью,— если я вернусь не так скоро. Будут спрашивать — говори, что уехал во Францию на работу».

Бруно спросил:

— Что слышно о Луиджи? Есть о нем вести?

— Нет. Полтора года молчит, как воды набрал в рот. Может, он что писал тебе, Бруно?

— Нет, мама, я тоже от него не получал ничего. Откуда мог узнать он мой адрес...

Бруно знал о брате немного больше, чем мать, но промолчал. Ведь он действительно ничего не получал от Луиджи. А то, что было раньше, мать не должна знать — так просил Луиджи перед отъездом. Бруно теперь почти уверен, что брат ввязался в драку в Испании на стороне красных. Вот чего никогда не стал бы делать он, Бруно! Луиджи, когда приехал из Абиссинии, говорил, что больше не станет ни с кем воевать, а здесь полез сам.

В последний вечер Луиджи сказал:

— Пойдем, братишка, проводи меня до угла.

Бруно проводил его дальше, почти до завода. Разговор был странный. Луиджи хотел что-то сказать и недоговаривал.

— Ты правда едешь во Францию? — спросил Бруно.

— Конечно, я же при тебе говорил матери.

— Но почему все так таинственно? Надолго ты едешь?

— Не знаю, братишка. Всяко бывает.— Он обнял его за плечи.— Может быть, очень надолго, возможно, там и останусь... Спасибо тебе, теперь я пойду один.

Братья поцеловались, и Луиджи свернул в переулок.

— Не ходи за мной,— сказал он еще раз, заметив, что Бруно все идет за ним следом.

Луиджи остановился у фонаря на другой стороне улицы, помахал рукой и пошел не оглядываясь.

С мешком под мышкой и шерстяным одеялом, перекинутым через плечо, он походил на одного из многих тысяч сезонников-эмигрантов, покидавших страну в поисках работы. Но что-то непонятное было в поведении брата. Зачем искать ему заработки во Франции, если Луиджи и без того имеет работу?

Передумывая все, что связано было с проводами брата, Бруно вспомнил еще один разговор. Он произошел недели через две после возвращения Луиджи из Абиссинии. Луиджи рассказывал, как плыли они на военном транспорте по Средиземному морю, через Суэцкий канал, как изнемогали от зноя в Красном море не только солдаты, но и мулы, которых везли на нижней палубе. А трюм был забит военным снаряжением.

Луиджи недолго пробыл в Абиссинии. На походе кто-то влепил ему заряд дроби в левое бедро. Стрелял из кустов мальчишка-сомалиец с застенчиво-нежным лицом и грустными глазами. Он стрелял из старинного кремневого ружья. Мальчишку приволокли, когда Луиджи лежал на раскаленной земле и солдаты нетерпеливо и не особенно вежливо звали врача или хотя бы санитаров, чтобы перевязать раненого. Мальчика с кремневым ружьем расстреляли на месте, без суда. Он и не отрицал, что стрелял в итальянского солдата.

— Меня не оставляет мысль, что это я виноват в смерти мальчугана. Когда его привели, мы встретились с ним глазами, я не почувствовал в его взоре ненависти, было только детское любопытство. Очень страшно, когда из-за тебя убивают ребенка...

— Но стрелял он не только в тебя, ты подвернулся случайно,— Бруно хотел рассеять мрачное настроение брата.

— Вот в том-то и дело, Бруно! Ты еще ничего не понимаешь. Виноват потому, что я пришел в Абиссинию, а не он к нам в Рим. Мальчик был прав, что стрелял. Дробинки и сейчас еще выковыривают из моего бедра.

— Я не понимаю, в чем же ты виноват?

— Не я, все мы. В том, что затеяли эту подлую войну с безоружным народом. Муссолини подбирает все, что плохо лежит. За это будут нас ненавидеть.

В комнату вошла мать, она слышала последние слова Луиджи.

— Пресвятая Мария! — воскликнула она, останавливаясь среди комнаты.— Ты, Луиджи, в уме, что говоришь так про дуче?! Разве не видишь распахнутые окна?

— Окна меня не тревожат, на нашей улице многие думают так же. Я возражаю против войны, мать.

— Отец наш тоже был против войны, но он не касался королевской фамилии.

— Да разве теперь дело в том, чтобы калечить себя и уходить от войны? Так от войны не спасешься.

— А что делать? — спросил Бруно.

— Что делать? Не то, что отец. Он думал лишь о себе. Надо вмешаться всем и не допускать войны.

— Не говори так о своем отце,— обиделась за Антонио мать и перекрестилась.

Бруно ответил:

— Нет, Телемак из меня не получится. Помнишь монаха, который прыгнул на арену Колизея разнимать гладиаторов? Толпа растерзала его, и поделом — не вмешивайся не в свое дело. Об этом твердят всем уже полторы тысячи лет. Я не хочу походить на такого монаха. Отец прав, война — частное дело каждого. Нравится — воюй, нет — показывай пятки. Я так думаю.

— Глупости ты говоришь, Бруно! Народ не монах Телемак, и его не растерзаешь, если он выступит на арену. Жаль, что ты не видишь дальше собственного носа. Когда-нибудь ты поймешь...

— И понимать не хочу! В случае чего мать мне поможет, правда, мама? А на остальное мне наплевать! — Бруно сказал это с подчеркнуто беззаботным видом.

Разошлись недовольные и обиженные друг другом. Бруно отправился побродить по городу,— как раз тогда он и познакомился с Анжелиной, мать — к соседкам, а Луиджи ушел, как всегда, не сказав, где он будет и когда вернется.

Не прошло и года после того разговора, как Луиджи покинул Италию. Кармелина ждала его несколько месяцев, спала по-прежнему на сундуке, но через некоторое время перебралась на его кой-

ку — она стояла ближе к печке, и там было гораздо теплее спать в зимние сырые ночи.

С приездом Бруно мать собиралась уступить кровать сыну, но Бруно не хотел ничего слушать. Пришлось только к сундуку приставить стул, чтобы не свешивались ноги. Стул взяли из кухни. Он стоял там без пользы, с поломанной ножкой.

Так Челино-младший вернулся из армии, не испытав войны. В отпускном билете он подставил лишнюю палочку и получил право лишний месяц не являться в комиссариат. Потом время от времени, раза два в месяц, проходил освидетельствование в военном госпитале на противоположной окраине Рима. Но надо же быть такому совпадению — каждый раз, перед тем как Бруно идти в госпиталь, его нога снова начинала пухнуть, приобретала воспаленно-багровый цвет, и председатель комиссии без колебаний продлевал отпускной билет заболевшему берсальеру. К сожалению, только продлевал. А берсальеру хотелось освободиться совсем.

Бруно и не представлял себе, как трудно, оказывается, уйти из армии, сделавшись хотя бы раз и ненадолго солдатом. Молох прочно вцепился в римского чичероне. Как ни старалась Кармелина сделать ногу сына возможно страшнее, ее усилия не давали желаемых результатов. Вдова прикладывала к голени моченый перец и еще какие-то снадобья, но военное ведомство не хотело отпускать Челино-младшего не только по чистой, но даже в запас. Будто вся военная мощь Италии только и держится на ее сыне!

Борьба Кармелины с мобилизационным управлением генерального штаба определенно затягивалась, но ни управление, ни берсальер с его пожилой матерью не хотели сдаваться. Кармелина добыла и пустила в ход новое средство. Опухоль распространилась выше колена, а нога сделалась темно-багровой, лоснилась и горела будто в огне.

Против такой атаки не мог устоять даже инспектор в комиссариате. Он проверил, перечитал статью, по которой медицинская комиссия считала возможным перевести берсальера в резерв, и неохотно подписал справку. Сухопарый инспектор с лицом прижимистого ростовщика передал ее Бруно с таким видом, будто расставался с уходящим из его власти сокровищем.

На радостях мать зашла после работы в храм Тринита деи Монти возблагодарить святую мадонну. Ей казалось, что молитва скорее дойдет по назначению именно здесь, среди церковной роскоши и благолепия. Железную тачку для мусора Кармелина оставила подле ступеней храма и, пока молилась, все думала — не угнал бы кто тачку. Это отвлекало ее от моленья. Но все обошлось хорошо, только служитель сделал ей замечание: не подобает сестре осквернять господних чертогов видом такого непристойно грязного экипажа.

Наконец Бруно мог подумать о постоянной работе. Переход в резерв чудодейственно повлиял на излечение. Не прошло и недели, как Челино почувствовал себя совершенно здоровым и свободно мог танцевать с Анжелиной под шарманку на улицах. Его не устраивало снова быть чичероне: все-таки собачья работа — разгули-

вать у достопримечательных мест и чутьем ищейки угадывать в прохожих досужих туристов. А туристов стало совсем немного,— кто поедет смотреть Вечный город, когда только и разговоров что о войне!

На помощь пришла Анжелина. Она работала на макаронной фабрике синьоры Риенцы. Для начала там можно устроиться в упаковочный цех. Денег немного, но это временно, зато они вместе будут ездить на работу, здесь всего минут десять на велосипеде.

А девчонка, видимо, любит его. Когда он вернулся из армии, Анжелина сразу же бросила своего ухажера Джузеппе, да, может быть, у них ничего и не было. Бруно решил, что лучшего сейчас не придумаешь, и в первый же понедельник отправился на работу.

В резерв Челино-младшего перевели как раз вовремя — месяцем позже его ни за что не отпустили бы из армии. Слухи о войне все сильнее холодили сердца, она могла разразиться в любой день, но Бруно чувствовал себя в безопасности. Вечерами они отправлялись с Анжелиной бродить по городу, у них был свой излюбленный маршрут. Иногда, если заводились деньги, они заходили в тратторию съесть порцию макарон или выпить дешевого вина.

В один из воскресных дней конца августа 1939 года Бруно с подругой шли, обнявшись, по улице. Им не было дела до шумливой толпы, до продавца гребенок с ярким шерстяным шарфом на шее, который с упоением декламировал стихи о расческах. Их не интересовали ни торговцы жареными каштанами, приютившиеся с жестяной печуркой на тротуаре, ни безработный художник, рисующий на панели цветными мелками.

Ненадолго привлек внимание уличный музыкант с шарманкой, напоминающей большой и замысловато разукрашенный торт-пирамиду. Они потанцевали немного и пошли дальше, в сторону Колизея.

С бумажным шелестом затрепетали пальмы — наконец-то перестал дуть жгучий, останавливающий кровь сирокко и с севера потянуло прохладой.

Молодые люди шли неторопливой, слегка утомленной походкой — они целый день провели вместе и все время на ногах. Только с полчаса, может быть, посидели они на вершине зеленого холма Пинчо. Сидели у балюстрады, отгораживающей крутой, почти отвесный обрыв. Они любовались сверху аллеей каменных изваяний знатных римлян. Бруно не раз бывал здесь с туристами, но никогда не говорил с таким жаром и вдохновением о прошлом Вечного города, как в тот день перед единственной и очаровательной слушательницей с тонким, задорным носиком и блестящими карими глазами, затененными густыми и длинными ресницами. Анжелина выглядела совсем девочкой в своем наряде. Ее талию перетягивал высокий темный пояс с бронзовой пряжкой в форме головы дракона. А синяя юбка была так широка, что с каждым дуновением ветерка захлестывала, пеленала ноги Бруно. Это волновало так же, как прикосновение ее локтя к обнаженной руке Бруно,— берсальер запаса давно ходил в клетчатой безрукавке с распахнутым воротом.

В конце августа в Риме темнеет не рано, но в тот день, впрочем, как и всегда, когда они были вместе, Бруно и Анжелина не заметили, как быстро сгустились сумерки. На папертях храмов, под арками, в подъездах домов не таясь целовались влюбленные, да на них и не обращали внимания. Кому какое дело! Хорошо тем, что живут на Виа Корсо или Монте Каприно, им есть где поцеловаться, а как быть таким, как Бруно и Анжелина, населяющим дома-клоповники Гарбателлы, Сан-Джиованни или других тесных и зловонных окраин? Куда им податься? Бруно, например, предпочитал забираться с подругой в развалины Колизея.

Любовь несомненно древнее Вечного города. Что осталось от Колизея — руины! Но в сумерках гостеприимные развалины наполнены страстью молодых сердец так же, как много веков назад. Бруно обнял Анжелину, она ответила на поцелуй...

Среди колонн с упавшими капителями и разрушенных галерей стало совсем темно. Когда шли обратно, Анжелина сказала:

— Смотри, как долго не включают прожекторы!

Бруно только заметил — и в самом деле прожекторы, установленные на Капитолийском холме, не освещают развалин цирка. Но улицы, по которым они шли, тоже, казалось, наполнились мраком.

— Что-то случилось. Может, на станции.

— Нет, там в окне горит свет... Вон еще.

С противоположной стороны улицы раздался голос карабинера, топавшего по каменным плитам тротуара:

— Эй вы, гасите свет! Или ждете особого приказа?

— Это не нам,— сказала Анжелина.— Какой приказ?

— Не знаю... Мы с тобой все проворонили.

В окне, подле которого остановились карабинеры, свет погас, и на улицу высунулся человек в белом:

— Извините, синьоры, но жена куда-то задевала мои ночные туфли.

— Это нас не касается. В потемках теряйте хоть собственную жену... Эй вы! Какого черта не тушите свет? Слышите, на четвертом этаже!

Фасад большого дома погрузился во мрак, и только под крышей в единственном окне теплился свет. Карабинер еще раз выругался и сказал другому:

— Придется лезть самому. На лестнице такая темень, дай твой фонарик.

Говоривший исчез в подъезде, другой остался ждать на улице, глядел, подымая голову,— выключен ли наверху свет.

Бруно с Анжелиной постояли из любопытства и, дождавшись, когда погас в окне свет, пошли к дому. Они рассчитывали еще завернуть в тратторию перекусить.

В окнах траттории тоже стояла темень, а на двери висела квадратная бумажка. Она белела, как выстиранное полотенце на веревке, перекинутой через улицу. Рядом, загораживая дорогу, стоял еще один карабинер и говорил с подвыпившими прохожими.

— Можно пройти? — спросил Бруно.

— И ты тоже! Сказано — все заведения закрыты. Завтра мобилизация.— Карабинер заметил Анжелину, наклонился, разглядывая ее лицо.— Придется, красавица, расстаться со своим дружком. Может, оставишь мне адресок, чтобы не было скучно?

Карабинер грубовато расхохотался. Анжелина не осталась в долгу:

— Как бы не так! Не пришлось бы тебе угодить первому...

Один из стоявших закурил сигарету и поднес горящую спичку к бумажке на двери. Спичка догорела быстрее, чем удалось прочитать сбъявление,— сообщалось, что желающие на выгодных условиях могут поехать на работу в Германию.

— Час от часу не легче! — проворчал кто-то в потемках.— Пусть работают на Гитлера те, кто пишет такие объявления. Нашли союзника!.. Проклятые ланцы! [1]

— Но, но,— с угрозой предупредил карабинер,— проваливай, если выпил! Не болтай лишнего!

— Не на твои деньги пью. Мне бы стаканчик.

— Проваливай.

Бруно с Анжелиной отошли от дверей траттории. Карабинер крикнул им вслед:

— Так если соскучишься, приходи. Такие мне нравятся...

— Убирайся к черту! — обозлилась Анжелина.— Заходи к моей бабке, она скорее тебе подойдет!

Улица обезлюдела, только несколько человек группкой стояли в подъезде и взволнованно, вполголоса спорили. У стены перед иконой с горящей лампадой молилось несколько женщин. Свет от лампады падал такой тусклый, что не различишь скорбных лиц. От гнетущей тишины стало тоскливо.

Бруно проводил Анжелину и свернул к дому. В дверях кухни он столкнулся с женщиной, прошмыгнувшей мимо него. Он не узнал ее. В комнате с кем-то шепотом разговаривала мать.

— Сразу же положите на голень, синьора Анна. Может быть, бог пошлет, к утру распухнет.

— А если нет? Ведь моему Лео завтра надо быть на комиссии. Синьора Кармелина, а может, вы дадите то, чем дышал ваш покойный Антонио? Может, это вернее?

— Нет, нет, синьора Анна, не торопитесь, зачем губить мальчика! Может, войны еще и не будет.

— О пресвятая мадонна! Не знаю, что и делать, голова идет кругом... А вы слышали, что ввели карточки? Как теперь жить будем? И темно в городе, как в могиле. Опасаются бомбардировок. Так, значит...

В кухню вошла еще одна посетительница.

— Синьора Кармелина, вы дома? Ради бога, помогите мне! Умберто вызывают завтра на призыв, а у меня трое детей... Помогите, синьора Кармелина, я буду за вас молиться...

---

[1] Так в средние века в Италии называли неотесанных, грубых немецких ландскнехтов.

Женщина всхлипнула. Бруно вошел в комнату. Разговор прекратился.

— Это Бруно,— сказала мать.— Пойдемте в кухню.

Женщины ушли и тревожно зашептались снова.

V

Последующие дни Галеаццо Чиано заполнились массой неотложных дел государственной важности. Гитлер не удовлетворился переговорами в Зальцбурге и прислал шифрованную телеграмму с просьбой проявить решительность в понимании общих задач. Он намекал на военные действия в самом недалеком будущем и последующие за тем взаимные выгоды.

Ответ обсуждали долго и кропотливо, взвешивали каждое слово. Наконец, кажется, нашли наиболее подходящий вариант письма. Муссолини собственноручно написал Гитлеру:

«Я переживаю один из наиболее трудных моментов в жизни... Италия не подготовлена к войне. Запасов бензина нам хватит не более чем на две недели, то же с сырьем. К глубокому сожалению, не обладая достаточным количеством сырья и оружия, мы не можем вступить в войну».

Дальше шли уверения в дружбе, верности, говорилось о единстве фашистских режимов. Но это уже беллетристика. Чиано позвонил в Берлин послу Аттолико и просил, как только он получит письмо дуче, немедленно передать его Гитлеру.

Новое послание Гитлера получили в Риме той же ночью. Письмо было выдержано в холодно-ироническом тоне. Гитлер просил незамедлительно дать список необходимого сырья и оружия. Он сообщал, что, возможно, Германия сможет кое-чем помочь своему союзнику. Одновременно он просил дуче не разглашать намерений о нейтралитете. Пусть англичане думают, что Италия собирается воевать. Гитлер обращался еще с одной просьбой — не сможет ли дуче направить в Германию итальянских рабочих, в промышленность и сельское хозяйство. На первое время хоть бы сто тысяч.

Тон письма не понравился графу, но торопливость, с которой отвечал Гитлер, подтвердила уверенность Чиано в том, что Гитлер крайне заинтересован в итальянской помощи. Муссолини ответил на это:

— Не будем спешить. Дайте задание передать список. Он, вероятно, готов. Впрочем, я сам позвоню в генеральный штаб, как бы чего не забыли.

Чиано знал характер тестя — если ему что-то обещают, он начинает просить большего.

Список оружия и стратегического сырья начальник генерального штаба представил на следующий день. Просматривали и изучали его в кабинете дуче в Палаццо Венециа. Перечень оказался длинным и необыкновенно весомым: генеральный штаб требовал шесть миллионов тонн угля для военных заводов, четыре миллиона тонн нефти для флота, миллион тонн железа, никель, руду, медь. Список

вооружения прилагался отдельно. Штаб считал, что поставки должны осуществиться в течение года.

Муссолини спросил не совсем уверенно:

— Думаете, дадут?

— Должны дать,— ответил Чиано.— Правда, таким списком можно убить быка, если бы он умел читать...

— Хорошо, Галеаццо, просмотрите еще раз сами... А рабочую силу, думаю, мы сможем послать. В стране останется меньше бездельников.

В министерстве Чиано готовил инструкцию для Аттолико. Он поручал сообщить Риббентропу, что все оружие и материалы нужны Италии до ее вступления в войну. Это первое и обязательное условие. Потом граф бегло перелистал список и, прежде чем отдать печатать, исправил некоторые цифры: вместо шести миллионов тонн угля поставил двенадцать, количество нефти увеличил до семи, а железа до двух миллионов тонн. Заявка возросла почти вдвое.

Министр принялся подсчитывать количество товарных поездов, необходимых для перевозки грузов. Чиано никогда не питал склонности к математическим наукам, считал очень плохо. Получились астрономические цифры — около двадцати тысяч составов. Граф пересчитал снова — то же самое.

«Гитлеру придется долго возить уголь в Италию,— усмехнулся Чиано,— до тех пор, пока нам будет выгодно... А с Чемберленом мы сумеем кое-что сделать».

Довольный придуманным трюком оттянуть вступление в войну, граф Чиано в хорошем настроении поехал домой,— после обеда он условился встретиться с доверенным лицом, представлявшим его интересы в Албании. Буфолино — мастер в таких делах!

Вообще последние месяцы, даже годы, начиная с абиссинской победы и особенно с испанских событий, судьба улыбалась Галеаццо Чиано. Без сомнений, в ближайшее время он станет одним из наиболее богатых людей Италии, может быть, вторым после семейства Аньеллей — владельцев автомобильной фирмы «Фиат». С помощью Буфолино можно многое сделать.

VI

Господин Буфолино, маленький, смуглый человечек с тонкими стрелками усов, проворными глазками и небольшим брюшком, появился в назначенное время. Как-то бочком, не касаясь приоткрытой двери, он проскользнул в кабинет Чиано и еще в дверях принялся раскланиваться с графом. Личный представитель Чиано в Албании всем своим видом походил на гиголо — валютчика — с Пьяцца Колонна, шустрый, назойливый. Да это так и было. Буфоли, сохранивший от обнищавших родителей дворянский титул кавальеро, давно не имел ничего общего с аристократическим миром и добывал пропитание биржевыми спекуляциями, темными сделками и деликатными услугами именитым персонам.

— Могу вам сообщить, кавальеро,— Буфолино расплылся в предупредительной улыбке,— ваш покорный слуга не сидел сложа руки! Извольте убедиться!

Буфолино эффектным жестом отстегнул пряжку портфеля, вытянул пачку бумаг и протянул их Чиано:

— Акции АИПА отныне находятся в распоряжении вашего семейства, кавальеро. Я выполнил все, как вы приказали,— пятьдесят пять процентов акций принадлежат вам, двадцать пять — супруге и деткам пятнадцать процентов. Это почти вся албанская нефть...

— Хорошо, а как идут дела с горной разведкой?

— О, отлично! Я имею самые хорошие вести. В Албании открыты новые месторождения. Шахты дали первые миллионы тонн железной руды. Поверьте мне, кавальеро, это начало успеха! Акции вашей АММИ повышаются с каждым днем. Взгляните на эту справку. Я поручил подготовить ее директору рудников.

Буфолино обежал вокруг стола и услужливо помог найти нужную справку. Чиано нахмурился:

— Садитесь на место. Я сам...

— Не смею ослушаться, кавальеро Чиано!.. И еще я хотел бы предложить вам один совет. Выслушайте меня благосклонно.

Министр поднял голову. Он частенько пользовался советами этого угодливого, неприятного, но хитрого спекулянта.

— Как вы изволите знать, дуче вложил миллион лир в общество строительства отелей в Албании. Синьор Муссолини не станет бросать денег на ветер. Строительство уже началось, и я вам гарантирую отличную прибыль. Тем более,— Буфолино привстал и перешел на шепот,— что эта же фирма будет строить коттеджи для офицеров Корно Труине Волонторие — корпуса добровольцев, воевавших в Испании. Военное министерство ассигновало большие деньги. Можете мне поверить, я информирован из первых источников. Еще не поздно купить акции...

Буфолино в деталях принялся излагать план, но Чиано остановил его:

— Я все это знаю, Буфолино. Можете вложить в дело полтора миллиона лир, но нигде ни единого слова! Поняли?

— Кавальеро Чиано! — обиженно воскликнул Буфолино и приложил руку к груди.— Я предан вам, как собственным детям. Я...

Буфолино отличался удивительной говорливостью. Чиано остановил его и бесцеремонно прекратил беседу:

— Идите занимайтесь делами, Буфолино. Я сейчас занят.

Доверенное лицо министра поспешило ретироваться из кабинета. Так же бочком кавальеро выскользнул, чуть приоткрыв дверь.

Звезда Буфолино начала подыматься с полгода назад, когда он познакомился с графом Чиано. Министр подбирал в то время людей, не страдающих излишней щепетильностью, для работы в Албании, и внимание графа остановилось на кавальеро.

Правда, роль тайного заговорщика оказалась не по плечу Буфолино. Он вскоре сдрейфил и под благовидным предлогом явился обратно в Рим еще задолго до албанских событий.

Тогда Буфолино явился к Чиано, словно побитая собака. В его облике было столько покорности, столько готовности совершить любую подлость, лишь бы добиться прощения за трусливое бегство из албанской столицы, что министр пожалел его. В Тиране полицейские короля Ахмета Зогу не пощадили бы итальянского агента. К тому же Буфолино предложил такую идею, что министр изменил о нем мнение. Только за одну эту мысль Чиано простил ему все его прегрешения.

Тайный агент долго, путано излагал неправдоподобную версию, рассказывая о причинах, побудивших его быстро улетучиться из Албании, и, подметив чутьем ищейки, что всесильный министр вот-вот готов бесцеремонно и навсегда выпроводить его из кабинета, решился на последнее средство. Он обежал стол, наклонился к Чиано и, хотя в кабинете больше никого не было, зашептал на ухо графу:

— Кавальеро Чиано, я знаю, вы недовольны моим поведением, но, ради святого Доминика, покровителя жителей Рима, не прогоняйте меня, я могу вам еще пригодиться...

Влажные губы Буфолино почти касались уха Чиано, а его маленькие потные ручки впились в подлокотники кресла. Он походил на утопающего, для которого дубовые подлокотники служили единственным спасением, чтобы удержаться на поверхности человеческого благополучия, сохранить ускользающую надежду. От Буфолино пахло грязным бельем, он казался сальным и нечистоплотным. Чиано отодвинулся, сдерживая брезгливое чувство, но все же спросил:

— Что вы хотите мне предложить?

— О, я мог бы подсказать одну идею! Выслушайте меня благосклонно... Вы должны знать, что королева Джеральдина Зогу скоро разрешится от бремени.

— При чем здесь албанская королева? — недоуменно спросил Чиано.

— Один момент, я все расскажу...— заторопился валютчик.— Я понимаю, дуче намерен подарить нам Албанию, но самое удобное время совершить это в то время, когда родится ребенок! Ахмет Зогу не может покинуть Тирану, он не станет бежать через горы с беременной Джеральдиной. Король любит ее и пойдет на все... Вы понимаете мою мысль? Сейчас, но не позже, король будет особенно сговорчив. Потом еще я мог бы выгодно скупить нефтяные акции. Это лично для вас, господин министр, в знак моей преданности...

Буфолино продолжал шептать, а Чиано прислушивался к его словам с нарастающим интересом. Трусливый гиголо не так уж глуп. Выходит, что в большой политике имеют значение даже беременные королевы... Министр улыбнулся. Ахмет Зогу занял албанский престол не без помощи Муссолини. Теперь Зогу никому

не нужен, можно сбросить его со счетов. Как Чиано не догадался сам — под угрозой военной интервенции король не поступится семейным благополучием. Ему легче отдать страну. В самом деле, это идея!

— Когда должна родить королева? — спросил министр иностранных дел.

— В самом начале апреля, мой дорогой кавальеро. Теперь вы поняли мою мысль?

Да, Чиано понял. Гиголо отошел и сел на свое место. О семейных делах албанского короля больше не говорили. Чиано задал несколько вопросов о нефтяных акциях, их стоимости и благосклонно отпустил Буфолино.

В тот же вечер гиголо возвратился в Тирану, снял номер в гостинице и принялся плести незаметную паутину. Его подвижная фигурка появлялась то в албанском банке, где на его имя, как по волшебству, открылся солидный текущий счет, то сидел за столом в кафе в обществе подозрительных дельцов или прогуливался по улицам Тираны тоже в обществе похожих на него предприимчивых биржевиков. Через несколько недель все свободные капиталы графа Галеаццо Чиано оказались вложенными в акции горнорудных фирм и албанских нефтяных предприятий.

Дальнейшие события показали, насколько был прав Буфолино, завсегдатай Пьяцца Колонна — улицы римских биржевиков. Совет Буфолино оказался как нельзя кстати. Гитлер только что захватил Прагу. Вопреки дружеским заверениям, он что-то замышлял против итальянского союзника. Секретные агенты доносили об оживлении немецких резидентов на Балканах. После тревожных раздумий бессонной ночью Муссолини позвонил зятю. Просил срочно приехать в Торловию, в загородную виллу.

Чиано никогда не видел тестя в таком подавленном состоянии. Он выглядел скверно. Отеки под воспаленными глазами, землистый цвет утомленного лица говорили о тяжелой бессоннице или разыгравшемся приступе язвы желудка.

В предместьях Рима уже наступила весна. В одну ночь каштаны покрылись кремово-розовыми цветами. Со стороны Тибра ползли нездоровые мглистые хлопья тумана. Туман оседал на шоссе, и влажная дорога блестела, как после дождя. На открытой веранде было прохладно, сыро, и Муссолини пригласил зятя в библиотеку.

— С Албанией надо кончать! — раздраженно воскликнул он.— Почему мне не дозволено делать то, что может Гитлер? Почему? Он в одну ночь превращает Чехословакию в свою провинцию, а мы должны смотреть на Албанию и ждать, когда в один прекрасный момент он и ее приберет к рукам!

Чиано поддакнул, чтобы подлить масла в огонь.

— Мне кажется, дуче, немцы сами целятся на Балканы. Не исключена возможность, что Гитлер силой воспрепятствует нам занять Албанию.

— Я думал об этом.— Муссолини прошел вдоль библиотеки и

вернулся обратно.— Сомнительно, чтобы Гитлер решился на серьезные действия, но все же я прикажу сосредоточить войска на венецианской границе. Немедленно, завтра же! Если немцы вздумают остановить нас, мы будем стрелять в них. Стрелять! — Дуче опустил на стол тяжелый кулак.— Будем решительны! Я не могу оставаться спокойным, когда сосед набивает себе карманы, а мы не можем ничем попользоваться из соседнего огорода. Нам никто не помешает покончить с Албанией. Разве вы не видите безразличие англичан и французов? Они пальцем не шевельнут, чтобы вмешаться. Им нужно, чтобы все было благопристойно. В остальном они умывают руки. У Чемберлена другие замыслы. Он, как и Гитлер, глядит на восток.

— Тогда у меня есть предложение — занять Албанию в четверг или в пятницу на той неделе.

— Почему?

Чиано рассказал дуче о предстоящих родах албанской королевы. Муссолини пришел в восторг. Вот то, что нужно! У него повысилось настроение, он оживился, начал шутить. Взялся сам написать соглашение, которое дадут подписать албанцам.

— Кажется, я готов быть крестным отцом у Зогу! — воскликнул он.— Мы с нетерпением станем ждать радостного события! Говорите, в четверг? Это будет...

— Шестое апреля,— подсказал Чиано,— страстная неделя.

— Вот и отлично! Господь бог простит нам... Начнем в страстную пятницу, когда взоры католиков устремлены к всевышнему. Не так ли? — Муссолини засмеялся своей шутке.— Давайте действовать. А Гитлеру на Балканах подставим ножку. В общем, мутите воду. Мы уже говорили с вами — к румынской нефти дорога лежит через Албанию. Посмотрим, кто вперед окажется у нефтяных вышек. Англичане тоже замышляют что-то, я уж не говорю об американцах. Но опередить всех должны мы. Албания будет нашим плацдармом.

С того дня все внимание министра иностранных дел, генерального штаба и, конечно, самого Муссолини сосредоточилось на албанской границе.

В конце марта Чиано записал в дневнике. Ему он доверял наиболее сокровенные мысли:

«Дуче решил действовать в албанском вопросе как можно быстрее. Он сам наметил проект соглашения о протекторате, весьма короткого — из трех пунктов, которые делают его похожим скорее на приговор трибунала, чем на международный пакт. Зогу либо примет наши условия, либо мы осуществим военный захват страны. Для этого в Апулии концентрируем четыре полка берсальеров, пехотную дивизию и первую морскую эскадру.

Если король Зогу согласится, я выеду в Тирану для торжественного подписания пакта. Меня будет сопровождать эскадрилья боевых самолетов — маленькая демонстрация в подтверждение, что Албания уже наша провинция.

Если же Зогу не согласится, то в четверг по всей Албании вспыхнут беспорядки и мы вынуждены будем вмешаться. В таком случае мы высадимся в пятницу.

Готовлюсь послать в Тирану еще одну небольшую группу предприимчивых людей, чтобы вызвать инциденты в четверг вечером. С наступлением дня они спрячутся в лесу и будут ждать наши войска».

Войска не понадобились. Ахмет Зогу, взятый за горло, предпочел согласиться, ответил «да» на требования Муссолини. Как и предполагал Чиано, роды Джеральдины связали короля по рукам и ногам. На рассвете у Зогу родился сын, а в полдень истекал срок итальянского ультиматума.

На другой день рано утром министр иностранных дел во главе эскадрильи прибыл в Дураццо. Самолет он вел сам — в студенческие годы Чиано занимался в спортивном авиационном клубе. Только на подходе к Дураццо старший пилот сам сел за управление и посадил машину на поле аэродрома. Город был виден как на ладони. В бухте на якорях застыли итальянские военные корабли. Моторные баркасы перевозили на берег десантные войска. Оккупация уже началась. Море было нежное, синее, спокойное, как зеркало, и только баркасы, шнырявшие в бухте, поднимали легкую, быстро угасавшую рябь. Зеленые берега, горы с шапками снеговых вершин дополняли живописную картину. Чиано невольно залюбовался пейзажем.

В шлеме и комбинезоне, он вышел из самолета, разминаясь, обошел вокруг машины. Оккупация страны проходила без значительных инцидентов, но все же кое-где возникало сопротивление. В районе порта слышались выстрелы, стук пулеметов. Ближе к аэродрому, в рыбацком поселке, стреляли из окон. Расплывающиеся облачка дыма комочками ваты появлялись то там, то здесь,— вероятно, стреляли из дробовиков дымным порохом.

«Странно,— подумал министр,— что, собственно, этой голытьбе нужно? Не все ли равно им, будет корона на голове Зогу или Виктора-Эммануила? Албанский король не баловал, кажется, оборванцев своими щедротами. В чем же дело?»

Он высказал свою мысль вслух. Старший пилот ответил с иронией:

— Они называют это патриотизмом: хоть плохонький король, да свой...

— Это преходяще,— возразил Чиано.— Народ ко всему привыкает, к новым королям тоже. Наши берсальеры их быстро приучат... Смотрите!

Аэродром возвышался над морем, и отсюда было видно, как берсальеры, высадившиеся с кораблей, укрывались за штабелями угля, перебегали через кривые улицы. Другой отряд берсальеров поднимался на пологий холм, окружая рыбачий поселок.

Стрельба продолжалась, и пули начали залетать на аэродром. Чиано предпочел не задерживаться в Дураццо и проследовать дальше, в Тирану. Его сопровождала эскадрилья итальянских бое-

вых самолетов королевского воздушного флота. Министр поторапливался быстрее закончить дела в Тиране — он хотел успеть на святую заутреню в храме Тринита деи Монти.

Дальше пошло все как по маслу. Албанцы нехотя согласились передать корону Виктору-Эммануилу, тем более что Ахмет Зогу после отречения все же сбежал в Грецию, захватив жену и новорожденного сына. Корона оставалась ничейной. В Албании вряд ли кто знал, что Зогу бежал от итальянского произвола по совету и с помощью Галеаццо Чиано. Министр считал, что экс-королю больше нечего путаться под ногами. Он обеспечил ему спокойное, в некоторой степени комфортабельное бегство.

Для торжественной церемонии вручения короны в Рим привезли наспех подобранную делегацию албанских правителей. Сперва перед ними в Палаццо Венециа выступил Муссолини. С пафосом и красивой жестикуляцией он говорил о древней истории, о Римской империи, включавшей когда-то в свою орбиту и албанские земли. Подавленные и растерянные делегаты ждали от него слова «независимость», но не дождались.

Потом их свезли в Квиринал — королевскую резиденцию. Там они совсем затерялись в пышных дворцовых залах. На золоченом кресле восседал Виктор-Эммануил. Депутаты робко жались друг к другу, и один из них держал албанскую корону. Рядом с королевским троном высилась тяжеловесная статуя Муссолини. Дуче сам подсказал поставить ее на этом месте. Грубоватой массивностью статуя подавляла делегатов еще сильнее, нежели великолепие всего Квиринала.

Виктор-Эммануил благосклонно принял корону, и депутатов отвезли в гостиницу. На этом кончилась албанская операция, которой Чиано дал такое приличное наименование.

Некоторое осложнение произошло с англичанами. Перед захватом Албании из британского посольства в Лондон шли потоки кодированных телеграмм. Ясно, что британский посол слал информацию о назревавших событиях. Кто знает, что сделают англичане, получив информацию,— может, поднимут шум, заявят протест. Надо во что бы то ни стало выиграть время, хоть несколько часов. Чиано придумал — пусть на телеграфе безбожно спутают, переврут серии цифр шифрованных донесений. Пока англичане разберутся, запросят повторный текст, вновь расшифруют, доложат, дело будет сделано. А сослаться всегда можно на неопытность или нерадивость телеграфистов.

Так оно и получилось.

Меморандум англичан о самоуправных действиях итальянцев в Албании Муссолини получил вскоре после бегства Зогу. Казалось, что составляли и редактировали его не в Лондоне, а где-то в канцеляриях итальянского министерства иностранных дел,— такой он был сдержанный и благопристойный по тону.

Из Лондона прозрачно намекали, что англичане закрывают глаза на балканские события. Осложнения произошли по другому поводу. В Рим только что прибыл новый посол Великобритании —

Перси Лорен. Он еще не вручил королю верительные грамоты. В посольстве готовились к торжественной церемонии, но события в Албании нарушили согласованный этикет. В Квиринале, вручая грамоты, Лорен должен был провозгласить полный титул короля Виктора-Эммануила. Но титул уже включал щекотливую фразу: «Король Албании».

Новый посол попросил аудиенции. Он засвидетельствовал Чиано свое почтение, заявил, что правительство его величества короля Великобритании не намерено вмешиваться в итало-албанский конфликт, благо ныне конфликт уже разрешен конструктивно. Однако, вручая верительные грамоты королю Виктору-Эммануилу, посол не может полностью называть его титул, поскольку глава савойской династии именуется королем Албании. Если он, Перси Лорен, сделает такой шаг, британское правительство будет скомпрометировано. В дипломатических кругах этот акт могли бы расценивать как юридическое признание не вполне законного присоединения Албании к итальянскому королевству... А признать де-юре, как понимает господин министр, не то же самое, что де-факто.

Перси Лорен говорил витиевато, строил длинные фразы, в которых не сразу улавливался смысл, но Чиано понял главное — британцы заботятся только о внешнем престиже. По этому поводу дуче сказал:

— Албания мне дороже титулов. В Квиринале пусть говорят что угодно. Я же говорил, что они не станут вмешиваться. У них своя игра...

На церемонии в Квиринале Лорен не упомянул про титул албанского короля. Британское правительство сохранило престиж, а Муссолини получил Албанию.

VII

Как и ожидал Муссолини, Гитлер быстро ответил на письмо, в котором перечислялись нужные материалы. Он обещал многое, но просил не дожидаться поставок и немедленно выступить на стороне Германии.

Муссолини снова ответил уклончиво и снова получил письмо — Гитлер шел на уступки. Теперь он просил одного — хотя бы не разглашать, что Италия решила сохранять нейтралитет. Пусть западные державы думают, что в войне она будет на стороне Германии.

Над таким предложением следовало подумать. Муссолини высказал трезвую мысль: а что, если англичане примут всерьез его намерения выступить на стороне Гитлера? Что, если они, сделав такой вывод, сами нападут на Италию? Гитлер, конечно, будет доволен, но...

Граф Чиано предложил выход — он даст понять англичанам, что Италия не будет и не хочет воевать с ними. Как это сделать? Очень просто! Чиано пригласит Перси Лорена и как будто бы в состоянии нервного возбуждения «проговорится». А Гитлеру тоже мож-

но пообещать, даже кое-что предпринять. Для отвода глаз. Ну, например, ввести карточную систему, начать мобилизацию, выключить на улицах свет. Короче — блефовать, как в покере. Блефовать там и здесь.

До конца августа Чиано уклонялся от встречи с британским послом. Перси Лорен сам несколько раз звонил министру, но граф не подходил к аппарату. Он выжидал. Граф сравнивал себя с человеком, ставшим на рельсах перед неудержимо мчащимся на него экспрессом. Локомотив приближается, тревожно гудит сирена, высунулся механик и в ужасе глядит на безумца, на смельчака, который неминуемо должен погибнуть,— тормозить уже поздно. Но человек рассчитывает секунды и за несколько шагов от железной, огнедышащей лавины уходит в сторону. Так действует и он, Чиано.

Из Германии начали поступать грузы, бесплатно. Впрочем, не совсем даром. Муссолини выполнял свои обещания Гитлеру. Он объявил мобилизацию, приказал расклеить плакаты о вербовке рабочих в Германию, закрыл увеселительные заведения. В больших городах улицы вечерами погружались во мрак. По радио передавали инструкции, как соблюдать правила затемнения. Продукты в лавочках стали выдавать по карточкам. Тотчас же родился черный рынок, взыграли цены. Около булочных выросли хвосты очередей. Муссолини остался доволен: весь мир считал его готовым к войне. Если бы это было так! К сожалению, приходится заниматься только блефом — армия не готова к войне. Но если западные страны снова уступят Гитлеру, итальянцам тоже кое-что перепадет из выигрыша. Пока что Муссолини придерживался своей политики — стоять у окна и смотреть.

Внезапно Лондон прервал телефонную связь с Римом. На переговорной станции точно зафиксировали время — это было 31 августа в 8 часов 20 минут вечера по среднеевропейскому времени.

Чиано находился в венецианском дворце, когда ему сообщили об этом из управления связи. Муссолини сказал:

— Может быть, англичане действительно приняли игру всерьез.

Сообщение встревожило.

— Это война,— продолжал он.— Завтра мы объявим, что Италия остается нейтральной. К сожалению, так...

— А если завтра будет уже поздно?

Чиано показалось, что все рушится. Не перехватил ли он лишнего? Муссолини был уверен, что Гитлер завтра начнет вторжение в Польшу. А что, если французы и англичане примут за чистую монету все эти затемнения, мобилизации? Что, если первыми нанесут удар? Может быть, сейчас где-то на аэродромах Франции уже подвешивают бомбы под самолетами. Это ужасно — ни в одном городе Италии нет бомбоубежищ. Что в городах — граф не позаботился даже о личной безопасности, убежища нет в собственной вилле.

Надо немедленно принимать меры. Чиано распорядился при-

гласить британского посла в министерство. Тот явился немедленно. Граф едва успел приехать из Палаццо Венециа. Лорен вошел в кабинет почти следом.

Чиано казался взволнованным, курил папиросу за папиросой, несколько раз дрожащими руками наливал воду, расплескивая ее на скатерть. Видно было, что он едва владеет собой. Говорили о прерванной связи между Лондоном и итальянской столицей. Стиснув виски ладонями, Чиано воскликнул, «забывшись»:

— Но почему вы, англичане, хотите совершить непоправимую вещь? Разве не понимаете вы, что мы никогда не начнем войну против Англии, Франции! Никогда!! — Чиано остановился. Он понял, что проговорился, и растерянно замолчал.

Задуманную сцену Чиано разыграл артистически. Дальнейших разговоров не требовалось. Перси Лорен уехал уверенный, что Италия останется в стороне от конфликта.

После его отъезда министр снял трубку, позвонил в Палаццо Венециа. Рассказал Муссолини, что произошло в последние полчаса, решил подкрепить беседу Чиано с британским послом еще одним трюком — приказал включить уличное освещение в городе.

Жители Рима с проснувшейся надеждой смотрели на вспыхнувшие вдруг фонари, заулыбались. Но заговорщики только играли в мир.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

I

Жюль Бенуа давно не встречался с мадам де Шатинье. После некоторых колебаний он все же решил позвонить ей. Если бы не поручение шефа, Бенуа ни за что не сделал бы этого — нечего возвращаться к старому. Но газета остается газетой, а де Шатинье могла, кажется, организовать ему встречу с премьером. Черт возьми, действительно Франция управляется юбками! Выходит, что попасть к премьеру можно только через его любовницу...

Бенуа набрал номер и назвал свое имя.

— А, Жюль! Наконец-то! Где ты пропадал?.. Я очень, очень довольна. Значит, ты не забыл меня?.. Говорят, ты женился?

Де Шатинье забросала его вопросами, не давала вымолвить слова. Она говорила воркующим голосом, кокетливо-томно, подчеркивая свое право так говорить. Этого тона Жюль как раз и боялся больше всего. Он попробовал уклониться от интимной беседы.

— Об этом после, Маро. Я расскажу все при встрече. Ты не представляешь себе, как я расстроен! Мне нужна твоя помощь.

— В чем, милый? Я всегда готова тебе помочь. Может быть, опять затруднения с деньгами? Твоя Маро пожурит тебя и поможет... Ну, исповедуйся, мой ветреный баловник! Я...

— Нет, нет,— Жюль досадливо поморщился,— дело не в деньгах! Скажи, ты знакома с мадам де Круссоль?

— А, понимаю! Тебе что-нибудь нужно от премьер-министра? Конечно, знаю. Мария Луиза моя приятельница. Мы очень дружны с ней.

— Ты права, Маро, мне срочно нужно встретиться с премьером, но он никогда не принимает. Надежда только на де Круссоль. Помоги мне, Маро!

— Жюль, ты просто счастливчик! Я всегда говорила, что тебе везет в жизни. Как раз сегодня Мари заедет ко мне, а возможно, появится и премьер. Он всегда бродит за ней следом. Ты же знаешь, что у меня, как прежде, салон по четвергам.

— Это было бы замечательно...

— Ну вот и отлично! Приезжай к девяти... Впрочем, нет, лучше пораньше, чтобы я успела тебя поцеловать. Надеюсь, жена не станет ревновать к старым друзьям?.. Ты очень торопишься?.. Понимаю, понимаю! Да, обстановка необычайно сложная. Не буду задерживать!.. А знаешь, я читаю твои статьи. От души поздравляю! У тебя уже имя!.. Как тебе нравится Гитлер? Он приберет к рукам Польшу, поверь мне. Ну и пусть, в Европе будет больше порядка. Не правда ли?

Маро могла бы болтать без конца, легко перескакивая с модных шляпок к проблеме Данцига. Но Бенуа ответил что-то невнятное и поторопился повесить трубку.

Если сегодня удастся встретить премьера, завтра он даст неплохую статью. Она будет вполне уместна. Русофильские настроения снова начинают проникать в печать, нейтрализовать их можно хлестким и убедительным выступлением. В нем следует сослаться на мнение премьера... А с де Шатинье придется встретиться. Черт с ней, нельзя оставаться неблагодарным. Она многое для него сделала...

Свою карьеру Жюль Бенуа начал в популярном женском журнале. Он сотрудничал в отделе «Наша почта» и отвечал на письма преимущественно молодых читательниц, которых волновали проблемы пола, вечной любви, бескорыстной дружбы, супружеской верности. Насколько позволяло место в журнале, редактор выделял для «Нашей почты» две, от силы три неполных странички в самом конце номера. Тут много не разгуляешься. Правда, чтобы вместить побольше материала, ответы на письма набирали петитом, но гонорар от этого не возрастал.

Исповедуя в душе циничный нигилизм, Жюль Бенуа пытался философствовать на отведенном ему месте в журнале, писал о бренности всего существующего на земле, кроме благословенного чувства, вызванного влечением двух влюбленных существ. В подтверждение излюбленной идеи он обращался к восточной легенде о таинственных нитях, свитых из лунных лучей, которые еще при рождении связывают влюбленных и неизбежно приводят их в жизни друг к другу. Но сам Бенуа со спокойной душой обрывал лунные

нити, находил другие, которые приводили его к новым и новым любовным утехам.

Как-то раз он написал даже небольшой трактат на тему, что лучше — ждать и не дождаться или иметь и потерять. Но дискуссии в журнале не получилось. Противоположные точки зрения пришлось высказывать самому Бенуа в статьях под разными псевдонимами, и он вскоре перешел снова на ответы читательницам.

Редактору-издателю нравился сентиментальный, в меру поучительный стиль Бенуа. Ответы Жюля, надо полагать, удовлетворяли и многочисленных читательниц «Нашей почты», так как нередко он получал их послания, полные благодарности и интимных признаний. На иных письмах обнаруживались следы бледно-лиловых, зеленых, синих и других — всех цветов радуги — чернильных пятен от слез чувствительных и растроганных корреспонденток.

Но кто из очаровательных незнакомок, подписчиц журнала, мог бы подумать, что ответы, публикуемые на последних страницах за подписью «Королева Мечта», пишет зрелый мужчина с ассирийской темно-каштановой бородой и выпуклыми, всегда блестящими, наглыми глазами такого же каштанового цвета!

Жюль Бенуа явно преуспевал в жизни. Счастливый случай помог ему распроститься с женским журналом. Несколько лет тому назад он познакомился с немолодой читательницей, женой видного политического деятеля, члена французского кабинета, графиней Маро де Шатинье. Она заехала в редакцию, чтобы лично познакомиться с «Королевой Мечтой», привлечь ее в свой салон как очередную диковинку. Жюлю пришлось выкручиваться из затруднительного положения и в конце концов удалось скрыть, что он сам имеет прямое и непосредственное отношение к имени романтической королевы. С «Королевой Мечтой» дама не встретилась, но вскоре стала любовницей предприимчивого журналиста.

Маро де Шатинье походила чем-то на престарелую, когда-то блиставшую балерину, которая цепляется за старое, не хочет уходить со сцены, не понимая, что все ее обаяние осталось в прошлом. Когда-то она, возможно, была красива, кружила мужчинам головы, но это было давно. Для себя она оставалась все той же «очаровательной былинкой Маро» и никак не могла отказаться от этой роли. Смешно было наблюдать, как графиня кокетливо надувала увядшие губы, капризно склоняла голову или игриво метала многообещающие взоры из-под наведенных ресниц. Под глазами сквозь пудру проступали желтоватые морщинистые отеки. Да, графине давно было бы пора сойти со сцены, но женское самомнение оказывалось сильнее рассудка.

Большого удовлетворения от любовных чар жены министра Бенуа не получил, но мадам де Шатинье оказалась надежным, хотя и довольно шатким по виду мостиком, с помощью которого Жюль Бенуа перебрался на другую работу. Маро де Шатинье всячески протежировала новому другу, используя обширные связи мужа.

Вначале Жюль сделался репортером, а вскоре иностранным обозревателем влиятельной газеты, являвшейся негласным официозом министерства иностранных дел. Ассирийская борода Бенуа часто мелькала в приемной этого министерства на Кэ д'Орсэ, в кулуарах парламента, на всех пресс-конференциях. Он вхож был в великосветские и дипломатические салоны, завязал обширные связи, считался в журналистских кругах одним из наиболее информированных людей. А его личная дружба с Жоржем Боннэ, министром иностранных дел, вызывала всеобщую зависть и темные сплетни. Но Жюль не обращал на это внимания. Он уверенно считал, что в газетной работе, как и в любом коммерческом предприятии, деловые связи обеспечивают половину успеха. Вторую часть успеха Бенуа относил за счет личной предприимчивости, сметки и умения понравиться нужным людям.

За минувшие годы французские правительственные кабинеты менялись чаще, чем Бенуа менял покрышки на собственном автомобиле. Жюль смог приобрести собственную машину вскоре после того, как начал работать в официозе. Министры сменялись даже чаще, чем его любовницы, а в этом отношении Жюль не был разборчив и постоянен. Давным-давно престарелый супруг графини де Шатинье перестал быть министром, перешел в оппозицию, но к этому времени Бенуа сумел прочно укорениться в жизни, как семечко декоративного ползуна, что взбирается по отвесным кирпичным стенам с помощью многочисленных присосков.

Какие бы политические бури ни бушевали в парламенте, сколько бы раз ни менялся состав кабинета, Жюль Бенуа оставался сам для себя надежным флюгером, который неизменно указывал попутный ветер его житейской ладье. Жюль Бенуа выступал в газетах под псевдонимом, завоевал определенное имя, на него начинали ссылаться, но, как и в женском журнале, многие не знали его настоящей фамилии. Для широкой читающей публики Жюль оставался своеобразной «Королевой Мечтой», но уже в международном масштабе.

Женился Бенуа года два назад на Лилиан Буассон, единственной дочери виноторговца средней руки. В сорок лет Жюль пришел к выводу, что даже преуспевающему холостому литератору следует обзавестись своим углом. А уголок, где поселились молодожены, оказался действительно прелестным. Тесть сделал милый свадебный подарок — за свой счет он заново оборудовал уютную квартирку из четырех комнат на Кэ д'Орсэ, неподалеку от министерства иностранных дел. Это было удобно во всех отношениях. Бенуа пришлось только сделать некоторые расходы на покупку мебели. Несколько тысяч франков, ассигнованных на приобретение квартиры, остались свободными. Это тоже оказалось приятным сюрпризом.

Положение тестя в торговом мире имело немалое влияние на выбор невесты, которую Жюль решил сделать постоянным спутником жизни. Месье Буассон не слыл, конечно, мультимиллионером, но он имел обеспеченный доход, предприятие его расширялось, и

тесть не раз осторожно предлагал зятю вступить в компаньоны фирмы, чтобы после — старик начинал задумываться о неизбежном конце — Бенуа смог бы возглавить дело.

Несомненно, месье Буассона удовлетворяло положение Жюля в парижском обществе. Иначе он ни за что не выдал бы за него дочь. Но тесть все же считал, что бочонок доброго вина куда надежнее газетного листа, на котором появлялась подпись зятя. Литературная деятельность подвержена значительно бо́льшим случайностям, чем виноторговля. Вино не стареет. Наоборот, чем дольше оно стоит в подвале, тем становится крепче. А разве можно сказать то же самое про газету? Даже самую хорошую статью не положишь в прохладный погреб, чтобы она через десяток лет сохранила ценность и дала еще некоторую прибыль. Газета — мотылек, живущий один день. А месье Буассон полагал, что в нашем мире прочно только то, что реально. Например, винный погреб, земля, недвижимое имущество, то есть все то, что само по себе представляет ценность и может служить источником дохода, невзирая на жизненные неурядицы и всякие там изменения политической ситуации.

В рассуждениях тестя Бенуа находил много правильных мыслей. Жюль понемногу начинал задумываться: не сменить ли действительно интересную, доходную, но неустойчивую профессию журналиста-международника на более спокойную и надежную роль совладельца виноторговой фирмы? В конце концов не все ли равно, где будет стоять его подпись — над статьей в газете или на вывеске фирмы тестя с изображением золотых поощрительных медалей и такой солидной, утверждающей строчкой: «Основана в 1843 году». В подвалах тестя стоят бочонки почти столетней давности, а кто будет читать его статьи даже не через год — через два месяца! Он и сам не всегда помнит, что писал месяц назад, какую точку зрения отстаивал и защищал!

Впрочем, об этом еще есть время подумать. Торопиться некуда. Жюль по-прежнему находился в фаворе, с ним считались на Кэ д'Орсэ — в министерстве иностранных дел, только вот с премьером он никак не мог наладить нужных ему отношений.

Именно поэтому Жюль возлагал большие надежды на посещение салона графини де Шатинье. В душе он сожалел, что женитьба заставила его отказаться от гостеприимства своей покровительницы. Здесь-то уж всегда можно было встретить влиятельных людей!

В парижских кругах особняк де Шатинье считался местом нейтральных сборищ представителей самых различных направлений и группировок. Посетить салон графини считалось признаком хорошего тона, признанием света — отсюда открывался доступ в другие многочисленные аристократические салоны Парижа. В этот особняк средней руки охотно стекались парламентарии и дипломаты, художники и представители делового мира, политические конкуренты и единомышленники, великосветские дамы и восходящие светила.

II

Жюль Бенуа рассчитал время так, чтобы явиться в салон в то время, когда начнут собираться гости, но еще не особенно густо, чтобы не затеряться в толпе приглашенных. Иначе рискуешь не попасть в газетную хронику с перечислением гостей, присутствующих на вечере.

Гостей принимала озабоченная хозяйка. В декольтированном вечернем платье она показалась Жюлю еще нескладнее и выше. Худые обнаженные руки с острыми локтями казались молочно-белыми при свете электрической люстры.

— А, месье Бенуа! — воскликнула де Шатинье, когда Жюль подошел к ней и сдержанно поклонился.— Счастливый молодожен! Наконец-то вы нарушили обет затворничества и посетили нашу скромную хижину! А почему вы скрываете свое сокровище, почему вы один? — Де Шатинье говорила это для окружающих.— Идемте, я познакомлю вас с маркизой де Круссоль, она не позволит вам скучать.

Пробираясь среди гостей, останавливаясь, чтобы бросить любезную фразу, де Шатинье выбрала момент и шепнула:

— Противный, я ждала тебя раньше! Где ты был? Ты рискуешь так растерять все связи и мое расположение!.. Так и быть, сегодня прощу, но в следующий раз... Не оправдывайся! Вот де Круссоль. Идем! Имей в виду, сегодня она управляет Францией, а завтра будет вон та — Элен де Порт, подруга восходящего светила. Видишь, она стоит с этим модным немцем, с Отто Абетцом. За ним увивается весь Париж. Я достала его к себе на вечер. Правда, неплохо?

Они прошли в курительную комнату. У распахнутого окна, выходившего в зимний сад, стояла белокурая моложавая женщина кокетливого вида с выражением капризной властности на красивом лице. Она стояла в окружении нескольких мужчин, среди которых Жюль увидел Жоржа Боннэ, тощего человека с землистым цветом кожи и непомерно большим носом, делавшим его похожим на птицу.

— Мари,— сказала хозяйка,— познакомься с обожателем премьера. Знакомьтесь, господа!

Склонившись к белокурой женщине, де Шатинье тихо сказала ей на ухо, но так, что Жюль слышал:

— Он не выносит Элен де Порт. Вы найдете общий язык...

Хозяйка почувствовала, что Бенуа может невпопад возразить, и предупреждающе сжала его руку.

— А теперь, господа, извините меня, я должна вас покинуть. У меня столько забот!

Де Шатинье одарила всех ослепительной улыбкой. Жюль приметил морщинки поперек уголков ее рта. Стареет...

Де Шатинье ушла, расточая улыбки и комплименты. Ее декольтированная фигура мелькала то там, то здесь. Слуги в белых манишках разносили вино и сандвичи.

Боннэ повторил фразу, видимо прерванную появлением Бенуа:

— Я уверяю вас, что Гитлер не захочет портить отношения с Францией. Маркиза де Круссоль абсолютно права,— Боннэ улыбнулся блондинке.— Внимание Гитлера устремлено на восток. Мы можем спокойно спать, господа, совершенно спокойно.

— Да,— поддержала де Круссоль,— пока в Европе есть Гитлер, мы можем не опасаться революции в Париже. Он не пустит большевиков на Запад.

— Простите, но какой же смысл тогда вести нам переговоры с русскими? Пусть извинит маркиза, что я возражаю.— Собеседник учтиво поклонился де Круссоль.

Бенуа знал его — журналист Терзи, любивший задавать каверзные вопросы. Они частенько встречались на пресс-конференциях. Терзи был заметно навеселе. Когда он успел?..

— Русские,— продолжал он,— принимают всерьез начавшиеся переговоры, они рассчитывают сообща обуздать Гитлера.

Боннэ недовольно повернулся к собеседнику:

— Это их дело, на что они рассчитывают. Моя задача — дипломатическим путем обеспечить безопасность Франции.

— Хотя бы ценой войны?

— О какой войне вы говорите, месье Терзи? Разве мы не сохранили мир в Мюнхене, вмешавшись в спор между чехами и Гитлером?

— Да, но после этого перестала существовать Чехословакия, и все же война, как видите, не за горами,— на подвижном лице журналиста появилась ироническая улыбка.

— Именно за горами! — Боннэ рассмеялся собственной остроте.— Нас отгораживают Арденны и дипломатический опыт. Из-за Данцига войны не будет, поверьте! Вы получите ее, когда немцы бросятся на Украину. Но нас это мало касается. Не так ли, маркиза?

Жюль заметил, что де Круссоль во время разговора украдкой бросала взгляды через зал, туда, где стояла Элен де Порт, оживленно говорившая с Абетцом — рыжеватым немцем с постоянной, будто искусственной улыбкой. Белокурую подругу премьера что-то, видимо, раздражало, тревожило, и она, забываясь, временами покусывала губы. Обращение Боннэ застало ее врасплох.

— Что вы сказали? Да, да! Мы не можем из-за Польши рисковать собственной безопасностью. Премьер придерживается такого же мнения. Я знаю, что немцы все на стороне западной культуры. Возьмите хотя бы Абетца. Интереснейший собеседник! Он много сделал для сближения наших стран.

Де Круссоль открыто посмотрела в ту сторону, где стояла ее соперница. Взяв под руку Абетца, Элен де Порт уводила его в другой зал. Маркиза нахмурилась.

— Месье Бенуа,— улыбнулась она Жюлю,— хотите оказать мне услугу?

— Я буду счастлив, приказывайте! — Про себя Жюль подумал: «Ей приятней служить, чем Маро, у нее хотя бы не торчат кости».— Что должен я сделать?

— Начать войну и захватить в плен Абетца! Но только сейчас же!

— Разрешите и мне принять участие в военных действиях? — Журналист с подвижным лицом и густой шевелюрой еще раз поклонился де Круссоль.

— Для подкрепления? Идите! Берите хоть всю нашу армию во главе с Гамеленом, но захватите в плен Абетца! — Де Круссоль засмеялась, потом тихо сказала: — Но имейте в виду, Абетц должен быть один, отнимите его у этой куртизанки.

— Все будет сделано!

Журналисты ушли выполнять поручение.

— Бьюсь об заклад, Жюль,— сказал Терзи, когда они вышли из курительной комнаты,— вы приехали сюда брать интервью у премьера! Не так ли?

— Откуда вы взяли?

— Не скрывайте! Я тоже кручусь вокруг де Круссоль. Но знайте — интервью уже лежит у меня в кармане.

— Каким образом?

— А так: де Круссоль говорит то же самое, что премьер. Она повторяет все его мысли.

— Все же я хотел бы встретить премьера.

— Я тоже. Де Круссоль нам поможет. Мне он нужен лишь для того, чтобы сослаться в статье на личную встречу. Нового он ничего не скажет... Однако мы, кажется, потеряли соприкосновение с противником! Где Абетц? Вы с ним знакомы?.. Отлично, уводите его, а я отвлеку графиню де Порт. Хотел бы я знать, что на уме у этого немца!

— Как и у всех,— карьера.

— Не только. Я знаю, что он хорошо платит редакторам за статьи прогерманского толка.

— Не все ли равно, кто платит. Политика — та же коммерция.— Жюлю Бенуа тоже кое-что перепадало от Абетца.

— Вы слишком циничны, Жюль. Идемте начинать войну.

Теперь почти все гости были в сборе. Извиняясь и кланяясь, журналисты пробирались все дальше, лавируя между группами споривших и рассуждавших людей. Фигура Абетца мелькнула и снова исчезла в дверях соседнего зала.

— А хозяйка умеет коллекционировать бывших французских правителей,— бросил Терзи, уклоняясь от плывущего над головами подноса, заставленного бокалами вина.

— И не только бывших,— будущих и настоящих.

В самом деле, среди гостей в салоне де Шатенье Жюль увидел и седоволосого, с моржовыми усами Леона Блюма — бывшего социалистического премьера, и Пьера Лаваля — приземистого и нескладного овернца с оливковым цветом лица, тяжелыми веками, толсты-

ми губами и желтыми от никотина зубами. Был здесь и громоздкий Фланден, с длинной, лысеющей головой, прозванный «небоскребом парламента». К своему удивлению, Бенуа увидел в зале и престарелого генерала Гамелена — начальника генерального штаба. Он разговаривал с американским послом Уильямом Буллитом и в знак согласия кивал головой. У генерала были выцветшие добрые глаза и шелковистые светлые волосы, а сквозь детски розовую кожицу на щеках просвечивали тонкие лиловые прожилки. Только форма придавала генералу воинственный вид.

Журналисты раскланялись и прошли дальше.

Терзи сострил:

— Нашему генералу Морису больше идут колпак и мягкое кресло. Он соглашается всегда и со всеми.

— Но старик себе на уме,— возразил Жюль,— он соглашается и остается при своем мнении.

— Послушайте,— сказал Терзи,— все только и говорят о войне. Все, кроме генерала Гамелена. Слышали, они обсуждают с Буллитом достоинства устриц? Полезное занятие для начальника генерального штаба!

— Бросьте, Леон,— беззаботно отмахнулся Жюль,— раз генералы занимаются кулинарными разговорами, войны не будет!

— Не знаю, кажется, война гораздо ближе к нам, чем некоторые думают.

Они пересекли наконец зал и пробрались к Элен де Порт. Терзи представил ей Жюля. С Абетцом они оба были знакомы. Немец довольно бойко говорил по-французски и весело приветствовал журналистов.

— Господа,— воскликнул он,— давайте выпьем за дружбу, за единство культуры Запада против восточного варварства! Сегодня я почему-то, как никогда, уверен в нашей дружбе. Здесь я, кажется, больше француз, чем немец. Прошу, господа! Вы не откажетесь выпить с нами, мадам де Порт?

Абетц принял от слуги бокалы и предупредительно передал Элен де Порт, потом Терзи и Бенуа. Он отпил небольшой глоток, наслаждаясь тонким вкусом вина.

— Только в Париже я узнал, что существует белое бордо. В Берлине об этом не знают. А сколько нам нужно еще узнать друг о друге, хотя мы и соседи!..

Терзи отвлек Элен де Порт, начал говорить ей какие-то комплименты, а Жюль тем временем пригласил Абетца к маркизе де Круссоль.

Они уже скрылись за дверью, как графиня де Порт обнаружила исчезновение абонированного ею немца. В Париже Абетц выполнял совершенно непонятные функции — был завсегдатаем парижских салонов и ратовал за культурное сближение французов с Германией.

— Куда это они ушли? — недовольно спросила де Порт.

Терзи не утерпел:

— Я слышал, что маркиза де Круссоль просила доставить к ней Абетца...

— Так она здесь, эта интриганка! — на лице де Порт выступили розовые пятна.— Проводите меня, я не могу оставаться с ней в одном здании! А этому ассирийцу я никогда не забуду вероломство! Так и скажите!

Терзи добавил:

— Его фамилия Бенуа, графиня. Жюль Бенуа. Говорят, он поклонник нашего премьера.

— Тем более! Я вообще не понимаю: что находят в этом провинциальном учителе географии?

— Вы слишком резки, графиня... А вот и господин Рейно! — прервал себя Терзи.

Перед ними выросла маленькая фигурка смуглого человека, отдаленно похожего на японца.

Лицо Поля Рейно расплылось в улыбке, но она почти сразу погасла. Он заметил, что его подруга не в духе.

— Я только освободился, Элен. Теперь мы сможем провести здесь часок...

— Нет, мы должны уехать отсюда! Сейчас же! Я не хочу оставаться.

— Отлично! — сразу же согласился Рейно.— Я только что хотел предложить вам проехаться по городу. Сегодня замечательный вечер.

— Благодарю вас, месье Терзи, за ваше внимание,— де Порт повернулась к Леону.— Больше не беспокойтесь. Приезжайте во вторник ко мне, там не будет такой толкучки.— Графиня протянула руку, унизанную кольцами.— Если встретите господина Абетца, передайте мое приглашение. Я не успела этого сделать сама. Запомните: вторник, в шесть часов. До свидания!

Де Порт взяла под руку Рейно, и они вышли в холл. Терзи видел, как женщина, негодуя, что-то рассказывала «дофину». Рейно считали прямым наследником премьера. В политических кругах ожидали, что Рейно скоро займет пост премьера.

«Вот пауки в банке! — усмехнувшись, подумал Терзи.— Теперь заварится каша!» Он выпил еще бокал вина у подвернувшегося официанта и торопливо прошел в курительную комнату — ему хотелось присутствовать при разговоре де Круссоль с немцем.

Терзи нашел всех у того же окна. Группа пополнилась Абетцом, а подле маркизы стоял обрюзгший, с нахмуренными бровями премьер и влюбленными глазами смотрел на де Круссоль.

— Рассейте наши сомнения, господин Абетц,— с кокетливой улыбкой говорила блондинка.— Неужели Гитлер хочет поссориться с Францией? Я не хочу этому верить!

— Я только художник, маркиза, но не политик и все же знаю, что фюрер весьма дружелюбно относится к Франции. Стоит ли нам ссориться из-за Данцига!

— Вот именно! Вы слышите, господа? А что вы скажете, господин посол? — обратилась де Круссоль к подошедшему Уильяму Буллиту.— Что думают у вас в Америке? Мы говорим про войну.

Буллит учтиво поздоровался с дамой и поклонился мужчинам.

— Я предпочитаю говорить о мире,— уклончиво ответил он.— Меня связывает официальное положение...

— Нет, нет,— живо возразила де Круссоль,— мы говорим совершенно приватно! Вы находитесь среди друзей.

Терзи заметил, как мгновенно насторожился Абетц, но тотчас же восстановил беззаботную, игривую улыбку.

— Я не могу ни в чем отказать интересной женщине. Извольте. Если в Европе вспыхнет война, я сомневаюсь, ввяжутся ли в нее Соединенные Штаты. Об этом я уже говорил на открытии памятника американскому солдату в Пуэнт де Грав. Во всяком случае, сенат разъехался на каникулы, уклонившись от рассмотрения вопроса об американском нейтралитете. Сенатская комиссия решила вернуться к этому вопросу только в январе, не раньше. Мы не хотим вмешиваться в дела Европы. Что же касается востока,— Буллит понизил голос,— вы знаете мое отношение к русским. Нас не интересует, что произойдет на востоке.

— А что вы думаете об этом, господин премьер?

— Напишите то, что вы слышали. Это будет полезно знать вашим читателям.

Появление хозяйки прервало разговор.

— Господа, я надеюсь, вы останетесь ужинать? — Де Шатинье сказала это достаточно тихо, чтобы ее слышали только те, кого она приглашала.

Встретившись глазами с Жюлем, она сделала знак и отошла. Жюль пошел за ней следом.

— Простите меня, Жюль, вам лучше не оставаться на ужин. Не надо афишировать наши отношения. А завтра я жду вас на Елисейских полях. Помните, где мы встречались? Будь умником, Жюль!

Бенуа скрыл поднявшуюся обиду.

— Конечно, Маро, я понимаю, но предварительно позвоню. Я не уверен, что буду свободен...

Вечер подходил к концу. Менее именитые топтались в залах, стараясь попасть на глаза хозяйке и заручиться приглашением к ужину, но де Шатинье будто не замечала взглядов. Она была непреклонна. Не дождавшись приглашения, многие начали разъезжаться.

Жюль вышел вместе с Терзи. Леон неуверенно стоял на ногах.

— Хотите, я вас подвезу? — сказал Бенуа, у него тоже немного кружилась голова.— У меня здесь машина.

— Везите,— безразлично ответил Терзи.

Они прошли в переулок. Жюль открыл кабину, натянул пер-

чатки и сел за руль. Машина помчалась вдоль набережной Сены.

— Значит, будет война,— немного помолчав, сказал Терзи. Шляпа его сползла на затылок.

— Откуда вы взяли? Наоборот.

— А вот и не наоборот! Разве вы не поняли, что говорил Буллит? Американцы дают карт-бланш Гитлеру. Абетц сегодня же сообщит об этом в Берлин. Такие разговоры приближают войну... Да, я, кажется, перепил...

— Меня это не волнует. Пусть Гитлер воюет с поляками. Из-за этого мне не будут платить меньше за мои статьи.

— Вы коммерсант, Жюль.

— А вы анархист. Вы ничему не верите и не признаете авторитетов. Всюду ищете грязь.

— Бросьте ханжествовать, Жюль! Грязь искать нечего, она выпирает всюду.— Терзи пьяно мотнул головой. Его стало разбирать еще больше.— Вы говорите, я анархист. Это я? Нет, мне только противно глядеть, как проходимцы и жулики рядятся в патриотов. А вообще я Свидетель. Свидетель с большой буквы... Я, Жюль, очень много знаю. Вы бы сгорели от зависти, если б... Кстати, знаете, почему Боннэ так рьяно выступает за дружбу с Гитлером?

— И не хочу знать! Дружить с Гитлером — значит отвести от себя войну.

— Жюль, не будьте страусом! — Терзи опустил ладонь на плечо Бенуа, почти ударил его.— Нет, не поймете. Но я скажу. Все равно... Мне иногда нужно говорить самому с собой. Слушайте! Боннэ врет. Помните сказку про лгуна: когда он начинает врать, у него растет нос. Это Боннэ. Сегодня нос у него стал еще длиннее. Министр запутался в банковских спекуляциях, а господин Абетц все знает, он его шантажирует. Боннэ ходит на задних лапках перед Берлином, иначе его разоблачат...

Жюль заерзал на сиденье. Ему не нравилось направление, которое принимал разговор.

— Значит, дурак. Надо чище работать.

— Не чище, а честнее.

— Это условность.

— Хорошо, но при чем здесь патриотизм, которым хвастается Боннэ?

— Не знаю. Что значит патриотизм? Это условность...

— Мы, кажется, поссоримся, Жюль. Впрочем, зачем, не надо! Вы такой же лавочник и обыватель. Кругом грязь и предательство. Иногда мне бы хотелось быть таким, как вы...

— То есть?

— Не утруждать себя мыслями.

— Вы пьяны, Леон. Но я не хочу обижаться.

— В этом я уверен. На обиды вы не способны. Потом — я иногда бываю вам нужен. Вам невыгодно обижаться... Да! — Терзи

вдруг перешел на «ты».— Почему тебя любовница не пригласила на ужин? Почему ты на нее не обиделся?

— Откуда вы знаете? Она не любовница...

— Ну, бывшая... Я видел твою растерянную физиономию, как у моей таксы, нагадившей в комнате.

— Слушайте, Терзи, не злоупотребляйте гостеприимством! Вы едете в моей машине.

— Черт с вами, могу выйти. Из-за карьеры вы кого не возьмете в наложницы... Но я не осуждаю. Без подлости у нас не пробиться. А сегодня я удружил вам — вы приобрели врага на всю жизнь! — Терзи пьяно засмеялся.

— Кого?

— Я рассказал графине де Порт, как вы у нее из-под носа увели Абетца, и увели по просьбе маркизы.

— Ну и глупо!

— А мне наплевать! Вы здесь ни при чем, я хотел разъярить этих великосветских девок. Никакие они не аристократки,— одна дочь фабриканта, другая тоже из семьи удачливых обывателей. Выскочили замуж и навешали себе титулы рогатых мужей. Пусть подерутся! Может, из-за них сменится еще один кабинет. Я люблю наблюдать, Жюль, и подливать масла в огонь. Говорю вам, я Свидетель. Я еще напишу мемуары.

— Тогда езжайте в Варшаву, наблюдайте, как Гитлер управляется с Польшей.

— Лень... Я это увижу в Париже из окна собственной спальни. Увидите, как он заберет нас голыми руками. Вытащит, точно форель из сачка... Вы ловите рыбу?.. Впрочем, нет, если начнется война, я уеду куда-нибудь в Центральную Африку, поселюсь среди зулусов или племени банту, отсижусь там. Буду писать мемуары.

— Этого не может быть! Не болтайте чего не надо!

— Не может? А хотите, посмотрим! На бутылку вина из подвалов вашего тестя. Ну? Ну, давай!

— Идет!

Бенуа согласился, чтобы только отвязаться. Терзи вконец развезло.

— Черт возьми! — пьяно пробормотал он.— Остановите машину, теперь я пойду пешком.

— Но вы совершенно пьяны.

— Не ваше дело. Бутылку я заработал. Остановите!

Они были около Лувра. Жюль остановил машину на углу Рю де Риволи. Терзи вышел и, покачиваясь, пошел вдоль тротуара.

— Куда вы? Я довезу! — крикнул Жюль...

— Убирайтесь к черту! Я ненавижу вас...

Терзи прислонился спиной к стене, осторожно повернулся, удерживая равновесие, и, заплетая ногами, повернул за угол.

«А, черт с ним, наплевать! — решил Бенуа и тронул машину.

Но потом передумал — Терзи действительно может ему пригодиться.— Заберу к себе, проспит в кабинете». Жюль нагнал Леона и втащил его в машину.

Терзи плохо соображал, что с ним происходит.

III

В конце концов все перепуталось! Просто нельзя разобрать, что происходит. Если подумать, Западная Европа превратилась в какой-то сумасшедший дом: Данциг, Москва, Лондон, Варшава, договоры, переговоры, ультиматумы, пакты, еще что-то, еще и еще... Голова идет кругом! А все из-за русских. Если бы не они, все стояло бы на своих местах. Совершенно точно...

Жюль испытывал чувство какой-то личной обиды, которую нанесли ему русские. Они заключили договор с Гитлером. Как так? Он, Бенуа, сам писал, что Германия Гитлера лучший барьер против распространения большевизма, а военный конфликт может возникнуть только между Германией и Россией. Все шло к этому, а тут вдруг бац, договор о ненападении...

Ну, хорошо, сам он мог что-то напутать, так бывало, но ведь мысли-то, которые он высказывал в обозрениях, были не его мысли, Жюлю подсказывали их люди, стоящие у власти. Конечно, ему подсказывали гораздо яснее, откровеннее — не все напишешь в газетах. Долгое время схема была одна, над ней не приходилось думать: Гитлер стремится на восток, там у него свои интересы, он ненавидит большевиков. Ну и пусть стремится, пусть ненавидит. Если немцы и русские столкнутся лбами, тогда Запад останется в стороне. Все ясно. Конечно, писать надо намеками, недомолвками. Кому нужно — поймут. В борьбе с русскими Гитлер тоже измотает себя, обессилит, станет сговорчивее. Что тут непонятного? Жюль Бенуа резво строчил такие статьи, уверенный сам, что так все и будет.

Уверенность международного обозревателя подкреплялась и другими, косвенными обстоятельствами. Во-первых, писал так не он один, то же самое трубили почти все газеты. Во-вторых, если бы Жюль писал не то, что надо, Боннэ перестал бы платить ему деньги сверх гонорара. Деньги даром никогда не платят. Терзи, конечно, врет, что Боннэ получает деньги от Абетца. Скорее уж от американцев, через Буллита,— состоит же Боннэ пайщиком полуамериканского банка «Братья Лазар». Они мастаки на всякие махинации...

Впрочем, какое это имеет значение? Бенуа интересовало другое: за какую бы уцепиться мысль, пусть чужую, спорную, даже вздорную, но такую, чтобы выдать ее за плод собственных размышлений? Иначе как свяжет он концы с концами? Надо же ему было вчера бухнуть в газете — Гитлер согласен договориться, войны не будет! А война, оказывается, уже началась. Она началась, когда в типографии набирали газету.

Кто мог подумать, что события так обернутся! Вчера Боннэ лично сказал ему: «Гитлер большой мастер блефа, он торгуется с нами и не начнет войну». В таком плане Жюль и написал статью. Как теперь выходить из положения? У кого спросить? Нигде никого нет, все заседают.

Жюль стиснул виски и прошелся по кабинету, от письменного стола до тахты. Зазвонил звонок. Кто еще там? Он сердито снял трубку. Маро де Шатинье просила совета: не лучше ли пока уехать из Парижа? Ответил ни да, ни нет, обстановка неясная, пока сказать ничего не может. Под конец спросила, читал ли он телеграмму о Глейвице, и начала ее пересказывать. Вот дура! Телеграмма напечатана во всех газетах, об этом все уже знают. Хорошо, что быстро отстала, наверно с перепугу.

Жюль еще раз прочитал телеграмму:

«Германское телеграфное агентство. Бреславль, 31 августа.

Сегодня около восьми часов вечера поляки напали и захватили радиостанцию в Глейвице. Ворвавшись внутрь здания, поляки успели прочитать воззвание по радио. Однако через несколько минут они были атакованы и разбиты полицией, которая вынуждена была применить оружие. Среди нападавших имеются убитые».

А вот еще. Это уже начало войны.

«Нападение на радиостанцию в Глейвице было со всей очевидностью сигналом для общего наступления польских банд на германскую территорию. Как удалось установить, почти одновременно поляки перешли германскую границу еще в двух местах. Передовые отряды, видимо, поддерживаются польскими регулярными частями.

Отряды полиции безопасности, несущие пограничную службу, вступили в бой с захватчиками. Ожесточенные боевые действия продолжаются».

Жюль пробежал глазами и другие телеграммы. Владельцы торговых судов радировали капитанам укрыть корабли в портах и не задерживаться в открытом море. «Как перед бурей»,— подумал он и отбросил газету.

Нет, сидеть дома невыносимо! Жюль сунул газету в карман макинтоша и вышел на улицу. В воротах дома стояла консьержка с вечно обиженным и огорченным лицом. Она говорила с незнакомым стариком в шерстяном жакете.

— Так вы думаете, дядюшка Жак, война будет? — услышал Жюль, проходя мимо.

— Она уже есть. Вы читали газету?

— Да, да! Всем кораблям приказали укрыться в портах. А что делать нам? Где укрыться нам от войны?

Старик ответил без видимой связи на вопрос консьержки:

— В прошлую войну я дрался с бошами под Верденом, а немцы обстреливали Париж из дальнобойных пушек.

— Что вы говорите, дядюшка Жак! Неужели?

— Нет, до этого не дойдет. Медведя лучше бить в его берлоге. Нет ли у вас спичек, Одетта? Видно, забыл я...

— Дай-то бог! Вы правильно говорите, дядюшка Жак. Мой Андре тоже так думает...

Жюль по набережной прошел в министерство иностранных дел. Боннэ все еще не было. Сегодня он не приезжал. Сидит с самого утра во дворце на заседании кабинета министров. Об этом Жюлю сообщил услужливый секретарь Боннэ.

В поисках новостей Бенуа бродил среди лабиринта узких и затхлых коридоров министерства. Поговорил с чиновниками, но они сами хотели узнать от Бенуа что-нибудь новое. Жюль напустил на себя озабоченно-таинственный вид, невнятно отвечал, неопределенно гмыкал: ситуация-де не ясна, надо подумать. Нельзя раскрывать государственные тайны. Завтра, если позволит цензура, он откровенно выскажет свои мысли в обзоре, читайте газету...

Заведующий протокольным отделом, престарелый чиновник с седыми бачками, почему-то шепотом рассказал Жюлю, что из города тянутся потоки машин, а на вокзалах с боем добываются билеты на поезд. Говорят, за два дня из Парижа выехало двести пятьдесят тысяч жителей.

— Господин Бенуа,— с надеждой спросил престарелый чиновник,— вы самый информированный человек, скажите: неужели будет война? Может быть, лучше отправить семью в деревню? У меня жена и два мальчика. Как вы думаете, господин Бенуа?

— Завтра, завтра все будет ясно. Пока у нас нет оснований для паники.

— Благодарю вас, господин Бенуа, вы меня успокоили...

Из министерства Жюль возвратился домой, но только на одну минуту. Не подымаясь в квартиру, он зашел в гараж, вывел машину и поехал в Елисейский дворец. Может быть, там удастся что выяснить.

День стоял ясный и солнечный. На бульварах играли дети, на тротуарах толпились прохожие. Жюлю показалось, что на улицах было оживленнее, чем обычно. Разговор с чиновником его обеспокоил. И потом еще что-то неосознанное вызывало тревогу. Ну да, старик в шерстяном свитере. Он напомнил, что в прошлую войну немцы обстреливали Париж из «длинной Берты» — из пушки с тридцатиметровым стволом. Конечно, с войной не шутят. Может быть, стоит отправить Лилиан в Фалез, к тестю. В провинции поспокойнее... Конечно, это не Центральная Африка. Бенуа вспомнил разговор с Терзи. Странно — чиновника он успокоил, а сам расстроился. Ничего не понятно!

Во дворце в большой приемной толпилось десятка полтора журналистов. Так же, как и Жюль, они съехались, чтобы из первоисточников получить информацию. Среди них был и Леон Терзи. Бенуа не встречал его с той ночи, когда пьяным вез с приема у де Шатинье, а потом оставил у себя ночевать. Взлохмаченный, с

удлиненным, мефистофельским лицом, Терзи сидел, оседлав стул и опираясь руками и подбородком на спинку.

— Вот кто все знает,— иронически сказал Терзи, увидев входившего Бенуа.— Жюль, что вы скажете о ситуации?

— Да, кое-что знаю,— с солидным достоинством ответил Бенуа. Он решил играть роль человека знающего, но предпочитающего молчать.

Журналисты насторожились.

— Что ж вы знаете? Есть подробности из Берлина? Говорят, Гитлер выступил сегодня в рейхстаге...— Бойкий начинающий репортер спрашивал и одновременно хотел показать свою осведомленность.

— Не знаю, не знаю! — отмахнулся Жюль.— Мне известно только, что русские выкинули ловкий трюк.

— Вы хотите сказать, что они оставили нас в дураках? — Терзи лениво поднялся со стула.

— Даже больше: они предали нас своим договором с немцами.

— Как, как? Предали? Какие зловредные! — Терзи откровенно иронизировал, но Бенуа не понял.— Русских волокли в западню, а они не пошли. Смотри, какие зловредные!

В спор вмешался молодой репортер. Он волновался:

— Нельзя так упрощать дело. Поведение русских вызывает чувство протеста. Не так ли, месье Бенуа?

— Конечно,— кивнул головой Жюль,— нельзя упрощать.

Репортер был на седьмом небе: с ним согласился сам Бенуа! Он даже зарделся. А Терзи сказал:

— Упрощает вон кто, ищет дураков,— он указал на закрытые высокие двери — где-то в той стороне заседал кабинет.— Русские правы, я бы так же поступил на их месте. Мы очень долго водили их за нос.

— Ну, это уж слишком! Вы всегда оригинальничаете...

— И потом, потом должны же вы согласиться, что русские предали демократический Запад! — петушился молодой репортер и оглядывался на Жюля.

— Ладно. Если говорить серьезно,— Терзи нахмурился,— то не они, а мы предали русских. Разве мы сами не подписали договор о ненападении с немцами сразу же после Мюнхена? Русские только последовали нашему примеру. Кто не поймет, что наши переговоры с русскими — блеф! Мы хотели только заинтриговать, чуть-чуть запугать Гитлера, сделать его сговорчивым. Не так ли? А потом есть пословица: французский солдат не может изменить английскому королю. Почему русские должны за нас драться? Это называется загребать жар чужими руками.

— Простите, вы на что намекаете? Наша дружба с Англией не внушает сомнений, она нерушима.

— Не спорю, но поляки тоже наши друзья, а сейчас мы почему-то их бросили на произвол судьбы, рассчитываем увильнуть от обещанной помощи.

В ответ раздались протестующие голоса. Если так, зачем собрались бы здесь журналисты? В том-то и дело, что с минуты на минуту министры выйдут с заседания и сообщат — Франция вступает в войну. Симпатии оказались на стороне молодого репортера.

— Неправда! — воскликнул он, ободренный поддержкой.— Война сегодня же будет объявлена. Мы не покинем Польшу. Это не патриотично так говорить, месье Терзи! А потом господин Боннэ сам только из газет узнал про войну, мне передавали это из достоверных источников.

— Тем хуже для нашего министра...

Жюль не принимал больше участия в споре. Он только слушал и следил, как лохматый и черный Терзи отбивался от наседавших на него оппонентов. И вдруг у него мелькнула мысль, которая шла вразрез и с мнением Терзи, и с предположениями возражавших ему газетчиков. Он правильно написал в статье: войны не будет! Возникшая мысль так поразила Бенуа, что он не удержался и высказал ее вслух:

— Не спорьте, господа, войны не будет. Мы предотвратим ее, как в Мюнхене в прошлом году.

Молодой репортер, открыв рот, уставился на Жюля. На его лице отразилось недоумение. Многие из присутствующих тоже готовы были запротестовать, но появление министров прекратило споры. Министры выходили с заседания кабинета. Журналисты бросились навстречу премьеру и Жоржу Боннэ, облаченному в двубортный темно-синий костюм. Сзади шли остальные министры, и среди них выделялся генерал Гамелен — при орденах, в полной парадной форме.

— Господин премьер, война объявлена?

— Вы уже решили вручить ультиматум?

— Войскам приказано вступить в действие?

Вопросы сыпались со всех сторон. Корреспонденты приготовили блокноты, но премьер остановил обозревателей:

— Не торопитесь, не торопитесь, господа! — Глаза у премьера были усталые, с припухшими мешками.— Месье Боннэ все вам расскажет. Это по его части. Да, да... До свидания, господа, до свидания...

Журналисты повернулись к Боннэ.

— Только спокойнее! Я все скажу... Спокойнее! Боннэ, с головой какаду, шел в толпе газетчиков, как апостол.

Он поворачивался то в одну, то в другую сторону, рассыпая благодать информации. Но информация была неопределенная и расплывчатая. Из нее следовало только одно — война еще не объявлена.

— Мы не теряем надежды на мирный исход,— говорил Боннэ.— Можете так написать... Что вы говорите? Да, к этому есть основания. Вчера Муссолини предложил созвать конференцию, чтобы обсудить претензии Германии к Польше. Мы уже передали свое согласие в Рим.

— Но вчера не было войны, а сегодня Гитлер напал на Польшу. Как думает господин министр выполнять наши международные обязательства? Мы объявим войну Германии? Послали ультиматум? — Молодой репортер выпалил это сразу, не переводя дыхания.

Боннэ снисходительно улыбнулся:

— Видите ли, мой молодой друг, мне нравится ваша горячность, но решения нужно принимать очень продуманно. Следует разобраться прежде всего, кто на кого напал. Надеюсь, вы читали сообщение из Глейвица? Конечно, это требует проверки. Возможно, нам придется послать ультиматум Германии, но всему свое время. Мы не можем нарушать конституцию, господа, демократия для нас священна.

Боннэ остановился, чтобы досказать свою мысль, другие министры прошли вперед.

— Конституция требует, чтобы парламент предварительно одобрил такой ультиматум. А кроме того, мы обязаны согласовать действия с нашим британским союзником. Скорее всего парламент соберется завтра. Как видите, в столь ответственный момент правительство не теряет времени, оно сознает высокую ответственность перед историей. Я не теряю, друзья, надежды на мирный исход. Этого требует нация!

Последние фразы Боннэ произнес торжественно-патетическим тоном. Он покинул дворец.

Журналисты стояли обескураженные. Только Бенуа наслаждался своей прозорливостью: как он попал в точку! Терзи пробормотал:

— Гм, у нашего министра нос опять вырос! Как врет! Жюль, на этот раз вы правы — Боннэ не хочет воевать с Гитлером, он разрешает ему скушать Польшу.

— Я стою на других позициях,— высокомерно ответил Жюль.— Как видите, министр согласен с моей точкой зрения.

Молодой репортер посмотрел на Бенуа с завистливым восхищением: вот человек, все знает!

На улице Терзи отозвал обозревателя в сторону.

— Да, Жюль, одну минуту! Слушайте, зачем вы тогда привезли меня к себе в таком виде?

— Вам приятнее было спать под забором?

— Нет, но неудобно перед вашей женой. Я не был знаком с ней.

— О, Лилиан вас знает!

— То есть?

— Я рассказывал ей о вашем пьянстве...

Леону было не по себе после того, что произошло. Он проспал до обеда в кабинете Жюля и никак не мог сообразить, куда попал. Спал, не раздеваясь, на каком-то диване, поднялся в мятой одежде, с мятым лицом, осмотрелся и вышел в соседнюю комнату. На столе стояли кофейный прибор и чашка, на тарелке несколько бутербродов.

— Доброе утро, месье! — Из второй двери в столовую вышла

молодая женщина с гладко зачесанными волосами и темным пушком на губе. Вид у нее, как показалось Леону, был сдержанно-укоризненный.— Жюль просил извинить его, он уехал в редакцию. Вы хотите умыться?

— Благодарю вас!

Терзи понял, где он находится,— у Жюля. А это его жена. Но ведь он, поссорившись с Бенуа, вылез из машины у Лувра. Как неприятно предстать в таком виде перед молодой женщиной! Какая она интересная...

Леон кое-как привел себя в порядок, в шкафчике сам нашел одежную щетку, почистил костюм и вышел. Лилиан предложила чашку кофе. Леон отказался.

В прихожей Лилиан улыбнулась и сказала:

— До свиданья, месье Терзи! Заходите еще.

Эта женщина смущает одним своим видом. Терзи пробормотал какое-то извинение, обозлился на себя и скрылся за дверью. Это выглядело поспешным бегством.

Сейчас Терзи было неприятно, что Жюль представил его своей жене заядлым пьяницей.

— Ну и глупо! — ответил он Бенуа.

— Мы с вами только в расчете. Помните, что вы насплетничали про меня мадам де Порт?

— Тогда черт с вами! Передайте вашей жене привет и мои извинения.

IV

Следующий день был суббота, 2 сентября 1939 года. Он прошел в сплошных заседаниях, консультациях, совещаниях и в полной неопределенности.

Кабинет министров заседал с утра. Боннэ доложил о событиях минувшего дня: германские войска продолжали наступление в Польше, Муссолини подтвердил предложение собраться на конференцию, но общественное мнение Франции резко высказывается против переговоров, требует решительных действий. Это осложняет внутреннее положение. К глубокому сожалению министра, общественное мнение Англии также высказывается за то, чтобы выполнить обязательства, данные Польше. А это — война.

Докладывая кабинету, Боннэ внимательно следил за впечатлением, которое производят на министров не только его слова, но и документ, ходивший по рукам. Он его специально извлек из сейфа. Это было письмо французского посла в Германии, месье Кулондра. Его не так давно перевели из Москвы в Берлин. Боннэ пришел к выводу, что наступил самый удобный момент ознакомить с письмом членов французского кабинета.

Роберт Кулондр строго конфиденциально сообщал из Берлина о своих наблюдениях:

«Стремление третьего рейха к экспансии на востоке,— писал он,— кажется мне таким же неоспоримым, как его намерение оста-

вить, по крайней мере на данное время, мысли о завоеваниях на западе; одно исключает другое... Мне совершенно ясно, что Германия не имеет никаких притязаний по отношению к Франции... Все мои собеседники, за исключением Гитлера, в той или иной форме излагали мне необходимость экспансии Германии в Восточную Европу. Мне кажется, здесь можно различить постепенно вырисовывающиеся очертания колоссального предприятия, задуманного немцами. Стать хозяевами Центральной Европы, подчинив себе Чехословакию и Венгрию, затем создать Великую Украину под гегемонией Германии — такова, по-видимому, концепция, которой придерживаются руководители Германии и, без сомнения, сам Гитлер.

Пути и средства как будто еще не выбраны окончательно, но цель намечена твердо — создать Великую Украину, которая стала бы житницей Германии. Для этого необходимо будет подчинить себе Румынию, захватить Польшу, оторвать часть СССР, немцы в своем динамическом стремлении не останавливаются ни перед одной из этих трудностей, и в военных кругах даже поговаривают о марше на Кавказ и Баку.

Так по странной игре судьбы Чехословакия, которая должна была служить бастионом, сдерживающим натиск Германии, рассматривается сегодня третьим рейхом как таран, предназначенный проломить ворота востока».

Информация Кулондра вселяла надежды. Министры заметно оживились. Значит, Боннэ вовремя извлек из сейфа эту записку. Может, бог даст, все обойдется. Только Гитлеру надо бы быть чуточку посговорчивее. Куда он ломится так открыто? Франции, значит, не грозит опасность. Но что делать сейчас?

Оживление на лицах министров сменилось мучительным раздумьем. Каждый искал повод оттянуть решение вопроса. Конечно, с тех пор как Кулондр написал записку, кое-что изменилось. Взять хотя бы вооруженный конфликт на Халхин-Голе, на востоке России. Японцы сделали первый шаг против русских — и неудачно. А тогда казалось, что это начало больших событий. Ясно, что японцы затеяли все не без ведома Гитлера. Но тогда что же значит его договор с русскими? Он спутал все карты. Теперь это письмо Кулондра... Есть над чем призадуматься.

Наступило тягостное молчание. Бывают вещи, о которых не скажешь даже на заседании совета министров. Рейно вычерчивал на листе какие-то узоры, рисовал человечков, премьер, насупившись, сидел на председательском месте. Потом он взял слово. Премьер не обладал ораторским искусством, знал это и предпочитал не выступать. Он ограничился только вопросом начальнику генерального штаба, приглашенному на заседание. Тут всем показалось, что выход можно найти с помощью Мориса Гамелена. Премьер спросил:

— Готова ли армия подкрепить наш ультиматум Германии? Я прошу высказаться уважаемого начальника генерального штаба.

Генерал Гамелен поднялся со своего места. На детски розовом лице отчетливо проступали тонкие лиловые прожилки.

— Господа министры,— негромко начал он,— с откровенностью солдата я должен сказать вам суровую правду.— Гамелен сделал паузу и воинственно выпятил вперед грудь.— За этот год, с момента, когда Чехословакия была занята немцами, наш военный потенциал значительно снизился. Я не политик и не буду говорить о причинах, побудивших чехов, так сказать, объединиться с Германией. В данном случае меня как солдата интересует вопрос: что приобрели и потеряли вооруженные силы Франции?

Генерал обвел глазами министров. Он повысил голос, но долго говорить громко не мог.

— Вместе с Чехословакией, господа, мы потеряли двадцать одну регулярную дивизию союзной нам чехословацкой армии, и, кроме того, мы потеряли не меньше шестнадцати дивизий второй очереди, которые чехи могли бы мобилизовать дополнительно. Я напомню, что говорил господин Гитлер полгода назад, когда немецкие войска вступили в Прагу. У нас нет оснований сомневаться в его словах. Он сообщил, что в распоряжение немецкого вермахта перешло полторы тысячи чехословацких боевых самолетов, две тысячи орудий, пятьсот танков, почти пятьдесят тысяч пулеметов и больше миллиона винтовок.

Могу дополнить, господа, информацию тем, что чешские заводы Шкода, которые также перешли к немцам, по своей мощности равны производительности всех английских военных заводов. Таким образом, в жертву политическим целям мы принесли значительное понижение собственного военного потенциала и на столько же увеличили потенциал Германии.

«Что он мелет? — беспокойно подумал премьер. Его бычья шея стала пунцовой.— Это же в мой огород камень!» Другие министры, причастные к Мюнхенскому договору, почувствовали себя тоже неловко. Слова Гамелена они посчитали почти неприличными. Премьер поднялся, чтобы направить прения в нужное русло, но удержался и снова сел — Гамелен переходил ближе к делу.

— Господа министры,— продолжал он,— оккупация Чехословакии немцами поставила нас в сложное положение. С одной стороны, мы обязаны, по договору, немедленно прийти на помощь польскому правительству, но, с другой стороны, каждое слово французской нации, которую вы здесь представляете, а тем более ультиматум, мы должны подкреплять реальной силой. На этом держится престиж Франции. И если вы сегодня задаете вопрос, готова ли французская армия подкрепить силой ваше веское слово, я отвечаю — да. Она готова подкрепить ультиматум, но для этого нужно время. Французская армия может вступить в действие не раньше чем в понедельник вечером. Однако военные авторитеты прошлого не рекомендуют начинать сражение с вечера. Поэтому реальнее будет назвать срок готовности армии — утром во вторник. Сегодня у нас, как известно, суббота...

«Ловко он обернул! — воскликнул про себя Боннэ.— Не так уж

глуп, как кажется на первый взгляд». Боннэ решил действовать сразу, пока министры находятся еще под впечатлением выступления генерала. Действительно,— ультиматум, ультиматум, а подкрепить его нечем!

— Господа! — Боннэ повернул нос, словно руль, сначала направо, потом налево.— В этот час, господа, мы обязаны быть решительны и едины. Я понимаю настроение общественных кругов нашей страны. Понимаю и разделяю — германскую агрессию следует остановить. Но, господа, следует быть разумными. Я полагаю,— меня убедило в этом заявление руководителя вооруженных сил Франции,— что самое правильное решение будет заключаться в том, чтобы отложить срок ультиматума на понедельник. О, я понимаю ваше всеобщее нетерпение, негодование, но в понедельник наш ультиматум мы подкрепим как бы подписью армии. Я напомню вам слова Меттерниха,— Боннэ решил блеснуть знанием истории.— Он говорил так: «Я никогда не посылал ультиматума, не имея за собой достаточных вооруженных сил». Это разумно. А пока мы предупредим господина Гитлера в более мягкой форме. Я не опасаюсь в такое суровое время произнести это слово. Мягкость, господа, еще не признак слабости. Пока молчат пушки, мы тем временем сможем предпринять некоторые дипломатические шаги. Тогда, может быть, нам и не придется предъявлять ультиматум.

По выражению лиц министров, сидевших вокруг стола, Боннэ решил — они склоняются к его точке зрения. Перед голосованием следовало выложить еще один козырь, и министр иностранных дел бросил этот козырь на стол.

— У меня есть реальные основания для оптимизма,— сказал он.— В глубокой тайне могу сообщить кабинету, что Италия не выступит на стороне Германии. Значит, Гитлер останется один, без поддержки. Он пойдет на уступки. Моя достоверная информация поступила через Лондон из Рима, от британского посла Перси Лорена. Чиано проговорился послу, что итальянцы не будут и не хотят воевать. Это меняет дело в нашу пользу. Основой нашей политики должна быть гибкость и еще раз гибкость. После такой информации я обещал итальянскому правительству не предъявлять Германии ультиматума по крайней мере до понедельника. Я взываю к благоразумию, господа, и прошу голосовать вопрос.

Министры согласились с мнением Жоржа Боннэ. Премьер закрыл заседание. Члены кабинета разъехались с надеждой, что, может быть, еще удастся уговорить Гитлера.

V

Вечером после заседания совета министров секретарь Боннэ разыскал Бенуа — он был в редакции — и передал, что министр просит его завтра приехать на Кэ д'Орсэ. Когда? Чем раньше, тем лучше, с самого утра.

Не было еще десяти часов, когда Жюль появился в приемной. Министр ждал его — секретарь тотчас же учтиво предложил пройти в кабинет.

Боннэ был чем-то расстроен. Он перелистывал донесения, поступившие из полиции:

— Сегодня я почти не спал,— утомленно сказал он,— и просил вас заехать пораньше. Извините меня. Обстановка чертовски сложная. Садитесь. Долго говорить я не имею времени.

Боннэ взял со стола пачку листков.

— Видите, это донесения полиции. Я ломаю над ними голову: всюду требуют активных действий. Перед Мюнхеном были совершенно другие настроения.— Министр говорил с Бенуа как с единомышленником, посвященным во многие тайны.— Тогда, как вы помните, затемнение, мобилизация, передвижение войск, наконец, простые мешки с песком среди улиц и прочие атрибуты близкой войны сыграли свою роль. Я изучил психологию человеческого стада — угроза войны действует на людей сильнее, чем сама война. В Мюнхене мы пришли к соглашению с Гитлером и сразу же убрали на улицах мешки с песком. Это подействовало. Премьер прилетел из Мюнхена, как ангел мира. Но сейчас народ будто бы подменили, его не узнать.

Боннэ наклонился к Жюлю.

— По этому поводу я вас и пригласил. Нужно рассеять такие настроения. Прошу вас, дайте хорошую статью, напишите, как вы умеете это делать. Читатели должны понять, что война дело серьезное. Пусть они задумаются, прежде чем требовать от правительства активных действий. Если хотите, припугните немного, намекните, что Германия сильнее нас, ну, еще что-нибудь такое... Вы понимаете меня? Повторите в какой-то мере свою статью. Пофилософствуйте,— помните, как вы писали про Чехословакию? Что лучше — жертвы во имя мира или война без жертв? Читатели любят такие размышления. Имейте в виду, что мы не хотим вмешиваться в конфликт. Вчера кабинет фактически принял решение... Да, кстати...

Министр отодвинул ящик письменного стола, достал туго набитый пакет, приготовленный заранее, и протянул его Жюлю:

— Здесь половина для вас, а другую часть передайте своим коллегам. Подскажите им, что нужно писать. Сейчас можете быть щедрее. Надеюсь... Еще раз извините!

Длиннее обычного затрещал телефон. Министра вызвал Лондон. Жюль опустил пакет в боковой карман, ощутив пальцами упругую пачку банкнотов. Столько денег Боннэ еще никогда ему не давал.

Прошла минута молчания. Боннэ напряженно ждал с трубкой в руке и вдруг расплылся в улыбке.

— Господин Галифакс?.. Да, да, я, Боннэ... Благодарю вас!.. Но почему не спали? Вы тоже?.. Что поделать, мир дороже сна... Что, что?.. Сегодня?.. Но как же так?!

Жюль напрягал слух, чтобы расслышать, что говорит лондон-

ский собеседник Боннэ. Но слышал он плохо, отчетливо доносились только отдельные слова. Однако по репликам и восклицаниям, которые делал взволнованный Боннэ, по тому, как он повторял фразы Галифакса, Бенуа не только понял, но потом со стенографической точностью смог восстановить содержание всего разговора.

— Сегодня, в одиннадцать утра, Англия вступает в войну? — упавшим голосом повторил Боннэ.— Но... Понимаю, понимаю... Так... Так... Если вы не вручите Германии ультиматум, правительство может быть свергнуто... Понимаю. Общественное мнение Франции, к сожалению, так же настроено... Вы хотите вручить ультиматум до открытия парламента?.. Резонно... Вынуждены это сделать? Жаль... Сильна оппозиция?.. Как мы? Мы связаны обещанием итальянскому правительству... В том-то и дело... К сожалению, я уже передал инструкции своему послу... Да, Кулондру... Ах, как это неприятно!.. Вы объявляете войну под давлением... чего?.. Ах да, общественного мнения... Да, с этим не шутят.

Наступила длительная пауза. Боннэ внимательно слушал, открывал рот, собираясь что-то сказать, и снова слушал. Наконец он сказал:

— Я сейчас же приму необходимые меры... Немедленно... Благодарю вас!

Министр положил на рычаг трубку и устало опустил голову. Жюль никогда не видел его таким растерянным. Боннэ нажал кнопку настольного звонка, и тотчас же в дверях появился секретарь.

— Немедленно соединитесь с Берлином, найдите посла. Поняли? Немедленно! А пока соедините меня с премьером.

Секретарь неслышно притворил дверь. Боннэ машинально переложил пачку донесений, поправил чернильницу.

— Вы поняли, что сообщил Галифакс? — обратился он к Жюлю.— Это ужасно! Чемберлен вынужден немедленно передать ультиматум Германии, иначе он не будет премьером. В парламент он может явиться только с информацией, что ультиматум предъявлен. Заседание у них начнется в десять.— Боннэ посмотрел на часы.— Бог мой, что же делать?! Меньше чем через час. Мы обязаны сделать то же самое...

Секретарь предупредил — премьер у телефона.

— Господин премьер?.. Новости из Лондона... Только сейчас... Лорд Галифакс передал, что они должны срочно вручить ультиматум, иначе правительство будет свергнуто. В парламенте сильная оппозиция... Вы в таком же положении?.. Возможно... Да, но Кулондр получил иные инструкции — оттягивать последнее слово... Совершенно верно, наш кабинет тоже может пасть... И я так думаю... Сейчас буду говорить с Берлином.

Боннэ зашагал по кабинету. Он поминутно вызывал секретаря, спрашивал, когда же дадут Берлин, и снова, едва секретарь исчезал за дверью, нажимал звонок.

Наконец Берлин на проводе. К телефону подошла секретарша.

— Где посол?

Жюль не слышал, что ответили из Берлина. Очевидно, секретарша стала что-то долго объяснять. Лицо Боннэ густо налилось кровью.

— Говорите короче!.. Задержите его сейчас же!.. Крикните в окно... Делайте что хотите... Слышите, черт бы вас побрал!.. Верните Кулондра... Сами бегите... Да, да, да!..

Боннэ застучал ладонью о стол.

Наступило молчание, которое длилось невероятно долго. Боннэ кусал губы и смотрел на часы. Подул в трубку. Никакого ответа. Но вот раздался голос Кулондра.

— Что?.. Вернули с дороги?.. Уже сидели в машине? Очень хорошо! Есть изменения... Слушайте. Тот документ, который вы передадите... Ну да!.. В конце концов, теперь не до шифра... Из нашего разговора нечего делать секрета. Ультиматум вручите немедленно и передайте, что срок его истекает сегодня, в пять часов вечера... Да нет, не в понедельник, а сегодня... Повторяю: сегодня в пять часов вечера, если Гитлер не отведет войска из Польши, мы будем находиться в состоянии войны с Германией... Совершенно верно... Муссолини я обещал ждать до пяти часов... Да нет же, сегодня... Мы выполняем обещание... Езжайте!

Боннэ облегченно вздохнул, платком вытер пот. Только сейчас он подумал, что, кажется, раньше времени передал деньги сидевшему перед ним журналисту. Бенуа тоже подумал о деньгах, но они были у него в кармане. Он выжидал, что предпримет министр.

— Мм-да!.. Как видите, Бенуа, ситуация меняется.— Боннэ помолчал. Он обдумывал, не попросить ли деньги обратно...— Впрочем,— сказал он,— наш разговор остается в силе. Не надо бряцать оружием. Мы объявляем войну символически. Пишите так, как условились: если война, то без жертв...

В пять часов вечера в воскресенье третьего сентября 1939 года Франция объявила войну Германии. Англия вступила в войну несколько раньше — в одиннадцать часов утра.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

I

Штурмфюрер Гнивке, помощник интенданта отдельного батальона, сам того не подозревая, оказался посвященным в такую тайну, которой, быть может, не существовало в течение многих столетий. Оказывается, тайны могут храниться не только в стальных сейфах гестапо на Принц-Альбрехтштрассе, но и в простых, невзрачных тюках с поношенной солдатской одеждой, которая во всех армиях носит одно и то же название — бывшая в употреблении.

Произошло это, кажется, на второй или на третий день после того, как Вилли гулял на свадьбе у тестя. Ну да, конечно, на третий, потому что накануне он сообщил куда следует про свой разговор с Францем. Об этом он доложил и начальнику. Шеф записал, поблагодарил и назвал Гнивке истинным патриотом. На другой день шеф вызвал его еще раз. Вилли думал, что снова по тому же делу, но оказалось другое. Начальник приказал Гнивке срочно взять закрытую грузовую машину, поехать по такому-то адресу, получить груз и сдать его на Принц-Альбрехтштрассе.

— Имейте в виду, дело ответственное,— сказал он,— поэтому я доверяю его только вам. Я помню вчерашнюю нашу беседу. Нам нужны преданные люди.

— Хайль Гитлер! — ответил Вилли, молодцевато повернулся на каблуках и, как на смотру печатая шаг, вышел из комнаты.

Ответственное поручение возвышало Вилли в собственных глазах. Штурмфюрер, преисполненный достоинства, отправился его выполнять.

На интендантском складе, где он не раз получал обмундирование, Вилли передал наряд, расписался в получении груза, и двое солдат потащили к машине довольно громоздкий тюк. Кладовщик усмехнулся:

— Ты, брат, старьевщиком стал. Куда это?

Вилли взглянул на тюк. С одного края брезент приоткрылся, и оттуда торчал стоптанный каблук сапога, козырек польской конфедератки.

— Не твое дело. Скажи, чтобы плотнее закрыли...

Тюк погрузили, штурмфюрер сел в кабину к шоферу и захлопнул дверцу. Насмешка кладовщика обидела Вилли. Складская крыса, лезет еще подковыривать! А он не нашел что ответить. Надо бы... Что теперь говорить «надо бы»! Поздно... Вот тебе и ответственное дело! Начальник, будто в насмешку, послал его за барахлом. Мог бы съездить кто-то другой, не обязательно посылать штурмфюрера. Не велико доверие — ездить за тряпками...

Машина мчалась по улицам города. Близился вечер. На тротуарах среди пешеходов было много военных, гораздо больше обычного. От серо-зеленых кителей рябило в глазах. У Потсдаммерплаца, ближе к вокзалу, Вилли заметил стайку медсестер тоже в новой, еще не обмявшейся форме, с походными сумками на плечах. Потом пришлось стоять — пропускали войсковую колонну. «Значит, война все-таки будет,— подумал Вилли.— Писали, что поляки объявили мобилизацию». Он высказал это вслух. Шофер ответил:

— Чего только полякам надо? Сидели бы смирно.

Штурмфюрер согласился с водителем. Говорят, поляки хвастаются, будто их конница скоро пройдет под Бранденбургскими воротами. Куда хватили! Надо бы им дать по зубам...

Колонны солдат, грохот военных оркестров, офицеры, наводнившие улицы, медицинские сестры, даже продовольственные квадрат-

ные карточки красного, лилового, желтого цвета, впервые розданные жителям, создавали настроение близкой войны. Берлин стал похож на военный лагерь.

Штурмфюрер с водителем перекидывались короткими фразами, гадали, когда Гитлер проучит поляков. Но Вилли не представлял себе, что именно он, Вильгельм Гнивке, штурмфюрер СС и помощник интенданта отдельного батальона «Бранденбург-800», имеет самое непосредственное отношение к назревшей войне. Гнивке не подозревал, что все эти польские конфедератки, стоптанные сапоги, кители, поясные ремни, лежавшие в кузове грузовика за его спиной, будут иметь такое значение. Кто мог бы подумать, что тюк с грязной, пропотевшей одеждой, вызвавший насмешки кладовщика, станет подобием детонатора, который вызовет потрясающей силы взрыв второй мировой войны...

Машина миновала здание новой имперской канцелярии, свернула на глухую и тихую улицу Принц-Альбрехтштрассе и остановилась у ворот дома № 8. Когда-то здесь помещался музей по истории костюма. На фронтоне серого здания сохранилось каменное изваяние женщины-швеи, а рядом фигура скульптора с резцом в руке. «Может, это барахло нужно, по старой памяти, для музея»,— подумал Вилли о злополучном тюке с одеждой.

Ворота распахнулись, машина въехала во двор, и ей навстречу метнулся разъяренный человек в форме штурмбанфюрера войск СС.

— Где ты пропадал, дубина? — обрушился он на Гнивке.— Мы оборвали все телефоны... Где груз?

— В кузове, господин штурмбанфюрер.— Вилли выскочил из кабины и стоял, вытянувшись перед начальством.

Штурмбанфюрер приказал солдатам перенести груз в другую машину, с виду похожую на передвижную радиостанцию. На Гнивке он больше не обращал внимания, будто его и не было. Он только кричал на солдат, торопил их, как на пожаре.

Тюк погрузили, шофер дал газ, машина взревела и выкатилась за ворота. Сквозь рев мотора Вилли расслышал слова начальника:

— Ехать без ограничения скорости. Когда будете в Глейвице, немедленно позвоните.

Он с таким же озабоченным и сердитым видом пересек асфальтированный дворик, стал подниматься по ступенькам внутреннего подъезда. В дверях с ним столкнулся высокий, здоровенный детина в капитанских погонах. Лицо его было иссечено шрамами — следы дуэлей.

— Ну как? — спросил он.

— В порядке. Можете ехать.

Вот и все, что узнал Вилли Гнивке, штурмфюрер и помощник интенданта отдельного батальона «Бранденбург-800». Огорченный, недоумевающий, почему на него так навалился начальник, Вилли прошел к дежурному, получил расписку, что груз принят, и поехал обратно в часть.

II

Штурмбанфюрер, отправив наконец машину, торопливо прошел по коридору, остановился перед одной из многочисленных дверей, оправил китель и, согнав с лица сердитое выражение, вошел через приемную в кабинет рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера.

— Господин рейхсфюрер, груз по вашему приказанию направлен в Глейвиц. Исполнение проверил лично,— отрапортовал он, остановившись у входа.— Капитан Скорцони поставлен в известность.

— Хорошо, можете идти,— ответил Гиммлер и повернулся к сидевшему перед ним человеку лет тридцати пяти с жестким красивым лицом и асимметрично поставленными глазами. Это был подчиненный рейхсфюрера, начальник гестапо Рейнгардт Гейдрих.

Оставшись наедине, Гиммлер продолжил прерванный разговор:

— Я был прав, черт возьми, когда придумал выводить морозоустойчивых лошадей. Помните, Гейдрих? Уверен, что в Сибири без них не обойтись. Вдоль Урала нам придется строить форты по типу рыцарских крепостей. Тогда пригодятся новые лошади. Это транспорт и пища для наших СС-рыцарей.

— Для транспорта пригодны обычные грузовики, наконец, обыкновенные «опели»,— возразил Гейдрих.

— О нет! Для оккупации Сибири нужны только лошади, лошади особой породы. Там лес, холод и скалы. Представьте себе — перед нами будет лежать карта огромной страны, которую...

Гиммлер положил на стол руки, разглаживая и расправляя карту. Руки у него были маленькие, совсем не мужские, с розовыми ногтями, покрытыми лаком. В войсках СС маникюр категорически запрещался, и только рейхсфюрер позволял себе такую вольность. Заметив взгляд Гейдриха, брошенный на его ногти, Гиммлер убрал руки.

Всесильный Гиммлер уже года три носился со своей идеей — вывести новую породу лошадей. Работу эту он поручил известному в Германии зоологу и исследователю высокогорных районов доктору Шефферу. Доктор только что возвратился из экспедиции на Гималаи. Место для заповедника выбрали в Австрийских Альпах. Рейхсфюрер не стеснялся в средствах — для опытов выписали лошадей со всего света. Платили за них бешеные деньги. Гиммлер поставил перед зоологом совершенно определенную задачу — вывести морозоустойчивую выносливую породу лошадей, пригодных для оккупации суровой Сибири.

Впрочем, не только одна эта идея волновала рейхсфюрера. Выходец из небогатой католической семьи, Гиммлер с детства впитал дух окружавших его суеверий. Расчеты на сверхъестественные силы подогревали баварских обывателей, вселяли надежды на чудесное обогащение с помощью кладов или неожиданного наслед-

ства. Слабый и тщедушный физически, тщательно скрывая от окружающих слабость воли, Гиммлер пытался черпать уверенность в предсказаниях астрологов, увлекался оккультными науками и часто решал вопросы, пользуясь советами ясновидцев.

С некоторых пор рейхсфюрер начал увлекаться алхимией. В недрах гестаповских подвалов возникла лаборатория, алхимики искали секрет «философского камня». Гейдрих знал слабость Гиммлера и, скрывая иронию, спросил рейхсфюрера:

— Скажите, рейхсфюрер, чем же закончились ваши исследования по алхимии? Дали они результаты?

Гиммлер забарабанил ногтями по верхнему ряду зубов. Так он делал всегда, обдумывая, как ответить.

— Пока еще нет. С прошлого года я прекратил работы. Временно. Но лаборатории сохранились. Хотите, покажу? Алхимики работали тут же, в гестапо. Эти стены лучше всего хранят тайны. О, если бы мы могли добиться результатов!.. Теперь я подхожу к проблеме с другой стороны. Смотрите!

Гиммлер встал из-за стола, мелкими шажками прошел к сейфу, похожему на большой холодильник в продовольственном магазине, и с предосторожностями извлек оттуда ветхий свиток папируса. На вытянутых руках он поднес его к Гейдриху.

— Это египетская рукопись. Единственная из всех уцелевших в Александрийской библиотеке. Я сам изучал ее историю. Император Диоклетиан полторы с лишним тысячи лет назад сжег около трехсот, точнее — двести девяносто шесть папирусов с рецептами изготовления тинктура — магического вещества. Оно позволяет добывать золото. Этот свиток единственный, который сохранился до наших дней. Мне достали его. Конечно, стоило денег! Знатокам древних текстов я поручил расшифровать рецепты египетских алхимиков. Теперь мы стоим на верном пути.

— Но, может быть, это фальсификация. Вы уверены, что рукопись не поддельная?

— Конечно! Иначе я содрал бы шкуру с этих архивных крыс. И не одну. Ах, если бы только удалось раскрыть формулы древних алхимиков! — На щеках Гиммлера вспыхнул румянец.— Какой бы переворот произошел в политике! Представьте себе, Гейдрих, мы владеем неограниченными запасами золота и покупаем на него все — колонии, министров, премьеров. С помощью золота присоединяем целые страны, становимся господами мира...

Обычно холодные глаза Гиммлера разгорелись, он увлекся волновавшей его идеей. Но вдруг перешел на другое.

— Скажите, Гейдрих,— спросил он,— вы верите в перерождение душ? В перевоплощение через много веков?

Гиммлер не стал ждать ответа. Он продолжал:

— Я лично в этом уверен. Хотите подтверждение? Извольте: король Генрих! Генрих Птицелов. Он умер тысячу лет и три года тому назад. Помните, как он пришел к власти? Внезапно. А разве моя судьба не схожа? Ну, скажите! Меня тоже зовут Генрих.

Пока я не могу установить, в кого перевоплощалась душа в продолжение многих веков, но сейчас она во мне, это факт... Кто бы мог подумать, что в этих руках сосредоточится такая власть! — Гиммлер поднял над столом и сжал кулачки.— Что Геринг, Гесс или Борман в сравнении со мной! Я стою первым за фюрером. Что ни говорите, я прав, душа короля Генриха нашла приют в моем теле...

— Да, это может быть,— сказал Гейдрих, сделав задумчивый вид, устремив глаза куда-то в сторону.— Вы действительно располагаете колоссальной властью не только в Германии, но и за ее пределами.

— О, еще бы! Скоро эти пределы расширятся дальше. Я не оставлю вас, Гейдрих, мне нужны преданные люди. Смотрите, мой духовный предок строил бурги в Саксонии. Я начну возводить их в Сибири. Король тоже прокладывал путь на восток — он покорил сербов. Так начинался «дранг нах остен». Наш Бранденбург — в прошлом Бранибор — славянский город. А может быть, какой-нибудь Свердловск будет именоваться Гиммлерштадтом. Как думаете, Гейдрих? Тысячелетия смыкаются!

— Да, конечно,— неопределенно ответил Гейдрих.

В душе он издевался над Гиммлером, считал его полным ничтожеством. Если бы только рейхсфюрер знал, если бы он мог прочитать истинные мысли своего подчиненного! Гиммлер был только слепым орудием. Он не мог и подозревать, что даже его собственное назначение на пост рейхсфюрера в какой-то степени тоже было делом Гейдриха.

Свои отношения с рейхсфюрером Гейдрих называл отношениями раковины и улитки. Прикрываясь им, как щитом, Гейдрих медленно полз вперед. В конечном счете это трусливое ничтожество с розовыми ногтями он сбросит в нужный момент и займет его место. Всему свое время. А пока Гейдрих оставался в тени и неторопливо плел паутину, раскидывал сети и убирал всех, кто мог бы хоть когда-нибудь встать поперек дороги.

В отличие от Гиммлера, раболепно и, кажется, искренне преданного Адольфу Гитлеру, Гейдрих не признавал никаких привязанностей, он шел один, интригуя и маскируясь. С Гитлером он соглашался в одном: совесть, привязанность — только химеры, которые отягощают разум. В тайных сейфах, доступных ему одному, Гейдрих хранил и накапливал коллекцию документов и фактов о прошлом руководителей Третьей империи. Это прошлое не было чистым — как раз то, что нужно. Значит, любого можно интриговать. Даже на Гитлера Гейдрих завел кондуит — в отдельной папке в сверхтайном досье. Кто знает, может, когда пригодится...

Но себя лично Гейдрих заранее постарался обезопасить от прошлого. Мало ли кому взбредет такая же мысль — подсчитывать его старенькие грешки... Теперь-то у Гейдриха все обстоит благополучно. Как бухгалтеры говорят, в ажуре. Но было время, когда пришлось-таки поволноваться. Один пекарь сколько ему испортил

крови! Впрочем, «каждому свое!». Гейдриху нравилось евангельское изречение. Именно он предложил отковать надпись на железных воротах в концлагере Бухенвальда: «Каждому свое!» Пекаря как раз и прикончили в Бухенвальде. Он получил свое. В другой раз не будет выскакивать где не надо.

Пекарь жил в Галле, на берегу Заале, на родине Рейнгардта — сосед Гейдрихов. Ему втемяшилось разболтать, что бабка Гейдрихов была еврейка, Сара Гейдрих. Одно имя говорит об этом. Пекарь утверждал, что сам видел на кладбище в Лейпциге ее могилу. Отец Гейдриха тоже не чистокровный ариец, можно проверить это по документам. В то время доносы уже процветали в Германии, и пекарю казалось, что он делает полезное дело для фатерлянда, сообщая властям о родословной соседа.

Положение Гейдриха и без того становилось шатким. Изгнанный из морского флота, он только начинал укрепляться в гестапо. Гейдрих понял — болтовня пекаря грозит его карьере. Действовать надо молниеносно. Рейнгардт начал с кладбища. Не все ли равно для бабки, умершей полвека назад, какая плита стоит на ее могиле!

Однажды утром кладбищенский сторож обнаружил пропажу — ночью кто-то выворотил надгробную плиту на старой, заброшенной могиле. Старик помнил, на ней стояла надпись: «Сара Гейдрих». Что за напасть! Кому понадобилось осквернять могилы?

Старик заровнял лопатой свежую землю и пошел рассказать жене о происшествии.

На другой день старик снова бродил по кладбищу и снова остановился у той же могилы. Он не поверил глазам — плита стояла на прежнем месте. Только стала она будто бы новее. Особенно надпись: «С. Гейдрих». Может, он действительно запамятовал, может, и раньше не было полного имени? Пришлось согласиться с женой — он и впрямь что-то напутал. Старость, видно, берет свое. А может быть, выпил...

Почти в то же время из магистрата в Галле исчезли записи о рождении младенцев за 1904 год. Выяснилось это несколько позже, когда суду потребовалось навести справку о родителях Гейдриха. Возмущенный Гейдрих сам подал в суд на клеветника, усомнившегося в арийском происхождении добропорядочных предков оберштурмфюрера. Пекаря посрамили публично. Оказалось, что у болтуна нет никаких доказательств. Не прошло и полугода, как пекаря самого увели в гестапо. Соседи шепотом передавали друг другу, будто он подсыпа́л в тесто толченое стекло, хотел отравить людей. Что бы он там ни делал, но пекарь больше не вернулся на берега Заале.

Через год Гейдриху удалось расправиться и с другими врагами. Помог путч Рема. Собственно, путча-то никакого и не было; состоялась дезинфекция (так называли подобные операции). Гейдрих составлял списки. Он уже постарался вписать туда всех, кого надо! Случайно только уцелел фон Папен — ему помог Геринг,— но это тоже до поры до времени.

Тридцатого июня 1934 года по всей Германии ликвидировали много тысяч неугодных, главным образом членов СА, во главе с Эрнстом Ремом, наставником Гитлера. Расстреливали — сначала по спискам, потом просто так — всех, кто недоумевал, почему Гитлер не выполняет своих обещаний. Глупцы! Они не поняли, что когда люди идут к власти, всегда обещают. В ту ночь Гейдриху пришлось поработать, зато он сразу круто стал подыматься в гору. Гитлер оценил его, приблизил и назначил начальником тайной полиции. Это уже реальная власть.

К рейхсфюреру Гейдрих зашел по важному делу — выяснить, когда предстоит работа в Глейвице. Общее руководство Гитлер поручил начальнику иностранной разведки графу фон Шеленбергу, но этот белоручка сам не будет работать, он взвалил все на Гейдриха. Ну что ж, он не отказывается.

— Я считаю за честь выполнять поручения фюрера,— сказал он.

Гиммлер ответил:

— О вашем усердии доложу фюреру. Имейте в виду, Рейнгардт, мы вступаем в новую эру. Можете рассчитывать на мою поддержку.

— Благодарю вас, рейхсфюрер... Жду вашего звонка.

— Да, возможно, еще сегодня...

III

Звонка не последовало ни в тот, ни на следующий день. Ситуация изменилась, и Гитлер, оставаясь один, нервно покусывал ногти. Каждый вечер ему приходилось выслушивать упреки Евы. Точно к ребенку, усвоившему дурную манеру, она обращалась к нему: «Сегодня ты снова грыз ногти? — Потом добавляла: — Это плохая привычка. Не нужно так нервничать».

Но как не нервничать, если Муссолини чего-то ловчит, увертывается, не подходит к телефону! Макаронщик! Не хочет, видимо, воевать. И вообще ситуация изменилась: в самый последний момент Чемберлен подписал договор с Польшей!

Гитлер позвонил Герингу:

— Я отменил все. Завтра ничего не состоится.

— Это твердо, мой фюрер? — спросил Геринг.

— Да, да! Посмотрим, что будет дальше.— Гитлера раздражало все, даже такие вопросы.— Авиацию не поднимать. Приказ отмените.

Тотчас он вызвал Кейтеля в имперскую канцелярию.

— Наступление отменяется. Остановите войска.

— Но...

— Никаких «но»! Вы слышали, Кейтель?

— Да, мой фюрер.

Это было двадцать пятого августа вечером, когда войска уже получили приказ действовать с наступлением рассвета. Военная машина тронулась с места, и задержать ее было не так-то легко.

Фельдмаршал Кейтель лично сел за полевой телефон, угрожал, требовал и все же остановил двинувшиеся войска. Иные части получили приказ только часа в три утра. Из всей армии в пятьдесят шесть дивизий только один патруль, оторвавшийся от авангарда, перешел границу и завязал перестрелку с поляками. Война не состоялась.

Следующий день колебания продолжались. Гитлер не выходил из кабинета. Что думает Чемберлен? Неужели он всерьез хочет защищать Польшу? Иначе зачем он подписал договор?.. А Муссолини торгуется. Придется кое-что дать. Распорядился вызвать Чиано. Из Рима ответили: министра нет на месте... Черт с ними, придется воевать без итальянцев. Пусть хоть открыто не говорят, что уклоняются от войны. Написал письмо Муссолини. Пришлось быть вежливым, почти просить, хотя все кипело внутри. Эх, если бы можно написать все, что он думает! Цыкнуть бы на своего союзничка! Размазня!..

К вечеру положение начало проясняться. Адмирал Канарис сообщил о донесении тайного агента из Вашингтона. Агенту можно верить — он перехватил шифрованную телеграмму из Лондона. Американский посол Кеннеди передавал в Вашингтон личную просьбу Чемберлена оказать возможное давление на Польшу, чтобы поляки начали переговоры с ним, Гитлером.

— Этого я ждал! Интуиция меня не обманула! Гениально!

Гитлер возбужденно зашагал по кабинету. Состояние мрачной подавленности сменилось буйным взрывом восторга. Он потирал руки, хлопал в ладоши и, останавливаясь, притопывал ногой.

Канарис невозмутимо сидел в кресле и только глазами следил за Гитлером. Его смуглое, худощавое лицо не выражало ничего, кроме почтительного внимания.

— Но это вполне достоверно, Канарис? Этому можно верить? — Гитлер остановился перед начальником военной разведки.

— Да, мой фюрер. Мы располагаем и другими косвенными подтверждениями. Когда в Польше объявили мобилизацию, британский и французский послы в Варшаве рекомендовали не афишировать широко это мероприятие. Значит, они рассчитывают...

— Отлично, адмирал! Я никогда, никогда не забуду вам этой услуги. Информируйте меня через каждый час.

Не простившись, Гитлер вышел из кабинета. Канарис медленно поднялся с кресла и ленивой походкой усталого, расслабленного человека направился к двери.

Поздним вечером он передал новую информацию — в Риме объявлен приказ о затемнении города, с утра начинается мобилизация.

Сообщения радовали Гитлера, подтверждали его прогнозы, но он хотел иметь подтверждения. В запасе была еще одна возможность проверить настроения Лондона. В Берлине несколько дней крутился Далерус, шведский промышленник, дальний родственник

Геринга. Далерус располагал большими связями в деловом мире Лондона.

В полночь Далерус сидел в кабинете Гитлера. Гитлер говорил долго, жаловался на англичан, грозил войной, требовал понимания. В заключение спросил:

— Неужели британский кабинет хочет со мной поссориться из-за Данцига? Это нелепо... Господин Далерус, прошу вас, поезжайте в Лондон, передайте мои последние предложения. Пусть Англия поможет мне получить Данциг, пусть не вмешивается в наш конфликт с Польшей. Взамен я обещаю защищать Британскую империю всеми вооруженными силами рейха. Скажите господину Чемберлену — я предлагаю дружбу... Поверьте, ваша миссия войдет в историю! Можете располагать моим самолетом.

Рано утром Далерус вылетел с Темпельгофского аэродрома и через два часа опустился в Лондоне. Перед посланцем Гитлера раскрылись двери всех кабинетов, там ждали этого визита. В тот же вечер он возвратился в Берлин.

Последующие дни прошли в непрестанных встречах с дипломатами и генералами. Гитлер обрел снова уверенность. Он разгадал хитрую игру Чемберлена. Британский кабинет отдавал Польшу. Ее надо брать. Английский договор с Польшей заключен для отвода глаз. Это главное, что нужно знать. Далерус все еще курсировал между Берлином и Лондоном, но Гитлер больше в нем не нуждался. Наступил четверг тридцать первого августа 1939 года. Дальше нельзя откладывать ни на час — иначе и правда нагрянут поляки для переговоров.

В полдень Гитлер остался один в кабинете новой имперской канцелярии. Он раскрыл настольный блокнот и штабным карандашом написал заголовок приказа:

«Распоряжение № 1 по ведению войны».

Задумавшись, Гитлер принялся обкусывать ногти. Потом, чтобы не потерять мысль, начал быстро писать, сокращая слова:

«После того как исчерпаны все политические возможности для устранения мирным путем нетерпимого для Германии положения на восточной границе, я решился на то, чтобы разрешить этот вопрос силой. Западную границу ни в одном месте на суше не переходить без моего специального разрешения».

Последнюю фразу Гитлер подчеркнул дважды. С англичанами он пока не будет ссориться.

Гитлер докончил приказ, захлопнул блокнот, пододвинул календарь, перевернул страницу и жирной чертой обвел дату — первое сентября 1939 года. Решено! Он ударил карандашом плашмя по столу. В тиши кабинета словно прозвучал первый выстрел.

Гитлер вызвал адъютанта, передал ему текст приказа и распорядился соединить с отделом иностранной разведки.

— Изменений не будет,— сказал он графу фон Шеленбергу.— Приказ подписан. Можете действовать. Обеспечьте фотографов.

Через несколько часов группа солдат, одетых в польскую форму, напала на радиостанцию в Глейвице. В то же время неизвестные диверсанты взорвали мост вблизи Диршау. На рассвете первого сентября в пять часов сорок пять минут германские вооруженные силы по всему фронту перешли польскую границу.

В пятницу и субботу, как и предполагал Гитлер, французы и англичане не предприняли никаких шагов, чтобы поддержать Польшу.

В субботу вечером в гостиной рейхсканцлера собралось небольшое общество. Кроме Евы Браун сидели еще несколько женщин.

— Что я вам говорил! — Гитлер торжествовал.— Читайте «Майн кампф»! Сбываются мои пророчества. Мы становимся господами мира. Не так ли? Мой календарь мы сохраним для истории, в нем я подчеркнул вчерашнюю дату.

На мгновение настроение Гитлера омрачила промелькнувшая мысль: вчера была пятница. Но отбросил суеверную тревогу: не он, судьба понудила его начать войну в этот день.

Весь вечер фюрер был весел: из Польши шли отличные вести.

Но в воскресенье Гитлер немало изумился, когда раздался звонок Риббентропа. Министр иностранных дел передал, что британский посол вручил ультиматум: если сегодня до одиннадцати утра Германия не прекратит боевые действия, Великобритания будет считать себя в состоянии войны с ней.

— А вы бы не принимали посла!

— Я не мог этого сделать, мой фюрер.

Еще через час с таким же ультиматумом прибыл француз Кулондр.

— Так, значит, они все же решили со мной воевать,— в раздумье произнес Гитлер.— Здесь какая-то тайна. Господин фельдмаршал,— обратился он к Кейтелю,— сколько дивизий действует у нас против Польши?

— Пятьдесят шесть, мой фюрер, в том числе девять танковых.

— На западе?

— На западной границе, мой фюрер, осталось до двадцати дивизий.

— Половину из них перебросьте в Польшу.

— Как вы сказали, мой фюрер? — Кейтель изумленно взглянул на Гитлера.— Правильно ли я вас понял? Французы тоже нам объявляют войну. По нашим данным, на западе против нас могут выставить сто десять дивизий, не меньше. При таких условиях...

— Вы меня правильно поняли, фельдмаршал, я повторяю: с запада на восток перебросьте половину дивизий. Ясно? — Гитлер любил ошеломлять присутствующих внезапно смелым решением. Он наслаждался впечатлением, которое произвели его слова.

Гитлер самодовольно посмотрел на Кейтеля, сцепил за спиной руки и качнулся на каблуках.

— Вы только военный, господин Кейтель, а я еще и политик. В этом вся разница. Вы забываете про Америку. Там есть деловые люди, которые поддержат нас. Запад меня не беспокоит. Объявить

войну еще не значит начать ее. Британский и французский кабинеты мне напоминают две перезревшие дыни на грядке, прижатые одна к другой. Поднять с земли их невозможно — они расползутся. Воевать у них нет никакого желания. Поэтому оставьте на западной границе хоть деревенских ночных сторожей, этого будет достаточно... Однако пора идти, меня ждут берлинцы.

IV

День был воскресный, и перед фасадом Новой имперской канцелярии собралось много народа. Официально о предстоящем выступлении Гитлера не объявляли, но многие знали об этом, и слух быстро распространился по городу. К площади стекалась разношерстная толпа обывателей. Эсэсовцы требовали не задерживаться. Люди проходили мимо, задирая головы к балкону: не появится ли там Гитлер? В толпе малькали дамы с карманными собачонками, дородные бюргеры с толстыми сигарами, шоферы стоявших неподалеку машин, самодовольные и нагловатые подростки из гитлерюгенда, такие же девушки из женской организации, похожие на вымуштрованных белокурых ефрейторов в коричневых блузах. Слонялись люди неопределенных профессий. В воскресенье не разберешь, кто они, лавочники или чиновники,— все в котелках, шляпах, с тростями и без тростей. Толпа гудела, переливалась, тянулась к балкону, где должен был появиться Гитлер.

Эрна Кройц оказалась здесь совершенно случайно. После ареста Франца и всей этой истории с гестапо она еще не ездила к тетке и, воспользовавшись воскресным днем, решила побывать у нее на Принц-Альбрехтштрассе. Но, выйдя из подземки, Эрна попала в засосавшую ее толпу и никак не могла из нее выбраться.

В зеленом грубошерстном жакете с синими аппликациями на рукавах и груди, в помятой шляпе неопределенного цвета, низкорослая, Эрна никак не выглядела элегантной в этой бурлящей толпе. Сейчас-то ей уж наверняка можно было дать больше тридцати. Она осунулась, побледнела, губы стали бескровными, а подкрасить забыла — не до того. Эрна сама понимала — сейчас у нее не ахти какой вид. Конечно, шляпку можно бы отпарить и прогладить горячим утюгом, но до этого не доходили руки. Вообще-то шляпка сравнительно новая, они купили ее с Францем весной, но в гестапо вон что с ней получилось.

Эрна всю ночь просидела тогда на жестком диване в каком-то коридоре. Под конец ее так разморило, что не заметила, как заснула. Такая досада! Шляпа, наверно, свалилась во сне, и она всю ее смяла. А гестаповцы подняли Эрну на смех. Но это было после допроса.

На допросе чиновник вел себя довольно вежливо и прилично. Он проявил к ней сочувствие. Только все время допытывался, кто приходил к ним в тот вечер. А что могла сказать Эрна? Она сама ничего не знала, в потемках не могла даже как следует разглядеть его. Эрна так и ответила: если бы она знала, что ей скрывать...

Чиновник обещал помочь быстрее освободить Франца, но при одном условии: Эрна тоже должна пойти навстречу. Если она хоть что-нибудь узнает, пусть немедленно сообщит в гестапо. Вот телефон. Эрна, конечно, согласилась, она сама заинтересована. Тем более если на карту поставлена судьба Франца. Она знает, что Франц ни в чем не виноват.

Когда ей разрешили вернуться домой, Эрна поблагодарила чиновника, сложила записочку с телефоном и отправилась сразу туда, где жил Франц. Там Эрна и поселилась,— родители, особенно отец, не дали бы житья, заметив ее разбухший живот. В общем-то все получилось хуже самого что ни есть плохого...

Эрна пробиралась в толпе, охваченная своими постоянными думами, и вдруг совсем рядом увидела человека с высоким лбом и прямым подбородком. Их разделяло несколько человек — пожилая пара, толстый мужчина и еще какая-то девушка. Эрна сразу узнала его, он тоже увидел ее и отвел глаза. Конечно, это тот самый незнакомец, из-за которого пострадал Франц! Эрна рванулась, что-то крикнула, но в этот момент толпа заревела, качнулась, и молодую женщину в зеленом жакете повлекло в сторону. На балконе появился Гитлер. Кругом Эрны над головами поднимались шляпы, котелки, ими размахивали в воздухе. Эрна видела раскрытые рты, зубы, кадыки, выпирающие из воротников. Ее оглушали крики, но она ни на что не обращала внимания. Эрна старалась протиснуться в ту сторону, где только что видела высокого человека с волнистой шевелюрой и худым лицом. Его лицо еще раз мелькнуло в толпе, но значительно дальше. Потом Эрна совсем потеряла его из виду. Тут людская волна снова подхватила молодую женщину, бросила ее к балкону и остановилась. Начал говорить Гитлер.

Эрна видела Гитлера совсем близко, видела его неистовое лицо, волосы, спадавшие на лоб, короткие усы, разинутый, как и у других, рот и резкие, почти судорожные движения рук. Гитлер что-то выкрикивал, весь изгибался, но Эрна не понимала, до нее не доходил смысл его слов. Она подымалась на носки, поворачивала голову, старалась протиснуться локтями, выбраться из толпы. Это продолжалось до тех пор, пока кто-то не остановил ее неприязненным шепотом, пригрозив, что позовет полицейского.

Своим неистовством Гитлер наэлектризовывал, заражал толпу. Его слова перемежались криками, восторженным ревом, утихавшим и нараставшим вновь. Вдруг, когда на площади наступила относительная тишина, раздался одинокий истошный, визгливый крик женщины:

— Хочу ребенка от фюрера!

Ее крик потонул в гуле толпы. Гитлер закончил речь и, вытянув вперед руку в фашистском приветствии, покинул балкон. Эрна видела эту женщину. Вскинув вверх руки, она будто цеплялась за воздух, чтобы подняться к балкону, как жестяная игрушечная обезьянка на тонком шнурке. Глаза ее горели, и она продолжала истерично кричать:

— Хайль Гитлер! Хочу ребенка от фюрера!.. Хайль Гитлер!

К ее крику присоединились еще несколько женщин. Они будто обезумели. Толпа несколько разредилась, а кликуши все кричали, остановившись под балконом, подпрыгивая и вскакивая на ступени крыльца. Закричала и еще одна, та, что была позади Эрны. Она тоже кричала и уверяла, что хочет ребенка от фюрера. Ее спутник немного растерянно и виновато стоял рядом, но все же не вытерпел, тронул жену за локоть.

— Герда, не пора ли домой нам? Нельзя так все-таки...

Карлу Вилямцеку стало не по себе. Огородник из Панкова преклонялся, обожал фюрера, но, вероятно, не до такого предела, как Герда. Это через неделю-то после свадьбы! Герда ответила:

— Ах, Карлхен, ты ничего не понимаешь... Фюрер — мое божество!

Толпа поредела. Эрна все еще искала глазами незнакомца с высоким лбом, но его нигде не было.

Супруги Вилямцек вернулись в Панков. Эрна отправилась к тетке на Принц-Альбрехтштрассе. Вечером, около десяти часов, с Ангальтского вокзала Гитлер специальным поездом выехал из Берлина. Война шла третьи сутки, и он решил, что лучше быть на месте решающих событий. В столице его ничто не удерживало: не могут же французы и англичане объявить войну дважды!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

I

В дивизию Андрей приехал на попутной машине, груженной снарядами. В политотделе он никого не застал — все разъехались в части. Спросил о письмах,— нет, не было. Писарь ответил:

— Пишут, товарищ старший политрук...

По дороге решил зайти к комдиву, просто так — давно не виделись. Уже смеркалось, когда он подошел к его землянке. У входа, притопывая на морозе, стоял часовой. Кругом вперемежку с высокими соснами поднимались густые, мохнатые ели, запорошенные снегом. Андрей спустился по скользким, заледеневшим ступенькам и отворил дощатую дверь, прикрытую изнутри плащ-палаткой. В полушубке, он едва протиснулся в узкий проход, зацепившись планшетом за грубо отесанный дверной косяк.

В землянке под потолком горела крохотная электрическая лампочка от автомобильной фары. Провода тянулись от нее вдоль стены к смолисто-черному ящику аккумулятора. Рядом с ящиком у телефонного аппарата примостился связист. С другой стороны двери стояла печка, сделанная из железной бочки. Дрова горели ярко, и на раскаленном докрасна днище кипел чайник. На Андрея приятно пахнуло теплом. Стальная каска, металлическая пряжка ремня, карабин и полевая сумка Андрея мгновенно покрылись матовым серебром инея.

Комдив сидел за столом в гимнастерке с расстегнутым воротом, в носках, поджав под себя ноги, на стареньком деревянном стуле, привезенном еще с зимних квартир из-под Ленинграда. Он играл в шахматы с незнакомым майором.

Командир дивизии был худощав, с остренькими, выпиравшими скулами, резкий в движениях. В штабе округа считали его человеком с причудами, любившим поспорить. С начальством держал он себя независимо, и, возможно, поэтому во фронте его кое-кто недолюбливал. Комдива упрекали в том, что он панибратски ведет себя с подчиненными. Но Андрей не разделял этого мнения. В дивизии любили полковника за справедливую прямоту.

— А я схожу таким вот манером. Нравится?

Комдив повернул голову, узнал Андрея, приветливо улыбнулся и ворчливо сказал:

— Ну вот, приехал! Знаешь, какой ты по счету? Седьмой. Из штаба фронта все прибыли, корреспонденты наехали, авиация целый день летает. Значит, быть переполоху — у меня примета верная. Иль наступление готовится, а?.. Имей в виду, ночевать у нас негде.

— Да я к вам ненадолго, Степан Петрович. Мне в полк надо.

— То-то ж! Раздевайся тогда, пить чай будем. Холодно?

— Да, сорок два, говорят.— Андрей поздоровался.— А примета у вас в самом деле верная.

— Что ты говоришь! Ай-яй-яй! Смотри ты, а я вот в шахматишки играю...

Комдив изобразил на лице наивное изумление.

— Дружин,— сказал он связисту,— добеги-ка до начальника штаба, скажи — полковник зовет. Быстро...

— Я, товарищ полковник, по телефону сейчас.

— Не по телефону, а сам. Понял? Пробегись по морозцу. И посиди пока там. Понадобишься — вызову. Ступай! Чтобы одна нога здесь, другая там...

Связист нахлобучил треух и вышел. Он казался толстым и неуклюжим в шинели, натянутой поверх телогрейки. На спине складки шинели разошлись в стороны. Комдив проводил глазами связиста.

— Холодно... Смотри, закутался. Как завтра воевать будем?! Сорок два, говоришь? К ночи, значит, до сорока пяти упадет... Тяжело он дается нам, этот перешеек, будь он проклят! Как твое просвещенное мнение?

— Да ведь надо, Степан Петрович.— Андрей расстегнул пряжку, снял полушубок.

— А я говорю, что не надо? Сам знаю, небось в Ленинграде живу. Рукой подать. Что называется — под дулами орудий живем.

Майор в авиационной форме оторвался от шахмат.

— Сдаюсь, Степан Петрович! Признаю,— он положил на доску своего короля.

— То-то ж! Со мной не садись, когда я злой.— Комдив сдвинул фигуры рукой.— Это тебе не авиацией в туман управлять. Тут думать надо... Слышишь, Воронцов,— обратился он к Андрею,— приехал вот авиацию координировать, а сам говорит — самолеты летать не смогут, видимости нет. На кой же леший ты мне нужен, такой координатор! Скажи, пожалуйста...

— Да, прогнозы неважные. Но ведь противник в таком же положении, товарищ полковник, для них погода тоже нелетная.

Комдив вдруг обозлился, нахмурил брови:

— Спасибо, утешил! А вот и не в таком они положении: линию Маннергейма кому прорывать — мне или финнам? Мне. Они в дотах сидят, да в каких! Немецкие фортификаторы строили. А мои бойцы против них в норах, в таких вот,— комдив показал,— голову спрячешь — зад наружи. Вот и воюй, прорывай! А морозы какие! Мне из Рязани брат пишет, боятся — сады вымерзнут. Дерево за-

мерзает, а человек что? Видел, солдаты как одеваются: ватник на ватник да шинель сверху. Солдату в движениях простор нужен. Так что ты, батенька мой, с противником нас не равняй... Да к тому же сколько у них самолетов? Сам говорил, полтораста. А у нас тысячи будут простаивать. Кому же туман выгоден? Вот, то-то!.. Чай наливайте сами.

— Все это верно, товарищ полковник, но не совсем.— Майор начал собирать шахматы.— Насчет финской авиации вы ошибаетесь. Верно, конечно, что у них сто пятьдесят, от силы двести боевых самолетов, да и те чужие. Французские там, английские, на днях итальянский сбили, как раз на вашем участке, под Бобошином. Не забывайте другое: финны за последнее время больше сорока аэродромов настроили. Сорок аэродромов! Зачем, спрашивается? Если у них нет своей авиации, значит, для кого-то готовят, кому-то хотят внаем сдавать. Тем же французам и англичанам, может быть немцам.

— Да что ты, майор, мне политграмоту читаешь! — прервал комдив.— Это мне больше тебя известно. Добавить могу: Маннергейму американцы заем дали — воюйте, мол, с русскими, а мы поддержим. Два с половиной миллиарда марок! Это не шутка, половина финского годового бюджета... От таких займов у меня люди гибнут. Спроси его,— комдив ткнул пальцем на Андрея,— он сапером был, знает. Скажи, Воронцов, сколько на переднем крае мин вытащил?

— Порядочно. Процентов семьдесят мин английские.

— Вот! Их на американские доллары везут. И танки, и пушки... А ты споришь.

— Я как раз об этом и говорю.

— А я не об этом. Кому не ясно, что финнов в эту войну втравили! Всем ясно. И то, что безопасность Ленинграда надо обеспечивать, тоже ясно. Яснее, чем вам. Я, батенька мой, в гражданскую у Буденного Семена Михайловича конником был, малограмотным парнем, а в толк еще тогда взял, что такое Антанта. Вы про это в политкружках учили, а я на собственной шкуре испытал, что такое нашествие четырнадцати государств. Как это тогда пели: «Мундир английский, погон французский...» Сейчас вспоминать приходится про эти мундиры. Когда Маннергейм торгует плацдармами и находятся охотники арендовать их, значит, дело серьезное, значит, надо глубже глядеть в корень. И я вот гляжу, говорю, что драться надо, хоть и трудно. Не мне — солдатам. Мы с вами в землянке сидим, чаек попиваем, а пехота животом снег оттаивает. Обжились мы здесь, вон она, травка-то, пробивается,— комдив показал на бледно-зеленый стебелек, пробившийся между тесовой обшивкой.— Посидим еще — козы смогут в штабных землянках пастись. Два месяца на одном месте толчемся. Прорывать укрепрайон надо, вот что! Весна придет — что будем делать? В озерах купаться? А он мне — погода нелетная.

— Теперь ждать недолго,— возразил Андрей. Он взял со стола кружку, налил из чайника чаю и с наслаждением отхлебывал,

обжигая губы.— Завтра начнем. Приказ когда получили, Степан Петрович?

— Вовремя. Я вчера о нем на военном совете узнал. Пакет сегодня пришел.

Комдив медленно остывал. Андрей так и не понял, против чего возражал он майору. Оба сходились на том, что белофиннов подзуживают, помогают им с Запада. Что касается барона Маннергейма, дворцового генерала из свиты последнего царя Романова, то он еще с революции затаил злобу на Советскую власть. В этом тоже сходились оба. Скорее всего комдиву нужна была внутренняя разрядка, потому и заспорил. Вероятно, и в шахматы играл для того же — чтобы отвлечься, рассеяться.

Комдив пользовался еще одним излюбленным средством — пил крепкий чай. Заваривал он в чайник сразу полпачки и наливал в кружку чай, крепкий, как деготь. Полковник уверял, что для бессонной ночи достаточно трех стаканов — усталость снимает начисто.

Андрей месяца полтора назад ушел из дивизии, как раз вскоре как взяли Бобошино и застряли перед линией Маннергейма. Служил он комиссаром саперного батальона. Только сжился, освоился — и на тебе, взяли инструктором в политотдел корпуса. Однако дивизию Воронцов по-прежнему считал своей, и в дивизии его считали своим, но убывшим вроде как в длительную командировку.

Вскоре зашел начальник штаба. Андрей допил чай, отогрелся и стал собираться.

— Так, значит, в полк, к Могутному? — спросил комдив.

— Да, в третьем батальоне и заночую.

— Знаю, знаю, дружок там. А завтра на КП полка будешь? Там встретимся. Ох и представителей набирается, хоть пруд пруди! Ну, скажи мне на милость: делать, что ли, вам нечего?

— То есть как?

— А вот так. Из корпуса ты приехал? Раз.— Комдив заложил на руке палец.

— Не только я, во все полки людей послали.

— Тем более. Из политотдела армии двоих прислали. Два. Из штаба округа есть? Есть. Это три... Ты посмотри, что завтра у меня на НП дивизии будет твориться,— либо боем управлять, либо представителей принимать. Я уж заранее знаю, что скажут: у тебя, мол, направление главного удара, политическое обеспечение надо проводить. В чем? Чтобы на КП сидеть, фактики собирать для донесения? Донесения все писать мастаки. Особенно когда успех. Нет, раз ты политработник, к солдатам иди. Поживи с ними, за душу их возьми. Растолкуй, за что кровь проливать надо, за что, может, смерть придется принять... Так я говорю? Ты мне прямо скажи, не для рапорта!

— Ну, так не все ж такие, не все на НП отсиживаются.

— Ты на свой счет, Воронцов, не принимай. Про своих политотдельцев тоже не говорю. Они у нас иной раз где и не надо лазят.

В ротах живут. А вот представители ваши — вроде свадебных генералов. Отсидел положенное — и назад.

Андрей стоял уже одетый и затягивал поясной ремень. Спорить ему не хотелось. Он сказал:

— Глянуть со стороны — выйдет, что недолюбливаете вы нашего брата политработника... Ну, я пошел. Спасибо за чай!

— Ты не мели чего не надо! — Комдив начал снова сердиться.— Я сам коммунист. А на войне без дела сидеть нечего... Ты связного возьми, у нас поодиночке не ходят.

— Да нет, дорогу знаю, пройду.

— Не спорь, приказ есть. Ближе к роще Фигурной «кукушки» пошаливают. Вечером ничего, но все-таки...

Связной оказался из того батальона, в который Андрей собирался идти ночевать. Боец шел ходко, и Воронцов едва поспевал за ним. Краем лесочка вышли к болоту, свернули к артиллерийским позициям и снова пошли вдоль болота. Впереди, на финской стороне, к небу взмывали ракеты и медленно опускались вниз.

— Вишь, фонарей навешали. Боязно, знать, финнам-то...

Связной шел всю дорогу молча и только сейчас решил вступить в разговор.

В бледном свете ракет, похожем на лунный, но усиленном во много крат, открывалась унылая низменность, покрытая редким кустарником. Когда в небе загорелись сразу две ракеты и осветили местность, связной приостановился и пошел рядом с Андреем.

— Обождем, может, товарищ командир? Днем-то здесь из болота «кукушки» постреливают...— Боец испытующе посмотрел на Андрея, не сдрейфит ли его спутник.

Андрей понял.

— А ты как думаешь? — спросил он.

— Да мы-то что, привышные!

— Тогда пойдем, здесь уже недалеко.

Боец поправил на плече винтовку и снова зашагал впереди.

Спустя несколько минут он спросил:

— Стало быть, бывали у нас, товарищ командир? А то в новинку-то боязно как-никак...

— Бывал. Комбат на старом месте живет?

— Там же в блиндажах и живем. Хоть обогреться есть где.

Связной говорил уже доверительным тоном, удовлетворенно поняв солдатским чутьем, что рядом с ним идет человек бывалый.

— Гляжу я, товарищ командир,— чудная здесь сторона. Морозы-то эва какие стоят, а болота гнилые, не стынут... Разведчики прибредут мокрущие все. Одежа колом на них, как в панцирях.

— А ты, видно, с Псковщины? Из каких мест?

— Точно, товарищ командир,— боец оживился,— из-под Новгорода, приильменские мы. Как это вы угадали?

Андрей усмехнулся.

— Раз «эва» говоришь, значит, псковской, скобарь.

— И то правильно, скобарями нас прозывают, по-старому если... А вы, товарищ командир, в каком же звании будете?

— Старший политрук я.

— Так, так! — уважительно проговорил связной.

Он хотел спросить что-то еще, но на тропинке выросла фигура часового.

— Стой. Кто идет? — вполголоса окликнул он.

— Свои!

— Пропуск!

— Граната! — Связной произнес это совсем тихо, почти шепотом.

— Проходи...

Андрей с бойцом пересекли линию надолб, торчащих из-под снега острыми полуметровыми зубьями. Спустились в обледенелый противотанковый ров.

— Эва нагородили чего... А что, товарищ старший политрук, линия Маннергейма, говорят, еще потяжéле будет?

Андрей не успел ответить. За поворотом они почти столкнулись в потемках с двумя бойцами. Один из них выругался. Связной обиделся.

— Чего лаешься? Прешь как угорелый! Кто это? — Новая ракета осветила ров.— Тихон Василич, ты, што ль?

— А кто же? С кем вы?

— Старшего политрука сопровождаю, к нашему комбату идут.

Бойцы подтянулись. Тот, что выругался, пристально посмотрел на Андрея.

— Да никак товарищ комиссар к нам! Извините нас, сорвалось... В потемках ничего не видать... Вот капитан обрадуется, давненько не бывали у нас!

Боец засуетился. Андрей узнал в нем Тихона Васильевича, выполнявшего у Николая обязанности ординарца.

— Пожалуйте, пожалуйте! — приглашал он.— Не оступитесь здесь.

Ступеньками, вырубленными в откосе противотанкового вала, поднялись наверх. Впереди мелькнул и вместе с погасшей ракетой исчез перелесок.

— А ты ступай, ступай себе, мы товарища комиссара сами проводим.

Связной остановился как бы в раздумье.

— Разрешите, товарищ старший политрук? Я бы прямо на КП полка и махнул... Вам тут близенько...

— Ступай, ступай! Мы теперь с Тихоном Васильевичем доберемся.

— Доброго здоровья вам, счастливо оставаться! — Потом связной перешел на официальный язык и сказал по-уставному: — Разрешите идти, товарищ старший политрук?

Он повернулся и зашагал обратно к надолбам. Остальные пошли прямо, теперь уже к недалекому перелеску.

Капитан Занин сидел в блиндаже у огня и отогревал закоченевшие руки. Блиндаж был большой, круглый, прикрытый в четыре наката толстенными стволами сосен. Сверху финны навалили еще груду дикого камня. Комбат только пришел из траншей — проверял посты. Всех, кого только возможно, приказал отвести в блиндажи, чтобы люди могли в тепле отдохнуть перед боем. Солдаты укладывались вповалку на лапнике, прикрытом плащ-палатками. Иные уже спали, подняв воротники и нахлобучив шапки; другие что-то перебирали в вещевых мешках; двое писали письма. Они иногда останавливались, устремляли на огонь невидящие глаза. Сидели задумавшись, потом, очнувшись, принимались выводить карандашом строчку за строчкой. Видно, мысли их витали где-то далеко-далеко...

Тихон Васильевич пропустил Андрея вперед.

— К вам, товарищ капитан. Гостя привел,— предупредил он капитана.

Николай заслонил рукой свет от печки, но сразу не мог разглядеть. Андрея узнал, когда тот подошел совсем близко.

— Андрей! Вот здорово! Какими судьбами? — Занин вскочил и стиснул приятеля в объятиях.— Надолго?

— До утра. К вам в полк прислали. Завтра с утра на НП надо быть.

— Ну вот и хорошо! Завтра денек будет горячий.

— Товарищ капитан,— вмешался Тихон Васильевич,— может, к себе в блиндаж пойдете? Я туда и чайку принесу.

— Чайку — это мало. Покрепче ничего нет?

— Как так нет! Ворошиловский паек имеем. Старшина без вас принес. Климент Ефремыч нас не забывает...

— Тогда пошли. И товарищам мешать не будем,— Николай кивнул на солдат, писавших у огня.— Только на минутку по блиндажам пройду. Ты, Андрей, иди пока грейся. Тихон Васильевич проводит.

— Товарищ капитан, а вы тоже идите. Я и не доложил вам — товарищ политрук наказывал, как капитан придет, пусть, мол, отдыхает. А он по блиндажам сам пошел.

— Ну, так, то так! Пошли, старина! Соскучился я без тебя. Правду говорят, друзей в детстве да на войне находят.— Занин снова стиснул плечи Андрея.

— Уйди, медведь! Тебе только пушки ворочать. Чего ты такую специальность выбрал: то архитектор, то пехотинец...

Николай захохотал. Смех у него был задорный, какой-то особенно веселый и заразительный.

— Ну как, получил наконец весточку? Пишет Зина-то? А ты горевал!

Приятели вошли в блиндаж. Николай шел первым и не заметил, как Андрей, вздохнув, помрачнел.

— Нет, до сих пор ничего нет. Вот уж месяц. И адрес новый послал — опять ничего...

Николай погасил улыбку.

— Ты меня извини, Андрей, невпопад я спросил, как биндюжник. Не понимаю твоей Зинаиды. Что она думает?

— Честно говоря, за тем и пришел к тебе. Сначала хотел в штабе заночевать. Больно уж на душе муторно. Хоть поговорить с кем!

— Вот за это спасибо! Раздевайся. Ночь впереди длинная.

Андрей закоченевшими пальцами отстегнул крючки полушубка, только верхний никак не поддавался.

— Дай-ка я, товарищ комиссар,— Тихон Васильевич успел сбегать за кипятком и, поставив чайник, ловко отстегнул крючок.

— Спасибо, Тихон Васильевич. Ну, как поживаешь?

— А так, помаленечку. Куда Николай Гаврилович, туда и я...

— Он у меня сердитый, Андрей. При тебе только не ворчит. Иначе досталось бы мне, что не обедал сегодня.

— Да ведь как же, товарищ комиссар, я не погляжу — кто и посмотрит? Вера Константиновна от нас далече. А вам я скажу — не жалкуйте без писем. Придет. Беспременно. Не сегодня, так завтра аккурат и будет. Может, на полевой почте где завалялось. Дело военное... Вы вот сюда садитесь, поте́пле здесь...

Он продолжал говорить, ни на минуту не оставаясь без дела. Голос у него был спокойный, ласковый. Тихон Васильевич достал полотенце, постелил на столе вместо скатерти. Из рюкзака достал консервы, ловко вскрыл их ножом с цветной рукояткой из плексигласа. Нарезал шпиг, поставил баночку масла, высыпал печенье, полученное по доппайку, и все приготовления завершил тем, что торжественно водрузил на стол солдатскую флягу с водкой.

— Вот теперь будто и все,— осмотрев стол, сказал он.— Чайку-то сами нальете, а я добегу, тут недалече.

Тихон Васильевич поправил начавший чадить светильник, сделанный из гильзы зенитного снаряда, вытер полой шинели руки, запачканные маслянистой сажей, и вышел из блиндажа.

— Дипломатничает,— сказал Николай.— Думаешь, у него дело есть? Ушел, чтобы нам не мешать. Изумительный человек! Сколько у него внутреннего такта... Ну, а ты не грусти, брось! — Занин подошел к Андрею, положил на плечо руку.— Знаешь пословицу: «Перемелется — мука будет»... Давай выпьем.

Он взял алюминиевую флягу, обтянутую, будто войлоком, суконным чехлом, налил в кружки.

На Андрея повеяло теплом, уютом, хотя блиндаж никак уж нельзя было назвать уютным. Повеяло как раз тем, в чем особенно нуждался он в последнее время,— дружеской заботой, вниманием.

II

Каждое утро — с переходом в корпус ему удавалось теперь спать ночью — Андрей просыпался с мучительной, угнетающей мыслью: неужели и сегодня не будет письма? Иногда ему начинало казаться, что ждет он уже не письма, а только возможности избавиться от нудных раздумий, ревнивой неизвестности, тревоги, вызываемой отсутствием писем. Только письмо, какое бы то ни было, могло вы-

вести из того состояния, с которым он боролся и которое не мог победить.

Последний раз Андрей получил письмо вскоре после Нового года. Тогда Зина тоже не писала около месяца. Не вытерпев, он сам пошел на полевую почту. Она поместилась в обгорелой баньке на задворках финской деревни, где и уцелели-то одна эта банька да несколько сараев. За столом сидел небритый незнакомый почтовик в полувоенной форме и штемпелевал недоставленные новогодние телеграммы. Перед ним лежала их целая стопка — с поздравлениями, словами привета, поцелуями, пожеланием счастья. На каждую телеграмму почтовик ставил штамп, придавливая его двумя руками, чтобы было яснее. Андрей прочитал фиолетовый оттиск: «Адресат выбыл. Отправление не доставлено».

Адресат выбыл... Это раненые и убитые. У Андрея мелькнула горькая мысль: «Об этих кто-то заботится, не то что обо мне...»

Почтовик, неторопливо штамповавший телеграммы, сказал, что почта была, но еще не разобрана. Может, разберут к вечеру. Он снова принялся за работу — шлеп, шлеп... Сначала одной рукой прижимал штамп к суконке, пропитанной мастикой, потом двумя к телеграмме. Он точно находил какое-то удовлетворение в своей педантичной аккуратности. Андрею стало не по себе. Сколько трагедий, слез, горя принесут эти мрачные, траурные отпечатки!

Андрей вышел. Значит, снова надо ждать вечера. Тоска! Около баньки он встретил своего письмоносца, веселого, разбитного дядьку, прозванного «архангелом Гавриилом» за добрые вести, которые ежедневно приносил он в брезентовой сумке.

Письмоносец взялся проверить почту. Андрей ждал на морозе. Вскоре письмоносец вышел, сияющий и довольный, с конвертом в руке.

— У меня рука счастливая, товарищ старший политрук! Получайте!

Андрей распечатал письмо и начал читать, медленно шагая и останавливаясь на дороге. Письмо было кратким и каким-то тревожным, будто Зина писала его в непонятном Андрею смятении.

Впрочем, особенного в письме ничего не было. Извинялась, что не могла вовремя послать новогоднюю телеграмму,— очень много работы. Писала о новостях. А в самом конце две строчки были зачеркнуты. Потом шла фраза: «Люблю тебя, что бы со мной ни случилось». На этом письмо обрывалось.

Конечно, Андрея интересовали больше всего две тщательно замаранные строчки. Что хотела и не решилась написать Зина? Он попробовал разобрать, поднял письмо на свет, но прочитать не мог. А последняя фраза так и стоит в голове до сих пор. Что она может значить? «Люблю тебя, что бы со мной ни случилось». Что может случиться? О чем это?..

Николай вывел приятеля из раздумья:

— Брось, говорю, думать! Выпьем!

Друзья чокнулись кружками.

— За что?

— Давай за дружбу, Андрей.

— Хорошо. И еще за верность близких людей.

— Ладно...

Оба выпили, опорожнив кружки. Занин мотнул головой, фыркнул, комично скривил физиономию, взял кусок сала.

— Как только ее пьют...

Андрей выпил не морщась. Закусывать сразу не стал, а потянулся за финским ножом, висевшим на поясе. Он положил им на хлеб консервы и неторопливо начал есть.

— А помнишь, Николай, как мы с тобой познакомились? Как раз с этой вот самой фразы. Помнишь?

— Ну да, ты меня в потемках угощал водкой — застыл я на морозе, потом разговорились. Понимаешь, я утром просыпаюсь, гляжу — с кем же я полночи откровенничал? Не узнаю — в блиндаже спит человек двадцать. Потом смотрю, какой-то старший политрук тоже ко всем приглядывается. Ну, думаю, тот самый...

— Ну да, печка тогда погасла, все спят, темень, а мы говорим. Я тебя утром по голосу узнал. Хорошо мы тогда с тобой поговорили...

С той ночи и началась их дружба. Было это в самый что ни на есть первый день войны. Прибыли в распоряжение штаба Ленинградского округа, а штаб уже выехал из города куда-то за Черную Речку. Остались одни писаря. Пришлось ехать разыскивать отдел кадров. Добирались сначала на трамвае, потом автобусом и немного на попутной машине. Каждый добирался по-своему, а на месте собрали всех вместе, назвали резервом и послали ночевать в длинный блиндаж, похожий на овощехранилище.

В ночном разговоре выяснилось, что оба в один год кончили институты: Николай — архитектурный, а Воронцов — машиностроительный. Вскоре в счет парттысячи пришли в армию: Андрей — из Сибири, где он уже начал работать, а Николай — из Москвы. Ему только что предложили поступить в аспирантуру, и не пришлось.

Николай рассказывал, что только в прошлом году женился, теперь у них дочка Маринка. Вера, жена его, замечательный человек и очень красива. Николай пожалел, что нет света, показал бы ее фотографию. Она любит его и каждый день почти пишет письма. Жаль, что приходится жить врозь.

После Андрей видел фотографию Веры. Она не показалась ему такой уж красивой. Зина куда интереснее. Николаю ничего не сказал. Раз она кажется ему красивой, пусть так и будет.

Той ночью Андрей сначала был сдержан, охотно слушал в темноте незнакомого собеседника. Ему нравились его располагающая общительность, восторженная влюбленность, с которой говорил тот о жене, дочке. Потом Андрей разговорился и сам. Сказал, что тоже любит, но еще не женился. С Зиной обо всем они договорились. Загс — простая формальность. Зина весной окончила медицинский институт, но еще не уехала на работу. Если бы не война, как раз

был бы у него сейчас отпуск. Они собирались провести его вместе. Тогда он и усыновил бы Вовку. Ведь у Зины есть сын...

О том, что Зина пишет редко и неаккуратно, Андрей тогда не сказал. Он испытывал почти зависть к новому приятелю. Все у него так хорошо и просто. Андрею не хотелось признаваться в своих огорчениях: незачем выворачивать себя наизнанку.

О переживаниях друга Николай узнал позже, когда оба получили назначение в одну дивизию. Они частенько встречались — саперы действовали вместе с полком, где комбатом стал Николай Занин. Вместе лазили ночами по переднему краю, разведывали укрепления противника, рвали надолбы, делали проходы, а под утро возвращались усталые, и Андрей нередко оставался в расположении батальона. Комиссара здесь отлично все знали.

С тех пор как Андрея отозвали в политотдел корпуса, он не бывал у Занина. Как-то так получалось, что ездить приходилось в другие части. Только предстоящее наступление свело товарищей на несколько часов вместе. И вот сидели они, как прежде, будто и не расставаясь, оба довольные и такие близкие, что сейчас просто не могло быть между ними никакой тайны. В блиндаж доносилась время от времени пулеметная стрельба,— комдив приказал ночью проводить обычный поиск разведчиков, чтобы противник не заподозрил неладного в наступившей тишине.

Флягу опорожнили в два приема. Николай подавил ее ручищами, будто выжимая последние капли, предложил еще — у Тихона Васильевича есть в запасе. Андрей отказался — завтра тяжелый день. За весь вечер они только раз, да и то стороной, вспомнили о предстоящем бое. Не сговариваясь, оба исключили из разговора завтрашний день. Черт его знает, как там получится. На войне всякое бывает, лучше не думать...

Но думалось это само. Предстоящий бой как бы присутствовал в разговоре, создавал особое настроение, вызывал чувство еще большей близости.

— Знаешь, Андрей,— начал Занин и быстро убрал со стола флягу: ему показалось, будто кто-то идет в блиндаж,— странная у людей натура. Вот мы с тобой, кажется, друзья — дальше некуда. А по-дружески я должен бы взять да и написать твоей Зинаиде: так, мол, и так, мешаешь ты воевать нашему брату.

— Этого еще не хватало!

— Нет, ты послушай. Мы с тобой можем говорить просто, понимаем, что такое война, какого напряжения требует она от человека. Ну, а если к этому напряжению добавляется что-то еще, ненужное и бессмысленное, вроде твоих переживаний...

Андрей перебил Занина:

— Что же, по-твоему, выходит, я не могу и переживать? Раз политработник, значит, и не ревновать, не страдать, не думать ни о чем, кроме надолб и морально-политического состояния вверенной тебе части... Я умышленно говорю таким военно-бюрократическим языком, но душа-то у нас другая.

— Об этом я и хочу тебе сказать. У нас говорят: все для фрон-

та. Правильно. А что значит — всё? Боеприпасы, харчи, сто граммов водки на сутки, доппаек офицерам? Разве это все? А душевное спокойствие солдата мы сбрасываем со счетов? Зина твоя должна понимать это или нет?

— Может быть, ты прав. Я думаю о другом. Как можно так... Знаешь, Николай,— Воронцов взял друга за локоть,— я иной раз думаю: пусть бы меня хоть ранило, пусть об этом дошло бы до Зины, тогда она, может, стала бы чаще писать. Вот я...— Андрей вспомнил недоставленные телеграммы, хотел рассказать.

Николай перебил его:

— Ну и дурак! С такими мыслями только в бой идти! Вот разозлюсь и накатаю я твоей Зиночке... Скажи, ты сильно ее любишь?

— Я уж и сам не знаю... Я тебе никогда не говорил об одном. Сейчас скажу, раз зашло... Видишь ли, кончал я институт в тридцать шестом году, защитил диплом и поехал на юг. Месяца полтора пробыл в Крыму. Ну вот, познакомился там с одной девушкой. Звали ее Ингой. Красивая и какая-то совсем особенная, даже по лицу. Глаза скорбные, грустные,— тоска, что ли, в них, не знаю,— а рот немного насмешливый. Отец ее шуцбундовец был, из Австрии к нам эмигрировал. Она с ним приехала. Санаторий МОПРа был с нами рядом, вот и познакомились. Инга просто влюблена была в Советский Союз. Может быть, из-за этого и полюбила меня.

— Подожди! К чему это ты? Я что-то не улавливаю твоей мысли...

— Не торопись. Я как раз и отвечаю на твой вопрос. Знакомы мы были недели три. Я уехал на «Уралмаш» работать — вызвали телеграммой,— а она поехала к отцу, кажется, в Швейцарию. Вот и все. Иногда мне кажется, что Зинаида чем-то на нее похожа. Может, поэтому и люблю ее. Понимаешь, какую чепуху я горожу... А Зину люблю... Но Инга не стала бы так поступать. Разные они. Эта не знает сегодня, что сделает завтра... Знаешь что, Николай, почитай мне какое-нибудь письмо от Веры.

— Пожалуйста! Хотя бы последнее, позавчера получил.— Николай потянулся за полевой сумкой, отстегнул ремень и вынул пачку писем.— Если тебе интересно....

Занин начал читать. Лицо его осветилось, стало добрым и мягким. Читал он о милых пустяках, которыми изобилуют письма женщин,— о том, что у Маринки режутся зубки и она тянет все в рот, о том, что скучает и посылает привет Тихону Васильевичу.

Андрей слушал задумчиво, и отошедшая было грусть снова стала овладевать им.

— Ну как,— спросил Николай,— удовлетворен?

— Да. Я сейчас думал, Николай: почему ты всегда веселый? Теперь понял. С такими письмами воевать легче.

— Ну, опять за свое! Я говорю тебе — доппаек спокойствия получаю. Давай лучше чай пить. Кажется, мой телохранитель идет. Вера только так и называет его.

Тихон Васильевич вошел и сразу к печке.

— Чаек-то не остыл? — Он прислонил ладони к чайнику.— Так и знал! И печка потухла. Беда мне с вами!

Ординарец встал на колени, пригнул голову к топке и начал раздувать тлеющие угли. Сначала вспыхнул робкий огонек, потом пламя захватило несгоревшие головешки. Андрей спросил:

— Тихон Васильевич, а тебе из дому часто пишут?

Ординарец поднялся, упираясь руками в колени.

— Как вам сказать... Поклоны шлет, а сама раньше покрова вряд ли напишет...

Тихон Васильевич говорил это шутливо, и его лицо, густо испещренное оспинами, озарилось лукаво-добродушной улыбкой.

— Почему же до покрова?

— А так, товарищ комиссар, к покрову дню у нас скот во дворы загоняют, пастухи восвояси уходят. Ну, бабам-то балясничать больше и не с кем. Глядишь, про своих мужиков и вспомнят...

— Но покров, кажется, давно уж прошел. А что же жена?

— Да вот я и говорю — поклоны шлет. Дочка пишет, а она кланяется в каждом письме. Может, теперь ка́тали пришли, которые валенки катают... Из нашей округи мужики испокон веков на заработки ходят. У каждой деревни своя профессия — которые печниками, кто по плотницкому делу. Бессоновка, к примеру, официантов в Москву поставляет, а из нашей деревни больше все банщики. Я сам года три в Чернышовских банях служил,— знаете, может быть, у Никитских ворот... Так мы уж опытные: раз ка́тали либо пастухи в деревне, писем не жди, не до того бабам... А потом, конечно, все облагообразится.

В блиндаж зашел политрук Силкин, и разговор прекратился.

— Ну, кажется, все в порядке,— сказал он простуженным голосом.— Теперь надо разведчиков ждать.

Николай посмотрел на часы.

— Да, что-то задерживаются. Может, сходить нам в первую роту?

— Звонил я туда — не возвращались. Впрочем, дойдем, проверим еще раз посты. Я завтра с первой ротой пойду.

Комбат накинул полушубок с зеленым брезентовым верхом, набросил на шею тесемки рукавиц, сунул за пазуху пистолет.

— Ну, мы пошли, Андрей. Укладывайся пока спать.

Воронцов собирался последовать совету Николая, но вдруг передумал — не хотелось оставаться одному со своими мыслями.

— Я тоже с вами.

Вышли втроем. Едва различимые стволы высоких деревьев исчезали где-то во мраке неба, просветленного вспышками ракет. Сюда, в глушь леса, доходил только отраженный и призрачный свет. В этих недалеких всполохах обрисовывались холмики блиндажей, обледенелые, прикрытые снежными шапками валуны, тропка к передовой. На опушке около большого валуна спрыгнули в ход сообщения и гуськом пошли, слегка пригибая головы.

Стрельба стала тише, и лишь на правом фланге вместе с треском

пулеметных очередей над застывшей землей перекрещивались огненные пунктирные дуги трассирующих пуль.

С разведчиками встретились в траншеях. Они только что переползли через бруствер и сидели на дне траншеи, затягиваясь жадно цигарками. Добыть «языка» не удалось, но к доту подползали почти вплотную, разведчиков обстреляли только на обратном пути. Старые данные подтверждались — на высоте 65,5 сооружен наиболее мощный узел сопротивления. Завтра его предстояло брать.

III

Обратно возвратились за полночь и сразу же легли спать. Утром, проснувшись, Андрей не нашел ни Николая, ни Силкина. Разбудил его Тихон Васильевич, грохнувший невзначай чайником о железную печку.

— Экий безрукий! — обругал он шепотом самого себя, но, заметив, что Воронцов проснулся, громко сказал: — Николай Гаврилович наказал передать, что они в роту пошли, чтоб не ждали. А я вас сведу на НП, приберусь и тоже к нему пойду. Вставайте завтракать.

Андрей испуганно посмотрел на часы. Было начало девятого.

— Как же это я проспал! Нет уж, пойдем без завтрака, вот только умоюсь.

— Снежку принести аль водички?

— Снегом... Я сам.

Андрей выскочил из блиндажа. Его обожгло холодом. Наступал серый, туманный день. Забравшись по колено в сугроб, Андрей сгреб наст и, набрав полную пригоршню жесткого, рассыпчатого, как пересохшая соль, снега, швырнул его себе в лицо и принялся растирать щеки.

В теплый блиндаж вбежал посвежевший и мокрый. Тихон Васильевич ждал его с полотенцем. Завтракать Андрей отказался, и, собравшись, они пошли на НП полка. Тихон Васильевич повел его другой дорогой — немного дальше, но поспокойнее. Андрей запротестовал было, но ординарец возразил, что так наказал товарищ капитан.

В густом тумане вышли на широкую, накатанную дорогу. В белесом мареве за несколько метров ничего не было видно. Только сзади, нагоняя их, шли двое. Фигуры расплывались в тумане. Было тихо.

Вдруг пасмурную тишину утра прорезал одинокий выстрел тяжелого орудия. Снаряд проскрежетал наверху и разорвался где-то впереди. И потом сразу вслед за первым выстрелом точно ураган налетел на землю. Грохот взрывов, орудийные выстрелы, звенящий свист, вой пролетающих снарядов наполнили воздух. А кругом попрежнему ничего не было видно. Только справа, где угадывалась батарея, сквозь густоту тумана вспыхивало неясное пламя, и с каждым взрывом Андрей ощущал всем телом легкий толчок.

Было восемь часов сорок минут утра. Начали точно, хоть проверяй часы. Андрей досадовал на себя, что не пришел на НП до начала артподготовки. Прибавил шаг. До НП оставалось несколько сот метров. Но как ни торопился Андрей, идущие сзади все же нагнали их. Сначала донесся испуганный голос:

— А дорогу ты точно знаешь? Заведешь к финнам...

Второй ответил:

— Не извольте сомневаться, доставим точно. Мы здесь привышные.

Андрей оглянулся. Почти бегом к нему приближался человек, будто переломленный надвое. Верхняя часть его туловища двигалась параллельно земле. Руками он почти касался накатанной колеи дороги. Следом, тоже очень торопливо и едва поспевая, шел боец с винтовкой, перекинутой за плечо. Воронцов узнал в нем вчерашнего связного. Боец тоже узнал Андрея.

— Доброго здоровьица, товарищ старший политрук! — задушевно и как-то уж очень по-граждански приветствовал он Воронцова.— Тоже на НП следуете?

Солдат изъяснялся так, как многие еще не освоившиеся в армии люди. Он трудно произносил официальные уставные слова, смешивая их с обыденными выражениями, фразами, к которым привык на гражданке и от которых сразу не мог избавиться. В этом он походил на Тихона Васильевича.

Андрей поздоровался.

— А ты куда? — спросил он вместо ответа.

— Их вот приказано довести к товарищу Могутному,— связной кивнул на спутника, как показалось Андрею, неуважительно.

Человек, согнутый надвое, поднял голову. Он тоже оказался знакомым. Розанов. Они вместе находились в резерве. Всех отправили в части, а Розанов примостился в отделе кадров заполнять наградные листы, да так и остался при штабе. Обычно нагловато-самоуверенный, сейчас являл он жалкое зрелище насмерть перепуганного человека.

— Скажите, мы правильно идем? Нам нужно на НП полка... А, кажется, товарищ Воронцов? Здравствуйте! Я уполномочен туда от штаба округа. А вы?

— Тоже туда. Из политотдела корпуса.

— Да, да, вспомнил! Поздравляю вас с выдвижением! Я готовил ваши документы. Положительная характеристика. Рад за вас!

Розанов приобрел обычный высокомерно-снисходительный тон. Он разогнулся, принял почти вертикальное положение, но снова грохнула невидимая батарея. Розанов мгновенно втянул голову в плечи, снова согнулся и шарахнулся в сторону.

«Хоть бы бойцов постыдился! — неприязненно подумал Андрей.— Ну и бахвал! Уполномоченный округа... Уж по дороге десяток раз умирал от страха...»

Вслух он сказал, не скрывая иронии:

— У вас что, ишиас или прострел в спине, товарищ Розанов?

Розанов не понял иронии:

— Нет, знаете, нервы. Мне бы лечиться надо, да где теперь... Вот уж когда отвоюем...

До наблюдательного пункта полка Розанов шел согнувшись. Иногда, при близких выстрелах, вздрагивал, втягивал голову и шарахался в сторону. Будто извиняясь, он говорил:

— Вот нервы! Совсем развинтились... Да вообще, знаете ли, зачем испытывать судьбу... Какая польза, если нас с вами стукнет каким-нибудь шальным осколком? Воевать надо малой кровью...

«Лез бы тогда в кювет и лежал»,— подумал Андрей. Но ответил более сдержанно:

— Ну, о войне малой кровью совсем в другом смысле сказано: умело воевать надо.

— Да, и в то же время избегать всяких случайностей. Зачем бессмысленно лезть под огонь? Не понимаю, например, какой смысл был посылать меня?

— В таком случае надо в тылу сидеть,— там уж совсем без крови. Разве кирпич на голову упадет...

Откровенная трусость Розанова вызывала все большее раздражение. Андрей с трудом сдерживал себя, чтобы не сказать ему прямо, что он думает.

Солдаты — Тихон Васильевич и связной — шли сзади, будто ничего не замечая. Андрею было мучительно стыдно перед ними за поведение Розанова. И эти рассуждения о малой крови, об испытании судьбы — философия трусливого пошляка.

Когда шли по траншее, связной сказал, прислушиваясь к артиллерийской канонаде:

— Вот молотят, как на току! Молодцы ребята! — Потом, обратившись почему-то к Андрею, но не к Розанову, спросил: — Позвольте нам быть свободными, товарищ старший политрук?

— Да, да... А ты, Тихон Васильевич, капитану привет передай. До свидания!

— Слушаюсь...

В иное время Розанов непременно сделал бы замечание по поводу панибратского отношения командира к бойцам, но заботило его сейчас другое — скорее добраться до блиндажа.

Подошли к командному пункту полка. При виде хлипкого сооружения, которое мог бы разворотить первый угодивший снаряд, Розанов выразил неудовольствие:

— Эх, не умеем мы воевать! У финнов небось не такие укрытия...

Он сокрушенно вздохнул и поспешно юркнул в блиндаж — неподалеку разорвался финский снаряд.

Розанов представился майору Могутному, командиру полка, уселся в уголок на нары и не подымался до самого вечера.

Командный пункт, небольшой блиндажик из тесаных сырых бревен, стоял на переднем крае, в траншее. На бревнах, как пот, выступали капли прозрачной смолы. Было в нем достаточно светло, но холодно — печку убрали, чтобы не привлекать внимание финнов. Когда в блиндажик набивалось больше пяти человек, в нем становилось тесно.

Спереди наблюдательный пункт заслоняла насыпь, и поэтому командир полка часто выходил в траншею, чтобы наблюдать за полем боя. Но пока бой еще не начинался, шла артиллерийская подготовка.

Андрей вышел следом за майором Могутным.

Туман будто начал расходиться. Первые полчаса финны еще отвечали, огрызались на нашу артподготовку, но вскоре интенсивность их огня начала уменьшаться. Вражеские батареи умолкали одна за другой. О подавленных батареях Могутному сообщали с наблюдательных пунктов, и он удовлетворенно делал пометки на своей карте.

А над головой все бушевал ураган. Тучи железа с шелестом, свистом проносились над траншеями и рвались впереди, вздыбливая землю.

По непонятной сперва ассоциации все это напомнило Андрею далекое ощущение детства. Он напряг память. Правильно, Андрей когда-то жил в пристанционном поселке. Рядом, через линию, стоял заброшенный, сгоревший пакгауз. Там всегда гнездились сотни галок. Ребята забирались туда по ночам, подымали суматоху в пернатом царстве. Перепуганные птицы носились в темноте, с таким же свистом рассекая крыльями воздух.

Андрей взял у кого-то бинокль, приподнялся над бруствером и посмотрел вперед. Финские позиции — знаменитая и долго не разгаданная высота 65,5 — были окутаны густыми клубами дыма. Правее тянулось гнилое, так и не промерзшее болото Муна-Суо. Оттуда предстояло вести наступление. Снег в низине стал серым от взрывов. А на подступах к высоте ни кусточка, ни кочки — снежная гладь. Сейчас по линии разрывов легко было определить передний край укрепленного района финнов.

Но вот в гул канонады вплелись новые звуки, они тоже неслись откуда-то сверху. Андрей прислушался и улыбнулся — авиация все-таки поднялась в воздух. Самолеты, сердито гудя, развернулись, пошли вдоль переднего края, и у них из-под брюха посыпались черные точки. От разрывов бомб ходуном заходил блиндажик НП. С бруствера посыпались мерзлые комья глины.

Волнение боя захватило Андрея, это чувство заслонило все остальное. Надолго ли? Все личное, что вчера еще так болезненно ощущалось, теперь отодвинулось в сторону, не исчезло, но притупилось.

Он отыскал начальника штаба, узнал у него обстановку, перенес на свою карту, поинтересовался наличием боеприпасов, санитарным обеспечением, узнал, где развернул палатки медпункт, и решил заглянуть туда, пока шла артподготовка.

Палатки стояли за перелеском. Врачи, санитары, медсестры походили на разведчиков — в таких же белых халатах, натянутых поверх шинелей и ватников. В медпункте как будто бы все было в порядке, все подготовлено, но раненые еще не поступали.

На обратном пути зашел на огневые позиции. Артиллеристы

были так заняты, что Андрей не решился их отвлекать и вернулся на командный пункт.

Около блиндажа он услышал обрывок разговора. Говорили в траншее за выступом:

— Оставь докурить...

— Держи... Так и сидит?

— Сидит. Я его и привел сюда. Всю дорогу шел скрюченный, а теперь по малой нужде и то не вылазит. Как терпит только! Бяда!

По голосу Андрей узнал связного. Разговор шел о Розанове. А сам он, Андрей Воронцов, может, тоже напоминает этого сидня? Не прав ли Степан Петрович? Какой смысл торчать на НП? В последние минуты нечего проверять, надо быть рядом с солдатами.

Артиллерийская подготовка длилась два с лишним часа. Батареи дважды делали ложный перенос огня, вводили в заблуждение противника и снова обрушивались на передний край укрепленного района. Ровно в одиннадцать мощная желтая ракета взвилась над полем боя — начало штурма. С этой минуты Могутный почти не отходил от полевых телефонов. Непрестанно звонили то один, то другой, или сам майор приказывал соединить его с батальонами.

События разворачивались быстро. Минут через десять из батальона Занина сообщили:

— Прошли надолбы. Справа мешают снайперы.

Через минуту звонок по другому аппарату — второй батальон подошел к траншеям, задерживают ожившие пулеметные точки.

Потом новые и новые донесения:

— Захватили траншеи...

— Подошли к высоте...

— Штурмуют дот два ноля шесть...

В одиннадцать часов двадцать четыре минуты — начальник штаба точно записал это время — из батальона Занина донесли:

— Дот занят. Над высотой шестьдесят пять — пять поднят красный флаг.

Андрей снова вышел в траншею, приставил к глазам бинокль.

Каска мешала, сбросил ее, остался в одном подшлемнике. По направлению к высоте шла редкая цепь бойцов. В маскировочных халатах, едва заметные, они казались крохотными белыми песчинками среди плоской громады болота Муна-Суо. Дальше поднималась обнаженная пологая высота. Огневой вал срезал, сбрил всю растительность, разметал снежный покров, и на обезображенном холме выступили контуры приземистого укрепления с узкими, будто прищуренными амбразурами.

Цепь прошла надолбы, Андрей видел, как бойцы перешагивают или, пригибаясь, подлазят под проволочными заграждениями. Вот цепь залегла — с фланга, видимо, стал бить пулемет. На опаленной, почерневшей земле белые халаты уже не маскировали солдат, они виднелись как на ладони.

По целине, обходя высоту, ползли танки, тоже окрашенные в белый цвет. За ними бежали редкие пехотинцы. Андрею показалось странным, что в штурме такой могучей крепости, как линия Ман-

нергейма, за которую вот уже два месяца шли напряженные бои, сейчас почти не видно людей.

В распахнутую дверь блиндажа Андрей услышал голос начальника штаба. Он принимал донесение и вслух повторял:

— Так, так, принято... Роща Молоток занята... Так. Батальон продвигается к южной опушке Фигурной... Есть потери?.. Как? Как? Комбат ранен? Тяжело?.. Одну минуту...

Андрей резко повернулся к двери, увидел растерянное лицо начальника штаба. Отодвинув в сторону трубку, он доложил Могутному:

— Товарищ майор, сообщают, что капитан Занин тяжело ранен.

— Что?!

— Комбат выбыл из строя.

Могутный болезненно поморщился, на скулах его под кожей заходили камешки желваков.

— Спросите, кто принял батальон.

Начальник штаба повторил вопрос в телефонную трубку.

— Кто? Политрук Силкин?.. Понятно. Комиссар батальона...— Начальник штаба добавил: — Комбату окажите помощь, эвакуируйте в тыл. В каком он состоянии?.. Без сознания?.. Принято.

Андрей стиснул зубы. Захолонуло сердце. Майору он предложил:

— Может быть, стоит мне пройти в батальон?

Могутный ответил не сразу. Он какое-то мгновение смотрел на Андрея. Казалось, что до него не доходит смысл его слов. Как будто встряхнувшись, ответил:

— Да, прошу вас, если можете... Вы же не в моем подчинении. Сообщите оттуда о положении. Ах, Занин, Занин! Вы, кажется, его товарищ?.. Наденьте каску...

— Да. Так я пойду...

И снова с тем же связным шли в батальон, но более коротким, вчерашним путем — через надолбы и противотанковым рвом. Срезав напрямую край болота Муна-Суо, вышли к нагромождению обледеневших валунов и очутились в расположении батальона. Траншеи были пусты, роты со своим хозяйством уже переместились вперед, и только возле блиндажей дымились походные кухни.

Опрокинутый ящик из-под снарядов преградил им дорогу. Вчера ночью как раз здесь встретили они разведчиков. Теперь бруствер на этом месте был словно обшарпан, протерт и отполирован прикосновением десятков тел. В образовавшейся седловинке под снегом обнажилась глина. На вершине бруствера торчал воткнутый указатель со стрелкой и надписью: «К высоте 65,5». Андрей знал по себе, что в бою психологически самым тяжелым бывает перелезть через бруствер, расстаться с траншеей. Может быть, и ящик поставили здесь, чтобы легче было перемахнуть этот рубеж, где опасность кажется большей.

Они скользнули на животах через бруствер, машинально отряхнулись и пошли дальше необмятой тропкой. Судя по выстрелам, бой

переместился на север, но недалеко — на километр-полтора. Вдоль тропки связисты тянули провод, опасливо поглядывали на целину: не напороться б на мину...

Связистам было чего опасаться — в двух шагах от тропинки лежал труп бойца в окровавленном задубевшем халате. Раскинув широко руки, он лежал на спине, головой к тропке. Рядом от неглубокой воронки брызгами расходились полосы копоти. Убирать бойца пока не решались — тоже боялись мин. Но кто-то дотянулся до головы, прикрыл его лицо носовым платком. На платке Андрей прочитал: «На память». Такие платки слали из тыла в новогодних подарках — с кисетом, с письмецом, куском туалетного мыла, пачкой «Прибоя» либо жестяным портсигаром с тремя тиснеными богатырями на крышке, с вещами, не имеющими особой ценности, но дорогими тем, что они подымают в душе такую волну больших, теплых чувств.

Свистнула мина, и Андрей инстинктивно повалился на снег. На подступах к высоте еще два раза приходилось ложиться. Бил невидимый пулеметчик, и пули свистели рядом, сбивая голые ветки кустарника.

Все время, пока шли они от траншей, нагоняя ушедший вперед батальон, Андрея не оставляло непонятное, раздвоенное чувство. Будто в нем, в его полушубке, в каске, шагали два человека. Один переживал острую, тоскливую боль. В груди, в горле комом стояла тревога за Николая. Он привязался к нему, к веселому, жизнерадостному здоровяку, не мог представить его бессильным, истекающим кровью, может быть, умирающим. Конечно, волновало и чувство опасности. В то же время кто-то другой, но тоже он, с непостижимой, фотографической точностью отражал в памяти все, что виделось ему на дороге. Восприятия его обострились до фантастического предела. Их не могли притупить ни тоска, переходящая почти в физически ощутимую боль, ни холод в груди, вызываемый свистом пуль или же треском разорвавшейся невдалеке мины. Позже он мог восстановить в мельчайших подробностях все, что попадало ему на глаза. Все, все — от каемки платка на лице убитого солдата до расщепленной вековой сосны, вывернутой взрывом и воткнутой в землю вверх корневищем. Говорят, такое обострение чувств бывает после тяжелой болезни,— например, после тифа, беспамятства.

IV

Когда Андрей служил в саперном батальоне, он сам видел финские укрепления. Конечно, со стороны, при мерцающем свете ракет, ползая в ничейной полосе с инженерной разведкой. Не раз просиживал он часами над картой, изучая сооружения линии Маннергейма, и мог с закрытыми глазами нарисовать схему Хотиненского оборонительного узла сопротивления. Он знал все семнадцать крепостей, притаившихся только на одном трехкилометровом участке их дивизии — от озера Сумма-Ярви до Муна-Суо. А вся линия

Маннергейма тянулась от Ладоги до Финского залива, пересекая Карельский перешеек.

Андрей знал расположение каждого дота, пронумерованного на карте цифрами: 006, 008, 0011... Двойные ноли перед цифрой означали железобетон, одинарные — землю и камень. И каждый из них надо было обнаружить разведкой или боем, заставить заговорить. А для этого требовались жертвы, жертвы и жертвы...

Воронцову казалось, что он, комиссар саперного батальона, хорошо знает систему и мощь фортификационных сооружений финнов, но он не мог и представить, что в действительности предстанет перед его глазами.

Они подошли к высоте, окруженной паутиной колючей проволоки, рядами надолб. Проволочные заграждения то подымались высоким забором, то, наоборот, коварно стлались над снегом. А надолбы походили на гранитные арктические торосы. Отдельные ряды были уложены из пепельно-серых камней, прочно зарытых в землю. Высотой они доходили как раз Андрею до пояса. Какой танк мог осилить, преодолеть этакую брошенную на землю челюсть с зубьями надолб?

На подступах к высоте Андрей насчитал сорок два ряда проволочных заграждений. Вперемежку с проволокой тянулись двенадцать рядов надолб.

— Мать ты моя честная! — ахал связной, изумляясь больше не тому, что видел, а другому: как можно было взять этакую несокрушимую оборону?

По крестьянской привычке, он и войну мерил на свой лад, приводил сравнения из деревенского обихода. Мирная жизнь оставалась ему ближе войны. Лес с обкусанными верхушками, иссеченный и разбитый снарядами, он сравнивал с озимью, потравленной табуном лошадей. Остановившись возле глубокой воронки, прикинул на глаз ее размеры и сказал:

— Две копны войдет верных...

Сравнения его были метки. В самом деле, там, где накануне подымалась густая стена леса, видимого из наших траншей, теперь торчали голые хлысты, расщепленные стволы, либо рухнувшие, как в бурелом, деревья с вывороченными из земли корнями, будто и впрямь прошел здесь табун гигантских коней.

Откуда-то снова наплыл туман. Он словно зарождался здесь же, на поле: нет его, кругом чисто — и вдруг кустарник затянулся дымкой, и не видно уже двух бойцов, тянущих за собой лодочку с раненым, ни связистов, оставшихся позади.

Как ни пустынным казалось поле, но сейчас, когда бой переместился к роще Фигурной, здесь царило оживление. По тропинке, которую только что прошел Андрей, уже гуськом, выныривая из тумана, тянулись солдаты с цинковыми ящиками патронов, минеры в наушниках осторожно шагали по целине, шарили вокруг себя палками, как слепцы, попавшие в незнакомое место. Позади саперов приладилась полевая кухня, и лошаденка тянула повозку, останавливаясь на каждом шагу.

А навстречу выводили или выносили раненых. Иные шли сами и возбужденно, как бывает у людей, избежавших опасности, рассказывали, что проклятую линию Маннергейма наконец прорвали, финны бегут, а передовые части ушли, почитай, километров за десять, если не за двенадцать.

Но до прорыва было еще далеко, пали только первые укрепления. Командный пункт батальона Андрей нашел в доте, отбитом у финнов. Траншея, по которой они теперь шли, ступая по раскиданным шинелям, халатам, оружию, привела их к полуоткрытой стальной двери, похожей на дверь тяжелого, большого несгораемого шкафа. Первый, кого Андрей встретил здесь, был Тихон Васильевич, одиноко стоявший у входа в дот. За эти несколько часов он осунулся, похудел и как будто состарился.

— Где капитан? — спросил его Воронцов.— Отправили в госпиталь?

— Отправили, товарищ комиссар, полчаса не будет, как отправили. Малость самую не застали... А вы уж знаете...

— Ну что с ним? Тяжело ранен?

— Плох. Не знаю, выживет ли. Как ранили, так и не приходил в себя. В грудь навылет. Я аккурат с ним был, меня ничего, а он, вишь ты...

Тихон Васильевич указательным пальцем вытер слезу сначала на одном, потом на другом глазу.

— Да ведь у нас, товарищ комиссар, еще беда — политрука Силкина убили. Вот только что.

— Как?! А кто же командует батальоном?

— Уж и не знаю. Адъютант будто собирался...

Андрей представил себе худощавое, утомленное и болезненное лицо Силкина, запавшие, горящие глаза. Он часто температурил; говорили, что начинался туберкулез. Силкин тщательно скрывал свой недуг от товарищей и ни за что не хотел сообщать семье. Ему обещали дать отпуск. Силкин ждал со дня на день путевку. Он считал, что всю его хворобу снимет, как только погреется на крымском солнышке. Теперь этого ничего не нужно.

Внутри дота Андрей застал адъютанта батальона, говорившего по телефону. Свет в каземат падал сквозь амбразуру, пробитую в толстых, словно монастырских стенах. Адъютант был в чине лейтенанта, выглядел мальчиком, с нежным цветом лица и едва пробивающимися усиками. Он говорил, волнуясь, и свободной рукой нервно крутил между пальцами телефонный шнур.

— Да, да, так точно,— говорил он, напрягая голос.— Вышли к южной опушке рощи Фигурная... Противник?.. Сопротивляется. Силкин передавал, что опасается контратаки. Приказал доложить вам, что просил разрешения закрепиться... Кто, Силкин?.. Так точно, убит. Минут пятнадцать назад... Как?.. Мне — батальоном?.. Есть... Нет, не командовал...

Адъютант зарделся и растерянно взглянул на окружающих. Андрей шепотом попросил у него трубку. Лейтенант облегченно прервал разговор:

— Одну минутку. С вами говорить будут.

Андрей по голосу узнал майора Могутного. Доложил, что прибыл в расположение батальона и просит разрешения принять на себя командование как старший по званию. Людей он знает, обстановку тоже.

Командир полка согласился:

— Хорошо, действуйте. Завтра заменим. С обстановкой ознакомьтесь лично и доложите.

Могутный посоветовал внимательно следить за флангами, предупредил, что батальон вырвался вперед, глубоко вклинился в оборону противника и финны могут отрезать и окружить.

Молоденький лейтенант внимательно следил за разговором, и выражение лица его непрестанно менялось, оно отражало переживания адъютанта. Он боялся ответственности — у него так мало опыта — и в то же время гордился, что ему поручают командовать батальоном. Потом облегченно вздохнул: командовать будет кто-то другой. И снова сомнение: не упрекнут ли его в трусости?..

— Правильно, товарищ старший политрук, у вас лучше получится,— сказал он застенчиво, когда Андрей кончил говорить с командиром полка.— Я, конечно, не смог бы... Но я с вами пойду, я был уже там,— поспешил он предупредить Андрея, чтобы тот не подумал, что лейтенант дрейфит.

— Идемте, если вы там были,— согласился новый комбат.— Связь тяните к Фигурной.

— А мне как быть? — сиротливо спросил Тихон Васильевич, вошедший в дот вслед за Воронцовым и слышавший разговор.— Разрешите при вас быть?

— Хорошо, пошли. Тогда вы, товарищ лейтенант, останетесь здесь. Переводите НП на новое место.

Часа через два к Воронцову на передний край прибежал связной. Товарищ шестой срочно требует к телефону. Шестой — это командир дивизии.

Вечерело, сгущались сумерки. Андрей, пригнувшись, вышел из зоны обстрела. Розовощекий лейтенант успел перевести НП в блиндаж позади двухметровой железобетонной стены, тянувшейся вдоль фронта. Здесь были артиллерийские позиции финнов. Стояли изуродованные, опрокинутые пушки. Иные были исправны — финны не успели их увезти.

Андрей спустился в блиндаж. Сквозь писк зуммеров, отдаленный шум, треск и приглушенные голоса до него донесся голос комдива. Воронцова он вызывал уже второй раз.

— Командуешь, говоришь? — спросил комдив.— Как обстановка? Удержишься?

— Так точно, товарищ шестой, приказал окопаться. Одну контратаку отбили, танкисты помогают.

— Ладно. А с дотами что собираешься делать?

— Доты? Для укрытия и обогрева людей используем. Сделано на совесть.

— Так вот, слушай. Все финские укрепления взорвать немед-

ленно.— Комдив говорил, чеканя слова, Андрей знал эту привычку Степана Петровича.— Взорвать все. Под твою ответственность. Люди к тебе посланы, прибудут через полчаса. Об исполнении доложить немедленно.

— Товарищ шестой, а может быть, один оставим? Для раненых. Мороз жуткий...

Просьба вывела из себя Степана Петровича. Все комбаты на один лад! Будто он сам не знает, как тяжело на морозе! Раненые... А случись что, попробуй тогда вышиби второй раз противника! Как не понимает этого Воронцов! Еще политработник... Он повысил голос:

— Не возражайте! На войне жалость обходится дорого. Рисковать мы не можем. Вы меня поняли? Взрывайте немедленно!

Андрей ответил обычным «есть» и отправился выполнять приказание. Конечно, он понимал комдива, но попробовал бы Степан Петрович сам очутиться в солдатской шкуре. Сам же говорил, что солдатам трудно. Понимает... Теперь и ему, Воронцову, трудно, а Розанов, наверно, ушел с НП. Сидит где-нибудь в тепле, пьет чай, греется и чувствует себя героем. Сам собой восхищается...

Снова вспыхнуло чувство неприязни к холеному, самовлюбленному человеку. Греется. Хвастает и готовит реляцию для награждения... А тут вот иди подымать в воздух последнее пристанище, где можно укрыться от холода. Пожалуй, и малый блиндаж придется рвать. Может, договориться с саперами?

К доту с бронированными дверями, где Андрей принял командование батальоном, он шел точно в глубокий тыл, хотя находился он совсем недалеко от противотанкового рва, где только что контратаковали финны, совсем недалеко от солдат, лежавших на закаменевшей от мороза земле. Это чувство было знакомо Андрею. Он не верил в абсолютное бесстрашие людей, особенно в начале войны. Надо уметь только взять себя в руки. Иной раз еще за километр до переднего края начинает сосать под ложечкой, а обратно отойдешь на сотню шагов и чувствуешь себя будто в тылу, под Райволово, в расположении штаба округа. Видно, имеет значение, откуда идешь к одному и тому же месту. Андрею казалось, что он семимильными шагами удаляется от переднего края, хотя и здесь посвистывали пули, хотя и приходилось падать на снег, заслышав шелест летящего снаряда,— будто наверху вспарывали холстину туманного неба.

В доте Андрей застал прибывших саперов. Они ждали отставших солдат, которые помогали им тащить ящики с толом. Старший лейтенант, Андрей знал его по батальону, с фонариком-жужжалкой осматривал подземную крепость. Костяшками пальцев он зачем-то выстукивал шершавые бетонные стены, видимо прикидывая в уме, сколько нужно взрывчатки на такое дело.

— Не меньше тонны понадобится.

— Измерьте толщину стен,— приказал Андрей.

Старший лейтенант полез в амбразуру, как в печку. Торчали только одни ноги.

— Метра полтора будет, не меньше.

Тол клали штабелем вдоль лобовой стены. Работали молча, только динамки ручных фонариков жужжали, как мухи, бьющиеся о стекло. Когда закончили, солдат отвели в сторону. Поставили оцепление. В доте остались двое — Андрей и командир роты.

Старший лейтенант прикрепил детонатор, отмерил шнур.

— Полметра хватит?

— Хватит. Дайте я запалю.

Андрей сложил несколько спичек, чиркнул о коробок и приложил к концу шнура. Огненная тусклая горошина, потрескивая, поползла к ящикам — через пятьдесят секунд произойдет взрыв.

Саперы стремглав выскочили из дота. Андрей пытался притворить дверь, она была тяжела и не подалась.

— Хрен с ней, товарищ комиссар! Бежим! — крикнул командир саперной роты и потянул за рукав Андрея.

Бежали, не разбирая дороги, спотыкались о камни, проваливались в воронки. Из темноты кто-то крикнул им:

— Сюда! Давайте сюда!..

Оба ничком упали в глубокую воронку, и в тот же миг взрыв потряс воздух. Андрей грудью почувствовал, как всколыхнулась земля.

Оранжевое пламя взметнулось к небу, оно поднялось выше изуродованных, обезображенных боем деревьев, багровой молнией озарило гряду надолб, равнину болота, каску бойца, лежавшего рядом.

Будто тяжелый град посыпался на снежное поле, на бурелом леса. Мелкие камни звякнули в каски. Все стихло. Казалось, даже стрельба прекратилась на некоторое время. В темноте Андрей услышал голос:

— Накрылась, мать ее так!.. Пропали американские денежки...

Выждав время, снова подошли к высоте, где стоял дот-«миллионер». «Миллионерами» финны называли опорные крепости стоимостью больше миллиона долларов.

Посреди высоты, как кратер, зияла широченная яма, заваленная обломками бетона, торчали изогнутые железные прутья арматуры, похожие на спутанные корни вывернутого неподалеку дерева,— все, что осталось от крепости. Только лобовая стена, сложенная из шести броневых плит, каждая толщиной в кулак, осталась почти невредимой. Титанической силы взрыв только сбросил бетонную облицовку, обнажил стальные плиты, по которым змейками расходились трещины. Верхняя часть плит была вырвана, и свежий излом металлическим инеем блестел в отсветах фонарей-жужжалок.

— Надо бы добавить толу,— сказал командир роты, деловито осматривая результаты своей работы.— Ну, и то ничего...

Тол извели весь. Взрывы остальных сооружений решили отложить до утра. Вскоре почти одновременно раздались еще два глухих, раскатистых взрыва. Еще две крепости — на высоте Язык и в роще Молоток — взлетели на воздух.

Перед уходом из батальона Андрей приказал перевести КП ближе к переднему краю. Теперь он нашел его в воронке, прикрытой

жердями, а сверху затянутой плащ-палаткой. Тихон Васильевич ждал его.

— Обед приносили, да застыло все, и разогреть негде.

От еды комбат отказался, усталость валила с ног. Он пролез в нору, дотянулся к телефону и вызвал шестого.

— Слышал, слышал! — донесся голос комдива.— От вашей работы у меня чайник свалился с печки. Без чаю оставили... Черти вы полосатые! Благодарю за службу.— Судя по голосу, Степан Петрович был в хорошем настроении.— Приходи через денек в шахматишки играть. Имей в виду, сегодня из семнадцати взяли восемь. Завтра еще предстоит работенка. Отдыхай, если сможешь...

Воронцов нащупал рукой ворох лапника с ледяными сосульками на хвое. Подумал о Тихоне Васильевиче. Заботливый... Мысли путались. Вспомнил о Николае: как он, жив ли? А писем опять нет. Эх, Зина, Зина!.. В сердце поднялась горечь, тупая боль... А почему боец лежал головой к тропинке? Мертвых выносят ногами вперед... Может, сегодня придет письмо... На войне нужно быть бережнее...

Около воронки говорили двое саперов:

— Так весь струмент изведешь — ни топором, ни пилой не взять. Все осколками нашпиговано.

— Давали на совесть. Видал, что нагородили финны-то? Без артиллерии ни в жизнь не взять...

«Да, без артиллерии не взять. Сколько же еще брать?.. Девять».

Андрей заснул, словно провалился куда-то.

Саперы говорили о том, что деревья здесь такие — не распилить, не срубить, сплошь в осколках, а шалаш, какой ни на есть, сделать надо. Но Андрей ничего этого уже не слышал. Он проспал около часа. Ему показалось, что только закрыл глаза, когда почувствовал, что кто-то его толкает. Будил молоденький лейтенант:

— Товарищ комиссар, вставайте! Товарищ комиссар... Противник контратакует...

Андрей стряхнул сон, выбрался из воронки. Чуть брезжил рассвет. Начинался второй день боев за прорыв линии Маннергейма.

V

Раненых привезли перед рассветом на четырех подводах.

Красноармеец, закутанный по глаза шарфом, бросил вожжи, подошел к палатке и простуженным, безразличным голосом крикнул:

— Эй, раненых принимайте!

Галина очнулась от этого возгласа, с трудом подняла голову, точно наполненную свинцом. Как ни крепилась сестра, но не могла преодолеть дремоты. Третью ночь она проводила без сна. Девушка медленно встала и вышла из санитарной палатки.

Морозный воздух перехватил дыхание. В самом зените стояла луна, полная, яркая. Матово-голубым светом она освещала лес, до-

рогу и лошадей, запряженных в розвальни. Уставшие лошади стояли понуро, опустив головы, и от заиндевевших спин их подымались прозрачные струйки пара. На волосатых мордах лошадей наросли длинные сосульки, они почти касались снега.

Санитары, услыхав скрип полозьев, тоже вышли на улицу и, не дожидаясь распоряжения, снимали, укладывали раненых на носилки. Монотонно тарахтел движок, заполняя рокотом тишину ночи.

Девушка подошла к розвальням.

— Тяжелые? — спросила она.

Ответил ездовой с первой подводы:

— Тяжелые. Один никак помер. Стонал всю дорогу. Подъезжать стали — притих...

Красноармеец говорил медленно, усталым голосом. Потом он добавил:

— А что, сестрица, чайку у вас разжиться нельзя будет?

Где-то в глубине души поднялось глухое раздражение, неприязнь к этому человеку, замотанному шарфом, с хриплым и безразличным голосом. На шарфе, там, где он закрывал подбородок, блестели холодные сосульки. Сквозь шерстяную ткань изо рта пробивался пар. Экий мороз! Галина подумала: «Возят раненых, как сено или овес на ссыпной пункт. Умер человек, а он чаю просит... Противно!» Вслух она спросила:

— Где он?

— Вон там, на второй подводе. Может, жив еще. Сама погляди... А насчет чайку-то, сестра, выйдет чего аль нет?

Галина не ответила. Она подошла к подводе и откинула одеяло. Перед ней лежал раненый с широким лицом, большим ртом и прилипшими ко лбу белокурыми волосами. Глаза были открыты, и от надбровных дуг падали густые тени, от этого казалось, что глаза глубоко запали в орбиты. Медсестра пощупала пульс. Он едва бился, готовый погаснуть.

— Аксенов,— крикнула девушка санитару,— несите в операционную! Вызовите доктора.

Галина пошла следом за носилками. У входа в палатку остановилась. Перед ней стоял ездовой. Скинув рукавицы, он разматывал заиндевевший шарф. Лунный свет падал на небритое лицо, поросшее рыжей, словно подпаленной щетиной. Ездовой хотел что-то сказать, но медсестра опередила:

— Идите в кубовую. Вон туда. Санитары напоят вас.

Красноармеец оживился:

— Айда, ребята, по кружечке выпьем! Пошли! — Он зашагал в кубовую.

Рядом, в операционной, санитары готовили раненого. В тепле он несколько отошел, но в сознание не приходил. Начал бредить. Галина снова принялась считать пульс. Раненый беспокойно заметался, пытаясь взять девушку за руку. Он смотрел на нее невидящими глазами. Глаза у него синие, василькового цвета, они никак не шли к такому здоровенному парню. Капитан нашел руку и мягко, бес-

сильно пожал ее. Он забормотал что-то несвязное. Галина смогла разобрать только несколько слов:

— Верунька... Это ты, Вера?.. Теперь мне совсем хорошо, Вера...

— Да, это я.— Медсестра попыталась высвободить руку.

Ей стало не по себе от этой маленькой невинной лжи. Раненый принимал ее за другую. Шевельнулось какое-то странное, чисто женское чувство, жесткой соломинкой кольнуло по самолюбию. Мелькнуло и отошло. Все застилалось пеленой нестерпимой усталости.

Капитан затих. Медсестра осторожно высвободила руку, надела халат, достала инструменты. Врача еще не было. Прошла в кубовую поторопить, чтобы быстрее готовили воду.

Около титана, присев на корточки, ездовые отхлебывали чай из жестяных кружек. Кружки обжигали губы, и солдаты, набирая воздух, дули на кипяток. Ездовой с простуженным голосом зажал кружку коленями и сосредоточенно разглядывал загрубевшие, узловатые руки, разминал пальцы.

— Никак обморозил... Не чуют,— говорил он соседу.— Экая напасть...

Галина подошла к ездовому:

— Покажите руки.

— А чего их глядеть-то!

Он отставил кружку, тяжело поднялся с пола и протянул руки. Пальцы от ногтей до ладони побелели, стали как снег.

— Вы обморозили руки. Идите в перевязочную. Останетесь в госпитале.

— Кто это? Я, что ли? — недоумевающе спросил ездовой.

— Да, вы. Кто же еще!

— Я?.. Не-ет. Из-за пальцев-то да в госпиталь?.. Нет уж, сестринька, там вон,— ездовой неопределенно махнул в сторону,— там вон по трое суток пузо от снега не отрывают. Лежат — и ничего. А то пальцы... Нет, не выйдет...

Галина нахмурила брови, строго посмотрела на красноармейца и, растягивая, словно подчеркивая слова, повторила:

— Идите в перевязочную. Вы никуда не поедете.

Она сама взяла воду и понесла в операционную.

Раненый лежал уже под наркозом, операционные сестры стояли с поднятыми руками, опасаясь прикоснуться к чему бы то ни было постороннему. Доктор Владимир Леонтьевич осматривал раны и качал головой.

— Могу засвидетельствовать — дум-дум. Самая настоящая разрывная пуля. Знаком с ней с первой мировой войны. Да-с... Вильгельм угощал нас, а раньше англичане применяли в Южной Африке, против буров... Это же варварство! Смотрите: входное отверстие — будто впилась дробина, а выходное? Видите, как порваны ткани... Мм-да... Вот оно, варварство... Давайте инструменты. Руки стерильны?

— Да, профессор.

— Отлично! Запомните раз и навсегда: руки при операциях должны быть стерильны в любых условиях, иначе гангрена, столбняк, сепсис. Это уже преступление... Вы не хотите, надеюсь, совершать преступление? Конечно, нет. Наоборот, мы обязаны парализовать и преступления Круппа. Вы не знаете, кто такой Крупп? Германский военный заводчик, это его продукция...

Хирург говорил так, будто читал лекцию в студенческой аудитории.

Операционная сестра подала инструменты и снова подняла руки. Операция предстояла долгая. Галина помогала профессору, механически выполняла распоряжения. Она старалась сосредоточиться, но отвлекала не додуманная до конца мысль. Что это? Вероятно, усталость мешает думать; она с усилием преодолевала дремоту.

За брезентом палатки послышался скрип полозьев, неторопливый говор. Донесся все тот же безразличный голос ездового с обмороженными пальцами, но он больше не вызывал раздражения. Ездовой говорил кому-то:

— Она, слышь, что сказала: «В госпиталь иди без разговоров...» Сурьезная... А того не сознает, что раненых возить надо... До свету еще разок обернемся... Чайку-то попьешь — оно куда лучше... Но, дьяволы, притомились!..

Скрип полозьев затих, с ними вместе и голоса. Их поглотил рокот движка.

Ну конечно, она думала о ездовом, который вызвал сначала такую неприязнь. «Как странно,— подумала она,— ведь он очень хороший, только устал... Все мы устали: и я, и Владимир Леонтьевич. Ему еще труднее, он старенький...» Глянула на профессора, склонившегося над операционным столом, на его сосредоточенное лицо, на седенькую бородку, на тонкую дужку золотой оправы пенсне, на руки, такие уверенные, неторопливые. О чем думает сейчас профессор? Что будет с раненым? Снова в глубине души затрепетало тревожное и неосознанное чувство чего-то неладного. Значит, не в ездовом дело.

Словно издалека услышала слова Владимира Леонтьевича:

— Богданова, следите за пульсом... Нужно переливание крови... Пошлите в аптеку... Проверьте группу крови...

Профессор произносил фразу и умолкал, точно лишнее слово отрывало его от работы. Галина знала — это первый признак, что положение становится серьезным.

Медсестра порылась в карманах гимнастерки раненого капитана, достала несколько фотографий и писем. Среди них нашла плоский жестяной медальон. Поддев ногтем, раскрыла его, извлекла квадратик вощеной бумаги. Такие медальоны в ротах называли по-разному — «медальоном смерти», «жестяной надеждой», «визитной карточкой», «талисманом счастья» или «приветом с фронта».

На вощеной бумажке рядом с фамилией, званием и адресом стояло: «Группа крови вторая». Но Галина прочитала с самого начала: «Занин Николай Гаврилович. Капитан... Москва, Серпухов-

ская...» В медальоне было все, что требовалось для госпиталя. Для смерти тоже.

Санитар побежал в аптеку. В торопливый стук движка внезапно вплелись новые рокочущие звуки, но более низкого тона. В операционной не обратили внимания. Но вот тишину прорезал нудный, воющий свист, и следом грохнуло. Палатка колыхнулась, затрепетала, словно надутый парус. Свистнули осколки. Хирург вскинул голову:

— Самолет!.. Раненого на землю... Всем лечь...

Где-то рвануло еще и еще раз. Отрывисто, коротко. Галина бросилась к раненому. Но опустить его на пол не так было просто. Перед собой Галина увидела бледные лица операционных сестер. Они стояли на коленях, втянув головы, но руки оставались простертыми кверху, словно молили небо. Медсестры боялись нарушить стерильность. Галину Богданову остановил новый оклик:

— Отставить!

Ночной самолет ушел в сторону. Операция продолжалась.

В палатку вошел санитар и растерянно, не оправившись от испуга, доложил — аптека разбита, фельдшеру оторвало ногу.

— Что вы сказали? — переспросил хирург.

— Бомба около аптеки разорвалась. Все смешало, не разберешь. Начальник сказал — крови нету...

— Мм-да... Без переливания положение катастрофическое. Какой пульс?

Галина ответила — она едва ощутила его биение.

— Здесь медицина бессильна. Нужна только кровь. Иначе все бесполезно... и безнадежно...

— Но как же, профессор? — девушка в бессилье искала выхода. Неужели умрет? — Может быть... Владимир Леонтьевич! Да ведь я могу дать кровь! У меня тоже вторая группа. Слушайте! — Она нашла выход!

Профессор нахмурил брови:

— Вы сколько не спали?

— Одну ночь только...— Профессор недоверчиво посмотрел на нее.— Ну, может, немного больше.

— Неправда, три ночи гарантирую. А донор обязан предварительно спать не меньше восьми часов. Разрешить не могу, иначе...

— Но ведь иначе умрет он!

— Да, раненый в тяжелом состоянии, но я не имею права... Сколько вам лет? Двадцать три?.. Все равно не могу. Вам надо отдохнуть...

Профессор посмотрел на раненого. Лицо его покрыла смертельная бледность.

— Хорошо, давайте аппарат. Но имейте в виду, этого делать не полагается. Вы сейчас же пойдете спать! Слышите?

Галина сбросила халат, ватник, засучила рукав, положила руку на стол. Как в тумане глядела она на иглу, вонзившуюся в руку, ощутила колющую боль, потом словно ожог.

В стеклянной трубке потекла кровь. Казалось она тяжелой, густой, как ртуть в термометре. Бледность на лице раненого медленно исчезала, на щеках будто появился румянец. Так же медленно по телу девушки разливалась тяжелая, сонливая слабость. Клапаны аппарата подымались вверх, вниз... Вверх, вниз...

— Достаточно,— сказал профессор.

Клапаны остановились. Галина ощутила влажное прикосновение ваты, смоченной в спирте.

— Теперь идите спать. Что бы сказали мои студенты?.. Идите. Вы спасли человека.... Давайте следующего.

Девушка едва поднялась. С затуманенной головой вышла из операционной. Кто-то накинул ей на плечи полушубок.

Наступал рассвет. Серое утро обнажило лес. Робкий, бледный свет просачивался неведомо откуда. И словно пастелью кто-то мягко вырисовывал дорогу, идущую к мосту, разломанную изгородь, скалы и сосны.

Галина прошла к себе и, распахнув дверь, еще раз глянула на дорогу.

Из лощины, от мостика, поднимались подводы с ранеными. Впереди шел все тот же ездовой, закутанный серым шарфом. Девушка постояла секунду в раздумье и решительно повернула обратно.

Когда она подошла к приемному покою, санитары уже принимали раненых. В операционной она встретилась глазами с профессором. Он посмотрел на нее и склонился над раненым.

— Приготовьте повязку,— сказал хирург.— Опять разрывная пуля. Вот чего стоит нам британский «нейтралитет»! Французский — тоже. Финнам поставляют чужое оружие... Начнем.

В течение суток профессор делал семнадцатую операцию. Прорыв линии Маннергейма все еще продолжался.

ГЛАВА ВТОРАЯ

I

— Масса Кофлин!.. Одну минутку, масса Кофлин! Прошу вас! — Старая, широколицая негритянка с пепельными волосами, выбивавшимися из-под накинутого платка, шла за священником и с настойчивостью отчаяния повторяла: — Масса Кофлин! Одну только минутку, масса Кофлин!..

Священник был в сутане броского сиреневого цвета, в темной шляпе с широкими полями, оставлявшими в тени его энергичное, тщательно выбритое лицо и острые карие глаза. Он переходил улицу, будто не замечая идущей за ним женщины. Старой негритянке так и показалось, что святой отец не слышит ее, погруженный в глубокие размышления. Она осторожно прикоснулась к его одежде:

— Масса Кофлин!

— Ну, что еще? — Кофлин отдернул руку, на его губах мелькнуло брезгливое выражение, он повернул голову к женщине: — Что тебе нужно? Разве ты не видишь, я занят... Приходи позже.

— Нет, масса Кофлин, это невозможно! — женщина говорила почти испуганно.— Джен очень плох, он, может, не доживет до вечера. Иначе я не осмелилась бы вас беспокоить, масса Кофлин.

— Так что ж ты хочешь?

— Джен очень плох, масса, он просил привести священника.

— Только у меня и дела, что отпускать грехи неграм! Все равно без толку — царства небесного им не видать, как своих ушей... Не могу. Я должен уехать.

— Но что же мне делать?

— Не знаю. Ступай!

Женщина остановилась среди улицы, не ощущая сырого, пронизывающего февральского ветра. Она видела, как священник подошел к гаражу, его сиреневая сутана мелькнула в стеклянных дверях и исчезла. Негритянка вернулась обратно к храму, остановилась возле уличного фонаря и продолжала смотреть на гараж, на бензоколонку, к которой подходили для заправки машины.

Так ждала она долго, может быть, час, а возможно, всего несколько минут — ведь на холодном ветру время тянется особенно долго, особенно если на плечах дырявый платок. Наконец она снова увидела сутану Кофлина и торопливо пошла к гаражу.

Священник усаживался в машину, он уже положил руки на руль, готовый тронуться в путь, когда снова увидел старую негритянку.

— Ты все еще здесь? — Кофлин нахмурился.— Видно, от вас не отвяжешься... Где ты живешь?

— О, совсем недалеко, масса, сразу за храмом.— Она назвала адрес.

— Ладно, шевелись быстрей! Я поеду вперед.

Кофлин и не подумал предложить негритянке место в машине. «Фордик» рванулся вперед, исчез за углом церкви, а женщина, переваливаясь на больных ногах, засеменила следом.

Как ни торопилась тетушка Лия, она пришла к концу исповеди. Джен был действительно плох. Лицо его стало совсем серым. Он лежал, укрытый тряпьем, и дрожал, мучимый приступом малярии. Кроме кровати, сбитой из грубых досок, двух поломанных стульев да фанерного ящика, превращенного в стол, в подвале не было никакой мебели. В сырой, полутемной каморке пахло плесенью и прогорклым грязным бельем, сваленным в кучу в углу подвала,— тетушка Лия последнее время зарабатывала стиркой.

Священник не решился присесть на стул и стоял перед умирающим с карманным евангелием в черном тисненом переплете. Кофлин скороговоркой дочитал молитву, захлопнул евангелие и благословил негра. Он уже выходил, нагнув голову, чтобы не задеть за притолоку, когда его окликнул Джен:

— Масса Кофлин, я бы хотел вам что-то сказать... Лия, оставь нас одних.

Кофлин вернулся. Старику трудно было говорить, он задыхался, и невнятные слова с хрипом вырывались из его груди. Когда тетушка Лия вышла, Джен сказал:

— Я бы хотел вас предупредить, масса Кофлин... Конечно, это не мое дело, грех, что я подслушал, о чем говорил хозяин... Будь я здоров, мне не следовало бы говорить даже вам... Но сейчас... Ваши «Христианские фронтовики»... Будто бы сам Гитлер приказал вам собирать отряды...

По мере того как говорил старик, лицо Кофлина становилось все напряженнее. Черт бы побрал эту черномазую обезьяну! А Стренг тоже хорош, болтает где надо и не надо. Священник с возрастающей тревогой слушал признания негра.

— Он сказал,— продолжал Джен о своем хозяине,— что какой-то господин Фирек пишет доклады нашим сенаторам. Я здесь что-то не понял, но хозяин сказал: «Это выгоднее, чем торговать спиртом при сухом законе. Немцы хорошо платят...» Потом он назвал ваше имя, масса Кофлин, будто вы тоже читаете чужие проповеди. Я не расслышал, что он еще говорил...

— А ты рассказывал об этом кому-нибудь? — насторожившись, спросил Кофлин.

— Нет, масса, только вам и еще сыну, который приезжал, чтобы вместе провести рождественский праздник.

Кофлин чуть не выругался вслух. Умирающему он мягко сказал:

— Ты совершил большой грех, сын мой, что подслушивал чужие разговоры. Разве можно пить тайком вино из чужой чаши? Да простит господь твои прегрешения! Сохрани и отдай эту тайну всевышнему... У тебя один сын?

— Да, масса, только один. Его в честь моего отца назвали Дженом, как и меня. Он хороший мальчик.

— Где он живет?

— В Нью-Йорке, в Гарлеме. У него уже есть свои дети.

— Разве он не приедет сюда, чтобы навестить отца?

— Да, может быть... Конечно, если отпустит хозяин.

— Дай мне его адрес, я попробую послать телеграмму. Послезавтра он может быть в Ройял-Оке.

— О масса Кофлин! Как вы добры к нам!.. Если бы вас это не затруднило! — Старик благодарными глазами посмотрел на священника.

Отец Кофлин записал на обложке евангелия гарлемский адрес Джена-младшего, поговорил еще несколько минут с умирающим и вышел.

У выхода из подвала под сенью трепыхавшегося на веревках белья стояла тетушка Лия, вытирая передником опухшие, скорбные глаза. Кланяясь, она проводила преподобного отца до ворот, отодвигая, как занавес, стираное белье, чтобы оно не коснулось сиреневой сутаны Кофлина.

Чарльз Кофлин, настоятель церкви «Маленький цветок», что стоит на углу 12-й Майл Роод и Вудуар авеню, шел в раздумье. Что теперь делать? Он механически нагибался под бельевыми веревками и так же механически сел в машину. Неожиданное признание старика негра повергло его в смятение. С такими исповедями шу-

тить нельзя. Старик не опасен, он не протянет долго, но сын... Этот сболтнет по глупости. Может, действительно вызвать его в Ройял-Ок? Впрочем, нет, Фирек пусть сам занимается такими делами...

Сначала отец Кофлин намеревался поехать в Чикаго, как делал это примерно раз в месяц, по делам совершенно секретным и не имеющим прямого отношения к церкви. Но теперь положение менялось — в Чикаго он ничего не сделает. Кофлин решительно нажал стартер и, прогрев немного мотор, повернул в сторону аэродрома. Он еще надеялся попасть к вечернему самолету, уходившему в Нью-Йорк.

За городом отец Кофлин притормозил машину, сбросил сутану, сменив ее на макинтош, и надел серую шляпу. В этом наряде он мог походить на кого угодно — на боксера-профессионала, возвращающегося из турне, на коммивояжера, на спортивного репортера или на главаря шайки контрабандистов-бутлегеров, занимавшихся переноской спирта во времена сухого закона. Впрочем, внешний вид отца Кофлина не удивил бы никого из людей, знавших хоть немного жизненный путь Чарльза Кофлина. Прежде чем стать настоятелем храма, преподобный отец испытал, перепробовал все эти, как и многие другие, профессии. И каждая из них накладывала что-то новое на облик или характер настоятеля храма из города Ройял-Ок, в штате Мичиган. Перебитый и несколько расплющенный нос напоминал о неудачной встрече на ринге, в подозрительном и настороженном взгляде отразилась профессия бутлегера, а в нагловатой развязности газетного репортера или велеречивости коммивояжера тоже сказывалось прежнее ремесло отца Кофлина.

Чарльз Кофлин был бизнесменом до мозга костей. Он из всего предпочитал делать деньги и эту черту принес с собой в храм, именуемый «Маленьким цветком».

Начиная духовную карьеру, настоятель храма прежде всего отправился в местную радиовещательную компанию и договорился, что фирма не только установит на амвоне микрофон, но для начала станет передавать по радио воскресные проповеди отца Кофлина. Только одно это техническое усовершенствование сразу расширило популярность настоятеля храма. Его приятный, может быть, несколько резкий, вибрирующий голос теперь проникал всюду. Проповеди отца Кофлина стали включать в программу передач. Это стоило больших денег, но преподобный не стеснялся в расходах. Прихожанам и радиослушателям до этого не было никакого дела, а Кофлин уверял всех, что он готов отдать даже последнее, лишь бы слово господне дошло до открытых сердец.

Через несколько лет преподобного Кофлина стали именовать «пророком Исайей современного века», его голос начал звучать в эфире два раза в неделю. Но настоятель «Маленького цветка» не довольствовался одними проповедями. Рядом с храмом, точнее — через улицу, на противоположном углу площади, отец Кофлин открыл гаражик на четыре бокса, где торговал бензином, менял покрышки, обслуживал и давал приют проходящим машинам. Конечно, не сам, но с помощью церковного сторожа, поручив ему заведо-

вать гаражом. Предприятие было не велико, однако давало отцу Кофлину дополнительный ежегодный доход. Бензином он торговал не в убыток.

В поисках доходчивых путей к сердцам прихожан настоятель храма затеял издание собственной газеты. Выходила она в Ройял-Ок под названием «Сошиэл Джастис».

Под редакцию отец Кофлин приспособил пустовавшую подвальную часть храма, выкинув оттуда старую, отслужившую свой век церковную утварь и прочую рухлядь. Сначала он сам верстал газетные полосы, читал корректуру, но преподобный отец не отличался большой грамотностью, и ему пришлось пойти на дополнительные расходы, взяв разбитного секретаря редакции.

Тираж газеты был не велик, газета не окупала себя, но в данном случае отец Кофлин не выказывал себя сребролюбцем и покрывал убытки из собственного кармана.

Здесь же, в церковном подвале, трудились машинистки, перепечатывая многочисленные проповеди отца Кофлина. Можно было только дивиться плодовитости преподобного служителя церкви, выдававшего машинисткам иной день по две-три проповеди на самые различные темы. Он стряпал их, словно кондитер с соседней улицы, который пек вафли для своих покупателей.

Описание многогранной деятельности отца Кофлина было бы неполным, если не упомянуть о его биржевых операциях. С этого он начинал трудовой день, просматривая по утрам курсы акций и деловых бумаг. В Ройял-Ок отец Кофлин организовал небольшое акционерное общество, членами-учредителями которого сделал богомольных старушек и местных клерков. Для них это не представляло никакого риска — отец Кофлин сам внес за них необходимые суммы. Акции он хранил в церковном сейфе, а старушки лишь формально считались членами акционерного общества.

Конечно, при всей расторопности преподобного Кофлина ему бы в жизнь не управиться со всеми делами, свалившимися на него, с тех пор как он получил духовный сан и посвятил себя служению господу богу. Но дело в том, что значительную часть трудов отца Кофлина брали на себя тайные и влиятельные друзья настоятеля храма, покровителя, о существовании которых члены церковной общины в Ройял-Оке не имели ни малейшего представления. Одним из таких друзей провинциального священника был некий Георг Сильвестр Фирек из Нью-Йорка, фамилию которого упомянул старый негр, исповедуясь преподобному отцу Кофлину, перед тем как покинуть сей грешный мир.

Фирек относился к той категории всесильных покровителей, которые не любят афишировать свои связи с кем бы то ни было. Связи же у него были обширные — от членов конгресса до руководителей Американского легиона, ордена Белых камелий и других больших и малых фашиствующих организаций, выросших перед европейской войной, как грибы, во всех сорока восьми штатах — от Калифорнии до Техаса и Пенсильвании. Фирек оказался столь любезен, что снабжал отца Кофлина не только статьями для его «Со-

шиэл Джастис», но и готовыми текстами проповедей. В них не приходилось менять ни единого слова. Только в одном покровитель оставался неумолим — он требовал от ройял-окского настоятеля храма лично являться в Чикаго или Нью-Йорк за материалами духовного содержания. Ради этого отцу Кофлину и приходилось этак раз в месяц совершать утомительные путешествия, трястись по дорогам за рулем «фордика» небесно-голубого цвета или лететь самолетом, когда этого требовало неотложное дело.

Обычно отец Кофлин исчезал из Ройял-Ок на два-три дня и возвращался обратно с элегантным, запертым на оба замка чемоданчиком с проповедями, статьями и пачками долларов, полученных на непредвиденные расходы. Это тоже был бизнес.

Постепенно настоятель храма вошел во вкус политической деятельности, начал проявлять личную инициативу, перепечатывая иные статьи из «Нэйшнл Америка». Направление этой газеты, привлекавшей внимание отца Кофлина, лучше всего определяла ее эмблема — знак свастики, постоянно красовавшийся на первой странице. Отец Кофлин публиковал статьи своего тезки, когда-то знаменитого летчика Чарльза Линдберга, печатал по особому выбору и обязательному совету Фирека выступления отдельных сенаторов. Как-то раз ему довелось напечатать и статью доктора Геббельса, присланную из Берлина, но настоятель предпочел опубликовать статью за своей подписью — отец Кофлин был щепетилен, он не хотел давать повода для сплетен, будто бы он в какой-то мере связан с иностранной державой...

При всем том, что священник из Ройял-Ок имел определенную склонность к политическим темам, он все же предпочитал ограничивать свою деятельность сферой духовной. Об этом не раз говаривал ему и господин Фирек. Даже идею создать вооруженные отряды по типу гитлеровских эсэсменов — ее тоже подсказал Фирек — отец Кофлин облек в движение чисто религиозное, направленное против евреев и коммунистов, главных разрушителей католической веры. Мысль, подсказанная шефом, приятно щекотала где-то внутри, разжигала честолюбие,— чем черт не шутит в конце-то концов! Может быть, отряды «Христианских фронтовиков» приведут его, Чарльза Кофлина, в Вашингтон, в Капитолий. Действительно, не все же время оставаться в тени провинциального храма! Распалившись в мыслях, преподобный отец Кофлин видел себя в Белом доме, на президентском месте.

Священник из Ройял-Ок не делал секрета из идеи создания вооруженного духовного воинства. В радиопроповедях он призывал верующих католиков организовать в каждом штате хотя бы по одному взводу «Христианских фронтовиков». Ричард Львиное Сердце тоже начинал с малого. Пусть для начала в отряд вступят первые двадцать пять человек, но каждый член отряда должен будет создать свой отряд, тоже из двадцати пяти человек, готовых постоять за католическую веру.

Преподобный отец Кофлин взял на себя смелость пророчествовать у микрофона. Он уверял радиослушателей, что не пройдет и

года, как из небольших костров, возжигаемых сейчас во славу господню, во всех штатах вспыхнет и разгорится единый национальный костер, в котором навсегда погибнет прогнившая демократия.

Радиопроповедник часто говорил иносказательно, пользовался библейскими текстами, но главная мысль сводилась к тому, что для спасения душ в Америке требуется единовластный пастырь типа Гитлера или, на худой конец, генерала Франко. Только их режимы приведут прямой дорогой в царство небесное. Конечно, в мире ничто не происходит само собой. Гитлер тоже пришел к кормилу власти не сам. Разве ему не помогают гестапо, эсэсовцы? В создании «Христианских фронтовиков» Кофлин усматривал нечто похожее на католическое гестапо. Конечно, об этом не следовало говорить вслух.

Да, отец Кофлин призывал мирян вступать в отряды «Христианских фронтовиков» от своего имени. В Америке каждый может говорить что угодно. Но иное дело, если обнаружится, что за спиной проповедника стоит кто-то другой, тот же Фирек. Кофлин не так наивен, чтобы не знать, откуда у Фирека деньги, почему он проявляет такое внимание к провинциальному настоятелю храма. Ясно, что работает на немцев, на гитлеровскую Германию. Ну и пусть, Фирек неплохо платит. Тревожит другое. Если черномазый старик, муж прачки-поденщицы, заявляет на исповеди такие вещи, здесь есть о чем призадуматься. Дело не в честолюбии, но в безопасности. Негр, слава богу, многого не понимает, но если такие разговоры существуют, надо прекратить их. Очень опасно, коли пойдет молва, что проповедник храма «Маленький цветок» связан с германским резидентом. Тут уж полиция станет смотреть иначе. Нетрудно загреметь и в тюрьму.

В тревожных раздумьях отец Кофлин добрался до аэродрома, оставил машину у знакомого фермера, взял билет на самолет и через несколько часов, испытывая легкое головокружение от перелета, вошел в освещенный зал нью-йоркского аэропорта.

II

Прежде всего, не теряя времени, отец Кофлин отправился на Риверсайд Драйв в расчете, что Фирека он сможет застать дома. Затерявшись в толпе вечно снующих и куда-то спешащих ньюйоркцев, Кофлин сел в подземку, пересек город и вышел на Риверсайд Драйв, близ триста пятого дома, где жил Георг Сильвестр Фирек, шеф и покровитель преподобного Кофлина. Обычно Фирек не разрешал посещать его квартиру, но случай казался столь исключительным, что настоятель храма рискнул нарушить заведенный порядок.

В феврале в Нью-Йорке темнеет рано, и на улицах давно зажгли фонари. Дул холодный, порывистый ветер, который, заменяя дворников, мел по асфальту клочья бумаги и всякого мусора. Поеживаясь от холода, прохожие торопились быстрее покинуть неприютную улицу. В такую непогоду тем более никто не обратил внима-

ния на человека, завернувшего в ближайшую аптеку. Кто бы мог угадать в этом прохожем провинциального священника из Ройял-Ока? В макинтоше с пристегнутым мехом, в шляпе, надвинутой по самые брови, и туфлях цвета бычьей крови, на толстой резиновой подошве, Кофлин выглядел заправским ньюйоркцем.

Он присел к столику, попросил аптекаря дать горячего пива, а тем временем, когда провизор исчез за стеклянным шкафом, заставленным множеством склянок с латинскими надписями, Кофлин снял трубку и набрал нужный номер. В телефоне послышался детский голос. Кто-то бойко отвечал заученными фразами — мистера Фирека нет еще дома. Когда вернется, этого никто не может сказать. Возможно, поздно... Всего хорошего!

Кофлин повесил трубку, выпил пива, бросил в рот горстку соленого жареного миндаля, расплатился с провизором и снова вышел на улицу.

Да, надо бы позвонить с аэродрома. Как недодумал он такой простой вещи! Где же теперь искать Фирека? Конечно, можно отложить все до утра, но лучше закончить дело сегодня. Прикинув, Кофлин решил, что Фирек может быть только в конторе «Романов-кавьер» — в оптовой фирме, торговавшей икрой и рыбой.

Владельцем торгового предприятия был русский белогвардеец, в прошлом астраханский купец Данила Романов. По старости лет он отошел от работы, и делами фирмы управлял его сын — худосочный, рано полысевший джентльмен с испитым лицом и опустившимися уголками рта. Кофлин раза два бывал в конторе Романова и каждый раз заставал там Фирека. Шеф почему-то выдавал ему деньги через эту фирму.

Да, скорее всего Фирек сейчас мог быть только там. Отец Кофлин, заложив в рот два пальца, лихо свистнул проезжавшему шоферу такси и приказал ехать возможно быстрее.

Священник из Ройял-Ока, занятый тревожными мыслями, не заметил, как из аптеки следом за ним вышел широкоплечий мужчина с видом джимена — «правительственного человека» из Федерального бюро расследований. Он постоял у входа, повернувшись спиной к свету, потом перешел на другую сторону улицы. Некоторое время шел в том же направлении, что и отец Кофлин. Затем, когда священник захлопнул дверцу такси, незнакомец тоже сел в появившуюся неведомо откуда машину и поехал следом за удалявшимся таксомотором.

В контору «Романов-кавьер» отец Кофлин вошел со двора, загроможденного ящиками и старыми бочками, распространявшими запах вяленой рыбы. Настоятелю храма пришлось несколько раз позвонить и потоптаться у входа, пока ему открыли тяжелую, обшитую железом дверь. На пороге его встретил Романов-младший, именовавший себя Андреасом — на американский лад. Прежде чем открыть, Андреас посмотрел в глазок, прорезанный в двери. Узнав отца Кофлина, он не удивился позднему гостю. На вопрос Кофлина сказал, что мистера Фирека, к сожалению, нет, но, если угодно, преподобный отец может поговорить с фон Гинантом. Позже, воз-

можно, подъедет Фирек, сейчас он задержался в издательстве «Флендерс Холл».

Андреас был слащаво-вежлив, необычайно говорлив и подозрительно розов. От него крепко разило вином. Андреас часто видел отца Кофлина в обществе Фирека, на этом основании считал его своим человеком. Обняв настоятеля неуверенной рукой за плечи, он повлек его через складское помещение в контору.

Здесь, как и во дворе, отца Кофлина преследовал застоявшийся запах рыбы, но он смешивался с терпким запахом типографской краски. Запах исходил от множества плотных, перевязанных шпагатом пачек, уложенных штабелями не только в коридоре, но и в двух просторных полуподвальных комнатах с невысокими сводчатыми потолками. В складе отец Кофлин не заметил ни единой бочки с рыбой, и тем не менее гнилой, соленый запах рыбы наполнял все помещение. Казалось, что им пропитаны воздух и стены, как это бывает в трюмах рыболовецких судов, поставленных на приколе,— в них давно уже не держат рыбу, но запах не выветривается годами.

Внимание Кофлина привлекли широкие, как для пинг-понга, столы, покрытые линолеумом. Вокруг них работали женщины в синих фартуках и комбинезонах. Одни наклеивали на конверты ярлыки с адресами, другие вкладывали в конверты печатные листки, взятые из распакованных, надорванных пачек, третьи ловкими скупыми движениями заклеивали конверты и бросали их в брезентовые мешки. Все напоминало здесь скорее отделение городского почтамта, нежели оптовый склад икры, рыбы, как значилось это на вывеске с изображением золотой стерляди.

Андреас, перехватив взгляд Кофлина, кивнул на работавших женщин:

— Некоторые милы... Милы, ничего не скажешь.— Он вздохнул.— А нам и в праздник нет отдыха. В России у нас сейчас масла̀ница, на тройках ездят, кушают бли́ны... Извините, преподобный Кофлин, не в эту дверь. Вот сюда...

Отец Кофлин никогда не слышал что такое «масла̀ница», повернулся, чтобы спросить, но в это время из-за двери, в которую он едва не вошел, раздался сварливый голос:

— Не бли́ны, а блины! В России у нас так говорят... Ты, Андрюха, опять пьяный, мерзавец! Проводи гостя в офис да зайди ко мне на час, я тебя вытрезвлю.

Данила Романов предпочитал жить при лабазе, как он называл свое предприятие, и держал квартиру рядом со складом. Неженатого, единственного и беспутного сына Романов пытался держать в послушании, приучал блюсти старые обычаи и тяжко переживал, что он все больше и больше начинал «басурманиться». Даже на родном языке говорил косноязыко, будто не русский. Купец не замечал, что и сам он начинает пересыпать собственную речь чужими словами.

Из сказанного Кофлин понял только одно слово — «офис». Андреас на мгновение смутился, что-то ответил, потом заговорщицки хихикнул и заторопился провести гостя в контору.

В офисе, за стеклянной перегородкой, которая отделяла часть комнаты, сидели фон Гинант, сотрудник германского консульства, и незнакомый Кофлину человек мрачноватого вида. На столе стояли недопитая бутылка виски и сифон с содовой водой. Фон Гинант разочарованно посмотрел на вошедших — он ожидал приезда Фирека.

— Ну, что нового? — спросил он Кофлина вместо приветствия.— Виски хотите?

— Есть кое-что,— уклончиво ответил Кофлин и посмотрел на незнакомца.— Я ищу мистера Фирека.

— Можете говорить свободно. Знакомьтесь — герр Ганзенштурм. Мистер Романов, прошу вас, узнайте, готова ли почта.— Он говорил властным тоном хозяина.

Когда Романов-младший вышел, фон Гинант спросил:

— Ну, что там у вас случилось?

Кофлин кратко рассказал о событиях дня, об исповеди старика негра.

— Мм-да! — Фон Гинант забарабанил пальцами.— Надеюсь, вы взяли адрес этого черномазого?

— Сына? Да, он у меня.

— Пошлите ему телеграмму, пусть съездит к папаше. Герр Ганзенштурм, примите меры, это по вашей части...

Настойчивый звонок заставил собеседников насторожиться. Через минуту в комнату стремительно вошел Фирек. Он был чем-то расстроен. С удивлением обнаружив здесь Кофлина, Фирек протянул ему руку:

— Очень хорошо, что вы здесь, отец Кофлин! Я хотел вызывать вас... Но извините, на несколько минут мы должны вас оставить. Фон Гинант, прошу вас!

Фон Гинант поднялся, допил содержимое стакана и вышел за стеклянную перегородку. Они отошли в угол, к зашторенной витрине с низким подоконником.

— Зачем приехал сюда этот поп? — спросил Фирек.

— Кто-то проболтался о «Христианском фронте». Вас называют вдохновителем Кофлина.

— А поп?

— В панике. Дрожит за свою шкуру и побаивается разоблачения, что это не его идея. Он тщеславен, как пудель.

— Кофлин все рвется в католические наполеоны... Впрочем, об этом потом. Есть дела посерьезнее. Читайте!

Фирек протянул распечатанную телеграмму, полученную с Бермудских островов на имя Симона Грева. Фон Гинант пробежал текст: «Гарри в Лиссабон не поехал, задержался у тети Полли. Целую Нелли».

— Что это значит? — фон Гинант перечитал телеграмму.— Какая Полли?

— Я не узнаю вас, фон Гинант! Это же ясно любому мальчишке, пакет вашему достопочтенному Хайнингеро Хуанерасу не доставлен, его задержала британская цензура. Теперь понятно?

— Как же так могло получиться? — растерянно спросил фон Гинант. Перед ним отчетливо встали самые неприятные последствия постигшей их неудачи.

— Об этом следовало думать раньше.— Фирек скомкал телеграмму и сунул ее в карман.— Вместо того чтобы пользоваться нормальной дипломатической почтой, вы придумали с Вестриком глупейшую кутерьму с подставными лицами. Каждый захудалый филер, стоящий на перекрестке, знает, что Хайнингеро такой же португалец, как мы с вами, что он работает немецким консулом в Лиссабоне. Теперь расхлебывайте всю историю сами!

— Но мы не можем посылать такие документы дипломатической почтой. Нас в два счета обвинят, что мы вмешиваемся во внутренние дела Соединенных Штатов.

— Убирайтесь к дьяволу с вашим осторожничаньем! Кто поверит, что мы не вмешиваемся в их дела? Кто? Теперь пакуйте чемодан, вас вышлют как нежелательного иностранца.

— Но вы же сами послали пакет,— фон Гинант на всякий случай решил перевалить на кого-то ответственность.

— А что мне прикажете делать? Самому везти пакет в Берлин к доктору Дикгофу? Так, что ли? Покорно благодарю!..

Фирека взорвало возражение фон Гинанта. Чего доброго, свалят все на него одного. Фон Гинант не стал обострять разговор.

— Не будем спорить,— сказал он.— Надо немедленно предупредить сенатора Холта, иначе произойдет скандал.

— Ни в коем случае! — возразил более спокойно Фирек.— Это значит спугнуть два десятка сенаторов и конгрессменов, которые работают на нас в американском правительстве.

— Да, но ведь в пакете находились гранки его книги — сборник речей в сенате. А если станет известно, что американский сенатор, прежде чем напечатать книгу, посылает ее на утверждение в Берлин? Это скандал!

— Ну, вам, очевидно, лучше известно содержание пакета,— съязвил Фирек,— вы сами писали за сенатора все его речи. Черт с ним, с сенатором Холтом, найдутся другие, которые будут в конгрессе зачитывать ваши литературные упражнения. Хуже другое — любой самый посредственный следователь определит, что гранки набирались в издательстве «Флендерс Холл». На всякий случай я приказал рассыпать набор и уничтожить все оттиски. Но это упражнение для детей младшего возраста. Издательство под угрозой провала. В ближайшие дни станет известно, что «Флендерс Холл», солидное американское издательство, только филиал германского министерства пропаганды, ведомство Геббельса в Соединенных Штатах. Это серьезнее, чем что другое... Вы знаете, сколько трудов стоило создать такое издательство! Где бы вы печатали все эти речи конгрессменов: того же Фиша, Гофмана, Лендина, Нея, наконец, Линдберга,— у меня не хватит пальцев, чтобы всех перечислить...

Фирек снова разволновался. Забывшись, повысил голос и сразу осекся. Он украдкой взглянул на отца Кофлина, сидевшего в крес-

ле за стеклянной перегородкой. Они разговаривали с Ганзенштурмом, голоса их не доносились сюда. Значит, и Кофлин не мог слышать их разговор. Тем не менее Фирек перешел почти на шепот.

— Кстати, речь сенатора Фиша готова к рассылке? — спросил он.

— Думаю, осталось часа на три работы. К утренней почте успеют. Как-никак там сто сорок тысяч адресов.

— Жаль, что не больше. Все равно почта идет не за наш счет. Американский конгресс не разорится от этого.— Фирек самодовольно рассмеялся.

Это была его идея — рассылать пропагандистский материал через конгрессменов. Их корреспонденция освобождалась от почтовых сборов. Речи в конгрессе того же Фиша или Лендина, подготовленные в немецком посольстве, рассылались в сотнях тысяч экземпляров.

— Ну, это нам тоже стоит немало денег. С Фишем вы расплатились? О чем его последняя речь?

— То, что надо. Требует не вмешиваться в европейские дела. Призывает конгресс сохранять нейтралитет, не помогать англичанам... Так что не будьте скупцом, фон Гинант. Расходы пока окупаются. Последний раз Гамильтон Фиш получил двенадцать тысяч долларов. На почтовых марках мы экономим гораздо больше.

— Да, но за полгода только через фирму Романова он перебрал у нас тысяч тридцать. Это немало... Вы слышали, что Фиш выдвигает свою кандидатуру на пост американского президента?

Фирек самодовольно усмехнулся.

— Не только слышал, но и подсказал ему эту идею. Боюсь только, как бы из-за проклятого пакета он не попал в тюрьму вместо Белого дома.

— Гамильтона Фиша это не может касаться. Он как член конгресса имеет право рассылать бесплатно свою почту. Это подтверждено законом.

— Да, но в почту американских конгрессменов мы вкладываем свое содержимое. Это тоже подтверждено законом? — Фирек иронически посмотрел на фон Гинанта.— Впрочем, не стоит преувеличивать и раздувать наши заслуги в пропаганде фашизма в Америке. Поверьте, он развивается в Штатах без нашей помощи. В лучшем случае мы чуточку подталкиваем и ускоряем процесс. Поверьте, что Генри Форду или тому же Линдбергу не надо подсказывать, они сами мечтают о своем фюрере. Поэтому нам так легко здесь работать... Подождите, подождите! — Фирек остановил фон Гинанта, когда тот сделал протестующее движение, намереваясь возразить собеседнику.— Я-то уж знаю, что говорю! Мой вывод имеет для меня практическое значение — в своей работе я прежде всего рассчитываю на самих американцев.

— Тогда почему же вас расстраивает история с пакетом?

— Это другое дело! Нужно просто умнее работать. Это во-первых. Кроме того, в Америке живут не одни Форды, Дюпоны и

Кофлины. Есть люди, которые не принимают фашизма. К сожалению, в Штатах их немало.

— Однако что же мы можем предпринять по поводу этой истории? Нужно избежать дипломатического скандала,— в фон Гинанте заговорил осторожный дипломат, опасающийся международных осложнений.

— Прежде всего, запросите Кордта, пошлите ему шифровку в Лондон. Может быть, он сможет для нас кое-что сделать. Возможно, англичане задержат пакет у себя.

Фирек говорил и сам не верил в собственный вариант. Фон Гинант усомнился в нем тоже.

— Англичане немедленно сообщат американцам, они заинтересованы поссорить Вашингтон с Берлином.

— Тогда у меня есть другой план: я срочно должен встретиться с Герхардтом Вестриком.

— Это невозможно! Он прибыл в Вашингтон как торговый атташе германского рейха. У него другие задачи. С вашей репутацией, герр Фирек, только и встречаться с Вестриком!

— Однако вы легко могли бы с ним связаться,— настаивал Фирек.— Он живет не за горами, здесь, в Нью-Йорке, в отеле «Уолдорф Астория».

— Я повторяю, это невыполнимо. Рисковать мы не имеем права. Встреча с вами может его скомпрометировать.

— Это почему же? — обиделся Фирек.

— Да потому что вы подмочили свою репутацию. Думаете, о вашей работе никто не знает? — Фон Гинант наклонился к Фиреку.— В сравнении с тем, что делает господин Вестрик в Соединенных Штатах, наша с вами работа круглый ноль. С помощью наших американских друзей он пытается сорвать в конгрессе закон о ленд-лизе. А это значит, что Европа — и французы и англичане — останется без военной помощи. Понятно? Это поважнее провала издательства «Флендерс Холл». У него налаживаются отличные связи с промышленными кругами.

— Тем более.

— Нет, нет, вам нельзя с ним встречаться! Тем более после этой истории с пакетом. Я сам избегаю появляться у него в отеле. Даже корреспонденцию он получает на другое лицо.

— Хорошо,— Фирек не хотел сдаваться, его начинала бесить излишняя осторожность дипломата,— передайте господину Вестрику, что я хочу встретиться с ним. Пусть он решает сам. Расскажите ему на словах о моем плане.

План Фирека, тайного сотрудника германского абвера, заключался в том, что в Соединенных Штатах необходимо создать еще одну организацию. Она должна объединить промышленников, имеющих экономические интересы в Германии. Фирек даже придумал название — «Америка прежде всего». Может быть, что-то другое, похожее, но обязательно патриотическое. Мог же член конгресса мистер Фиш создать с его помощью подобное общество «Национальный комитет борьбы против участия Америки в иностранных

войнах»! Туда входят политики. Еще большее значение должны иметь представители деловых кругов. Их поддержкой может заручиться господин Вестрик.

— Слушайте меня внимательно,— говорил Фирек, излагая свой план.— Господин Вестрик находится в дружбе с братьями Даллес из адвокатской фирмы «Салливэн энд Кромвель». Они связаны с германскими банками. Ему нетрудно найти общий язык... Это, так сказать, голая схема. О деталях я расскажу сам. Заинтересуйте господина Вестрика. Имейте в виду, что с помощью деловых людей — того же Дюпона или нашего друга Форда — мы сможем как-нибудь замять историю с гранками сенатора Холта.

Фон Гинант выслушал Фирека. План заинтересовал его. Только из присущей ему осторожности сотрудник консульства согласился не сразу.

— Хорошо, я попробую это сделать, но в успехе не хочу обнадеживать.

— Тогда мне придется бежать в Европу или садиться в тюрьму. У меня нет настроения делать ни то, ни другое! — Фирек снова начинал раздражаться.

— Хорошо, хорошо,— поспешил успокоить его фон Гинант,— завтра я поговорю с Вестриком. Надеюсь, вступление в общество не будет связано с таким сложным ритуалом, как, например, в ваш «Черный легион»?

— То есть?

— Ну, предположим, клятва в глухом лесу с приставленным к груди револьвером, вручение крупнокалиберной пули как сувенира и еще там что-то вроде этого...

— У «Черного легиона» были другие задачи — борьба с профсоюзными активистами. Мы не принимали туда слабонервных барышень.

— Генри Форд тоже не выпускница закрытого колледжа пречистой девы Марии... Тем не менее вы, надеюсь, не откажете ему в приеме в ваше общество «Америка прежде всего»? Однако пойдемте! Поп заскучал без вас. Зачем он вам нужен?

— Нужны адреса для рассылки почты. Шутка шуткой, а в его «Христианском фронте» уже наберется тысяч двадцать пять — тридцать отборных молодцов. Вот вам и поп! В Америке все поособому. Дело теперь за оружием. Пока мы используем его для других целей: каждый фронтовик — готовый адрес, куда мы без опаски можем посылать нашу почту.

Фирек и фон Гинант возвратились в стеклянный бокс, где Кофлин с новым знакомым успели докончить начатую бутылку виски.

Фирек передал отцу Кофлину поручение собрать почтовые адреса «христианских фронтовиков» и попросил его заехать сюда же на следующее утро, чтобы взять тексты проповедей. Вскоре они втроем тем же черным ходом вышли из конторы «Романов-кавьер». В коридоре наткнулись на спящего Андреаса. Он спал на типографских пачках, уронив голову на руки. За столами, как на почтамте, женщины в синих комбинезонах продолжали готовить почту.

Ганзенштурм, числившийся сотрудником фирмы, проводил всех до двери, закрыл ее на железный крюк,— он задерживался, чтобы проследить за отгрузкой почты.

III

Едва ли в Нью-Йорке наберется десяток таких фешенебельных отелей, как «Пенсильвания». В отличие от других заведений подобного типа, в «Пенсильвании» селились не только богатые туристы, наехавшие из Европы, или деловые люди из Чикаго и Сан-Франциско. Порой номера люкс, обставленные с роскошью и великолепием, использовывались для приватных встреч людей, не желавших привлекать внимания не в меру любопытных и неистовых репортеров. Именно такая встреча и состоялась здесь в один из пасмурных февральских дней сорокового года.

В отеле «Пенсильвания» собралось небольшое избранное общество солидных и деловых людей. Все они, если сложить их капиталы, стоили по меньшей мере пятнадцать миллиардов долларов. Один только Ламмот Дюпон, руководитель фирмы «Дюпон де Немур энд компани», как патриарх восседавший на почетном месте, ворочал капиталом в три с лишним миллиарда долларов.

Приехал сюда и невысокий, желчного вида вице-президент компании «Дженераль моторс» мистер Уильям Надсен. Тот самый, что не так давно, к зависти и тайному восхищению других, так выгодно приобрел контрольный пакет опелевских автомобильных заводов в Германии. Присутствовали среди приглашенных и вице-президент телефонного треста Уильям Гаррисон и мистер Дэвис, один из директоров «Стандарт ойл» — крупнейшей нефтяной компании Штатов. За столом сидели еще несколько президентов, директоров и председателей наблюдательных советов — всего двенадцать апостолов, собравшихся на тайную вечерю в фешенебельный отель «Пенсильвания».

Среди участников встречи только два человека, два брата, абсолютно разных по внешности, не имели прямого отношения к замкнутому клану миллиардеров. Это были руководители известной адвокатской фирмы «Салливэн энд Кромвель» — братья Аллен и Джон Фостер Даллесы. Оба они не стоили и пятисот тысяч долларов, но были приняты в деловое общество, как принимают в аристократических семьях домашнего врача или нотариуса-душеприказчика: с ними делятся семейными тайнами и сокровенными мыслями.

Джон Фостер Даллес сидел между Надсеном из «Дженерал моторс» и представителем телефонного треста. Профессия адвоката наложила на него свой отпечаток. Представительный, гладко причесанный, с холеным и напряженно-предупредительным лицом, он походил на приказчика из ювелирного магазина, знающего себе цену.

Аллен Даллес ростом был не высок, лицом простоват, носил усы; неандертальские, выпирающие надбровные дуги придавали

ему выражение тупой жестокости, хотя он и отличался достаточной хваткой и остротой ума. Вместо галстука Аллен Даллес предпочитал носить бабочку, прикрепленную к манишке тонкой резинкой. Эта привычка родилась у него после трагической гибели одного из сотрудников фирмы, который был задушен собственным галстуком.

По странному совпадению в отеле «Пенсильвания» собрались как раз в большинстве своем те члены всесильной национальной ассоциации промышленников, которые года два тому назад в такой же абсолютной тайне встречались с германскими эмиссарами, с двумя баронами — Типпельскирхом и Киллингером. Это было в ноябре 1937 года. Посланцы Берлина расписывали перед ними выгоды нацистского строя. Промышленники Штатов в упор ставили вопросы и получали такие же прямые ответы. Типпельскирх, генеральный консул в Бостоне, развивал идею сотрудничества Соединенных Штатов с Германией, раскрывал заманчивые перспективы: вот если бы овладеть такими гигантскими, неисчерпаемыми рынками, как Китай и Россия! Он подзуживал и разжигал аппетиты. Немцы распределили роли на совещании. Киллингер говорил о достоинствах внутренней политики нацистского строя. В Германии Гитлера коммунистов заставили прикусить языки, всех левых утопистов упрятали в тюрьмы. Теперь в нацистской Германии нет-де почвы для классовой борьбы. Но посмотрите, сколько неприятностей причиняет она в других странах! Хотя бы в Америке.

Слова немцев звучали сладчайшей музыкой в ушах участников совещания. Слишком велико было искушение повторить опыт Гитлера в Соединенных Штатах. Ламмот Дюпон, восседавший сейчас на председательском месте, высказал тогда затаенную мысль собравшихся: «Нам следует стремиться к объединению под руководством какого-нибудь выдающегося деятеля,— Дюпон говорил о своем, американском Гитлере.— Мы будем признательны нашим немецким друзьям за каждую услугу, которую они смогут нам оказать».

Принятое решение скрыли в бронированном хранилище семьи Дюпонов, но мысли, отраженные в нем, витали и сейчас на совещании апостолов делового мира Америки. За минувшие годы им удалось кое-что сделать. По всей стране возникли организации откровенно фашистского толка — «Стражи республики», «Крестоносцы», «Союз свободы», «Христианские фронтовики», «Черный легион» и другие. Апостолы-магнаты не жалели денег на тайные взносы. Помогали и немецкие друзья, имевшие свои виды на фашизацию Соединенных Штатов Америки.

Но на этот раз в отеле «Пенсильвания» не было никаких заграничных эмиссаров. Американцы оставались одни. В гостиной, где сервировали стол, большие зеркала отражали собравшихся, и казалось, что их гораздо больше, чем было на самом деле.

За ленчем шел общий, ни к чему не обязывающий разговор о событиях в Европе, о рыночной конъюнктуре, о войне в Финляндии, где русские неожиданно прорвали линию Маннергейма. Толь-

ко в конце ленча старик Дюпон высказал свое мнение о внутреннем положении в Штатах.

— С нашим правительством,— сказал он,— надо вести себя так, как мы разговариваем с покупателями дефицитных товаров. Мы должны диктовать условия и свою цену, мы, но не президент Рузвельт со своим новым курсом. На нашего президента, по-видимому, все еще влияет детский паралич, перенесенный им в зрелом возрасте. Я думаю, господа, было бы уместно обменяться сегодня нашими мыслями.

После ленча, когда все перешли в соседнюю комнату курить и пить кофе, общий разговор возобновился.

Все сходились на том, что правительство в столь благоприятной обстановке должно учитывать национальные интересы деловых кругов Соединенных Штатов. События в Европе дают возможность укрепить американские позиции. Надо только умело проводить нейтралитет и одновременно извлекать выгоды из обеих воюющих сторон. Представитель телефонного треста высказался более откровенно — надо доить Европу.

— Для нас Америка должна быть прежде всего,— сказал Ламмот Дюпон. Про себя он подумал: «Действительно, стоит заключить картельное соглашение с немцами, то, что предлагает Вестрик».

Дюпон высказал мысль, что военные силы в Европе находятся в равновесии и есть все основания предполагать, что англо-французский блок путем дипломатического воздействия сможет направить германскую агрессию на восток.

Представитель «Дженерал моторс» с присущей ему желчностью возразил:

— Война обладает своего рода цепной реакцией. Из символической в один прекрасный момент она может превратиться в реальную. Это опасно.

Все, кто участвовал в разговоре, отлично понимали ход мыслей Уильяма Надсена: его беспокоила судьба заводов Опеля в Руре, вернее — акции, лежащие в его портфеле. При настоящей войне заводы превратятся в мишени для англо-французских бомбардировщиков. Тогда акции превратятся в бумагу. Мистер Надсен и сам знал, что его невысказанные мысли читают остальные, тем не менее продолжал говорить о своеобразии войны в Европе.

— Я позволю себе, господа, процитировать,— сказал он,— выступление одного дальновидного и, я бы сказал, трезвого обозревателя. Я говорю о мистере Липпмане. Мы не можем полагаться на самотек. Послушайте!

Надсен неторопливо, с видом некоторого снисхождения, потянул за молнию на сафьяновой папке с серебряной монограммой, вынул газету, перелистал, нашел статью, поправил пенсне. Поверх пенсне он исподлобья посмотрел на собравшихся и прочитал:

«В той самой мере, в коей союзники обязаны принять во внимание нашу точку зрения, они должны применять такую стратегию, которая осуждала бы крупные наступательные действия. В Западной Европе следует вести преимущественно оборонительную войну,

в форме блокады, контратак и дипломатического давления. Политика американского правительства и должна состоять в том, чтобы заставить европейцев придерживаться этой стратегии. Для этого, в частности, нам надо воздерживаться от предоставления займов Англии и Франции. Это заставит союзников бережнее расходовать свои ресурсы, отказавшись от крупных операций».

— Попробуйте возразить против железной логики автора! — прервал сам себя представитель «Дженерал моторс», придерживая газету пальцем в том месте, где он цитировал. Вице-президент не нашел нужным сообщать коллегам, что именно он сам месяца два тому назад инспирировал появление этой статьи в «Нью-Йорк геральд трибюн».

— «С другой стороны,— прочитал дальше Надсен,— необходимо убедить немцев в том, что их наступление на Западе также не принесет решающих успехов, но только ослабит армию, которая может спасти мир от большевистской опасности».

Что вы скажете, господа, по этому поводу? — закончил вице-президент, опуская газету.

Он сел и почему-то сердито посмотрел на окружающих, хотя все были с ним абсолютно согласны.

Значительный интерес участников совещания вызвало сообщение Джона Фостера Даллеса о последних новостях в международной жизни. Он говорил, не поднимаясь с кресла, откинув голову и тщательно подбирая слова.

По достоверным сведениям, исходящим из госдепартамента, Верховный военный совет союзников, заседавший на днях в Париже, решил послать в Финляндию англо-французские десантные войска численностью до ста пятидесяти тысяч штыков. У союзников возникает одна неясность: пропустит ли Германия их войска в Швецию и Норвегию? Не высказывая личной точки зрения, Даллес-старший намекнул, что союзники ждут помощи от Соединенных Штатов в дипломатических переговорах с Германией. Положение осложняется успехами русских в Финляндии. Они прорвали линию Маннергейма. Надо поторопиться.

Вот тогда и возникла идея отправить в Европу своего человека, который бы посмотрел, послушал, поговорил и с немцами, и с французами, с итальянцами, англичанами. А главное — подсказал бы им, что общие их интересы сосредоточены на востоке — в России.

За окнами гостиницы было пасмурно, сыро и начинало смеркаться. Слуги внесли свечи в тяжелых канделябрах и поставили их на общий стол, за который снова перешли двенадцать апостолов. Конечно, проще было бы включить электрический свет, залить им всю комнату, но яркий свет казался безжизненно холодным, а свечи приятно контрастировали с непогодой, создавали атмосферу интимности.

Заспорили о человеке, пригодном для миссии в Европу. Сошлись на том, что лучше всего предложить кандидатуру мистера Семнера Уэллеса, он подходит со всех точек зрения.

— Мы вас просим, мистер Даллес,— обратился патриарх Ламмот Дюпон к старшему из братьев,— изложите Уэллесу нашу точку зрения. Или кому другому, кого президент уполномочит выполнить европейскую миссию. Пусть он побывает в Берлине... э-э-э... пусть убедит кого там следует не препятствовать союзникам перебросить войска в Финляндию. Ему следует подумать, как сохранить восточноевропейский барьер против большевиков... Конечно, мистер Уэллес может иметь свою точку зрения, но с нашим мнением,— Дюпон широко развел руки,— с нами ему следует посчитаться.

— А в Москву ему не стоит поехать? — не подумав, спросил кто-то на краю стола.

На него оглянулись как на человека, допустившего большую бестактность. Дюпон иронически бросил:

— Россия для нас — только потенциальная жертва Германии, разменная монета... Там нечего делать.

Заключал совещание президент Национальной ассоциации энергичный мистер Джордано, американец итальянского происхождения. В конце он сказал:

— Мы коммерсанты, джентльмены, и нас в данном случае не волнуют идеологические мотивы. Мы должны защищать собственные интересы, видеть свои перспективы. Даже если при нашей помощи Англия выйдет из этой борьбы без поражения, она настолько обнищает экономически, настолько подорвет свой престиж, что было бы совершенно невероятным полагать, будто она сможет восстановить или поддержать господствующее положение в мировой политике. В лучшем случае, она станет младшим партнером в новой системе англо-американского содружества, центром которого будет военная и морская мощь Соединенных Штатов Америки.

Даллес-младший сидел не за общим столом, а в стороне, погрузившись в глубокое кресло. Он наблюдал, посасывая прямую английскую трубку. Со стороны тайная вечеря напоминала ему какую-то картину Рембрандта, какую — не мог вспомнить: глухой, черный фон, видны только лица да манишки, выхваченные неровным пламенем свечей в бронзовых канделябрах. Даллес ждал, когда президент ассоциации заведет речь о его предложении. Неужели забыл? Совещание близилось к концу, но разговора о новом обществе не возникало.

Однако Джордано не забыл о предложении адвоката. Оно могло стать логическим завершением совещания. Президент ассоциации приберег это к концу. Он поблагодарил Аллена Даллеса за патриотическую идею создать общество «Америка прежде всего» и попросил его взять на себя труд провести необходимые формальности. Прежде всего надо зарегистрировать общество, ну хотя бы через адвокатную контору «Салливэн энд Кромвель».

Джордано обратился к коллегам с просьбой поддержать новое общество. Сам он первым поставил четырехзначную цифру на подписном листе.

Лист пошел по кругу, из рук в руки. На нем появились двенадцать подписей, включая и росчерки братьев Даллесов. Апостолы

благословили рождение новой организации. Во главе ее стал чикагский делец, отставной генерал Роберт Вуд, не скрывавший прогерманских взглядов. Вуд говорил открыто, что, была б его воля, он готов бы отдать Гитлеру всю Европу, а если надо, то и всю Южную Америку. Вуд считал себя патриотом — Северную Америку он оставлял для себя.

IV

Беннет Стивенс, «маленький Бен», как иронически называли его приятели, слыл заурядным сыщиком. Был он одним из пятнадцати тысяч рядовых сотрудников, числившихся в то время в списках Федерального бюро расследований.

Часами простаивал он в слякоть и непогоду на улицах, чтобы сообщить потом шефу, что такой-то субъект находился в баре, после чего, нетвердо держась на ногах, трамваем поехал домой. «Маленький Бен» среди ночи тоже должен был трястись за ним в неприютном вагоне через весь город, продрогший и голодный, как пес. Действительно, собачья работа!

Но Беннет Стивенс, имевший личный номер 712, верил в свою судьбу и не унывал. Особенно он уверовал в нее после того, как шеф поручил сыщику наблюдать за квартирой некоего Георга Сильвестра Фирека, Риверсайд Драйв, дом 305.

Джимен впервые проявил тут инициативу. С застенчивой улыбкой, будто он впервые разговаривал с любимой девушкой, Бен сказал шефу:

— Мистер Кетчел, может быть, вы разрешите мне наблюдать и за ближайшими телефонами? Там есть телефон в аптеке и в ночном баре. Возможно, кто-то вздумает позвонить Фиреку, раньше чем зайти на квартиру.— Он еще раз улыбнулся. Все лицо его говорило: «Если сказал что не так, извините, пожалуйста...»

Кетчел посмотрел на него и загудел:

— О, да, я вижу, ты парень с головой! Честное слово! — Он сунул недоеденный бутерброд в ящик письменного стола и вытер губы.— Бери себе аптеку, в бар я пошлю другого... Молодец! Даром что с виду теленок.

Говорил Кетчел густым, хрипловатым басом. Бас соответствовал его наружности. Шеф был рыжеватым толстяком с апоплексической шеей и припухшими бесцветными бровями. На щеках и переносице его выступала россыпь почти коричневых веснушек.

Это случилось как раз в тот день, когда отец Кофлин действительно заглянул в аптеку, чтобы узнать, дома ли Фирек. Джимен проследил его до фирмы «Романов-кавьер». Зевая и чертыхаясь, он простоял до полуночи в подъезде, пока со двора не вышли трое. Бен увязался следом за их машиной. Двое вышли у подъезда гостиницы, а третий, сидевший за рулем, поехал на Риверсайд Драйв и остановился перед домом № 305.

Рано утром, не заезжая в бюро, позвонив только шефу, Бен толкался в холле гостиницы. Там он обнаружил своего поднадзорного.

Невидимой тенью сопровождал его сначала в контору «Романов-кавьер», потом до аэродрома.

Проводив самолет, уходивший в направлении Мичигана, Бен явился в бюро.

Он заполнил осведомительный листок, приложил к нему серию фотографий человека в шляпе, нахлобученной на кривой, как у боксера, нос, и отправился к шефу. Кетчел встретил сыщика в той же позе, что и вчера. Он дожевал бутерброд и выжидательно уставился на джимена 712.

— Ну?

Стивенс протянул листок с фотографиями. Доложил о событиях минувшей ночи и утра. Рассказывал он вяло, совсем не уверенный в том, что это заинтересует шефа. Застенчивая улыбка не сходила с лица Бена.

Кетчел внимательно выслушал, пробежал справку и принялся рассматривать сырые еще фотографии. Тяжело посапывая и отдуваясь — шеф страдал одышкой,— он то прикрывал на фотографии рукой шляпу, оставляя глаза и нижнюю часть лица, то оставлял только глаза с перебитым носом. Это продолжалось довольно долго. Наконец, откинувшись на спинку стула, он восхищенно посмотрел на джимена.

— Ты еще не знаешь, парень, что ты открыл вчера! Будто гадал на кофейной гуще... Молодец, черт побери! Бьюсь об заклад, что это поп Кофлин!.. Сейчас проверим.

Шеф позвонил секретарше:

— Принесите досье «Черного легиона», да побыстрее. А ты, парень, посиди рядом, я тебя вызову.

Через четверть часа Бен снова был в кабинете шефа.

— Смотри сюда! Узнаешь? — Кетчел указал на фотографию пастора, читающего проповедь в храме.

Лицо было знакомое, но Бен не мог бы утверждать под присягой, что это именно тот человек, которого он проводил самолетом из Нью-Йорка. Шеф увидел сомнение на лице джимена.

— А теперь посмотри!

Шеф прикрыл листом бумаги воздетые к небу руки проповедника. Исчезли сутана, нагрудный крест. В прорези, сделанной шефом в бумаге, осталось только лицо от подбородка до бровей, нависших над проницательными глазами. Перед Беном была почти такая же фотография, как та, что сделал он несколько часов назад.

— Узнаешь? — Кетчел расхохотался, довольный изумлением джимена.— Память у меня феноменальная! Вот здесь я держу тысячи лиц,— шеф постучал кончиками пальцев себя по лбу.— Конечно, это поп Кофлин из Ройял-Ока. Старый знакомый, работал в «Черном легионе»... Значит, теперь он связался с Фиреком. Так!.. Я скажу тебе, парень, ты недаром прожил последние сутки.

Кетчел относился к категории старых, преданных делу служак, проведших многие годы в криминальной полиции. Всех людей земного шара он делил на две неравные части — на честных, которых всячески защищал и оберегал, и нечестных, с которыми боролся,

защищая бóльшую часть человечества. Кетчел не признавал ни бедных, ни богатых, ни добрых, ни злых. Для него существовали только преступники и прочие граждане. Прочие, будь то рабочие, фермеры, члены конгресса или сам Генри Форд,— все, равные перед американским законом, находились под его защитой. Так он, во всяком случае, думал. Преступников Кетчел подразделял на рецидивистов, фальшивомонетчиков, грабителей, мошенников, убийц, содержателей притонов, вымогателей и прочих профессионалов или дилетантов преступного мира.

Кетчела не интересовала политическая окраска порученного ему дела. Он загорался, мог проводить бессонные ночи, распутывая сложнейшие нити, решал головоломные задачи лишь для того, чтобы доказать, что для него, Кетчела, не существует не раскрытых дел. Это было смыслом жизни, чести, профессиональной гордости детектива. В Федеральное бюро расследований Кетчел пришел не так давно, из криминальной полиции он принес с собой дух спортивного задора, азарта.

Работать с ним было легко, он умел отметить старательную службу джименов, радовался успехам, но не спускал промахов, ротозейства и уж никак не терпел, чтобы его мальчиков кто-то обводил вокруг пальца.

К агенту 712 Кетчел присматривался исподволь. Он все больше убеждался, что парень имеет задатки стать отличным детективом. Внешность у него, конечно, не соответствовала профессии, но это даже лучше. Такого теленка, умеющего по любому поводу краснеть и смущаться, трудно заподозрить в чем-то серьезном. Иные детективы умышленно напускают подобную маску ленивого добродушия. Взять к примеру того же Доновена из Бюро стратегической информации. У генерала тоже добрые голубые глаза и мягкий ирландский говор. И еще что-то кошачье. В любую минуту может выпустить когти. Генерал Доновен предлагал Кетчелу перейти в военную разведку. Он отказался — нечего прыгать с места на место.

В тот день, возвратившись домой, Бен вихрем ворвался в кухоньку, где мать возилась у плиты, занятая стряпней.

— Мутти, победа! — закричал он с порога и, схватив мать, закружил ее по кухне.— Теперь уже наверняка мы сможем купить ферму! Ты только послушай, мутти: шеф похвалил меня и сказал, что из меня выйдет настоящий джимен. Обещал поручить мне самостоятельное дело... Ты только послушай, мутти!

Мать с трудом высвободилась из объятий сына и с недоверчивой улыбкой ответила:

— Оставь, Бен, перестань фантазировать! Об этом я слышу не первый год.

— Нет, нет, мутти! Сейчас уже твердо. Вот увидишь, мне прибавят жалованье. Я придумал дежурить в аптеке... Шеф сказал, что я везучий... Поздравляй меня и давай поскорее обедать. Отец не вернулся? А Людвиг?

— Отец скоро придет. Помоги мне накрыть на стол, да вымой сначала руки. Ты пришел с улицы...

Бен исчез в ванной, но и оттуда доносился его оживленный голос. Потом он принялся доставать из буфета тарелки, вилки, резал хлеб и без умолку говорил и говорил о своей удаче.

В семье Стивенсов дети говорили с матерью по-немецки. Только в присутствии отца переходили они на английский язык. Амалия Стивенс, урожденная Вилямцек, еще до 1914 года переселилась в Штаты. Германию она помнила смутно, но, несмотря на американское подданство, считала себя немкой, всю жизнь стремилась, чтобы Бен и Людвиг знали язык ее родины.

В Германии, под Берлином, у Амалии остались какие-то родственники. Она их не знала, хотя долгое время к пасхе и рождеству из Европы приходили поздравления с праздником. После смерти отца переписка оборвалась даже с кузеном. Вот уже сколько лет оттуда не приходило никаких известий.

Дельберт Стивенс, отец семейства, происходил из ирландцев. Он тоже лет тридцать назад переселился за океан, тоже прекратил связи с родиной, но, в отличие от жены, считал себя стопроцентным американцем. Дети унаследовали от него мягкий ирландский выговор и, вероятно, некоторые черты характера, свойственные заокеанским предкам.

Семья Стивенсов не могла роптать на судьбу. Жили они вполне прилично, особенно после того, как дети стали на ноги и начали приносить домой заработок. Квартиру снимали недалеко от порта. Это было удобно — отец и Людвиг работали в доках. Зато Бену приходилось тратить много времени на переезд, но ему, самому молодому в семье, такие поездки не были в тягость.

Заработка трех мужчин Стивенсам хватало на жизнь, но чего не могли они сделать — это накопить денег на ферму и клочок земли где-нибудь на берегу реки. Много лет Стивенсы откладывали сбережения, иногда по центам, но все оказывалось мало. Дельбертсхолл, как окрестили они, в честь отца, свое будущее ранчо, стал общей мечтой всей семьи. Их мечта с каждым годом становилась все более близкой к осуществлению. Поэтому Бен, не страдавший излишним честолюбием, связывал свое продвижение по службе прежде всего с мечтой о ферме. Там могли бы наконец поселиться родители, а они с Людвигом стали бы наведываться к ним и ловить в речке форелей.

Теперь, если верить мистеру Кетчелу, Бен имел все шансы выдвинуться и зарабатывать несколько больше того, что получал он каждую субботу.

События, вселившие в младшего из Стивенсов уверенность, что он теперь выберется наконец в люди, произошли в пятницу, а в понедельник на следующей неделе они имели свое продолжение. Мистер Кетчел снова вызвал джимена 712 и поручил ему заняться несчастным случаем, который произошел с негром Дженом Хонтом, двадцати семи лет, на перегоне близ города Ройял-Ок. Само дело не представляло интереса,— подумаешь, негр попал под колеса! Но

из криминальной полиции сообщили, что у погибшего негра, кроме личных документов, найдена телеграмма с подписью священника Кофлина. Опять Кофлин! Это насторожило мистера Кетчела. Он нюхом почувствовал, что здесь пахнет не только несчастным случаем, и постарался внушить это Стивенсу.

— Поезжай, парень, в Ройял-Ок,— сказал он,— осторожненько посмотри, нет ли какой связи между этим несчастным случаем и телеграммой.— Он пожевал сигару и добавил: — Имей в виду, если повезет, мы копнем с тобой большое дело. Действуй! Как только что-нибудь узнаешь, скачи обратно.

Бену едва хватило времени, чтобы заехать домой. Он собрал с помощью матери чемоданчик, сломя голову помчался на вокзал и ближайшим поездом выехал из Нью-Йорка.

На месте происшествия, вернее — в полиции Ройял-Ок, Бен очутился днем и немедленно приступил к делу. Кажется, никогда не испытывал он такого прилива сил и энергии. Шутка ли, первое самостоятельное дело!

В полиции его познакомили только с протоколом. Из него следовало, что негр, видимо задремав, свалился с поезда и попал под колеса. Полицейский инспектор посмотрел на Бена сонными, равнодушными глазами. Всем своим видом он будто бы говорил: чего здесь затевать дело, когда ясно, как дважды два,— черномазый сам свалился с поезда! Ехал небось без билета. Чего старается молокосос? Делает вид, будто занят чем-то серьезным...

Телеграмме отца Кофлина, вызывавшей Хонта к умирающему отцу, инспектор тоже не придавал никакого значения. Нужно же было негру ехать зачем-нибудь в Ройял-Ок... Но Стивенс решил попробовать зацепиться за эту тоненькую и ненадежную ниточку, как советовал ему мистер Кетчел. Сам он не хотел попадаться на глаза отцу Кофлину. Отправился к нему полицейский инспектор, тот, который считал, что дело не стоит выеденного яйца.

Конечно, он не принес ничего нового.

Таким же снисходительно-вялым тоном инспектор процедил, что отец Кофлин ездил по своим делам в Нью-Йорк. Оттуда действительно он отправил телеграмму сыну умирающего прихожанина. Это ясно и так — на телеграмме стоит подпись священника.

Единственно, что инспектору показалось странным в разговоре с настоятелем храма,— это некоторая раздражительность, с которой преподобный отец отвечал на вежливые расспросы. Конечно, любому духовному отцу неприятно иметь дело с криминальной полицией. Успокоившись, отец Кофлин рассказал, что ездил в Нью-Йорк навестить больную сестру, потом остановился в гостинице и первым самолетом вернулся домой. Задерживаться он не мог, так как в воскресенье должен был читать проповедь в храме.

Полицейский инспектор сделал для себя вывод: отец Кофлин, посылая телеграмму, выполнил христианский долг, и нечего к нему придираться. Приехавшего юнца, новичка в криминальных делах, он не утерпел кольнуть:

— Признаюсь, мне было не по себе, что пришлось приставать к настоятелю храма с такими расспросами.

Но Бен даже не заметил словесной шпильки. Рассказ инспектора насторожил его. Бен, смущенно улыбаясь, спросил:

— А кроме как у сестры, священник нигде не был?

— Был в гостинице, как я уже говорил... Простите, мистер Стивенс, мне неудобно было допытываться. Какое это имеет значение?

— Извините, пожалуйста,— Бен словно застенчиво умолял инспектора, даже потупил глаза,— но вам придется сходить еще раз к отцу Кофлину. Расспросите его, где и когда был он у сестры, когда приехал в гостиницу... Пожалуйста, сходите сейчас, больше я вас не буду тревожить...

Полицейский инспектор пожал плечами и отправился снова выполнять поручение дотошного джимена. Мальчишке нечего делать! Если бы не мандат Федерального бюро расследований, инспектор давно бы послал его к черту.

В ожидании, когда вернется инспектор, Бен пошел на вокзал и стал расхаживать по перрону. Стивенс осмотрел, где можно выйти с вокзала на площадь, у станционного сторожа узнал, что с ночным поездом пассажиров почти не бывает, поэтому для выхода в город оставляют только одну железную калитку. Вон ту, рядом с вокзалом.

Бен подошел к калитке, заглянул в урну, стоявшую рядом. Удача продолжала сопутствовать ему — урна была заполнена мусором. Видимо, ее не чистили несколько дней.

Стивенс купил в киоске газету, полистал и, улучив минуту, когда на перроне не осталось ни единой души, выгреб в бумагу содержимое урны. Здесь были окурки, горелые спички, банановые шкурки, использованные билеты, жевательная резина, что-то еще. Джимен старательно завернул добычу в газету и возвратился в полицию.

К тому времени, когда инспектор пришел от священника, Бен успел разобраться в содержимом урны. Он обнаружил здесь коечто интересное. Прежде всего Бен выбрал из мусора погашенные билеты и установил, что в день несчастного случая на станции Ройял-Ок сошло по меньшей мере пять пассажиров, в том числе один ребенок в том возрасте, когда детям покупают четверть билета.

Бен все больше убеждался, что мистер Кетчел прав, заподозрив преступление в несчастном случае с негром. «На одного негра пятерых многовато,— подумал он, разглядывая в складную лупу свои находки.— Но кто-то из владельцев билетов причастен к происшествию на перегоне». Иначе откуда могли появиться на одном из билетов едва заметные следы крови с отпечатками пальцев? Точно такой же отпечаток был на окурке, лежавшем теперь на столе перед сыщиком. Это уже кое-что значит!

Инспектор явился не в духе. Отец Кофлин пригрозил пожаловаться шерифу, если еще хоть раз посмеют его беспокоить. Настоя-

тель вновь раздраженно ответил, что ездил к сестре, навестил ее в больнице и нигде больше не был.

— Прекрасно, я этого ожидал! — удовлетворенно пробормотал джимен.

— Я тоже так думаю,— сердито ответил инспектор.— Нельзя же в наши дела вмешивать преподобного отца Кофлина! У каждого свои дела... Надеюсь, теперь вы удовлетворены?

— Да, да, благодарю вас! — рассеянно ответил Бен. Он застенчиво улыбнулся.— Извините, что побеспокоил.

Бен решил не посвящать полицейского инспектора в свои открытия: была нужда делить с кем-то славу! Инспектор по-своему понял его робкую улыбку. Парень догадался, что даром приехал, теперь отрабатывает задним ходом. Тут инспектор заметил на скамье груду мусора, лупу, лежавшую на столе рядом с помятыми железнодорожными билетами. «Эге,— подумал он,— а парень-то хочет быть из молодых, да ранним!» На всякий случай он решил зайти к шерифу, рассказать о приезде джимена.

А Стивенс продолжал терпеливо разматывать попавшуюся ему в руки ниточку. В тот же вечер он побывал у родителей погибшего негра. Старик был жив и даже чувствовал себя гораздо лучше. Гибель сына от него скрыли, и старик все время ждал его возвращения.

Появление агента Федерального бюро всполошило и перепугало старого Хонта.

Сначала он пытался что-то утаивать, но Бен так хмуро на него посмотрел, что старик, замирая от страха, торопливо начал выкладывать все, что знал.

Старик почти слово в слово передал свой разговор с отцом Кофлином. Рассказал, как пришел он, где стоял, как, слава тебе господи, отпустил грехи. Бен внимательно слушал, не пропуская ни слова.

Под конец старик снова запнулся, Бен снова посмотрел на него строго, и старик рассказал последнее — о подслушанном разговоре. Хонт только просил мистера джимена сохранить тайну, в которую он теперь посвящен. Хонт и так согрешил, что нарушил обещание святому отцу.

— Какое обещание? — спросил Стивенс.

— Отец Кофлин просил никому не говорить, что я слышал.

Старик негр разговорился. Бен терпеливо отцеживал из потока слов нужные ему крупицы.

— Почему господь бог не закрыл мои уши, когда я зашел из кухни в прихожую моего хозяина? Мне нужен был ключ от гаража, но я не посмел им мешать. Иначе разве стал бы я подслушивать чужие разговоры... Я вам рассказываю все, как было, мистер джимен. Только, ради бога, не выдавайте меня! Иначе, если я не умру, хозяин прогонит меня с работы. Вы знаете, что значит в мои годы потерять место?.. Об этой тайне, провались она в преисподнюю, знают теперь только отец Кофлин, Джен, который, спасибо преподобному отцу за его заботу, должен со дня на день приехать, ну, и

моя добрая жена Лия. Я не говорю про нас с вами... Священник только успел отпустить мне грехи, как я опять согрешил. Ну как я мог это утаить от Лии! Мы прожили с ней столько лет, за всю жизнь я ничего от нее не скрывал... Скажите, мистер, как же мог я унести от нее тайну в могилу? Когда она проводила священника...

— Значит, отец Кофлин знал, что ваш сын посвящен в эту тайну? — перебил Стивенс.

— Как же, как же! Я все рассказал, потом он и попросил его адрес. Он достал вечную ручку, такую же, как у вас, и на евангелии записал, дай ему бог здоровья. Не пожалел священного писания... Я тогда действительно был очень плох...

Бен Стивенс почуял: вот где узелок! Но круги по воде расходятся куда-то дальше. Непонятно, почему мистер Кетчел сказал ему: «Если повезет, копнем с тобой большое дело». Какое же это дело?

Следующие два дня Бен продолжал энергичные поиски. Он уверился окончательно, что Джен Хонт свалился под поезд совсем не случайно. Бену удалось даже установить внешний вид вероятных преступников. Прибывший с ночным поездом хозяин таверны «Золотой скворец» — он действительно ехал с женой и дочерью — сообщил Бену, что на платформе видел двух незнакомых людей, тоже сошедших с поезда. Раньше он не встречал их в Ройял-Ок. На другой день парни заходили к нему в таверну, выпили по стакану виски, и, пока они сидели за столиком, хозяин смог их как следует рассмотреть.

В кармане и в голове джимена было достаточно материалов, можно возвращаться обратно. Но Бен Стивенс был все же начинающий сыщик. Он не мог взять себе в толк: какую роль играл в этом деле настоятель храма «Маленький цветок»? Не понял он и еще одного — события, происшедшего с ним перед самым отъездом. Только случайно первое дело, которое он разбирал, не стало для него последним в жизни.

До поезда оставалось не более получаса. Бен неторопливо переходил вокзальную площадь, когда вдруг из-за угла на полном ходу вынырнула грузовая машина. Бен едва успел отскочить в сторону. Машина пронеслась так быстро, что крылом коснулась его распахнутого макинтоша. Не успев еще прийти в себя, Бен сквозь грохот услышал будто бы отрывистый выстрел. Бен так и подумал бы, что это ему показалось. Но отвалившийся кусок штукатурки на стене дома и расплющенная, еще горячая пуля крупнокалиберного кольта подтверждали, что джимен не ослышался. Бен выковырнул пулю, сунул ее в карман и пошел на вокзал. «Гоняют же, дьяволы, без ограничения скорости,— думал он, покупая билет в станционной кассе.— Так нетрудно угодить и в морг. Что это за ковбойская привычка развлекаться стрельбой на улице...»

Занятый раздумьем о порученном деле, Бен скоро выбросил из головы случай, происшедший с ним на вокзальной площади в Ройял-Ок.

V

В пятницу, то есть ровно через неделю после первого разговора с шефом, джимен 712 снова появился в кабинете мистера Кетчела. Шеф не ошибся в парне. У Стивенса просто талант сыщика! Это отметил про себя Кетчел, слушая доклад агента. Конечно, парень не разобрался в происшествии на площади в Ройял-Ок. Святая наивность! Яснее ясного, что его кто-то хотел убрать с дороги. Но кто? Кто и откуда мог прознать, что джимен приехал расследовать дело? Он же утверждает, что, кроме как с полицейским инспектором, ни с кем не разговаривал откровенно. Впрочем, Стивенс побывал в семье убитого, посылал инспектора к отцу Кофлину, заходил в таверну, выспрашивал хозяина. Значит, если там орудовала шайка, сведения до нее могли просочиться из разных источников... Эх, доведись ему такое дело, Кетчел зубами вцепился бы в эту машину! Тогда сразу стало бы все ясно. Остаться живым и упустить такой случай! Ай-яй-яй!.. Что поделаешь, молодо — зелено! Придется докапываться здесь, в Нью-Йорке.

Одно Кетчелу было совершенно ясно: раз дело дошло до того, что «маленького Бена» кто-то решил убрать с дороги, значит, парень копнул как раз там, где надо. Кетчел дружески похлопал Бена по плечу, что служило у него высшим проявлением похвалы, и бесцеремонно выпроводил его из кабинета.

Кетчел остался один, чтобы пораздумать над этим делом. Сфотографированные оттиски пальцев, обнаруженные на проездном билете, он отправил в отдел дактилоскопии. Там, в картотеке, хранились десятки, может быть, сотни тысяч оттисков пальцев людей, побывавших хоть раз в полиции. Получение справки не заняло много времени. Вскоре ему сообщили — оттиски пальцев принадлежат рецидивисту Блеку. Кличка — «Рука гориллы». Судился последний раз в Детройте за убийство Чарльза Пула, профсоюзного работника. Мотивы преступления не установлены. Блек бежал из тюрьмы года полтора тому назад.

«Так, так,— засопел Кетчел, разглядывая полученную справку,— значит, корешки растут из одного места. Опять «Черный легион». Живучая шайка, черт побери!»

Кетчел готов биться об заклад, что это так и есть. Он наизусть помнит всех, кто проходил по «Черному легиону». И преступников, и убитых. Кетчел сам занимался расследованием нескольких убийств в Мичигане. С простреленной головой на глухом пустыре нашли Джорджа Марчука, секретаря профсоюза автомобильного завода Форда. Марчук был коммунистом, но для Кетчела это не имело значения. Он политикой не занимается. Убийство остается убийством. Потом нашли труп другого профсоюзника — Джона Беляка. Застрелили Чарльза Пула, Пидкока, Андерсона, еще несколько человек. И все это на протяжении какого-нибудь года в районе автомобильных заводов. Убийство Пула совпало с забастовкой детройтских рабочих. Тогда еще неизвестные взорвали помещение правления профсоюза, потом рабочую книжную лавку,

клуб украинского просветительного общества, помещение местной организации компартии. Что там творилось!

Да, пришлось тогда поработать. Кетчел был помоложе лет этак на пять, его не мучила тогда проклятая одышка. Он сумел многое раскопать. Нити вели к «Черному легиону». Одно только оставалось до сих пор непонятным: какая корысть была у шайки заниматься поджогами, взрывами, убийствами? Вероятно, поэтому судья отнесся так мягко к подсудимым. Большинство из них вскоре очутились на свободе. Но если рассуждать по совести, он, Кетчел, запрятал бы главарей шайки в тюрьму. Не только одного Блека. Сколько лет «Черный легион» орудовал так безнаказанно! Если легионеры не занимались грабежами, откуда у них столько денег? Они щедро подкупали полицию, нанимали шерифов... Кстати, кто работает шерифом в Ройял-Ок? Может, тоже старый знакомый?

Кетчел попросил дать ему и эту справку. Ну конечно, шерифа перевели из Детройта. Он припоминает эту фамилию. Вот что значит для детектива хорошая память! Кетчел все больше утверждался в мнении, что покушение на его агента не обошлось без участия шерифа из Ройял-Ок.

В профессиональной ограниченности криминалиста Кетчел не знал о движущих пружинах, действовавших в организации «Черного легиона». Кетчел не интересовался политикой и в силу этого на своем веку не прочитал ни единой книги, кроме детективных романов. Будь это иначе, специалист по раскрытию уголовных дел мог бы прочитать и задуматься над книжкой с сухим названием «Фашистская угроза». Авторы как раз описывали те события, расследовать которые пришлось криминалисту. Одно это могло бы заинтересовать Кетчела — всегда приятно читать о знакомых вещах,— но, вероятно, книжка не попала к нему в руки.

В книге было такое место:

«Сила «Черного легиона» заключалась в том, что вся его деятельность носила исключительно террористический характер, что его люди засели в полиции и во всех органах власти в городах, округах и штатах, что он связан был с республиканской партией и, наконец, что он действовал в тесном контакте с органами шпионажа и предпринимательскими профсоюзами, которые были созданы автомобильными компаниями».

Оживление деятельности легиона — его черносотенный фашистский разгул — совпало и с другими событиями. Он начался после того, как в Германии, на другой стороне земного шара, утвердилась фашистская диктатура Гитлера. В методах фашизма обоих полушарий оказалось много общего, схожего, но криминалист ни в то время, ни позже не задумывался над внутренней связью событий.

Следствие по делу об убийстве двадцатисемилетнего негра Джена Хонта продолжалось. Но и сейчас Кетчел видел в нем только уголовную сторону. Правда, с приходом Кетчела в Федеральное бюро расследований заместитель директора не раз заводил с ним разговоры на политические темы, осторожно выпытывал его на-

строения, намекал на оживление левых, и в первую очередь коммунистов. Но Кетчел отводил такие разговоры и обычно заканчивал их одной и той же фразой: «Скажу вам прямо, политикой я не интересуюсь, мое дело — убийства, грабежи, на худой конец, жульнические аферы».

Рецидивиста Блека обнаружить не удалось, но полицейский налет, произведенный на фирму «Романов-кавьер», дал неожиданные результаты. Кетчел сам тряхнул стариной, он принимал участие в операции. В помещении, где полагалось бы находиться ящикам с консервами сардин, икрой и копченой рыбой, лежали штабелями пачки листовок, запасы конвертов, речи сенаторов, отпечатанные типографским способом. На всех пачках, запакованных в плотную бумагу, виднелись наклейки: «Отпечатано в США. Издательство «Флендерс Холл».

Хранились здесь сотни тысяч, если не миллионы фирменных конвертов, но не фирмы «Романов-кавьер». На конвертах стояли грифы сенаторов и конгрессменов, подписи: «Рассылается бесплатно», «Оплате почтовыми сборами не подлежит». Под видом рыбной торговли в полуподвальном складском помещении работала целая почтовая экспедиция. Почта почтой, но Кетчел при всем старании нигде не мог обнаружить ни единой марки. Эта деталь прежде всего привлекла внимание криминалиста.

«Вот загребали!» — покачивая головой, Кетчел разглядывал подпольное предприятие. Он попробовал прикинуть, сколько зарабатывали аферисты ну хотя бы на тысяче писем, отправленных без марок во все концы Штатов, с десятков тысяч, с миллионов писем... Шайка работала не один месяц. Получались астрономические цифры.

Когда в контору «Романов-кавьер» явилась полиция и начался обыск, глава фирмы Данила Романов даже не вышел из комнаты. Он только сказал: «Достукались!» — и затворил дверь. Сын его оставался в конторе за стеклянной перегородкой. Он пьяно таращил глаза и повторял беспрестанно стоявшему рядом побледневшему человеку:

— Герр Ганзенштурм... п-п-позвоните Ф-фиреку... Это же б-безобразие... Пусть он распорядится кому там следует... Поз-звоните, я г-говорю... Вы же у нас служите, герр Ганзенштурм, ну и выполняйте...

Но Ганзенштурм предъявил Кетчелу германский паспорт, и его не стали задерживать.

Так началось нашумевшее в Америке дело о «черной почте». В нем оказались замешанными десятки американских сенаторов, конгрессменов. Они выступали в конгрессе с речами на самые различные темы. Речи писал им немецкий резидент Фирек. Трибуна конгресса стала трибуной фашистской пропаганды иностранной державы. В печати поднялся скандал. К удивлению Кетчела, его разоблачение переросло рамки обычного уголовного происшествия. Арестованным предъявили обвинение в подрывной деятельности против Америки. Газеты намекали на германских шпионов, орудо-

вавших за спиной шайки, но Кетчел все же не допускал такой мысли. «Нельзя же делать подобные выводы,— думал он,— только на основании того, что во время обыска в конторе фирмы оказался германский подданный. Газетчики любят сенсации, горазды на всякие выдумки».

Кетчел считал свою часть дела выполненной. Он гордился, что ему удалось разоблачить шайку мошенников, загребавших доллары на незаконных почтовых операциях. Дальнейшее следствие поручили вести прокурору Мелони. Это по его части. Кетчел только помогал ему. И все же, хотя бы поэтому, шефу уголовного отдела приходилось сталкиваться постоянно с отголосками дела о «черной почте». По долгу службы он должен был интересоваться всем, что сообщали газеты о преступлениях, самоубийствах, аферах и грабежах. Не прошло мимо него и сообщение о катастрофе, во время которой погиб сенатор Лендина. Как сообщал репортер, сенатор будто бы сказал перед своим отлетом: «Я зашел слишком далеко, чтобы вернуться обратно». На аэродроме сенатор выглядел расстроенным, нервным, находился в мрачном, подавленном состоянии. Репортер предполагал, что катастрофа произошла не случайно. Скорее всего она связана с той же прогерманской группой в конгрессе и недавно раскрытой «черной почтой».

Обычно просмотром газетных вырезок Кетчел занимался в конце рабочего дня. Он переваривал их несметное множество,— где-где, а в Америке происшествий хватает... Прочитав заметку о Лендине, Кетчел подумал: «Чего не придумают репортеры! Что ж, им тоже кормиться надо». Но сообщение все же заставило призадуматься: может, и в самом деле здесь что-то есть.

Некоторые стороны дела Кетчелу оставались неясными. Иногда он подумывал: изобрел бы кто аппарат, раскрывающий людские тайны... Впрочем, тогда исчезло бы само понятие тайны, тогда исчезла бы и его профессия детектива. Нет уж, лучше так, как есть. Лучше самому ломать голову.

Однако существуй такой хитрый аппарат, рожденный в мечтах старого криминалиста, у Кетчела раскрылись бы глаза на многие вещи. Возможно, Кетчел повел бы себя совершенно иначе, зная хотя бы, что предшествовало гибели сенатора Лендина.

За несколько дней до авиационной катастрофы в сером длинном здании американской палаты представителей, в комнате № 1424, числящейся за членом конгресса Гамильтоном Фишем, происходила конфиденциальная беседа. В ней принимали участие три джентльмена. Был здесь Джордж Хилл — личный секретарь конгрессмена, директор издательства «Флендерс Холл» Георг С. Фирек и сенатор Эрнст Лендина, изобранный в сенат от штата Миннесота.

— Эта дурацкая история испортила мне много крови,— сказал Фирек. Он смотрел из окна на город, на громады каменных зданий, раскинувшихся на берегу Потомака, на Капитолий, напоминающий большой вокзал. В Вашингтоне, как в древнем Риме, был свой Ка-

питолий. В нем размещался сенат.— Надо что-нибудь придумать. Вы слышите, мистер Лендина? — Фирек отошел от окна.

— Что я могу сделать? Это выше моих сил. И вообще мне все надоело, надоело! — Сенатор закрыл лицо руками, уронил голову.— Когда я избавлюсь от этого?!

— Прекратите истерику, сенатор! Мы взрослые люди.— Фирек холодно и жестко посмотрел на размякшего сенатора.— Вы знаете, чем грозит ваш отказ.

— Хорошо, я сделаю это, но в последний раз. Поняли вы меня? В последний раз... Потом,— Лендина нервно погасил недокуренную сигарету,— потом прошу не забывать, вы разговариваете с членом американского конгресса. Я не потерплю такого тона! Не потерплю!.. Извините, у меня заседание.

Сенатор порывисто вскочил с кресла и вышел из комнаты.

Фирек презрительно посмотрел ему вслед:

— Кисейная барышня! Учит меня разговаривать с конгрессменами! Дурак и слякоть!.. Пусть выполнит задание, а потом...— Фирек сделал жест, словно сбрасывая костяшку на счетах.— Займитесь им, Хилл. Надо подобрать другого председателя комитета. Кстати, что-то уж слишком длинное у него название —«Национальный комитет борьбы против участия Америки в иностранных войнах»... Нельзя ли что-нибудь покороче?

— Надо подумать. Но как теперь будет с почтой?

— Максимум осторожности. Все пропагандистские материалы должны проходить только через конгресс. Пусть читают речи на заседаниях, чтобы включить в «протоколы конгресса».

— Да, но возьмите, например, статью доктора Геббельса, ту, что получили мы по телеграфу.

— То же самое. Поручите тому же Фишу процитировать ее в своей речи. Таким образом, она войдет в протокол, и мы свободно разошлем ее бесплатно сенатской почтой. Конгрессмен имеет право рассылать свои выступления хоть в сто тысяч адресов... Скажите, Лендина не выступал еще по поводу войны в Финляндии? Маннергейму нужно оказать помощь.

— Ваш текст я передал ему, но он не выступал. Только включен в список ораторов. Но не думаете ли вы, что ему как председателю комитета неудобно выступать с таким заявлением?

— Глупости! Пусть выступает, потом еще пусть замнет это дело с «черной почтой», а потом уж это...— Фирек повторил свой жест, указательным пальцем сбросил со счетов невидимую костяшку.— Обязательно проследите, чтобы Лендина утихомирил там кого следует с этим дурацким делом в Ройял-Ок. Отец Кофлин нам еще пригодится... Если сенатор раскиснет, можете не стесняться. Он в наших руках, этот... член американского сената,— Фирек презрительно скривил губы.

Вот что произошло в палате представителей в центре американской столицы незадолго до таинственной гибели сенатора Лендина.

Криминалист Кетчел не мог, конечно, знать того, что происхо-

дит в алтаре правительства Соединенных Штатов,— район Капитолия был недоступен для его парней, через которых он черпал информацию об уголовных делах американских граждан. Члены конгресса, сенаторы пользуются неприкосновенностью перед законом. За свои поступки они отвечают перед богом и историей. Но Кетчел не был ни богом, ни летописцем, только средним американцем. Сенаторы и конгрессмены, выступавшие под диктовку германского агента Георга Сильвестра Фирека, могли действовать как им заблагорассудится. На то и американская демократия.

Однако другая вырезка из журнала, попавшая в рабочую папку криминалиста, вновь заставила ненадолго призадуматься мистера Кетчела. На страничке, выдранной из малоизвестного бюллетеня «Аур», он прочитал о разоблачении подрывной работы германского торгового атташе господина Герхардта Вестрика. Автор статьи достаточно откровенно указывал на связи Вестрика с американскими промышленными кругами. Вырезка попала к Кетчелу с запозданием. К ней была подколота другая, более поздняя заметка с опровержением ауровских выдумок. Газета «Нью-Йорк геральд трибюн» напечатала интервью с мистером Джоном Фостером Даллесом. Криминалист не знал, кто такой Даллес. Но раз печатают с ним интервью, значит, солидный джентльмен. Не станут же разговаривать репортеры с малосто́ящим человеком!

Даллес категорически заявил репортеру газеты: «Я не верю, чтобы мистер Вестрик мог делать что-нибудь плохое. Я знаю его очень давно и всегда питал глубокое уважение к его честности».

В заметке Кетчел вычитал, что Джон Фостер Даллес представляет адвокатскую фирму «Салливэн энд Кромвель». Такой человек не станет кидать слова на ветер. Интервью успокоило и убедило Кетчела. Ох уж и болтуны эти газетчики!

Следствие по делу о «черной почте» все продолжалось. Оно обрастало новыми деталями и подробностями. Прокурор и специальный помощник министра юстиции Уильям Мелони требовал от Кетчела все новых и новых данных. Человек он оказался хваткий. Кетчел любил работать с деловыми людьми, которые знают, чего хотят. Он мобилизовал всех своих парней, чтобы до конца раскрыть уголовную тайну, помочь восторжествовать правосудию. Но беседа трех джентльменов, происходившая в служебном помещении конгрессмена Гамильтона Фиша, имела прямое отношение к судьбе, карьере опытного криминалиста. Прокурора Мелони не так-то просто подсечь, но его можно лишить нужных материалов, а материалами, фактами располагает руководитель криминального отдела добрейший мистер Кетчел...

Однажды, в конце недели, когда шеф отдела криминалистики, прочитав очередную порцию вырезок, собирался покинуть бюро, к нему как бы невзначай заглянул один из его начальников, тот самый, что просвещал Кетчела о злокозненных деяниях коммунистов.

— Хелло, старина! — дружески и немного развязно обратился он к мистеру Кетчелу.— Я думаю, вы не откажетесь получить лишние полсотни долларов в неделю. Как вы на это посмотрите?

— Кто же станет возражать! Конечно, если я заслужил это...— пробасил Кетчел.

Наконец-то его работу решили отметить! Честно говоря, с этой «черной почтой» он повозился немало.

— Вот и отлично! Задержимся на минутку. Вам чертовски повезло, старина. Освободилось место в архиве. Нам нужен опытный и знающий человек. Это место будто для вас создано. С понедельника можете приступать к делу. Довольны?

Кетчел стоял среди кабинета в пальто и с тростью, увесистой, как дубина. Он заморгал глазами, не понимая, шутит ли с ним начальник или говорит всерьез.

— То есть? Что я буду там делать?.. У меня не закончено следствие... Да нет, нет,— Кетчел сердито засопел,— поищите кого-нибудь другого. Я совсем не хочу уходить из отдела. Как это понимать?

— Прежде всего не горячитесь. Подумайте. Я бы на вашем месте не отказался...

Кетчела вдруг поразила внезапная мысль. Он побагровел.

— Может быть, я вас не устраиваю? Может, я слишком стар? Тогда...

— Не валяйте дурака, Кетчел! Вы отличный работник и сами знаете это лучше меня. Кто бы мог так разворошить дело с «черной почтой»! — Начальник хотел подобру закончить с Кетчелом.— Вы подобрали прекрасных работников. Больше того — мы хотим передвинуть и вашего агента, как его... тот, что раскрыл убийство в Ройял-Ок...

— Семьсот двенадцать,— подсказал Кетчел.

— Вот-вот! Он толковый сыщик. Мы рекомендовали его в Бюро стратегической информации, к Доновену. Надо продвигать способных людей.

— А кто же останется на «черной почте»? Там еще копать да копать.

— Пусть это не беспокоит вас, старина. Главное сделано, остались сущие пустяки... Так, значит, по рукам?

Кетчел вдруг заупрямился:

— Нет, я лучше уйду со службы. Не просите меня! Нет, нет и нет!..

— Как хотите,— уже другим, холодным и официальным тоном ответил начальник.— Я очень сожалею.

В понедельник мистеру Кетчелу предложили подать заявление об уходе в отставку. Он так и сделал. Кетчел был упрям, как старый козел.

Что же касается Бена Стивенса, он поступил совершенно иначе. В понедельник, ворвавшись перед обедом домой, он, как всегда, имея в запасе хорошие новости, еще с порога закричал матери:

— Мутти! Мутти! Мне дали другую работу! Теперь я буду служить в ОСС. Ты знаешь, что это такое? Военная разведка! Сказали, что, возможно, придется поехать в Европу. Мистер Доно-

вен со мной уже разговаривал. Я подхожу ему... Ура, мутти!.. Теперь скоро у нас будет свое ранчо! Мы будем ловить форелей!

Бен походил на большого развеселившегося ребенка.

Еще через неделю, в конце февраля, из нью-йоркского порта вышел очередным рейсом в Европу океанский лайнер «Куин Мэри». В каюте первого класса расположился мистер Семнер Уэллес, направлявшийся с особой миссией в Европу, по личному заданию президента Рузвельта. Рядом такую же каюту люкс занял мистер Майрон Тейлор — новый полномочный посол при папском престоле в святом Ватикане. Тоже в каюте первого класса, на той же верхней палубе, в Европу плыл мистер Доновен, руководитель Бюро стратегической информации.

У каждого из трех джентльменов, пассажиров «Куин Мэри», в Европе были особые задания. Разведчик, дипломат и представитель святого престола поторапливались к берегам Европы. Обстановка требовала этого. Каждого из них тревожило положение в Финляндии. Прорвав линию Маннергейма, русские могли раньше времени закончить войну. Это не входило в расчеты трех джентльменов, посланных в Европу деловыми, политическими и военными кругами Соединенных Штатов.

Тем же пароходом, среди немногочисленных сотрудников Уэллеса, Тейлора и Доновена, отправлялся за океан и молодой, подающий надежды джимен, государственный человек Беннет Стивенс. Каюту ему отвели двумя палубами ниже, вместе с каким-то секретарем. Но крохотная каморка с двумя койками и круглым иллюминатором не стесняла нового сотрудника военной разведки. Он был на седьмом небе: пароход вез его в Англию, на родину предков! Разве не мечтает об этом каждый американец!..

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

I

До самого вечера Жюль не имел возможности позвонить в лечебницу. Правда, днем, перед поездкой в Венсеннский замок, в ставку Гамелена, он разговаривал с дежурным врачом. Тот сказал, что роды могут начаться в любое время, но беспокоиться нет никаких оснований, самочувствие Лилиан прекрасное. Все, несомненно, обойдется благополучно. Доктор заранее поздравил отца с новорожденным и просил звонить позже.

От Гамелена Жюль заехал в редакцию и позвонил еще раз. Номер был занят. Ехать так рано домой не хотелось. Ему не улыбалась перспектива провести в одиночестве вечер.

Будучи женатым, Жюль ненадолго изменил образ жизни. Ему претило быть домоседом. Сначала они вместе с Лилиан еще частенько появлялись в обществе. Но после того как фигура Лилиан начала портиться, когда заметна стала ее беременность, жена неохотно покидала квартиру. Вскоре она совсем перестала выезжать

из дома. Что касается Жюля, то не мог же он оставаться постоянно с женой! Его профессия заставляла постоянно бывать на людях, вращаться в обществе, чтобы находиться в курсе политических событий. Так думал Жюль, убеждая не только жену, но и самого себя.

Таким образом, ни война, начавшаяся осенью прошлого года, ни женитьба не могли изменить его привычки, установившейся долгими годами холостяцкой жизни. Тем более что война совсем не отразилась на количестве банкетов, всевозможных балов, приемов. Париж давно не веселился так, как в минувшую зиму. Кафе, рестораны, дансинги, великосветские салоны всегда были переполнены и оживлены.

В городе появилось много английских офицеров. Они внесли в парижское общество особый оттенок некоторой чопорности и того неуловимого волнения, которое всегда вызывает присутствие военных. Офицеры, и не только английские, но еще больше французские, частенько наведывались с фронта. Конечно, там было очень скучно. И естественно, что каждый норовил вырваться из окопов в брызжущий весельем Париж.

Очень скоро, когда переполох, вызванный объявлением войны, утих, в Париже все пришло в норму. Война казалась совсем не такой ужасной и невыносимой. Разговоры в салонах вращались преимущественно вокруг неудобств окопной жизни. Офицеры-отпускники находились в центре внимания. Они определенно оттирали штатских мужчин. Дамы с повышенным интересом расспрашивали фронтовиков, очень ли страшно там, на войне, можно ли, например, привыкнуть к свисту пуль. Но подавляющему большинству офицеров еще не доводилось испытывать такие ощущения, и они выкручивались из затруднительного положения, как только могли. Повышенный интерес к офицерам вызывал определенную ревность штатских и возросшее количество рапортов в комиссариаты о досрочном зачислении в действующую армию.

Потом, к началу зимы, темы разговоров постепенно менялись. Война стала отходить на задний план, и офицеры становились только милыми, симпатичными жуирами, окруженными дымкой фронтовой романтики. Женская часть салонов научилась свободно разбираться в воинских званиях. Дамы не вели себя так опрометчиво, как в начале войны, и разборчивее отдавали предпочтение старшим по рангу.

После рождества о войне с немцами даже почему-то перестали и вспоминать. Немцев будто не существовало на свете. Сообщения из Финляндии привлекали куда большее внимание, чем сводки с фронта. Пожалуй, единственно, на чем отразилась война,— это на модах Парижа. Быть может, в угоду английским офицерам или подчиняясь духу военного времени, женщины стали носить более строгие, английские фасоны, сантиметра на два уменьшили декольте в сравнении с прошлым годом. Однако такое пуританство было только внешним и касалось одних лишь нарядов.

В условиях войны Жюль Бенуа легко нашел свое место. Как

прежде, он был в фаворе, с ним считались на Кэ д'Орсэ — в министерстве иностранных дел; к его мнению начинали прислушиваться и в военных кругах. Примером такого отношения могла бы служить доверительная, совершенно конфиденциальная беседа с Гамеленом. С началом войны Гамелен получил звание генералиссимуса и принял на себя верховное командование французской армией. Не с каждым главнокомандующий станет так откровенничать!..

В быту Жюль также остался верен самому себе. Он не прочь был пофлиртовать с хорошенькой женщиной, завести короткий, необременительный роман. Перед женой его не терзали угрызения совести. Приходилось только вести себя осторожней. Жюль терпеть не мог никаких сцен. Короче, с тех пор как Лилиан перестала выезжать в свет, он почувствовал себя таким же холостяком, как год и три года назад.

В тот вечер делать было абсолютно нечего. Жюль томился от скуки. Вернувшись из Венсенна, он зашел к редактору отдела, не застав его, поболтал с секретаршей, подумал, что бы еще предпринять, и вспомнил, что давно не звонил Люсьен. С ней вот уже полгода тянулся роман. Люсьен нравилась Жюлю, он охотно проводил с ней время, правда, урывками, когда под благовидным предлогом удавалось исчезнуть из дома или раньше времени покинуть официальный вечер.

Люсьен оказалась дома. Настойчиво просила заехать. В голосе ее послышались капризные нотки, настойчивая требовательность. Вот чего Жюль терпеть не мог в женщинах! Это было началом конца. Он предпочитал отношения без взаимных претензий и обязательств. Так интереснее, приятнее, подобно отношениям розы и мотылька, как писал он когда-то читательницам женского журнала.

Можно было уклониться от встречи, но Жюлю самому хотелось побывать у Люсьен. Потому он позвонил ей, обманывая себя, что звонит просто так, поболтать.

В поисках, чем бы занять время, в разговоре с Люсьен, в раздумье о беседе с главнокомандующим Жюль забыл еще раз позвонить в клинику. Не вспомнил и по дороге к Люсьен. Все думал, как бы получше использовать беседу с главкомом. Сегодня ему чертовски повезло! Он обладает такой информацией! Можно утереть нос и Леону Терзи... А какое внимание, какой прием!

Люсьен жила на Монмартре. Горбатыми улочками проехал к ее дому, отпустил машину и вошел в затемненный подъезд.

II

На прошлой неделе Жюль написал Гамелену письмо. Просил о встрече, хотел договориться о поездке на фронт. Сегодня его подозвали к телефону. Говорил адъютант Гамелена. По интонациям секретарей, адъютантов Жюль безошибочно узнавал, как относятся

к нему их патроны. Бенуа с удовлетворением отметил, что капитан говорил чрезвычайно учтиво.

— Месье Бенуа? Разрешите заверить вас в моем совершенном почтении. Говорят из штаба Гамелена.— Капитан назвал свою фамилию, которую Жюль тотчас же забыл.— Главнокомандующий ждет вас сегодня в любое время после пяти...

Жюль самодовольно оглянулся: понимают ли эти строчкогоны, с кем он говорит?

— Может быть, генералиссимус сам назначит мне время?

— Нет, главнокомандующий просил передать — он будет ждать вас в любое время. Мы пришлем вам машину.

— Хорошо, я готов быть у вас в шесть часов.

Сотрудники подняли головы, в глазах мелькнуло восхищенное любопытство. Тщеславие Жюля было удовлетворено.

В условленное время штабная машина стояла у подъезда, мощная, широкозадая и, вероятно, очень выносливая. Специально приспособленная для войны. Уже смеркалось, когда тронулись в путь. Жюль подумал: как рано темнеет! В городе сумрак казался особенно густым — дома темнели в последних отсветах дня. Машина шла в юго-восточную часть города. Жюль понял — едут они в замок Венсенн, в главную ставку армии. Когда выбрались из города, стало совсем темно. Всю дорогу Жюль изумлялся поистине кошачьей зоркости шофера, сидевшего впереди.

В неясно темневшей громаде средневекового замка Жюль сначала не узнал Венсенна, хотя частенько бывал здесь на загородных прогулках в лесу, уходящему к югу от замка. Шофер притормозил машину. В безмолвной тишине вечера под колесами зашуршал гравий. На какое-то мгновение в распахнувшуюся дверь на ступени упал луч света, мелькнул силуэт часового, и чей-то вежливый голос спросил:

— Месье Бенуа? Прошу вас!

Жюль прошел следом за капитаном через сводчатый высокий зал. Поднялись куда-то по каменным истертым ступеням, и адъютант, повторив еще раз: «Прошу вас!» — распахнул перед ним тяжелую дверь.

Бенуа очутился в просторной, ярко освещенной комнате с зашторенными окнами. Гамелен поднялся навстречу. Старческие, чуточку настороженные глаза светились приветливой улыбкой. Генералиссимус был одет просто — в полевую форму, на ногах коричневые обмотки. Он походил на каптенармуса. Гамелен будто бы рисовался подчеркнутой простотой одежды и казарменным видом своего кабинета.

— Извините, мы здесь живем по-солдатски. Война есть война,— сказал он. Предупредительно подвинул к Бенуа деревянный стул.— Я получил ваше письмо — вы хотите побывать на фронте?

— Да, но предварительно хотелось бы познакомиться с обстановкой. Могу я задать вам несколько вопросов?

— Конечно, только, как говорят у вас, журналистов, без блокнота, для личной информации.

Жюля интересовала основная проблема: удастся ли сохранить то символическое состояние войны, которое продолжается больше полугода? Теперь едва ли кто верил, что на Западном фронте развернутся активные боевые действия. Бенуа тоже был в этом уверен — с немцами делить нечего, но он хотел получить подтверждение из авторитетных источников.

— Видите ли, я только солдат,— ответил Гамелен, разглядывая кончики пригнутых к ладони пальцев, он избегал глядеть в лицо собеседнику.— Когда шепчутся дипломаты, пушки не должны им мешать. Так мы и делаем. В этом отношении вы больше меня в курсе событий. Но я думаю...— Главком остановился в нерешительности и украдкой, быстро посмотрел на Бенуа: «Сказать или не сказать? Сказать!» — Думаю, что с приездом мистера Уэллеса из Вашингтона положение проясняется. Кажется, немцы не будут препятствовать высадке наших войск в Нарвике... Скажу вам по секрету, что военные транспорты по первому приказу готовы выйти в Норвегию. Экспедиционный корпус мы сумели сформировать на два месяца раньше того, что было обещано Маннергейму. Как видите, где нужно, мы умеем быть оперативными...

Хотя главком и задумался перед тем, как посвятить Бенуа в военную тайну, но подготовка экспедиционного корпуса для отправки в Финляндию давно не представляла секрета. Во всяком случае, для Бенуа. Французский экспедиционный корпус в пятьдесят тысяч человек уже две недели как сосредоточился в северных портах Франции. Ждали только сигнала грузиться на транспорты. Вместе с британским корпусом в сто тысяч штыков экспедиционные силы союзников насчитывали с десяток дивизий полного состава. Полагали, что высадка их в Петсамо сразу изменит обстановку в Финляндии.

Бенуа также знал, что союзный Верховный военный совет, заседавший в Лондоне еще в декабре месяце, поручил Гамелену подготовить финляндскую операцию. Главком гордился заданием, он самоуверенно говорил: вот если бы ему поручили командовать корпусом! Он мгновенно расшвырял бы в Финляндии большевистские орды и через две недели вышел бы к Ленинграду.

Жюль вспомнил об этом и поглядел на главкома. Нет, Гамелен, оказывается, не такой уж добрячок со своими голубыми, чистыми глазами и рыжеватым пушком на голове...

— Я читал ваши статьи, месье Бенуа,— продолжал главком,— они помогают осуществлять нам главную стратегическую линию. Финляндия будет тем пластырем, который оттянет войну на восток. На следующей неделе транспорты выйдут в море.

— Но это не ослабит наши силы на западе? — задал Бенуа наивный вопрос.— Я говорю теоретически... ну, если, предположим, Гитлер вздумает начать наступление.

Гамелен снисходительно улыбнулся:

— Я готов заплатить фюреру или любому из его генералов миллиард франков, тому, кто начнет наступление! К сожалению, Гитлер не столь глуп, чтобы броситься на такую авантюру. Линия Ма-

жино — это твердый орешек. Знаете ли вы, что атакующий, желая сломить оборону противника, должен иметь втрое больше пехоты? — Гамелен принялся расхаживать, как на кафедре в Сен-Сире — он читал там лекции по военному искусству.— А превосходство в артиллерии должно быть в шесть раз, количество боеприпасов в двенадцать раз... Извините, что я читаю вам лекцию, но это плоды моих полувековых размышлений.

— Нет, нет, прошу вас! Это необычайно интересно и важно! — Бенуа всячески старался поощрить разговорившегося главкома.

Гамелен будто размышлял вслух, любуясь и увлекаясь логикой своих рассуждений. Он привел пример: немцы за восемнадцать дней наступления израсходовали в Польше половину запаса бомб. Создавали его годами, израсходовали в две недели. Но Франция — это не Польша. Для трехкратного превосходства в живой силе немцам нужно иметь минимум триста дивизий. Где он, Гитлер, возьмет их? Вот почему для союзников ровно ничего не значит отправить десяток дивизий в Финляндию.

Светлые глаза генералиссимуса были устремлены в потолок, лицо порозовело. Его возбуждали собственные слова. Он перестал быть непроницаемым, каким показался в начале разговора.

— И не только в Финляндию,— почему-то понизив голос, сказал главком.— Крабы бьют сильнее двумя клешнями. Извините меня за сравнение. Мы говорили с вами о севере. Посмотрите, что может произойти на юге. Я уверен, об этом вы едва ли что знаете.— Гамелен выдвинул ящик письменного стола, порылся и начал листать страницы, отпечатанные на машинке. Штабным карандашом он отчеркнул нужное место и протянул Бенуа: — Прочтите вот здесь. Это копия моего доклада союзному Верховному совету. Я вчера его только подписал и отправил.

Бенуа взял протянутый ему лист. Он читал медленно, стараясь запомнить все, что главком писал в своем докладе.

«Наши скандинавские планы,— прочитал он,— следует и дальше проводить с максимальной решимостью, чтобы спасти Финляндию или по крайней мере завладеть шведской рудой и портами Норвегии. Но мы все же должны отметить, что занятие Балкан и Кавказа для нас более выгодно».

— То есть вы предлагаете...

— Да, предлагаю то, что вы прочитали! — все более оживляясь, воскликнул Гамелен.— Это не моя идея, я только солдат, но я воплотил ее в конкретный военный план. Премьер-министр еще в январе просил меня разработать, как он выразился, «меморандум о возможной интервенции с целью разрушения русских нефтяных районов»... Как видите, такие возможности существуют. Это уже не только план, но кое-что более реальное.— Гамелен положил листок обратно в стол.— В бакинской нефти заинтересованы не только мы, но и британцы, и Вашингтон. Если господин Буллит поддерживает эту идею, значит...

Бенуа показалось, что он превратился в одно большое, настороженное ухо,— с таким вниманием слушал он главкома, стараясь не

упустить и запомнить все, что говорилось здесь, в Венсеннском замке. Вопреки всему, помимо собственной воли, ему вспомнился вдруг прием в салоне де Шатинье. Буллит и Гамелен беседовали в толпе гостей, как два гурмана, о качестве устриц. Хороши устрицы! Жюль отбросил нелепые воспоминания, мешающие сосредоточиться. Он снова весь превратился в слух.

А Гамелен все говорил и говорил, раскрывая то, чего действительно не мог представить себе Бенуа. Трудно объяснить, почему престарелый, семидесятилетний и обычно сдержанный ветеран первой мировой войны так разоткровенничался перед газетным обозревателем. Возможно, потому, что обе операции — в Финляндии и на юге — были решены и не составляли столь глубокой тайны. А может быть, здесь говорило тщеславие, расчет на будущую популярность, которая придет с осуществлением планов. Гамелен подсознательно чувствовал, что его оборонительная стратегия — нарочитая медлительность, с которой он решал вопросы, касающиеся Западного фронта, вызывали недовольство в армии, в ее низах. Задуманная операция неизмеримо повысит престиж ее автора, она поставит его в один ряд с великими полководцами Франции. Гамелен перевел глаза на собеседника. Снова пронеслась где-то мысль: стоит ли доверяться этому человеку с ассирийской каштановой бородой и наглыми, немигающими глазами? Но Гамелен уже не мог остановиться. Ему нужно было, чтобы этот единственный слушатель уверовал в него, в его гениальность, в непогрешимый военный авторитет, а главное — в большой стратегический план отвлечения войны на восток, на юг, куда угодно, но в сторону от французских границ.

— Может быть, вы обратили внимание,— продолжал главком,— что военным советником в Турцию направлен из Лондона некий генерал Дидс. Вы знаете, кто такой Дидс? Двадцать лет тому назад он был начальником штаба британских войск на Кавказе. Да, да, начальником штаба британских войск на Кавказе! — с ударением повторил Гамелен, заметив изумление сидевшего перед ним журналиста.— Как вы понимаете, случайных совпадений в таких назначениях не бывает... То, что наш старый генерал Вейган стал командующим французскими войсками в Сирии, тоже не случайность. Вы знаете географию, месье Бенуа,— Сирия не так далека от Баку, от Батуми, вообще от русской нефти. Для бомбардировщиков, например, из Джезира всего несколько часов лету... Южной клешней займется Вейган, он, так же как Дидс, встречался когда-то с большевиками, участвовал в польском походе на Киев.

По дороге в Венсенн Жюль предполагал, что главком уделит ему от силы десяток минут, но Гамелен, видимо, не торопился. Опустив руку, Бенуа украдкой взглянул на часы — беседа продолжалась уже около часа. За это время ни разу не зазвонил телефон, не вошел никто из адъютантов. Жюль самодовольно отметил, что Гамелен готовился к этому разговору. При всей своей ограниченности, Жюль наконец стал понимать цель беседы — главком нуждался в его помощи, но в чем именно, еще не совсем ясно.

В разговоре Гамелен показал еще один документ — письмо Вейгана, полученное два дня назад. Командующий французскими войсками в Сирии сообщал, что маршал авиации Митчел, назначенный командовать британской авиацией на Ближнем Востоке, недавно прибыл в Бейрут. Он получил инструкции из Лондона готовить бомбардировку Баку и Батуми. Из письма можно было понять, что Вейган недоволен медлительностью французского генерального штаба. Но это, конечно, несправедливо. Генералиссимус только сегодня отправил с курьером подробные инструкции Вейгану относительно акции на Кавказе. Отрадно знать, что настроение у генерала сверхбоевое. В личном письме Вейган хвастал, что с некоторыми подкреплениями и двумя сотнями самолетов он овладеет Кавказом и войдет в Россию, как нож в масло. У генерала есть такая привычка — хвалиться заранее, но он знает дело, генералиссимус учился с Вейганом в Сен-Сире... Правда, это было очень давно, почти полвека назад. При воспоминании о прошлом глаза главкома подернулись грустью. С оттенком сожаления в голосе Гамелен сказал Жюлю, что операции на юге задерживаются из-за Турции, турки робеют, колеблются. Чувство сожаления, с которым говорил главком, можно было одинаково отнести к прошлому и настоящему — к непредвиденной заминке с турками.

Бенуа знал от премьера, с которым у него установились самые задушевные отношения, после того как он познакомился с мадам де Круссоль, что англичане принимают все меры, стараясь убедить скандинавов прийти на помощь Финляндии. Черчилль открыто говорил об этом на завтраке, собрав журналистов нейтральных стран. Норвежцы и шведы что-то очень холодно отнеслись к предложению. Можно было бы обойтись и без них, но от высадки в Петсамо пришлось отказаться — слишком близко от Мурманска, от северной базы русских. Видимо, не так-то просто найти ширму, из-за которой можно стрелять, не объявляя войны... Этих нейтралов нелегко сколотить вместе. Значит, турки тоже задумываются, перед тем как прыгнуть в воду...

Было четверть восьмого, когда главнокомандующий, прощаясь с Жюлем, сказал ему:

— Закончим тем, с чего начали. Вы хотите побывать на фронте? Езжайте. Посмотрите нашу линию Мажино, за ней мы в полной безопасности. Попробуйте убедить в этом читателей. Опираясь на Мажино, мы можем заниматься другим делом... Войну, которую мы ведем, называют странной. Я буду удовлетворен, если сегодня из нашей беседы вы поняли, что странного здесь ничего нет. Это наша стратегия. Игра стоит свеч. Итак, до свидания! Ехать можете хоть завтра — машина к вашим услугам. Если возможно, захватите с собой еще одного журналиста — Леона Терзи. Я хочу убедить его фактами... До свидания!

Почти засыпая, Бенуа все возвращался и припоминал детали разговора с главкомом. Он лежал на тахте, рядом с Люсьен. Крошка тоже начинала дремать. Вдруг Жюль вспомнил, что он так и не

позвонил в лечебницу. Сон мгновенно исчез. Он поднялся, придвинул к себе телефон. На столе стояли бокалы с недопитым вином, тарелки с остатками ужина, букет цветов в хрустальной вазе — подарок Жюля. Без цветов он никогда не появлялся у женщин.

Жюль торопливо набрал номер. Говорил тот же врач. Да, роды прошли благополучно. Все очень хорошо. Поздравляет с наследницей. Мадам Бенуа еще не спит... Конечно, конечно, он может поговорить сам. Одну минуту, он переключит. В лечебнице у каждой койки есть телефон. Сейчас, сейчас!.. Жена будет рада...

Люсьен открыла глаза, зевнула, потянулась, положила на плечо Жюлю руку.

— Кому ты звонишь?

— Одну минуту! — Жюль зажал трубку ладонью.— Срочный разговор. Только, пожалуйста, помолчи!

В трубку донесся голос жены, утомленно-счастливый, по-детски тонкий и нежный. Люсьен слышала только слова Жюля:

— Я так счастлив, моя крошка!.. Да, доктор уже сказал... Ну конечно, конечно!.. Это замечательно!.. Все прошло хорошо?.. Бедная!.. Но теперь ничего?.. Молодец!.. Но ты уже кормила? Молока много?.. Сразу не бывает?.. А!.. Но я не понимаю, я думал... Конечно, хочу... Только сейчас закончил работу... Да, был у Гамелена... Необычайно важно... Такой обаятельный!.. Я устал? Ну что ты!..

Люсьен пошевелилась. Жюль предупреждающе протянул руку, точно собираясь закрыть ей рот.

— Сейчас еще не поздно?.. Тотчас же приеду!.. Да, да, немедленно... Ну, что за разговор!.. Для тебя... Сейчас еду!..

Он положил трубку и начал одеваться. Жаль, нет цветов. И магазины закрыты. Но как же без цветов? Вот досада! Взгляд упал на хрустальную вазу.

— Ты разрешишь взять букет?

— Бери хоть с вазой! Это тоже твой подарок.— Люсьен сердито отвернулась к стене.

Опять претензии! Как это скучно! Уже одетый, поцеловал ее в обнаженное плечо. Люсьен нетерпеливо рванула рукой. Ох эти капризы!

Жюль взял со стола букет, стряхнул воду и вышел. На улице он взял такси и поехал в лечебницу.

III

В Камбре и Валансьен можно было отправиться поездом с Северного вокзала. Но Леон Терзи убедил, что надо ехать штабной машиной, которую Гамелен любезно предложил журналистам. Сначала они поспорили. Терзи утверждал, что поезд привяжет их к железной дороге. Тем более если из Валансьена, как они предполагали, проехать вдоль фронта к Седану, побывать еще в Монамеди,

где обрывается линия Мажино, то машина просто необходима. Они значительно сократят время поездки.

Жюль считал для себя утомительным совершать такую длительную поездку в автомобиле, однако у него, так же как и у Терзи, времени было в обрез — Бенуа рассчитывал пробыть в отъезде три дня, не больше. В субботу Лилиан выписывается из больницы. Неудобно, если в этот день он не будет в Париже. Ясно, до субботы без машины не обернуться.

Подавив мученический вздох по поводу добровольно приносимой жертвы, Бенуа согласился. Условились, что Леон заедет за ним возможно раньше.

Ранним мартовским утром, когда мутный рассвет, будто бы испаряясь, медленно превращается в день, камуфлированная, защитного цвета машина остановилась в одном из переулков, выходящих на набережную Кэ д'Орсэ. В этот час Париж выглядел почти безлюдным. Позевывая, выходили на работу заспанные дворники, устало брели по панели две проститутки, неопрятные, с размазанной на лицах краской, единственные обитатели ранних парижских улиц.

Продолжительным ревом сирены шофер нарушил безмолвие улицы, чем вызвал брюзгливое недовольство привратника: нечего в такую рань беспокоить жильцов!

Через некоторое время Жюль появился в окне, в ночной сорочке. Он махнул рукой и исчез. Терзи успел выкурить две сигареты, вдоволь находился около машины, зябко поеживаясь от утренней свежести. Потеряв терпение, собирался подняться наверх, но в это время Бенуа наконец появился в дверях подъезда. В пальто серостального цвета, перетянутом широким поясом, он выглядел широкоплечим и атлетически сложенным человеком. Позади него шла худенькая, щупленькая консьержка и несла объемистый чемодан с множеством блестящих замысловатых запоров.

Чемодан погрузили в багажник и тронулись. Первое время ехали молча. Терзи продолжал дуться за то, что ему столько времени пришлось мерзнуть на улице, а Жюль Бенуа, не замечая дурного настроения Леона, молчал просто потому, что не мог еще прийти в себя. Он, кажется, в жизни не вставал еще так рано.

Когда миновали заставу и машина, набирая скорость, покатилась по асфальтированному шоссе, Терзи спросил:

— Может, заедем в Аррас? Там штаб Горта.

— У англичан сейчас ничего интересного. Лучше в Камбре.

— Ладно, поедем в Камбре.

Действительно, в Аррасе, где стоял штаб английских экспедиционных сил, делать было совершенно нечего.

В машине снова наступило молчание. Вез их тот же шофер, который накануне доставил Жюля в Венсеннский замок. Бенуа не узнал его, как не узнавал официантов в ресторане,— на них он не обращал внимания.

Шофер с особым шиком небрежности вел машину, придерживая одной рукой колесо штурвала. Навстречу прогрохотал слоноподоб-

ный грузовой автомобиль. Шофер даже не отвернул. Он пронесся мимо на расстоянии нескольких сантиметров. Жюль невольно отшатнулся в сторону.

— Нельзя ли ехать поосторожнее? — недовольно проворчал он. У него захолонуло сердце.

— Да, месье! — Сержант положил на штурвал другую руку, но вскоре рассеянно опустил ее снова.

Леон усмехнулся.

— На фронте неизбежны опасности, а мы едем на фронт.

— Благодарю вас! Я не хочу превращаться в такую вот кляксу,— Жюль указал на лобовое стекло, где остался желто-зеленый след разбитого шмеля или какого-то другого насекомого.— Здесь нет войны и не будет.

— Да, пожалуй... На фронте сейчас безопаснее, чем в машине. Действительно, странная война... В Испании было иначе.

— Вы долго там были?

— Нет. С полгода.

— Интересно, чего вас понесло туда? Убеждения?

— Нет, просто так... Поиски впечатлений.

— Вы, как мальчишка, бежите туда, где стреляют.

— Зато я многое видел. Не скажу, что понял, но видел.

— Там нечего понимать: русские хотели залезть в Испанию, а Гитлер не дал им, стал помогать Франко. Все ясно.

— Какая ерунда! Русских там почти не было.

— Но были их танки, самолеты, были...

— Да, к нашему стыду, там не было только французского оружия. Мы играли в нейтралитет, в невмешательство. Что другое, но одно я понял — испанцев мы предали. И не только испанцев. В Интернациональной бригаде были десятки национальностей, в том числе и французы. Три тысячи французов — бойцов Интернациональной бригады спят вечным сном в испанской земле. Их тоже предали. Это было на моих глазах. Я сам...

— Ах, оставьте! — Жюль недовольно поморщился.— К чему громкие фразы! Франко оказался сильнее, красные слабее. Это внутреннее дело испанцев. При чем здесь мы?

— Слушайте, Бенуа,— Леон начал злиться, его выводила из себя самонадеянная и снисходительная манера Жюля вести разговор,— нельзя же уподобляться проституткам, как те, что утром проходили по набережной, неопрятные, с размазанной, стертой краской. Им лень привести себя в порядок, а главное — незачем, нет клиентов... Вечером они опять намажутся, сменят залапанные блузки и станут опять похожими на порядочных женщин. Но ведь это же проститутки, а вы...

— Перестаньте грубить, Леон! Сегодня вы, надеюсь, не пьяны?

— Да не о вас идет разговор, месье Бенуа,— на скулах Леона забегали желваки.— Впрочем, можете принимать и на свой счет. Послушайте меня внимательно... Мы предали больше, чем одну Испанию. Я много думал об этом. Именно в Испании Гитлер почувствовал свою безнаказанность. Там он возомнил себя гением, кото-

рому все нипочем. Он уверовал в свою силу. Это подсказали ему мы — французы и англичане. Я не говорю уж об американцах... Если бы мы вели себя в испанском вопросе так же, как русские, Гитлер не посмел бы кинуться в новые авантюры. Он не рискнул бы нападать на Польшу, на чехов. Фашизм мог бы кончиться под Мадридом, и нам не пришлось бы затевать теперь эту комедию странной войны, на которую мы с вами едем, а полмиллиона испанских солдат не сидели бы во Франции за колючей проволокой. Южную Францию мы превратили в концлагерь... Этот позор нам долго не смыть.

— Позор? — Жюль пожал плечами и потянулся в карман за сигаретой.— Я бы назвал это целесообразностью. Видите ли, мой дорогой, такие категории, как позор, честность, правдивость, теряют свое значение в большой политике.

— Точно так же думает Гитлер.

— Что ж, возможно, он прав. Надо быть объективным.

— Послушайте, Жюль, я пытаюсь говорить с вами как с порядочным человеком, но вы просто...

Усилием воли Терзи сдержал поднявшееся в нем раздражение и проглотил готовую сорваться с языка грубость.

— Вы совершенно нетерпимы, Леон,— сказал Бенуа. Он сохранял снисходительно-покровительственный тон, который усваивают люди, занявшие определенное положение в обществе.— Вы нетерпимы,— повторил он.— Топорщитесь, как морской окунь, и совершенно напрасно... Остановимся завтракать, это поднимет ваше настроение.

Леон промолчал. Оба они сидели рядом на заднем сиденье и думали каждый о своем. Жюль подумал о Терзи. Почему он такой желчный и неуживчивый? Вероятно, неудачник в жизни. Вести себя надо иначе. Вот хотя бы он, Жюль...

По своему обыкновению, Бенуа не мог долго ни думать, ни говорить о ком-то другом, не ставя в пример самого себя. Жюль был глубоко уверен: если человек хочет прилично жить и преуспевать, то должен вести себя именно так, как он, Бенуа. Уметь ладить со всеми, приноравливаться, извлекать из всего выгоды.

А Леон вдруг вспомнил другую дорогу — в Испании. Они тоже ехали на фронт, в Теруэль. Сидели в грузовике и пели неаполитанскую песенку. Песня перекочевала к ним из батальона Гарибальди. Впрочем, пели ее всей бригадой — немцы и англичане, поляки и русские... Но как же начинается песенка? Припев он помнит, каждая строчка кончается словами: «как глаза моей милой». Эту песенку научил его петь Челино из Рима. С итальянцем он познакомился в Албасете. Там формировались их батальоны. Песня совсем простая. Кажется, так: «Над Неаполем солнце жгуче, как глаза моей милой...» А дальше?

Сначала Леон мурлыкал почти про себя, но потом запел громче, продолжая думать и вспоминать. Не только слова песни, но многое, многое другое. В такт песне он выбивал пальцами дробь на кожаном сиденье автомобиля.

— Тра-ля-ля-ля! Тра-ля-ля-ля! Ля-ля! Ля-ля!..

Кажется, он путает и мотив. Терзи никогда не отличался хорошим слухом. Там, в батальоне, другое дело — пели все, кто как умел. Одному петь куда труднее... Где-то теперь Челино? Они разлучились с ним на побережье. Сумел ли он перебраться во Францию? В лагерях его не удалось обнаружить. Может быть, он переменил фамилию...

Над Неаполем солнце жгуче,
как глаза моей милой...

Что это?... Это поет водитель. Терзи вздрогнул от неожиданности. Песня звучала для него как пароль. Откинувшись на сиденье и облокотившись одной рукой на раму открытого стекла, шофер легко и свободно пел неаполитанскую песенку. Терзи стал вторить. Он пел уже, не перевирая мотива, и сами собой итальянские слова приходили на память:

Над Неаполем небо сине,
как глаза моей милой,
как глаза моей милой.
Над Неаполем небо ночное глубоко,
как глаза моей милой,
как глаза моей милой...

— Откуда вы знаете эту песню? — спросил Леон.— Вы были там?

Водитель понял: там — это в Испании.

— Да, месье, мы пели ее в Мадриде...

Жюль подумал о водителе: «Видно, из коммунистов... Не всех еще разогнали. Надо бы сообщить куда следует...»

Они снова запели, и Бенуа удивленно смотрел на них.

У шофера был приятный, мягкий, хотя и недостаточно сильный голос. Леон наслаждался, повторяя за ним слова наивной, веселой песенки:

На бульварах в Неаполе пальмы бросают тени,
как ресницы на глаза моей милой,
на глаза моей милой...

Когда кончили петь, заговорили об Испании. Оказалось, оба были под Теруэлем, сражались в Университетском городке. В Альбасете жили в одном доме, но в разное время. Оба были в Аликанте, в Валенсии, а через мост в Ируне, кажется, переходили в один и тот же день — водитель утром, а Леон ближе к вечеру.

Леон отлично помнил этот мост с невысокими обшарпанными перилами, мост на границе с Францией. Толпы беженцев, скорбные лица женщин в черных шалях. Притихшие дети на их руках. Хмурые, ожесточенные солдаты с винтовками и одеялами. Французские жандармы, взирающие равнодушно на переход республиканских войск. Впрочем, нет, это уже не было войском. Солдаты на глазах превращались в толпу людей, вдруг потерявших уверен-

ность, хотя Леон не сомневался в безрассудной храбрости почти каждого из шагавших с ним рядом солдат. Идущие оставались частью войска еще на подступах к мосту, оставались солдатами даже на самом мосту, когда, нарушив строй, брели усталые, без единого патрона в карманах, но с винтовками. Их объединяло товарищество по оружию, может быть, цель, хотя бы последняя и печальная, но цель, к которой они шли,— к Ирунскому мосту. За мостом кончалась Испания.

Отстав от своих, затерявшись в сутолоке отступающих, потерпевших трагическое поражение республиканских войск, Леон шел среди незнакомых солдат, и никто не обращал на него внимания. Французские жандармы указывали, где складывать оружие, и солдаты подходили к грудам винтовок, наваленным, точно кучи хвороста, по обе стороны дороги. Леон до сих пор считал, что в Испанию он попал сторонним зрителем, Свидетелем с большой буквы, как любил он говорить. Поехал туда из любопытства, в поисках впечатлений. Но там, за мостом, бросив винтовку в общую кучу, Леон ощутил такую пустоту, такое бессилие и собственную ненужность. У него защемило сердце. Видимо, и он, как и другие, растерянно улыбнулся, избегая встречаться глазами с людьми. Пошел вперед, споткнувшись о запасный ствол пулемета, ствол, валявшийся в пыли под ногами. Спотыкались о него все, кто бросал оружие около дерева. Дерево росло с правой стороны дороги. Все спотыкались, и никто не убрал ствол с дороги. Людям было не до того — их перестали считать солдатами. Жандармы, покрикивая, гнали их дальше.

В концентрационном лагере интернированных республиканцев Леон пробыл недолго, всего несколько дней. Французов освободили, взяв на учет в полиции, но остальные вот уже сколько месяцев живут в концлагерях на юге Франции, полмиллиона интернированных узников.

Все эти мысли отрывисто и разрозненно, будто вторым планом, проносились в голове Леона в то время, когда вместе с шофером Симоном Гетье они перебирали в памяти минувшие события, перемежая их восклицаниями: «А помните... Может быть, знаете... Возможно, вы слышали...»

Так говорят земляки или однополчане, встретившиеся случайно в пути или невзначай сошедшиеся в таверне за одним столиком. Симон оставил на время свой почтительно-вежливый и сдержанный тон, усвоенный в общении с штабными пассажирами его машины. Он часто поворачивался к Леону, словно забывая об управлении машиной. Это вызывало раздраженное беспокойство у Бенуа: чего доброго, врежется в столб... Он несколько раз собирался сделать замечание водителю, открывал рот, но каждый раз в тот самый момент Симон возвращался снова к своим обязанностям. Он ловко обходил впереди идущую машину или уверенно проносился мимо встречных омнибусов, молочных цистерн и крестьянских повозок.

— А вы, месье, случайно не бывали в Астурии? — спрашивал он через минуту, снова поворачиваясь назад.

— Ну как же! Мы выходили горами к Бискайе. На побережье нас едва не сграбастали фалангисты...

И снова в памяти встали последние дни республики. Их осталось двенадцать человек, в том числе трое раненых. Прятались в скалах. С ними была польская девушка-радистка и поляк-капитан. Его все звали Фернандо, хотя у него было другое имя. Капитан был влюблен в девушку и ревновал ее к художнику из Парижа. Как странно бывает в жизни! Художник прилетал к ним на спортивном самолете, когда никто не думал о разгроме. Он привозил патроны и называл себя контрабандистом. Вероятно, тоже влюблен был в польку. Челино рассказывал, что художник последний раз, прощаясь, сказал: «Регина, когда будет вам трудно, дайте мне знать, я прилечу к вам на помощь, буду вас защищать». Он взял ее за руку, а капитан Фернандо ушел, не попрощавшись с художником. Девушка засмеялась и ответила: здесь найдется кому защитить ее и помочь. Кто мог предполагать, что придется вскоре так поспешно отступать к французской границе!

Через месяц они вышли на побережье, голодные и без оружия. Вернее — без патронов. Фернандо был старшим. Приютились в пещере. Стонали раненые. Девушка сказала Фернандо: «Может быть, стоит радировать господину Камбре?» Капитан не ответил. Он поднялся и сказал: «Возможно, найду источник. Пойду поищу». Он ушел и вернулся ночью. Воды не было. Раненые просили пить. Фернандо спросил: «Ты знаешь позывные?» — «Да, он оставил позывные приятеля-коротковолновика».— «Решай сама». Они отошли в сторону и долго о чем-то говорили. Потом девушка настроила рацию. Утром, когда солнце поднялось довольно высоко, в небе появился спортивный самолет. Он сел на берегу, где песок лежал плотный и ровный. Художник был в комбинезоне и крагах. Он сказал улыбаясь: «В три часа ночи я узнал о вашей радиограмме. Мы можем лететь».— «Нет,— сказала девушка,— сначала возьмите раненых, я улечу последней». Художник огорчился, но не возражал. В первый рейс он увез трех раненых. Самолет с трудом оторвался от земли.

Камбре прилетал три раза. Он высаживал своих пассажиров где-то в районе Бордо и возвращался обратно. Последний раз появился над берегом после полудня. «Теперь вы согласитесь лететь?» Девушка отказалась, но Челино запротестовал. Ее убедили. Полетели Фернандо, радистка и астуриец-горняк, служивший проводником. Регина спросила: «Вы даете слово, что вернетесь сюда еще раз?» — «Да, пусть ждут меня через два часа. Позже я не могу, у меня билеты в театр. Я обещал жене быть вовремя».

Ждали до вечера, самолет не пришел. Когда стемнело, Челино сказал: «Художник — сволочь. Он летал сюда из-за юбки. Пошли!» Они поднялись и пошли в сторону Ируна. Ночью наткнулись на заставу фалангистов, в темноте их обстреляли, но все уцелели.

В Париже Терзи узнал — художник пропал без вести. Вспомнил разговор пограничников под Ируном. Артиллеристы сидели у зенитной установки, а испанцы стояли рядом. Ждали, когда их пове-

дут дальше. Один сказал: «Ловко мы сняли эту пичужку». Второй ответил: «Бьюсь об заклад, что он врезался в скалы». Первый добавил: «Пусть этот дуралей занимается спортом где-нибудь в другом месте».

Может быть, говорили они про художника. Возможно, что Камбре не по своей вине не сдержал слова.

Симон снова повернулся к Терзи:

— Из Астурии я привез сувенир. Хотите взглянуть? — Он порылся в кармане, достал бронзовую монету размером в старый луидор.— Астурийцы чеканили свои монеты.

Леон принялся рассматривать монету. На обратной стороне была испанская надпись: «Астурийская республика. 1939 г.». Бенуа тоже заинтересовался. Он считал себя нумизматом, полагая, что каждый должен что-то коллекционировать. Монета действительно была редкая.

— Продайте мне,— обратился он к шоферу.

— Нет, месье, это не продается.

— Я вам хорошо заплачу.

— Нет.

Бенуа насупился. Монета могла бы украсить его коллекцию.

— Я заплачу двести франков.

— Нет, месье, монета не продается...

Симон тоже нахмурился, снова стал подчеркнуто вежлив и замкнут. От его оживления не осталось следа.

IV

Завтракали в сельской гостинице на полпути в Валансьен. В полдень прибыли в штаб армии, разместившийся со всеми отделами в Вервейне — небольшом сонном местечке, где только по воскресеньям, в базарные дни, наблюдалось какое-то оживление. Пребывание штаба тоже не отразилось на идиллическом облике Вервейна. Он остался все таким же сонным очаровательным местечком с размеренной и монотонной жизнью.

Камуфлированная машина журналистов въехала в Вервейн в тот час, когда штабные офицеры после обеденного отдыха возвращались на службу. В полевой форме, они браво шагали по узеньким тротуарчикам, козыряли друг другу, расшаркивались перед дамами. Жены и дочери вервейнских аборигенов вдруг в изобилии высыпали на улицы по совершенно неотложным делам именно в тот час, когда штабисты дефилировали на службу. Оживление на улицах продолжалось ровно столько времени, сколько офицерам требовалось, чтобы пройти от квартиры или меблированных комнат до штаба. А так как большинство офицеров поселились ближе к службе, то уличная сутолока продолжалась недолго. К тому времени, когда Симон вывел машину на базарную площадь, мощенную красноватым булыжником, офицеры скрылись в подъездах. Следом за ними исчезли и озабоченные девицы. Вервейн принял снова свой обычный сонный облик. Здесь, в прифронтовом местечке, как

и в Париже, войны совершенно не чувствовалось. Вервейн произвел на Терзи и Бенуа совершенно противоположное впечатление. Жюль подумал: «Какое спокойствие! Значит, я прав, войны не будет...» Леон сделал вывод: «Разве это война? Живут как на учениях». Оба высказали мысли вслух, но спорить не стали.

Машина остановилась у подъезда двухэтажного здания штаба.

Командующий 9-й армией генерал Корап, человек средних лет, начинающий преждевременно тучнеть и уже с трудом затягивающий на ногах обмотки, встретил корреспондентов подчеркнуто вежливо. Он только что поднялся после обеденного отдыха. Припухшие глаза его носили следы недавнего сна. Добродушно-застенчивый, лишенный какой бы то ни было военной выправки, генерал явно старался понравиться журналистам, произвести впечатление. Радушно улыбаясь и доверительно склонившись к собеседникам, будто сообщал им большую тайну, командующий армией сказал, что ждал их приезда — ему накануне звонили из ставки. Генерал уже принял необходимые меры. Он предупредил командира дивизии. Господа корреспонденты могут рассчитывать там на исключительный прием.

Через несколько минут генерал Корап с таким же конфиденциальным видом рассказывал гостям о том, как он брал в плен Абдаль-Керима во время какого-то очередного восстания рифов в Северной Африке, как вождь повстанцев благодарил его, тогда еще лейтенанта Корапа, за то, что именно он пленил его. Это событие, происшедшее лет пятнадцать тому назад, по-видимому, было вершиной военных удач генерала. О походе он вспоминал с гордостью и нескрываемой похвальбой. Чтобы проверить, какое впечатление производят на слушателей его слова, генерал откидывался на спинку кресла, потом снова склонялся к ним, как заговорщик.

Журналисты доставили большое удовольствие генералу. В течение часа они вежливо выслушивали подробности пленения Абдаль-Керима. Генерал с некоторой грустью и сожалением отпускал корреспондентов. На прощание долго жал каждому руку.

— А теперь,— почему-то понизив голос, сказал генерал Корап,— поезжайте на передний край. Я рад буду услышать ваше мнение о моих войсках.

Генерал проводил их до двери. Он оставался неизменно вежливым.

Чего другого, а вежливости во французской армии хоть отбавляй! Терзи иронически отметил это про себя, вспоминая другие встречи и наблюдения. Начиная от посещения ставки, они пребывали в атмосфере такой приторной вежливости, которая, будто зеленый луч уличного светофора, открывала им все дороги.

Генерал Корап поручил адъютанту проводить гостей до дивизии, хотя дорога здесь была прямая и заблудиться не представлялось никакой возможности.

В дивизию — она стояла на правом фланге армии, близ такого же сонного городка, как Вервейн,— приехали к вечеру. Заночевали

в гостинице. Хозяйка подала им нагретые простыни. Все было как в мирное время.

Утром отправились в полк. Командир дивизии тяготился бездельем и скукой фронтовой жизни. Он сам вызвался сопровождать гостей. Через полчаса езды машины свернули в сторону от дороги, к одинокой крестьянской усадьбе. За садом, обнесенным невысокой каменной стеной, тянулась траншея, исчезавшая в мелком кустарнике.

В тот год зима во Франции стояла суровая, и только в половине марта солнце начало по-весеннему пригревать землю. Во дворе усадьбы солдаты грелись на солнцепеке. Они сидели на куче бревен, видимо приготовленных для ремонта хижины. Но война нарушила планы хозяина. Сырые и потемневшие бревна лежали посреди двора рядом с кучей дров, напиленных из тех же бревен.

С появлением офицеров солдаты вскочили, вытянулись и стояли до тех пор, пока комдив не исчез в дверях хижины. Избавившись от присутствия начальства, солдаты почувствовали себя вольно, окружили машины и принялись расспрашивать шоферов о новостях, допытываясь, кого и зачем привезли они в полк.

Терзи остался во дворе, прислушиваясь к разговорам.

Вскоре в проломе стены, отгораживающей усадьбу от сада, появилась долговязая фигура в солдатской одежде. В руке солдат держал лопату и грабли, зажав оба черенка в широкой ладони. Он неторопливо перешагнул через пролом и присоединился к группе, стоявшей вокруг машины.

— Эй, Фрашон,— встретил его невысокий смешливый парень в засаленном кителе и таких же потертых штанах,— твои кролики еще не подохли?

— Ладно, ладно,— добродушно ответил солдат, которого назвали Фрашоном,— скоро ты у меня попросишь кроличьего рагу! Это будет раньше, чем станут нестись твои куры.

Фрашон попросил закурить, набил трубку, постоял, послушал и, вскинув на плечо лопату и грабли, полез обратно в пролом.

Терзи подошел к стене, заглянул в сад. В углу, за кряжистыми ветвями старых яблонь, громоздились самодельные клетки, сколоченные из ящиков. В одной из них за проволочной сеткой лежала крольчиха и вокруг прыгали малыши — пушистые шарики. Рядом на крыше сарая возвышалась голубятня. Около нее, стоя на лесенке, возился солдат. Куском фанеры он вычищал из голубятни помет.

Фрашон подошел к солдату, посмотрел на его работу.

— Не выйдет из тебя хозяина,— укоризненно сказал он.— Кто же такое добро бросает? Такому навозу цены нет. Дай мне его.

— Бери,— лениво отозвался солдат, чистивший голубятню.— Для тебя мне дерьма не жалко...

Фрашон поддел лопатой сброшенный вниз помет, отнес в сторону и, поплевав на ладони, принялся копать грядки на оттаявшей влажной земле. Он работал, попыхивая трубкой, и, вероятно, ис-

пытывал истинное наслаждение, судя по тому, как старательно подымал пласты пепельно-желтой маслянистой земли.

Солдаты, говорившие с шоферами, начали расходиться, снова уселись на бревнах. Кто-то крикнул, повернувшись к задворкам:

— Эй, дядюшка Фрашон, сыграем в карты?

Фрашон молча продолжал работать, будто не слышал.

— Иди, отыграемся! — снова крикнул солдат.— Не надоело тебе копаться в грязи?

— Нет, не хочу.

— Ну и черт с ним! Давайте одни.— Солдат вытащил из кармана засаленную колоду, перетасовал карты.— Теперь его не оторвешь от грядок. Зарылся, как крот. Верно, что Редиска...

Солдаты стали играть в карты. Вскоре из дома вышел командир дивизии. Его сопровождали офицеры. Жюль Бенуа что-то на ходу записывал в блокноте. Терзи присоединился к группе. Солдаты вскочили, пряча за спиной карты.

Командир дивизии, пожилой, худощавый, с седыми, коротко подстриженными усиками, шел впереди. Полковник в отставке, он с началом войны вернулся в армию, подобно многим офицерам запаса. Так же, как многие, он считал начатую войну временным недоразумением, которое только отрывает людей от настоящего дела. Последние годы, уволившись в отставку, полковник держал магазин дамских шляп где-то на юге Франции. На фронте его больше всего тревожила мысль: как-то жена справляется одна с непосильной, свалившейся на нее обузой?

— Вот и все наше хозяйство,— сказал полковник, широким жестом указывая на траншеи.— Так и живем... Скучно!

Они остановились у края траншеи, на дне которой стояли желтые лужи. Впереди тянулись жиденькие проволочные заграждения. Еще дальше, за болотистой низинкой, поросшей осокой, виднелась шоссейная дорога с беленькими столбиками по краям. Вдоль нее шли два бельгийских пограничника с винтовками, закинутыми через плечо.

Из блиндажа без головного убора, в расстегнутом кителе вынырнул солдат, нагруженный порожними котелками. Выбирая места посуше, он шел по траншее, сосредоточив все внимание только на том, чтобы не соскользнуть в грязь. Сделав несколько шагов, он поднял голову, растерянно остановился. Солдат попытался застегнуть китель, но руки были заняты. Котелок упал в жижу. Солдат растерялся еще больше. Веснушчатое лицо его покраснело.

— Проходи, проходи! — нахмурившись, брезгливо сказал командир дивизии.— Господин лейтенант, почему у вас люди в таком виде? Примите меры!

— Слушаюсь! — Лейтенант козырнул, щелкнув каблуками.

Солдат, подобрав котелок, торопливо зашагал по траншее к ферме, шлепая по лужам и не разбирая дороги. Траншея доходила ему всего до пояса.

Стараясь замять неприятный инцидент, командир дивизии сказал, обращаясь к Бенуа:

— Здесь у нас пулеметная точка. Со временем поставим противотанковую пушку. Как видите, для нее готова площадка.

— Когда же это будет? — спросил Терзи.

— Когда поступит приказ... Пока она не нужна, да и вряд ли понадобится. Все это,— полковник снова сделал широкий жест рукой,— все это имеет только символическое значение. Немцы не настолько глупы, чтобы месить здесь грязь своими танками. Во Фландрию они не полезут, да и вообще...

— Простите,— возразил Терзи,— а мехельнский приказ? Разве не говорит он о планах Гитлера?

Полковник снисходительно посмотрел на Терзи.

— Ерунда! Обычная мистификация, свойственная немцам! Я читал допрос этого офицера связи... Сказка для детей! Вы знаете эту историю? — обратился он к Бенуа.— Глупее нельзя придумать. Видите ли, немецкий капитан Малин отправился поездом в Кёльн с совершенно секретным приказом и вдруг очутился на бельгийской территории, около Мехельна, на вересковой пустоши. Капитан утверждает, что летчик сделал вынужденную посадку, перепутал Кёльнский собор с маастрихтской кирхой... Кто этому поверит! Потом сделал вид, будто хочет сжечь пакет, и не сжег. Наивный мистификатор! По этому приказу немцы, оказывается, собирались совершить прорыв как раз через наше болото, которое вы видите.— Полковник рассмеялся, довольный своей остротой.

— Но тем не менее в январе были приняты меры.

— Это не мое дело. Я получил тогда приказ перевести дивизию на состояние готовности номер один. Вся армия пришла в движение, вся, кроме моей дивизии.— Командир дивизии отвел журналиста в сторону и, понизив голос, чтобы не слышали подчиненные, сказал: — Я старый воробей, живу по правилу — не торопись выполнять приказ, потому что может последовать его отмена. Так и получилось. Войска пришли в движение, будто и впрямь началось наступление. Заполнили дороги, а я сидел на месте, не двигался. Как говорят, поспешность нужна при ловле блох... Через неделю все вернулись на зимние квартиры. Сожгли только бензин и вернулись. А у меня бензин цел, и людей я не мучил. Немцы в дураках меня не оставили. Вы посмотрели бы тогда, сколько «фоккевульфов» летало над Фландрией! Немцы наблюдали с воздуха за переполохом. Я представляю, как издевались они над нашими простаками! Так-то вот!..

Полковник самодовольно погладил седую щетину коротко подстриженных усиков.

— Ну что, господа, не пора ли обедать? Я угощу вас отличной пуляркой. Мне удалось найти прекрасного повара. Кудесник!.. Какой коньяк вы пьете, месье Бенуа?

— Простите, господин полковник,— Терзи задумчиво глядел на убогую линию обороны, раскинувшуюся перед его глазами,— а все-таки где же новое Мажино, о котором писали газеты? Это все?

Бенуа сердито посмотрел на коллегу. Вот характерец! Его шо-

кировала бестактность Терзи. Ссылаясь на сообщение штаба, Бенуа сам писал о неприступной обороне, протянутой от Монмеди до побережья, писал, что отныне линия Мажино надежно прикрывает всю западную границу Франции — от Швейцарии до моря. Это было в январе месяце. Бенуа недовольно сказал:

— Не будьте наивным! Мы должны укреплять веру нации в незыблемую силу Франции. Это значит больше, чем укрепления.

Леон возразил:

— Укреплять обманом?

— Не будем говорить об этом.

Полковник сказал:

— Да, кроме того, что вы видите, я ничего показать не могу. Самая красивая женщина не может дать больше того, что она имеет.— Он снова рассмеялся. Полковник всегда смеялся первый своим остротам.— Но это не имеет значения, войны здесь не будет... Так просто тратим время.— Полковник подумал о шляпном магазине.

Через день журналисты были в районе Монмеди. Форт близ Логви уступом вдавался в позиции немцев. Не больше как в четверти мили на той стороне раскинулась немецкая деревенька с каменными строениями и черепичными крышами. С холма, где над землей подымались приземистые сооружения форта, даже невооруженным глазом было видно, как немецкие солдаты возводят укрепления. Их было не меньше взвода. Без кителей, в белых рубахах с засученными рукавами, они в тачках возили камень, песок, носили бревна. Среди саперов ходил офицер в начищенных сапогах и в фуражке с высокой тульей. Он что-то показывал рукой, а два солдата что-то измеряли рулеткой. В прозрачном, неподвижно-тихом воздухе, казалось, можно было различить лица солдат. Снег уже сошел, и от земли под солнечными лучами поднимались прозрачные струйки пара. Кое-где на пригорках уже зеленела трава. В этот теплый весенний день казалось, что у околицы деревеньки трудятся мирные каменщики, которым нет дела ни до войны, ни до форта, ощетинившегося пулеметами, пушками.

Журналистов сопровождал комендант форта, щеголеватый капитан с красивым лицом.

— Почему вы им даете работать? — спросил Терзи, когда они, поднявшись на бруствер, разглядывали эту идиллическую картину.

— Но мы тоже работаем! Мы только на днях закончили вон те фортификации,— капитан указал на бетонные амбразуры выдвинутого вперед блиндажа. Бетон был свежий. Перед амбразурой валялся строительный мусор.— Там у нас наблюдательный пункт.

Ходами сообщения прошли вперед. Глубокая траншея перерезала холм и заканчивалась блиндажом, о котором говорил капитан. В блиндаже у пулемета сидел небритый солдат. Второй стоял, прислонившись к стене, и глядел в амбразуру, загороженную стальным щитом. Терзи через плечо заглянул в смотровую щель. Солдат отодвинул заслонку, чтобы было виднее, и услужливо отошел в сторону.

Амбразура выходила к ручью, протекавшему вдоль границы. Вода в нем начинала спадать, обнажив голый кустарник, покрытый илом, клочьями соломы и прошлогодней травы. С противоположной стороны к ручью подошел немецкий солдат, видимо из тех, что работали на укреплениях. Он спустился по мосткам и, присев на корточки, принялся мыть сапоги, пригоршнями черпая из ручья воду. Потом неторопливо взял мыло, намылил руки, сполоснул их и, отряхнув воду, пошел обратно. Немец находился так близко, что было видно, как с его локтей падают блестящие на солнце капли.

— Вы почему не стреляете? — спросил Терзи у часового.

Его раздражала наглая самоуверенность гитлеровских солдат. В Испании было не то.

— Зачем? — в свою очередь недоуменно спросил солдат.— Они нас тоже не трогают...

Солдат повторил почти то же, что несколько минут назад говорил щеголеватый капитан.

В блиндаже было сыро и холодно. Терзи молча вышел. На холме капитан сказал:

— Вы кровожадны, месье Терзи. Ваш друг, кажется, не разделяет ваших взглядов.— Капитан испачкал в траншее руки и носовым платком вытирал с пальцев глину. Платок распространял тонкий запах фиалки.— Хотите,— предложил он,— я покажу вам теперь нашу подземную крепость.

Просторный лифт опустил журналистов глубоко в недра земли. Казалось, что они спускаются в глубокую угольную шахту. Освещенным туннелем прошли не меньше мили. Несколько раз их обгоняли электрические вагонетки, встречались солдаты, едущие на велосипедах. От главного туннеля шли ответвления в стороны. В нишах лежали ящики, бетонные колодцы уходили кверху, под ними на площадках стояли легкие пушки. Стальные тросы готовы были поднять их на поверхность.

— Теперь вы согласны, что линия Мажино неприступна? — с торжеством спросил Бенуа.— Подземная крепость тянется до швейцарской границы.

Леон не ответил. Действительно, подземные сооружения могли произвести впечатление.

В офицерской столовой капитан как бы между прочим сказал:

— А вы слышали последнюю новость? Финны заключили мир с русскими.

— Что? — встрепенулся Жюль Бенуа.— Не может этого быть!

— Уверяю вас. Я еще вчера слушал радио.

— Тогда нам надо ехать в Париж. Это черт знает что такое!

На следующее утро журналисты были в Париже. В пригороде остановили машину у газетного киоска. В газетах сообщалось, что Эдуард Даладье подал в отставку. Формирование нового кабинета президент поручил Рейно. Они отошли от киоска. Леон усмехнулся.

— Ваши акции падают, месье Бенуа. Графиня де Порт не про-

стит вам истории с Абетцом. Теперь она приходит к власти во Франции...

— Вам куда ехать? — не отвечая, спросил Жюль.

— Конечно, домой.

— Тогда завезите меня в редакцию.

У подъезда редакции они расстались. Жюль был рассержен и холоден.

Терзи бульварами поехал к себе. Шофер помог внести чемоданы. Чемодан Бенуа тоже пришлось оставить у себя. Симон Гетье, прощаясь, сказал:

— Месье Терзи, разрешите подарить вам монетку. На память.— Он протянул астурийскую монету, которой хвалился в дороге.

— Спасибо... Но она ведь не продается,— Леон улыбнулся, вспомнив, как обиделся Бенуа.

— Конечно, нет. Но это на память. Мы неплохо дрались в Испании. Не то что здесь. Странная война, месье Терзи! Русские, вероятно, воюют иначе.

Выпили по стакану вина — у Терзи нашлась бутылка в буфете. Симон уехал. Леон вылил в стакан оставшееся в бутылке вино, выпил. «Да,— подумал он,— странная война. Очень странная... За полгода «боевых действий» во Франции английские экспедиционные войска потеряли трех человек!.. Странно!.. Впрочем, какое мне дело! Я только Свидетель...»

Терзи по свежим впечатлениям сел писать все, что он видел,— летопись для истории, как он любил говорить.

V

Семнер Уэллес, личный представитель американского президента, только что уехал от графа Чиано. Он посетил министра иностранных дел, перед тем как покинуть Европу. Оба предпочли встретиться в неофициальной обстановке. Это, кажется, дало свои результаты, Уэллес оказался приятным и понимающим собеседником. При всей своей молчаливости высказал много трезвых и здравых мыслей. Особенно по поводу Финляндии. Есть все основания полагать, что обстановка в Европе изменится. Италии это выгодно,— какой интерес позволять Гитлеру укреплять свои позиции! Муссолини и без того расстроен его стремительными успехами в Польше. За три недели ухватить такую добычу! От огорчений у тестя даже обострилась язва желудка.

Из разговора Чиано понял, какую цель преследуют американцы, послав в Европу личного представителя Рузвельта,— хотят сколотить единый фронт против большевиков. События в Финляндии для этого открывают новые перспективы. Уэллес надеется, что американцы станут во главе крестового похода против Советской России. Но Гитлер и Чемберлен, как и французы, сами хотят быть во главе. Каждый намерен извлечь побольше выгоды. Отсюда и начинается разнобой. Что же здесь можно выиграть?

Граф Чиано расхаживал по комнате, взвинченный и еще не остывший от встречи с американцем. Они нашли с ним общий язык. Нельзя нарушать равновесие сил в Европе. Если Гитлер слишком укрепит свое господство, это тоже опасно, но нельзя забывать о роли Германии как барьера от красной опасности, идущей с востока. Конечно, американцы, как и Гитлер, также хотят заработать на красной опасности. Кто же не хочет этого? Разве он, Чиано, откажется использовать выдуманный страх обывателей перед большевиками? Такой страх необходимо подогревать. Чиано так и делает.

Итальянский министр иностранных дел тонким нюхом, каким-то шестым чувством понял, что американский посланец покидает Европу несолоно хлебавши. В европейских столицах — в Лондоне, Берлине, Париже — его предложения не вызвали особого энтузиазма. Гитлер сам намеревался играть первую скрипку в Европе, французам и англичанам тоже не было смысла впрягаться в американскую колесницу. Они сами надеялись сторговаться с Гитлером, без посредства заокеанских маклеров. Нет, Уэллес безусловно явился не вовремя. Уезжает с кислым настроением. Тем лучше,— не потому ли он оказался таким сговорчивым? Чиано задумался над выгодами, которые можно извлечь из разговора с американским гостем.

Размышления прервала Эдда. Услышав, что Семнер Уэллес покинул их дом, она вошла в кабинет. Напомнила, что отец заедет сегодня вечером. Она звонила ему. У нее план,— может, удастся помирить его с матерью. Надо воспользоваться семейным торжеством. Донна Ракеле тоже собиралась приехать. Она так любит младшего внука!

Чиано соглашался с женой. Кларетта, любовница тестя, совсем обнаглела. Но едва ли сразу удастся убедить Муссолини. У Кларетты Петаччи одно преимущество — она молода, а донна Ракеле старая женщина. Это не в ее пользу.

Эдда расположилась в кресле. По всей видимости, надолго. Ей хотелось поболтать с мужем. Но Чиано не был расположен сейчас к праздным разговорам, сказал, что ему надо кое-что записать в дневник. Эдда ушла, недовольная. Чиано понял это по тому, что она стала пощелкивать пальцами. Верный признак. Ничего, помирятся вечером.

Проводив жену, Чиано сел за тетрадь в сафьяновом переплете. Дневник так и остался лежать на столе после ухода Уэллеса. Чиано был столь откровенен с гостем, что прочитал ему несколько страничек из дневника. Здесь имелся прямой расчет — показать, что он не во всем согласен с тестем. Американец заинтересовался.

— Ваши записи,— сказал он,— имеют большую ценность. Хотите, я помогу вам издать их в Штатах? Конечно, не сейчас, предположим, через десять лет. Могу подписать контракт,— хотите, сто тысяч долларов?

Семнер Уэллес был бизнесменом. Чиано уклонился от сделки. Придет время — получит и больше.

Внимание американца особенно привлекла запись о встрече с финским послом. Чиано записал в середине декабря, вскоре после начала войны в Финляндии:

«Принял финского посланника. Он поблагодарил за моральную помощь. Просил оружия, специалистов. Я ответил, что мы, итальянцы, не возражаем. Несколько самолетов уже отправлено, но я выразил сомнение, разрешит ли Германия доставлять вооружение через свою территорию. Посланник ответил, что это его не тревожит. Вопрос урегулирован, тем более что Германия сама снабжает финнов оружием, в частности трофейным, захваченным в Польше и Испании».

— Я так и думал! — воскликнул Уэллес.— Договор Гитлера с Москвой — одна лишь видимость. Это необычайно важно!

Чиано дополнил информацию. При итальянском министерстве иностранных дел он создал специальный отдел по Финляндии. Отдел будет координировать политические, военные и экономические меры для оказания помощи Маннергейму. Руководит им капитан Беки. Опытный человек. В начале января под видом добровольцев Беки отправил уже в Хельсинки группу артиллеристов и летчиков. Таким образом, Италия тоже вносит посильный вклад в общеевропейское дело. Итальянцы не делают из этого особого секрета. Конечно, там, где нужно. Чиано лично сообщил коечто французскому послу.

Но министр не все рассказал американцу, приплывшему из-за океана. Не такой он простак! Одно дело — помочь Маннергейму, другое — ставить палки в колеса дипломатического экипажа Гитлера. Чиано нашел способ передать русским содержание разговора с послом Финляндии,— конечно, в той части, что касается германской помощи финнам. Это подсказал Муссолини. Советскому послу в Париже отправили анонимное донесение.

Гитлеру не первый раз подкладывали такие пилюли. В дни боев под Варшавой немцы просили венгров пропустить их войска через Венгрию. Просили и нажимали. Гитлер рассчитывал нанести полякам удар с тыла. Венгры обратились за консультацией. Муссолини посоветовал венгерскому послу — надо учтиво отказать немцам. Так и сделали. При случае, конечно, Гитлер припомнит это венграм, но Италия останется в стороне...

Чиано усмехнулся, вспоминая подвох, который они с Муссолини устроили немцам.

Хуже получилось с моторами. Риббентроп сделал решительное представление, упрекнул, что итальянцы снабжают Францию авиамоторами «Капрони». Он еще упрекал, что англичане вступили в войну потому, что заранее знали о нейтралитете Италии. Кто это мог разболтать? Пришлось изобразить искреннее недоумение. Чиано обещал проверить. Если подтвердится, строго накажет виновных. Всегда так говорят. Свалил на фирму — там сидят безответственные спекулянты.

Риббентроп согласился, что такие недоразумения не должны омрачать дружбы между двумя странами. Знал бы этот простофи-

ля, что Чиано уже предупредил бельгийцев о том, что немцы готовят на них нападение! Недаром у него такая фамилия — Риббентроп. Тропф — по-немецки простак. Чиано не был высокого мнения о дипломатических способностях немецкого коллеги.

Через месяц принцесса Пьемонтская, сестра бельгийского короля, прислала письмо. Благодарила за предупреждение, распиналась в дружеских чувствах. Но, сдается, они не поверили в серьезность намерений Гитлера. Считают блефом. Может быть и так.

Граф Чиано сделал в дневнике запись о встрече с посланником Рузвельта и прошел в гостиную. Донна Ракеле уже приехала. Он слышал ее скрипучий голос.

В курительной его встретил дворецкий. Доложил — кавальеро Чиано ждет какая-то женщина. Называет себя Кармелиной Челино. Дворецкий не решился пустить ее в дом. Какие будут распоряжения?

— Чего она хочет?

— Говорит, что их семья много лет работала у старого графа в Ливорно.

— Челино? Не помню...

— Она утверждает, что муж ее возил вас на пони, когда вы были ребенком.

— Забавно! Так все-таки, зачем же она пришла?

— Спрашивает, не захочет ли молодой граф снова взять ее на работу.

— Так возьмите ее, если не слишком стара.

— Слушаюсь, кавальеро.— Дворецкий поклонился и распахнул дверь перед графом Чиано.

Семейный обед как будто удался. Муссолини сидел рядом с женой, и донна Ракеле проявляла неумелое внимание к мужу. Перед каждым блюдом она говорила:

— Ради бога, берегите себя! Вы помните, что этого нельзя кушать?

Но таких предупреждений можно было бы и не делать. Муссолини сам с присущей ему мнительностью отказывался от острой, тяжелой пищи. Он соблюдал строжайшую диету, за обедом довольствовался манной кашей и молоком. Чиано ждал, когда теща вставит дежурную фразу о Рокфеллере, и она произнесла ее:

— Рокфеллер шестнадцать лет жил на молоке и апельсинах. Кроме них, ничего в рот не брал. Подумать только — при таком состоянии! Владел миллиардами...— Она всегда оживлялась, когда заходила речь о богатстве.

Муссолини нахмурился, но все же благосклонно пропустил это замечание мимо ушей. Эдда торжествовала. Ее план выполнялся успешно,— может, удастся примирить отца с матерью. Эдда несколько раз перекинулась взглядами с мужем.

После кофе мужчины вышли в курительную комнату. С ними был Бруно, младший сын Муссолини, офицер королевского авиационного флота. Скучая, он выкурил сигарету и вскоре вышел.

— Кажется, наши дела поправляются! Не так ли? — Муссолини ударил себя по коленке ладонью.

У графа была иная точка зрения, но он поддакнул:

— Несомненно, политика нейтралитета дает результаты. Цены на бирже продолжают расти. Французы усиленно покупают итальянские акции.

— Да, да! — подхватил Муссолини.— Скоро мы сами станем оказывать помощь. Я приму на себя командование армией. Это мечта моей жизни. Сейчас нам нужен цветной металл для войны. Придется вам расстаться с этими безделушками,— он указал на массивные бронзовые ручки, украшавшие высокие резные двери.— Реквизиция меди даст нам не меньше двадцати тысяч тонн.

Чиано подумал: «Дверными ручками не повоюешь».

— К сожалению, дуче, нам нужен еще и никель.

— Получим. Гитлер заинтересован в том, чтобы нас поддержать. Но я поступлю как Бертольдо. Помните шута из комедии Чезере Кроче? Он согласился на смертный приговор при условии, что сам выберет дерево, на котором его повесят. Я согласился вступить в войну, но оставил за собой право выбрать нужный момент.

Чиано давно не видел тестя в таком прекрасном настроении. Эдда удачно выбрала время для примирения. Лишь бы донна Ракеле сама всего не испортила! До чего же глупа! В полуоткрытую дверь доносился ее голос. Всегда на что-нибудь жалуется. Чиано прислушался. Ну конечно! Жалуется дочери, что скворцы покинули их сосновую рощу, теперь садятся на крыши королевской виллы. Брюзжит, что кто-то подстроил это. Во всем видит интриги. Брюзжит, жалуется, что не может больше стрелять скворцов. Чиано представил себе донну Ракеле с охотничьим ружьем. Смешное зрелище!

Муссолини продолжал говорить:

— Теперь самое удобное время заняться Югославией. Мы очутимся рядом с румынской нефтью. Обыграем и Гитлера, и Чемберлена. Но пока надо дать югославам изрядную дозу хлороформа. Пусть ничего не подозревают.

— Следует посмотреть, как развернутся события на западе.— Чиано встал и прикрыл дверь: тестю лучше не слушать, что болтает донна Ракеле.— Гитлер что-то затевает там и, конечно, молчит. Боюсь, что он снова поставит нас перед совершившимся фактом.

— Возможно. Я понял смысл весьма странного покушения в Мюнхене. Поверьте мне, Гитлер сам организовал на себя покушение! Помните мою поздравительную телеграмму по этому поводу? Я составил ее в довольно прохладных тонах. Ни один итальянец не испытал радости от его спасения, а я меньше всех. Гитлер свалил все на английских разведчиков, чтобы вызвать антибританские настроения.

Муссолини говорил о подозрительном покушении на Гитлера в ноябре минувшего года. Чиано тоже уверен — с покушением что-то неладно. Пахнет провокацией, к тому же грубовато задуманной.

— Но почему же Гитлер не использовал покушение в свое время?

— А Финляндия? Про Финляндию вы забываете? Война там началась вскоре после покушения. Гитлер изменил тактику. Только и всего. Он надеялся привлечь англичан на свою сторону. Скажу больше: с началом войны в Финляндии Гитлер постарался дать возможность союзникам ввязаться в войну с Россией. Только поэтому он отодвинул подготовку на западе, чтобы не мешать англичанам, французам и, конечно, американцам. Помяните мои слова: если Гитлеру не удастся договориться с Чемберленом, он ударит на Францию. Я его знаю. Ну, а наша задача — втравить его в настоящую войну. Все равно, на западе или на востоке. Главное, чтобы ему пообщипали перья. Ситуация для нас складывается пока благоприятно... Однако довольно сегодня говорить о политике. Идемте!

Из курительной комнаты вернулись к дамам. Донна Ракеле сидела к ним спиной. Муссолини прислушался. Жена, как Гитлер, не дает другим вымолвить слова. Эдда первая поняла опасность, попыталась замять разговор, но мать с увлечением говорила:

— Это просто ужасно! Весь Рим говорит о свадьбе Мариан де сан Сирволо. Царские подарки, цветы, лукулловы пиры. А кто она, эта Мариан? Бездарная киноактриса, изменившая фамилию, сестра девки Кларетты Петаччи. И представь себе, отец принимает во всем участие, играет главную роль. Позор! Французы открыто издеваются. Пишут в газетах. Я скажу больше — поведение семейства Петаччи напоминают мне роль Распутина при царском дворе в России. Интригуют, обогащаются, спекулируют. Ты представляешь, как мне тяжело, Эдда!

Дона Ракеле приложила к глазам платок. Муссолини вспылил, лицо его побагровело.

— Я уже просил вас не говорить дурно о женщине, которую я уважаю! Не вмешивайтесь в мои дела. Вы... вы не стоите подошвы Кларетты!

Муссолини резко повернулся и, не прощаясь, вышел в переднюю.

«Так я и знал, что она все испортит!» — подумал Чиано о донне Ракеле.

Она сидела растерянная и жалкая.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

I

Получилось, что Андрей так и остался комбатом. Сначала, когда трое бессонных суток прорывали линию Маннергейма, он сам думал — неудобно перед товарищами покидать батальон, превращаться в этакого прикомандированного щелкопера, как говаривал Степан Петрович. Да и комдив полагал, что в горячие дни нет ни-

какого смысла попусту заниматься перестановкой людей, менять их без крайней необходимости. К такой крайней необходимости он относил ранение, конечно, смерть офицера в бою или явную неспособность занимать командную должность. Но старший политрук, видно, родился под счастливой звездой. В каких переделках ему не приходилось бывать — и ни единой царапины. Что же касается опыта, военных навыков, то он, возможно, в чем-то и уступал кадровым командирам, но не в такой мере, чтобы это вызывало сомнение и беспокойство. Комдив был доволен напористой хваткой Андрея Воронцова. Не шуточное дело — с места в карьер стать комбатом и вести наступление в первом эшелоне головного полка.

Потом наступали на Ляхде — деревеньку, стоявшую на развилке дорог. За три дня прошли километров пятнадцать. Особенно упорных боев здесь не вели, сбивали только арьергардные группы противника, но вслед за дивизией пришли в движение все войска Карельского перешейка. В прорыв устремились другие части, линия Маннергейма рухнула, захватили сотни дотов-«миллионеров». Фронт переместился на север, к следующей линии обороны финнов. Дивизии с тылами, со всем хозяйством выползли на дороги. Началась обычная тыловая суматоха, когда штабы оказались на колесах, и даже при всем желании никто не мог отозвать Андрея обратно в распоряжение политотдела корпуса.

Так прошла неделя. Андрей втянулся в походную жизнь и не стал возражать, когда Степан Петрович предложил ему остаться комбатом. Комдив предупредил — с политотделом корпуса договорится сам через военный совет армии.

Воспользовавшись случаем, Андрей выпросил разрешение съездить в госпиталь навестить Николая Занина. Тихон Васильевич успел побывать там, рассказывал, что все обошлось, слава богу, благополучно, дело идет на поправку, но товарищ капитан потерял много крови, и его пока не эвакуируют в тыл. В госпитале он пробудет еще день не то два, но не больше. Андрей поторопился навестить друга.

Выехали не рано. Из дивизии шла трехтонка за горючим, и Андрей полагал, что с той же машиной к ночи вернется назад.

До Хотинена, небольшого селения, расположенного в самом центре оборонительных сооружений, добрались быстро. Село походило на кладбище, где вместо крестов мрачно чернели ряды закопченных труб. Пахнуло терпкой гарью, такой резкой на морозном воздухе. За селом машина затормозила, в кузове гулко загремели пустые бочки. Дорогу загородила встречная колонна. Машины стояли вперемежку с подводами. Около пушки, завалившейся одним колесом в канаву, матерились шоферы, давали советы водителю тягача. Трактор глухо урчал, буксовал, разворачиваясь на одном месте. Потный и расстроенный водитель зло и бестолково переключал скорости, огрызался и, высовываясь из кабины, с опаской поглядывал на дорогу, чтобы самому не соскользнуть в воронку от финского фугаса.

Общими усилиями пушку наконец вытащили из канавы. Шо-

феры разбежались по машинам и тронулись дальше, но вскоре, километра через полтора, колонна снова остановилась. На этот раз, кажется, надолго. Впереди до самого моста, видневшегося вдали, машины плотно стояли одна к другой. Андрей пошел вперед узнать, в чем дело. Пробираясь вдоль грузовиков, подошел к мостику с железными перилами. Оказалось, что среди дороги задремал ездовой. Он сидел в передке саней, груженных печкой, жестяными трубами, канцелярскими столами, стульями, вывеской с надписью: «Продотдел». А шофер, поставивший машину впритык к саням, побежал «на минутку» взглянуть на взорванный дот. Ездового растолкали, вернулся шофер. Кто-то уже шумел, возмущался, кричал, что научились брать вон какие укрепления, а по дорогам ездим будто в средневековье. Позор, да и только!..

Рассосалась и эта пробка, но в пути застревали еще несколько раз. Только к вечеру Андрей добрался до госпиталя.

Помещался он в длинном одноэтажном, наполовину сгоревшем доме. Вокруг него стояло несколько шатровых санитарных палаток с целлулоидовыми оконцами. Из крайней палатки вышла девушка в полушубке, накинутом на плечи, и солдатской шапке-ушанке. Андрей нагнал ее и спросил, где можно найти дежурного врача.

— Зачем он вам? — спросила девушка, посмотрев на Андрея внимательными карими глазами.

Андрей объяснил.

— А, знаю! — девушка улыбнулась.— Вы Воронцов. Капитан Занин говорил про вас. Идемте, провожу. Я иду как раз на дежурство. Вот сюда,— девушка пропустила Андрея вперед.— Получите разрешение и проходите. Третья дверь направо. Я предупрежу капитана. Здесь у нас строго...

Через несколько минут, облачившись в халат, Андрей входил в палату, где стояло четыре койки. Николай лежал ближе к окну, загороженному фанерой. Только сверху, сквозь уцелевшую часть рамы, проникал свет. Николай хотел приподняться, но сестра, которую встретил Андрей, остановила его:

— Лежите, лежите, больной. Иначе я не разрешу вам встречу. Имейте в виду, много не разговаривать.

— Видал, Андрей, как меня держат здесь! Это Галочка. Моя спасительница. Знакомьтесь. Медицинская сестра.

— Мы уже знакомы.

Галина протянула маленькую руку и неожиданно крепко и энергично ответила на рукопожатие. Из-под белой косынки выбивался венок туго заплетенных каштановых кос. В чуть-чуть выдающихся скулах, в полукружьях приподнятых бровей, черных и шелковистых, в рисунке ее рта и несколько широком овале лица девушки было что-то восточное. Андрей невольно задержал взгляд на ней. На секунду, не больше.

Пристальный взгляд, видимо, смутил медсестру. Она отвернулась, нахмурила брови и сказала, обращаясь к Занину:

— Имейте в виду, встреча на полчаса. А вы, товарищ старший политрук, не давайте ему говорить много.

Галина подошла к раненым, лежавшим на соседних койках, что-то спросила, оправила подушки и вышла. Снаружи затарахтел движок, мигнув, загорелся свет. Галина появилась ненадолго снова — пришла замаскировать окна. Она взобралась на табурет, тонкая, гибкая.

При электрическом свете Николай показался еще бледнее. Лицо его удлинилось, а улыбка стала чужой и болезненной.

— Ну, брат,— сказал он,— побывал я на том свете. Кое-как выкарабкался. Сегодня даже Верушке письмо написал. Значит, в порядке все. Завтра, говорят, в тыл отправят.

— А ты на самом деле много не говори,— остановил Андрей.— Я ведь в батальоне вместо тебя остался.

— Знаю, Тихон Васильевич говорил... Писем не привез случайно?

— Привез. Даже два.— Андрей полез в полевую сумку.— Почты дней пять не было, на дорогах столпотворение. Я к тебе с самого утра ехал...

— Спасибо!

Николай разорвал конверт и с жадностью впился в страницы письма. Казалось, для него сейчас не существует больше ничего на свете, кроме этой странички, вырванной из тетради, сплошь исписанной убористыми строками. Строки заполняли поля, все свободные уголки, будто автору не хватало бумаги. Андрей смотрел на Николая и подумал: вероятно, если бы Вера написала еще несколько страниц, все равно ей было бы тесно.

Занин пробежал глазами письмо, посмотрел открытку и отложил в сторону.

— Извини, что оторвался. Я их потом, на заедочку, как следует прочитаю. Сначала с тобой поговорим, не то еще, правда, Галина Даниловна нас разгонит. Она у нас строгая.

Николай находился все еще под впечатлением письма жены, додумывал какую-то ее фразу, вникая в сокровенный смысл, и, конечно, заговорил о ней:

— А Верушка-то еще ничего не знает про мою историю, мои резервные получает. Но все-таки, видно, тревожится, чувствует.

— Подожди! Какие резервные?

— Да это хитрость одна... Семейно-фронтовая... Разве я не говорил? Мы с Тихоном Васильевичем сговорились: случись что со мной — он раз в неделю резервные посылать будет. Я написал их заранее. Думал, пусть хоть на неделю-другую Вера позже узнает... Так вот и получилось. Сегодня уж я сам нацарапал... Теперь все в порядке. А у Маринки-то новые зубы режутся! Слышишь?

Андрей слушал и наполнялся глубоким уважением к незнакомой ему женщине, не столь уж красивой, судя по карточке. Но для Николая была она самой привлекательной, умной, милой, красивой и близкой. Воронцов снова позавидовал другу. Боль, притупившаяся в последнее время, всплыла опять.

— Теперь сам скоро увидишься... Не слышал, куда отправляют?

— В Ленинград, вероятно. Как думаете, Галочка?

— Там видно будет. Нате-ка выпейте.

Медсестра налила в ложку микстуру, протянула больному. Она только что снова зашла в палату.

— Давайте, давайте! Видите, какой я хороший, Галочка! Безропотно пью всякую дрянь...

— Давно бы вам надо письмо получить. От писем, говорят, поправляются... Ну вот и хорошо. На ночь теперь глюкоза и перевязка.

— Галочка, а вы слышали, у Маринки новый зуб режется! Это важнее глюкозы! Знаешь, Андрей, я Галочке все рассказываю,— как она, бедная, терпит! У нее должность такая — сестра милосердия. А спасла она меня действительно. Нам с Верушкой век ее помнить надо...

— Оставьте вы, товарищ капитан! К чему это?

Девушка зарделась, посмотрела на Андрея. Глаза их встретились. Смутившись еще больше, она вышла из комнаты.

— Замечательный человек! Мединститут не кончила и пошла в медсестры,— Николай восхищенно говорил о девушке.

Но он знал только часть того, что произошло недели две назад, в ту ночь, когда из медсанбата привезли его без сознания в госпиталь.

Они проболтали еще около часа. Андрей начал собираться.

— Ну что ж, надо ехать. Когда теперь встретимся?

— Встретимся. Земля — она тесная... Да, знаешь, кого я здесь встретил? Помнишь, в резерве был такой Розанов? Тоже в госпитале. Рядом лежит. Вот чудак! — Николай улыбнулся.— Супом раненный... Бывает же!

— Не понимаю.

— И не поймешь. Кому шрапнель, кому гороховый суп. Пошел в резервный батальон. Он ведь теперь начальство, в наградном отделе работает... Ну вот, пошел обедать. Остановился у полевой кухни, протянул котелок, а повар зазевался, что ли, да ему вместо котелка в рукав целый черпак горячего супа вылил. Обварился. Пока сбрую сняли, полушубок скинул, уже поздно — ожог второй степени... Утром ко мне зашел, ноет, боится, как бы руку отнимать не пришлось. Наша Галочка совсем с ним измучилась. Капризничает, все ему не так. Требует, чтобы в Ленинград отправили, здешним врачам не доверяет.

— Знаю я его, препротивнейший тип! — Андрей рассказал о встрече с Розановым на передовой.— Трус, каких мало.

— Да, на войне, посмотришь, всякое бывает... Помнишь, как наш старшина чуть в трибунал не попал? Если бы не Степан Петрович, туго ему пришлось бы.

Андрей хорошо помнил тот случай.

В батальон к Занину привезли водку. Глянули — пополам с водой. Бутылку взболтнешь — там снег. Как шуга на реке. Вызвали старшину. Клянется — не виноват. Николай разъярился, честил его на чем свет стоит. И мародером, и казнокрадом... Приказал поса-

дить. А куда посадишь, если самим жить негде? Случилось это в самые что ни на есть морозы.

В ту пору как раз приехал в батальон командир дивизии. Степан Петрович вошел в блиндаж в самый разгар скандала. Стоит незаметно и слушает. Николай сам не свой — кипит, на скулах желваки ходят, кулачищи сжал, вот-вот ударит. А старшина будто онемел, слезы на глазах, и губы дрожат. Тут комдив вышел вперед и спокойно так спрашивает:

— Вы, товарищ капитан, водку пробовали?

— Нет, не пробовал. И так видно — с водой пополам.

— А вы попробуйте все-таки.

Сам вышиб пробку, налил полную кружку, протянул Занину.

— Пейте. До дна пейте. От воды не пьянеют.

Николай выпил.

— Водка?

— Так точно, товарищ комдив.

— Вот, то-то ж! Вы законов физики не знаете, товарищ капитан. На дворе сорок семь градусов мороза. При такой температуре и водка в шугу превращается. Не забывайте, в каких условиях нам приходится воевать. Народ у нас золотой. К людям бережнее относитесь, капитан Занин. Жуликов у нас куда меньше, чем может показаться на первый взгляд. Никогда не делайте опрометчивых выводов. Прежде разберитесь. Вы командир...

Произошла эта история на глазах Андрея. Теперь они вспомнили ее. Николай сказал:

— Крепко меня проучил наш Степан Петрович! До сих пор стыдно, какую напраслину я на старшину навалил! Честный парень, а я его в казнокрады зачислил... Знаешь, Андрей, от этой «шуги» я целый день полупьяный ходил...

Приятели долго еще могли бы вспоминать, говорить, но медсестра оборвала их затянувшуюся встречу. Она выпроводила Андрея, пригрозив, что пожалуется дежурному врачу.

Распрощавшись с товарищем, немного грустный от предстоящей разлуки, довольный, что с Николаем все обошлось благополучно. Андрей отправился разыскивать свою трехтонку. В батальон добрался он только под утро.

II

Прорыв линии Маннергейма не ослабил напряжения боев на Карельском перешейке. Правда, морозы стали не такие лютые, но их сменили бураны, засыпавшие снегом дороги. С неделю прорывали следующую линию обороны, у полустанка Хонкониеми. Здесь батальон Воронцова в первый раз столкнулся с танками финнов. Танковую контратаку отбили. На поле боя осталось шесть машин с разорванными гусеницами, сбитыми, расколотыми, как грецкий орех, башнями. Один из танков оказался совершенно целехоньким. На танках стояла марка английской фирмы «Виккерс Армстронг», а ниже значилось: «Шеффилд, выпуск 1939 года».

Вокруг танков валялись убитые финны. Их было много, и снег переставал уже таять на трупах.

Андрей записал на память номер английского танка — № 1672. Сопровождал Воронцова Тихон Васильевич. Он обошел вокруг машины, потрогал ее, спросил про надпись и попробовал отколупнуть ногтем краску с брони.

— Свежая. Недавно, знать, морем прибыли. Иной дороги тут до англичан нету...

Тихон Васильевич зашел с другой стороны, заглянул внутрь танка.

— А что, товарищ комиссар,— сказал он,— поторапливаться надо с войной-то. Распутица застанет — беда. Ни пройти, ни проехать, потопнем здесь. До весны беспременно кончать надо. И англичане, вишь ты, какие тракторы шлют, пахать только. Думаю я: сколько он лемехов сразу подцепит? Двенадцать-то возьмет запросто...

О том, чтобы быстрее кончить войну, думали все. И командующий армией, знающий не только обстановку на фронте, и рядовые бойцы, стратегический кругозор которых ограничивался, казалось бы, пределами видимости невооруженного глаза из траншеи или с наблюдательного пункта, все одинаково ясно видели — воевать здесь весной будет ох как трудно, может быть, невозможно. Под словом «воевать», конечно, подразумевали наступление. Поэтому в солдатских блиндажах и на заседании военного совета армии царило единодушное мнение — во что бы то ни стало надо выходить на сухие земли, за Выборг, за Сайман-канаву. Оттуда до старой границы, притиснутой к самому Ленинграду, будет километров сто пятьдесят. Значит, безопасность города можно считать относительно обеспеченной, внезапного удара врага не получится.

Незадолго перед тем командующий армией получил из Москвы шифровку. Командарма предупреждали о немаловажных событиях. Ссылаясь на достоверные источники, в шифровке сообщалось, что французы и англичане сформировали экспедиционный корпус в сто пятьдесят тысяч штыков и намерены перебросить его в Финляндию для боевых действий на стороне Маннергейма. Сообщалось также о том, что военные поставки в Финляндию значительно усилились, к ее берегам непрестанно идут морские транспорты с грузами.

Последняя часть информации подтверждалась непосредственными наблюдениями здесь, на фронте. В числе трофеев стали все чаще попадаться пулеметы, пушки, танки и самолеты, имеющие далеко не финляндское происхождение. А пленные, попадавшиеся хоть и редко, сообщали о замыслах противника.

Все больше и очевиднее раскрывались стратегические планы врага. Замыслы были ясны — задержать во что бы то ни стало русских на перешейке, воспользоваться передышкой, которую принесет весна, а потом с помощью экспедиционного корпуса смять советские войска, застрявшие в болотах, нанести решающий удар с выходом на Ленинград. Конечно, дело было не в Маннергейме, он только сдавал внаем финскую территорию, но кто-то другой мог отсюда

начать большую войну. Недаром поступали агентурные сведения, что финские войска наводнены всевозможными инструкторами, наблюдателями, наехавшими из Европы и даже из-за океана.

Все это было понятно, одним больше, другим меньше, в зависимости от звания — солдатам и командирам. Но развивалось наступление не так, как хотелось бы. С боем приходилось брать каждую высоту, каждый рубеж. На дорогах валялся убитый скот, порубленные сани, пахло дымом пожарищ — финские войска, отступая, превращали местность в зону пустыни, нашпигованную минами, фугасами, хитроумными ловушками и волчьими ямами. Тем не менее в начале марта советские войска, преодолев несколько поясов укреплений, стояли на ближних подступах к Выборгу. Взять его — это тоже все знали — означало вырваться на оперативные просторы. Именно Выборг служил ключом ко всему Карельскому перешейку.

В дивизии предполагали,— так думал и Андрей,— что до весны в здешних местах остается еще около месяца. Морозы держались крепко, ничто не предвещало близкой распутицы. Дивизия, заняв Суур-Перо, преодолевая пургу и сопротивление, шла в обход Выборга. Каждую ночь, только начинало смеркаться, над городом, захватывая полнеба, поднималось тяжелое огненно-красное зарево, будто горел и не мог догореть грозный осенний закат. Противник жег город. На фоне зловещего, раскаленного неба подымались темные силуэты лохматых елей. Казалось, что пламя вздымается за ближним леском, но Выборг, судя по карте, оставался левее, километрах в двадцати. Думалось, если поднажать, кое-как времени хватит, чтобы выйти на сухие земли. Но распутица началась значительно раньше. Кто мог предполагать, что наступит она не с метелями и снегопадами, но с большими морозами, ударившими внезапно в начале марта...

Батальон Воронцова наступал на станцию Тали. На карте выглядела она обычным населенным пунктом, стоящим в низинке, среди озер, в окружении холмов, изрезанных коричневыми линиями горизонталей. Надпись «Ст. Тали» — Андрей подчеркнул ее синим карандашом — выведена была над черно-белым пунктиром железной дороги, уходящей на север Финляндии. Пунктир начинался от Выборга, затушеванного на карте квадратами городских кварталов.

Разглядывая карту, обтрепанную на сгибах, испещренную пометками, стрелками, кружками, условными знаками, Андрей видел и мысленно представлял себе концентрические полукружья оборонительных поясов, пересекавших Карельский перешеек. Их было восемь: семь позади и восьмой впереди — последний пояс, проходящий где-то здесь, в районе станции Тали. Выборг стоял в центре всех полукружий, на нем сосредоточивалось все внимание. Чтобы взять его, предстояло прорвать последний оборонительный пояс. Кромку его нащупали у высоты, будто притаившейся в низкой, заснеженной пойме реки Тери-Йоки. Ночью Андрей ползал с разведчиками к высоте, их обстреляли, не подпустив близко, но мела пурга, затягивая пушистым шлейфом следы, и разведчики, словно растворившись в белесой вьюге, без потерь возвратились с задания.

С утра предстояло брать высоту. Пурга затихла. После огневого налета цепи солдат в маскхалатах полезли вперед. В бинокль комбат видел гранитные валуны, мелкий ельник, излом скалы; дальше низина, запорошенная снегом, мутно-белая, точно дымящаяся от неутихшей поземки. Из первой роты приполз связной. Рота оседлала шоссейную дорогу. Двигаться дальше мешает пулеметный огонь — ожили огневые точки противника. Связной стоял мокрый до пояса, и полы шинели, валенки задубели на морозе и ветре.

— Почему мокрый? — спросил Андрей.

— Не могу знать, товарищ комбат. Мы все такие — вода под снегом.

Откуда вода? Андрей сам ползал ночью по сухому, сыпучему снегу, по застывшей, глубоко промерзшей земле. Что-то не так. Но связной подтверждал:

— Мы, товарищ комбат, только спустились в низинку, тут в воду и втюрились. Шагнешь шаг, а в следу сырость. Все лежим мокрые, ну, скажи, мыши... И с взгорка бьет, терпежу нет...

Андрей решил идти в роту проверить. Вел их с Тихоном Васильевичем тот же связной. В начале пути Андрей сам знал дорогу. Вот кустарничек, где вчера отдыхали, вот валун, похожий на гриб подосиновик. Ночью, в отсветах зарева, он казался коричневым, на самом деле бурый. Андрей шагнул и провалился по колено в снег. Под ним стояла вода, студеная, темная. Шагнул дальше — снова жидкая, холодная слякоть. Пошли, не выбирая дороги, проваливаясь и хлюпая по воде.

— Скажи ты, какая напасть! — бормотал сзади Тихон Васильевич.— Откуда бы ей взяться? Прямо что ни на есть купель ледяная. В крещенье у нас парни в прорубь сигают, в иордань. То ж по глупости... Вот житье солдатское — и в огонь, и в воду... Не простынете вы, товарищ комиссар?

Ноги сразу закоченели. Ближе к дороге пришлось ползти. Полушубок стал скользкий, как размокшее тесто, потом задубел, превратился в панцирь.

В роте положение оказалось тяжелым. Атака захлебнулась. Вода в низине выступала серыми полыньями. Андрей приказал отвести роту на исходные рубежи.

Вода прибывала с каждым часом. К вечеру она поднялась еще выше, затопив всю пойму Тери-Йоки. Как весной, под снегом журчали ручейки. Высота 13,7 превратилась в островок, окруженный холодной трясиной.

Ночью грелись, сушились подле костров, а с утра снова пошли в наступление. Пурга утихла совсем, день был ясный, морозный, и вода у заснеженных берегов выступала почему-то желтыми пятнами, точно разведенная охрой. Наступали по пояс в воде — поднялась она больше метра, но снова, как накануне, роты отошли, прижатые многослойным пулеметным огнем. Только двум взводам удалось зацепиться за взгорок метрах в ста от финских окопов. Их дважды контратаковали, но рубеж удалось отстоять.

В батальон приехал комдив, пасмурный, молчаливый. Предупредил, что назавтра высоту надо взять во что бы то ни стало, иначе совсем затопит. Финны устроили искусственное наводнение — не то открыли шлюзы, не то перегородили Саймон-канаву, и вода устремилась в низину Тери-Йоки.

Взять высоту, преграждавшую дорогу к станции, удалось только лобовой атакой на третьи сутки. Произошло это без Воронцова. Его ранило за час до атаки. Он лежал на взгорке, наблюдая за сосредоточением танков. Танки были покрашены в белый цвет, как госпитальная мебель, и только гусеницы блестели отполированной сталью на солнце. Андрей только подумал о пришедшем на ум сравнении, когда его точно огрел кто по спине гибкой ореховой палкой. Сперва он не понял, оглянулся. Рядом никого не было. Поднялся на локтях и тотчас же со стоном опустился на землю. От пронизывающей боли Андрей едва не потерял сознание.

Комбата вывезли в тыл на броне танка. Цепенеющими, непослушными руками держался он за поручни, но едва ли без помощи Тихона Васильевича смог бы удержаться на тряской, уходящей из-под него броне.

Из медсанбата на другое утро Андрея привезли в госпиталь, перекочевавший следом за наступающими войсками. Госпиталь только развертывался на новом месте. Команда выздоравливающих разгружала машины с койками, сетками, тумбочками и столами. «Как танки»,— подумал Андрей, когда его на носилках вытаскивали из санитарной машины. Командой выздоравливающих руководил майор Розанов. Андрей сразу узнал его. Он покрикивал на красноармейцев, неторопливо таскавших матрацы с грузовика. Один рукав его полушубка болтался пустой, здоровой рукой он отчаянно жестикулировал, командуя разгрузкой имущества.

Андрей лежал на спине. Малейшее движение причиняло ему нестерпимую боль. В приемном покое встретила его Галина Даниловна. Она подошла, вскинула удивленные брови. Андрей болезненно улыбнулся.

— Узнаете? Вот и я попал под вашу опеку...

— Что с вами?

— Не знаю еще. Руки как будто работают.— Андрей пошевелил пальцами.— Нашему брату, видно, не миновать вас.

Раненых в госпитале было немного — Андрея привезли с первой партией. Поместили его в отдельной палате, в крохотной комнатке с широким окном. Вторая койка оставалась незанятой. В распахнутую дверь через коридор видна была палата командиров. Вскоре там появился Розанов. Поспорил с дежурной сестрой — койка его стоит не на месте. Потребовал перевести в отдельную палату. Заглянул к Андрею. Развязно поздоровался.

— А, Воронцов! В нашем полку прибыло... Ну как там? Продвигаемся? Как думаешь, скоро мы их доконаем? А я все еще здесь. Надоело... Прошу выписать — не пускают.— Посмотрел на свободную койку.— Ты один здесь. Вот хорошо, поселимся вместе... Сестра! — крикнул он в другую палату.— Переведите меня к Воронцо-

ву... Как так не можете? Безобразие! — Доверительно обратился к Андрею: — Все по блату! Когда мы наведем порядок в тылу? Черт знает что! Придется идти к начальнику...

Розанов исчез. Походил он на разбитного пассажира в вагоне перед отходом поезда. Распоряжался, шумел, устраиваясь поудобнее. Андрей так и не успел ответить ему ни слова. Да и охоты к этому не было. Ему претило от одного вида кругленького, улыбчиво-розовенького лица и чуточку заплывших глазок.

Рана Андрея оказалась не столь опасной. Врач обещал — если не задело кость, через две недели поправится. Но к вечеру температура поднялась до тридцати девяти. Болело горло. Зашел терапевт, ослушал, осмотрел.

— Э, батенька мой, да у вас ангинка! В детстве болели? Нет? И легкие мне не нравятся... Простудиться нигде не могли?

— Да нет. Разве только по воде бродил... Так это не в первый раз.

— То-то вот и оно! Уверяю вас, были бы на передовой — с вас как с гуся вода. А у нас раскисли... Это закон. Там на нервах все держатся. Я уже обратил внимание. В наступлении никаких терапевтических заболеваний. Подтверждает статистика. Даже насморка нет. А в обороне — пожалуйста... Нервы, батенька мой, нервы! Они нас поддерживают и подводят. Павловская теория в действии...

Врач установил крупозное воспаление легких. Андрей то приходил в себя, то снова впадал в забытье. Он испытывал странное состояние — сознавал, понимал, что происходит вокруг, но когда начинал говорить, молол чепуху, и сиделка сокрушенно шептала доктору:

— Опять бредит...

Андрей делал над собой невероятное усилие, пытаясь сказать то, что думает, но язык не подчинялся и произносил несуразицу. Одного только не мог осознать Андрей — сколько времени находится в госпитале. Через день — на самом деле было это на пятые сутки — он услышал радостный возглас:

— Ребята, война закончилась! Выборг взяли...

Он открыл глаза. Перед ним стояла Галина с венцом тугих кос, выбившихся из-под косынки. Он хотел спросить ее о войне, правда ли, что она кончилась, но, назвав Зиной, заговорил о воде, белых танках, о валуне, похожем на гриб подосиновик. Сознание вновь уходило. Словно вдалеке услышал голос медицинской сестры:

— Мне не привыкать, доктор. Все меня называют кто Верой, кто Зиной. Хоть бы один назвал в бреду Галей...

Андрею почудилась невысказанная боль в словах девушки. Захотелось ободрить, сказать что-то хорошее, теплое. Он улыбнулся и зашептал. Доктор сказал:

— Идемте, ему опять стало хуже. Дайте камфару.

Андрей ощутил, что остался один, что около него осталась только сиделка. Он глубоко вздохнул. «Так, значит, кончилась. Выборг не горит больше. Хорошо. Можно теперь подумать и о своем, лич-

ном... Письма меня не найдут. Адресат выбыл...» Он снова потерял сознание.

Очнулся Андрей еще через несколько дней от суматохи в коридоре, от громкого шепота и наступившей вдруг тишины. Кто-то рапортовал, кто-то здоровался. В госпиталь приехал член военного совета, обходил палаты раненых. Рядом с ним толпился медперсонал. В полуоткрытую застекленную дверь видел Андрей незнакомых офицеров в белых халатах и хромовых сапогах. Стояли они к нему спиной, окружив члена военного совета. Они тоже походили на госпитальных врачей, но в халатах им было не по себе, будто стеснялись непривычной одежды.

Член военного совета беседовал с ранеными.

— Как ваша фамилия? — спросил он кого-то.

— Майор Розанов.

Розанова так и не перевели в палату Андрея.

— Что с вами?

— Ранен, товарищ член военного совета. При прорыве линии Маннергейма. Был представителем корпуса. Жаль, не пришлось довоевать...— Розанов лгал в глаза искусно и нагло.

— Награды есть?

— Нет, товарищ член военного совета,— словно застеснявшись, ответил Розанов.— Мы, как говорил Чапаев, не за ордена, за Советскую власть воюем. Выполнили свою задачу — и хорошо. Нас, рядовых командиров, иной раз забывают...

Член военного совета повернулся к адъютанту, стоявшему рядом с аккуратной папкой под мышкой.

— Оформите награждение майора Розанова.

— Слушаюсь!

Член военного совета вошел в палату к Андрею. Сопровождающие столпились в дверях. Начальник госпиталя доложил:

— Старший политрук Воронцов. Ранен в последние дни под станцией Тали. Состояние тяжелое. Почти не приходит в сознание. Крупозное воспаление.

— Знаю, знаю. Командовал батальоном.— Член военного совета тихо подошел к койке, присел на табурет и мягко спросил: — Вы меня слышите, товарищ Воронцов?

— Да,— Андрей неожиданно для всех ответил тихо, но внятно.

— Поздравляю вас с правительственной наградой, с орденом Красного Знамени. Вы заслужили его, товарищ Воронцов.

Андрея охватило чувство, которого он никогда не испытывал,— тихая радость, признательность, благодарность и гордость. Так же тихо, шепотом, ответил, вкладывая в слова переполнившие его чувства:

— Служу Советскому Союзу...

— Лежите, лежите! — Член военного совета протянул руку, словно пытаясь удержать Воронцова, который хотел приподняться.— Лежите. Быстрей поправляйтесь...

Может быть, с легкой руки члена военного совета, с того дня здоровье Андрея пошло на поправку.

III

На Александерплац Ганс Гизевиус отпустил машину. В Целендорф он решил поехать в метро, хотя особой необходимости в этом, казалось, и не было. Генерал Гальдер стал начальником генерального штаба сухопутных войск, и посещение его не могло вызвать ни малейшего подозрения. Но Гизевиус по природе своей был человек осторожный и предпочел действовать с полной гарантией, чтобы ни один филер не увязался по его следу. Он отлично знал методы агентов тайной полиции, сам работал в гестапо, был в курсе сложной системы взаимного и перекрестного сыска, который сплошной паутиной опутал страну, от рабочих кварталов до центральных правительственных учреждений. В таких условиях следовало вести себя с особой, пусть даже излишней, предусмотрительностью.

Именно с этой целью он, замешавшись в толпе, вошел сначала в универсальный магазин, лифтом поднялся на четвертый этаж и снова вышел на улицу со стороны виадука. Но и эта предосторожность показалась ему недостаточной. На всякий случай, по пути в Целендорф он вышел на промежуточной станции, постоял на платформе, будто кого-то поджидая, и, удостоверившись, что нет ничего подозрительного, следующим поездом поехал дальше.

Начальник генерального штаба жил в отдельной вилле, стоявшей в глубине чопорно подстриженного садика. Гизевиус бывал здесь уже дважды и уверенно нажал кнопку звонка, прикрытую от дождя металлическим козырьком. Тотчас же послышалось жужжание электрического замка, и садовая калитка открылась. В вилле его уже, очевидно, ждали. Гизевиус прошел по дорожке, выстланной крупными белыми плитами. Зима подходила к концу, но снег в этом году держался необычайно долго. Облезший и пористый, он лежал на газоне. Ветви деревьев были по-весеннему темными.

Входную дверь открыл сам Гальдер. Это был человек невысокого роста с торчащими ежиком волосами и типичным лицом преуспевающего берлинского обывателя, педантичный, мелочно расчетливый, аккуратный,— под стать всему, что его здесь окружало, начиная от подстриженного садика и козырька над кнопочкой электрического звонка у калитки.

Франц Гальдер был в штабной форме генерал-полковника с бархатным стоячим воротником, обшитым кантом. Он пропустил гостя вперед, погасил в прихожей свет, провел посетителя в зал, усадил его в кресло и сам уселся напротив. Предварительно генерал достал сложенный носовой платок, встряхнул его, расправил на колене и только после этого закинул ногу на ногу — он заботился, чтобы не лоснились, не мялись лампасы на брюках.

— Какие новости? — спросил он, чтобы начать разговор.

Собственно говоря, Гальдер знал, во всяком случае догадывался, о цели визита Гизевиуса: хочет прощупать настроения в генеральном штабе. Он недолюбливал и остерегался этого говорливого, с импозантной внешностью человека, представлявшего оппозицию.

Но обстоятельства заставляли встречаться — Гальдер сам надеялся кое-что выяснить.

— Можете говорить свободно, в квартире никого нет,— добавил Гальдер, заметив, что его собеседник украдкой бросил взгляд на закрытую дверь. Генерал предусмотрительно отпустил из дома прислугу, а жена уехала к приятельнице в Панков.

Гизевиус информировал начальника штаба, входившего в военную оппозицию, о том, что последние события — он имел в виду прекращение войны в Финляндии — вызывали в кругу его друзей некоторую растерянность, Гизевиус хотел бы знать, что думают по этому поводу руководители вермахта.

— Ваши друзья проявляют излишнюю нервозность,— ответил Гальдер.— Вы же знаете, что англичане сами дали Гитлеру «фрайпассиршайн» на востоке. Там есть и французская подпись. Чего же они волнуются?

Гизевиус сделал вид, будто отлично знает о «фрайпассиршайне». В самом же деле он только смутно слышал о секретном соглашении, по которому Германия получала свободу рук на востоке и принимала на себя защиту Европы от большевизма. Гизевиус попытался выяснить интересовавший его вопрос:

— Да, но все началось с договора с русскими. Какой же это «фрайпассиршайн»?

— Не торопитесь. Кто сказал «а», должен хотя бы приготовиться, чтобы сказать «б». Если англичане выдали «фрайпассиршайн», им следует написать и приколотить на дорогах таблички: «Фрай фарт» — свободная езда, без ограничения скорости. Иначе пропуск не имеет значения. О скорости мы позаботимся сами. Чемберлен тоже заигрывал с русскими — и неудачно. В пику нам он послал в Москву военную делегацию, которая плелась морем целую неделю на грузовом пароходе. А фюрер послал Риббентропа на самолете. Через три дня он прилетел из Москвы с договором в портфеле.

Гальдер хотел сказать, какую оценку дал Гитлер договору с русскими там, на совещании в Берхтесгадене: договор — клочок бумаги, но не следует раскрывать карт перед этим пройдохой. Он только связной, не больше. Ему надо лишь намекнуть, чтобы англичане не вставали поперек дороги, не мешали в Норвегии.

— Видите ли,— сказал осторожно генерал,— прекращение войны в Финляндии не меняет положения. Договор с русскими не помешал нам снабжать Маннергейма оружием. Как вы знаете, летом я сам побывал в Хельсинки, инспектировал фортификации. Линию Маннергейма строили наши инженеры. К сожалению, их разрушили русские, но плацдарм остается. Следовало бы напомнить об этом англичанам. Нам нужна свободная дорога на север. Это то же «фрай фарт». Я не знаю, как это сделать.— Гальдер посмотрел на Гизевиуса. Генерал делал вид, что не подозревает о его связях с Лондоном.

Гизевиус не ответил. Гальдер на что-то намекает и не все договаривает. Говорит, точно платок подкладывает под лампасы! Но его намек по поводу свободной дороги на север имеет зна-

чение. Любопытно, каковы теперь настроения у генералов по отношению к Гитлеру? Гизевиус обиняком стал подходить к этой теме, но Гальдер сам сказал все, что нужно:

— Разгром Польши немецкими войсками показал нам, что Гитлер обладает особой военной хваткой, он ломает все наши старые штабные каноны. Фюрер крайне напорист, он знает, когда нужно идти ва-банк. Мы, генералы, одобряем его действия в Польше. Сейчас ни один здравомыслящий немецкий генерал не станет возражать против того, что наши позиции на востоке значительно укрепились. Это начинают понимать и на западе. Могу вам сообщить — военный атташе Соединенных Штатов полковник Паттон принес мне как начальнику генерального штаба официальные поздравления американских военных кругов по случаю нашей победы в Польше. Американцы оказались дальновиднее англичан. Нет, мы едва не совершили ошибки во время Мюнхена. Я не думаю, чтобы сейчас можно было говорить о какой-то оппозиции.

Ганс Гизевиус недопонял, о каких мюнхенских событиях говорил Гальдер: о военном перевороте, который готовился полтора года назад перед совещанием в Мюнхене, или об этой запутанной истории с покушением на Гитлера в подвальчике Бюргербраукеллер, тоже в Мюнхене. Ясно только одно — настроения изменились, генералы поддерживают Гитлера. Не пошла ли прахом вся его долголетняя работа?

IV

Ганс Бренд Гизевиус отлично помнил тот душный летний вечер в Дюссельдорфе, когда так неожиданно изменилась его судьба, будто он выиграл целое состояние на старый трамвайный билет. Он был тогда сравнительно молодым человеком, только что окончил юридический факультет. И вдруг его пригласил для беседы сам Грауэрт — председатель рейнско-вестфальского союза предпринимателей, тот самый, что вместе с Тиссеном привел Гитлера к власти. Гизевиус всегда преклонялся перед властью денег, чековых книжек, а Грауэрт выложил Гитлеру полмиллиона марок так легко, будто расплатился с кельнером в ресторане. Молодой юрист знал это и внутренне трепетал перед всесильным магнатом. Гизевиус сидел перед ним на кончике стула, загипнотизированный роскошью кабинета, мрамором, бронзой, тяжелыми портьерами, дорогими коврами. Это было вскоре после того, как Гитлер стал германским канцлером.

Грауэрт, видимо, заранее и очень подробно знал всю подноготную молодого юриста. Он не задавал лишних вопросов. Говорили о посторонних вещах, Грауэрт изучал и оценивал сидевшего перед ним юриста и только в конце беседы спросил, согласен ли доктор Гизевиус выполнять его поручения. Конечно! Господин председатель может целиком на него положиться. Да, он будет ему безгранично предан. Гизевиус тогда искренне так думал. Он задыхался от счастья. Грауэрт поставил перед ним еще одно условие — нигде

и никогда не говорить об их встрече. Нужные указания Гизевиус будет получать своевременно через надежных людей.

В тот же вечер Грауэрт познакомил юриста с бывшим лейпцигским бургомистром Карлом Герделером, человеком, близким к семье Круппов. Много позже Ганс Гизевиус узнал, что Герделер служил начальником иностранного отдела машиностроительной фирмы Роберта Боша. В Америке этой фирме покровительствовали братья Даллес, кстати тоже юристы.

Но в тот июльский вечер Ганс Бренд Гизевиус был еще наивен и молод. Роберт Бош, Крупп были для него в какой-то мере абстракцией, фабричной маркой, отлитой на станинах машин, автомобильных магнето, лафетах пушек. При всем взлете фантазии Гизевиус не мог себе представить, сколь беспредельной властью обладали эти представители рурских фамилий.

Молодой юрист не знал тогда,— да этого и не следовало ему знать,— что рурские промышленники были крайне заинтересованы в том, чтобы иметь своих людей в окружении Гитлера. На первый взгляд могло показаться: зачем это надо? Гитлер сам был ставленником рурских магнатов. Но его неуравновешенный характер, натура, одержимая манией величия, требовали постоянного надзора. Возникало опасение, как бы детище, порожденное советом рурских богов, в один прекрасный день не проявило бы свой норов, не взбунтовалось,— не ровен час оно захочет скрутить в бараний рог и своих родителей. Следовало оградить себя от возможных случайностей. Да, в окружении Гитлера нужно иметь своих людей. Одним из них оказался Гизевиус, человек без особых претензий, в меру толковый, хваткий и достаточно волевой. Лучше всего ему работать в гестапо — там сходятся все нити; гестапо — опора власти и информации в руках Гитлера.

Ганс Гизевиус не предпринимал усилий, чтобы стать сотрудником тайной полиции. Об этом позаботились его всесильные покровители. Новый сотрудник гестапо начинал с малого. Он не обременял совесть раздумьем об этичности совершаемых поступков, был достаточно воспитан, умел вести себя в обществе. С одинаковым рвением Гизевиус создавал публичные дома для иностранных участников международной спортивной олимпиады, которая проходила в Германии. Вместе с Заммером из Дерулюфта готовил покушение на болгарского коммуниста Георгия Димитрова. Это было сразу после неудавшегося Лейпцигского процесса. Кое-что, но не так уж мало, сделал Гизевиус и во время ремовского путча. Тогда гестапо истребило несколько тысяч бывших сторонников Гитлера, поверивших в его социальную демагогию.

В работе Гизевиуса были падения и взлеты, успехи и неудачи. Во время олимпиады он завербовал немало проституток. Это была его идея. Он дал им лирическое название — «пчелки». С помощью проституток удалось почерпнуть много ценного от иностранцев-спортсменов. В цветах продажной любви «пчелки» добывали мед и воск осведомительных данных. Из них разведчики лепили соты закрытых донесений.

Но с Димитровым постигла неудача. Лейпцигский процесс закончился провалом. Димитрова пришлось оправдать. Гизевиус находился в суде, когда разъяренный и неистовый Геринг кричал подсудимому: «Берегитесь! Я с вами расправлюсь, как только вы выйдете из зала суда».

Потом было задание Геринга. Он недаром грозил болгарскому коммунисту. Вместе с Заммером они подложили адскую машину в самолет, увозивший Димитрова в Советскую Россию. Самолет должен был взорваться над советской территорией. Русские оказались предусмотрительны, в Кенигсберге они пересадили Димитрова в другую машину. Все пошло прахом. Назревал международный скандал: на самолете, из которого только что вышел Димитров, взорвется бомба. Стоило больших трудов незаметно извлечь снаряд из кабины. Но Геринг долго неистовствовал, не мог простить допущенного промаха.

Вместе с Герделером в канун мюнхенских соглашений Ганс Бернд Гизевиус инкогнито посетил Лондон. Поездку щедро оплатил Крупп. Тогда все думали: Гитлера заносит, он слишком многое хочет — Чехословакию, англичане не согласятся, а Германия еще слишком слаба, чтобы воевать. Гизевиус сам информировал Лондон: Гитлер блефует, он бессилен осуществить угрозы. К тому времени Гизевиус неведомыми путями стал платным агентом Интеллидженс сервис, получил кличку «Валет». Немецкие генералы также испытывали тревогу. Нельзя лезть на рожон, на авантюру, всему свое время. Тогда и оформилась военная оппозиция. Генералы решили свергнуть Гитлера, как только он пойдет на безумный шаг. Генерал Клейст специально отправился в Лондон, встречался с Черчиллем, убеждал не принимать всерьез требования Гитлера. Генерал Бек демонстративно ушел в отставку с поста начальника генерального штаба. Его сменил Гальдер, но и он считал поведение Гитлера верхом безумия. Все думали — англичане не согласятся отдать немцам Чехословакию. К Берлину стянули войска, чтобы в любой момент совершить переворот. Гизевиус и об этом информировал Лондон. Полковник Остер, сотрудник Канариса, написал о том же в Париж, Даладье. И вдруг соглашение в Мюнхене — Гитлеру разрешили взять Чехословакию. Чемберлен спас Гитлера. Теперь Гизевиус знает, почему англичане подтолкнули Гитлера на оккупацию Чехословакии. Это часть «фрайпассиршайна» — свободного пути на восток. Но тогда Гизевиус также был в полном недоумении.

Войска отвели из Берлина. Генералы разводили руками. Это непостижимо! Если без выстрела можно захватить страну, это гениально. Гитлер сразу поднялся в глазах оппозиции.

Через полтора года события снова повергли Гизевиуса в раздумье. Англичане заключили с Польшей договор о взаимной помощи, но через пять дней Гитлер наступал на Варшаву. В ноябре тоже произошло что-то странное. В Мюнхене, в пивной Бюргербраукеллер, бывшей когда-то штабом нацистов, взорвалась бомба. Гитлер выступал там с ежегодной традиционной речью. Бомба

взорвалась позже, не причинила вреда, но тем не менее это было покушение на Гитлера. В ту же ночь на голландской границе арестовали двух английских разведчиков — Беста и Стивенса. Газеты подняли шум. Англичане опровергали, Гизевиус недоумевал: почему обошли его? Ведь в кругах военной оппозиции никто и ничего не знал о том, что готовилось покушение. Значит, параллельно действует еще одна организация, другая оппозиция? Можно было все сделать не так кустарно, надежнее. Может быть, ему перестали доверять? Покушение провели подозрительно глупо. Все это было выше его понимания.

Теперь носятся слухи, будто Гитлер собирается что-то предпринимать на западе. Что именно? Генерал Гальдер знает, конечно, но молчит. Забывает, что сам участник военной оппозиции. Должен же он отвечать на вопросы.

V

В зале сгустились сумерки. Гальдер поднялся и зажег свет.

— Видите ли...— Он вернулся к своему креслу, поправил кружевную салфетку — дань моде. Жена увлеклась вязаньем. Думал, как сформулировать ответ.— Видите ли, фюрер в своем первом приказе военного времени категорически запретил нарушать западную границу. Обратите внимание: ка-те-го-ри-че-ски,— Гальдер проскандировал это слово.— Дальнейшее зависит только от англичан и французов. Фюрер не хочет ссориться с Западом. Не он объявлял войну — нам нанесли моральный удар в спину, когда немецкие войска уже шли на Варшаву. Париж и Лондон демонстративно заявили о состоянии войны. Фюрер оказался в затруднительном положении. Генеральный штаб целиком поддержал его в польской акции. Было бы нечестно нам вести себя иначе.

Начальник генерального штаба говорил только половину правды, вторую половину оставил при себе. Он не только соглашался с Гитлером по поводу захвата Польши. Став во главе генерального штаба, Гальдер будто бы на свой страх и риск встретился с Гейстом из американского посольства. С подкупающей солдатской откровенностью Гальдер рассказал Гейсту о военных планах Германии, о намерениях захватить Польшу, Румынию, Югославию и Советскую Украину. Гальдер ждал, как станет реагировать Вашингтон на его признания.

Не произошло ровно ничего особенного. Американцы будто пропустили все мимо ушей. Значит, не возражают. Это и нужно было знать Гальдеру. Больше того: зная о германских планах, американский сенат оставил в силе закон о нейтралитете. Яснее не скажешь: действуйте, мы не мешаем. С тех пор Гальдер стал вести себя гораздо увереннее. Конечно, он рассказал обо всем Гитлеру.

Гизевиус отметил — Гальдер впервые в конфиденциальном разговоре употребляет слово «фюрер». Прежде он говорил о Гитлере иначе, пренебрежительнее, никогда не называл фюрером. Да, на-

строения у генералов резко меняются. Об устранении Гитлера сейчас не может быть речи.

— Что же вы думаете теперь о нашей оппозиции?

Гальдер деланно удивился:

— Разве она еще существует? Какой в ней смысл? Кто в ней остался?

— Да, конечно... Вы знаете это лучше меня.

По заданию Лондона, Гизевиусу удалось вовлечь в оппозицию довольно широкий круг генералов, промышленников, политиков, людей самых противоречивых взглядов и настроений. Из них немногие знали, что оппозиция — дело рук иностранной разведки, но все считали — без Запада не обойтись.

Профессор фон Попиц считал, что лучшим преемником Гитлера может быть Гиммлер, в крайнем случае Геринг. Другие стояли за военную диктатуру. Во всяком случае, ни один из участников оппозиции не возражал против фашистского режима, установленного в Германии.

В оппозицию входили берлинский полицей-президент барон фон Гельдорф, генерал-полковник Бек, доктор Дизель — сын изобретателя дизель-моторов, адмирал Канарис — начальник имперской разведки, генералы Клюге, Мольтке, Вицлебен, банкир Шахт и многие другие. Генерал Гальдер хорошо знал об этом. Чего же он спрашивает?

Гизевиус перечислил несколько старых фамилий. Других, завербованных позже, он не назвал. Осторожность нигде не мешает.

— Что же думает господин Шахт? — поинтересовался Гальдер.

— Он придерживается той же точки зрения.

Гизевиус рассказал о недавнем совещании оппозиции в Берне с участием Шахта. Шахт представлял промышленные круги и решительно возражал против того, чтобы сейчас устранять Гитлера. Совещание проходило перед польской кампанией. Шахт мотивировал: Гитлер не ограничится Варшавой и Данцигом, он пойдет дальше — на русский восток. Россия — это рынки. В них заинтересованы деловые круги Германии.

— Вот видите,— резюмировал Гальдер,— значит, и деловые круги такого же мнения. Нет, об устранении фюрера не может быть и речи. Он всех устраивает.

Беседа закончилась. Оказалась она не такой уж опасной. Гальдер побаивался, что Гизевиус станет интриговать, шантажировать. Но собеседник оказался корректным, не требовал излишних уточнений, не настаивал на том, чтобы он, Гальдер, посвятил его в военные тайны. Конечно, Гизевиус изрядный прохвост, но полезный. Гальдер был убежден, что Гизевиус связан с англичанами. Несомненно, их разговор завтра же будет известен в Лондоне. Что же, неплохо. Может быть, они посмотрят сквозь пальцы на «Везерюбунг» — на скандинавскую операцию. Что же касается подготовки на западе, Гизевиус едва ли мог что-нибудь заподозрить. План прорыва в Арденнах почти подготовлен. В ближайшие дни

он, Гальдер, доложит об этом фюреру. Если сорвалось дело в Финляндии, надо начинать на западе.

Ганс Гизевиус также был удовлетворен беседой с начальником генерального штаба. Кое-что удалось выяснить. Значит, Гитлер что-то замышляет на севере? Гальдер прямо намекает на это, связывает с общим планом движения на восток. Следует немедленно сообщить Штринку.

Расстались они почти дружески. Генерал проводил посетителя до дверей, встряхнул платок, аккуратно сложил его и сунул в карман. Подошел к окну, проводил глазами удаляющуюся фигуру Гизевиуса. Подумал: вот в руках этого человека находится его судьба, судьба генерал-полковника Франца Гальдера, начальника генерального штаба Германии. Что, если узнает Гитлер? Зачем он только связался с военной оппозицией? Там много обиженных, завистников, интриганов, а у него положение, авторитет. Достаточно одного неверного шага этого человека, который только что исчез за садовой калиткой, одного его промаха — и все. Холодок пробежал по спине Гальдера. Брр!.. Зачем надо было играть в какую-то оппозицию?.. Скорей бы вернулась жена! Так пусто в квартире...

Гизевиус намеревался еще побывать у Канариса — он жил здесь же, в Целендорфе,— но за калиткой гальдеровской виллы перерешил. Лучше к Штринку. Штринк работал политическим советником в немецкой разведке, кто мог подумать, что он резидент Интелидженс сервис... Встречались они в ресторанчике на Потстдамерплац, недалеко от управления гестапо. Сотрудники гестапо частенько собирались здесь по вечерам. Было вполне естественно, что Штринк и Гизевиус случайно встречались за ужином в одной компании. Вряд ли кто мог предположить, что именно здесь происходят встречи двух британских шпионов.

Гизевиус подземкой доехал до Фридрихштрассе и оттуда пошел пешком.

ГЛАВА ПЯТАЯ

I

Послав брату две открытки и не дождавшись ответа, Карл Вилямцек в начале зимы решил сам навестить Франца. Бывало и раньше, что они месяцами не встречались, но тогда Карл жил в деревне, поди выбери время, а сейчас, после женитьбы, у него свой телефон. Мог же Франц выбрать минуту и позвонить! Может, он на что-то обиделся или с ним что случилось. Надо узнать — все-таки брат.

В один из воскресных дней в конце ноября Карл отправился в Веддинг. Ему открыла незнакомая молодая женщина в домашнем фартуке, с засученными рукавами. Прежде он ее не видал.

— Простите, я к Францу Вилямцек. Он дома?

— Нет, его нет.

— Жаль. А когда же он будет?

— Он...— Эрна замялась и насторожилась. Последнее время она сразу настораживалась, когда ее спрашивали о Франце, особенно незнакомые.— Он не живет здесь, уехал на время... А зачем он вам?

— Уехал? Куда? Что ж он мне не сказал? Я его брат, Карл Вилямцек.

Эрне самой показалось что-то знакомое в выражении, в чертах лица, в фигуре стоявшего перед ней загорелого пожилого мужчины в синей кепке и длинном, до колен, пиджаке. Действительно, он очень походил на Франца. Такой же плотный, с густыми светлыми бровями. Если бы не коротко подстриженные усы, походил бы еще больше...

— Ах, вот как! Разве вы ничего не знаете? Проходите, пожалуйста. Только извините за беспорядок.— Она вытерла об фартук мокрые руки.

Карл вошел следом за ней в комнату Франца. Окно было раскрыто, на нем проветривались подушки. Посреди комнаты стояло ведро — Эрна протирала пол. Она отставила к двери ведро, подвинула стул. Карл, не раздеваясь, подсел к столу, осмотрелся. Видно, эта девчонка — подружка Франца.

— Так что же случилось? — спросил он.

Эрна рассказала, что произошло здесь осенью, как раз через несколько дней после свадьбы у брата в Панкове. Франц говорил ей про эту свадьбу. Эрне приятно познакомиться с господином Вилямцеком. Только неудобно, что он застал в комнате такой разор. Пока Франца нет, она поселилась здесь. Дальше — там видно будет. Уборкой она занимается по воскресеньям. Прежде в праздники они с Францем куда-нибудь уходили, сейчас одной ходить некуда, разве только в гестапо за справкой. Для Франца обещают кое-что сделать, но хотят знать, кто приходил к ним в тот вечер. Какой-то Эрвин.

Рассказывая, Эрна не сидела без дела. Она убрала с подоконника подушки, захлопнула рамы, указала Карлу, где наследил на скатерти Эрвин, когда бежал через окно на крышу. Эрна впервые так откровенно говорила обо всем, что случилось. Это брат Франца, он поймет ее и поддержит. Она немного перед ним робела — ей хотелось понравиться брату Франца — и смущение свое скрывала тем, что говорила, не закрывая рта.

А Вилямцек слушал насупившись. На него свалилось все так неожиданно.

— Так, значит, его случайно арестовали?

— В том-то и дело! Францу приходится страдать за других. Гонялись за Эрвином, а посадили Франца.

Эрна была уверена в этом. В гестапо ей говорили то же самое. Произошло недоразумение. Они просят узнать только, кто такой Эрвин, где он. Тогда обещают выпустить Франца. А кто его знает, кто он такой. Эрна видела его первый раз в жизни. Раз еще встретила на улице, но в толпе не могла к нему пробиться. Она бы вце-

пилась в него так, что он не ушел бы. Странно только, почему в гестапо так настаивают, чтобы Франц назвал фамилию Эрвина? Они же сами должны ее знать, если гонялись за ним по всему району и выследили, когда он зашел к Францу.

У Эрны даже в мыслях не было, что полиция могла нагрянуть в квартиру, чтобы арестовать именно Франца. С какой стати? Он ничего не делал плохого. В своем заблуждении Эрна запамятовала даже такую деталь, что в прихожей, когда она открывала полиции, ей прежде всего из-за двери сказали: «Телеграмма господину Вилямцеку». Если бы она это вспомнила, может быть, события предстали бы перед ней в ином свете.

Но то, что рассказывала Эрна, успокоило Карла. Как он мог заподозрить Вилли, мужа своей дочери, что тот способен донести на своего родственника в гестапо? И все же история неприятная. А что, если полиция следит за домом? В душе Карла шевельнулось гаденькое чувство страха за свое благополучие. Так можно испортить свою репутацию.

— Мм-да...— протянул он.— Так я пошел, значит. Если что... Я еще к вам заеду...

Карл неуклюже протянул руку.

На улице он украдкой посмотрел по сторонам. В трамвае Карл думал о брате. Как бы ему помочь? Может, поговорить с Вилли? Они собирались как раз заехать на этих днях... А девчонка-то с пузом. Когда Франц успел? Значит, с деревней пока ничего не выйдет. Карл собирался предложить Францу поселиться у него в деревне. Он сам не может разорваться — и туда и сюда. Надо кому-то следить там за хозяйством. Пришлось бы пойти на расходы, но все выйдет дешевле, чем платить постороннему человеку.

Зять с дочерью приехали в субботу, как обещали. Эмми жаловалась — муж пропадает и днем и ночью, совсем перестал бывать дома. Иногда уйдет и не является трое суток, только позвонит по телефону. Знала бы, не вышла за него замуж. То ли серьезно, то ли шутя дочь надула губы, а Вилли захохотал, шлепнул ее по спине, сказал примирительно:

— Не ворчи, Эмми, скоро родишь, станет повеселее! На меня пока не рассчитывай.

Карл вспомнил округлившуюся, как и у дочери, фигуру большеротой Эрны,— видно, тоже скоро родит. Подумал: «Надо поговорить о брате».

— Послушай, Вилли,— сказал он, почему-то робея.— Ты помнишь Франца, моего брата, с которым вы чего-то заспорили на нашей свадьбе? Его арестовали.

— Да?..— Вилли сделал вид, что впервые слышит.

— Совершенно случайно. К нему зашел какой-то Эрвин, которого искала полиция. Этот тип сбежал, а Франца забрали.

— Ну что ж, пусть не водит компании с кем не надо.

— Да, но он ни в чем не виноват. Может, ты сможешь помочь ему?

— Я? Что же я могу сделать?

— Не знаю. Может, поговоришь с кем. У него осталась подружка, тоже должна родить.

— Разве они женаты? — спросила Герда.— Ты, Карлхен, ничего не говорил мне об этом.

— Нет, они не женаты. Она живет в комнате Франца.

— Представляю себе эту распущенную девчонку! — Фрау Герда брезгливо повела плечами.— Не умела блюсти себя, пусть сама и расхлебывает.

Карл засопел и сердито посмотрел на жену: чего вмешивается? Мысли Карла вращались медленно, как мельничные жернова в безветрие. Тем не менее он вспомнил, как Герда подпрыгивала там, у балкона имперской канцелярии, и кричала с другими кликушами: «Хочу ребенка от фюрера!» Ей-то уж нечего осуждать Эрну...

— Ладно, Герда, это другой разговор. Они бы давно поженились, если бы не посадили Франца... Можешь ты что-нибудь сделать, Вилли?

— Не знаю. Обещать ничего не буду.

Но все же штурмфюрер Гнивке кое-что сделал для Франца. Тестю он не сказал, что с месяц назад неожиданно встретился с Францем. Совершенно случайно — в Бухенвальде.

II

Последнее время Вилли действительно редко бывал дома. Это не огорчало его — наконец-то он полез в гору. Он докажет, что способен не только возить старую рухлядь — какие-то там стоптанные сапоги, залатанные штаны польских солдат, их пропахшие пóтом конфедератки,— хотя, оказывается, и это тоже большое дело. Когда Вилли прочитал в газетах о начале войны, он сразу догадался, зачем понадобилась одежда польских солдат в Глейвице. Но теперь ему поручают другие задания. Он делает вид, будто ничего не понимает. Как бы не так!

В начале ноября штурмфюрера Вилли Гнивке вызывали к начальнику иностранной разведки графу фон Шеленбергу. VI отдел управления имперской безопасности с началом войны разместился в бывшем приюте для престарелых в Шмергендорфе. Охраняли его как зеницу ока. Вилли несколько раз предъявлял пропуск, прежде чем добрался до нужной комнаты.

Принял его один из помощников Шеленберга. Гнивке пришлось довольно долго ждать, пока из двери, плотно обшитой войлоком и клеенкой, вышел высоченный светловолосый детина с лицом, иссеченным шрамами. Вилли уже видел его раз на Принц-Альбрехтштрассе. В тот день, когда привозил злополучные тюки с польской одеждой. Он уже собирался пройти в кабинет, когда оттуда послышался голос:

— Капитан Скорцени, одну минуту!

Капитан вернулся обратно. Дверь осталась полуприкрытой. Вилли оказался свидетелем заключительного разговора. Секретарша куда-то вышла.

— Имейте в виду, встреча должна состояться восьмого ноября. Восьмого, не раньше и не позже. Полковник Стивенс явится для переговоров в сопровождении второго офицера. Возможно, Беста. Это тоже опытный английский разведчик. Палец ему в рот не кладите.

— Управимся! — Скорцени засмеялся. Смех у него был раскатистый и густой.— Лишь бы возлюбленные пришли на свидание! Если разрешите, я сегодня же отравлюсь в Венло.

— Да, задерживаться не стоит. После операции Стивенса немедленно доставьте в Берлин. Вы...

В приемную вошла секретарша. Заметила приоткрытую дверь, закрыла ее и недовольно посмотрела на Вилли.

Через минуту Скорцени вышел, и секретарша пригласила штурмфюрера пройти в кабинет.

Помощник фон Шеленберга задал Гнивке несколько вопросов и перешел к делу. Дело заключалось в том, что ему, Гнивке, надлежит немедленно выехать поездом в Мюнхен, встретиться там по такому-то адресу с неким Георгом Эльсером и передать ему сверток. Дальнейшие указания дадут на месте. Конечно, ехать надо в штатском костюме.

— Кроме того, передайте Эльсеру вот эту штучку,— помощник фон Шеленберга протянул Вилли маленький значок с медной булавкой.— Проследите, чтобы он спрятал его в рукав, за подкладку, но так, чтобы вы знали. Документы тоже отдадите ему.

Получив инструкции, Вилли уехал в Мюнхен и провел там несколько дней. С Эльсером, развязным и неопрятно одетым парнем, он встретился на улице, недалеко от Бюргербраукеллер — пивной, где когда-то начинал свою деятельность Адольф Гитлер. Здесь была штаб-квартира нацистов, когда в ноябре 1923 года они впервые пытались захватить власть. Вилли передал Эльсеру небольшой увесистый сверток, завернутый в вощеную бумагу, значок и пропуск через границу. Вилли не утерпел, чтобы не прочитать его. Такие пропуска выдавали жителям пограничных районов.

Сунув под пиджак сверток, Эльсер тотчас же отправился в подвальчик. Гнивке обратил внимание — пивная, где через два дня должен был выступать Гитлер, никем не охранялась. Обычно бывало иначе. За неделю тут не пробьешься сквозь толпу секретных агентов. Гитлер выступал здесь каждый год. Гнивке самому приходилось нести охрану пивной.

Еще через день газеты сообщили о неудавшемся покушении на Гитлера. Бомба взорвалась через несколько часов после того, как фюрер покинул пивную. Покушение связывали с арестом двух английских разведчиков — Беста и Стивенса; их арестовали в ту же ночь в Венло, на голландской границе. Известие застало Гнивке в пограничном районе. Он ехал следом за Эльсером, который пытался нелегально перебраться в Швейцарию.

Вел себя Эльсер по меньшей мере странно и глупо. С пропуском в кармане он почему-то стал тайком переходить границу. Казалось, Эльсер делал все для того, чтобы его задержали. В карма-

не у него нашли обрывок вощеной бумаги, такой же, как обнаружили в Бюргербраукеллере после взрыва. В подкладке пиджака нашли комсомольский значок. Под тяжестью неопровержимых улик Эльсер быстро сознался, что раньше состоял в германской компартии, а покушение совершил по заданию двух английских разведчиков.

Штурмфюреру Гнивке поручили доставить преступника в Бухенвальд. Там, внутри концентрационного лагеря, Вилли и встретился с Францем, братом своего тестя. Они столкнулись лицом к лицу. Гнивке выходил от начальника лагеря, а Франц в полосатой лагерной одежде перетаскивал с другим заключенным конторский шкаф — канцелярию коменданта лагеря переводили в другое помещение. Вилли сделал вид, что не заметил Франца, а Вилямцек остановился от неожиданности. Хотел окликнуть штурмфюрера, но тот уже садился в машину.

— Что ты встал? Приятеля, что ли, встретил? — спросил заключенный, с которым они волокли шкаф.— Чего же он не пригласил тебя выпить пива?

— Нет, просто так...

Ребро шкафа впилось в ладони. Шкаф был тяжелый. Заключенные понесли его дальше.

После разговора с тестем Вилли решил кое с кем поговорить. Черт с ним, с этим Францем! Эмми тоже просила помочь. Она ворчит и, возможно, догадывается, что дело здесь не обошлось без него. Кроме того, Вилли заинтересовала история с каким-то Эрвином. Может быть, этот карась покрупнее. Как бы между прочим, заехав в веддингское отделение гестапо, он спросил у приятеля:

— Да, кстати, чем кончилось дело с Вилямцеком?

— С радиозавода? Пустое! Отправили в лагерь. Болтун. Таких, как он, много. А вот другой ушел — и никаких следов. Я допрашивал подружку Вилямцека Эрну Кройц, показывал фотографии. У меня подозрение: не наткнулись ли мы на Кюблера. Он снова появился в Берлине. Кройц сомневается, но говорит, как будто похож. Вилямцек тоже подтвердил — когда-то у него был знакомый Рудольф Кюблер.

— Тогда, может быть, стоит отпустить Вилямцека из лагеря для приманки?

— Послушай, это идея! Я установил наблюдение за домом, но никаких результатов. Может, действительно клюнет? Попробую доложить.

Заключенного концлагеря Бухенвальд Франца Вилямцека в декабре месяце освободили из заключения.

Вернулся он вечером, когда Эрна пришла с работы. Она шила, поставив лампу на край стола. Надо же кое-что подготовить ребенку. Мать занесла ей узелок со старьем. В отличие от отца, мать сочувственно относилась к дочери. Раз уж случилось такое дело...

Эрна не слышала, как вошел Франц. Она подняла голову, когда Франц остановился в дверях. Он тоже не ожидал встретить у себя Эрну.

— Франц!..

Эрна поднялась, уронив на пол работу, и вновь села, обомлевшая, ошеломленная встречей.

— Франц! — воскликнула она еще раз и заплакала.

Он бросился к ней и обнял. Что-то говорили, спрашивали, перебивали друг друга. Эрна улыбалась сквозь слезы, а Франц целовал ее в глаза, в щеки, ощущая на губах соленую влагу.

— Так значит, ты жила здесь?

— Да, мне пришлось уйти от своих. Как ты похудел, Франц!

— А что это? — Франц поднял с пола недошитую распашонку. Иголка повисла на белой нитке.

— Нашему малышу. Ты еще ничего не знаешь...

— Так у нас...

— Ну да! Ты огорчен?

— Что ты! Я счастлив. Нам надо жениться, Эрна. Помнишь, я сказал тебе там, в машине?

— Да, я тоже хотела тебе сказать тогда, но полицейский запретил... Там, в машине...

Воспоминания омрачили Эрну. Словно повеяло холодом. Она вспоминала темень машины, жесткое сукно полицейского рукава и свое ощущение, что ей некуда двинуться — темный угол, тупик. Но теперь Франц опять с ней. Ее Франц! Значит, в гестапо не обманули, выполнили, что обещали. Конечно, она поможет найти Эрвина, от этого зависит их счастье с Францем. Францу она ничего не скажет. Нет, нет! Пусть он ничего не знает.

Эрна засуетилась, достала белье, побежала на кухню греть воду.

Они проговорили до рассвета. Франц лежал в постели рядом с Эрной и наслаждался теплом, уютом. За эти месяцы он отвык от тепла. Заключенные никогда не могли согреться — ни ночью на жестких нарах, ни днем, даже во время работы. Ох эти дощатые нары! Франц никогда не был неженкой, но они, кажется, протерли ему бока до костей. Эрна спросила:

— Франц, но кто же тогда приходил к нам?

— Не знаю. Ты расскажи мне, какой он.

Эрна повторила то, что говорила в гестапо.

— Может быть, Кюблер. Меня спрашивали о Кюблере на допросе. Но я не видел его много лет.

— Как ты сказал? Кюблер?

— У меня был приятель Рудольф Кюблер. Но об этом не надо никому говорить.

— Хорошо, милый. Давай спать.

Рано утром, не выспавшись, Эрна уехала на работу. Франц прибрал комнату и отправился на завод. Эрна оставила ему какую-то мелочь. Надо сразу подумать о заработке, скоро их будет трое. Франц счастливо улыбнулся. Ничего, проживут! Много ли им надо? Завтра же он начнет работать. Он уже стосковался, черт побери, по своим обмоткам, сопротивлениям, панелям, гайкам. С каким удовольствием начнет он собирать первый радиоаппарат!..

На заводе Франца ждало разочарование. В работе ему отказали. Место давным-давно занято. Мастер с нескрываемой враждой и удивлением спросил:

— Как, ты вернулся из лагеря? Нет, поищи себе работу где-нибудь в другом месте.— Полный достоинства и ощущения собственной безупречности, мастер вышел из конторки: нечего говорить с подозрительным.— Нет, нет, на меня не рассчитывай! — бросил он на ходу.

Мастер пыхнул сигарой. Дымок вытянулся голубой струйкой и растаял. Франц ушел. Его даже не допустили в цех.

А Эрна Кройц по дороге с работы завернула в гестапо. Сотрудник, с которым она имела дело, поздравил Эрну с возвращением мужа. Он говорил с ней теперь слащаво-приторным тоном, не то что в первую встречу. Спросил, не было ли у них разговора по поводу Эрвина. Нет, не было, но Франц предполагает, не заходил ли тогда к ним Кюблер. Один старый его знакомый. Эрна не стала называть Эрвина приятелем Франца. Просто знакомый, которого он знал много лет назад.

— Вы говорите, Кюблер? — сотрудник записал фамилию.— Очень хорошо! Имейте в виду, вы должны помочь нам. Если не удастся обнаружить Эрвина или Кюблера, придется вашего супруга арестовать снова... Нет, нет, до этого, надеюсь, не дойдет! — гестаповец заметил испуганное выражение лица Эрны.— Я хочу только сказать, что сейчас вы больше, чем кто другой, должны быть заинтересованы в судьбе вашего мужа. Только вы можете снять с него подозрение. Видите, как откровенно я говорю с вами. Господину Вилямцеку, конечно, не говорите о наших встречах. Не надо его волновать и расстраивать, он и без того пережил много.

— Да, я понимаю. Благодарю вас. Я постараюсь...

Эрна ушла из гестапо еще больше уверенная, что теперь их счастье с Францем зависит только от нее. Все будет хорошо, если удастся найти Кюблера или кого-то другого, кто испортил им жизнь.

III

Прошло больше месяца. Эрна стала фрау Вилямцек — они поженились с Францем под рождество. Свадьба была не такая пышная, как у старшего брата. Собраться пришлось не дома — где там поместишься в их комнатенке! Отправились в локаль, где и отпраздновали запоздалую свадьбу. Из гостей были Карл с Гердой, родители Эрны и супруги Мюллеры. Карл Вилямцек пригласил их в надежде пристроить куда-нибудь Франца. Франц так и не мог найти работу. Карл предлагал брату поехать в деревню следить за его хозяйством, но Франц отказался. Попробует еще поискать работу здесь, в Берлине. Фрау Герда специально ездила к Мюллерам, говорила с братом покойного мужа, пригласила на

свадьбу, но не сказала, что жених только что вышел из бухенвальдского лагеря.

Дело господина Мюллера расширялось, пуговичная мастерская оказалась доходным предприятием, и Карл надеялся,— может, Мюллер согласится взять Франца к себе на работу. К пивной Мюллеры подъехали на собственной машине. Это произвело впечатление.

Среди гостей была еще Эмми с округлившимся животом. Она приехала одна, без мужа. Вилли снова куда-то исчез. Его целую неделю не было в Берлине.

За столом разговор еле теплился, и, просидев часа полтора, гости стали прощаться. Скрывая неприязнь, Герда нежно расцеловалась с Эрной, даже пригласила к себе — ведь они теперь родственницы. По поводу работы Франца хозяин пуговичной мастерской не сказал ни да, ни нет. Обещал подумать. Ответ он дал в конце января — может взять Франца электриком, ему нужен человек, чтобы следить за моторами.

Молодожены были несказанно рады свалившейся на них удаче. Отправляясь первый раз на работу, Франц натянул комбинезон, висевший без дела почти полгода. За завтраком предупредил Эрну — на фабрику она больше ходить не будет, довольно! Ей и без того тяжело ходить с таким животом, а там стой целый день у станка... Действительно, Эрна просто валилась с ног, возвращаясь с работы. Франц каждый раз встречал ее у проходной, ему все равно нечего было делать. Домой они шли пешком. Франц стал еще внимательнее и заботливее, не давал Эрне шагу ступить одной. Уверял, что это даже хорошо, что он безработный, у него так много свободного времени. Но в душе Вилямцек просто приходил в отчаяние. И вдруг такая удача!

Получилось так, что Эрна оказалась под непрестанным надзором влюбленного в нее Франца. Только дважды, сославшись на то, что ей надо сходить за покупками, Эрна с плетеной сумочкой забегала в гестапо. Нового она ничего сказать не могла. О Кюблере разговора не возникало. В последний раз чиновник гестапо подробно расспрашивал ее о работе. Мимоходом спросил, о чем толкуют между собой ее товарки, какие у них настроения. Эрна не поняла,— мало ли о каких пустяках болтают женщины... Чиновник настаивал. Пришлось вспоминать. Ну, например, кто-то приклеил на стене фотографию из газет, где Риббентроп был снят вместе со Сталиным. Они сфотографировались в Москве, после того как подписали договор с русскими. Мастер приказал сорвать фотографию, но ее напарница возразила: «Раз фотографию напечатали в газетах, никто не имеет права срывать ее». Рабочих, конечно, интересовал портрет Сталина, снимков Риббентропа они и без того навидались. На другой день на месте газетной вырезки появилась другая, точно такая же. Фрау Тиман тогда сказала: «Раз заключили договор с русскими, может быть, и в Германии изменятся порядки». А вообще-то она очень хорошая, трудолюбивая женщина.

Разговор в гестапо происходил, когда Эрна уже бросила работу.

Она не знала, что вскоре ее напарницу арестовали. Но если бы Эрна даже и знала об этом, ей бы и в голову не пришло, что фрау Тиман из-за нее бросили в женский концлагерь.

Постепенно Эрна стала успокаиваться. Вероятно, Франца оставят теперь в покое. Об Эрвине ни слуху ни духу. Ну и слава богу! Но в начале апреля одно событие вновь повергло ее в смятение.

В воскресенье они отправились погулять в Кепеник. Погода стояла теплая, мягкая. На деревьях набухли почки, и воздух был такой свежий. Пахло весной. Они бродили вдоль озера. Эрна переваливалась, как утка. Прогулка быстро ее утомила, и они присели отдохнуть на скамью недалеко от воды. По каналу в озеро прошел беленький пароходик. Его скрывал прибрежный сухой тростник. С палубы доносились крики, смех, песни-марши — гитлерюгендовцы ехали на экскурсию.

Эрна сняла зеленую шапочку, откинула голову, подставляя подурневшее лицо теплому солнцу. На ее губах и под глазами выступили желтоватые пятна. Эрна тяжело переносила беременность. Она попыталась запахнуть поплотнее жакет, но он не сходился на располневшей фигуре. Франц сбросил пиджак и прикрыл ей колени.

— Смотри, простудишься! Может, вернемся домой?

— Нет, мне хорошо.— Она улыбнулась Францу. Ее улыбка осталась такой же светлой.

Между ними на газете лежал недоеденный завтрак. Говорили и спорили, как назвать малыша.

— Давай так,— сказал Франц,— если будет мальчишка, назову я, а если девочка — ты.

— А тебе кого больше хочется?

— Не знаю. Мне все равно. Хорошо и то и другое.

Франц боялся огорчить Эрну. Лучше бы, конечно, мальчик, но он не сказал — вдруг будет девочка!

Они не слышали, как кто-то подошел сзади. Тропинка вилась за скамьей в нескольких шагах. Франц повернулся. Позади них был Кюблер. Он проходил мимо и тоже увидел Франца.

— Руди! Вот неожиданность!

Они поздоровались. Эрна насторожилась. От ее спокойного, умиротворенного состояния не осталось следа.

— Знакомься, это моя жена.

— Мы уже немного знакомы,— Рудольф улыбнулся.

Эрна сразу его узнала. Высокий лоб, прямой подбородок, волнистые черные волосы, поредевшие спереди. Она была как в тумане. Подала руку и оглянулась. Кругом пустынно. В такую раннюю пору на озере бывало мало гуляющих. Это не лето. Первое мгновение Эрна хотела куда-то броситься, звать на помощь. Но это нелепо. Что же делать? Неужели и сейчас он исчезнет?.. А мужчины разговаривали как ни в чем не бывало.

— Что ты здесь делаешь? — спросил Франц.

— Дышу воздухом. Так же, как вы. Ну, как поживаешь?

Рудольф не сказал, что его привело в Кепеник. Он надеялся: может быть, издали увидит жену или сына. Они обменивались фразами, как это бывает при встрече давно не видавшихся приятелей. Потом Кюблер извинился перед Эрной и отозвал в сторону Франца. Они заговорили вполголоса. Стиснув руки, Эрна сидела, охваченная паникой, и только старалась как-нибудь, чем-нибудь не выдать своего чувства. Что делать? Что делать?.. Она так и не приняла решения, когда мужчины вернулись к скамье. Эрне показалось, что Франц чем-то расстроен. Кюблер простился.

— Значит, как-нибудь встретимся. До свидания!

Когда Рудольф отошел, Эрна спросила:

— Что он тебе говорил?

— Спрашивал, где я работаю. Пойдем пройдемся...

— Нет, поедем домой. Я действительно себя плохо чувствую.

Еще в трамвае Эрне показалось, что у нее начинаются схватки. Закусив губу, она молча преодолевала боль. Франц заволновался:

— Что с тобой?

— Не знаю...

Ночью ее пришлось отправить в лечебницу. Через два дня Эрна родила девочку. Франца пустили в палату. Он примчался с цветами. Ему показали дочку. Долго говорить не разрешили. Женщина-врач сказала, что роды были тяжелые, но теперь все благополучно. Возможно, что произошли несколько раньше времени. Не волновалась ли роженица последние дни? Нет, Вилямцек не замечал. Для волнений не было никаких оснований.

В больнице Эрна провела недели две — держалась температура. Потом с неделю лежала дома. В гестапо ей удалось попасть только через месяц после встречи с Кюблером.

IV

Военная зима не принесла больших изменений в жизни семьи Крошоу. Конечно, если не считать того, что Роберта взяли в армию. Его призвали вскоре, как началась война, осенью. Бедные ребята Роберт и Кэт, им так не хотелось расставаться! Роберт уехал как раз в тот день, когда они собирались устроить помолвку. Оба ходили такие грустные, жалко было смотреть. Как они привязались друг к другу...

Если отбросить тайную ревность, которая неизбежно возникает у всех матерей с появлением невестки, Полли была рада за сына: Кэт ей понравилась. Очень милая. Такая простая, скромная. Они сразу с ней подружились, когда Роберт впервые привез ее познакомиться. Потом Кэт приезжала еще, уже одна. Беспокоилась, что три дня не было писем. Глупая, разве опасно в Дувре? Это же Англия! Но Полли хорошо понимала Кэт, была благодарна ей за тревогу. Нет, что говорить, Роберт сделал хороший выбор. Скорей бы кончалась война! Жить бы да жить им вместе, пока молодые...

А вообще все шло по-старому. Зима была как зима, с ее дополнительными заботами и расходами. Так всегда бывает. Правда, с отъездом Роберта жить стало труднее. Как-никак его отъезд отразился на семейном бюджете. Но Полли все же ухитрялась сводить концы с концами. Впрочем, нет, зима выдалась очень суровая. Такой никто не припомнит в Лондоне. Вместе с морозами сразу вздорожал уголь, пришлось на другом экономить. Теперь уж не бросишь в камин лишний совок антрацита. А маленькая Вирджиния, которую считали все крошкой, вдруг начала тянуться, как спаржа на грядке. Не успеешь отпустить юбку, а она уже снова выше колен. Полли с тревогой думала, где взять денег на платье для конфирмации девочке. До весны не так далеко. Время пролетит — не успеешь и оглянуться. Не пошлешь же девочку в церковь преподобного Клавдия в старом платье! Совестно. Как-то надо выкручиваться.

Да, слава богу, война не нарушила в семье годами заведенный распорядок. Пусть там что угодно говорят мужчины о «странной», «чудно́й», еще какой-то войне во Франции, удивляются, что будто бы солдаты в окопах не слыхали еще выстрелов. Чего же здесь странного? По ее разумению, чем меньше стреляют, тем лучше. Если бы Роберт был рядом, ее вообще не интересовали бы подобные разговоры.

Каждое утро, как и в мирное время, Джон еще затемно уезжал на работу. Так же затемно возвращался домой. Иногда заходил Вильям. Но спорили они не на крыльце, как бывало летом, а подсаживались ближе к камину. Грели над огнем руки, рассуждали о международных делах, словно от этого могло что-нибудь измениться в мире. Когда гасли угли, Джон неизменно обращался к жене:

— Не найдется ли у тебя, Полли, для нас горстки угля? Холодно стало.

Он зябко потирал руки, а Полли, отложив в сторону работу — вечерами она молча штопала или вязала,— поднималась с кресла и уходила в тамбур. Что поделаешь, нельзя же отказать в такой мелочи. Джон работает за двоих, ему надо и отдохнуть. Отдохнуть в тепле.

Иногда Полли посылала за углем Вирджинию, но чаще всего предпочитала делать это сама. Девочка рада стараться, притащит полное ведро, не соображает, что это деньги.

Вирджиния этой зимой научилась вязать. Она тоже подсаживалась к камину на скамеечке для ног, и спицы мелькали в ее руках, блестящие, красные от огня. Она не могла долго сидеть молча. Начинала перешептываться с матерью, потом вдруг заливалась смехом, зажимала ладошкой рот и ненадолго умолкала.

Девочке к рождеству купили большой клубок синей шерсти с подарком внутри. Шерсть была пушистая, мягкая, как котенок. Вирджинии не терпелось узнать, что находится там, в глубинах клубка. Она выспрашивала у матери, старалась отгадать, щупала спицей. Внутри было что-то таинственное, плотное. Она хотела

перемотать пряжу, но мать запретила. Пусть свяжет всю шерсть. Девочку надо приучать к труду и терпению.

Вирджиния смирилась и по вечерам прилежно вязала брату пуловер. Бобу решили сделать подарок. Он писал: может быть, ему удастся приехать в отпуск на рождество. Склонившись над спицами, девочка считала петли, беззвучно шевеля губами, и поглядывала на клубок, который крутился на полу и худел слишком уж медленно. Но все же пуловер Вирджиния связала вовремя. Девочка гордилась своей работой, а мать улыбалась добрыми, любящими глазами. Она тайком помогала дочери, когда Вирджиния укладывалась спать.

Роберт приехал накануне сочельника. Он ввалился в бушлате и бескозырке, пахнущий холодом. Вирджиния завизжала, запрыгала от восторга, повисла на шее брата. Что-то вспомнив, она помчалась в другую комнату и через минуту вернулась обратно в цветных туфельках.

— Боб, отгадай, что я тебе приготовила! Ни за что не узнаешь! — спрашивала она, пряча за спиной руки. Глаза ее горели, лицо светилось в улыбке.

Боб сосредоточенно нахмурил брови.

— Вероятно, переводные картинки...

— Вот и не угадал! Я говорила, не отгадаешь! Смотри! — Вирджиния не могла дольше вытерпеть и показала подарок.— Сама вязала! А в клубке вот что было! Туфельки!.. Ой, какой ты стал важный! Я так рада, что ты приехал!..

Вирджиния тараторила без умолку. Мать остановила:

— Оставь ты его в покое!

Но сестра не унималась:

— Боб, ты стал настоящий моряк! Как тебе идет это!..

Роберт приехал днем. Отца еще не было. Он обошел всю квартирку, все осмотрел. Прикасался к вещам — как приятно быть снова дома! Полли тоже не сводила с него счастливых глаз. И правда, он посолиднел, возмужал, стал еще шире в плечах. Ну вылитый отец! Только чуточку чужой в этой морской форме.

Роберт провел с полчаса дома и вдруг заторопился:

— Мама, я должен пойти позвонить. Ведь я приехал всего на три дня.

Полли поспешно ответила:

— Конечно, Боб, иди позвони.

Она поняла. Вот они, дети,— не успел приехать, уже бежит... Полли не показала своего огорчения.

— Но ты ненадолго?

Роберт замялся:

— Нет, мама... Но, может быть, я съезжу в город. Я скоро вернусь. Телефон по-прежнему за углом? — Он обнял мать.— Не сердись, мама...

— Да, в лавочке дяди Хилда.

Ей хотелось пойти вместе с сыном, показать знакомым, каким он стал. Полли все равно надо было идти туда за индейкой. Ро-

берт мог бы донести покупку. Но Полли раздумала — пусть уж идет один. Он нетерпелив, как Вирджиния...

Конечно, Роберт вернулся поздно. Вирджиния уже спала. С эгоизмом, присущим молодости, встретив Кэт, Боб забыл все на свете. Они пробродили по улицам весь вечер.

Джон давно сидел у камина, делал вид, что читает газету, и прислушивался, не раздадутся ли шаги на лестнице. Хмурился, скрывал недовольство, но когда Боб наконец вернулся, оживленный, веселый, все было забыто. Вскоре показалось, что Роберт никогда и не уезжал. Боб долго рассказывал о военной службе и по секрету сказал отцу, что, может быть, скоро их часть отправят в Финляндию. Но сначала в Норвегию, в Нарвик.

В это время ввалился Вильям. Он уже знал о приезде Роберта.

— Ну-ка, ну-ка, покажите своего моряка! Смотри, какой вымахнул! — Вильям бесцеремонно разглядывал Боба, тряс его за плечи.— Ну, как там воюете?

Роберт попытался перевести разговор на другое, но вмешался отец:

— Ты послушай, Вильям, что он рассказывает. Говори, говори, Боб! Какие тут тайны!

Крошоу-младший неохотно повторил то, что говорил отцу про Финляндию.

— Нам все не терпится! — Вильям иронически скривил губы.— С Гитлером не воюем, а к русским лезем... Ну и что же?

— Не знаю. Может быть, только слухи...

— Слухи? А линкор «Ройял-Ок» потеряли — тоже слухи? Слыхал ты об этом? Восемьсот моряков с контрадмиралом пошли ко дну. Да где — в собственном порту, в Скапа Флоу... Думали, объявить войну — это все. Даже мин не поставили. Шутки все шутите. Не хотите воевать с фашистами — так и скажите! — Вильям сердито отошел к камину. Его сухое лицо стало желчным и злым.

Роберт слышал об этом несчастье, случившемся месяца два назад. На базу британского флота в Скапа Флоу проникла немецкая подводная лодка и в упор торпедировала линкор «Ройял-Ок». Вскоре корабль перевернулся и затонул [1]. Подводная лодка ушла безнаказанно. Подходы к базе не были заминированы. Но Роберту

---

[1] Впоследствии стали известны обстоятельства гибели британского линейного корабля на базе в Скапа Флоу. За много лет до войны — в 1927 году на Оркнейских островах в селении Керкуолл близ Скапа Флоу поселился тихий и незаметный часовой мастер Иоахим ван Шуллерман. Он выдавал себя за голландского подданного, представителя швейцарской часовой фирмы. Часовщик работал здесь много лет, не вызывая ни у кого подозрения. В свободное время он любил совершать прогулки по побережью. В начале войны часовщик внезапно исчез. Это было в тот день, когда в Скапа Флоу был торпедирован линкор „Ройял-Ок“. Под именем ван Шуллермана скрывался агент германской разведки капитан первого ранга Мюллер. Все эти годы он посвятил тому, чтобы в деталях изучить подходы к британской военно-морской базе. В условленный день Мюллер вышел на шлюпке в море, пересел на подводную лодку и провел ее через минные заграждения в Скапа Флоу. На потопленном линкорне из 1280 человек команды погибло 834 матроса и офицера. Подводная лодка безнаказанно ушла в море.

не хотелось спорить. Хоть дома не говорить про войну! Он ответил уклончиво:

— Ну, это случайность...

— Как так случайность? — Вильям резко повернулся.— А станут немцы бомбить Лондон, куда мы денемся? Есть у нас бомбоубежища? Это тоже случайность?

— Нет, Вильям, ты здесь не совсем прав,— Джон не утерпел и ввязался в спор.— Слыхал про убежища Моррисона?

Вильям деланно рассмеялся.

— Это железные столы-то? По одному на квартиру. Чемберлен хочет снабдить нас дополнительной мебелью. Полли, где ты поставишь себе этот столик — в спальне или на кухне?

— Нет, они стальные и, говорят, надежные.

— Хотел бы я посмотреть, как ты спрячешься, Джон, под стол, когда на нас посыплются бомбы!

— Ну, до этого не дойдет!

— Дай бог. Но как бы не получилось иначе. Гитлера натравливают на восток, а он возьмет да повернет на запад. Послал же он подводную лодку в Скапа Флоу... Вы послушайте, что говорит Гарри Поллит. Коммунисты правильно предупреждают.

Вильям полез в карман за газетой. Не нашел ее, сунул руку в другой.

Полли взмолилась:

— Джон, Вильям, ну хватит вам! Помолчите хоть перед сочельником! Будто мальчик приехал в отпуск, чтобы слушать ваши споры!

Вильям замахал руками.

Джон повернулся к жене:

— Не будем, не будем! Обещаем, что не будем?

— Конечно, больше не будем... Не осталось ли там у тебя чего-нибудь теплого?

— Вот это другое дело! — Полли пошла в кухню.

Джон бросил вдогонку:

— Сделай погорячее, Полли, да прибавь побольше лимонного соку. Ты сейчас увидишь, Вилли, что это такое! Полли расщедрилась к приезду сына.

Через несколько минут Полли вернулась с полными кружками бишопа. Она в самом деле была мастерицей готовить бишоп. У нее была своя дозировка портвейна, разбавленного теплой водой, лимонного сока и чего-то еще.

— Ну как? — торжествующе спросил Джон, глядя, как Вилли с наслаждением отхлебывает напиток.

— Я никогда не буду больше спорить, если Полли станет каждый раз нас так угощать. Обещаешь, Полли?

— Как бы не так! Нашлись богачи...

Мужчины сдержали свое обещание, хотя за разговорами просидели далеко за полночь.

Весь следующий день Боб провел дома. Праздник встречали в семье по доброй, старой английской традиции. Рождественская ин-

дейка удалась на славу — сочная, мягкая, с коричневой шкуркой,— прямо объедение! Полли уж постаралась! Несколько месяцев она копила на нее деньги. С самой осени выплачивала по частям дядюшке Хилду. В Ист-Энде так делали все хозяйки. Разве выложишь из одной получки такую сумму!

Сердце Полли наполнилось гордостью, когда она придирчиво щупала и разглядывала в лавочке розовато-кремовую птицу, у которой голова была завернута в бумажный кулечек. Тем более что дядюшка Хилд шепнул ей — он выбрал ей самую лучшую к приезду Роберта. Потом он повторил обычную свою остроту — индейка стесняется собственной наготы, потому закрыла кулечком голову... Полли знала повадки старого хитреца. О приезде сына он только что услыхал от нее самой, когда индейки были уже разложены на полке и на них лежали записки с фамилиями владелиц. Все же Полли это приятно слышать. Она нарочито громко ответила:

— Спасибо, дядюшка Хилд, за ваше внимание! Роберт приехал на несколько дней, пусть же полакомится. В армии их не кормят индейками. Он у меня в морской пехоте...

V

На второй день рождества всей семьей поехали к Греям. Ведь они еще не познакомились с родителями будущей невестки. Помешала война.

Чинно сидели за столом в старомодной квартире, скучные, чужие друг другу. Чопорная миссис Грей угощала гостей. Разговор не клеился. Сластена Вирджиния отказалась от пирога, хотя ей очень хотелось съесть еще кусочек. Говорили о погоде, о цвете лица Вирджинии — удивительно, как хорошо она выглядит!

Отец Кэт стал рассказывать о своей службе. Работал он старшим клерком в Сити, в банке Шрейдера. Полли не понравилась его манера говорить. Будто сам для себя, и такой у него снисходительный тон. Может быть, он недоволен, что ему предстоит породниться с семьей простого докера? Полли нахмурила брови. Такое предположение хоть кому испортит настроение.

Мужчины оживились только после того, как зашел разговор о войне. Грей, затянутый в черную тройку, подсел ближе к Джону. Белый стоячий воротничок стягивал его худую шею, делал похожим на какую-то птицу. На какую — Полли не помнила,— может, из зоопарка... О войне Грей рассуждал так же, как о своей службе,— самоуверенно. Только из вежливости он снисходительно выслушивал противоположную точку зрения. Но Джон, видимо, не замечал этого. Может быть, потому, что был навеселе от нескольких выпитых рюмок.

Полли примечала все, что происходило вокруг. Она подумала: вероятно, правда, что супруги с годами начинают внешне чем-то походить друг на друга. Вот у Греев даже выражение лиц одинаковое. Оба они светлоглазые, худощавые, нездорово-бледные, как многие горожане в это время года. Ее Джон молодец в срав-

нении с Греем, обветренный, загорелый, плотный. А этот не порозовел даже от вина. Как не похожа на них Кэт, совсем другая! Ничего общего! Какая она счастливая! Сидят рядом и переговариваются улыбками, взглядами. Боже мой, как знакомы ее повлажневшие глаза, устремленные навстречу другим, таким же влюбленным! Разговоры за столом совсем их не интересуют, им-то уже не до войны. Мечтают небось поскорее остаться одни. Еще бы — им и поговорить негде...

Отбыв положенное приличием время, начали собираться. Кэт, перемигнувшись с Робертом, спросила мать:

— Можно мне пойти погулять, мама? Мы немного пройдемся с Бобом.

Миссис Грей строго взглянула на дочь.

— Только ненадолго.— Она предпочитала, чтобы Кэт была под ее присмотром.— На час, не больше.

— Ну, мама! — умоляюще протянула Кэт.

Она надула губки и склонила капризно голову. Боб был в восторге от ее вида.

— Нет, нет! Позже — это неприлично. Не спорь, Кэт!

На улицу вышли вместе, дошли до остановки, где стояло несколько человек. Омнибус увез всех, кроме моряка и его невесты. Красный огонек стоп-сигнала исчез за поворотом.

— Куда мы пойдем? — спросил Боб.

— Не знаю. Куда хочешь. Мне так хорошо! — Она прильнула к нему.— Пойдем, как в Виндзоре. Помнишь? С закрытыми глазами, не зная куда...

— Пошли!

Кэт запрокинула голову и закрыла глаза. Перешли на другую сторону улицы.

— Осторожнее, здесь тротуар!

— А я не боюсь! — Кэт засмеялась, не открывая глаз.— Ты удержишь меня...

Фонари не горели, но Роберт отлично видел лицо Кэт, будто падающий снег озарял его призрачным светом. Боб обнял девушку, поцеловал. Почувствовал, как она вздрогнула.

— Боб, я так люблю тебя! — На лице ее блуждала неясная улыбка, она словно спала.— Ты не замерз?

— Нет...

— Дай сюда,— она просунула его руку за отворот своей шубки.

Так шли долго, словно оцепеневшие, взволнованные близостью. Кэт очнулась первая.

— Где мы? — Открыла глаза, огляделась.— Ты не узнаешь? Смотри-ка!

Они были в районе Темзы. Напротив виднелись ворота в порт. Боб не узнал их. Кэт напомнила:

— Но ведь это склады Липтона! Там вон скамейка с каменными драконами.

Боб попробовал оправдаться — он подходил сюда с другой стороны.

— Хорошо, хорошо... Но сейчас ты должен вспомнить все, что здесь происходило. Все, все! Я слушаю.

Они начали вспоминать. Воспоминаний было не так много, но их хватило надолго. Все выглядело таким значительным, а главное — все было светлым и чистым. Роберт не помнил себя более счастливым, чем в эту рождественскую ночь. Как мечтал он об этой встрече! Будто и не было месяцев, проведенных в Дувре. Война, служба отошли куда-то назад. А затемнение только помогало оставаться вдвоем.

Они все бродили, снова потеряв представление, где находятся. Вспомнили о Виндзоре.

— Помнишь, как мы обедали? Я была ужасно голодна...

— А как ты хотела лезть в воду... Скажи, а где теперь Стейнбок? Ведь мы из-за него познакомились.

— Все там же. По-прежнему всем обещает помочь... Но мне он все же помог. Я буду работать стенографисткой в каком-то военном отделе.

Кэт уже писала Бобу об этом. Зимой она посещала курсы, скоро должна окончить.

— Говорят, нам выдадут военную форму. Как ты думаешь, она пойдет мне?

— Еще бы, конечно!.. Скажи, а сколько ты получила писем?

— Тридцать два.

— Не может быть! Я послал тридцать четыре. А ты?

— Тридцать три.

— Значит, я люблю тебя больше.

— Неправда! — запротестовала Кэт.— Я отвечала на все письма.

Перед отъездом они условились писать два раза в неделю. Обязательно и не реже. Так до конца войны.

— Знаешь, я загадал,— сказал Боб,— когда я получу от тебя сто четырнадцать писем, кончится война — и мы поженимся.

— Почему сто четырнадцать?

— Я сосчитал — прошло сто четырнадцать дней с того времени, как мы познакомились, до моего отъезда. Поняла?

— Тогда я буду писать каждый день.

— Можно и чаще.

Никто бы не мог сказать, тем более они сами, где, по каким улицам той ночью бродили влюбленные — высокий моряк и девушка в меховой шубке. Они снова очутились в районе доков. Перешли площадь. Здесь горели синие фонари. Кажется, на том углу их подкараулил шофер такси. Боб усмехнулся. Сказать или нет? Вспомнил другое. Полез в карман.

— Кэт, а ты узнаешь эту монету? — Он показал серебряный шиллинг.

Девушка зубами стянула перчатку. Другую руку держал Боб. Взяла монету, теплую и блестящую синевой.

— Что это?

— Ага, не знаешь! Это шиллинг, который ты дала мне на дорогу. Помнишь, когда мы прощались...

— Значит...

— Ну да, я шел пешком, мне не хотелось тратить твой шиллинг. Это мой талисман, я берегу его.

— Но это так далеко! Какой же ты глупый!..

— У каждого в жизни должна быть своя монета.

— Не философствуй...

Оба вспомнили грустное расставание в начале войны. Как ни старались они забыть о том, что есть война, она неизменно вплеталась в воспоминания.

В тот последний вечер Роберт проводил ее до дома, и они долго еще стояли в подъезде. Кэт догадалась спросить: «Боб, а как ты вернешься домой? У тебя есть деньги?» — «Сказать по совести — нет. Но я доберусь».— «Нет, нет, возьми! Тебе на автобус хватит». Боб заупрямился, но вынужден был взять деньги. А теперь оказывается — он шел среди ночи пешком.

— Это не совсем так — с полдороги я остановил какую-то машину.

— Все равно далеко.

— Зато у меня сувенир.

— Хорошо, пусть он будет наш, общий... Но теперь-то у тебя есть деньги?

— Есть, есть!

— Послушай, а сколько сейчас времени? — Кэт всполошилась: прошел час, еще и еще час с тех пор, как они вышли из дома.— Ну, теперь мне достанется!..

Стали прощаться. Кэт торопилась, но они еще долго стояли на улице, прислонившись к стене, стояли грустные и счастливые. Мягкие хлопья снега медленно падали на меховую шапочку Кэт, на плечи моряка. Со стороны могло показаться, будто они боялись шелохнуться, чтобы не осыпался падавший на них снег. Но улица в этот час ночи была пустынна, и никто не видел их трогательного прощания...

Рождественский отпуск промелькнул быстро. На третий день рождества Боб уже возвращался в Дувр. Ехал он с тоскливым чувством и еще больше влюбленный. «Черт побери,— думал он в поезде,— скорей бы кончалась война! Хорошо говорить дядюшке Вильяму — сидит себе дома и спорит с отцом. Испытывал ли он когда-нибудь такое чувство?» Роберт уныло глядел в окно.

Да, война продолжалась, и она мешала ему, его счастью. Так мешала! Хотя Роберт не смел жаловаться на свою судьбу, ему удалось неплохо устроиться — он служил шофером у командира бригады в морской пехоте. Моряки жили в казармах на берегу, но все время ждали, что их вот-вот отправят куда-то в Нарвик.

В феврале разговоры об этом прекратились — финны заключили мир с русскими. Ну и хорошо! Роберт разделял мнение отца: нечего встревать в чужие дела, русские с финнами разберутся сами.

Вскоре поползли слухи, что их бригаду отправят во Францию. Но слухи так и остались слухами. Действительно, с какой стати морскую пехоту станут загонять в окопы! Бригада предназначена для десантных операций.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

I

В Копенгаген самоходная баржа пришла из Штральзунда порожняком. Она стояла вторые сутки у товарных причалов, ожидая погрузки, но оптовая фирма, обычно такая четкая в деловых отношениях с датскими экспортерами, на этот раз своевременно не оформила документы, и капитан терпеливо ждал дальнейших распоряжений. Казалось бы, капитану следовало воспользоваться вынужденной стоянкой, чтобы проветрить трюмы, просушить их, подготовить баржу к погрузке, но трюмные люки все это время были плотно закрыты и сверху еще задраены плотным брезентом. А в остальном все выглядело буднично и обычно.

Матросы на палубе слонялись без дела, разглядывая близкий город. Он раскинулся по обе стороны пролива, с высокими шпилями, готикой старинных зданий. На порожке каюты сидела пожилая женщина, видимо жена капитана, и неторопливо что-то вязала, не обращая внимания на порт, привычная к новым местам. На корме сушилось белье, стояли глиняные горшки с цветами, выставленные из каюты на весеннее солнце. Рядом, тоже у самого берега, покачивались такие же немецкие баржи. Они пришли в Копенгаген почти одновременно. Тоже ждали, когда дадут команду начинать погрузку.

Но в грузовых трюмах, рядом с этой мирной, идиллической картиной кипела другая, непохожая жизнь. Внизу, в полутемном трюме, забитом десятками вооруженных людей, стояла тошнотворная духота. Солдаты отдельного батальона «Бранденбург-800» заполнили все уголки внутри баржи и с молчаливым терпением ждали своего часа. Воздух, наполненный испарениями человеческих тел, был тяжелый, спертый. Штурмфюрер Вилли Гнивке чертыхался в душе, завидуя тем, кто под видом палубных матросов расхаживал наверху.

Обхватив руками колени, Вилли сидел на волосяном матраце. Такие матрацы лежали плотно один к другому вдоль всего трюма, только в середине оставался проход, но и он был занят оружием. Хотелось курить, перекинуться словом с соседом, но курить, разговаривать, даже ходить строжайше запрещено. Вилли не знал, куда деться от духоты и скуки. Вчера под вечер он выходил на берег, переодетый в штатское. Осматривал район предстоящих действий, но через час снова вернулся в несносную духоту трюма.

Всей операцией по захвату Дании и Норвегии руководил заместитель Вальтера фон Шеленберга, тот, с которым встречался он

перед поездкой в Мюнхен. У каждого человека свои масштабы. В этой операции Гнивке поручили частную задачу — занять один из портовых кварталов. Скорей бы только все начиналось! Все-таки его оценили, поручив такое дело, думал Вилли. Это ведь не кролики. Давно ли он сам был мальчишкой, ходил в коротеньких штанишках в школу! Давно ли! А теперь он штурмфюрер, может быть, отец семейства. Жаль, конечно, что в Штральзунд пришлось уехать в тот самый день, когда Эмми отправилась в больницу. Теперь, наверно, родила. Если бы сын! Он его воспитает похожим на себя — юберменшем, человеком высшей расы. В нем течет арийская кровь, без всяких расслабляющих примесей.

Вилли доволен своим воспитанием. Его воспитывали в истинно нацистском духе. Вспомнил, как жаль ему было первый раз убивать кролика. Теперь-то он понимает — так воспитывается твердый характер.

Вилли был тогда в гитлерюгенде. Летом они жили на взморье, ходили строем, маршировали, учились хором кричать: «Хайль Гитлер!» Потом каждому из ребят дали кролика, маленького, теплого, с шелковистой шерсткой. Дети кормили крольчат, ухаживали за ними, гладили, привязались к животным. К концу лета кролики подросли, стали совсем ручными.

Перед возвращением в Берлин югендлейтер — воспитатель — собрал ребят и спросил, готовы ли они выполнить любой приказ фюрера. Да, конечно, каждый готов отдать жизнь за Великогерманию! Югендлейтер отдал приказ — каждому убить своего кролика. Он сказал им: «Умейте подавлять в себе жалость». Вилли первым отрапортовал югендлейтеру.

В школе маленький Гнивке не отличался способностями, брал прилежанием. Ему постоянно вдалбливали в голову: «Будь послушен, не думай лишнего, за тебя думают учитель, наставники». Вилли стал продуктом того воспитания, о котором говорил Роберт Лей, старый нацист и руководитель «Трудового фронта»:

«Мы начинаем с трехлетнего возраста. Как только ребенок начинает сознавать, мы всовываем ему в руки флажок. Дальше — школа. «Союз гитлеровской молодежи», штурмовые отряды, военная служба. А когда он пройдет через все это, им завладевает «Трудовой фронт» и не выпускает его до самой смерти, независимо от того, нравится ему это или нет».

Вилли Гнивке прошел почти все этапы нацистского воспитания. кроме флажков. Ему не пришлось играть флажками. Он был уже подростком, когда Гитлер стал во главе Третьей империи.

В «хрустальную неделю» Вилли с другими гестаповцами поджигал синагоги, рвал бороды раввинам, громил ювелирные магазины, устилал осколками хрусталя берлинские тротуары. Это произошло после убийства советника германского посольства в Париже. Говорили, что советника убили евреи. Гейдрих дал секретный приказ провести еврейские погромы. Вилли громил магазины, выполняя партийную клятву. Когда его приняли в нацистскую партию, Вилли повторил заученные слова: «Я клянусь в нерушимой

верности Адольфу Гитлеру, клянусь беспрекословно подчиняться ему и тем руководителям, которых он изберет для меня». Приказ Гейдриха тоже требовал беспрекословного подчинения.

Как и в школе, от Вилли требовали подчинения вместо размышлений. Ему дали руководителей — Гейдриха, Шеленберга,— и он слепо, беспрекословно им подчинялся.

Но все, что ему приходилось выполнять раньше, не шло ни в какое сравнение с предстоящим делом. Германии нужен лебенсраум — жизненное пространство. Может быть, здесь, в Дании, Вилли Гнивке получит ферму. На него станут работать датские скотоводы. Может быть, здесь Эмми станет качать колыбель его сына. У него будут дети. Эмми родила только первого. Он добудет для них жизненное пространство!..

Ночью люки открыли, сбросив брезент, и бранденбуржцы толпились внизу, вдыхая свежий воздух. Ночь была ясная. Полная луна озаряла притихший город нейтральной страны. Но Вилли не видел из трюма ночного города, только луну и ясное небо в квадрате люка. Им разрешили курить. Они жадно затягивались сигаретами. Над люком подымался прозрачный дымок, точно над кратером притихшего, дремлющего вулкана.

А утром началось извержение. Из люков в касках, с вороneными пистолетами-пулеметами вырвались толпы эсэсовцев и устремились на пристань. Штурмфюрер Гнивке бежал впереди. Сняли растерянного регулировщика. Его увели на баржу. В несколько минут квартал был очищен. В пролив вошли военные корабли, по городу ударили пушки, им неуверенно ответили береговые батареи. Десантные войска высаживались в столице Дании. Через полчаса все было кончено. Король приказал войскам прекратить сопротивление. Отовсюду к нему шли донесения — все города заняты немцами. Сообщали об этом перепуганные бургомистры и германские резиденты. Так было задумано. Связь приказали не нарушать.

Вилли стоял на углу улицы. Из подъезда вышли две женщины в белых наколках. Одна сказала:

— Слава богу, у короля родился сын! Слышали, как стреляли из пушек? Это салют в честь наследника. Как это радостно!

Женщины направились на рынок. В руках плетеные сумочки. Увлеченные разговором, они вплотную столкнулись с штурмфюрером. Женщина, принявшая стрельбу за салют, ахнула и выронила из рук сумку. Гнивке приказал им вернуться.

— Идите назад! Город на военном положении.

Он расхохотался, увидев, как поспешно женщины скрылись в подъезде, только юбки мелькнули. Засмеялись и солдаты, сопровождавшие Вилли. Сумочка так и валялась на тротуаре. Он поддел ее носком сапога. Подумал: «Как бы не так! Салют из пушек в честь рождения сына короля? Нет, пушки салютуют в честь рождения сына штурмфюрера Гнивке!»

Посмотрел на часы. Еще совсем рано.

— Вот что значит блицкриг! Мы провели с вами самую короткую войну в истории — она длилась всего полчаса.

— Яволь! — ответили солдаты.

Штурмфюрер Гнивке был для них руководителем, которому они подчинялись беспрекословно.

Все трое зашагали по улице оккупированного Копенгагена.

II

Дни шли похожие один на другой, как клотики тральщиков, стоящих в порту напротив казармы. Пожалуй, единственной новостью у Роберта Крошоу была встреча с Пейджем. Оказалось, что Джимми тоже служит в Дувре в морском интендантстве. Был он все таким же толстеньким и розовощеким. Говорили с взаимной, тщательно скрываемой неприязнью. Боб сказал, что на рождество побывал дома.

— Ну как, видел Кэт? — спросил Джимми.

— Конечно.

— Будешь писать — передай привет. Я, может, тоже скоро побываю в Лондоне.

— Хорошо, передам.

Постояли и разошлись. Конечно, Роберт ничего не написал. Ну его к черту, бахвала! С какими сальными глазами расспрашивал он про Кэт! Только за это одно стоило набить морду...

Зима была на исходе, точнее — уже кончилась, когда, в начале апреля, морскую бригаду вдруг погрузили на корабли. Транспорты шли на северо-восток, скорее всего в Норвегию. Дул свежий ветер и нагонял крутую волну.

Из Дувра уплыли ночью, а на рассвете в открытом море к ним присоединилось еще несколько кораблей. Транспорты продолжали путь, вытянувшись в кильватерную колонну. Шли под прикрытием усиленного конвоя эскадренных миноносцев. Эсминцы бороздили холодные, свинцовые воды, зарываясь носами в пенящиеся волны. На горизонте маячили тяжелые корабли,— вероятно линкоры. Они шли параллельным курсом, похожие на утюги, такого же серого цвета, как море и небо, но гораздо темнее. Вскоре пошел мокрый снег, и все заволокло мутной молочно-белой мглой, в которой исчезли и соседние транспорты, и ныряющие в волнах миноносцы. Сырой, промозглый холод пронизывал до костей. Роберт спустился вниз.

Транспорт, на котором плыл Боб Крошоу с другими моряками десантной бригады, еще недавно был торговым грузовым судном. Ходил он лет двадцать на линии Саутгемптон — Коломбо. Пароход переоборудовали наспех в военный транспорт месяца три назад, как раз в то время, когда снаряжали экспедиционный корпус в Финляндию. Времени было мало, и переделка устаревшего пароходика заключалась главным образом в том, что в трюмных помещениях сломали переборки, поставили нары и расширили гальюны — от них за милю разило вонью и хлорной известью. Ре-

монт машин позволил увеличить ход судна, но скорость все же не превышала пятнадцати узлов.

В трюмных помещениях пахло краской, распаренной пенькой, канатами, дезинфекцией, чем-то еще. Так пахнет только на кораблях да в железнодорожных вагонах. При тусклом свете, падавшем с потолка, моряки играли в кости, в карты. Многие лежали на многоярусных нарах, мучимые приступами морской болезни. Болтало изрядно, и кости, недопитые бутылки, как живые, ползали по столу. Палуба уходила из-под ног. Стены, нары, принайтованные табуреты кренились из стороны в сторону. Роберта тоже немного мутило, хотя качка обычно не действовала на него. Вероятно, от спирта — с выходом в море его начали выдавать морякам.

Роберт постоял, посмотрел на игроков, с кем-то выпил и полез на нары. Стало нестерпимо скучно, противно на душе. Так бывало всегда, когда он выпивал лишнее.

Место Роберт получил наверху, головой к борту, за которым постоянно шуршала вода. Этот шорох перемежался тяжелыми и глухими ударами волн. Здесь, в трюме, даже верхние нары находились гораздо ниже уровня океана.

Он лежал на спине, разглядывая потолок, до которого можно было дотянуться рукой. Может быть, оттого что мутило, настроение портилось все больше. Все было противно, все надоело — и треск костей, падающих на стол, обитый цинком, и крики захмелевших игроков, и неприютный вид холодно-свинцового моря. Раздражали пепельно-серые лица больных. Сдерживая позывы к рвоте, они срывались с нар и торопливо пробирались в гальюн, цепляясь за стойки и косяки. Вслед им неслись грубые шутки, смех. Обратно возвращались измученные, с мокрыми ртами и слезящимися глазами. От одного вида стошнит.

Роберт повернулся на бок и закрыл глаза.

Заговорило радио, молчавшее все утро. Сообщали подробности высадки германских войск в Норвегии. Дания прекратила сопротивление, но высадка в Осло не удалась. Береговые батареи потопили тяжелый немецкий крейсер «Блюхер». Норвежский заградитель повредил крейсер «Эмден». Китобойное судно, вооруженное гарпунной пушкой, вступило в бой с военным кораблем. Диктор рассказывал о героизме норвежского капитана, который, лишившись ног, продолжал командовать китобоем. Потеряв единственную пушку, он выбросился за борт.

В кубрике стало тихо. Только снаружи доносился приглушенный гул шторма, но он не мешал слушать.

Диктор иронически отозвался о германском нападении. Он несколько раз повторил фразу Чемберлена, восхищаясь остроумием премьер-министра. Премьер сказал по поводу германского десанта: «Гитлер опоздал к своему автобусу».

В заключение диктор сказал: «Союзное командование принимает действенные меры к ликвидации разрозненных немецких групп, высадившихся на западном побережье Норвегии. Верная своим традициям Великобритания берет под свою защиту герои-

скую Норвегию, с которой ее связывают священные узы дружбы».

Радио умолкло, кубрик снова наполнился шумом. На нижних нарах кто-то сказал:

— Да, капитан, конечно, герой, но с гарпунной пушкой против дредноута много не навоюешь. То же, что против танка с хлыстиком.

— Разве в том дело? — По голосу Боб узнал Эдварда, рыжего парня из Глазго. У него даже ресницы были огненно-рыжие.— Значит, норвежцы готовы драться,— говорил он.— Мы им поможем. Весь флот идет. Видал, какие утюги гребут!

— Кто же не станет драться, если на твой берег вылезет враг! Может, этот капитан всю жизнь прожил в Осло.— Сосед по нарам свесил вниз голову. Морская болезнь не отпускала его, но он счел нужным вмешаться.— Тьфу, черт, опять мутит. Когда же это кончится? — Он лег снова.

— Затяни туже ремень,— посоветовал Эдвард.— Или выпей. Уж лучше травить от спирта. Налить?

— Нет, не хочу...

— Боб, а ты что раскис? Спускайся сюда.— Эдвард встал на нижние нары, дотянулся до Роберта и шлепнул его ладонью.— Вставай! Все о невесте думаешь? Идем выпьем, пользуйся случаем!

Роберт хотел отказаться, но все же спустился вниз — все равно нудно.

Проснулся он на следующий день внизу на койке Эдварда. Вероятно, приятели не смогли втащить Роберта на его место на верхнем ярусе. Неужели он был так пьян?..

III

Двумя днями позже главные силы британского военно-морского флота под командованием адмирала Форбса, покинув Скапа Флоу, сосредоточились на траверзе Бергена, в восьми — десяти милях от берега. Командующий флотом готовился к боевой операции — предстояло сбить немцев, высадившихся в Норвегии. Он предполагал атаковать Берген с моря, фиордом проникнуть к городу и отбить порт, сутки назад занятый немецким десантом. Несомненно, что противник не успел еще ни закрепиться в Бергене, ни подтянуть свежие силы, и поэтому адмирал Форбс полагал, что ему сравнительно быстро удастся восстановить положение.

К вечеру шторм начал стихать, в рваных тучах появились просветы, и в начале ночи полная луна ненадолго осветила продолжавшее бушевать море и корабли, обнаружившиеся вдруг в неясном и призрачном свете.

Военные транспорты с канадскими, французскими и английскими войсками подошли несколько позже главных сил, и адмирал Форбс пригласил командиров бригад явиться к нему на флагман. Световые тире и точки ратьер передали на транспорты распоряжение адмирала. Вскоре моторный бот, посланный с флагмана, под-

валил к борту, но пришвартоваться в такую волну было безумием. Бот держался в нескольких ярдах от транспорта, то проваливаясь в пропасть, то взмывая вверх чуть ли не до уровня ботдечной палубы. С транспорта выкинули стрелу, по которой полковник Макгроег, высокий и сухопарый сангвиник, довольно ловко перебрался на моторный бот. Ловкости, с которой он спускался по канату вниз, к бушующему морю, мог бы позавидовать любой палубный матрос старого парусного флота. Командира десантной бригады сопровождал рядовой королевского флота Роберт Крошоу.

Совещание проходило в кают-компании флагманского корабля. Адмирал Форбс, информируя о плане операции, сказал, что на бригаду альпийских стрелков, прибывших из Франции, на канадцев и английских морских пехотинцев возлагается задача закрепить успех флота и предупредить возможность высадки противником новых десантов. Адмирал Форбс говорил несколько высокомерно, спокойно-уверенным тоном, ясно и точно формулируя свои мысли. Некоторую тревогу вызывало у него наступившее улучшение погоды. Он опасался, что авиация противника может обнаружить главные силы. Но старший синоптик, вызванный на совещание, доложил, что прогнозы указывают на прояснение временного характера. С северо-востока движется снежный циклон, который захватит Берген и его окрестности не позже раннего утра следующего дня.

Пользуясь наступившим прояснением, адмирал Форбс еще с вечера выслал авиационную разведку на Берген. Катапульта выплеснула ночной самолет с борта флагмана. Самолет скользнул вдоль бушующей поверхности моря и исчез в направлении недалекого берега.

Возвратился летчик часа через два, когда совещание еще продолжалось. Пилоту не дали переодеться и прямо в комбинезоне, в меховом шлеме ввели в кают-компанию. Он доложил, что в бергенском фиорде стоит один крейсер противника, других сил не обнаружено. Зенитная артиллерия противника открыла заградительный огонь, но безрезультатно. Летчик также сказал, что над Бергеном погода начинает портиться и теперь, он уверен, ни один самолет не пробьется туда, пока не утихнет снежная буря. На обратном пути его машину изрядно потрепал циклон, захватил самым краем.

Адмирал Форбс остался доволен итогами ночной разведки. Согласовав и уточнив действия транспортов и боевых кораблей, адмирал отпустил командиров десантных частей и приказал шифровальщикам передать донесение в адмиралтейство. С Лондоном поддерживалась постоянная двусторонняя радиосвязь.

Военные транспорты вышли на Берген с рассветом. Боевые корабли, выделенные для атаки, как наиболее быстроходные, должны были выйти несколько позже.

Предположения синоптиков подтвердились. Шторм, немного утихший под вечер, утром снова перешел в снежную бурю. Мириады снежинок неслись над морем, застилая небо и горизонт. Море

словно дымилось от холодных брызг. Ветер срывал пенистые гребешки волн, бросал их на палубу вместе с колючим снегом. Вздымающиеся валы казались лохматыми водяными чудовищами, которые шершавыми языками слизывают, пожирают снежинки и не могут насытиться. В слепящем неистовстве нельзя было разглядеть ни верхушек мачт, ни капитанского мостика. Иногда порывы ветра слабели, и тогда над морем точно поднималось грубошерстное белое покрывало.

Ровно в одиннадцать тридцать по Гринвичу четыре британских крейсера и семь эскадренных миноносцев, отделившись от главных сил флота, пошли на Берген. Вздымая буруны, в брызгах и пене, корабли на предельной скорости помчались сквозь снежную бурю к скандинавским фиордам. Артиллерийская прислуга заняла свои места по боевому расписанию, с пушек сняли чехлы. Люди и корабли были готовы к бою. Палубные матросы выводили шлюпбалки, чтобы в любую минуту спустить шлюпки на воду. Десантники сидели одетые, в черных бушлатах, с винтовками, зажатыми меж колен.

Часа через полтора эсминцы и крейсеры обогнали военные транспорты. В течение нескольких минут они исчезли из виду. Капитан транспорта, одетый в клеенчатую венцераду, одобрительно кивнул в сторону боевых кораблей. Не вынимая изо рта трубки, он процедил:

— Ходко идут. Через час будут в Бергене. Лучшей дымовой завесы трудно придумать.— Капитан знал толк в морском деле.

Адмирал Форбс перешел в боевую рубку. С атакующих кораблей донесли — готовятся к перестроению, принимают боевой порядок.

Связь с Лондоном не прекращалась. Дежурный радист передал очередную шифрограмму. Адмирал прочитал ее и с изумлением пожал плечами. Перечитал еще раз — Лондон предписывал отменить атаку. Приказ подписал первый лорд адмиралтейства, военно-морской министр Уинстон Черчилль. В телеграмме кратко мотивировали отмену: авиационная разведка обнаружила новые силы противника в фиордах близ Бергена. Какая разведка? Он, адмирал Форбс, несколько часов назад сам информировал Лондон о воздушной разведке, адмиралтейство не может располагать другими данными. С утра в такую погоду в воздух не мог подняться ни один самолет! Странно!

Но все эти раздумья не отразились на невозмутимо-спокойном лице адмирала.

— Передайте приказ кораблям лечь на обратный курс.

— Что вы сказали? — Оперативный дежурный недоуменно поднял брови. Ему показалось, что он ослышался.

— Атакующим кораблям лечь на обратный курс,— раздраженно повторил адмирал.— Ясно?

— Да, сэр!

Если бы в этот день стояла ясная погода, с норвежского берега можно было бы невооруженным глазом увидеть, как эскадра бри-

танских кораблей, появившись на горизонте, вдруг на таком же ходу развернулась на шестнадцать румбов и без единого выстрела ушла в открытое море. Снежная буря хотя и не так сильно бушевала вблизи берега, но все же ограничивала видимость. Противник, сутки назад высадившийся в Бергене, так и остался в неведении о подготовленной и отмененной атаке.

Значительно позже, когда командующему германскими войсками в Норвегии генералу Фалькенхорсту доложили о несостоявшейся британской атаке, он только пожал плечами — везет! Кто-кто, а генерал Фалькенхорст знал, на каком тоненьком волоске все держалось в Норвегии. Сам он приехал в Норвегию задолго до того, как там начались боевые действия. Гитлеровский генерал поселился в Осло под видом коммерсанта — торговца готовым платьем. Малейший промах грозил провалом всей операции, но все обошлось как нельзя лучше. Военный министр Норвегии, майор Квислинг, был немецким агентом. Когда началось вторжение, Фалькенхорст встретил свои войска в норвежской столице. Потом выяснилось другое — британские войска не осмелились высадиться на берегах Норвегии. Иначе войскам Фалькенхорста пришлось бы туго. Генерал не был дальновидным политиком, свои удачи он объяснял только стечением счастливых случайностей...

IV

С началом войны, осенью 1939 года, сэр Уинстон Черчилль, долгие годы находившийся в парламентской оппозиции к правительству, вошел в кабинет Чемберлена. Он занял пост первого лорда адмиралтейства — морского министра. Но это не могло до конца удовлетворить Черчилля.

Конечно, высокий морской чин давал реальную и ощутимую власть, но власть распространялась только на военно-морские силы Британии, а Черчилль мечтал о большем. С присущей ему самонадеянностью он считал, что потомок воинственного полководца герцога Мальборо достоин значительно большего. В своем лице Черчилль видел спасителя Британской империи.

Первый лорд адмиралтейства, к сожалению, не первый в империи. Первым человеком в Британии после его величества короля — премьер-министр. Вот кем всю жизнь мечтал стать Черчилль! Премьер обладает даже большей властью, чем сам король. Король — только добрая английская традиция, только символ. Он произносит тронные речи и не вмешивается в дела государства.

Если бы ему, Уинстону Черчиллю, было не шестьдесят пять лет, как сейчас, а, предположим, сорок, тогда другое дело. Но кто отбросит назад четверть века! Когда-то Черчилль бывал уже и морским, и военным министром. Что из того? Власть его ограничивал кабинет, не позволял развернуться. Иначе разве провалилась бы тогда операция в Дарданеллах, которую он пытался осуществить в первую мировую войну! Тогда Черчилль надолго под-

мочил свою репутацию. Его обвиняли в гибели четверти миллиона солдат. Военные авторитеты говорят теперь — были просчеты. Он думает иначе: ему не хватило власти. Нельзя замышлять крупные операции, безразлично, военные или политические, находясь в подчиненном положении. Кстати, тогда последний русский царь тоже рвался к проливам. Пришлось комбинировать, торопиться, чтобы опередить русских, хотя они были союзниками в войне против кайзеровской Германии. Он, Черчилль, придумал ловкий ход — пропустил немецкие броненосцы «Гебен» и «Бреслау», которые шли в Дарданеллы для усиления турецкого флота. Внешне это выглядело так, будто английский флот «прозевал» своего противника в Средиземном море. Но на самом-то деле британское адмиралтейство дало секретную директиву: догонять и не догнать немецкие корабли... А в результате соотношение сил на Черном море изменилось совсем не в пользу русских. России стало куда труднее отвоевать у турок проливы. Правда, вся эта комбинация с германскими кораблями, быть может, тоже повлияла на исход боев в Дарданеллах. Что делать? Часто политические цели бывают важнее военных.

Но все же пост первого лорда адмиралтейства значит немало. Особенно учитывая зрелый возраст, жизненный опыт. Потомок Мальборо оказался гораздо ближе к заветной цели — власти. Теперь он научился терпению. Дьявольскому терпению, умению выжидать. Такие качества приходят с возрастом. Черчилль десять лет не занимал правительственных постов. Было время подумать, осмыслить. Годы не прошли даром. Он не только с кропотливым упорством создавал многотомный труд о деяниях своего предка, герцога Мальборо, не только восполнял пробелы истории. Нет, он научился и кое-чему другому. Пусть называют его современным Маккиавели. Клички в политике не имеют значения. Британская империя, ее интересы — превыше всего!

...Морской министр был чрезвычайно занят. Казалось, он целиком погружен в неотложные дела. Но это не мешало ему думать о делах, не имевших прямого отношения к событиям, происходящим за сотни миль от Лондона, от британского адмиралтейства.

Уинстон Черчилль чуточку рисовался перед своим другом лордом Эмерли, которого пригласил в адмиралтейство для серьезного разговора.

Лорд Эмерли с невозмутимым, застывшим лицом сидел напротив, выжидая, когда освободится министр. Он разглядывал адмиралтейский кабинет Черчилля, похожий на морской музей. Здесь можно было изучать историю британского флота. Макеты средневековых каравелл с коричневыми, просмоленными парусами перемежались с миниатюрными образцами современных линкоров и авианосцев. Они стояли на полированных стеллажах, под стеклянными колпаками, похожими на аквариумы. Корабли самых различных классов плыли под потолком, висели на стенах, уступая место только картине, изображавшей Трафальгарскую битву, портретам флотоводцев да оперативной карте с изображением совсем

уже крохотных боевых кораблей, сосредоточившихся у скандинавского побережья.

Морская форма сидела несколько мешковато на громоздкой фигуре Уинстона Черчилля. Министр погрузился в чтение телеграммы. Он подписал ее, отпустил штабного офицера и, бросив вдогонку: «Немедленно передайте адмиралу Форбсу», повернулся к лорду Эмерли.

— Извините меня, дорогой лорд, что я задержал вас. Война — это большая игра. Сейчас я отменил атаку на Берген.

Черчилль взглянул на Эмерли, ожидая недоуменного вопроса. Но собеседник его оставался невозмутимым.

— Третьего дня мы установили мины вдоль норвежского побережья,— продолжал министр,— но, кажется, поздно.— Гитлер успел высадить свои войска в Осло и Бергене. Его корабли прошли несколькими часами раньше того, как наши заградители сбросили мины.

— Я предпочел бы иметь наши войска в Норвегии,— возразил Эмерли.— Вы знаете мою точку зрения, я высказал ее в меморандуме относительно минирования норвежских вод. Я уверен, что мы имеем право отбросить условные положения кем-то установленных законов. Малые страны не могут и не должны связывать нам руки. Кабинет принял мои предложения и поручил разработать план десантных операций в Нарвике, чтобы помочь Финляндии барона Маннергейма. К сожалению, ситуация изменилась, не мы, а Гитлер полез в Норвегию.

— Видите ли,— уклончиво ответил первый лорд адмиралтейства,— ситуацию надо не только использовать, ее следует создавать. Не так ли, мой друг? В этом заключается искусство стратегии. Я хочу вам напомнить слова Чарльза Линдберга, у него хорошая школа: из летчика-рекордсмена он стал американским политиком,— Черчилль на память процитировал выступление Линдберга, напечатанное с неделю назад в газетах: — «История говорит нам, что когда две державы живут в пределах досягаемости друг друга, между ними неизбежно возникнет война».

— Вы понимаете мою мысль? Разве Гитлер, высадившись в Норвегии, не очутился ближе к России? Хотя бы через Финляндию... Не думаете ли вы, что одно это может компенсировать какие-то наши частичные неудачи?.. Впрочем, все это преамбула нашей предстоящей беседы, ради которой я осмелился потревожить вас.

Разговор перешел на конкретные деловые темы. Морской министр был озабочен тем, что у него ощущается недостаток военных транспортов. В дальнейшем их понадобится еще больше. То, что русские заключили мир с Финляндией, еще не говорит ни о чем. Хотя Гитлер и занял Норвегию, пускать его дальше на север нельзя. Союзники сохранят за собой Тронхейм и совершенно обязательно район Нарвика. Он, Черчилль, убедил кабинет, что необходимо перебросить туда десантные войска. Это важнее, чем Берген. Операции будут производиться силами французской бригады,

французских альпийских стрелков и усиленной канадской бригады. Английские войска надо беречь, они пригодятся в дальнейшем. Финляндия не снята с повестки дня. Сейчас задача состоит в том, чтобы подготовить на будущее необходимое количество транспортов. У него есть конкретное предложение. Под транспорты частично удалось переоборудовать грузовые суда, но нельзя до бесконечности сокращать и торговый флот. Черчилль как морской министр видит один выход — строить. Не сможет ли лорд Эмерли взять на себя этот труд? Кажется, его верфи достаточно мощны и не вполне загружены. Короче, морское министерство предлагает заказ на поставку транспортов. Лорд Эмерли может кооперироваться с другими фирмами. Конечно, если это будет выгодно.

Предложение было заманчиво. Лорд Эмерли, владевший судостроительными верфями на севере Англии, прикинул все выгоды и согласился. Он уточнил только некоторые вопросы. Можно ли рассчитывать на другие заказы? Вообще-то выгоднее строить военные корабли, например миноносцы.

Нет, министерство хотя и нуждается в тех же эскадренных миноносцах, однако дело терпит. На море борьбы не предвидится. Есть все основания полагать, что с немцами удастся пойти на мировую. Судя по всему, Гитлер не заинтересован начинать войну на западе.

То, что высказал Черчилль, вполне устраивало предпринимателя. Лорд Эмерли также считал диким недоразумением конфликт, возникший в Европе, пусть даже символический. Он отлично помнил Дюссельдорфское совещание. Оно состоялось перед войной, почти год назад. Британская промышленная федерация нашла общий язык с германскими предпринимателями. Кто же мог подумать, что все так обернется...

Лорд Эмерли был деловым человеком. О деталях договорились довольно быстро. Юридический отдел подготовит контракт. Судопромышленник встал.

— Надеюсь, мы скоро встретимся у нашего Кингтона?

Черчилль снисходительно улыбнулся.

— Да, если позволит время. Я получил приглашение. Он попрежнему живет на грани нашего века? Оригинал!

— До конца верен чудачествам. Совершенно не признает современной цивилизации. Читает только «Таймс» пятидесятилетней давности. Снова предупредил, чтобы не приезжали на автомобилях. Карета будет ждать гостей на границе его поместья. Чудак! Обещает показать рыцарский турнир.

— Что ж, может быть, он прав,— задумчиво проговорил Черчилль,— он по-своему хранит аристократические традиции... Кстати, вместе с контрактом я пришлю вам свой труд — «Жизнь герцога Мальборо». Надеюсь, получите удовольствие. Мне удалось найти в архивах много нового... А вы не расстаетесь со своей гвоздикой,— министр кивнул на белую гвоздику в петлице лорда.— У каждого свои традиции...

Лорд Эмерли покинул адмиралтейство. Он неплохо знал исто-

рию герцога Мальборо. Знал и другую сторону характера полководца — продажность и вероломство. «Вероятно, наследственность действительно существует»,— подумал он. Но лицо его оставалось холодно-невозмутимым. По выражению лица никто не мог знать, что думает лорд Эмерли.

V

Муссолини ворчал:

— Мне надоело являться по звонку к Гитлеру. Он слишком много берет на себя. Я не всегда тревожу даже своих слуг, но почему немцы, не задумываясь, заставляют меня вскакивать ночью с постели и мчаться очертя голову в Бреннер?

Чиано не возражал, даже подогревал недовольство тестя. Он поворчал, но все же поехал. Был мрачен и недоволен. Дуче, как обычно, знал, по какому поводу будет с ним разговаривать Гитлер.

В Бреннере, на перевале, шел снег. Крупные хлопья падали на перрон, окруженный со всех сторон горами. Итальянский поезд стоял на запасном пути. Расхаживали эсэсовцы в черных шинелях. Гитлер еще не прибыл, и это тоже раздражало Муссолини. Приходится ждать, как лакею в прихожей.

Каждая такая встреча оскорбляла и уязвляла болезненное самолюбие. Но что он мог сделать? Огорчало и состояние итальянских вооруженных сил. Не хватает того, другого, третьего. Ощущается недостаток во всем — в штанах и котелках, в бензине и пушках. Если бы иметь еще хотя бы миллион солдат! Он бы тогда не позволил так с собой обращаться. Гитлер зазнался, победа в Польше вскружила ему голову. До сих пор Муссолини продолжает завидовать неожиданной славе Гитлера.

Можно сбиться со счету, сколько встреч произошло за эти годы — двадцать семь или тридцать. Муссолини вспомнил их первое свидание. В Венеции, летом 1934 года. Времена были другие. Не он, а Гитлер приехал к нему на поклон. Вспыхнуло злорадное чувство. Муссолини поставил тогда выскочку на свое место! Гитлер приехал в штатском костюме. Он как сейчас помнит его одежду — плюшевая коричневая шляпа, висящий на плечах макинтош и узкие, непомерно длинные лакированные туфли. Походил на принарядившегося приказчика. Какой жалкий вид являл он собой в сравнении с дуче, одетым в парадный мундир с орденами и золотым позументом! Муссолини двенадцать лет уже стоял у власти, а Гитлер только начинал карьеру. Дуче дал это понять гостю, когда ораторствовал перед толпой на площади святого Марка. Он говорил, не обращая внимания на Гитлера. Гитлера поместили на другом балконе. Пусть смотрит. Можно себе представить, как распирала его зависть! Покинул Италию униженный и недовольный. Так и надо! Тогда было другое время.

Муссолини вспомнил и другую встречу — в Берлине. Гитлер заискивал, сделал все, чтобы польстить самолюбию дуче,— поставил на ноги весь Берлин. Муссолини принимал это как должное,

с чувством снисходительного превосходства. Он высокомерно шествовал из поезда к машине между рядами статуй римских императоров. Муссолини оказывали царские почести. Немцы умеют пустить пыль в глаза, так же как умеют проявлять и оскорбительное пренебрежение. Тогда среди площади на вершине колонны установили эмблему почетного гостя: гигантское «М» — Муссолини. Город расцветили германскими, итальянскими флагами. Полотнища спускались с крыш до земли, закрывали здания. На улицах стояли сотни колонн с золотыми орлами. Были банкеты, торжественные речи, взаимные комплименты и восхваления. Гостям показали военные маневры близ Мекленбурга. Гитлер хвастался военными заводами Круппа, всячески подчеркивал перспективы, которые сулит единение двух фашистских режимов. Соглашение, получившее название «ось Рим — Берлин», начинало действовать, оно становилось стержнем германской политики. Партнеры оси еще не ставили друг другу палки в колеса.

Потом был ответный визит Гитлера в Рим. Гитлер опасался повторения неприятностей, уколов самолюбия, подрыва престижа. Но времена начинали меняться. Он прибыл в Италию со свитой в пятьсот человек — три поезда. Состоялась пышная встреча. На вокзале встречали союзника король и он, Муссолини. Парадный экипаж двигался по улицам Рима в окружении конных кирасиров с обнаженными саблями. Жгли фейерверк. При свете прожекторов процессия направилась в Квиринал, в королевскую резиденцию. Это рассеяло подозрения Гитлера. Он присутствовал в Неаполе на морском параде двухсот кораблей итальянского военного флота. Перед ним одновременно поднялись из воды девяносто подводных лодок...

Но все же и в тот приезд Муссолини сумел будто бы невзначай уязвить, наступить на больную мозоль гостя, щипнуть исподтишка самолюбие Гитлера в отместку за Австрию. Гитлер даже не предупредил его, что намерен сделать Вену провинциальным немецким городом. Пусть получает за это! На морской парад Гитлеру пришлось выехать во фраке, прямо из оперы. В театре Сан-Карло шло представление в честь гостя. Он не успел переодеться — не было времени заехать во дворец. Так и принимал парад в штатском, хотя специально привез военный мундир.

Муссолини внутренне торжествовал. Он и сейчас вспоминает, как Гитлер нервно покусывал ногти, когда стоял рядом с королем на палубе флагмана «Юлий Цезарь», как метал злые взгляды на своего адъютанта. Этого офицерика больше не видели в свите Гитлера, он прогнал его за то, что тот вовремя не позаботился о мундире.

Для внешнего мира все преподносилось иначе — демонстрировали нерушимую дружбу, четыре тысячи трубачей салютовали отъезду Гитлера из Рима.

Да, то было другое время! Теперь он, Муссолини, должен ожидать Гитлера в Бреннере. Выскочка лезет в гору. Черт бы его побрал! Бесило то, что ничем нельзя помешать.

Германский поезд наконец прибыл. Он остановился рядом, загородив перрон с засуетившейся вдруг охраной. Вдоль путей пробежал к паровозу здоровенный детина. Муссолини обратил внимание на его рост и лицо, иссеченное глубокими шрамами. Муссолини отошел от окна и продолжал наблюдать. Вот со ступенек салон-вагона соскочил немецкий полковник из свиты Гитлера. Откуда он набирает себе таких долговязых?

Секретарь доложил — прибыл адъютант Гитлера, фюрер приглашает дуче перейти в его поезд, просит оказать честь.

Муссолини вдруг заупрямился. Довольно! Пусть Гитлер сам приходит в его салон. Будут говорить здесь.

— Передайте адъютанту, что дуче сам приглашает господина Гитлера. Пусть фюрер извинит меня. Сошлитесь на нездоровье. В Бреннере слишком сыро и холодно.

Гитлер явился через четверть часа в сопровождении Кейтеля — начальника штаба вермахта — и генерала Иодля — личного советника по военным вопросам. Муссолини, подавив раздражение, изобразил на лице радушие гостеприимного хозяина.

— Что с вами, мой дорогой дуче? Вы нездоровы? — спросил Гитлер, сбрасывая накинутое на плечи пальто военного покроя. На нем был зеленовато-серый сюртук и черные брюки навыпуск.

— Ничего серьезного. Вероятно, перемена климата. Не беспокойтесь. Я несказанно рад нашей встрече. Прошу вас!

Началось совещание. Итальянскую сторону представляли Муссолини и его зять, министр иностранных дел граф Чиано. Сели за стол, но Гитлер тотчас же вскочил и зашагал по салону. В течение двух с лишним часов он не дал никому вымолвить слова. Муссолини не так хорошо знал немецкий язык, чтобы следить за ходом мысли рейхсканцлера, и только в общих чертах схватывал то, что говорил Гитлер. Он сыпал цифрами, жестикулировал, отвлекался в философских рассуждениях, возвращался к международному положению, делал выводы, хвастался достигнутыми успехами. Но основное, что мог понять Муссолини, заключалось в одном — Гитлер настаивал, чтобы его итальянский союзник более открыто высказал свое отношение к происходящим событиям. Не здесь, нет! Об этом должны знать французы и англичане. Они станут более сговорчивыми, если узнают, что Италия, отбросив нейтралитет, становится на сторону Германии.

Муссолини следил за гостем. Было достаточно времени, чтобы разглядеть его усталое лицо, потемневшие круги под глазами. Сделал вывод: много работает, не спит ночами. Значит, что-то затевает, к чему-то готовится. Что именно? Ему удалось вставить фразу:

— Итальянский народ единодушно восхищен быстротой ваших действий. Но мне кажется, дорогой фюрер, что решение вашей проблемы жизненного пространства находится в России. Только в России и нигде больше. Миссия Великой Германии заключается

в том, чтобы защитить Европу от Азии. Здесь я уступаю первенство вашему политическому гению.

Гитлер словно не расслышал брошенной реплики. Он развивал мысль о единстве фашистских режимов. Остановился перед столом и поставил в упор вопрос:

— Могу я рассчитывать, что Италия изменит политику нейтралитета? Когда? Это мне нужно знать!

Муссолини ушел от прямого ответа. Он согласен вступить в войну, но хочет подумать, постарается выбрать наиболее удобный момент.

Двухчасовое совещание не дало ожидаемых результатов. Гитлер не добился прямого ответа Муссолини, так и не разгадал замыслов союзника. Ужинали в салон-вагоне немецкого поезда. Муссолини решил — теперь можно пойти, престиж сохранен.

За столом появился Геринг. Оказывается, он тоже приехал в Бреннер. Больше молчал, дулся на итальянцев за то, что до сих пор волынят с награждением орденом Аннунциаты. Сидел рядом с Чиано и дипломатично ввернул фразу:

— Передайте его величеству королю Эммануилу, что я заранее благодарю его за внимание. Кажется, он намерен наградить меня орденом. Не так ли?

Чиано поднял бокал.

— За ваше здоровье! Я с удовольствием передам это его величеству.— Он перевел разговор на другое. «Вот попрошайка».

За столом Муссолини оживился. В отличие от Гитлера много пил, с видимым удовольствием ел все, что подавалось к ужину. Хвалил баварские кровяные колбасы. Пусть Гитлер думает, что он совершенно здоров. Это важно. Ради того же он позировал перед фотокорреспондентами на горном курорте — под наведенными объективами он растирался до пояса снегом; потом тотчас же укладывался в постель, чтобы избежать воспаления легких.

За ужином Муссолини ел острую, жирную пищу и с тревогой прислушивался к зарождающейся боли в желудке, где-то под ложечкой.

Поезда вышли из Бреннера одновременно в разные стороны: немецкий — в Мюнхен, итальянский — на юг.

Среди ночи начался приступ. Муссолини корчился от невыносимой боли. С язвой не шутят! Он держался за живот, проклинал баварские колбасы и Гитлера. Больше он никуда не поедет! Это слишком дорогое удовольствие. Ему же ничего нельзя есть, кроме манной и рисовой каши. Врач, постоянно сопровождающий дуче, дал опий, рекомендовал грелку. Не помогло. Началась рвота. Боли утихли только утром. В Рим вернулся разбитый, осунувшийся, точно постарел на десяток лет.

Через силу сохраняя бравый вид, Муссолини вышел на перрон вокзала Остиа, прошел вдоль почетного караула, дал интервью репортерам и уехал в загородную виллу.

Встреча с Гитлером вышибла его на неделю из колеи.

Единственное, что почерпнул он из бреннерской встречи,— уве-

ренность в том, что Гитлер затевает что-то большое на западе. Опять хочет поставить его перед свершившимся фактом, так же как в последний раз с оккупацией Дании и Норвегии.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

I

Поезд на станцию пришел утром, часов в одиннадцать. Андрей вышел с вокзала на площадь, мощенную булыжником. Мостовую затянула густая, подсохшая грязь, и только кое-где торчали пепельно-серые камни.

Через круглый скверик с подстриженными тополями Андрей прошел на улицу. Ему показалось, что когда-то он бывал уже здесь. Видимо, на всех таких станциях очень похожи и скверики с бордово-темной, кое-где поломанной изгородью, и куцые тополя, и гипсовые вазоны на круглых клумбах, и грохочущие под колесами мостовые.

Из-за угла вынырнул босой мальчуган в теплом расстегнутом пиджаке, уставился на орден Красного Знамени, блестевший на гимнастерке Андрея.

— Как мне пройти на Пролетарскую?

— Вон туда. Пройдете по Станционной и налево... Вам кого там?

— Все равно не знаешь...

— Нет, я всех знаю! К кому вы, дядя? А за что вам орден дали?

Андрей засмеялся, нахлобучил ему на глаза кепку и повернул за угол.

По хрустящему лиловатому шлаку Андрей неторопливо шагал вдоль улицы. С одной стороны ее тянулись станционные строения, потемневший, когда-то желтый забор. С другой — домики с резными веселыми наличниками, палисадниками, с кустами сирени. В сточной канаве, прорытой вдоль забора, переливаясь цветами радуги, плыли нефтяные пятна. В зеленоватой воде купались грязные, похожие на смазчиков воробьи. У рассохшихся дубовых столбиков, выстроившихся вдоль шоссе, пробилась трава, не успевшая покрыться дорожной пылью.

Все, что Андрей видел вокруг, напоминало ему детство, проведенное в таком же железнодорожном поселке. Шлак на дороге, шапки тополей у вокзала и даже воробьи — все, все!

Андрей перешел через улицу, отщипнул веточку с листьями сирени, высунувшейся из палисадника, размял пальцами хрупкий и нежный листок. Волнующее ожидание встречи становилось все более тревожным. Как-то все произойдет? Как его встретит Зина? Писала ли она последние месяцы? Ведь, пока Андрей лежал в госпитале, дивизию перебросили...

В госпитале Андрей пролежал больше месяца. Выписался и получил дополнительный отпуск. Вместе с очередным получилось два месяца — вагон времени. В Москве пробыл несколько дней. Узнал, что Зина еще в феврале уехала на работу, получила назначение в Замойск. Соседка не могла больше ничего сказать. Дала только адрес — Зина просила ее, если придут письма, пересылать. Значит, все-таки Зина ждала его писем... Может, он сам все накрутил? Зинины письма просто не находили его... Может быть, и она, так же, как он, ничего не может понять, ждет, волнуется. И Андрей решил сам поехать к Зине, отбросив ненужное самолюбие. Приедет он неожиданно — так будет лучше...

На Пролетарской, находившейся здесь же, в железнодорожном поселке, Андрей нашел дом номер восемь, подошел к палисаднику и открыл калитку. Какая-то женщина, подоткнув юбку, яростно терла ступени крыльца обшарпанным березовым веником.

— Простите, здесь живет Зинаида Васильевна? — спросил Андрей, уверенный, что Зина, конечно, живет здесь, вон в той угловой комнатке с приоткрытыми чистенькими занавесками.

Женщина разогнула спину, одернула юбку, тыльной стороной ладони поправила волосы и с любопытством глянула на Андрея.

— Зинаида Васильевна? Нет, переехала она от нас. Постом еще переехала. К мужу. А вы брат ее будете? Она все ждала, наказывала, если явится, сказать, где проживает... На днях забегала.

У Андрея будто что-то оборвалось внутри. Захолонуло сердце! Вот и все! Вот и кончилось... Он почувствовал, как холодеет кожа на его щеках. Неужели раньше нельзя было понять, что не следовало ехать? И вообще нечего было строить иллюзии, обманывать себя...

Теперь ему больше всего захотелось поскорее уйти от этого крыльца. Скорей, скорей! На вокзал, к поезду!

Он не слушал хозяйку, подробно объяснявшую, как пройти на новую квартиру Зины. Почему-то солгал, подтвердив, что Зина его сестра. Стыдно было признаваться, в каком нелепом, жалком положении он очутился.

Хозяйка проводила его до калитки, все говорила, указывая мокрым веником на другой конец улицы, про какой-то ларек, возле которого ему нужно свернуть вправо.

— Хорошо, хорошо... Спасибо...— Даже улыбнулся.

Он прошел немного в сторону ларька, свернул в проулок и вышел к станции. Только сейчас заметил, что комкает в руке измятые, забытые листья сирени. К пальцам прилипли зеленые крошки. Бросил и вошел в станцию.

Около кассы висело расписание поездов. Скорый на Москву проходил через два часа, но дежурный предупредил: раньше трех нечего ждать — запаздывает. Из конца в конец прошел он по безлюдной платформе. Снова вошел в вокзал. Пахло карболкой, как в медсанбате. На мешках сидели транзитные пассажиры. Сторож убирал помещение, с кем-то ссорился, требовал снять вещи с дивана.

В голове стоял тяжелый туман. Попробовал себя успокоить: «Ерунда, перемелется — мука будет...» Но легче не становилось. «Как же так? Как же так? — повторял он.— Не написать, не сказать! Это нечестно... Когда же все случилось? Когда было то письмо: «Любимый, милый... мечтаю о встрече»? Кажется, в начале войны. Писала: «Никогда не расстанемся». Андрей усмехнулся с горечью. Он тоже об этом мечтал... Наивный дурак! Значит, все началось позже. Тогда пошли отписки, а не письма. Потом и они прекратились. Все ясно...

И вот у Зины муж! Другой, чужой человек. Она и не знала о его существовании, когда он, Андрей, любил ее. И она... Нет, видно, у нее было иначе... Как же так быстро? Значит, что-то большое, сильное заслонило у нее все, что было раньше... Почему же она молчала?

Андрей остановился у газетного киоска. Купил первую попавшуюся книжку — «Можно ли предсказать землетрясения?». Взял и усмехнулся: только ему сейчас и думать о землетрясениях!

«Кого она предпочла? Какой-нибудь хлюст, тыловичок. Пользуется случаем... Да, кому война, а кому...»

В душе поднималась ревнивая злоба.

— Товарищ военный, товарищ военный! — услышал он позади себя.— Товарищ военный, сдачу забыли!

Девушка из киоска протягивала ему деньги. Сунул в карман горсть бумажек и пошел в буфет. Там хоть не пахнет карболкой.

Сел за свободный столик, рядом с искусственной пальмой в зеленом ящике. Под пальмой, как в урне, валялись окурки, яичная скорлупа, скомканная, просаленная бумага. Рядом за столиком сидел седенький, небритый старичок в потрепанной железнодорожной форме. Перед ним стояла недопитая кружка пива, кружочки колбасы на тарелке и пустая граненая стопка. Андрей машинально перелистал брошюру о землетрясениях.

Переехала к мужу!.. До сих пор мысли Андрея о том, что случилось, были расплывчаты, не имели определенных очертаний. Он думал как-то обо всем сразу. И вдруг он до боли отчетливо ощутил рядом с Зиной другого мужчину. Представил ее с другим человеком, который сжимает в своих ладонях ее тонкие пальцы, смотрит в ее глаза. А она поднимает голову, дотрагивается теплыми губами до его подбородка...

Андрей, сжав челюсти, рванул на себя тяжелый стол. Упала и покатилась на пол солонка.

— Водочки позволите? — подскочил к нему официант, по-своему истолковав нетерпеливый жест военного.

— Принесите.

Андрей опрокинул граненую стопку и запил пивом. Подошел старичок с изжеванной папироской, попросил прикурить. Был он изрядно пьян. Кончиком окурка с трудом поймал горящую спичку.

— Поезда дожидаетесь?

— Да.

Старичок потоптался, сел за свой столик, пошептался с официантом. Тот отрицательно покачал головой.

— Не проси! Кредит портит отношения.

Подгулявший железнодорожник замолчал, нерешительно глянул на Андрея и, осмелившись, подошел к нему снова.

— Опять погасла, ляд ее побери!.. Дозвольте присесть? — Подвинул стул и уселся напротив.— Осмелюсь спросить, на финском вы не были?

— Был.

— У меня зять тоже воевал. Может, встречались с ним. На петрозаводском направлении.

— Нет, я на карельском был.

— Не там, значит.— Старичок нащупывал почву для разговора и тоскливо поглядывал на пустую стопку.— Я в первую мировую войну тоже в солдатах был, у генерала Брусилова. Да... А вы что же, сюда в командировку или по личному делу какому?

— Выпьем, что ли? — не отвечая на расспросы, предложил Андрей.

— Если угостите, с превеликим удовольствием! Может, графинчик?

— Давай графинчик.

Старичок обрел уверенный тон, подозвал официанта, снял кепочку, пригладил ладонями волосы. Заговорил доверительно, наклоняясь через стол:

— Наша дорога в старое время немцу фон Мекку принадлежала. Я еще застал. Как с фронта пришел раненый, так опять сюда. До прошлого года кладовщиком работал. На пенсию одну как проживешь! Пить, есть надо. Обуться, одеться тоже.

— И выпить тоже,— вставил Андрей.

— Вестимо! — Старик хитро подмигнул Андрею.— Без этого как же! Курица — она и то пьет... За ваше здоровье!

Одну за другой Андрей выпил несколько стопок. Голова закружилась, мысли пошли вразброд. Боль притупилась, осталось только глухое раздражение, которое искало выхода. Он рассеянно слушал жалобы старика, его обиды на превратности судьбы — кто-то хотел его подсидеть и уволил из кладовщиков за пристрастие к спиртному. Андрей не замечал, что старичок стал шумливым, начал задирать посетителей буфета. Откинувшись на спинку стула, старик вдруг запел «Шумел камыш, деревья гнулись», перевирая мотив и дирижируя себе отяжелевшими руками. К ним подошел сержант-милиционер. Сказал старику:

— Гражданин, не нарушайте порядок.

Старик заспорил с милиционером. Андрею надо было спросить, обязательно спросить у старика про его семейную жизнь, а милиционер не уходил, мешал. Это обозлило Андрея. Он вспылил, потребовал, чтобы оставили их в покое.

— Вам, товарищ военный, довольно стыдно так поступать! Непростительно, так сказать,— возразил милиционер.

Что произошло дальше, Андрей помнил смутно. Мелькали ка-

кие-то лица, пол в красную и белую шашку уходил из-под ног. В дежурной милицейской комнате, куда доставили Андрея и старичка, старшина составлял протокол о нарушении общественного порядка. Андрей спорил, говорил, что совершенно трезв и нечего к нему придираться. Если хотят, пусть проведут экспертизу.

Старичок, свалившись на стул, тут же заснул, и Андрей спорил один. Старшина держался сухо и вежливо. Если старший политрук настаивает, можно пригласить врача, но лучше бы ему пойти проспаться. Андрей настаивал. Старшина послал дежурного милиционера в приемный покой за врачом.

Вернулся он минут через двадцать. Андрей, перестав бушевать, сердито глядел в окно. Он повернулся к двери и замер. Нет, не может быть! С него мгновенно слетел хмель. В дверях стояла Зина в своем коричневом, таком знакомом пальто, в том самом, в котором провожала она его в прошлом году. Именно такой представлял он ее все время. Только тогда на ней была синяя блузка в горошину, а теперь пальто накинуто на белый халат.

Зина отступила назад, растерянно оглянулась.

— Андрей!.. Ты... здесь? — Губы ее болезненно дрогнули.

Андрей отвернулся, уставился в окно.

— Вас пригласил дежурный,— сказал он, не глядя на Зину.— Извините за беспокойство. Подтвердите, что от вас требует представитель милиции: старший политрук Андрей Воронцов доставлен в вытрезвиловку.

Воронцов явно бравировал своим состоянием, пытаясь скрыть гнетущий стыд за эту унизительную сцену. Вот как встретились они с Зиной! В дежурной комнате, в обществе милиционеров и пьяного старика. Расставшись близкими, любящими людьми, они стыдятся теперь поднять глаза друг на друга.

— Это ваш знакомый, Зинаида Васильевна? — Старшина облегченно вздохнул.— С кем греха не бывает... А протокольчик, конечно, можно и не подписывать.

Из дежурной комнаты вышли вместе. Андрей решил ни о чем не говорить, придерживаться строго официального тона. Скорей бы прекратить эту пытку! Но поезд уже ушел, а почтовый проходил только на следующее утро.

Вышли на привокзальную площадь. Андрей не представлял, куда денется до утра. Остановился у каменной тумбы.

— Ну что ж, прощай... Неладно все получилось.

— Прости меня, Андрей...

Зина стояла наклонив голову. Ветерок шевельнул локон, с тополя упала клейкая почка, повисла на волосах, как сережка, под ухом, у самой мочки. Вот стоит его Зина, далекая-предалекая. И еще близкая. Видимо, по инерции чувств. Такое состояние испытывают после смерти родного человека — ни разум, ни сердце еще не могут осознать потери.

— Прощать не за что. Будь счастлива...— Андрей говорил не то, что испытывал, оставался сухим, холодно-сдержанным.

— Я не хочу так, Андрей! Куда ты денешься? Поезд идет только завтра... Знаешь что, идем в дом приезжих, там можно устроиться.

— Не беспокойся, я как-нибудь сам... Каждый устраивается как может...

— Зачем так, Андрей? Зачем? — В интонации Зины Андрею почудилось что-то иное... Боль, возможно досада. Во всяком случае, не равнодушие, в котором он подозревал Зину.

— Хорошо, пойдем,— ответил он безразлично, не в силах преодолеть внутреннюю замкнутость, в которой он замуровался, как в коконе.

Через тот же скверик с подстриженными тополями молча перешли площадь. Было по-летнему жарко. На солнце Андрею стало не по себе. Путались, ускользали мысли. С ним что-то произошло. Утром, бродя по платформе, хотелось одного — скорее вытравить из сердца ненужное чувство, скорее уехать. А сейчас встреча с Зиной не то что поколебала его решение, но он стал понимать, как трудно будет ему это сделать.

В доме приезжих удалось занять отдельную комнатку — Зина ходила к заведующей. Андрей, не раздеваясь, повалился на койку.

— Я зайду еще,— сказала Зина.

— Как хочешь.— Андрей тряхнул головой, стараясь сбросить одолевавший его хмель.— Как хочешь...

Зина ушла. Андрей пытался бороться со сном, чтобы подумать. Голова закружилась, казалось, что стены, оклеенные дешевыми обоями, и койка, и потолок заходили в неистовом хороводе. Он хотел встать и не мог. Мысли ворочались медленно. «Каждый устраивается как может»,— пробормотал он и забылся в тяжелом сне.

II

Андрея мучил тяжелый и нелепый кошмар. Ему надо было во что бы то ни стало снять с Зининых волос тополевую коричневую почку. Если не снимет, произойдет что-то страшное. Это непонятное, жуткое нависало, давило, как грозовая туча. Но Андрей не мог ничего сделать. Он метался, его бросало в жар; он не мог поднять руки, будто после ранения там, у последней высоты на перешейке. Потом кто-то положил на разгоряченный лоб ком мокрого снега, и он проснулся от холодного прикосновения.

Комната была залита оранжевым светом. Косые, остывающие лучи солнца падали сквозь окно на широкие, выскобленные половицы, подползая к противоположной стене. Склонившись над ним и заглядывая в его лицо, стояла Зина. Она только что переменила компресс. Вероятно, она давно была здесь. Пальто ее висело на гвоздике около двери. Синяя, в горошину, блузка оттеняла светлые, волнистые, откинутые назад волосы. На секунду глаза их встретились. «Какая красивая, черт!» — зло подумал Андрей. На него

снова нахлынуло все, что произошло утром, днем. Рывком поднялся с койки, ладонью провел по лбу, сбросил влажный платок.

— Ну как ты, Андрей?

— Спасибо, ничего,— глухо произнес он и долгим взглядом посмотрел ей в лицо.— Почему ты не писала? Я бы понял. Зачем обманывать?

— Я не обманывала, просто не хотела написать.

— Молчание — тоже обман.

— Нет, мне было слишком тяжело. Ты не знаешь, чего мне все стоило.

— А мне легко?! Впрочем, не стоит об этом. Теперь ни к чему.

Он застегнул ворот гимнастерки, взял ремень, висевший на спинке кровати. Кто снял с него ремень? И расстегнутая гимнастерка...

Андрей вышел в коридор, плеснул из рукомойника пригоршню ледяной воды и вернулся. Зина, задумавшись, сидела у столика и теребила бахрому скатерти.

— Ты ненавидишь меня, Андрей?

— Нет. Говорят: перемелется — мука будет... Кажется, я уже переломил себя. Так вот лучше — рвать сразу, с кровью.— Он прошел по комнатке и сел снова на койку.— Зачем ты пришла?

Зина взметнула на него глаза, Андрею показалось — с тайным смятением, почти испугом.

— Просто так...

Андрей упрямо продолжал бороться с собой. Жестко сказал:

— Признаюсь, я всегда сомневался, можно ли надеяться на тебя, можно ли опереться в тяжелую минуту. Особенно почувствовал это на фронте. Мне трудно было без писем. Ты не поняла этого, жила по настроению, будто ничего не случилось в мире. А ведь шла война. Понимаешь, война! Трудно воевать, когда в душе пустота... Как не понимают этого люди!

— Надо понимать и другое: война не властна над чувствами.

— Мы по-разному думаем. Я говорю о чувстве ответственности.

— Ты слишком прямолинеен.

— Не знаю...

Они замолчали, уверенные каждый в своей правоте. Андрей почему-то вспомнил о Галине, медицинской сестре. Кажется, она могла полюбить его. Может быть, полюбила. Возможно, он снова идеализирует, но такие женщины любят только раз и уже навсегда. Если бы такой была Зина!

Однажды — Андрей уже поправлялся — он вышел из палаты на перевязку. В перевязочной собралось много раненых, он не стал ждать и вернулся. Галину застал стоящей на табурете среди палаты — она подвязывала к лампе марлевый абажур. Увидела Андрея, смутилась, будто застали ее на месте преступления. Убежала из палаты. Андрей и раньше замечал: то на окне появится марлевая занавеска, то скатерка на тумбочке, то букетик подснежников — трогательные, теплые знаки внимания.

С того дня Андрей сторонился Галины, не давал ей никакого повода. Может быть, этого и не стоило делать?

Словно отвечая на собственные мысли, Андрей сказал:

— Как много значит внимание близкого человека!

Ему хотелось, чтобы внимание, чуткость исходили от Зины. Пришла же она сейчас навестить его, когда все кончено! Да, запоздалая чуткость. И все же где-то в глубинах сердца испытывал он не благодарность, нет, но что-то похожее, скорее чувство удовлетворенного самолюбия — за компресс, за расстегнутый ворот гимнастерки, за то, что пришла. Значит, не совсем уж он безразличен ей.

А Зина и сама не знала, зачем пришла. Кончила работу и зашла. Уверяла себя: может, Андрею плохо, может, нужно помочь. Она отстраняла другую причину — уязвленное самолюбие. Андрей приехал и не захотел видеть? Почему? С эгоизмом избалованной, красивой женщины она начинала искать вину не в себе, но в поведении Андрея. Это он не удержал ее от неверного, опрометчивого шага. Он опытнее, старше... Потом... Конечно, Андрей не безразличен ей. Как не поймет он, что может она увлечься кем-то другим! Сердцу не прикажешь. Думала, что возникло новое, глубокое чувство. Оказалось, не то...

Зине не хотелось спорить с Андреем, тем более ссориться. Если так произошло, можно расстаться друзьями. Она смотрела на осунувшееся, помятое лицо Андрея, на морщинку, запавшую между бровями. Конечно, ему тяжело, но он хорошо держится. Шевельнулось чувство раскаяния.

Андрей повторил:

— Да, внимание и чуткость. Тебе этого как раз не хватало.

— Ты думаешь? — укоризненно возразила Зина. «Почему такой колючий?» — Значит, ничего ты не понял, Андрей. Я признаю только искренность. Без искренности не может быть чуткости. Мужчины любят говорить о чуткости: чуткость, чуткость, забота, внимание...— Она заговорила взволнованно, словно искала оправдания: — Вы не понимаете одного — забота часто бывает искусственной. Глаженая сорочка, вовремя обед, милые улыбки, что-то еще... Фу, мещанство! Но все это может быть фальшиво, неискренне... Нет, не могу так!

— Ну, видишь ли,— Андрей усмехнулся,— трудно сказать, что хуже: неискренняя забота или искренние небрежность и невнимание. Я так думаю.

Не сдержавшись, Зина заспорила. Андрей слушал и думал: какие все-таки они с ней разные! И все же Зина влекла его. Как жаль, что все так получилось!

Как ни странно, разрыв вызывал на откровенность. Так сидели они, охваченные противоречивыми, меняющимися чувствами, отчужденные и настороженные. Легкоранимые, находили они непонятную, грустную сладость в последнем разговоре друг с другом.

Сноп побагровевших лучей переполз на стену, поднялся к потолку и растаял. В комнате сгустился сумрак. Андрей почти не

различал Зининого лица. Он не мог уже следить за его выражением. Молчали и начинали снова.

— Ты упрекаешь меня в нечуткости, в эгоизме, говоришь о тяжести фронтовой жизни, физических лишениях... Прости меня, но это разве не эгоизм? Ты полагаешь, что физические лишения труднее переносить, чем моральные травмы. Как бы я хотела поменяться с тобой ролями!

Зина готова была упрекать Андрея в черствости. Голос ее дрогнул. Если бы он знал, что пришлось ей пережить! Сколько было колебаний, сомнений, прежде чем решилась она на этот шаг, на уход от Андрея! Зине стало жалко себя, так жалко, что на глазах навернулись слезы. Теперь она тоже одна. Об этом Андрею она ничего не скажет. Все равно не поймет... Вот где его эгоизм!

— Это не так. Я много думал о человеческих отношениях. Особенно в госпитале.

— Ты разве был ранен? — спросила она с тревогой.

— Да. Ты об этом даже не знала.

— Но теперь ты здоров?

— Как видишь.

— Почему же ты не написал мне?

— Зачем? Я не хочу уподобляться калеке-нищему, который обнажает свои культи, чтобы вызвать сострадание. Жалость — самое противное чувство. Оно унижает.

— Вот видишь! А сам упрекаешь меня в нечуткости!

— Не понимаю.— Он и в самом деле не понимал, ему трудно было следить за мыслями Зины. Разговор ничего не прояснял.

— В том-то и дело. Ты многого не понимаешь.— Зина подавила тяжелый вздох.— Ну что ж, надо идти.

Она так и не сказала главного, ради чего, собственно, и пришла. Андрей не спрашивал ее ни о чем. Разве это не проявление бездушия, черствости?

Андрей промолчал. Стиснув виски руками, он сидел недвижимо. Зине даже показалось, что он не расслышал ее последней фразы.

— Пойду я...

Андрей не удерживал, однако ему не хотелось, чтобы она уходила.

— Так, значит, все?

— Что же еще? На днях я уезжаю отсюда.— Это было то главное, что хотела она сказать.

— Куда, если не секрет?

— В Москву. Я не могу больше здесь оставаться.

— А как же...— Андрей не договорил.

Зина поняла вопрос.

— Тебя это, кажется, не интересует. Я ушла... Вернее, решила уйти от него.

Андрей оторвал от висков руки, силясь разглядеть Зинино

лицо. Было уже темно, и Андрей ничего не увидел. Ему все время казалось, что хотя они были рядом, но Зина находилась далеко-далеко. Сейчас она словно приблизилась.

— Послушай, скажи наконец, что же произошло? Он знает об этом?

— Зачем ему знать? Я решаю сама.

— Значит, снова обман.

— Обман? Прежде всего не надо обманывать самое себя. Я живу по велению чувств.

— Чувств? Чувства все-таки не перчатки.

— И не оковы. Разве ты осуждаешь Анну Каренину?

— Нет, не осуждаю. Если бы все так умели любить, как Каренина! Наоборот, она служит примером глубокого, огромного и постоянного чувства. Впрочем, если говорить об идеале, я предпочитаю некрасовских женщин, у которых любовь, долг, верность превращаются в подвиг.

— Не знаю. Мне, например, трудно, невыносимо жить в этой глуши. Я тоскую без Москвы, без друзей. Все так обыденно, скучно. Можно прокиснуть. Нет, я не создана для таких подвигов. Жизнь должна быть красивой... Можешь ли ты понять хотя бы это? Нельзя превращать мир в какую-то келью. Я пятый месяц торчу здесь в приемном покое, занимаюсь примочками, грелками, клизмами... Стоило ради этого тратить пять лет в институте! Ни уму, ни сердцу. Тоска!

Зина высказывала Андрею то, что накипело в ее душе. Она была уверена, что права. Она готова была упрекать его в ограниченности.

— Но кто-то должен заниматься всем этим?

— Пусть кто-то и занимается. А я не могу. Не могу — и все!

— Но как же ты бросишь работу?

— Работу! Для этого нужно призвание. Ты говорил о войне, физическом напряжении, опасности. Попробовал бы ты провести здесь хоть один месяц! С утра приемный покой, общество сиделок, а дома тоже одна. Василий спит и видит свои породы, образцы, геологические разрезы. То уезжает в экспедиции, ищет нефть, то заседает и снова бредит пустыми породами... Рядом нет ни одного свежего человека. Уж лучше опасность, чем скука. Я поступаю в аспирантуру. Буду хоть жить в Москве.

За весь вечер Зина впервые назвала имя мужа, вероятно уже бывшего. Кольнула ревность,— не все ли равно, бывший или настоящий?

— Его и сейчас нет?

— Нет. Уже месяц.

— Поэтому ты и ждала брата?

— Ты же знаешь, у меня нет брата...

В самом деле, про какого брата говорила хозяйка? Андрей только сейчас сообразил это. Какой брат?

— Я снова ничего не понимаю. Ничего. Кого же ты ждала? Говори!

Андрей услышал сдерживаемые рыданья. Зина плакала, уронив голову на руки.

— Говори! — Он протянул в темноте руку, положил на ее колено.— Говори, говори же!..— Зина показалась ему беспомощной маленькой девочкой.— Слышишь, скажи...

— Нет, нет! Я знала, что ты приедешь... Прости меня! Мне надо идти.

Она порывисто встала. Андрей поймал ее руку. Зина стояла безвольная, опустив голову. Он привлек ее к себе. И все, о чем они говорили, о чем спорили, вдруг отошло, затянулось туманом. Ведь он любил ее, она оставалась для него той, какую создал, ждал и, казалось, уже потерял...

Через день они уехали вместе. Зина была робко-заботлива, нежна. Но где-то глубоко-глубоко Андрей чувствовал, что сделал он что-то не то. И все же он был счастлив.

Поезд на станции стоял десять минут. Когда они сели в вагон, Андрей вспомнил — надо купить газету. Побежал на вокзал, протолкался к киоску. Поезд уже тронулся, когда Андрей снова появился на перроне. В окно тревожно смотрела Зина. Вскочил на подножку и болезненно сморщился — раненое плечо давало себя знать. В купе развернул газету. На первой полосе было напечатано сообщение — на западе германские войска перешли бельгийскую границу.

III

В пятьдесят два года Вальтер Канарис получил звание адмирала, хотя последние двадцать лет не служил в морском флоте. В отличие от других флотских офицеров, его военная карьера складывалась совершенно иначе. Долгое время оставаясь в тени, он вдруг начал преуспевать и продвигаться по служебной лестнице значительно быстрее своих коллег, избравших жизненной целью капитанские мостики военных кораблей.

Когда-то и Канарис, в те годы молодой лейтенант с крейсера «Дрезден», мечтал о морской карьере. Но худощавый, невзрачного вида, низкорослый и хилый офицерик, прозванный «маленьким греком», не внушал уважения. Его внешность постоянно служила предметом насмешек приятелей: из Канариса не выйдет толку, до седых волос он так и будет ходить в лейтенантах. Это раздражало и озлобляло, заставляло замыкаться в себе. Он мрачнел, глаза его загорались недобрым огнем, но Канарис умел себя сдерживать. Тем временем годы шли, будто бы сбывались пророчества сослуживцев — под тридцать лет он все еще был лейтенантом.

События первой мировой войны изменили судьбу неудачника. После морского боя, разыгравшегося где-то на краю земли, крейсер «Дрезден» спасался бегством, преследуемый британскими кораблями. Уходить было некуда, и легкий крейсер выбросился на

скалистый чилийский берег. Команду разоружили. Несколько месяцев моряки жили на заброшенных, будто забытых богом островах Хуана Фернандеса.

Но «маленький грек», вопреки своей внешности, оказался человеком железной, настойчивой воли. В его тщедушном теле дремали недюжинные силы. Канарис бежал с острова на материк, безлюдными горами пробрался в порт Вальпараисо. В каком-то притоне его снабдили паспортом на имя чилийца Редо Расоса. Темный, неопрятный субъект кроме денег потребовал за паспорт расписку — так, пустяковую, какое-то обязательство. Он подписал, еще не подозревая, какую роль сыграет бумажка в его дальнейшей судьбе. Для него цель оправдывала любые средства. Любой ценой он должен очутиться в Берлине. Там ждала его женщина. Ждала ли? Он ревновал и готов был на все, хотя бы броситься к дьяволу в пекло.

Кочегар Редо Расос уплыл в Европу. Голландское судно шло через тропики. Пеклом оказалась котельная парохода. Ртутный столбик не опускался ниже семидесяти градусов — в аду прохладнее. Канарис выдержал. Он стремился в Берлин.

Пароход зашел в Плимут — промывали котлы. Кочегар считал дни, когда снова назовет себя Вальтером.

Это произошло быстрее, чем он думал. Перед выходом в море кочегара вызвал к себе чиновник Интеллидженс сервис. Он перелистал паспорт Редо Расоса, скривил рот в усмешке.

— Послушайте, Вальтер Канарис,— сказал чиновник Интеллидженс сервис,— давайте без дураков. Вы германский шпион. Время военное. Я могу вам обещать только петлю или...

Канарис предпочел дать подписку — согласен работать для британской разведки. Он только недоумевал: как англичане могли прознать его имя? Неужели продал тот чилиец из Вальпараисо, торговавший фальшивыми паспортами?

Канарис приплыл в Роттердам и через голландскую границу вернулся в Германию. Да, женщина ждала его, приняла его предложение, но свадьба будет только после войны. Она не хочет, чтобы муж покидал ее надолго. И снова начались терзания, ревность. Женщина была красива, очень красива. Ее считали первой берлинской красавицей. А Вальтер Канарис должен был часто выезжать из Германии.

На флотского лейтенанта обратили внимание. Нужно иметь талант, чтобы в военное время из Южной Америки пробраться в Германию. Его принял патриарх немецкой военной разведки Вильгельм Николаи. Потом Канарис то появлялся в Италии, то уезжал в Испанию. Под видом бродячего мастерового проник в Португалию. Занимался там снабжением немецких подводных лодок на атлантическом побережье.

В Мадриде он завлек в свои сети танцовщицу Маргариту Зааль, более известную на подмостках европейских столиц под именем Мата Хари — Свет Зари, как звучало это на поэтическом

языке арабов. Дочь индонезийки и голландского колониста, она провела детство в буддийском храме, обучаясь искусству священных танцев, но тишину восточных храмов сменила на шумные, блистающие огнями европейские мюзик-холлы. Исполнительнице экзотических танцев всюду сопутствовал бурный успех. Канарис учел это — Мата Хари может стать хорошей шпионкой. Он познакомился с ней в мадридском Трокадеро, выдал себя за богача офицера, сделал вид, что безумно влюблен в танцовщицу, готов жениться на ней, вот только кончится война...

Путем интриг, угроз, обещаний «маленький грек» добился своего — Мата Хари стала его агентом и любовницей. В Париже салон модной танцовщицы посещали дипломаты и генералы, промышленники и министры, Мата Хари поставляла важную информацию немецкой разведке. Тем временем Канарис успел запродать Мата Хари другим разведкам, она стала агентом-двойником. Но поведение танцовщицы вызвало подозрение, за ней стали следить, и Мата Хари, почувствовав недоброе, вернулась в Мадрид. Канарис сразу понял — она накануне провала. Теперь она не представляла для него никакой ценности, и Канарис решил форсировать события. Тщетно Мата Хари умоляла его не посылать ее на задания — она устала от двойной жизни, пусть Вальтер оставит ее в покое. Но теперь Маргарита Зааль была в его власти. Канарис приказал танцовщице вернуться в Париж, а другой шпионке — Елизавете Шрагмюллер — поручил выдать Мата Хари французской разведке.

Таков был Канарис. Человек авантюристического склада, холодный и жестокий, он всегда был обуреваем жаждой приключений и чувством ревности. Его охватывали то азарт, то тревога, но побеждало всегда честолюбие. Помочь Мата Хари уже никто не мог. Ее пытался спасти русский штабс-капитан Маслов, влюбленный в танцовщицу-шпионку, но из этого ничего не вышло. Военный атташе граф Игнатьев, к которому обратился его сотрудник Маслов, уклонился от этого деликатного дела. Мата Хари вскоре казнили в Венсенне. Штабс-капитан Маслов с горя постригся в монахи, а Вальтер Канарис находился уже на другом континенте.

В конце войны на подлодке Канарис переплыл океан, бродил по Америке, выдавал себя за австрийца, торговца мандолинами, скрипками. Хранил в футлярах взрывчатку, готовил диверсии. Его раскрыли. Австрийца Майербера снова назвали Канарисом, и снова он дал подписку, теперь уже американской разведке. Чилиец запродал его расписку и в Лондон, и в Нью-Йорк.

Расстрел Мата Хари встревожил Канариса. Он тоже был двойником, хотя иностранные разведки не требовали пока никаких услуг. Но его не трогали. Первая мировая война закончилась поражением Германии. Канарис стал адъютантом берлинского полицей-президента Носке. Красные подняли голову, восстали спартаковцы. В те дни в приемной Носке появился самоуверенный незнакомец, говоривший с сильным английским акцентом. Попросил уделить несколько минут для конфиденциального разговора.

Назвался представителем американского штаба. Говорили с глазу на глаз.

— Господин Редо Расос,— обратился он к Канарису,— не кажется ли вам, что в Германии усиливаются симпатии к русским, к большевикам? Не слишком ли назойливы разговоры о требовании союза с Советской Россией? — Американец, не спрашивая разрешения, закурил сигарету.

— Чего вы от меня хотите?

— Очень немногого. Передайте вот это господину полицей-президенту Носке. Это может заинтересовать его.

Канарис прочитал протянутую ему бумагу. В ней сообщалось о расположении красных в Берлине. В приложенном плане центра города были отмечены гнезда сопротивления восставших спартаковцев. Берлинская полиция не располагала такими данными. Американский штаб, поселившийся в отеле «Адлон», знал через своих агентов гораздо больше, чем полицей-президент.

— Это все?

— Да. Если не считать такой же справки по Гамбургу.

— Благодарю вас. Если сведения достоверны, они помогут нам. Стоило ли ради этого вспоминать Чили? Прошу вас вести себя более осторожно.

Американец ушел. Сведения оказались точными. Солдаты Носке подавили мятеж на Александерплац. Красные пытались укрыться в подвалах, их обнаружили и расстреляли.

Вскоре Канарис был в Гамбурге. Он сопровождал Носке. В Гамбурге тоже подавили восстание красных — ими руководил Эрнст Тельман.

Если будут такие задания, Канарис не станет возражать против совместной работы с американцами. Их взгляды не расходились с настроениями адъютанта Носке. Пусть красные называют шефа кровавой собакой, он считал — в Германии должен быть наведен полный порядок. Любыми мерами.

Ради наведения порядка Канарис сам принял участие в ликвидации двух вожаков коммунистов — Либкнехта и Люксембург. Их убили в середине января девятнадцатого года. Канарису пришлось для виду возглавить следствие. Слишком много шуму вызвала эта история. Вину свалили на морского офицера Фогеля. Красные поприутихли. После этого Канарис посетил в тюрьме Фогеля, передал ему фальшивый паспорт и помог бежать из Германии.

Порядок, как понимал его адъютант берлинского полицей-президента, медленно восстанавливался. Немецких коммунистов заставили утихомириться. Американцы помогли в этом.

Вздыбленная, взбаламученная социальными конфликтами Германия, как послештормовое море, утихала под действием террора и американского золота. Казалось, и в личной жизни честолюбивого флотского офицера наступил просвет, сулящий безмятежное счастье. Невеста Канариса стала наконец его женой. Поселились они в Целендорфе, в аристократическом районе Берлина. Но беспредметная ревность, острая, как боль в печени, продолжала тер-

зать Канариса. В присутствии жены он вдруг начинал ощущать всю свою неполноценность, стал ненавидеть зеркало, отражавшее его рядом с изящной, точеной фигурой красивой женщины. Он приходил в неистовство от одной мысли, что жена может предпочесть кого-то другого. Он мучил ее подозрениями, упреками, ревновал ко всем. После ночных объяснений, припадков неистовой ярости и унизительной мольбы простить, сжалиться утром вставал разбитый, еще более бледный, скрывая от окружающих свои треволнения.

Внешне же они выглядели счастливой парой.

Каждый отъезд превращался в мучительную пытку. А уезжать, расставаться приходилось по-прежнему часто. Все больше в нем развивались мнительность и озлобленная жестокость. Приближение фашизма Канарис встретил с нескрываемой радостью. В Киле он возглавил морскую разведку. Засылал шпионов во все порты мира. Носился с идеей тотального шпионажа, который пронизывал бы все звенья государственного аппарата. Это требовало времени, постоянных разъездов и тем самым вызывало новые приступы ревности. Сетью осведомителей он опутал все доки. Его люди проникали в рабочие клубы, на фабрики, срывали забастовки, вербовали штрейкбрехеров. Неведомыми, темными путями создал «фонд Канариса» для пропаганды фашизма, стал приближенным человеком Адольфа Гитлера.

Поджог рейхстага, фашистский переворот подняли Канариса. Вскоре он стал контр-адмиралом, перескочив сразу несколько воинских званий. Еще было не ясно, как сложатся отношения с Италией Муссолини. Это следовало знать. С поручением Гитлера Канарис отправился в Рим. Его преследовали неудачи, он провалился, попал в итальянскую тюрьму.

Следствие грозило затянуться надолго. Еще не известно, чем оно могло кончиться. А Канарис стремился в Берлин, его испепеляла ревность, такая же жгучая, как десять — пятнадцать лет назад. Стража была неподкупна, тюрьма прочна, и бежать не представлялось возможным. Но Канарис перешагнул через невозможное. Он облекся в личину раскаявшегося католика, пригласил священника из соседнего с тюрьмой монастыря. Узник располагал к себе умиротворенной скорбью. На его глазах появлялись слезы раскаяния. Каждый раз, прощаясь с пастырем, заключенный падал на тюремную койку и, закрыв голову руками, долго и недвижимо лежал, уткнувшись в подушку.

Стража привыкла к посещениям священника, к поведению кающегося шпиона. Но Канарис не тратил времени даром. В долгих душеспасительных беседах он зорко приглядывался к духовному пастырю, изучал его походку, движения, жесты. Оставаясь один, подражал его голосу. В последний раз священник пришел в камеру в сумерках. Он сел спиной к двери на табурете, и узник встал перед ним на колени. Они мирно беседовали, как вдруг заключенный вскинул внезапно руки и с неистовой силой стиснул горло пастыря. Карабинер, заглянув в «волчок», увидел стоявшего на коленях аре-

станта и священника, склонившего над ним голову. Растроганный карабинер спокойно отошел от двери: дай бог преступнику вернуться на стезю добродетели! Карабинер был добрым католиком.

Через несколько минут на условный стук сторож отомкнул двери камеры, выпустил священника. Пастырь, как обычно, благословил кованую дверь, поклонился и медленно, шаркающей походкой пошел к лестнице. Запирая дверь, карабинер заметил узника, который лежал на койке, уткнувшись лицом в жесткую тюремную подушку.

Задушенного священника нашли только поздно вечером, а Вальтер Канарис через несколько дней был в Германии.

С очередным званием вице-адмирала Канарис получил назначение — начальником главного разведывательного управления вооруженных сил Третьей империи. Теперь он обладал могучей тайной властью. В его руках находились все нити военной разведки, шпионажа в стране и за ее рубежами. Ему доверял Гитлер. Канарис подкупал, вербовал политических деятелей Европы. Польский министр иностранных дел Бек, французский премьер Лаваль, норвежский майор Квислинг, многие другие оказались в секретном списке завербованных людей. На них можно было делать ставку в большой международной игре. Но и сам Вальтер Канарис продолжал числиться в таких же тайных списках иностранных агентов английской Интеллидженс сервис и американской Си-ай-си. Однако времена изменились. Всесильный начальник имперской разведки не считал себя агентом, только единомышленником реакционных политиков западных стран, он разделял их ненависть к Советской России, подогревал Гитлера, подталкивал его на восток. Для того имелись большие возможности. Прежде всего разведсводки. Он сам подправлял их, преуменьшал военную мощь Советской России. В случае чего всегда можно сослаться на неточность полученных сведений.

На его письменном столе в рабочем кабинете стояла бронзовая безделушка — три маленьких обезьянки. Но это были совсем не те обезьянки, привезенные с буддийского Востока, которые не видели, не слышали, не говорили. Нет, Канарису импонировало другое. Обезьянка, сидевшая с заткнутыми ушами, вдруг насторожилась и, приложив к уху ладошку, сосредоточенно что-то подслушивала. Другая, подавшись вперед, глядела своими проворными глазками куда-то вдаль, подглядывая то, чего не видно другим. И только третья обезьянка осталась все в той же позе: она плотно зажимала ладонями рот. Все вижу, все слышу, молчу! Вальтер Канарис сделал эту статуэтку символом своей работы, символом всего абвера. Он приказал изготовить тысячи таких статуэток, чтобы каждый разведчик помнил, как он должен себя вести.

Конечно, у «маленького грека» были свои враги, завистники. Наиболее опасным он считал Гейдриха, может быть, Гиммлера. С ними пришлось столкнуться вскоре после того, как Вальтер Канарис возглавил абвер — имперскую разведку. При всей проницательности, Канарис не смог разгадать сокровенных пружин, рыча-

гов, сложных ходов, запутанного лабиринта интриг в деле военного министра фон Бломберга. Ему казалось, что Гейдрих, так искусно свалив военного министра, рикошетом хочет нанести удар в солнечное сплетение ему, начальнику абвера. Канарис давно дружил с маршалом Бломбергом. Мог ли подумать Канарис, что душой провокации оказался сам Гитлер, который продолжал сосредоточивать у себя не только гражданскую, но и военную власть в империи! Строптивый маршал стоял на его пути, так же как Фриче — верховный главнокомандующий.

Поводом к низвержению послужила свадьба престарелого маршала. Он женился на секретарше Эрне. Фон Бломберг заранее получил согласие Гитлера. Гитлер согласился охотно, даже выразил желание участвовать в церемонии. Скандал разразился на другой день, когда Гейдрих через Гиммлера представил полицейскую справку: Эрна Грюбер — профессиональная проститутка. В подтверждение Гейдрих представил желтый билет на имя Эрны, урожденной Грюбер, ставшей фрау фон Бломберг. На билете стояли полицейские штампы нескольких городов. Гитлер неистовствовал, считал, что маршал скомпрометировал его, пригласив на свадьбу. Гитлер уволил в отставку фон Бломберга, приказал ему на время покинуть Германию. Маршал с женой уехали в Италию — в затянувшееся, печальное свадебное путешествие.

Канарис сам не раз устраивал подобные провокации. Он сразу узнал почерк Гейдриха, своего ученика по школе разведчиков. Сомнения подтвердились — помог Гизевиус. Гейдрих сфабриковал дело о проституции Эрны Грюбер. Произошло резкое объяснение с Гейдрихом, но дело было сделано. Ученик вел себя нагло, они расстались врагами. Канарис так и остался в неведении, что западню маршалу расставил сам Гитлер.

В системе перекрестного сыска Канарис оставался непревзойденным специалистом. Гейдриха следовало обезопасить. На всякий случай он переправил в Испанию все материалы, компрометирующие Гейдриха. Дал указания: в случае опасности, например своего ареста, опубликовать их в печати. В Испании еще с того времени, когда он готовил заговор Франко против республики, у «маленького грека» имелись надежные люди.

В таких условиях, при таких обстоятельствах приходилось работать Канарису. Он обходил подводные камни, жил в атмосфере интриг, расставлял западни, раскрывал планы своих противников. И все это делать так, чтобы ни единым мускулом не выдать своих чувств, настроений! С годами «маленький грек» приобрел манеры рассеянного, медлительного профессора, с ленивыми жестами, с тихим голосом проповедника или учителя. Лишь проницательные, горящие сухим блеском, как у туберкулезного, глаза выдавали скрытую энергию и жестокость. После светского приема он мог поехать в тюрьму, зайти в камеру числящегося за ним заключенного, истязать его на допросе, хлестать плетью, пытать и, брезгливо отерев платком кровь на руке, поправить в петлице белый цветок, с которым он появлялся в обществе.

Казалось, начальник абвера получал внутреннее удовлетворение в жестоких истязаниях узников. Он находил в этом выход переполнявшей его ярости, ревности к женщине, ставшей почти ненавистной за свою красоту. С ним был случай — это произошло вскоре после побега из итальянской тюрьмы,— когда ночью в слепом неистовстве Канарис бульдожьей хваткой впился руками в обнаженные плечи жены; он готов был задушить ее. Женщина пыталась вырваться, но у нее не хватило сил. Сквозь зубы она бросила:

— Уйдите, Вальтер, мне больно. Вы мне противны! Слышите? Спальня не камера, где вы задушили священника. Уйдите! — Она знала, что произошло в Италии.

Несколько дней Канарис спал в кабинете. Тогда он был особенно жесток с заключенными. Канарис мстил им за ночную сцену. В ушах стояла фраза: «Вы мне противны! Слышите?» Он задыхался от ярости. И все же вне дома, вне следственной камеры адмирал оставался утомленно-медлительным, спокойно-уравновешенным — флегматичный, дремлющий удав.

Канарис не выносил ни зеркал, ни фотографий. Он запрещал фотографировать себя, тем более публиковать снимки в журналах, газетах. Осторожность и опыт разведчика подсказывали, что надо оставаться в тени. В любых справочниках трудно было обнаружить имя адмирала Канариса, начальника имперской разведки.

Его отношения с Западом становились все более сложными. Из Лондона, Вашингтона требовали информации, но он стремился быть независимым. Давал только то, что считал нужным. Втянутый в военную оппозицию, сделался еще осторожнее. Ходил точно по острию ножа — канатоходец над пропастью,— тщательно взвешивая каждый шаг и движение. Звание адмирала, присвоенное под Новый год, служило как будто бы добрым предзнаменованием. Гитлер ничего не подозревал, доверял и ценил заслуги Канариса, но последние события настораживали. Начальник абвера чуть не последним узнал о предстоящем наступлении на западе. Почему?

Конечно, он знал о сосредоточении войск, знал их дислокацию, сам докладывал Гитлеру о соотношении сил на западе. Оно было не в пользу Германии — сто тридцать шесть англо-французских дивизий против ста двадцати шести немецких. На этот раз начальник абвера дал точные данные. Это успокаивало,— не может же Гитлер бросать войска в наступление, не имея превосходства в наземных силах! Передвижение войск считал очередным блефом, дипломатической игрой, стремлением оказать давление, чтобы заключить мир на западе. И вот приказ — на рассвете начнется вторжение.

Канарис давно не бывал в таком затруднительном положении. Следовало хотя бы в последний момент предупредить англичан. Пусть знают, что он по-прежнему ориентируется на Запад и не разделяет авантюристических настроений Гитлера. Но как это сделать? Даже «странная война» нарушила прямые связи, приходилось действовать окольными путями. Для этого нужно время, а до начала вторжения оставалось меньше полсуток. Адмирал посмотрел

на часы — да, совещание у Гитлера закончилось в шесть, сейчас начало седьмого. До четырех утра остается немногим больше десяти часов.

Из имперской канцелярии, где происходило заседание, проехал в абвер. Медленно, ленивой походкой прошел в кабинет, попросил соединить с Гизевиусом. Пусть сам изыщет возможности. Гизевиуса найти не удалось. Из полиции уже уехал, домой не возвращался. Исчезает как раз в тот момент, когда особенно нужен!

Пригласил Остера, своего заместителя. Остер также входил в военную оппозицию. Кажется, у него есть связи с голландским атташе.

Пришел Остер. Попросил его закрыть дверь. Коротко рассказал о содержании приказа. Канарис помнил его:

«Армейская группа «Б» под командованием фон Бока в составе 28 дивизий составляет правый фланг наступающих войск. Перед группой поставлена задача захватить Бельгию и Голландию и прорваться во Францию.

Армейская группа «А» сформирована из 44 дивизий под командованием фон Рунштедта. Она расположена на фронте от Аахена до Мозеля. Составляет основной ударный кулак.

Армейской группой «С» командует фон Лееб. Дислоцируется от Мозеля до швейцарской границы. Насчитывает 17 дивизий. Имеет подсобное значение. Прикрывает левый фланг наступающих войск.

Остальные дивизии составляют резерв главного командования».

— Как вы думаете, Ганс,— Канарис с Остером был на короткой ноге,— не кажется ли вам, что следует предотвратить эту нелепость?

— Да, нам не надо ссориться с Западом. Я предпочитаю действия на востоке.— Остер кивнул на лозунг, висевший в тонкой рамке над письменным столом начальника имперской разведки: «Просачивайся, разлагай, деморализуй».— Но не слишком ли поздно, адмирал? Что можем мы сделать?

— По этому поводу я вас и пригласил. Подумайте. Наступление начинается в четыре часа утра.

— Хорошо, я попробую кое-что предпринять. Не будем терять времени. Мне нужно встретиться с подполковником Засом.

Остер позвонил из автомата голландскому военному атташе. Условились встретиться на Унтер-ден-Линден в цветочном магазине.

Через час после того, как Гитлер отдал приказ о наступлении, об этом стало известно голландскому агенту. Нечего было и думать, чтобы передать информацию, предположим, диппочтой. Время не ждало. Он находился в цейтноте. Подполковник Зас через междугороднюю станцию заказал Роттердам. Его соединили с частной квартирой. После обычного и малозначащего вступления подполковник сказал:

— Я очень встревожен: завтра у жены предстоит операция. Да,

воспаление надкостницы. Придется удалять зуб... Да, да, рано утром.

Военный атташе повесил трубку. Через час его вызвали из Роттердама. Предстоящая операция обеспокоила родственников жены.

— Скажите, вы уверены, что нужна операция?

— Да, к сожалению, это так.— Подполковник по голосу узнал своего шефа — начальника разведки.

— Но вы хотя бы консультировались с одним или несколькими врачами? Был ли консилиум?

— Повторяю: консилиум подтвердил тот же диагноз. Операция необходима. Жена уже в клинике. Оперируют ее завтра утром. Меня это очень волнует.

Полковник Зас впервые пользовался таким наивным шифром. Конечно, гестаповцы уже записали первый разговор на пленку, успели доложить Гитлеру. Но терять теперь нечего. Он добавил:

— Сообщите Нелли, пусть она молит бога о здоровье сестры. Удалять зуб будут очень рано, в четыре утра.

Нелли — это Лондон. С натяжкой это можно еще назвать шифром. Но что за медицинские операции в четыре утра? Абсурд! Ладно, не имеет значения...

Военный атташе вызвал сотрудников. Надо подготовиться. В горящий камин полетели шифровальные коды, секретные донесения, документы, которые хранились в сейфах.

IV

Десятого мая 1940 года германские войска, нарушив нейтралитет и неприкосновенность границ, внезапно, не объявляя войны, вторглись в пределы Бельгии, Голландии и Люксембурга. На рассвете того дня оборвалась «странная война», которая шла на западе в течение восьми месяцев. Через несколько дней танковые колонны фон Клейста подошли к французским границам.

Командование союзными армиями теоретически допускало возможность немецкого наступления. Но генералы, в том числе и Гамелен, были уверены, что если наступление и произойдет, то противник, повторяя план столпа германской стратегии фон Шлиффена, будет наносить удар сильным правым плечом своего фронта. План фон Шлиффена немцы уже использовали в первую мировую войну. Генерал Гамелен, апостол контратак и позиционной борьбы, спокойно и самоуверенно относился к возможности германского наступления. Он много лет стоял во главе французского генерального штаба. Воспитанный на опыте первой мировой войны, Гамелен не допускал, что противник совершит такой, как ему казалось, неверный и опрометчивый шаг. Его «План Д», хранившийся в сейфах генерального штаба, предусматривал тактику футбольного вратаря — вырваться вперед, отбить мяч и расстроить любую комбинацию немцев. Англо-французские войска должны были встретить противника на бельгийской территории, измотать и разбить его на подступах к укрепленной линии обороны.

Французская военная доктрина, сложившаяся после войны, основывалась на том, что современные средства обороны гораздо эффективнее средств наступления. Классическим примером, подтверждающим справедливость принятой доктрины, могла служить битва за Верден. Имея двойное превосходство в пехоте и четырехкратное в артиллерии, немцы в десятимесячных кровопролитных боях шестнадцатого года так и не смогли захватить Верденский укрепленный район. Потеряв свыше шестисот тысяч солдат, они не добились успеха. Верден стал синонимом несокрушимой стойкости.

Послевоенные годы внесли новый и убедительный довод в пользу господствовавшей доктрины. От швейцарской границы до Люксембурга, на протяжении семисот пятидесяти километров, выросла мощная оборонительная линия Мажино — чудо современных фортификационных сооружений. Она не могла идти ни в какое сравнение даже с Верденским укрепленным районом. Генерал Гамелен не делал из этого тайны. Наоборот, всеми возможными средствами он рекламировал прочность фортов линии Мажино, плотность и многослойность перекрестного огня на западной границе. Пусть знают об этом немецкие генералы!

«Психология Мажино», господствовавшая в умах французских генералов, вдохновлялась дипломатами Запада. Государственные политики Западной Европы искали выход в соглашении с нацистской Германией, стремясь толкнуть ее на восток, против России. Опираясь на линию Мажино, военные и дипломаты не принимали всерьез возможности германского наступления. Их мысль работала в ином направлении — в течение зимы на заседаниях Верховного военного совета, объединившего усилия англо-французских штабов, непрестанно стоял один и тот же вопрос: «Помощь Финляндии».

Военно-дипломатические интриги ослепляли, кружили головы.

Десятого мая наступила расплата.

В отличие от плана Шлиффена, вопреки предположениям и расчетам, немцы избрали направление главного удара значительно южнее — по линии Маастрихт — Седан, через Намюр, используя долину Мааса. Ударные отряды германских солдат, одетых в голландскую форму, захватили мосты через Маас и канал Альберта в районе Маастрихта. Войска французского генерала Бийота, покинув оборонительные сооружения, согласно плану, двинулись по бельгийским дорогам на встречу с противником. В деревнях им подносили цветы, а тем временем семь бронетанковых дивизий фон Клейста уже рвались вперед через арденнские, якобы недоступные, леса и горы к Седану. Французские ворота оказались открытыми. Началась битва за Францию.

V

Чиано недоумевал: по какому поводу Маккензен устроил банкет в немецком посольстве? Почему так настойчиво приглашал? Посол всячески старался задержать гостей на приеме. Уехать до-

мой удалось только в первом часу ночи. Немцы произносили тосты, подымали бокалы, вели праздные разговоры. Присутствовали дамы, демонстрировали туалеты и украшения, набивали желудки даровым угощением. Были министры, дипломаты, военные. Маккензен надрывался, чтобы развлечь гостей, создавал непринужденную обстановку, шутил, рассказывал анекдоты, играл роль гостеприимного, радушного хозяина. Но банкет не удался. Висела томительная атмосфера скуки. Эдда украдкой подавляла зевоту. Было что-то искусственное в подчеркнутом оживлении немецких дипломатов, Чиано сразу это почувствовал.

Прощаясь, Маккензен отозвал Чиано в сторону, достал «паркер» и записную книжку.

— Разрешите записать ваш домашний телефон? Возможно, мне придется побеспокоить вас еще сегодня ночью.

Это насторожило. Может быть, ради такой как будто невинной просьбы немцы затеяли весь прием. Не здесь ли зарыта собака? Что хочет сообщить Маккензен?

Нехитрый ход раскрылся той же ночью. В четыре часа раздался звонок. Германский посол настоятельно просил тотчас же организовать встречу с дуче. Произошли важные события.

Чиано разбудил Муссолини. Тесть недовольно пробормотал: «Опять подымают с постели»,— но согласился принять Маккензена. Чиано наскоро оделся, вызвал машину. Ехал непривычно безлюдными улицами. Только начинало светать. Погасли уличные фонари.

К пяти Чиано был в кабинете Муссолини. Маккензен просил принять его ровно в пять. Он торжественно вошел в кабинет и вручил послание Гитлера. На словах передал, что пятнадцать минут назад германские войска перешли границу на западе.

— Фюрер надеется, как и раньше, на полное взаимное понимание.

Аудиенция продолжалась несколько минут. Германский посол покинул дворец. Остались обсуждать новую обстановку.

Муссолини раздраженно сказал:

— Гитлер снова нас ставит перед совершившимся фактом.

Чиано рассказал о вчерашнем банкете. Теперь ясно — Маккензен пригласил к себе всех итальянских официальных лиц, чтобы к ним раньше времени не просочилась информация о вторжении на запад.

Решили ждать. Итальянская политика определится в зависимости от того, как будут развиваться события. Если Гитлер завязнет, Италия продлит состояние нейтралитета. Успех на Западном фронте потребует вступления в войну, иначе Италия может остаться у разбитого корыта. Гитлер ни за что не согласится делить выигрыш.

— Я предвижу,— заключил Муссолини,— если Гитлер добьется успеха, он выступит в роли карточного игрока. Сорвет банк и встанет из-за стола. Надо готовиться к войне на стороне Германии.

Следующие дни расстроили и огорчили главу итальянского пра-

вительства. Сводки с фронта приносили нерадостные вести. На пятые сутки германские войска ворвались во Францию. Голландия капитулировала. Через две недели за ней последовала Бельгия. Армии Рунштедта рвались к побережью. Немцы заняли Сен-Контен — отсюда рукой подать до Парижа. Муссолини был мрачен, завидовал Гитлеру. Везет же этому выскочке!

В конце мая Гитлер прислал очередное письмо. Перечислял свои победы. Муссолини нервничал, все чаще повторял фразы: «Мы можем остаться у разбитого корыта. Нам нужно понести жертвы. Во что бы то ни стало».

Но итальянцы не разделяли точку зрения дуче. Генерал Грациани доложил на совещании: мужчины уклоняются от призыва, наблюдается массовая неявка новобранцев на призывные пункты; главный штаб испытывает затруднения с формированием дивизий, в некоторых дивизиях на девяносто процентов не хватает оружия и снаряжения. Грациани считает положение безвыходным.

Доклад главкома взбесил Муссолини.

— Чего хотят итальянцы? Я погоню их на войну коленкой под зад! Я заставлю их воевать! Мне нужны жертвы. Я сам встану во главе армии.

После совещания сказал, обращаясь к Чиано:

— Что мне делать с этим народом? Где былая слава Римской империи! Мне не хватает материала. Даже Микеланджело нуждался в мраморе, чтобы создавать статуи. Если бы у него была только глина, он смог бы делать одни горшки. Но я не хочу месить глину. Мне нужны солдаты.

Нервное напряжение вновь вызвало обострение язвы. Муссолини терпел. Сейчас не до язвы. В разгар событий написал Гитлеру — готов выступить на его стороне. Прошло несколько дней, но из Берлина ответа не было.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

I

Накануне этого злополучного дня, когда все пошло вверх ногами — и жизнь и установившиеся понятия,— супруги Бенуа вернулись поздно из варьете. Жюль проспал до десяти, приказав служанке выключить телефон. Он не слышал, как Лилиан вставала кормить ребенка, как легла снова и, перебив сон, лежала с открытыми глазами, боясь пошевелиться, чтобы не разбудить мужа. До сих пор она не могла преодолеть чувства робости, возникшего в ней с первых дней замужества. Как-то само собой получилось, что Лилиан заняла в семье положение беспрекословного и застенчивого подчинения авторитету мужа.

Появление ребенка внешне мало отразилось на отношениях супругов. Лилиан еще больше ограничила себя кругом домашних за-

бот. Не вмешивалась в дела мужа, а свои привязанности разделила между дочкой и Жюлем.

Крошечной Элен Лилиан отдавала все свое время. Кормила ее по часам, беспокойно учитывая минуты, возилась с ней целыми днями и никому не доверяла ребенка. Не доверяла даже тетушке Гарбо, которую в помощь ей прислал отец из Фалеза. Когда-то тетушка Гарбо была ее кормилицей, вырастила Лилиан, но теперь ей казалось, что тетушка делает все как-то не так, что она неосторожно и неуклюже берет ребенка и, не дай бог, может еще выронить крошку из рук. Как-никак тетушке Гарбо за пятьдесят, а Лилиан считала этот возраст весьма преклонным. Потом у нее удивительно шершавые и холодные руки. Тоже, вероятно, от старости и от стирки...

Лилиан лежала рядом с мужем и думала. Она пребывала в состоянии отрешенной материнской влюбленности, среди больших и малых необременяющих забот, постоянных тревог. Смысл всей жизни сводится к маленькому существу с рыжеватой прядкой на лобике и беззубым ротиком, так властно и мягко присасывающемуся к груди. Лилиан считала себя счастливой. Ее не тревожили события за стенами уютной квартиры, выходящей окнами на набережную Сены. Она просто считала, что внешние события к ней не относятся. У нее есть дочь, муж, она живет в Париже, куда влекли ее девичьи мечты. Правда, как ни привязана она к Жюлю, но на первое место в своем сердце Лилиан все же ставит крошку Элен. Это было новым в ее отношениях с Жюлем. Она уже не может, как прежде, во всем подчиняться мужу. Вчера Жюль остался недоволен ею, но что делать... Из дому уехали поздно — не хотела ехать, не покормив дочку. В варьете сидела как на иголках, тревожилась, как бы чего не случилось дома. Она почти не слышала, что говорил ей месье Терзи, подсевший к ним за столик. Терзи и на этот раз был пьян, но не сильно. Она напомнила ему, что месье не сдержал своего слова. Леон нахмурился и ответил: «Я не знал, что вы будете здесь». А лицо у него интересное, но какое-то желчное...

Однако пора вставать. Лилиан осторожно поднялась, но пружины скрипнули, и Жюль проснулся.

— Я разбудила тебя? Прости...

— Ничего, я уже выспался.

Жюль проснулся в хорошем настроении. Он вспомнил минувший вечер. В варьете удалось перемолвиться с графиней де Порт. Кажется, она изменила к нему отношение. Премьерша дулась несколько месяцев. Теперь отношения с новым премьером должны наладиться...

Машинально взял приготовленные газеты. Он всегда их просматривал в постели. Ничего интересного. В сводке с фронта обычные разведывательные поиски патрулей. Аресты коммунистов. Когда наконец их всех пересажают?.. Жюль пробежал заголовки и отложил газеты. Он посмотрел на часы — изящный будильничек на туалетном столике.

— Ого! Однако уже поздно!

Жюль накинул халат и прошел в ванную. Под душем вспомнил про телефон. Крикнул жене:

— Лилиан, включи аппарат!

Почти тотчас же зазвонил телефон. Сквозь шум падающей воды Жюль услышал голос жены:

— Если можно, через десять минут... Срочно?.. Простите, сейчас.— Она подошла к двери.— Жюль, тебе звонят из редакции. Просят срочно...

— Кому там не терпится? Подождут!

Но все же Бенуа вылез из ванны, сунул в туфли мокрые ноги и, завернувшись в простыню, прошел в кабинет.

— Алло! Кто говорит?.. Доброе утро, месье!.. Оборвали телефон?.. Он просто был выключен. Но что же случилось?.. Что, что? Этого не может быть! Какая-то ошибка...

Звонил редактор отдела. Голос его был взволнованный.

— Срочно приезжайте в редакцию,— доносилось из трубки.— Немцы вступили в Бельгию и Голландию... Нейтралитет?.. Какой, к черту, нейтралитет! Бомбили Амстердам, Брюссель и города Северной Франции... Это ужасно!.. Кто мог ожидать такого вероломства!.. Сейчас же приезжайте! Впрочем, зайдите сначала в министерство. Может быть, там есть подробности. Возможно, дадим экстренный выпуск...

В первый момент ошеломляющее известие показалось нелепым. Жюль стоял у телефона, завернутый в простыню, у его ног натекла лужица воды. Не может быть! Какое-то недоразумение... Видимо, Гитлер снова блефует. Эта мысль несколько успокоила. Бенуа вернулся в ванну. Взялся за гантели, но отложил их в сторону. По утрам он обязательно занимался гимнастикой — последнее время стал почему-то полнеть. Осмотрел себя в зеркало. Надо бы делать массаж. Черт побери, что же произошло? Вчера он сам писал, что временная размолвка скоро закончится миром. А новая беседа с Гамеленом... Вейгана недаром вызывали из Сирии. Удар по Баку намечен не позже июня... Происходит что-то непонятное. Нет, тесть в конце концов прав, нужно менять профессию...

Жюль наскоро побрился, привел себя в порядок, на ходу проглотил чашку кофе и вышел на улицу. Он все еще верил: это недоразумение. Вид встревоженного города говорил о другом. По радио передавали последние известия. На площади люди стояли, подняв головы к рупору. Жюль остановился около женщины с плетеной сумкой. Из сумки торчали зелень и курица с желтыми чешуйчатыми ногами. Лицо у женщины было растерянное, жалкое. Диктор передавал то, что уже знал Бенуа. Немецкие войска на рассвете перешли границы Бельгии, Нидерландов и Люксембурга. В Роттердаме высадился парашютный десант. Бои идут в черте города. Немецкая авиация бомбила Лилль и Валансьен. Командование союзников принимает меры к обеспечению французских границ.

Вслед за последними известиями включили музыку, бодрящую, похожую на марш. Публика не расходилась. Ждали,— может, передадут что еще.

— Что же теперь будет? — сказала женщина с сумкой. На глазах ее выступили слезы.

— Нет, это черт знает что такое! — с возмущением воскликнул мужчина в жилетке и белых нарукавниках, очевидно хозяин соседней лавочки.— За это надо проучить Гитлера!

Другой, в рабочей блузе и кепке, ответил:

— Держи карман шире! Учить надо было раньше. Теперь собирайте пожитки.

Женщина спросила:

— Неужели придется уезжать из Парижа? Мы один раз уже уезжали...

Ей не ответили. Лавочник сказал:

— Я бы сейчас же приказал перейти в наступление.

— Тоже мне Гамелен! — Человек в кепке невесело засмеялся.

Его не поддержали.

Двое прохожих, видимо, также обсуждали события дня:

— У меня дело в Брюсселе. Хорошо, что не уехал вчера. Попал бы в переплет!

— Жена собиралась ехать в деревню.

— Пусть едет, там поспокойнее.

Высоко в небе появился самолет. Небо было глубокое и по-весеннему синее. Самолет шел курсом на юго-запад. Толпа мгновенно растаяла. Лавочник отошел к стене дома, точно пытаясь укрыться от дождя.

— Вы думаете, это немецкий?

— Все может быть. Возможно, разведчик.

— Какое безобразие! Я приказал бы его посадить!

Тот, кто назвал лавочника Гамеленом, сказал, не обращаясь ни к кому из присутствующих:

— Допрыгались! Теперь нам придется расхлебывать. Предатели!..

— Я так и знал! — взвизгнул лавочник.— Смотрите, коммунисты уже подымают голову! Они хуже немцев, только сеют панику. Что смотрит правительство! Я бы немедленно...— Лавочник не договорил. Его мысли, видимо, приняли другое направление. Он беспокойно посмотрел на раскрытую дверь, где виднелись мясные туши. Кому-то крикнул: — Лора, может быть, нам закрыть магазин? Как ты думаешь, Лора?

Не дождавшись ответа, он начал спускать гофрированные жалюзи на окна. Жалюзи падали с металлическим грохотом.

На Кэ д'Орсэ Жюль не застал министра — уехал на заседание кабинета. Сотрудники ходили с вытянутыми, встревоженными лицами. Никто толком ничего не знал. Встретив Жюля, сами осаждали его вопросами. Жюль отвечал скупо, с глубокомысленным видом. Сказать пока ничего не может. Нет, нет... Положение неясное. Для тревоги пока нет никаких оснований. Просто игра на нервах. Армия в состоянии отразить более серьезное наступление. Недавно он сам посетил линию Мажино. Это, вероятно, операции местного значения. Возможно, метод дипломатического давления...

Чиновники слушали настороженно и одобрительно. Каждому хотелось погасить возникшую тревогу.

Не задерживаясь в министерстве, Бенуа поехал в редакцию.

II

Роту подняли за час до побудки. Шарль Морен вышел из блиндажа. Утро было ясное, свежее. В привычную немую тишину вплетались новые звуки. Со стороны Шарлевилля, точно из-под земли, доносились глухие взрывы. Вчера немцы крепко бомбили. Сегодня там, наверно, тоже жарко.

Очевидно, человек ко всему привыкает, сживается, и ему трудно бывает расставаться с обжитым. Уж в какой жили дыре, хуже не придумаешь, но Шарлю не хотелось покидать месяцами обжитый блиндаж, где все стало привычным, даже слякоть в траншее.

Пристегивая котелок, он крикнул Фрашону:

— Жан, а как же твой огород? Сдаешь в аренду?

Молчаливый бретонец сосредоточенно затягивал ранец. В роте его прозвали Редиской — то ли за постоянно красный нос на его рябоватом лице, то ли за пристрастие к разведению овощей. Даже здесь, в армии, он развел огород, вскопав позади траншей несколько грядок. Семена прислали из дома. Если его не посылали дежурить на кухню, Фрашон мог целыми днями, присев на корточки, возиться около грядок. Было бы только свободное время!

— К чертям собачьим с моим огородом! Даром только потратил время! Пристегни-ка мне ранец!

Шарль сказал, что хорошо бы сейчас умыться. Они каждое утро ходили к плотине за мельницу. Но теперь не до этого. Завтрак — и тот отменили. Морен спросил:

— Все-таки, может быть, мы успеем умыться?

— Надо бы. Не знаю, куда все торопятся? Успеют еще получить осколок в ягодицу. Это не к спеху.— Фрашон терпеть не мог никакой спешки, не любил, когда его понукали.

По траншее пробежал сержант Пинэ:

— Довольно зубоскалить! Через пять минут выступаем. Фрашон, ты опять возишься?

— Успеем...

Ходами сообщения прошли к штабу, помещавшемуся в крестьянской усадьбе. Хозяина отсюда выселили, и старик только иногда приходил из деревни взглянуть, как постепенно разрушалось его хозяйство. Иногда он приходил с дочкой. Это означало, что старик приносил для продажи творог и молоко. Продукты покупали преимущественно офицеры, точнее — их денщики, а для солдат появление старика с дочерью служило дополнительным развлечением. Балагуры отпускали смачные шутки, которые вгоняли девушку в краску, и она, потупившись, разливала молоко в алюминиевые фляги и котелки.

Сегодня старик тоже пришел с дочерью. Но на них никто не обращал внимания. Только Морен, проходя мимо, негромко сказал:

— Фрашон, маркитанточка не тебя пришла провожать?

Девушка стояла под яблоней, возле забора из дикого камня. Земля вокруг была усеяна опавшими лепестками. Яблони только начинали отцветать. Рукой, успевшей покрыться легким загаром, она опиралась о дерево. В другой держала сложенное вдвое коромысло, на котором принесла бидоны. Бидоны стояли подле, и на них играли солнечные блики.

Клетчатая юбка — красное с синим, белый передник, похожий на большой лепесток, никак не гармонировали с солдатскими ранцами, шинелями, порыжевшими ботинками. Девушка смотрела на царящую суматоху, будто недоумевая, зачем набились в их двор эти гомонящие солдаты.

Первый взвод расположился около стены. Фрашон подошел к старику, тоже с недоумением взиравшего на торопливую сутолоку.

— Мы уходим,— сказал Фрашон.— Там, за садом, у меня остались грядки. Возьми их себе. Жаль, пропадет салат. Брюква тоже должна быть хорошая.

Бретонца и на войне земля волновала больше, чем что другое. Пусть хоть какая-нибудь будет польза от его труда. Фрашон надеялся, что старик, может быть, даст ему за это хотя бы котелок молока. Но старик и не подумал об этом. Его интересовало другое:

— Значит, я могу вернуться обратно?

— Не знаю. Спроси у лейтенанта.

— Мари, подожди меня. Может, правда, позволят...

Лейтенант Луше был страшно зол и разносил своего помощника. Рота опаздывала, а всяким задержкам и конца-края не было видно. Когда наконец всё соберут? Ну, зачем Катон приказал брать с собой эти бочки от сидра? Кому они нужны? Что он, приехал сюда воевать или варить сидр? И вообще лейтенанту Луше его рота казалась сейчас кустом чертополоха, успевшим за полгода так крепко врасти здесь в землю, что его с трудом можно выдернуть. Луше даже не знал, что солдаты варили здесь сидр.

— Эй вы! — лейтенант приметил солдат, громоздивших на повозку клетку с кроликами. Для маскировки они закрыли клетку шинелью, но не смогли обмануть бдительность Луше.— Сейчас же прекратите безобразие! Сбросьте это барахло!

Старик не решался подойти к лейтенанту. Только после того, как рота в конце концов построилась, когда имущество было собрано, а контрабандные бочки и клетки сбросили у сарая на землю, старик догнал Луше и осторожно спросил, совсем ли они уходят и не разрешит ли ему господин лейтенант вернуться в свой дом.

Луше сам ничего не знал. С тех пор как немцы начали наступление, здесь столько неразберихи, такой кавардак! Луше и сейчас не уверен, что приказ не отменят через пятнадцать минут. В полку говорят одно, в дивизии — другое, все приказывают, отменяют, а он, лейтенант Луше, только один. Во всяком случае, ясно одно — сюда они не вернутся. Пусть старик возвращается в свой дом. Не хватало ему заботиться о других! Кому понадобится, выселят сами. Здесь и своих хлопот не оберешься.

— Занимай. Какое мне дело! — сказал Луше и побежал догонять роту.

Он вывел солдат на дорогу. Говорили, будто походной колонной должны двигаться в сторону Шарлеруа — это в Бельгии. Но ничего подобного! Голова колонны свернула влево — это скорее всего на Монс. Без карты сам черт сломает голову. Вчера обещали выдать карты — вот они, обещания! Бредут, как слепые котята.

Прошли километра два и остановились. Выяснилось, что не только рота Луше, весь полк опоздал с выходом. Ждали, когда подтянутся остальные батальоны.

Луше приказал солдатам сойти с дороги. Лучше, от греха, стоять под деревьями. Он оказался прав. Невесть откуда вынырнули два немецких штурмовика и прострочили дорогу. С холма было видно, как солдаты метнулись в стороны, падали в траву, подымались, бежали и снова падали. Пока колонну приводили в порядок, подошли запоздавшие батальоны. Убитых, сказали, не было, только несколько раненых.

Колонна двинулась. Шли часа два форсированным маршем, наверстывая упущенное время.

Около канала, выложенного коричневым, точно ржавым булыжником, роту Луше нагнал командир батальона. Приказал остановиться и ждать дальнейших распоряжений. Солнце начало припекать так, что рубашки стали мокры от пота, хоть выжимай. Всех томила жажда. Несколько солдат с котелками побежали к воде. Навьюченные ранцами, они походили на горбатых гномов. Обратно возвращались шагом, чтобы не расплескать котелки, несли их на вытянутых руках, но вода выплескивалась на землю.

Деревьев здесь не было, и это беспокоило Луше. Сержант Пинэ доложил — забыли взять запасные стволы к пулеметам. Этого еще недоставало!

Случилось так, как и ожидал лейтенант. Приказали повернуть назад. Солдаты с безучастными лицами пошли обратно. У них был такой вид, словно они грузили бочки от сидра и потом так же равнодушно начали снимать их с повозок. Не хватало бы теперь еще немецкой авиации! На шоссейной дороге, говорят, накрыли штаб. Болтали, что погиб командир дивизии. Взрывы бомб доносились со всех сторон. Здесь, на проселке, хоть немного спокойнее.

Проблуждав, протоптавшись на месте несколько часов, рота лейтенанта Луше в полдень вернулась на старое место. Солдаты шли усталые, злые. Поступил приказ занять оборону и прикрывать дорогу на Валансьен на случай прорыва вражеских танков. Мысль о появлении здесь германских танков показалась чудовищной. Не могут же они прыгать по воздуху! Но сообщение приняли спокойно, точнее — равнодушно. Опять эта неразбериха.

Пинэ снова подошел к лейтенанту. Приложив к козырьку руку, попросил разрешения послать двух солдат за пулеметными стволами. Здесь километра два, не дальше. От силы через час они нагонят роту. Луше согласился.

— Пусть ищут нас за деревней. Там будет привал, а потом займем оборону. Выбери только порасторопнее ребят. Быть может, Морена...

III

Морен и Фрашон свернули с дороги. Чтобы сократить расстояние, пошли не проселком, а тропой, через луг, поросший кустами шиповника. С той стороны, откуда пришла рота, доносились отдаленная артиллерийская стрельба и треск пулеметных очередей. В застывшей синеве неба звенел жаворонок. Зной лился отовсюду. Даже листья и цветы шиповника, казалось, раскалены до предела и источают жару. А земля — та просто дышала зноем.

— Попали мы, кажется, в переплет.— Фрашон остановился раскурить трубку. Синие прозрачные струйки табачного дыма остались висеть в воздухе.— Говорил я, незачем торопиться. Вот так и вышло.

— Торопись не торопись, а понять я ничего не могу. Если действительно боши прорвались к Намюрту, дело дрянь. Скажи мне,— ты, может быть, лучше меня понимаешь в военном деле,— почему мы оставили свои позиции? Зачем рыть, как кротам, землю, когда есть готовая оборона? — Морен указал вперед. Они приближались к усадьбе.

— Сказано тебе: солдатская голова не для того, чтобы думать. За нас думают генералы.— Фрашон скопировал капитана Гризе, который всегда так выражался.— А генералы наложили в штаны и тоже не думают. От этого все и получается...

Подошли к ручью, через который были перекинуты бревна. Блиндажи находились рядом.

— Давай умоемся. Торопить нас некому,— Фрашон наслаждался полученной свободой.

Солдаты сбросили ранцы, положили винтовки на траву и, расстегнув воротники, стали умываться с мостков. Ручей протекал через торфяники, вода текла коричневая, как чай. Фрашон намочил волосы. Голова его будто сплющилась, а нос стал еще больше. Вцепившись в березовую жердь, служившую опорой, Шарль тоже пригнулся к воде.

Вытираться не стали. Было приятно, что прохладные струйки потекли за шиворот, по спине, до самой поясницы. Стало куда легче.

Запасные стволы долго искать не пришлось. Они стояли там же, где их оставили,— в блиндаже, около стойки для винтовок. В траншеях, только утром покинутых солдатами, царило запустенье — распахнутые двери блиндажей, сломанные нары, раскиданная, перетертая солома, вытряхнутая из матрацев. Фрашон предложил:

— Зайдем к старику. Человек он или констебль? Должен же он угостить молоком. Может, он хочет даром получить огород?

Дом стоял за холмом, и сквозь кустарник его не было видно.

Тем же путем, что и утром, солдаты подошли к строениям. Через калитку вошли во двор.

Морен шел первым и от неожиданности отпрянул назад. Половина дома была начисто срезана бомбой. Куски черепицы, известка, расщепленные стропила, вывороченная оконная рама с мелкими зубьями стекол, валялись по всему двору. А в доме стоял обеденный стол, тоже засыпанный штукатуркой. У входа, головой к столу, ничком лежал старик, засыпанный пылью и мусором. Виднелись только ноги, обутые в грубые крестьянские башмаки. Засученная штанина обнажала шерстяной чулок.

Тихо — так ступают, чтобы не разбудить спящих,— солдаты пересекли двор. В саду, прислонившись к стене из дикого камня, в неестественной позе сидела Мари. Она потупила голову, словно от грубой солдатской шутки. Лицо ее было совершенно белым, как холст, а ресницы казались еще гуще, еще чернее. Они бросали тень на щеки. Но, может быть, это была просто синева под глазами. Из уголка мягко очерченного рта тянулась и обрывалась на подбородке тонкая струйка застывшей крови. На юбке крови не было видно — она сливалась с красными клетками.

А поляна перед девушкой была такой радужной, солнечной. Покрытая бликами и цветами, она казалась невесомой, будто готова подняться и плыть в воздухе. Морен сделал усилие и подошел к девушке. Он стал таким же бледным, как она. Конечно, Мари нравилась ему, эта крестьянская девушка с короткими, до плеч, волосами. Нравились ее робкая застенчивость и неугомонный задор, когда она чувствовала себя в безопасности от солдатских шуток. Шарль видел ее однажды в деревне, резвую и бойкую на язычок. Теперь Мари сидит у стены, точно обессилев и безжизненно опустив руки. Шарль понял и содрогнулся. Так вот она, эта война, не «странная», как ее называли, а страшная. Война без салатных грядок и скуки вместо опасности. Война обрушилась прежде всего не на них, солдат, а на старика, получившего право вернуться в свой дом, на девушку, которая еще утром радовалась солнцу. Они все — и Фрашон, и он сам, и другие солдаты — были живы, хотя и пришли на войну. А эти никуда не уходили, они вернулись в свой дом, и война сама пришла к ним на порог.

Фрашон сказал:

— Наверно, волной. Когда волной, всегда кровь изо рта. Я помню, на Марне...

— Не все ли равно чем... Давай уберем ее.

Солдаты подняли Мари и отнесли на поляну. Она застонала, ресницы ее дрогнули.

— Жива!..— Это был шепот, похожий на вздох, вырвавшийся одновременно у двух солдат.

Шарль побежал за водой. Когда он вернулся, Мари лежала с открытыми глазами, смутно понимая, что с ней случилось. Фрашон подложил ей под голову ранец. Шарль дал воды, прямо из котелка. Потом намочил платок и положил на голову девушке. Лицо посте-

пенно приобретало нормальный оттенок — цвета нежно-розового загара.

— Что теперь делать?

— Отнесем в деревню. Я знаю, где они жили.

Мари лежала безучастная ко всему. По телу разлилась мутная слабость. Трудно даже руку оторвать от земли. В памяти сохранился только страшный грохот, родившийся из отвратительного, завывающего свиста, и горячий толчок, от которого стало темно и безразлично. Молодого черноволосого солдата она видела, он приходил в деревню. Другой, с толстым носом, ей не знаком. Но почему они здесь? Ведь солдаты ушли. Дом снова вернули... Где же отец? Наверно, ушел за матерью. Спросить бы, но лень. Почему такая слабость? Во рту кислая горечь и запах аптеки. Так пахло, когда горела аптека мадам Жуо... Почему она здесь лежит?

— Что здесь случилось? — Мари показалось, что она произнесла это громко. В самом деле слова прозвучали как стон.

Молодой солдат что-то ответил, но она не слышала. Только шевелятся губы, как в кино, когда пропадает звук. Звуки действительно пропали, она ничего не слышит. Какая ужасная тишина! Большой шмель — и тот летает беззвучно. Становилось страшно. Мари попыталась встать, поправила юбку, сбившуюся выше колена. Смутилась.

— Что случилось? — снова повторила она на этот раз более внятно.

Морен ответил, но девушка не понимала. Солдаты поняли — она ничего не слышит. Шарль наклонился к самому уху, так близко, что волосы коснулись губ. Он крикнул:

— Упала бомба! Бомба упала! — И показал рукой, как сверху падает бомба.

Мари поняла по движению губ и едва уловимым звукам. А главное — по руке солдата, которая так выразительно поднялась и хищно упала вниз.

Про отца решили не говорить. Фрашон придумал, как донести ее. К запасным стволам они приладят шинель, проденут стволы в рукава — получится вроде кресла. Но стволы оказались короткими, взяли винтовки. Стволы решили положить на носилки. Руки должны быть свободными.

Перед уходом Фрашон все же напился молока. Бидоны стояли на прежнем месте. Один он открыл, ударив краем ладони по герметическому запору. Налил в котелок молока и начал пить, все больше запрокидывая голову. Пил залпом, а когда оторвался от котелка, чтобы перевести дыхание, на щеках остались молочные усы, цветом похожие на известку. Шарлю представились ноги старика в шерстяных носках, торчащие из груды белого мусора. Вероятно, он страдал ревматизмом, иначе зачем в такую жару носить шерстяные носки... Пить молоко он не стал.

Девушку понесли не двором — там она могла увидеть отца,— а через пролом в стене. Солдаты сделали его еще зимой. Вышли прямо на луг. Нести Мари было не тяжело. Но приклады выскаль-

зывали из потных рук, запасные стволы, лежавшие поперек носилок, сползали в сторону. Приходилось часто останавливаться, чтобы поправить стволы и размять занемевшие пальцы.

В деревню, где жила Мари, солдаты могли попасть, только миновав шоссе. Потом надо пройти полем еще с километр. Это почти по пути. Солдаты рассчитывали, что они вовремя нагонят роту. Фрашон шел впереди, нагнув голову, глядел себе под ноги. Хотелось курить. Во рту держал потухшую трубку, но спичек не было,— видно, обронил где-то в саду.

Шарль видел сутулую спину Фрашона, ранец с оборванным ремешком, пришитым черными нитками, да короткую тень, которая шагала рядом и никак не могла обогнать дядюшку Жана. Видел Шарль и лицо девушки, откинувшей голову. Не опасаясь встретиться взором, он разглядывал ее крутой лоб, прикрытый с одной стороны прядью иссиня-черных волос, полуприкрытые глаза, обрамленные короткими стрелками бровей, чуть вздернутый носик с крохотной горбинкой и тонкими ноздрями. Она еще раньше нравилась Шарлю. Сейчас беспомощность вызывала в нем особое чувство, потребность заботы, покровительства и защиты.

IV

На шоссейной дороге остановились. Решили отдохнуть у развалин бывшей бензоколонки. Остатки стен заросли травой. Мари сказала — дальше пойдет сама, больше ни за что не ляжет на эти носилки. Стыдно появляться в таком виде в деревне. Девушка чувствовала себя лучше. Только не возвращался слух. Мари продолжала жить в мире, лишенном звуков.

Солдаты убеждали ее, пытались объяснить знаками и под конец уступили. Мари не нуждалась больше в их помощи. Почти не нуждалась. Они проводят ее до деревни. Но Морен предпочел бы нести девушку дальше. Ему стало жаль своего чувства. Зачем ей нужно его покровительство... Эх, если бы не война!.. Впрочем, какие глупости иногда лезут в голову!

Солдаты разобрали носилки, скатали шинели и сели отдыхать на растрескавшемся, выщербленном цементном полу. Солнце, начинавшее клониться к западу, бросало лучи поверх стен, и у подножия появился клочок тени. Морен предложил девушке свой ранец. Она села рядом, а Фрашон все поглядывал на дорогу — не появится ли кто с огоньком, чтобы прикурить.

Владелец бензоколонки построил ее так, чтобы ее видно было со всех сторон,— на высотке. Отсюда километров на пять, до следующего холма, дорогу видно как на ладони. Она лениво извивалась вдоль зеленого луга, пересекала ручей, ползла дальше к роще и там исчезала за гребнем холма. Дорога была безлюдна. Только за мостом по направлению к ним мчалось несколько мотоциклистов. Фрашон сидел, раскинув циркулем ноги. Носки его ботинок выступали из тени. Он набил трубку, убрал резиновый кисет и, опираясь на плечо Шарля, поднялся с земли. Посасывая холодную

трубку, Фрашон вразвалку вышел на дорогу. У мотоциклистов должны быть спички. Не глядя в их сторону — так будет солиднее,— Фрашон поднял руку. Мотоциклисты были совсем близко, когда он посмотрел на них. В тот же момент, когда Фрашон обнаружил ошибку и увидел, что это немцы, он шарахнулся в сторону и очутился рядом с Шарлем.

— Боши!

Фрашон схватил винтовку, щелкнул затвором и ударил в первого мотоциклиста. Дядюшка Жан не успел сделать второго выстрела, как Шарль стоял уже рядом и целился в бошей. Их позиция оказалась неожиданно выгодно. Стрелять было удобно. Они опирались на обломки стены, как на бруствер, а трава, выросшая на развалинах, и солнце, бившее в глаза мотоциклистам, достаточно маскировали от взоров противника.

Первый мотоциклист свалился, не успев выключить мотор. Мотоцикл проскочил еще несколько метров, упал и закружился на дороге, как заводной жук. Свалился еще один. Остальные неистово начали тормозить, сбросив ноги с педалей и прижимая подошвы к асфальту. Не сейчас, а позже, когда, вспоминая, Шарль снова переживал схватку, мотоциклисты показались ему похожими на черных ершей. Невидимая леска тащила их к смерти, а они упирались, топорщились, растопырив плавники-ноги. Сравнение пришло потом, а в эти секунды он просто стрелял, не успев даже испытать страха,— так неожиданно все получилось.

С фотографической ясностью Шарль запечатлел только одну деталь: немецкие мотоциклисты, затянутые ремнями, как мумии, в кожаных шлемах и темных масках-очках, слитые с такими же черными рогатыми машинами, ехали, засучив рукава. Мотоциклисты невольно сгрудились в кучу. Один приложил козырьком руку, вглядываясь вперед, другой дал очередь из пулемета. Пули застучали по камням. Фрашон и Морен не переставали стрелять.

Немцы, не принимая боя, отскочили за мост. Они успели захватить двух убитых и, пригнувшись, молниеносно умчались назад,— черные, обтекаемые марсиане.

Схватка продолжалась не больше минуты. Она прекратилась так же внезапно. Мари продолжала сидеть на ранце Фрашона, когда все началось и закончилось. До нее доносились только отдельные щелчки выстрелов, поэтому бой не показался ей страшным. Немцев она увидела, когда встала. Они стремительно удалялись, пригнув, как наездники, спины.

За мостом немцы остановились,— они, совещаясь, указывали руками на холм, откуда их обстреляли, наводили бинокли, дали еще очередь из пулеметов. Фрашон и Морен ответили. Немцы вскочили на мотоциклы и исчезли за холмом в направлении бельгийской границы.

Только теперь Морен ощутил подобие страха. Появилась отвратительная дрожь, которую невозможно было сдержать. От этого становится стыдно перед самим собой. Неужели Мари заметила?.. Он улыбнулся ей, и улыбка получилась кривая.

А Фрашону мучительно хотелось курить. Больше, чем прежде. Снова похлопал себя по карманам. Где же он обронил спички? И прикурить негде. Спросил Морена:

— Откуда они взялись?

— Черт их знает! Далеко пролезли. Но их можно было остановить раньше.

— Да, получилось здорово!

— Я пойду,— сказала Мари.

— Подожди, мы проводим,— Шарль жестом повторил слова: ткнул себя в грудь, указал на Фрашона, на девушку и махнул рукой в направлении деревни.

— Сначала пойдем посмотрим.— Фрашону хотелось взглянуть на свою работу. Жаль, что немцы увезли убитых, но и на мотоциклы тоже интересно взглянуть.

В противоположной стороне, от Валансьена, показалась легковая машина. Фрашон вышел на дорогу, на этот раз с винтовкой, и поднял руку. Водитель резко затормозил. Машина прошла юзом, вычерчивая колесами бурые полосы на асфальте. Из кабины высунулся офицер с полковничьими погонами. Рядом с ним сидел штатский с каштановой бородой и выпуклыми глазами. Фрашону хотелось спросить прикурить, но он не осмелился. Такое большое начальство он не ожидал встретить. Дядюшка Жан стоял, раздумывая, как выпутаться из затруднительного положения. Дернула же его нелегкая останавливать такую машину,— сразу видно, штабная.

— Что случилось? Что тебе надо? — Полковник строго посмотрел на солдата, переминавшегося с ноги на ногу.

Он перевел глаза и увидел Шарля. Крестьянская девушка стояла рядом, держала солдатский ранец. Раздражение полковника, накапливавшееся с самого утра, прорвалось. Бездельники! Шатаются с бабами по дорогам! С такими много не навоюешь. Из-за них все и происходит. В этих отбившихся солдатах, наверно, дезертирах, полковник увидел причину своих неудач. С утра он не может найти штаб армии, чтобы в конце концов получить обстановку для ставки. Со вчерашнего дня связь с армией Корапа потеряна.

— Кто вы такие? — визгливо обрушился полковник на Фрашона.— Что вы болтаетесь, да еще с девками? Воевать надо! Безобразие! Отправлю в трибунал!

— Мы, господин полковник...

— Молчать! Возвращайтесь в часть. Где ваша часть? Сбежали? Зачем остановил машину?

— Хотел прикурить...— Фрашон вынул изо рта трубку и держал ее в громадной руке.

— Болван!

Полковник сердито захлопнул дверцу, ткнул в спину водителя. Машина тронулась. Возле немецкого мотоцикла она снова остановилась. Полковник подозвал солдат.

— Что это?

— Мотоциклы, господин полковник.

— Знаю, что мотоциклы! Вот олухи! — Полковник в ярости терял самообладание. «Эта красноносая тупица одним своим видом может довести до бешенства».— Откуда они? Кто бросил?

— Мы подбили.

— Что ты мелешь? Кто мы?

— Я и Морен — вот он.

В разговор вмешался Шарль. Надо выручать приятеля. Фрашон совсем растерялся при виде начальства.

— Сюда прорвались немецкие мотоциклисты, господин полковник,— вероятно, десант. Мы обстреляли их, они отошли вон за ту высоту.

— Так чего ж вы молчали, черт побери? Когда это было?

— Минут десять, не больше.

Полковник вышел из машины. Раскрыл планшет с картой, определил точку. Не может быть! Немцы не захватили еще Брюссель. Откуда здесь немцы?

— Вы что-то путаете!

— Никак нет, господин полковник, мотоциклы немецкие. Мы сами стреляли.

Полковник мог бы сомневаться, но доказательство налицо. На дороге валяются два немецких мотоцикла. Из пробитого бака еще сочился бензин. Не останови бы их этот солдат, как раз напоролись бы на немецкий отряд самокатчиков. Бррр!.. Полковник стал добрее смотреть на солдат. Он вдруг заторопился:

— Направляйтесь сейчас же в часть и доложите обо всем командиру. Это очень важно.

Пока полковник осматривал подбитые мотоциклы и говорил с Шарлем, Фрашон улучил минуту и попросил у шофера огня. Широкая камуфлированная машина развернулась на шоссе и повернула назад. Фрашон посмотрел ей вслед. Он затянулся полной грудью, испытывая настоящее блаженство. В кармане его лежала коробка спичек, подаренная шофером. Много ли нужно для солдатского счастья!

Фрашон взял ранец из рук Мари,— она все стояла у развалин, поросших травой.

— Пошли!

И все трое зашагали к деревне.

Солдаты только к вечеру добрались до того места, где рассчитывали найти свою роту. До деревни, которую назвал им сержант Пинэ, оказалось не три, а добрых восемь, если не десять, километров. Никаких войск здесь не было.

Неведомыми путями весть о прорыве немцев распространилась повсюду. Жители торопливо грузили скарб и покидали деревню. С трудом добились от проходившего старика, что какие-то солдаты действительно останавливались сегодня днем. Начали рыть перед деревней окопы, но вскоре бросили и ушли вон туда — старик указал на запад.

Наступили сумерки. Фрашон и Морен решили заночевать в опустевшей деревне. Ночью все равно никого не найдешь.

Рано утром проснулись от тяжелого гула. По шоссе в ту сторону, куда вчера отошел полк, катились немецкие танки. Схватив винтовки и ранцы, солдаты выскочили во двор и огородами пробрались за деревню.

— Выходит, теперь мы сами себе командиры,— сказал Фрашон.— Давай подаваться на север. Говорят, там стоит английская армия.

Полем вышли к проселку и обочиной дороги, обсаженной молодыми деревьями, пошли на север. Было еще очень рано, но по дороге уже катились охваченные паникой толпы беженцев. Распространялись самые невероятные слухи, говорили, будто немцы заняли уже Седан. Но толком никто ничего не знал.

V

Падение Седана, взятого с ходу германскими войсками, произвело впечатление грома, разразившегося среди ясного неба. Под сводами Венсеннского замка, в штабе генерала Гамелена, царила растерянность. С первых же дней управление войсками оказалось нарушенным. Терялись полки, штабы, целые армии. Германские части продвигались к Лаону, направляя свое острие в сторону Парижа. Париж мог чувствовать себя в безопасности еще одну, может быть, две ночи.

За минувшие сто лет жители французской столицы пять раз видели с колокольни собора Парижской богоматери, как вырывается пламя из жерл германских пушек. Пять раз за одно столетие слышали парижане грохот надвигающейся канонады. Повторится ли в шестой раз упрямая история минувших десятилетий или произойдет великое чудо?

За восемь месяцев «странной войны» город не подвергался никаким испытаниям. Ни одна бомба за это время не упала на кровли домов. Ни одна воронка не безобразила бульваров и скверов. Теперь, в ожидании неминуемых ужасов, Париж был в панике. Толпы осаждали вокзалы, уходили пешком через заставы, рвались из Парижа, словно из зачумленного города. Владельцы машин первыми покидали особняки. Бросали все, мечтая о литре бензина. Люди переставали верить даже в чудо, но чудо вдруг свершилось.

В субботу, ровно через неделю после того, как началось германское наступление, немецкие танковые колонны, двигавшиеся к Парижу со скоростью в тридцать пять — сорок миль в сутки, неожиданно повернули на запад, потом на север, в сторону побережья, к Ла-Маншу. Это было страшнее вторжения в столицу. Немецкие генералы охотились за живой силой, добивали разрозненные армии. Они охотились за близкими тех женщин, что рвались сейчас к билетным кассам на парижских вокзалах. Смерть петляла вокруг их мужей, но кто это знал? А Гитлер не торопился вступать в обреченный Париж. Днем раньше, днем позже,— какая разница!

Новость искрой, поднятой ветром, разнеслась по всему городу: враг повернул, завтра немцы не будут в Париже. Это показалось

спасением. Можно хоть собраться по-человечески. Можно уехать не в такой спешке и тесноте. Говорят, обещали пустить дополнительные автобусы. А может быть...

В душах объятых страхом людей теплилась надежда на новое чудо. Ведь повернули же немцы на запад! Возможно, выдохлись. Может быть, у них, как и у беженцев, не хватает бензина. Даже приговоренные к смерти не теряют надежды до последней минуты...

Город жил надеждами, сомнениями, слухами. В правительственных учреждениях отменили эвакуацию. Кто-то видел, как на Сан-Доминик в военном министерстве с грузовиков сваливали обратно какие-то ящики. Значит, угроза отпала. Дай бог!..

Настоятель собора Парижской богоматери в белом одеянии служил благодарственную мессу, молился о спасении города, о победе.

В храме пели псалмы. Это было вечером, когда в сумерках химеры Нотр-Дам погрузились во мрак и только каменные кружева колоколен, резные шпили собора выступали на угасшем небе. С ушедшими в сумрак химерами, казалось, отошла и опасность.

К набережной Сены Жюль Бенуа возвращался пешком. Надо экономить бензин. Сейчас он на вес золота, а такси не достать ни за какие деньги. По ступеням Нотр-Дам спускалась женщина в скромной черной одежде. Жюль по привычке с нагловатой развязностью заглянул ей в лицо. Женщина ответила взглядом, полным умиротворенной скорби. В заплаканных глазах скользнула надежда. Видимо, приняла его за офицера — журналисты обрядились в военную форму. Жюль отвернулся. Сейчас он тоже хотел бы во что-то верить, надеяться, но попробуй поверь,— черт знает что происходит.

Жюль зашагал дальше по серым улицам. Синие, замаскированные фонари еще не горели. Бенуа чувствовал себя растерянным и злым. Мысли перескакивали с одного на другое. «Гамелен провалился, это ясно. Премьер вызвал Вейгана из Сирии. Этот пожестче. Собирался в июне наступать на Баку... Нож в русском масле... Едет теперь расхлебывать кашу.— Жюль невесело усмехнулся.— А жену, конечно, лучше бы отправить к тестю. Надо же было простудить ребенка. В такую погоду... Подумаешь, насморк! Доехали бы преспокойно. Просто женское упрямство». В душе поднялась неприязнь к жене. Искал, на ком бы сорвать дурное настроение.

Он никогда не видел Лилиан такой строптивой. Она отказалась ехать, пока не поправится дочка. Ни Жюль, ни месье Буассон так и не могли уговорить. Тесть, конечно, не стал ждать. Виноторговец не из храброго десятка. Как у него хватило еще смелости пробраться в Париж! На обратный путь пришлось доставать бензин. Горючее в городе исчезло в мгновение ока. В бензоколонках ни одной капли. Будто его кто-то выпил. Теперь дерут бешеные деньги за каждый галлон. Спекулянты!.. Тесть уже, наверно, сидит в своей дыре, в Фалезе. Захватил тетушку Гарбо и уехал.

Рассерженный упорством жены, Бенуа ушел утром из дому, не

дождавшись отъезда тестя. Но что это? У ворот Жюль увидел его «пикап», прикрытый брезентом. Буассона встретил на лестнице. Спускался вниз с подушкой и пледом — шел ночевать в машину. Боялся, чтоб не угнали. Жюль было прошел мимо, в потемках не узнав тестя. Тот первым окликнул его:

— Жюль, это ты?

— Да.

— А мы не уехали. Решили задержаться. Немцы не идут на Париж. Это верно?

— Да, они повернули.

— Слава богу! Может быть, обойдется. Доктор сказал, у девочки ничего страшного, через несколько дней можно ехать... Я зайду еще. Посмотрю машину и подымусь.

В квартире стоял содом. Раскрытые чемоданы, разбросанные вещи... Пахло лекарством. Жена ставила Элен горчичник. Посмотрела на Жюля лучистыми глазами. Искала примирения.

— Ты устал, Жюль. Все еще сердишься?.. Прости меня! На днях мы уедем. Только бы не перешло в бронхит...

— Делай как хочешь. Мне надоели капризы.

Жюль прошел в кабинет. Заплакала Элен,— вероятно, горчичник начал щипать. Лилиан склонилась над дочерью:

— Потерпи, потерпи, крошка! Скоро мы поедем к дедушке... Тетушка Гарбо, может быть, пора снять?

— Нет, нет! Еще одну минуту.— Гарбо стояла с часами и близорукими глазами смотрела на циферблат.

Уехать не пришлось ни через пять дней, ни через неделю. Доктор опасался воспаления легких. Он приходил каждый день, успокаивал, но ехать пока не советовал. Нужно подождать еще день-два. Виноторговец терзался сомнениями: ехать одному или ждать? На виноградниках самое горячее время, без него там все пойдет прахом. Нужен свой глаз. А Лилиан как одержимая. Совершенно не спит. Осунулась, похудела. Откладывает отъезд со дня на день.

Жюль почти не бывал дома, иногда не ночевал. Когда приходил, скупо отвечал на расспросы тестя. Обстановка дома его раздражала. Вокзал, а не квартира. Новости были разные. Вейган принял командование. Войска заняли новую оборону вдоль Соммы. Ее называют линией Вейгана. Верден пал без сопротивления. Коммунисты призывают защищать столицу, но Париж решили объявить открытым городом. Полиции раздали карабины. Приказано расстреливать на месте всех, кто попытается готовить оборону.

Месье Буассон комментировал события. Зять уклонялся от разговоров. Мрачно отсиживался в кабинете. Лилиан пропускала все мимо ушей, с утра до ночи была занята дочкой. Единственной слушательницей виноторговца оставалась тетушка Гарбо.

— Война войной,— говорил Буассон, усевшись в кресле-качалке,— а собственность должна быть священна. Если Париж будет открытым городом, его не станут бомбить, сохранятся национальные ценности — Лувр, Нотр-Дам, предприятия. Мало ли что. Пос-

ле войны предприятия тоже должны работать. Мы устраним убытки.

Месье Буассон за всю жизнь не бывал в Лувре, но музей, как и виноградники, был для него символом собственности. Капитуляция бельгийской армии огорчила виноторговца. Он забеспокоился — теперь немцы снова повернут на Париж.

— Король Леопольд снюхался с немцами. Предатель! — Бельгийский король казался ему почти коммунистом. А как известно, коммунисты — против Франции.

В один из дней врач не пришел к Элен. Лилиан прождала несколько часов и позвонила ему домой. Там ответили — срочно выехал из Парижа.

Город пустел, его покидали все, кто имел хоть малейшую возможность выбраться из Парижа. Почему же не мог уехать доктор?

На другой день немцы впервые бомбили город. Больше ста самолетов висели над улицей Пастера, над Сеной. Бомбили заводы Ситроена. Погибло двести пятьдесят человек. Об этом рассказал Жюль. Он сам был на набережной Луи Блерио.

Нет, дольше сидеть нельзя ни минуты! Это безрассудство! Правительство — и то переезжает в Тур. Министры знают, что делать. Месье Буассон заявил твердо — завтра он уезжает. Это решено. Иначе можно застрять. Скоро снимут колеса, кузов,— всего дождешься.

Кроме бомбежки, винодела расстроило еще одно обстоятельство: ночью кто-то вылил из бака горючее. Вот мерзавцы! Как он не сообразил вылить сам?

Жюль поморщился, когда узнал о пропаже. Обещал дать полканистры. Больше не может, самому надо доехать в Тур, возможно, в Бордо — туда эвакуируется газета.

О запасном баке с горючим Жюль умолчал — доедут и так. До Фалеза километров двести. В обрез, но хватит.

Жюль тоже со дня на день откладывал выезд. Сотрудники газеты перебрались в Бордо. Если бы не упрямство жены, он давно был бы там. Не хватало еще угодить под бомбу!..

Крошка Элен чувствовала себя гораздо лучше. Температура установилась нормальная, исчезли хрипы в груди, которые так тревожили Лилиан. Она согласилась ехать.

Утром «пикап», загруженный вещами, стоял у ворот. Тетушка Гарбо в чепчике и старомодном пальто взгромоздилась наверх. Месье Буассон сел за руль. Он сидел прямо, как кучер на козлах, жевал сигару и волновался. Лилиан поместилась рядом, взяв ребенка на руки.

Жюль поехал вперед — до площади им было по пути. На углу он остановился и вышел. Подошел к «пикапу». Лилиан спросила:

— Жюль, может, ты поедешь с нами? Я так боюсь...

— Дорогая моя, не могу! Я должен быть рядом с Францией. Это мой долг.— Патетический тон предназначался для тестя.— Но я приеду. Будьте здоровы!..

Виноторговец кивнул головой. Лилиан хотела что-то сказать, но

отец тронул машину. Ему не терпелось скорее выбраться из города. Небо спокойное — ни облачка, ни самолета. И все же лучше не искушать судьбу.

На высокопарные слова зятя он ответил:

— Ну, мы поехали!..

Жюль его не услышал. Он завел мотор и поехал прямо, к Орлеанским воротам.

VI

Месье Буассон, переехав Сену, свернул налево и скоро влился в поток машин, велосипедистов, повозок. Машины, сигналя, обгоняли пешеходов, но все же двигались медленно. На углу Рю-де-Бурже долго стояли. Дорогу перерезала колонна грузовиков. Тронулись дальше. Кажется, стало свободнее. Виноторговец переключил скорость. Поток снова замедлился. Так ехать — только жечь даром бензин... Лилиан сидела молча, с тревогой поглядывала на дочь. Элен спала спокойно.

Ближе к заставе поток стал гуще, плотнее, он заполонил всю улицу. Пешеходы с рюкзаками, тачками, детскими колясками, груженными скарбом, шли по тротуарам. Вдруг снова будто прорвалась плотина. Несколько минут ехали на третьей скорости. Приближалась застава. Что произошло дальше, месье Буассон сразу не понял. Треск, скрип тормозов, удар, толчок, звон разбитых стекол. Машина рванулась в сторону и остановилась, перегородив улицу. Лилиан вскрикнула. Рядом с собой виноторговец увидел смятое крыло и радиатор автобуса. Сзади неистово гудели сирены, ругались, кричали.

Месье Буассон дрожащими пальцами вынул изо рта сигару и выбрался из кабины. Автобус уехал. Передние колеса «пикапа» были вывернуты, как лапы у таксы. Буассон растерянно стоял, еще не сознавая, что произошло. Мимо катился поток беженцев-пешеходов. Сзади «пикапа» выстроился хвост машин. Образовалась пробка. Долго спорили, наконец кто-то предложил убрать машину с дороги. Общими усилиями «пикап» сдвинули к тротуару. Месье Буассон тоже помогал толкать. Бледная тетушка Гарбо сидела на вещах. Виноторговец наконец пришел в себя.

— Что же мы теперь будем делать?

Лилиан, осторожно придерживая ребенка, вышла на тротуар. Она поняла весь ужас их положения. Жюль уехал, машина сломана. Дальше они не могут сделать ни шага. Отец повторял:

— Что же мы будем делать? Что же мы будем делать? — Он чуть не плакал.

Крошка Элен, завернутая в розовый кружевной конверт, мирно спала на руках. Она так и не проснулась во время аварии. Вид спящей дочери вернул Лилиан самообладание — она спасет Элен.

— Тетушка Гарбо, возьмите ребенка. Я сейчас вернусь...

Тетушка Гарбо сползла с пирамиды чемоданов, узлов, приняла спящую Элен.

— Куда ты? — спросил отец.

— Пойду звонить.

Лилиан еще не знала, кому она будет звонить, но надо что-то делать. Прежде всего найти автомат.

Торопливо пробиралась она против течения, разыскивая глазами аптеку, магазин, что угодно, где есть автомат. На углу подошла к полицейскому. Он посмотрел на нее, — кто теперь звонит по телефону? Объяснил — ближайший автомат на станции метро.

Только в будке Лилиан сообразила — она не помнит номеров телефонов. Записная книжка осталась дома. Открыла сумочку. Ключи здесь. Слава богу! Она поедет домой.

Бегом спустилась в подземку. Это была конечная станция. Навстречу ей выплескивались из метро новые толпы беженцев. К центру ехала в пустом вагоне. Через полчаса, задыхаясь, взбежала по лестнице на площадку. Непослушной рукой открыла дверь, бросилась в кабинет. Алфавитная книжка Жюля лежала на столе. Судорожно принялась листать. Кому же звонить? Сначала друзьям. Один за другим набирала телефоны. Раздавались протяжные гудки, никто не отвечал. Отчаяние начинало охватывать женщину. Друзей Жюля, которых она знала, не так много. Боже мой, что же делать?!

В глаза бросилась строчка: «Поль Рейно. Канцелярия...» Она позвонит. Рейно знает мужа... Молчание, только гудки. Все будто вымерло. Устало положила трубку. Вспомнила: Жюль говорил, правительство переехало в Тур.

Безнадежно продолжала листать страницы. Незнакомые имена. Позвонила наобум. Снова никакого ответа. Бросила раскрытую книжку. Придется возвращаться обратно, брать Элен и возвращаться... Страшно! Лилиан представила себе пустую квартиру в мертвом городе. Как это страшно! Ну и пусть. Подумала об Элен... Нет, нет! Надо что-то придумать. Снова схватила книжку. Терзи! Леон Терзи! Домашний телефон. Может быть, он не уехал.

Лилиан набрала номер, настороженно прислушалась к протяжным, заунывным гудкам. Не отвечает. Может быть, неправильно набрала номер? Набрала еще раз. Снова гудки... Вдруг гудки прекратились.

— Алло?

— Месье Терзи? — Лилиан даже не поверила. — Месье Терзи, умоляю вас, помогите! Сломалась машина... Да, да!.. Вы тоже без машины? Но что же делать? Помогите мне, ради бога! Молю вас... Нет, Жюль уехал. Кажется, в Тур... У меня никого нет...

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

I

Премьер откинул плед, поднял с дивана свое грузное тело и, нащупав ногами туфли, подошел к телефону. Последние дни, с того времени, когда на аудиенции у короля в Букингемском дворце он

согласился возглавить правительство, Черчилль спал в кабинете — неотложные звонки раздавались в любое время суток.

Старинные бронзовые часы, изображавшие Трафальгарскую битву, показывали еще без четверти семь, когда Поль Рейно позвонил из Парижа. Звонок разбудил премьера.

Без предисловий Рейно сказал:

— Мы потерпели поражение. Немцы прорвались во Францию. Алло!

Премьер молчал. Рейно показалось, что их разъединили.

— Алло!.. Вы слышите?

— Да, да, слушаю!

— Я говорю — мы разбиты, мы проиграли битву.

Черчилль ответил первое, что пришло на ум,— надо успокоить союзника.

— У вас точные сведения? Вы уверены? Это не могло случиться так скоро.

— К сожалению, так. Наш фронт прорван в районе Седана. Образовалась брешь в пятьдесят миль. Немцы идут потоком, с танками и бронемашинами.

Рейно говорил отрывисто, будто зачитывал оперативную сводку. Премьер слушал и рассеянно крутил пресс-папье. Мысль его работала уже в другом направлении: как быть с войсками Горта? Осторожность, предусмотрительность прежде всего. Рейно он сказал:

— Мне кажется, вы сгущаете краски. Я не склонен так пессимистично расценивать события.

— Да, но я говорю вам...

— Простите, одну минуту... Опыт показывает, что любое наступление через некоторое время должно прекратиться. Иначе и не может быть. Надо подтягивать тылы, обеспечить снабжение, боевое питание. Поверьте мне, немцы выдохнутся через сутки.

— Мне хотелось бы верить вам, но сейчас надо принимать меры. Гамелен поражен быстротой продвижения противника. Я повторяю — мы проиграли битву.

— Нет, нет, не говорите этого! Во Франции, наконец, четырехсоттысячный английский экспедиционный корпус... Но, впрочем, я готов приехать к вам и обсудить положение. Да, да! Отлично!

Премьер положил трубку и раскрыл шторы на окнах. В кабинет ворвались потоки света. Утро было изумительно свежим. Черчилль приоткрыл дверь. Дверь даже не скрипнула, но Томпсон, детектив, инспектор Скотланд-ярда, которого премьер пригласил к себе в телохранители, мгновенно вскочил. Профессиональная чуткость — спит, как заяц, с открытыми глазами.

Черчилль предпочитал окружать себя преданными людьми, которых знал десятилетиями. То же и с Томпсоном. Старик ушел на покой, в отставку. Получал пенсию в Скотланд-ярде. Но Черчилль разыскал его в начале войны. Поехал сам в его загородный домик и притащил к себе. Томпсон был верен, как сторожевой пес.

— Дорогой мой,— сказал премьер,— секретаря, очевидно, нет в такую рань. Будьте добры, позвоните в штаб. Пусть приедет ко мне начальник... Впрочем, лучше военный министр. Передайте Идену, что я его жду... Как спали? Я что-то не выспался.— Черчилль зевнул и потянулся.— Я еще прилягу немного.

Но заснуть премьер-министр уже не смог. Отвлекали различные мысли. Перебирал в памяти последние события. Странно — неделю назад он и не предполагал, что все обернется именно так... Прения в палате совпали с немецким наступлением. Кабинет Чемберлена критиковали за военные неудачи. Он, Черчилль, тут ни при чем. Подсказал только Эмерли процитировать Кромвеля из обращения к Долгому парламенту. Занятная цитата! Эмерли так и сделал. В палате он повторил Кромвеля: «Вы сидели здесь слишком долго. Как бы вы хорошо ни работали, уходите, говорю я вам. И пусть с вами будет покончено. Ради бога, уходите!»

И Чемберлен ушел. Получилось вежливо, без грубости, в рамках парламентских приличий. Эмерли не говорил сам «уходите вон», он цитировал слова Кромвеля. Чемберлен что-то говорил о единении национальных сил, рассчитывал на поддержку. Черчилль уклонился от поддержки кабинета Чемберлена. Нельзя же превращать себя в этакое бомбоубежище для защиты правительства от осколков. Наоборот...

От дворца до адмиралтейства две минуты езды. Черчилль вернулся из дворца окрыленный честолюбивыми мечтами. Он стал премьером! Наконец он получил право распоряжаться, давать указания на всех театрах военных действий... Честолюбие! Что такое честолюбие? Это искры, которые мерцают в каждой душе, и часто не столько ради каких-то низменных целей, сколько ради славы.

Черчилль почувствовал себя избранником судьбы. Приподнятое, бодрое настроение не испортили даже голландские министры, прилетевшие из Амстердама. Они недолго сопротивлялись, сбежали на следующий день после того, как началось немецкое наступление. Голландская армия капитулировала уже без них. В адмиралтействе министры, как овцы в овчарне, жались друг к другу. Были измучены. В глазах отражался пережитый ужас. Попробовал их приободрить и отпустил — обещал помощь. Обещал сам, без чьих-то советов и консультаций. Кажется, впервые он так ясно ощутил сладость власти, почувствовал силу, авторитет, преклонение. Встреча с голландскими министрами показалась ему символичной. Черчилль был почти благодарен им за ужас в глазах, за усталый, помятый вид и бестолковые мольбы о помощи.

Нет, появление министров-беженцев не испортило настроения. Он с нетерпением ждал наступления утра — первого утра неограниченной власти. Приказал приготовить постель в кабинете. Но в первую ночь никто не позвонил премьеру. Это чуточку обидело. Но спал он спокойно и не нуждался в ободряющих сновидениях. Факты, думалось ему, лучше любых сновидений. Даже сейчас, после звонка Рейно, сообщение из Парижа не сильно встревожило Чер-

чилля. Он уверен в своих силах, надо только на всякий случай принять некоторые меры по поводу экспедиционных войск.

Потом еще одно. Надо выступить в парламенте с правительственным заявлением. Речь должна быть лаконичной и сильной. Он скажет: «Я ничего не могу предложить, кроме борьбы». Нет, не так. Лучше усилить: «Я не могу ничего предложить, кроме крови, труда, слез и пота. Наша политика — вести войну. Наша цель — победа!» Так будет хорошо, англичане любят грубоватую прямолинейность.

Антони Идена Черчилль принял в постели. Вопреки этикету, он допускал подобные вольности к наиболее близким друзьям. Бессонные ночи, проведенные за работой, извиняли его.

На столике стоял поднос с завтраком. Премьер не прикоснулся еще ни к кофе, ни к жареной ветчине. Иден застал его за чтением утренней почты.

Предупредительно вежливый, с мягкими, даже как будто застенчивыми манерами, Иден подошел к громоздкому, как Ноев ковчег, дивану. Черчилль оторвался от чтения бумаг.

— Хелло! Извините меня, дорогой, что я заставил вас подняться так рано. Есть что от Горта?

— Да, есть телеграмма: лорд Горт изучает возможность отступления к Дюнкерку, конечно, если его вынудят к этому непредвиденные обстоятельства.

— Эти обстоятельства уже наступают,— Черчилль рассказал о звонке из Парижа.

— Но как отнесутся к нашему отступлению французы? Я говорю о договоре, о наших военных обязательствах.

— Об этом французам нечего знать раньше времени.

Премьер сдвинул в сторону кипу бумаг, поднялся с дивана, прошелся по кабинету, остановился у мраморного бюста Аристотеля. Древний философ с окладистой бородой, в хитоне глядел невидящими каменными глазами.

— По этому поводу я скажу вам словами этого мудреца: «Часто старики иначе понимают верность, чем молодежь». А мы с вами не так уж молоды, во всяком случае я. Чтобы спасти корабль, надо вовремя рубить концы,— Черчилль энергичным жестом рассек воздух ребром ладони.

Беседа продолжалась недолго. Решили — надо поручить адмиралтейству сосредоточить корабли в Дувре. На всякий случай.

— Кстати,— сказал премьер, когда Иден поднялся, чтобы уйти,— сегодня я официально обращусь к Рузвельту по поводу эсминцев. Прошу пятьдесят вымпелов. Они нужны нам, как воздух.

— Да, но американцы хотят торговаться, они просят за это базы на нашей территории. В частности, в Вест-Индии и на Бермудских островах.

Премьер резко повернулся к собеседнику. Иден затронул больной вопрос.

— Базы? Мы не дадим их. Предложим доллары, оплатим золотом, чем угодно, но я не позволю растаскивать империю!

— А если откажутся? Американцы постараются взять нас за горло.

— За горло? — Черчилль нервно сжал пальцы.— Пусть попробуют! Впрочем, вы знаете, какая пришла мне мысль? Поторгуемся — игра стоит свеч. Если Соединенные Штаты передадут нам эсминцы, это послужит Гитлеру поводом объявить Штатам войну. Вы меня поняли? Нам нужен заокеанский союзник...

II

В полдень того же дня британский премьер вылетел на «Фламинго» в Париж. Через час он приземлился на аэродроме Бурже, а еще минут через сорок его машина, миновав Сен-Дени, въехала в город.

Заседание началось тотчас же, как только Черчилль появился на Кэ д'Орсэ в обширной комнате с лепными потолками и золочеными стенами. Высокие окна выходили в сад. Там среди деревьев горели костры. Служители департамента на тачках возили перевязанные шпагатом кипы папок. Жгли архивы. В открытые окна легкий ветер доносил запах горелой бумаги.

В продолжение всего совещания участники его ни разу не присели за стол. Они толпились у карты, повешенной на стене. В районе Седана линия фронта угрожающе выдавалась в сторону Парижа и уходила на северо-запад.

Докладывал Вейган, прибывший наконец из Сирии. Его задержала ненастная погода. Был здесь и Гамелен, отстраненный от верховного командования. Заложив руки в карманы, нервно расхаживал Поль Рейно. Несмотря на удары судьбы, он сохранял драчливый вид петушка. Насупившись, стоял Даладье — в кабинете Рейно он стал военным министром. За эти дни он постарел и обрюзг.

Вейган доложил: он отменил приказ Гамелена о перемещении войск, операции должны развиваться более решительно, он бы сказал — стремительно. Надо выбить инициативу из рук противника. Конкретно предлагается следующий план: северная группа войск под прикрытием бельгийской армии наносит удар со стороны Камбре и Арраса в направлении на Сен-Кентен. Решающую роль должны здесь сыграть союзные британские войска.

— Честь завоевания победы мы предоставляем нашим героическим союзникам. Они заслуживают этой славы.— Вейган повернулся к Черчиллю и слегка поклонился.

Французские войска — армия генерала Ферера — с юга, от Соммы, устремятся вперед, навстречу британским войскам. Танковые армии Рунштедта окажутся между молотом и наковальней. Бельгийская армия сможет выйти из-под удара.

Немецкая группировка фон Клейста, прорвавшаяся далеко на запад, будет просто раздавлена. Ведь на севере находится до миллиона боеспособных англо-франко-бельгийских солдат. С юга на соединение с ними двинется еще более мощная группировка — в Цент-

ральной и Южной Франции армейские группировки насчитывают два миллиона человек. Вейган иллюстрировал свой план на оперативной карте. Мощные стрелы с юга и с севера устремлялись навстречу друг другу.

Гамелен слушал молча доклад нового главкома. В конце он сказал:

— По существу, это то же самое, что предлагал я.

Слова его прозвучали так: «Какой смысл было устранять меня от командования?»

Рейно возразил:

— Но почему же вы не осуществили свой план до сих пор?

Гамелен безнадежно пожал плечами.

— У нас мало войск, худшее снаряжение, нет танков. Наконец, нужно время, чтобы сосредоточить силы.

— Танков достаточно,— Даладье поднял отяжелевшие веки.— Мы имеем четыре тысячи. Где они?

— Вы же сами знаете это, господин военный министр: тысяча новых танков стоят на складах и в парках. Остальные изношены, устарели.

Рейно задиристо подскочил к Гамелену:

— Это преступление перед нацией! Не использовать тысячу танков, когда против нас брошено...— Рейно задохнулся, ему не хватало воздуха.— Почему танки на складах?

— Это вы тоже знаете, господин премьер,— Гамелен говорил спокойным, усталым голосом.— Танки предназначались для финнов, так же, как и самолеты, отправленные в Сирию, предназначались для других целей — для нанесения удара по нефтяным промыслам в Баку. Вы это знаете. Не обвиняйте меня. Могу дополнить: генеральный штаб тщетно разыскивает полмиллиона винтовок. Где они? Только в списках. Я не говорю об одеялах, котелках, солдатских флягах, о ста тысячах противотанковых мин. Этими минами мы могли бы преградить дорогу Рунштедту, но на них подрывались русские танки при прорыве линии Маннергейма.

Наступило неловкое молчание. Вейган раздраженно подумал: «Болван! Зачем пригласили его? Он может скомпрометировать». Несколько лет назад Вейган сам через интендантов позаимствовал из военных складов часть винтовок для кагуляров, оружие нужно было для борьбы с красными. Главком постарался перевести разговор:

— Не будем, господа, спорить! Я хотел бы услышать ваше мнение. Что думает о моем плане господин британский премьер?

Черчилль стоял у окна. Над кострами клубился сизый дым. На подоконник упал кусочек черного пепла. Черчилль растер его между пальцами. «Да, судя по обстановке, следует рубить концы». На вопрос Вейгана ответил:

— Да, мой генерал, я полностью с вами согласен. Мне отрадно отметить вашу решимость. Франция и Британия будут сражаться рядом.

Главком резюмировал:

— Значит, будем считать, что план контрнаступления согласован? Завтра я отдаю приказ.

К ночи Уинстон Черчилль был снова в Лондоне. Он не мог надолго покидать столицу. Его ждали дела, не терпящие отлагательства. Ближе к полночи премьер и министр обороны пригласил к себе первого лорда адмиралтейства.

— Я хотел бы обсудить с вами план возможной эвакуации наших войск из Дюнкерка. Не подошел бы для общего руководства адмирал Рамсей?

Операцию «Динамо», как зашифровали предстоящую эвакуацию британского экспедиционного корпуса, начали готовить той же ночью. Время не ждало. Готовилась она в глубочайшей тайне и от немцев, и от французов.

III

В любой армии мира солдатский беспроволочный телеграф действует безотказно, казалось бы, в самых тяжелых условиях. Он исправно передает информацию, когда перестают действовать все остальные виды военной связи. С быстротой полевой рации среди солдат распространяются слухи, которые впоследствии почти всегда подтверждаются. Солдатский телеграф сообщает о передислокации войск, о назначениях, о вероятных прогнозах, основанных на достоверных, но еще не подписанных приказах. Прикуривая, что-то расскажет шофер, приехавший со штабным офицером, что-то добавит ординарец, несущий срочный пакет с сургучной печатью. Что-то услышит денщик и шепнет на ухо своему приятелю. Или сболтнет писарь, услыхав оброненную фразу шифровальщика или радиста. Эти разрозненные сведения обобщаются, процеживаются, дополняются наиболее вероятными предложениями и распространяются, точно круги от упавшего в воду камня.

Шарль и Фрашон медленно пробирались на север. Брошенные, как щепки, в поток беженцев, они все же были в курсе каких-то событий. Из этого могли делать выводы, принимать решения. Англичане отошли дальше к каналу. Значит, и нечего за ними гнаться. В районе Арраса строят оборону. Фрашон прикинул: их дивизии некуда больше деться, рота скорее всего там. Порешили пробиваться в Аррас.

Зорким взглядом солдаты выискивали в толпе мелькавшие защитные френчи. Сначала прибились к ним трое. Встретили как земляков. Потом еще один и еще двое. Шагали вместе вдоль обочин. Сообща промышляли, где бы перекусить, что бы добыть по дороге. Двое солдат несли ручной пулемет и жестяную коробку с патронами. Тот, что помоложе, чертыхался — коробка оттянула все руки. Но патроны не бросил, могут пригодиться — война. Фрашон и Морен тащили запасные стволы. Шарль несколько раз собирался свой бросить: кому он нужен! Но Фрашон рассудил: а если встретят лейтенанта Луше? Он спустит с них шкуру...

На другой день, отшагав много миль по проселкам, сели передох-

нуть у колодца, под одиноким дубом, мощно раскинувшим свои ветви. И дуб, и колодец, выложенный камнем, и крестьянский двор с толстыми, будто крепостными стенами стояли, плотно вросшие в землю. Стояли, может быть, больше века. Как и всюду, где проходили солдаты, в усадьбе было пусто. Чужие люди, также бросившие свое жилье, заходили в дом взглянуть на царящее там запустенье. Теперь все это считалось ничьим. Каждый считал себя вправе взять все, что может пригодиться в дороге. Но в доме и во дворе уже не оставалось ничего ценного. Заходили посмотреть больше из какого-то безразличного любопытства, как смотрят на незнакомого покойника.

Больше, чем опустевший дом, беженцев привлекал колодец с цепью, прикованной к лебедке, с тяжелой, позеленевшей деревянной бадьей, от которой веяло сыростью. Истомленные пешеходы, повозки сворачивали с тракта к старому дубу. Люди заглядывали в темную глубину колодца, животные тянулись мордами к деревянной колоде. Но в колодце воды давно не было, ее вычерпали до песка. Иные скрипучей лебедкой вытаскивали бадью, находили там на донышке густую жижу и разочарованно трогались дальше. Хотелось пить.

Морен сидел на земле, прислонившись к шершавому стволу дерева, и жевал хлеб с куском сыра — сыр удалось найти в чьем-то погребе. Подошвы ног горели от жары и усталости. Шарль разулся и наслаждался ощущением наступившей вдруг легкости и прохлады. Фрашон перелил из бадьи в котелки желтую густую жижу. Ждал, когда отстоится вода.

— Народу, народу сколько идет, будто вся Франция едет пахать на дальнее поле... Вот и попьем сейчас.

Он слил отстоявшуюся воду в порожний котелок, стукнул ладонью по днищу и вывалил на землю кучку вязкого, сырого песка.

От дороги к колодцу свернула крестьянская повозка, запряженная парой усталых коней. На повозке, в которой возят с полей снопы, сидели две женщины. Морен вскочил и пошел навстречу.

— Мари! — Девушка не видела солдата. Она была в том же клетчатом платье.— Мари! — крикнул снова Морен.

Пожилая женщина, державшая вожжи, подтолкнула девушку, кивнула на подходившего солдата. Мари оглянулась, узнала Шарля и улыбнулась.

Фрашон подошел тоже.

— Куда вы?

Мари не расслышала, мать ответила вместо нее:

— Не знаем. Куда все.

Женщины выбрались из повозки, подсели к солдатам. Оказалось, что они ехали той же дорогой, покинув деревню в ту ночь, когда Шарль и Фрашон проводили Мари домой. Накануне они ночевали даже в одной деревне. Женщины с жадностью пили воду — солдатам осталось по два глотка.

— Куда же поедете? — переспросил Фрашон.

— Не знаю, не знаю...— Мать тяжело вздохнула и сокрушенно опустила голову.— Ума не приложу, что теперь делать.

— Вот что,— у Фрашона внезапно появилась идея.— Езжайте в Фалез. Как доедете до Фалеза, сразу поворачивайте влево, мимо водяной мельницы. Там дорога одна. Приедете в деревню, спросите Катарину Фрашон. Там все знают. Как-нибудь приютитесь.

— А где этот Фалез?

Фрашон стал объяснять. Он сразу уверился, что женщинам следует ехать именно в Фалез и никуда больше.

— Встретите Катарину, скажите — видели Жана Фрашона. Это меня. Скажите: пока жив еще, он и прислал, мол.

Мари не принимала участия в разговоре. После контузии слух все еще не возвращался. Шарль пытался с ней говорить, но для этого надо было кричать перед самым ухом. Это почему-то смущало его, он стыдился перед солдатами.

Фрашон поправил сбрую, подтянул постромки, похлопал по крупу лошадь.

— Дойдут!

Когда женщины снова уселись в повозку, он сказал матери:

— Встретите Катарину, напомните — пусть зайдет к Буассону. Хозяину нечего валять дурака, пускай отдает долг. В отпуск я на него даром, что ли, работал... Так и скажите жене — пусть заберет долг... А трактом не ездите, они по дорогам бьют. Проселками, не торопясь, и доедете. Бывайте здоровы! Скажите, что жив еще... Может, и встретимся.

Морен пожал руку девушке:

— До свидания!

Мари кивнула ему головой. Повозка свернула за усадьбой, а солдаты обулись и пошли прямо к Аррасу.

IV

С ходу немцам не удалось захватить Аррас. Потеряв несколько танков, они отошли за холм, обескураженные внезапным сопротивлением.

Морен примостился в неглубоком окопчике перед амбразурой, сделанной в баррикаде из мешков с песком. Мешки лежали штабелями, как на мельнице, и надежно защищали от пуль и осколков. Но против бомбежек они не предохраняли. Во время налетов приходилось залезать в тесные лисьи норы, отрытые наспех во время обороны. Солдаты два дня не выходили из боя. Заросшие щетиной, почерневшие, оглушенные, измазанные глиной, они держались, и немцы ничего не могли с ними сделать. Занятые позиции были плёвые — так, окопчики, баррикады, ежи из колючей проволоки да противотанковый ров, который не удалось дорыть.

В сумятице на дорогах, среди которой сам черт сломит голову, Шарль и Фрашон все-таки нашли свою роту. Конечно, это было делом случая,— кто знал, что они встретят на дороге сержанта Пинэ.

По этому поводу Фрашон заметил: «Солдат как кошка — куда ни занеси, найдет дорогу обратно. Приживается к роте».

Куда делся весь полк, никто не знал. Может быть, тоже держит где-нибудь оборону. А сержант Пинэ, заметив их на дороге, сказал как ни в чем не бывало, будто они задержались в нужнике:

— Вы долго еще будете бездельничать? Я за вас должен таскать мешки? Идите на свое место!

Приставшие в пути солдаты тоже пошли за Фрашоном. Их место оказалось на огородах, на окраине города. Ночью они строили оборону, а с рассветом немецкие танки пошли в атаку. Танковую атаку отбили артиллеристы. Только один танк перевалил через ров. Его забросали гранатами.Он закрутился на одной гусенице и вспыхнул. Морен впервые видел, как горят танки. Краска вспучилась пузырями, коробилась, потом огонь, вероятно, проник в баки, а может быть, рванули снаряды. Башня съехала набекрень. Над танком поднялся столб дыма. Это повысило у всех настроение. Танк дымился до самого вечера.

Но вскоре пришлось позабыть обо всем. «Мессершмитты» долбили их не меньше часа. Возможно, что только так показалось — не меньше часа. В бомбежку и секунды могут тянуться часами.

В первый день после бомбежки немцы еще два раза ходили в атаку и снова откатывались. Лейтенант Луше погиб на другой день. Луше командовал восточным сектором. Он поднялся над бруствером, крикнул только: «По танкам...» — и, обмякший, свалился на землю.

Сколько отразили еще атак, Морен помнил смутно. Атаки чередовались с налетами. Отбомбят — лезут снова. За танками шла пехота. Ее секли пулеметами. Фрашон стоял вторым номером, он заменил того солдата, который шел с ними, тащил коробку с патронами. Солдата убило сегодня утром. Схоронить еще не успели.

В полдень снова бомбили. От Арраса, наверно, ничего не осталось, горит в разных местах. Приготовились к немецкой атаке, но атака была какая-то вялая. Танки, не доходя рва, повернули обратно. Получилась неожиданная передышка.

Фрашон отпил из фляги, завернул пробку.

— Теплая... Больше не лезут.

Вытер ладонью рот, размазав на подбородке грязь. Закурил трубку. Морен тоже присел на корточки.

— Осталось? — кивнул он на флягу.

— На, допивай... Надо бы в окоп положить, там прохладнее.

Вода была почти горячая, она смягчила пересохший рот, но не утолила жажды. Морен сказал:

— Отдуваемся здесь за весь полк.

— За всех отдуваемся.— Фрашон вспомнил о письме жены. Хозяин до сих пор не заплатил долга, зарабатывает на солдатских спинах.— Окопались в тылу. И коммунисты тоже.

— Коммунисты воюют или сидят в тюрьмах.

— Где они воюют? Только баламутят народ. Попрятались в норы.

— Где воюют? Рядом с тобой.

— Не видал.

— Посмотри лучше,— Морен усмехнулся.— Я что, не воюю?

Фрашон посмотрел воспаленными глазами на Шарля.

— Ты? — Вот уже не думал Фрашон, что его дружок коммунист! Болтает, наверно.— Не мели чепуху!

— Не похож разве? Подожди еще, ты тоже коммунистом станешь.

— Скорее покойником!

Фрашон не поверил Шарлю, обиделся. «Если так, чего же молчал столько времени? От кого таится? Думает, побегу сразу к капитану Гизе, как последний доносчик...»

К вечеру послали разведку — немцы подозрительно приумолкли. Разведчики вернулись затемно. Приволокли «языка». Молодой самонадеянный эсэсовец говорил небрежно и свысока. Грозил, требовал. Такой наглец! Потом разревелся от бессильной ярости. Но все же сказал, что танковая колонна, обходя Аррас, пошла дальше. Нечего тратить время, пусть французы сидят в своем городишке. Вся Франция уже занята армией фюрера. «Хайль Гитлер!» Эсэсовец привстал и выкинул вперед руку.

Действительно, в течение двух следующих дней немцы не пытались атаковать Аррас. Они вели только пулеметный обстрел, швырялись минами, а орудийная канонада отдалилась и затихла в направлении Абвилля. Еще через день среди солдат распространилась новость — англичане бросили свои позиции. Ночью они держали оборону, а утром их и след простыл. Будто сдуло ветром. Снялись, не предупредив французов.

Новость принес Фрашон. Он раздраженно сказал, шаря по карманам в поисках спичек:

— Час от часу не легче! Теперь англичане смылись...

Как, почему — узнали позже. Армия Горта, занявшая после отступления из Бельгии позиции вдоль реки Лис, неожиданно ушла к Дюнкерку, обнажив фланг стоявших рядом французских войск.

Об этом узнали одновременно с приказом оставить Аррас. Солдаты чертыхались, связывая оба события воедино. Нарастало горькое, недоброе чувство, кислотой разъедавшее доверие к англичанам. Их поведение считали вероломством. Даже сержант Пинэ, службист Пинэ, привыкший всегда глядеть в рот начальству, тоже начал ворчать. Он уже не одергивал солдат, рассуждающих о предательстве англичан и прочих вещах, подрывавших дисциплину. Какая теперь, к чертям, дисциплина, если целая армия бросает позиции! Пинэ высказал это, поднимая среди ночи солдат.

— Вставайте, вставайте! — расталкивал он спящих на земле людей.— Фрашон, кто там около тебя дрыхнет? Буди его. Может, успеем проводить генерала Горта.

Шарль, ежась от ночной сырости, мрачно сострил:

— Переходим на заранее подготовленные позиции. Джон Буль уступает нам место. Поддержим наших союзников!

Фрашон спросил:

— Мы совсем отсюда уходим?

Пинэ разозлился:

— Нет! Идем отдыхать! Будем снова разводить кроликов! Поднимайтесь быстрее!

Сержант Пинэ заменил убитого командира роты. В роте оставалось теперь человек сорок. Это включая тех, кто присоединился в дороге и во время боев под Аррасом. И ни одного офицера. Пинэ не знал даже, от кого поступил приказ оставить город. Аррас защищали разрозненные части, но сержант по-своему рассудил правильно. Раз кто-то отдает приказ, значит, есть и начальство. Иначе никакая сила не заставила бы его оставить позиции.

Темень ночи прорезали отсветы угасавших пожаров. Иногда подымались вдруг столбы искр — обваливалась стена или падали балки. На какие-то мгновения багровый свет становился ярче, он выхватывал из темноты мешки баррикады, выщербленную черепичную крышу, гуще становилась темень в провалах окопов. От баррикады протянулась цепочка пригнувшихся, будто идущих на четвереньках солдат. На улице, под прикрытием домов, построились и окраиной города вышли к железной дороге.

К рассвету защитники Арраса находились в нескольких милях от города. Только теперь, когда вся колонна вытянулась на дороге, стало видно, сколь невелик был отряд, защищавший целую неделю осажденный город. Фрашон обратил на это внимание:

— Я не думал, что нас так мало. У месье Буассона на виноградниках и то больше работает...

— Ты все меришь на виноградники. Как думаешь, отдаст он тебе деньги? — Шарль не утерпел поддеть товарища.

— Ну и черт с ним! — Бретонца не оставляла мысль о подлости Буассона. Слова Морена задели его за живое.— Выбраться бы только мне из этого пекла, я бы... Гляди-ка, а что там такое?

Фрашон указал на опушку дубовой рощи у дороги. В чаще кустарника что-то ослепительно блестело на солнце. Шарль козырьком приложил руку к глазам.

— Кажется, фара. Автомобиль...

Из строя выходить не посмели. Доложили Пинэ. Сержант приказал пойти посмотреть. Морен оказался прав — в кустах стоял брошенный грузовик, и не один. В глубине рощи оказалось еще с полдюжины автомобилей. Шарль осмотрел их, ударил носком по шинам — накачаны. Заглянул в баки, забрался в кабину. Машины были исправны. В баках полно горючего.

— Вот это нам повезло! Английские!..

Морен вывел грузовик на дорогу.

Дальше ехали на автомашинах. В кузовы набились солдаты, как шпроты в банке. Иные пристроились на подножках. В передней машине, рядом с Мореном, сидели Фрашон и Пинэ. Было тесно, и Фрашон сидел боком, повернувшись к окну. Шарль гнал на совесть. Мелькали пустые деревни — ни французов, ни немцев. Войска отступили, беженцы прошли на юг, а немцы, проскочив к морю, еще не заняли эти места.

— Ты что, шофер? — Пинэ с бо́льшим уважением стал смотреть на Морена, приникшего к рулю. До этого он считал Морена только строптивым солдатом, умеющим отлынивать от нарядов.

Ответил Фрашон:

— Механик он, работал на заводе Рено в Париже.

Фрашону очень хотелось взглянуть сейчас на Пинэ: как он воспримет это? Для него ведь все солдаты болваны. Но Фрашон не мог повернуться, только скосил глаза.

Шарль добавил:

— Работал на сборке.

— Смотри ты!.. Говорят, немцы бомбили Рено.

— Нет, Ситроен. Напротив нас.

Перед Брюэ Морен предложил:

— Брюэ стоит объехать. Может, там немцы.

Пинэ согласился. Остановились на перекрестке, подождали отставшие машины и свернули в объезд. Поехали медленно, но все же через час были в районе канала. На мосту их обстреляли — стояла немецкая застава. Сначала приняли их за своих. Открыли огонь, когда грузовики проскочили мост. Раздалось несколько орудийных выстрелов. Снаряды разорвались в стороне.

Шарль до боли в суставах впился в штурвал. Мчался на предельной скорости. За мельницей Пинэ приказал остановиться. Морен рукой вытер пот. Только сейчас он почувствовал, какой опасности удалось избежать. Задние машины резко затормозили.

— Давай дальше! Чего стали?

Солдат-водитель высунулся из кабины и неистово засигналил. Он беспокойно оглядывался назад, хотя моста давно уже не было видно.

Вскоре нагнали своих — отступающие французские части. Правее шел бой. Колонну остановили около артиллерийских позиций. Какой-то полковник приказал Пинэ проехать дальше и занять оборону, он ткнул пальцем в раскрытую карту,— вот здесь. Пинэ немел при встрече с начальством. Козырнул и отправился выполнять приказание. Куда ехать, он так и не понял.

Ползли медленно за артиллерийским дивизионом, санитарными повозками, толпами беженцев. Беженцы снова появились на узкой дороге. Пешие солдаты легко обгоняли колонну.

У реки с пологими зелеными берегами, поросшими ивами, попали в затор.

К машине подскочил капитан, взвинченный, нервный.

— Куда вы едете?

Пинэ назвал деревню, указанную полковником.

— Какой дурак вас погнал туда? Там нечего делать. Идите сюда.

Сержант выбрался из кабины.

— Занимайте оборону вот здесь,— капитан, как и полковник, ткнул пальцем в карту.— Будете держать переправу.

— Но, мой капитан,— осмелился возразить Пинэ,— я имею приказ полковника...

— Какого полковника?

— Не могу знать.

— Выполняйте мое приказание.

— Слушаюсь!

Поехали вдоль реки и вскоре врезались в зыбучий песок. Грелись моторы, буксовали машины. Их тащили почти на руках. Наконец выбрались на приличную дорогу.

На переправе пришлось снова остановиться. Кое-как перебрались на другую сторону реки и попали на глаза генералу, растерянному и усталому. Он сидел на солнцепеке в полевой форме. Распоряжался его адъютант.

— Где ваш офицер?

— Убит под Аррасом.

— Какой дивизии?

Пинэ ответил.

— Где она?

— Не могу знать.

— Куда же вы едете?

— Занимать оборону.

— В тыл? Болваны! Трусы! Возвращайтесь назад! Немедленно!..

Растерянный и оробевший, Пинэ отошел к машине. Адъютант что-то истерически кричал вдогонку. Потом он обрушился на пехотного офицера, шагавшего во главе небольшой группы солдат. Генерал по-прежнему сидел на солнцепеке, в изнеможении опустив руки. Вся его поза, выражение лица будто говорили: «Как мне надоело все это!»

Машины начали разворачиваться, но проехать навстречу рвущемуся через мост людскому потоку нечего было и думать.

— Сержант,— сказал Фрашон,— послушай моего совета, плюнь на машины. Теперь с ними одна морока. Идем пешком. Не будем так мозолить глаза. Оказывается, это мы дезертиры...

Машины бросили у переправы, присоединились к какой-то части и заняли оборону. В тот же вечер приняли бой. Немцы их сбили, пришлось отступать снова, снова приняли бой и опять отошли под напором танков.

Эти два дня провели будто в чаду. От роты уже совсем ничего не осталось — десяток солдат. Пинэ продолжал командовать. Человеком он оказался храбрым, робел только перед начальством. Французские войска стояли полукольцом вокруг Дюнкерка. Говорили, что англичане грузятся на корабли, после станут вывозить и французов.

Остатки роты занимали позиции на берегу канала. По ту сторону немцы открыто проводили перегруппировку, накапливали танки. Их было множество. Фрашон глядел на них из окопа, отрытого на взгорке.

— Сомнут. Перелезут через канал и сомнут. Отступать дальше некуда.

Подполз Пинэ. Спросил, есть ли гранаты. Осталось по две на человека.

— Где же пушки? — спросил Морен.

— У англичан.

— А англичане?

— В Дюнкерке. Мы теперь — как штабная рота, охраняем их то в Аррасе, то здесь. Вот дьяволы! — Пинэ намекал на штаб Горта, стоявший в Аррасе.

— Держи карман шире! Генерал Горт драпанул еще до нашего прихода. Он небось сидит себе в Лондоне...

— Ладно, ладно! — вдруг спохватился Пинэ.— Наше дело выполнять приказ.

Узколицый солдат, лежавший рядом с Мореном, сказал:

— Мне бы посмотреть хоть на одного англичанина.

Разговор оборвался. Просвистел снаряд и разорвался, ударившись в дерево. Солдаты прижались к земле.

— Теперь начнется! — Фрашон посмотрел на гранаты, разложенные на краю окопа.— С этим не навоюешь.

Но то, чего ждал Фрашон и другие солдаты, не началось. Немцы без всякого повода остановили свое наступление. Стояли ясные, тихие дни, но в небе не появлялось ни единого самолета. Солдаты радовались и недоумевали. Решили: видимо, немцы выдохлись.

Двадцать четвертого мая 1940 года премьер-министр Великобритании сэр Уинстон Черчилль получил шифрованную телеграмму от премьер-министра Франции. Поль Рейно сообщал:

«Вы мне телеграфировали сегодня утром, что дали инструкции генералу Горту продолжать выполнение плана Вейгана. Между тем генерал Вейган сообщил мне: вопреки категорическому распоряжению, подтвержденному сегодня утром генералом Вейганом, английская армия отступила на сорок километров в направлении портов,— это в то время как наши войска, движущиеся с юга, приближались к союзным армиям, находившимся на севере. Ваше отступление, естественно, заставило генерала Вейгана изменить всю диспозицию. Он вынужден был отказаться от намерения ликвидировать прорыв фронта. Неожиданный отход тяжелых английских частей от Гавра также вызвал глубокое смятение в тылу. Излишне указывать на серьезность вытекающих отсюда последствий».

Черчилль прочитал телеграмму, поморщился, сжал рукой подбородок. Неприятно! Но международные отношения не всегда совпадают с обычными понятиями о верности, долге. В политике цель оправдывает средства. Только цель. Премьер решил не отвечать на телеграмму. Придется еще раз лететь во Францию. Лучше объяснить на словах.

Премьера заинтересовало еще одно сообщение — германские войска приостановили наступление в районе Дюнкерка. Это телеграмма от Горта. К телеграмме приложено донесение военной разведки. Перехвачена немецкая радиограмма — Рунштедту приказано

задержать наступление. Черчилль понял чутьем, дело здесь не в стратегии, глубже. Уж не собирается ли Гитлер задобрить его, дать возможность ускользнуть от разгрома, сохранить престиж? Может быть, может быть... Ход Гитлера, кажется, разгадан. Что ж, надо играть! На карту поставлено многое. Черчилль вызвал адмиралтейство:

— Завтра начинайте «Динамо».

Эвакуация началась двадцать шестого мая в шесть часов пятьдесят минут по Гринвичу.

Через два дня бельгийская армия, прижатая к побережью в районе Остенде, сложила оружие.

V

Стояли погожие, ясные, теплые дни, но в Ла-Манше вода была холодная. Конечно, не такая, как в Норвежском море. Там просто лед. Роберт Крошоу поежился при одном воспоминании — ему все-таки пришлось там окунуться, накрыло волной. Обратно в Дувр они возвратились в начале мая, простояв долго, очень долго на траверзе Тронхейма. Высадка почему-то так и не состоялась, хотя все было готово к десанту. Ну что ж, это неплохо. Сразу из колючей, соленой пурги попали в тепло. Перебрались из зимы в лето. На солнце даже бывает жарко. Он с удовольствием выпил бы стаканчик оранжада или прохладного пива, но нельзя отойти от машины — командир бригады может появиться в любую минуту.

Роберт сидел в кабине, опершись на руль, и рассеянно считал выходящих из морского штаба. Загадал — десятым будет его полковник. Но Боб отсчитал несколько десятков, Макгроег все не появлялся. Давно бы успел напиться. Потом стал считать, кого больше — входивших в штаб или выходивших. Получалось почти одинаково. Надоело и это. Достал из кармана последнее письмо Кэт. За время отъезда накопилось с десяток писем, он получил сразу целую пачку. Главная новость — Кэт стала работать стенографисткой где-то в штабе. В каком — военная тайна. Обещала рассказать при встрече. Кэт носит военную форму, пишет, очень идет. Собирается короче подстричь волосы, спрашивает совета. Боб улыбнулся — он никак не может представить свою Кэт в форме сержанта.

— Хелло, Боб! Снова на том же месте!

Роберт так увлекся, что не сразу сообразил, кто его окликает. По ступеням спускался Джимми. Роберт спрятал письмо — не хотелось, чтобы Джимми видел его за этим занятием. Вообще последнее время Боб питал к нему непонятную антипатию. Раздражали услужливые глаза и самодовольная физиономия.

— Здравствуй. О чем ты так замечтался?

— Просто так.

— Говорят, ты плавал в Норвегию? Как там?

— Ничего. Холодно.

— Зато во Франции жарко. Но тебе я завидую, все-таки разнообразие.

Джимми действительно завидовал Крошоу, но сам предпочитал оставаться на берегу — спокойнее. Боб это понял.

— Что ж, мог бы и ты поехать.

— Где там! — Джимми махнул рукой.— Столько работы, разве меня отпустят!

Роберт усмехнулся.

— Подал бы рапорт. Это не в отпуск. В Нарвик еще не поздно.

— Теперь нечего говорить. Наших войск там почти нет. У канадцев свои интенданты... Нет уж, придется мне, видно, тянуть свою лямку.

Джимми делал вид, что его тяготит тыловая работа. Будто и правда рвется на боевые задания. Чего притворяется? Вслух Роберт сказал:

— А ты чего здесь?

— Уезжаю. Получил назначение в Лондон. Ходил за приказом. Не только тебе ездить. Теперь я могу передать привет. Передать?

— Что ж, передай.

Они оба подумали о Кэт.

— Слушай, а помнишь, как ты меня отшил? Не успел оглянуться... Но имей в виду, роли могут меняться.— Джимми засмеялся.

У него был противный смешок. Роберт нахмурился.

— Ладно, ладно, не буду! Я пошутил. Пользуйся. Она мне не так уж нравилась... Может, ты подвезешь меня? Здесь недалеко. Сегодня у меня поезд.

— Нет, не могу, жду полковника.

— Тогда до свидания. Будешь в отпуске — заходи... Так я передам привет. Ладно?

Джимми явно издевался. Что ему отвечать? Обругать — не стоит. Тем более что он уже переходил улицу, развязный, самодовольный.

Но Джимми лукавил и кривил душой. Конечно, Кэт ему нравилась. Если бы не Роберт, он уверен, все было бы совершенно иначе. Не будет же он говорить об этом большеголовому Крошоу! Пусть лучше немного позлиться. В Лондоне надо обязательно с ней встретиться...

Вскоре из штаба вышел полковник Макгроег, втиснул в кабину свои долговязые ноги и приказал ехать в порт. Последние дни командира бригады частенько вызывали в морской штаб. У него были какие-то неотложные дела,— возможно, с приездом адмирала Рамсея. Это, вероятнее всего, связано с неприятными делами во Франции. В Дувре почти открыто говорили о предстоящей эвакуации английских войск с французского побережья.

Роберт уже изучил маршрут полковника — из штаба в порт, потом вдоль побережья. Если направо, то вдоль меловых отрогов чуть не к Гастингсу, а на восток,— значит, в Уолмер или в Маргет. Возвращались поздно. С утра начиналось все то же самое.

Вид побережья менялся на глазах Роберта. В порту появились баржи, пароходы с красными, незакрашенными бортами,— откуда только достали такое старье,— канонерские лодки, тральщики. В по-

следние дни порт заполнили сотни шлюпок, моторок, спортивных яхт, рыбачьих шхун. В Дувр сводили всякую посудину, способную держаться на воде. Внимание Роберта особенно привлекали эти разноперые суденышки. Они облепили все побережье, как москиты. Действительно, москитный флот!

С неделю назад Крошоу возил полковника с каким-то штабным офицером в Сандгет, за Флокстоном. Тоже на побережье. Оба сидели сзади и говорили вполголоса. Роберт вообще не любитель прислушиваться к чужим разговорам. Какое ему дело! Но полковник говорил громко. Не затыкать же уши! Рассуждали о предстоящей эвакуации. Макгроег сказал:

— Удивляюсь. У меня не укладывается в голове, как все это получается! Готовили транспорты, услали их к чертям, к дьяволу, в Нарвик, не знаю куда, а мы остаемся здесь на мели. Как можно так легкомысленно относиться! Ну, на чем мы будем перевозить войска? Двенадцать дивизий! Это целая армия. Мы стоим перед катастрофой.

— Кто же думал, что так получится?

— Надо было думать. Я не могу спокойно говорить.

— Тем не менее этого не следует делать.— Офицер глазами указал на шофера.

Они заговорили снова, но уже тихо.

Боб раздумывал над словами Макгроега. В самом деле, получилось неладно. Во Францию перевозили войска почти год, а вывезти надо за несколько дней. Полковник прав — сколько транспортов застряло в Норвегии. Он сам это видел. Теперь вывози хоть на шлюпках. А что? Если собрать яхты, моторные лодки, позвать рыбаков... Боб сам когда-то ходил на яхте к французскому берегу. Миль пятьдесят туда, ну и обратно. Собрать бы несколько тысяч судов. Кто откажется выручить солдат из ловушки! Пушки, конечно, на яхте не увезешь, но несколько солдат — безусловно.

Роберту Крошоу эта идея казалась самому фантастической и невыполнимой, но все же она не покидала его. Он снова и снова возвращался к этой мысли. Сказать бы полковнику... Нет! Глупо! Где наберешь столько людей? Людей? Роберт возражал сам себе. Да он сам первый может поплыть. И любой яхтсмен, рыбак. Сколько среди докеров моряков, мотористов, механиков! Добровольцы найдутся.

На обратном пути Крошоу завел разговор издали. Офицер, который с ними ехал, остался в Фолкстоне. Макгроег молчал. Лицо его было сосредоточенным, как у слепого, переходящего улицу.

— Раньше я плавал на яхте к Дюнкерку, по хорошему ветру часов шесть ходу.

— Ну и что? — Макгроег продолжал смотреть вперед невидящим взором.

— На моторных лодках тоже можно идти. Немного дольше.

— Моторки — не транспорт, нужны корабли,— командир бригады отвечал на свои мысли.

— А если собрать по всей Англии, привезти из Лондона, с побережья взять рыбаков? Никто не откажется.

— Не откажутся? — Макгроег будто очнулся.— Сколько часов до Дюнкерка на яхте? Шесть? Может быть. А немецкие самолеты? Нужно прикрытие.

Роберт не подумал об этом. Неуверенно сказал:

— Можно бы ночью...

— Ночью? Да, если бы удалось это сделать! — Полковник снова погрузился в невеселые мысли.

Роберт покосился влево, боковым зрением увидел костистый сосредоточенный профиль. Да, из этого ничего не выйдет. Не его ума дело.

Но командир бригады в тот же день доложил адмиралу Рамсею о возникшей идее. Решили попробовать. Впрочем, без особой уверенности. Где наберешь столько охотников? Вообще нелепо — вывозить на баркасах целую армию, но что делать? Иного выхода не было.

Вскоре на южное побережье Англии начали стекаться тысячи, десятки тысяч людей. Рыбаки, яхтсмены, моряки, докеры — все, кто мог держать весла, управлять парусом, моторами, устремились на берег. У причалов, на пристанях, в рыбачьих поселках появились суденышки. Целая армада. На берегу, как перед ходом макрели или трески, смолили днища, чинили снасти, шили неподатливые паруса. Роберт Крошоу в непрестанных разъездах видел, как оживает берег, как на чадящих кострах варили смолу; на разостланных у воды брезентах разбирали моторы. Люди суетились вокруг опрокинутых вверх днищами баркасов, вытянутых на песок. Сын лондонского докера, рядовой шофер из морской десантной бригады, Крошоу не мог подозревать, что его идея, оброненная по дороге в Дувр, начинает осуществляться.

Много позже военные авторитеты назвали эвакуацию из Дюнкерка величайшей победой. Восхваляли ее организаторов, писали реляции, сорили орденами, забыв об английском народе, о тысячах охотников-добровольцев, незаметных и беззаветных героев, устремившихся на утлых суденышках через канал спасать свою армию, армию, попавшую в беду в результате авантюризма, политического интриганства и вероломства. Сто тысяч рядовых англичан отправились на южное побережье острова и участвовали в спасении британских войск, в операции «Динамо».

Полковник Макгроег на первых кораблях ночью вышел в Дюнкерк. Адмирал Рамсей приказал выяснить обстановку на месте. Это не входило в обязанности командира бригады — он отвечает только за оборону небольшого участка побережья и разгрузку эвакуированных войск опять-таки на своем участке. Но Макгроег сам хотел уяснить положение.

В Дюнкерк корабли пришли на рассвете двадцать шестого мая и тотчас приступили к погрузке. В порту царила паника. Распространился слух, что немцы готовят массированную танковую атаку. Генерал Горт — весь его штаб уже перебрался в Англию — при-

казал отвести британские части в город. Оборону держали французы. Танки противника появились по ту сторону канала. Если бы не городские строения, их можно было бы увидеть в бинокль. Тяжелое оружие приказали оставить, надо спасать людей. Танки, гаубицы, тягачи, автомобили стояли в порту и на улицах, брошенные прислугой. Никто не думал о защите города, все рвались к кораблям. Части обеспечения едва могли сохранять порядок. «Что же будет завтра?» — с тревогой подумал Макгроег. Капитан корабля приказал поднять трапы. Под тяжестью сотен людей судно погрузилось ниже ватерлинии. Полковник посмотрел на часы. Было шесть часов пятьдесят семь минут утра. Эвакуация началась. Перегруженные солдатами корабли ушли из Дюнкерка.

Небо было безоблачно-ясное, дул легкий встречный ветер. На половине пути к английскому берегу встретились первые моторные лодки, парусные яхты, тральщик тянул на буксире плоскодонную баржу. Даже в штилевую погоду было рискованно выходить в море на таких скорлупках. Москитная армада шла к Дюнкерку спасать солдат, спасать престиж британского правительства.

В прозрачной дымке уже виднелись меловые отроги высокого дуврского берега. В полдень корабли ошвартовались у гранитной стенки.

Роберт ждал командира бригады в порту. Его машина стояла в тени пакгауза. С кораблей выносили раненых, сходили по трапам солдаты, усталые и возбужденные, небритые, словно помятые. Такой же измученный, с осунувшимся лицом подошел Макгроег. Приказал ехать в штаб.

Крошоу осмелился попросить, нельзя ли ему сходить в Дюнкерк. Он уже договорился с владельцем моторной лодки. Если полковник разрешит, они сегодня же в ночь могут отправиться. На это время его сможет заменить Эдвард Смайлс, Крошоу тоже с ним договорился.

Машина остановилась у подъезда морского штаба. Макгроег вышел.

— Хорошо, отправляйтесь. Это очень нужно, Крошоу, очень... Счастливого пути! Благодарю вас! — Макгроег порывисто сжал руку Роберта.

Он поднялся по каменным ступеням лестницы и снова вернулся:

— Пусть Смайлс ждет меня здесь через час. Счастливого пути!

— Да, сэр! — Роберт стремительно помчался к казармам.

В тот же вечер на парусной лодке Крошоу ушел в море. Вместе с ним плыл старик, хозяин шлюпки, бывший смотритель маяка, ушедший в отставку. За кормой тарахтел подвесной мотор, его удалось кое-как достать. Если не ослабнет ветер, к рассвету надеялись быть в Дюнкерке. Рядом с ними плыли такие же лодки. С наступлением темноты они скрылись из виду. Старик зажег фонарь и временами, приоткрыв полукруглую металлическую шторку, глядел на компас. Иногда из мрака выползали силуэты встречных судов с погашенными огнями, и тогда, чтобы не столкнуться, старик предупреждающе размахивал фонарем, кричал простуженным

басом, но на кораблях не слышали его голоса. Роберт отворачивал в сторону и снова ложился на курс. Чтобы не сбиться, он вел шлюпку по звездам. Путь их лежал почти на восток.

Старик был молчалив. За три рейса, совершенных в Дюнкерк, он едва ли произнес десяток слов, не считая, конечно, распоряжений — принять влево, так держать или заглушить мотор. На третьи сутки старик занемог, такая нагрузка оказалась не для его возраста, и Роберт следующие рейсы совершал один или брал кого-нибудь в помощь. Только раз, пока добровольцы чинили забарахливший мотор, ему удалось забежать в казармы. Он получил два письма: одно — от Кэт, другое — от матери. Мать писала, что отец и дядюшка Вильям тоже уехали на побережье. Роберт надеялся встретить их, но где их найдешь в такой сутолоке! Днем и ночью тысячи лодок бороздили воды канала.

Операция «Динамо» продолжалась в течение недели, и все эти дни Роберт почти не спал, разве только урывками на дне шлюпки. В разгар эвакуации, тридцатого и тридцать первого мая, из Дюнкерка вывезли больше ста тридцати тысяч британских солдат. Почти половину из них сняли с помощью так называемой москитной армады.

VI

Конец войны для Фрашона и Шарля наступил на побережье, в песчаных дюнах. Днем они похоронили Пинэ. Его снял немецкий пулеметчик. Солдаты принесли сержанта на берег. Он жил еще часа два, просил пить, но воды не было. Солнце палило так, что Пинэ не похолодел. На лице его после смерти застыло такое выражение, будто он говорил с полковником там, возле мельницы, когда прорвались через мост.

— А все-таки он хороший был парень.

Фрашон стоял на коленях, скинув пилотку. Стоял рядом с песчаным холмиком. Подняться в рост было опасно — на холмах залегли немцы. Цепи немецких солдат пытались занять побережье, но их отбили. В дюнах укрылось немало французов.

— Что будем делать? Мы в роте последние.

— Не знаю. Может, что ночью...

— Думаешь, за нами придут?

— Вряд ли. Кому мы нужны? Англичан уже вывезли.

— А ты бы поехал?

— Не знаю. Чужбина...

— А в плен к фашистам лучше? — Впервые Морен вместо «немцы» произнес это слово.

— Все равно... В Фалез бы! Как-то там? — В словах Фрашона прозвучала тоска.

Солдат охватило чувство безысходного одиночества.

Просидели до вечера. С моря потянуло сыростью, солью, запахом йода от гниющих на берегу водорослей. Когда стемнело, переползли к воде. Морен зачерпнул пригоршню, взял в рот и выплюнул. Во рту осталась соленая горечь.

На западе догорал закат. Край моря был такой же темно-багровый, как узкая полоса неба. Солдаты легли на влажный песок. Стояла такая тишина, что казалось, будто немецкий говор, смех, пьяные песни слышатся совсем рядом.

— Караулят...

Оба подумали: «Осталась последняя ночь. Что будет завтра?» Тоска снова защемила сердце.

Вот и догорела заря. Стало совсем темно. Волны мягко шуршали в песке. Сквозь монотонный плеск вдруг послышался будто рокот мотора. Солдаты подняли головы, прислушались. Показалось?.. Нет, скрипнула уключина, удар весла, всплеск.

— Что это?

— Шлюпка!

На черном фоне моря обозначился призрачный, белесый силуэт лодки. Парус был убран.

— Кто там? — негромко окликнул Морен.

— Хелло! — донеслось с моря.— На берегу! Французы!

— Кто там? — снова повторил Морен.

— Я за вами...— Человек говорил с сильным английским акцентом.

Лодка приблизилась к берегу. На веслах сидел гребец в матросском тельнике.

— Сколько вас?

— Двое.

— Садитесь! Живо!

Первое, что пронеслось в голове,— скорее покинуть эти проклятые дюны, песчаную западню, в которую они попали. Морен вошел в воду, за ним Фрашон. Море было еще холодное. Солдаты погрузились сначала по колено, потом по пояс. Холод обжег, перехватило дыхание. Перевалились через борт. Фрашон неосторожно грохнул башмаком о днище.

— Тише!..

Англичанин развернул лодку и навалился на весла. Берег стал отдаляться. Гребец бросил весла и перешел на корму. Лодку качнуло. Сохраняя равновесие, он оперся на плечо Шарля, задержал руку.

— Все в порядке. Ол-райт!.. Рома хотите?

Звякнуло стекло о металл.

— Держи!

Морен ощупью нашел руку гребца, взял стакан и залпом выпил. По телу разлилось тепло. Передал стакан Жану.

Англичанин сунул бутылку в рундук и завел мотор. Моторчик затарахтел, шлюпка ходко пошла вперед.

— Закурить нет? — спросил Фрашон.

— Сейчас нельзя. Хотя...

Фрашон почувствовал в руке сигарету. Размял ее, набил трубку. Моряк накрылся с головой брезентовой курткой, чиркнул зажигалкой. Огонь осветил крутой и широкий лоб и подбородок, разрезанный складкой надвое.

Лодка отходила все дальше от берега. Теперь его можно было угадать только по далеким заревам, накалявшим небо то жарко, то более тускло. Зарева окаймляли невидимое побережье.

— Горит вся Франция...— Морен сказал будто бы про себя.

— Да, да,— сочувственно поддержал англичанин.

— Тебя как зовут? — спросил Фрашон.

— Боб Крошоу. Из Лондона. Служу в Дувре. А тебя?

— Жан Фрашон из Фалеза. А его — Шарль Морен. Работал в Париже, на заводе Рено.

— Рено знаю — автомобили.

— А куда мы идем? — осторожно спросил Шарль.

— В Дувр или рядом. К утру придем. Я уже седьмой раз плыву, восемнадцать человек вывез.

— Послушай, а мы не хотим в Англию... Как думаешь, Жан?

Англичанин удивленно взглянул на Шарля, пытаясь в темноте рассмотреть его лицо. Ему показалось, что он не понял.

— Прости, я плохо говорю по-французски...

— Мы хотим остаться во Франции.

— Почему?

— Так надо... Помоги нам выбраться из западни.

— Что такое «западня»?

— Дюнкерк. Если проплыть миль десять, там можно выйти. Я так думаю.

— Да,— вставил Фрашон,— лучше быть дома.

Крошоу задумался. Левая рука его лежала на румпеле.

— Хорошо. Вероятно, вы правы.

Роберт повернул руль влево. Для этого ему пришлось сдвинуться к борту. Лодка накренилась и пошла на запад, вдоль пожарищ, пылавших за горизонтом.

Так шли больше часа. Крошоу свернул к берегу и заглушил мотор. На весла сел Шарль. Плыли осторожно, прислушиваясь к шорохам. Все побережье уже заняли немцы.

Лодка мягко ткнулась в песок. Торопливо и крепко пожали англичанину руку.

— Спасибо!

— Да что вы!.. Подождите минуту! — Боб вытащил из-под скамьи рюкзак с продуктами.— Возьмите!

Мешок беззвучно упал на берег.

Крошоу веслом оттолкнул лодку. Солдаты стояли, пока она не растаяла в море. Погружаясь в зыбучий песок, стали подыматься на берег. Наверху остановились передохнуть. В невидимом море вдруг затарахтел мотор.

— Пошел...

— А ты ругал англичан... Он выручил нас.

— Так это ж трудовой человек, по всему видно... Как он назвал фамилию?

— Крошоу.

— Да, да, Боб Крошоу из Лондона...

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

I

Леон с утра ждал машину. Ходил по кабинету и нервничал. В двенадцать с минутами уходил поезд, а сейчас?.. Он в сотый раз взглянул на часы. Времени остается почти в обрез. Терзи посмотрел в окно — пусто. Улицы обезлюдели, у подъезда никого нет. Позвонил в гараж — никакого ответа. В редакцию звонить нет смысла — уехали накануне.

Можно подождать еще минут пять, не больше. Вещи стоят в прихожей, пропуск в кармане, и немцы за Булонским лесом, почти в городе. А машины нет. Дурацкое положение!..

После того как англичане бросили на произвол судьбы французскую армию, обнажили ее левый фланг и ушли в Дюнкерк, Леон понял — это начало конца, началась агония. Свидетелей катастрофы и без него много. Надо уехать. Пропуск в кармане — не виза, а пропуск, бумажка с круглой печатью британского посольства. Она дает право выйти на перрон вокзала через служебный проход. С пропуском можно втиснуться на площадку специального вагона. «Союзники помогают... сбежать из Парижа,— Терзи иронически усмехнулся своим желчным мыслям.— Да, союзники до черного дня... Получить такой пропуск сейчас труднее, чем любую международную визу. Помогли английские журналисты. Британцы вывозят семьи, удирают сами. Сначала в Сен-Назер, оттуда морем на остров... Но где же машина? Черт с ними, с вещами! Надо убрать их в комнату».

Терзи перенес чемоданы из прихожей. Взял только один, с дорожными вещами. Захлопнул дверь в кабинет, снял с вешалки макинтош.

За дверью раздался телефонный звонок. Может, из гаража? Телефон звякнул и замер. Какая досада! Вероятно, думают — никого нет. Потом зазвонил снова. Терзи заторопился — сейчас положат трубку! Он шарил по карманам. Где же ключи? Наконец-то!.. Леон подбежал к аппарату и схватил трубку. Звонила Лилиан. Вот уж не ожидал!..

— К сожалению, у меня нет машины. Я сам ухожу пешком. Да... Вы меня застали в прихожей... Подождите, надо что-то придумать.— Терзи слышал умоляющий, совсем детский голос. Он волновал его. Может, это судьба? — Придумал! Едемте в Сен-Назер. Не понимаете? В Сен-Назер поездом... Главное — выбраться из Парижа. Оттуда доберетесь в Фалез... Решено! Вы откуда звоните?.. Из дому?.. Сейчас я за вами зайду.

— Но у меня дочка на улице. Я оставила ее у заставы. Там наша машина.

— Где?

— Недалеко от метро,— Лилиан назвала станцию.

— Это сложнее. У нас остается час... Хорошо, езжайте туда и ждите меня у выхода. Быстрей!

Терзи положил трубку. По лицу его скользнула рассеянная, мягкая улыбка. Бедняжка! Нужно ей помочь. Он это сделает. Но надо спешить.

На неприбранном столе Леон увидел свою любимую статуэтку — трех обезьян, символ буддийской мудрости. Лохматые зверьки сидели рядом. Одна человечьей ручкой закрыла глаза: «Не вижу»; другая заткнула уши: «Не слышу»; третья ладошкой заслонила рот: «Не говорю».

Как же он забыл ее взять! Сунул в карман и поспешил к выходу. Он тоже не хочет ни во что вмешиваться. К сожалению, иногда все же приходится. Но чем меньше, тем лучше. Он только Свидетель. Свидетель с большой буквы...

Об этом Терзи подумал, сбегая с лестницы. Вышел на улицу. Свидетель... Свидетель того, как из-под носа уйдет последний поезд... И наплевать! Лилиан он поможет.

Леон пересек площадь, вышел к метро. До отхода поезда в Сен-Назер оставалось пятьдесят пять минут. Успеют ли?

Лилиан нетерпеливо ждала его на конечной станции. Он выскочил на улицу и сразу же ее увидел. Она стояла у входа и, беспокойно приподняв голову, искала его глазами в подымавшейся по ступеням толпе. Прядь черных волос выбилась из-под шляпки. Лицо отражало волновавшие ее чувства — надежду, тревогу, почти отчаяние. Заметив Леона, бросилась к нему навстречу:

— Наконец-то! Я так благодарна вам!

— Идемте. Где ваша дочка?

— Там...

Через заставу все шли беженцы. Лавируя среди пешеходов, колясок, Лилиан почти бежала по тротуару. Леон едва поспевал за ней. Машина стояла на том же месте с вывернутыми колесами и смятым крылом. Месье Буассон с безнадежным видом сидел на подножке с теневой стороны. Происшествие подавило его.

— Папа, я еду поездом в Сен-Назер. Вместе с Элен... Месье Терзи поможет нам... Это ужасно! Элен нельзя оставаться в Париже... А ты? Можно починить машину? Я оставлю тебе ключи,— может, придется вернуться. Надо поискать мастерскую.

Лилиан говорила, собирая вещи. Собственно, сборы заключались в том, что она взяла из кузова чемоданчик, сумку Элен, сунула туда что-то из своей одежды.

Виноторговец стоял у кабины.

— Да, да, конечно, езжай... Мы как-нибудь доберемся.— В словах его не было уверенности.

— Из Сен-Назера, папа, легче добраться в Фалез. Я буду там раньше тебя. Тетушка Гарбо, дайте мне Элен.

Лилиан посмотрела на отца. Сердце сжалось от острой жалости. Быть может, остаться? Но эгоизм матери победил жалость.

— Ты не сердишься, папа?

— Нет, нет! Конечно, езжай... От Ле Мана к нам идет поезд. Из Сен-Назера дальше... Что же нам делать?..

Мужчины стояли рядом — месье Буассон, обмякший, с опущен-

ными руками, и Леон, который всем своим видом выражал нетерпение. Уходили секунды. Ему хотелось поторопить Лилиан, но он только беспрестанно взглядывал на часы, с тревогой думая, что они не успеют к поезду. Лилиан вдруг вспомнила — не взяла несессер. Ох эти женщины! Отцу Лилиан так и не представила Терзи. Просто забыла в спешке. Наконец попрощались. Леон поднял сумку и свой чемодан. Теперь он шел впереди, навстречу потоку, загораживая собой Лилиан, которая несла ребенка. Только в вагоне подземки Лилиан спросила:

— Куда мы едем?

— На Лионский вокзал. Если не опоздаем...

— Как я вам благодарна, месье Терзи! — Она улыбнулась.

До отхода поезда оставалось четыре минуты, когда Терзи и Лилиан очутились на площади перед вокзалом. К дверям невозможно пробиться. Леон потащил Лилиан в сторону. Они почти бежали. Со всех сторон их преследовали ревнивые, враждебные взгляды: эти тоже, видно, хотят прорваться без очереди.

Контролер пропустил Леона, в руках которого был пропуск, но пытался задержать Лилиан.

— Со мной, со мной! — воскликнул Терзи.— В британский вагон!

Лилиан с отчаянием и мольбой взглянула на контролера. Железнодорожник махнул рукой — проходите. Он вторые сутки не спал. Англичане его не интересуют, пусть едут куда угодно. Союзники...

Поезд, сформированный из допотопных вагонов, стоял у перрона. Это было последнее, что нашлось в парке. Поезда в Париж уже не ходили. Специальный вагон для англичан был переполнен. Двери из каждого купе выходили наружу, а вдоль вагона, на уровне колес, тянулась одна длинная ступенька. Но двери заперли, и оставался только один вход — через тамбур. Охрипший проводник пытался навести порядок, ему помогал полицейский, но в вагон все же набилось немало французов. Терзи и Лилиан с трудом втиснулись на площадку.

Поезд не ушел вовремя. Стояли еще больше часа и наконец тронулись. Вскоре, как всегда бывает в дороге, в вагоне стало будто бы посвободнее. Узлы, чемоданы, коробки, свертки рассовали где только можно. Лилиан удалось пристроить в купе проводника, которого вытеснили пассажиры. Ей уступили место у двери. Расстегнув лиф и прикрывая грудь краем простынки, Лилиан кормила ребенка. Леон старался не глядеть на молодую женщину, но он сидел на чемодане против нее, а сквозь кружева просвечивало обнаженное тело.

В купе было душно. В открытое окно вливался знойный, не приносящий прохлады ветер. Лилиан с трепетом думала: «Крошка простудится на сквозняке».

За Версалем поезд снова остановился. Говорили, будто немцы разбомбили дорогу. Сидели притихшие, разговаривали вполголоса о посторонних вещах. Потом снова тронулись и опять стали на

другой станции. На каждой стоянке в двери ломились новые пассажиры, ушедшие пешком из Парижа. Они умоляли открыть, с отчаянием стучали в двери. Их не пускали. Людей будто подменил кто. Черство посылали в другие вагоны — сюда нельзя. Пассажиры были едины в своем эгоизме. Умолкли распри, возникшие при посадке. Только пожилой англичанин, ехавший в том же купе с женой, полдюжиной чемоданов и черным пуделем, брюзжал, что нарушают его дипломатическую неприкосновенность, набились все кто угодно. Француз, сидевший в проходе, спросил иронически:

— Ваш пудель тоже из дипломатов?

Англичанин бросил уничтожающий взгляд и отвернулся к окну. Леон где-то встречал его,— кажется, это помощник торгового атташе.

Поезд долго шел вдоль реки. Справа зелеными пятнами набегали поля пшеницы. Они медленно поворачивались на невидимой оси вместе с дорогами, по которым брели бесконечные толпы беженцев. Ближе к вечеру, когда потемневшие поля и деревья приобрели малахитовый оттенок, поезд остановился на перегоне. Протяжно загудел паровичок. Раздались недалекие взрывы. Налет... Машинист с ходу затормозил. Все повалились от внезапного толчка и в цепенящем страхе бросились к выходу. Вагон опустел мгновенно. От состава бежали, как от чумы, как от горящего порохового склада. Бежали падая, глядели в небо и снова бежали до боли в глотках.

Леон помог Лилиан прыгнуть с подножки. Он увидел ее испуганные, расширившиеся глаза, выхватил ребенка.

— Дайте мне!

Он бежал, прижимая к груди теплый, невесомый сверток, придерживая другой рукой едва поспевавшую за ним Лилиан. Стебли пшеницы мешали бежать. Нарастающий рев сирены повалил их на землю. Зеленые стебли скрыли от них и поезд, и группу деревьев, к которым они стремились.

— Осторожно! — с надрывом и болью вскрикнула Лилиан. Она боялась, что Терзи уронит, ушибет ребенка.

Леон, приподнявшись, следил за самолетом. Истребитель на бреющем полете с ревом пронесся над поездом и взмыл в высоту.

— Пустой... Пугает...— Он повернулся к бледной, задыхающейся Лилиан.— В Испании они делали так же... Не бойтесь, он улетел.

Они сидели среди густого пшеничного поля, отгороженные от мира зарослями изумрудных стеблей. Лилиан тяжело переводила дыхание. Взяла ребенка. Лицо ее раскраснелось, на верхней губе, покрытой темным пушком, выступили бисерные капельки пота. «Какая она красивая!» — вдруг пронеслось в голове Леона. Мысль обожгла его. Пассажиры потянулись обратно к поезду. Элен, почувствовав прикосновение материнских рук, успокоилась, перестала плакать.

— Вот и боевое крещение! — пытаясь шутить, сказал Терзи.— Идемте!

На обратном пути спросил:

— Что же вы будете делать дальше?

— Не знаю. Я боюсь остаться одна.

Леон посмотрел на ее профиль, упрямый лоб, рассыпавшиеся волосы, которые Лилиан поправляла свободной рукой. Нет, никакая сила не заставит его сейчас оставить Лилиан одну! Он будет сопровождать ее. Куда угодно. Будто отвечая на его мысли, Лилиан сказала:

— Мне кажется, что мы едем с вами давно-давно... Что бы я стала делать?

— Вы решили ехать в Фалез?

— Не знаю. Одна я очень боюсь.

— Я провожу вас.

— Но вы едете в Сен-Назер, в Англию.

— Плевать мне! — Он беззаботно махнул рукой.— А может, наоборот, поедемте в Сен-Назер? На теплоходе найдется и для вас место.

— Ну что вы! — Лилиан не приняла слова Терзи всерьез.

Паровичок сзывал разбежавшихся пассажиров. Белый султан пара поднимался и таял в воздухе. Паровичок гудел непрестанно, но не так беспокойно, скорей деловито. Стало прохладно. В купе собирались, не глядя друг на друга. Всем было немного совестно за животный страх, охвативший их во время налета.

Седоусый старик с запавшими щеками сказал, пробираясь к своему месту:

— В ту войну было не так...

Что не так, он не сказал.

За несколько часов все успели перезнакомиться. Появились взаимные симпатии и антипатии. Англичанина с пуделем невзлюбили. К Лилиан отнеслись заботливо, к старику — с уважением и сочувствием. В купе уже знали его историю, он рассказал. Учитель из Валансьена пешком добрался в Париж, к сыну. Но сына уже не застал. В дороге погибла жена — ее расстреляли с самолета. Учитель похоронил ее у дороги, солдаты помогли вырыть могилу. Теперь ехал, не зная куда.

Поезд тронулся. Пассажиры мерно покачивались в такт перестуку колес. Это успокаивало — все-таки едут.

Учитель из Валансьена продолжал думать вслух:

— Тогда отступали тоже, но дрались. Их остановили на Марне, перед Парижем.

— Может, и сейчас остановят,— Лилиан тяжело вздохнула.

— Сейчас? Тогда нам помогли русские. Начали наступать в Пруссии. Отвлекли силы. Я сам был на Марне... Теперь мы одни.

— Британскую армию вы не считаете? Странно! — Англичанин говорил медленно, будто процеживал слова сквозь зубы.

Старик повернулся к соседу, пожевал губами.

— Считай не считай, а ее нету. Дюнкерк съел, да-с... Англичане, извините меня, воюют за Францию до последнего французского солдата... Извините меня за резкость.

— Дюнкерк — наше общее несчастье. Ваши настроения подрывают доверие.

— Мои настроения? Помилуйте! Вы слышали радио? Эвакуация из Дюнкерка закончилась. Успех, победа!.. Вывезли триста сорок тысяч британских солдат, почти всю армию. А французы? Сколько вывезено французов, союзников? Несколько тысяч. Остальных бросили на произвол... Об этом не говорят по радио... Вот что подрывает доверие.

Учитель оперся руками о худые колени. Сидел нахохлившийся и сердитый.

В углу переговаривались две женщины. Одна жаловалась:

— Представьте себе, собралась и забыла чемодан с бельем. Ужасно!

Терзи наклонился к Лилиан:

— Скоро приедем в Ле Ман. Решайте.

— Не знаю... Я ничего не знаю!

Женщине впервые предстояло самой решать свою судьбу. Рядом не было ни отца, ни Жюля, только Терзи — он так странно на нее смотрит... Сейчас надо сходить — скоро Ле Ман. А потом? Сейчас она хоть куда-то едет. Уже привыкла к монотонному стуку колес, к пассажирам, даже к брюзжанию англичанина с пуделем.

Решил за Лилиан дежурный по станции. Леон высунулся из окна и спросил, когда идет поезд в Фалез.

— Уже два дня не идут. Только принимаем. Говорят, там уже немцы.

Дежурный прошел к паровозу. В руке у него был фонарь с синим стеклом. Становилось темно. Вокзал забит беженцами. Лилиан представила себя между ними, брошенную, одинокую, с Элен на руках. Нет, нет! Шевельнулось раздражение против мужа: как Жюль мог оставить ее одну!

— Хорошо,— решила она,— поедемте в Сен-Назер. А дальше?

— Там будет видно.

Леон поймал себя на том, что в глубине души он доволен ответом дежурного.

В поезде не было света. Пока не сгустился мрак, решили приготовиться к ночлегу. Учитель из Валансьена уступил Лилиан место. Он сел на полу рядом с Терзи. Как его ни убеждали, старик отказался пристроиться на диване. В темноте Лилиан стала на ночь кормить ребенка. Леон сидел напротив с открытыми глазами. Он ничего не видел. Тихое чмоканье ребенка слышалось совсем рядом. Леон затаил дыхание. Потом он услышал шелест одежды — Лилиан застегивает лиф. Донесся неуловимый шепот — говорит что-то нежное дочке. Скрипнули пружины дивана, шлепнулись туфли, сброшенные с ног, стало тихо, хотя тишины не было — за стеной звучали голоса, шарканье ног, доносились невнятные шумы. Но Леон ничего этого не слышал, он прислушивался к иной тишине. Лилиан, видимо, заснула, дыхание ее стало ровным, спокойным.

Терзи все еще сидел с широко раскрытыми глазами, устремленными в темноту. Он пошевелился — затекли ноги. Ощутил в

кармане какой-то жесткий предмет. Обезьянки! Леон только сейчас о них вспомнил. Представил себе — человекоподобный зверек ручкой закрывает глаза. Нет, сейчас он хотел бы видеть. Видеть лицо этой женщины. Как странно все получается!.. Леон задремал перед рассветом, когда поезд давно уже шел в сторону Нанта.

II

Чем ближе к Орлеанским воротам, тем гуще становится поток самых разнообразных машин, стремившихся выбраться из Парижа. По мере того как густел поток, Бенуа двигался все медленнее. Машины ползли в несколько рядов, заполняя проспекты и улицы. Бенуа с досадой подумал: «Надо было выехать раньше. Не могла Лилиан собраться вовремя! Кажется, было для этого время».

Он оглянулся — столпотворенье! Будто бы все посходили с ума. Попробовал свернуть на боковую улицу. Не удалось — навстречу выкатывались «форды», «ситроены», «пикапы», какие-то допотопные, обшарпанные драндулеты и новенькие, сияющие лаком «роллсройсы». Все это гудело сиренами; скрипели тормоза, чихали моторы. В воздухе плыли прозрачные голубоватые клубы дыма, как в большой курительной комнате.

Проползли через широкую площадь. Поперек ее стояли автобусы, торчали врытые столбы, колья. В нескольких местах площадь перерезали глубокие канавы — опасались немецких парашютистов, воздушных десантов. Такие заграждения он уже видел на Елисейских полях — на Авеню Фош. Там еще был смысл перегораживать улицы, чтобы помешать немецким десантным самолетам. А здесь? Какая чепуха! Зачем немцам воздушные десанты? Они и без того стоят в нескольких милях от города, почти в Булонском лесу. Ведь Париж объявлен открытым городом, к чему затруднять движение? Бенуа согласен с тестем. Правительство правильно поступило — оборона может разрушить город, повредить здания.

В конце площади оставался узкий проезд, куда и устремились все машины. Из-за этого и получился затор. Дальше поехали быстрее. Вправо остался Версаль. Через полчаса движение снова застопорилось. Ползли раздражающе медленно. Останавливались на каждом шагу. Бенуа заметил по часам — за сорок минут проехали полкилометра. Жюль распахнул дверцу кабины. Жара несносная! Мимо прошли две девушки. Одна показалась знакомой. Так и есть — Гризет, продавщица из цветочного магазина. Девушки заискивающе улыбнулись:

— Месье Бенуа, не захватите ли нас с собой?..

Бенуа оценивающе поглядел на девушек — Гризет симпатичнее, хорошая фигурка, свежее личико. Вторая грубее и старше.

— К сожалению, одно только место. Садитесь.

Гризет нырнула в кабинку. Через окно защебетала подруге:

— Душечка, извини меня! Месье Бенуа так любезен...

Подруга, надувшись, дернула плечиком, пошла вперед.

— Какая странная! Она, кажется, обиделась. Очень глупо... Я могу поставить чемоданчик назад. Так будет удобнее.— Гризет сразу почувствовала себя хозяйкой в машине.— А этот сверток тоже надо убрать... Мы хотели остаться, немцы же культурные люди — что они сделают? Но потом передумали. Вдруг станут бомбить... А цветочный магазин наш закрылся, мадам Рюше тоже уехала.

Гризет кокетничала и болтала без умолку. На нее не действовала паника. Наивная курочка! Не понимает, что происходит...

Проехав еще несколько миль, застряли снова — и, кажется, надолго. Решили позавтракать. Гризет разостлала на траве салфетку, распаковала сверток с бутербродами, открыла банку сардин, поставила термос с кофе и бутылку вина — Жюль захватил с собой пару бутылок. Она хлопотала с видимым удовольствием.

— Не правда ли, очень мило? Словно маленький пикник. Если бы не война... Скажите, месье Бенуа, чего хотят немцы?

Они мило болтали, кончая завтрак, когда налетели немецкие самолеты. Жюль и Гризет едва успели отбежать в сторону. Раздались взрывы. Просвистели осколки, горячая волна пронеслась над землей, обдала жаром. Вспыхнуло несколько машин. Валялись убитые, стонали раненые. Старик с оторванными ногами поднялся на руках и старался ползти. Бомба упала между машиной и салфеткой, где только что сидела Гризет. Зияла воронка. Опрокинутая машина вспыхнула. Гризет заплакала.

— Мой чемодан! Там все мои вещи... Лучше бы я не ехала с вами!

Машины вдруг тронулись, понеслись вперед, будто и не было пробки. Мелькали автомобили. Из кабин высовывались испуганные лица. Глядели на трупы, на лимузин, горящий бесцветным пламенем при ярком солнечном свете. Спешили дальше от этого страшного места.

Несколько миль шли пешком. Гризет успокоилась, только припухшие, покрасневшие глаза напоминали о пережитых волнениях. Она достала зеркальце, кармином поправила губы, припудрила носик. Гризет не могла долго переживать что бы то ни стало.

— Я так испугалась, так испугалась, месье Бенуа!.. Что же мы теперь будем делать?

Прошли через деревню, утопающую в зеленых садах. Кто-то окликнул:

— Жюль, дорогой, какая встреча! Вы тоже здесь?.. Теперь я спокойна. Вы мой ангел-хранитель...

Графиня де Шатинье стояла на дороге и улыбалась Жюлю. Лицо ее тоже было заплакано. Лиловая шляпа с откинутой вуалеткой и черная пелерина оттеняли бледное лицо. Жюль не видел графиню больше полугода. За это время она еще больше состарилась, подурнела. Де Шатинье протянула руку для поцелуя.

— Я так беспомощна! Куда-то исчез мой шофер... Посмотрите, что сделали с машиной.

Роскошный «кадиллак» стоял, накренившись в кювет. Его столкнули, чтобы не загораживал дорогу.

— А вы без машины? Сгорела? Какой ужас! Поедемте вместе... Эта девочка с вами? Баловник! Узнаю вас. Ну что ж, в такое время надо помогать друг другу... Но что мне делать? Надо найти шофера. Он побежал в деревню. Целый час его нет. А я не могу отойти — заберут последние вещи... Жюль, милый, побудьте здесь, я попробую его найти.

Де Шатинье торопливо пошла к деревне. Высокие каблучки вдавливались в землю. Она перебирала ногами, будто шла босая по каменистому пляжу. Жюль сел за руль, вывел машину на обочину шоссе. Удалось втиснуться в колонну. Где-то загудели самолеты. Снова возникла паника. Напирая друг на друга, машины полезли вперед. Бенуа озирался по сторонам, искал глазами де Шатинье. Ее не было видно. Сзади напирали, гудели, ругались — «кадиллак» торчит на дороге. Пришлось тронуться. «Подам немного вперед»,— подумал Жюль. Но остановиться в этом потоке он уж не мог. Да, признаться, не было особого желания. Жюль не в шутку перепугался. Хватит с него одной бомбы! Хорошо, что счастливо отделался. Черт с ней, с этой жеманной старухой! Пусть пеняет на себя. Доберется! Все равно бы сидела в кювете. Он хоть сохранит ее вещи...

Бенуа переключил скорость и, увлекаемый потоком машин, то останавливаясь, то убыстряя ход, покатил к Орлеану. О мадам де Шатинье старался не думать. В такое время не до угрызений совести.

В Тур приехали почти ночью. Город был переполнен. Беженцы спали на площадях, сидели в подъездах средневековых домов, в скверах. О номере в гостинице нечего думать. Но Бенуа посчастливилось — приютился в каморке дежурной по этажу. Помог редактор. Сотрудники газеты еще несколько дней назад заняли три комнатки наверху, почти на чердаке.

Голодные легли спать. Гризет разделась и юркнула под одеяло. Она считала себя обязанной подобравшему ее благодетелю.

Утром отправились завтракать. Примостились за табльдотом. В кафе ничего нет, только кофе без сливок. Бенуа встретил знакомых журналистов, обменивались новостями. Италия объявила войну. В Тур прилетел Черчилль, привез какие-то предложения. Предстоит заседание правительства. Министры собрались в мэрии.

В кафе толпился народ. Спорили, рассуждали. Кто-то возмущался, требовал подать хотя бы холодную курицу. С подносами сновали растерянные, сбившиеся с ног молоденькие официантки в белых передничках и крахмальных наколках. Уверяли, что в кухне ничего не осталось. Посетители скандалили, вызывали хозяина кафе, но он куда-то исчез.

В дверях появился Лаваль — бывший премьер. Приземистый и угловатый, с оливковым цветом лица и толстыми губами. Помятый костюм и ослепительно белый галстук, как передник официантки. Лаваль вошел в зал, осмотрелся. Места он не нашел — все занято.

Его окружили журналисты, любопытные. Он говорил медленно, полуприкрыв тяжелые веки, обнажая желтые от никотина зубы.

Жюль Бенуа всегда завидовал этому человеку с видом вкрадчивого простолюдина. Вот политик! Политическая карьера дала ему миллионы франков. Он больше не премьер, не министр, но у него остались газетный концерн и компания минеральных вод. Это полезнее министерского портфеля. Лаваль нигде не упустит! Дочь выдал за графа Рене, стал тестем американского бизнесмена, потомка маркиза де Лафайета. Графский титул, благословение римского папы, старинный замок, поместья и скаковые конюшни. Вот что значит использовать ситуацию! А выглядит по-прежнему грубоватым и хитроватым овернцем.

Жюль оставил Гризет и подошел к группе, окружившей Лаваля. Бывший премьер самоуверенно говорил, растягивая слова:

— Слушались бы моего совета, тогда бы все получилось иначе. Я всегда стоял за соглашение с Германией и Муссолини. Нечего было давать авансы большевикам. Теперь мы платим за это. Нельзя выпить стакана кофе,— он кивнул на ближайший столик.— Бегаем по дорогам, как зайцы. Надо принимать меры, господа, просить мира у Гитлера.

К Лавалю протиснулся пожилой человек в сером костюме, в пенсне.

— Господин Лаваль? — спросил он.

— Да,— обронил пывший премьер.

— Это за Францию! Предатель!

Раздалась звонкая пощечина. Лаваль схватился за щеку, испуганно подался назад. Подумал, что покушение.

В суматохе человек в сером костюме исчез. Потом говорили, что его сын-летчик погиб несколько дней назад под Камбре.

Из кафе отправились в мэрию. Возмущались скандалом — безобразие, левые подымают голову! Гризет взяла Жюля под руку.

— Я буду ждать в гостинице.

— Да, да,— рассеянно ответил он,— пообедаем вместе.

Жюль погрузился в привычную атмосферу политических слухов, предположений, возможных комбинаций. Ему было не до Гризет.

Ратуша — старое, средневековое здание — находилась рядом, только перейти площадь. Здесь обосновалось правительство, бежавшее из Парижа. Заседание кабинета уже началось. Запоздавший Вейган озабоченно прошел через приемную. Семидесятилетний главком, сменивший Гамелена, по-стариковски шаркал ногами. На лице выступили красные пятна,— видно, взволнован. Журналисты пытались задержать его, забросали вопросами.

— Положение осложнилось,— трагически сказал Вейган, пробираясь к двери.— Эти минуты решают судьбу Франции. Красные хотят нанести нам удар в спину. Морис Торез поднял восстание в Париже. Коммунисты заняли Елисейский дворец. Это опаснее нашествия немцев.

Главком скрылся за дверью.

Журналисты стояли ошеломленные. Вот это новость! Вскоре из зала, где шло заседание, выскочил Мандель — министр внутренних дел. Почти бегом бросился к единственному старенькому телефону, только один этот дряхленький аппаратик соединял правительство с Парижем.

— Префекта полиции,— донеслось из комнаты, куда удалился Мандель.

Наступила тревожная пауза. Телефонистка вызывала абонента. Стало очень тихо. Снова раздался голос министра:

— Месье Ланжерон?.. Говорит Мандель. Каково положение в городе?.. Без изменений?.. То есть как?.. Я располагаю сведениями о восстании красных. Торез занял Елисейский дворец... Выдумка? Вы уверены в этом?.. Как, как?.. Сами говорите из Елисейского дворца!.. Благодарю вас. Я очень спешу...

Министр повесил трубку и так же стремительно вернулся на заседание кабинета.

Вейган еще продолжал говорить. Он убеждал: единственный выход предотвратить национальную катастрофу — просить мира у Гитлера. Главком аргументировал безнадежным положением на фронте. Английские войска покинули Дюнкерк. Это катастрофа. Франция беззащитна. Коммунисты воспользовались национальным бедствием и подняли восстание. Он повторяет — Торез в Елисейском дворце. Надо снять войска с фронта, бросить их против красных. Надо решительно предотвратить угрозу социального хаоса.

Восстание коммунистов больше всего напугало министров. Главком прав, нельзя ввергать страну в анархию. Красные покушаются на священную собственность.

— Господа министры! — Мандель прервал выступление главкома.— В Париже спокойно. Слухи о восстании вымышлены. Я только что говорил с префектом полиции.

Вейган досадливо повернулся к Манделю. Черт бы его побрал! Трюк не удался. Как недодумал он такой простой вещи! Надо бы прервать связь с Парижем, испортить наконец этот единственный телефон. Поди убеди теперь этих баранов в том, что продолжать войну нет никакого смысла! Вейган о министрах думал пренебрежительно. Он надеялся в суматохе захватить власть, установить диктатуру. Фашизм во Франции — это неплохо. Мандель все испортил.

Поднялся шум. Министры кричали, перебивали друг друга. Зачем Вейган их пугает? Это нечестно! И без того у всех издерганы нервы. Мнения разделились. Старый Петен бормотал: «Наше положение безнадежно. Надо прекратить войну». Он знал о трюке Вейгана, но его голос потонул в общем шуме. Если красные не восстали, надо еще подумать. Гитлер — это тоже не сахар. Надо обратиться за помощью к американцам.

Премьер предложил прервать заседание. Он нетерпеливо смотрел на часы — с минуты на минуту должен прибыть Черчилль. Может быть, Черчилль сможет прояснить положение.

III

Британский премьер в пятый раз за последние три недели прилетел во Францию. Его «Фламинго» с трудом сел на разбитый аэродром близ Тура — накануне немцы разбомбили его. На этот раз премьера никто не встретил, только прислали машину. Сначала отправились в замок, где была назначена встреча. В замке никого не было. Привратник сказал — правительство разместилось в мэрии. Поехали в ратушу. С трудом пробились сквозь запруженные машинами улицы. Рейно встретил премьера словами:

— Мистер Черчилль, я за продолжение войны. Но если мне придется уйти из правительства...

— Почему такой пессимизм? Мы еще повоюем, месье Рейно! Вспомните Клемансо,— Черчилль пытался приободрить французского премьера.— Четверть века назад было такое же положение. Клемансо говорил: «Буду драться вместе с Парижем на его подступах, в городе и позади его». Надо защищать Париж.

Маршал Петен уныло ответил:

— Тогда у Клемансо в резерве было шестьдесят дивизий. Тогда во Франции дралось шестьдесят английских дивизий. Где они сейчас?

Черчилль почувствовал ядовитый намек на Дюнкерк. Сделал вид, что не понял.

— Мы до конца выполним наш союзнический долг. Нельзя огорчаться превратностями войны, решает конечная цель — победа.

Под сводами зала резонировал густой голос британского премьера. Он умел спорить, старался использовать красноречие. Надо убедить французов, внушить им одну мысль — они должны воевать. Может быть, припугнуть. Премьер приехал с единственной целью — удержать Францию от капитуляции.

— Как посмотрели бы вы на такое предложение,— Черчилль окинул взглядом французских министров,— что, если создать франко-британскую федерацию? Мы станем подданными единого государства. Британская корона предлагает свое покровительство Франции. Все мы станем согражданами одной страны. В таком случае ваше правительство могло бы обосноваться, например, в Северной Африке. Оттуда оно станет руководить борьбой, борьбой до победы.

Полю Рейно не улыбалась подобная перспектива: большой разницы нет — британская корона или сапог Гитлера. Все же он ответил уклончиво:

— Это интересное предложение, его следует изучить.

Вейган обратился с просьбой:

— Можете ли вы прислать нам свои истребители? Они бездействуют в Англии.

— М-м... Видите ли, мой дорогой главком, мы боремся за общее дело, в наших отношениях не должно быть и тени эгоизма. Но я обязан именно во имя наших общих целей отказать вам, как это ни тяжело. Я думаю,— Черчилль постарался вложить в свои слова

максимум искреннего убеждения,— думаю, что критический момент войны еще не настал. Он произойдет, если Гитлер рискнет напасть на Англию. С чем мы окажемся тогда против угрозы вторжения? Нет, расходовать воздушные силы просто опрометчиво. Кстати, в прошлый приезд я информировал вас об эвакуации французских войск. С того времени на британских кораблях вывезено еще одиннадцать тысяч французских солдат. Таким образом, сохранено двадцать шесть тысяч штыков.

— А всего? — поинтересовался Рейно.

— Вывезено больше трехсот пятидесяти тысяч. Дюнкерк — наша победа. Гитлер не достиг своей цели. Я не говорю о вооружении, оно попало в руки немцев. Вот еще почему нам надо экономно расходовать наши ресурсы.— Черчилль повернулся к Вейгану.

Петен прикинул в уме — эвакуированные французы не составляют и десяти процентов. Наступило неловкое молчание. Черчилль понял — не надо было говорить об этом.

— Как мне доложили, французские войска не получили приказа об эвакуации, они находились в соприкосновении с противником. Мы могли бы вывезти больше.

Петен помолчал и сказал:

— Все же нам следует просить перемирия. Мы не в силах сопротивляться.

— Простите, маршал, но я не уполномочен освободить Францию от ее обязательств.

В разговор вступил генерал Спирс, сопровождавший британского премьера, подтянутый, блестящий английский офицер с нашивками за ранения. Он получил их в прошлую мировую войну. Член британского парламента, Спирс прилетел в Тур с особым поручением весьма деликатного свойства.

— Капитуляция Франции означает блокаду,— Спирс отошел от окна.— Скажу больше: не только блокаду, но и бомбардировку портов, занятых немцами.

Черчилль постарался смягчить угрозу — нельзя так прямо:

— Надеюсь, до этого не дойдет. Мы будем продолжать борьбу вместе. Мы верны союзному долгу.

Про себя он подумал: «Видимо, так и будет, как сказал Спирс. Вот ирония судьбы: фельдмаршалы предают Гитлеру свои страны — Гинденбург в Германии, Петен во Франции».

Черчилль потерял интерес к дальнейшему разговору. Понял — его миссия не удалась.

Вошел генерал де Голль, высокий, худой. Поздоровался. Черчилль метнул взгляд на Спирса — придется действовать, как решили. Он приветливо обратился к де Голлю. Генерал недавно стал заместителем военного министра.

— Каково ваше мнение, мой генерал?

— Я преклоняюсь перед Цезарем и Александром Македонским. Они не терзались сомнениями.— Де Голль говорил короткими фразами, точно рубил шашкой.— Мы должны бороться. Слава

приходит к тому, кто мечтает о ней. Мы все должны мечтать о победе.

— Приятно услышать трезвый и мужественный голос! Благодарю вас! — Черчилль протянул руку.

Расстались дружелюбно. Рейно обещал продолжать сопротивление. Но каждый знал — это последняя встреча, военное содружество лопнуло.

Прощаясь, Черчилль сказал, обращаясь к Рейно:

— Для связи я хотел бы оставить у вас генерала Спирса. Если понадобится, он пробудет здесь несколько дней.

Часа через два Черчилль был в Лондоне. Путешествие утомило его, но все же перед сном он продиктовал стенографистке запись для дневника: «Вернулся из Тура. Я пел свою обычную песню — мы будем сражаться независимо от того, что произойдет или кто выйдет из боя...»

IV

Поезд с Сен-Назер пришел только на третьи сутки. Лилиан, отказавшись после мучительных колебаний от поездки в Фалез, теперь без раздумий брела за Леоном. Они шли в порт. Лилиан несла дочку, Терзи — чемоданы и сумочку. Шли пешком — в городе ни за какие деньги нельзя найти ни такси, ни кабриолета.

Лилиан изнемогала от непрестанных тревог, страшных слухов, опасений, бомбежек. Обессиленная, опустошенная, шла она молча, не спрашивая, не говоря. Лилиан больше не думала ни о себе, ни об отце, ни о Жюле, ни о Париже. Все отдалилось, ушло куда-то назад. Только крошка Элен владела всеми мыслями матери. Только ради нее задыхалась она в поезде, куда-то стремилась и теперь ради нее идет по улицам незнакомого города — знойного и красивого города, несколько запущенного и захламленного с появлением беженцев.

На минуту остановились перед радиорупором — отдохнуть и послушать новости. Леон разминал затекшие пальцы. Передавали — немцы снова пошли на Париж, город опять под угрозой. Рейно обратился к Рузвельту с призывом о помощи. Ответ ждут с часу на час.

У подножия мачты под серебристо-матовым рупором люди переглянулись. Блеснула надежда. Все еще ждали чуда.

Втроем — учитель из Валансьена тоже пристал к ним — тронулись дальше, подошли к пристани. Широкая и полноводная Луара несла мимо них свои воды к Бискайе. На берегу, как большие коробки для шляп, стояли рядами блестящие на солнце цистерны. У причала, такой же белый и ослепительный, стоял многопалубный лайнер. «Ланкастер»,— прочитала Лилиан на борту теплохода.

Но пассажиров на пристань не пропускали — цистерны и лайнер белели за высокой железной решеткой. Цепочка полицейских

преграждала дорогу. На площади волновалась толпа беженцев, как и в Париже перед Лионским вокзалом. Раздавались возмущенные возгласы. Так стояли довольно долго. Терзи не решался протискиваться к воротам — с ребенком опасно. Потом распространился слух — лайнер скоро уходит в море. Толпа колыхнулась. Полицейские уже не могли сдержать людского напора. Лавина, прорвавшись в ворота, устремилась на пристань. Подхваченные этой страшной волной, стиснутые горячими телами, Терзи и Лилиан приближались к портовым воротам. Учитель из Валансьена остался сзади. Поток нес их к бетонной колонне. Лилиан первая поняла надвигавшуюся опасность. Сейчас ее притиснут к тумбе, раздавят Элен... Она дико вскрикнула. Леон, напрягая силы, попытался задержать поток. На какую-то секунду, может, доли секунды удалось ему это сделать. Это спасло. Лилиан отшатнулась. Бетонная колонна с торчащими петлями, с массивной решеткой чугунных ворот проплыла мимо. Они вырвались из засосавшего их водоворота. Они были на пристани.

Полицейские закрывали ворота. Десяток здоровяков, упираясь плечами в чугунные створки, трамбовали толпу. Они давили с азартом и тупой яростью, точно захлопывали крышку большого, переполненного вещами чемодана. Толпа осела. Полицейские с трудом накинули щеколду. Поток остановили. Но значительная часть людей все же прорвалась к пристани. Обгоняя один другого, все ринулись к лайнеру.

Терзи и Лилиан были в числе последних. Ошалевший полицейский, растопырив руки, пытался их задержать. Терзи кричал ему в лицо — у него есть пропуск, английский пропуск. Но полицейский уже ничего не соображал, он только свирепо кривил рот и тупо повторял:

— Нужен пропуск, нельзя без пропуска...

Лилиан нырнула под руку. Полицейский хотел погнаться за ней, но бросился в другую сторону — кто-то лез через забор.

В толпе за воротами какая-то женщина с обезумевшими глазами протягивала сквозь решетку руки, хватала за рукава полицейских и умоляла:

— Откройте, прошу вас! Там моя дочь... Послушайте!

На нее не обращали внимания. Рядом кричали:

— Не повторяйте Дюнкерка! Предатели!

— Английские холуи! Мы тоже хотим уехать! Откройте!..

Счастливцев, проникших на пристань, уже не интересовало, что происходит за воротами, сзади них. Они осаждали лайнер.

«Ланкастер» пришел из Плимута ночью. Рано утром стал принимать пассажиров. Теплоход предназначался для британских подданных, покидавших в эти дни Францию. Но паника, страх не имеют национальности. Тысячи людей, всю ночь осаждавшие пристань, заполнили палубы, проходы, трапы... Теперь, словно на абордаж, к «Ланкастеру» бросились новые сотни беженцев.

На мостике, приложив к губам мегафон, что-то кричал капитан.

Его слова расплывались в человеческом гомоне. Видимо, он приказывал отвести судно от берега — грузить больше некуда. Матросы сбросили канаты с отполированных кнехтов, освободили корабль. Хлопотливый буксир, подцепив трос, натянул его, как струну, потянул лайнер на середину реки.

Лилиан, еще бледная от пережитых волнений, стояла на ботдеке. Леон был рядом. Их притиснули к борту возле шлюпки, затянутой брезентом. Палубные матросы, протиснувшись сквозь толпу, талями поднимали трап. За кормой под ударами гребных винтов пенились воды Луары. «Ланкастер» набирал скорость, плыл вдоль берега.

Завтра они будут в Плимуте. Лилиан облегченно вздохнула: все-таки сели! Захваченная психозом толпы, она, как и тысячи других пассажиров, видела свое спасение только в английском лайнере. Теперь самое страшное позади — там, за воротами порта. Так ей казалось. Лилиан улыбнулась Терзи впервые за эти дни.

Кто-то искал потерянный чемодан. Кто-то кого-то звал. Кто-то спорил. Но на измученных лицах бродили улыбки, такие же, как у Лилиан. Завтра все кончится, лишь бы в Бискайе не было сильной качки. Женщины тревожились, как бы не стало им дурно. Не все легко переносят морскую болезнь.

Терзи начал устраиваться. Поставил чемоданы один на другой, предложил Лилиан сесть.

В суете, в гомоне, в удовлетворенном состоянии людей, добившихся наконец цели, никто не заметил, как над кораблем появились немецкие самолеты. Они шли строем и вдруг ринулись вниз, заглушая ревом сирен человеческие крики. Бомба разорвалась на корме. Взрыв потряс судно. Вторая бомба, пронзив палубы, ударила в машинное отделение. Крик ужаса вырвался из тысячи глоток. Лайнер остановился и медленно начал крениться набок. Движимый животным инстинктом самосохранения, Леон схватил спасательный круг, бросился вниз по не поднятому еще трапу. После он не мог вспомнить, как на руках его оказалась Элен, как крикнул он что-то обезумевшей матери, как бросился в воду.

Сознание пришло, вероятно, через несколько мгновений. Леон плыл, придерживая рукой ребенка, Элен оказалась на пробковом круге. Девочка, надрываясь, кричала, но странное дело — Терзи смотрел на раскрытый беззубый ротик и не слышал крика. Лилиан тоже держалась за круг. В потемневших глазах ее стоял ужас. Такие глаза бывают у безумных — застывшие, с расширенными зрачками.

— Элен! Элен!.. Спасите Элен! — побелевшими губами шептала она.

Это отчетливо слышал Терзи, но слова не проникали в сознание.

Запомнилось еще море голов на поверхности реки вокруг лайнера. Раскрытые рты и безумье в глазах. Кто-то вцепился в плечо. Леон захлебнулся. С жестокой яростью освободился от цепких объятий и поплыл дальше.

Громада «Ланкастера» продолжала крениться набок. Красное влажное днище корабля все выше подымалось над водяной кромкой. Потом снова воздух разрезал тошнотворный свист бомбы. Завыла сирена. Штурмовики сверху поливали реку из пулеметов.

Берег приближался медленно, но был уже близок. Леон еще раз повернул голову. Столб черного дыма вздымался к небу. Горели цистерны. Они на глазах превращались из белых в темно-коричневые. Потоки горящей нефти устремились в реку. Терзи показалось сначала, что это красное днище лайнера. Огненная волна заливала пристань, ползла по воде, и Луара сама становилась огненно-красной.

— Скорей, скорей! — надрываясь кричал он Лилиан.

Ему только казалось, что он громко кричит. На самом деле из груди вырывался только хриплый шепот.

Огненный вал подполз к лайнеру, лизнул его и полез дальше, захватывая барахтавшихся в воде людей. Головы исчезали в пламени. Леон инстинктивно повернул в сторону от наплывавшей на них лавины. Но жидкий огонь стремительно приближался к Лилиан, к нему, к спасательному кругу. Мышцы становились бессильными, мягкими...

На какое-то мгновение снова наступил провал памяти. Терзи вновь ощутил себя, когда ногами коснулся дна. Кто-то помог ему выйти на берег. Он подхватил Лилиан, терявшую сознание.

Лилиан перенесли в дом таможенного чиновника. Безучастную ко всему, в мокрой одежде, Лилиан опустили на постель. Леон стоял рядом с ребенком на руках, тоже мокрый и обессилевший. Хозяйка взяла Элен...

На столике у окна говорил «Филипс». Вероятно, всюду радио не выключали круглые сутки. Леон узнал голос премьера, Рейно говорил: «Отечество в опасности, но Франция не может умереть... Если бы мне завтра сказали, что только чудо может спасти Францию, я бы ответил: «Я верю в чудо!»

В распахнутое окно открывался вид на Луару. Река все горела. Лайнера уже не было видно. Только пляшущие языки пламени заливали реку от одного берега до другого.

В порту Сен-Назер погибло более трех тысяч пассажиров «Ланкастера». Уинстон Черчилль, получив сообщение о катастрофе, запретил писать об этом в газетах.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

I

В разгар европейских событий Муссолини написал письмо Гитлеру. Он нервничал и торопился. Особенно после Дюнкерка.

«Я думаю,— писал он,— что для Италии время не терпит. Глубоко признателен вам за обещание держать меня в курсе событий.

Хочу сообщить вам о моем неуклонном решении вступить в борьбу пятого июня,— Муссолини подчеркнул в письме эту дату.— Итальянский народ с нетерпением стремится воевать бок о бок с германским народом против общих врагов. У нас семьдесят боеспособных дивизий. Двенадцать из них на той стороне моря — в Ливии. Я готов лично взять на себя командование всеми вооруженными силами Италии».

Жребий был брошен. Муссолини ждал ответа. Но роли переменились. Теперь Гитлер не торопился. Ответ пришел только через несколько дней.

Германский рейхсканцлер выражал свою радость. Он в восторге от принятого Муссолини решения. Но Гитлер настойчиво просил отложить хотя бы на некоторое время вступление Италии в войну. Это расстроило Муссолини: удачливый игрок хочет встать из-за стола. Гитлер объяснил свою просьбу: вступление Италии в войну может вызвать передислокацию французской авиации; не надо спугивать птичек, Геринг намерен накрыть их на аэродромах.

Пришлось согласиться. Муссолини вызвал Чиано для консультации. Сообща подготовили текст.

«Я согласен с вами, дорогой фюрер, нам целесообразно отложить объявление войны, чтобы дать вашей авиации возможность уничтожить сперва французскую авиацию. Моя программа такова: в понедельник десятого июня, повторяю — десятого июня, я объявляю войну. Военные действия начнутся на заре одиннадцатого числа. Я мечтаю, чтобы хоть одна итальянская часть сражалась рядом с вашими солдатами. Если примете предложение, я пошлю несколько полков берсальеров, солдаты которых отличаются доблестью и выносливостью.

Я бы просил вас прислать мне в обмен на итальянскую бронедивизию пятьдесят зенитных батарей для обороны Италии с воздуха».

Перед тем как подписать письмо, Муссолини задумался и с видимым удовольствием поставил:

«Верховный главнокомандующий итальянскими вооруженными силами Бенито Муссолини».

Чиано давно не видел тестя таким счастливым. Наконец-то сбылась его тщеславная мечта стать военным вождем! Да еще перед войной, которая вот-вот начнется. Отныне под его командованием будут маршал Бадольо, генералы Грациани, Приколо, адмирал Кавеньяри — весь цвет итальянской армии. Военные лавры, победы Гитлера не давали покоя. Теперь-то уж он восстановит престиж римских полководцев!

— Имейте в виду,— сказал Муссолини,— нам не следует бросаться в войну очертя голову. Нам нужно заключить с Гитлером определенную сделку. Я поставлю свои условия, предъявлю свои требования. Сейчас для этого наиболее удобный момент. Французы начинают оказывать сопротивление. Гитлер не мог взять Аррас. Немецкие войска не будут такими свеженькими, как хотелось бы фюреру. Судьбу войны решит моя армия.

Чиано напомнил о претензии Геринга. Король согласен наградить его орденом. Но Герингу этого мало, он настаивает, чтобы король прислал ему приветственную телеграмму. Его величество сомневается, следует ли награждать с такой помпой.

— Черт с ней, с побрякушкой! Дайте ему что просит. Посоветуйте королю... Впрочем, я сам поговорю. Пусть успокоится. Станет сговорчивее.

Вечером десятого июня граф Чиано пригласил французского посла Франсуа Понсе для официальной аудиенции. Сухо и холодно известил — отныне его страна находится в состоянии войны с Францией. В пространные объяснения вступать не стал.

Понсе вежливо поклонился. Он был бледен. Произнес заготовленную фразу:

— Ваше решение — удар кинжалом в упавшего, попавшего в беду человека. Но я благодарю, что для этого вы надели бархатные перчатки. Вы еще остаетесь министром иностранных дел? — Он посмотрел на мундир военного летчика, в котором Чиано принимал посла.

Это был вызов. Чиано принял его.

— Да, я совмещаю свой пост с званием офицера королевского воздушного флота.

Понсе поклонился и вышел. Следом за ним вошел в кабинет британский посол господин Перси.

Война была объявлена. Чиано вылетел в Пизу, чтобы принять командование отрядом бомбардировщиков. На рассвете вылетели в первое боевое задание. Бомбили Корсику, разрушили Борго и Бастию — тихие прибрежные городки. Бомбы легли в цель. Французы не оказали сопротивления.

Чиано сам нажал гашетки бомбодержателей. Министр иностранных дел сбросил бархатные перчатки.

II

Бруно Челино все-таки угодил в армию. Мать не успела ничем помочь. Если бы повестку принесли в субботу чуточку раньше, он уверен — все было бы совершенно иначе. Но так получилось.

В субботу после работы они с Анжелиной уехали на побережье, к устью Тибра. Там у Анжелины жил дядька в рыбачьем поселке. Катались на лодке, ловили рыбу, купались и ночевали в уютной крохотной хижине. С Анжелиной они поженились с полгода назад, и это было первое знакомство с ее родными. Раньше все не удавалось поехать.

В город вернулись засветло. Их продолжал преследовать запах моря и рыбачьих сетей, растянутых перед хижиной. Терпкий запах сливался с ощущением счастья, света, голубизны неба. Оживленные, веселые вбежали домой по выщербленным ступеням каменной лестницы. И здесь их встретили два карабинера.

Оказалось, что повестку принесли сразу же, как только они

уехали. Посыльный сказал — явиться немедленно. Конечно, Бруно не мог этого сделать. В воскресенье утром за ним пришли снова — его опять не было. В призывном участке заподозрили дезертирство и прислали карабинеров. Бруно не разрешили даже переодеться, так и повели под конвоем. Ясно, что он оказался совершенно здоровым. Инспектор подозрительно поглядел на бывшего берсальера и разрешил только на полчаса забежать домой, но и то в сопровождении надежного стража.

Так Бруно и очутился в армии. Сначала в казарме на окраине Рима, потом в поезде и наконец в Пьемонте, в территориальной дивизии. Никогда не знаешь, что хуже, что лучше. В полку берсальеров у него была хотя бы красивая форма, здесь же обрядили черт знает в какую рвань. Залатанные штаны, стоптанные ботинки и куртка роста на два меньше нужного размера. Голые руки торчат из рукавов чуть не до локтей. Балаганные чучела, а не солдаты!

Солдат территориальной дивизии Бруно Челино сидел на зарядном ящике и тоскливо глядел на окружавшие его горы. Погруженный в раздумье, он не замечал ни хрустальной чистоты воздуха, ни суровой красоты гор. От Анжелины пришло письмо. Это было третье по счету. Письмо задержалось, пришло с опозданием. Теперь понятно почему: их перевели на границу, письмо шло следом — не сразу найдешь адресата в такой дыре. А он-то уж думал невесть что! Экий дурень! Сколько всего передумал, даже припомнил того парня, с которым Анжелина встречалась, когда Челино служил в берсальерах. Надо придумать такую глупость! Просто стыдно перед Анжелиной...

Жена писала о новостях. Мать теперь работает судомойкой в доме господ Чиано. Платят мало, но иногда кормят. Это лучше, чем возить тяжелую тачку. Мать сама набралась смелости и пошла. К графу ее не допустили, но она своего добилась. Сказала, что прежде служила у старого графа.

О Луиджи нет ни слуху ни духу. Анжелина знала о сводном брате только по рассказам, но была посвящена в семейную тайну. Раз как-то при ней заходил человек, не назвавший своего имени. Мать обрадовалась и расстроилась. Всплакнула. Человек пришел вечером, когда все сидели за ужином. Говорил он осторожно, с опаской. Оказывается, Луиджи уехал не на работу. И не во Францию, а в Испанию. Воевать добровольцем. Вот уж чего не понимает Бруно. Уезжать из дома, чтобы где-то подставлять под пули свою башку! Была бы возможность, он и часа здесь не провел бы, не то что в Испании. Какое ему дело до Франции! Граница здесь рядом, но там такие же горы и такие же, вероятно, люди. Сам Бруно никогда не бывал во Франции, но сколько итальянцев хаживало туда батрачить! Все-таки заработок. Чего же теперь начали войну?

Мать пригласила гостя поужинать чем богаты. Отказался. Про-

должал рассказывать. Они с Луиджи воевали не вместе. Познакомились только в лагере. Называется он Ла Вероне. На юге Франции. Французы интернировали их и заперли в лагере. Вот и сидят там который месяц.

Кармелина наивно спросила:

— А Луиджи что, сам не мог приехать?

Гость усмехнулся.

— Там кругом колючая проволока. И жандармы. Они не лучше наших... Так вот,— пришелец встал,— Луиджи просил передать привет. Надеется, может, встретится. До свидания!.. Об этом никому не говорите. Узнают в Овра — могут быть неприятности.

Овра — это охранка. Конечно, с ней лучше не иметь дела.

Гость вышел. Мать спохватилась, выскочила на лестницу.

— А как вас зовут? Может, еще зайдете?

— Это не важно...

Так и ушел. Скорее всего он сбежал из лагеря Ла Вероне, потому и вел себя так осторожно. Мать надеется, может, зайдет еще разик. Но Бруно сомневается. Побоится. Вот чудаки! Полезли воевать и попали, как гуси в гусятницу. Нет, не понимает он этого. Ему бы домой. Что-то делает сейчас Анжелина?

Челино охватила такая тоска, хоть в петлю лезь. Он поднялся с ящика, засунул письмо в карман и пошел к батарее. Там есть хоть живые люди.

— Ну что нос повесил? — встретил его Мартини, наводчик орудия. Он был самый старый на батарее — пятьдесят лет, воевал еще в шестнадцатом году. Солдаты окрестили его «Падре» — святой отец. Но святого в Мартини как раз ничего не было, он славился богохульством и руганью, хотя считал себя исправным католиком.— Что, сынок, в Ниццу хочешь? Ждешь не дождешься, как черт причастия?

— Какая тут Ницца! Домой охота.

— Как так? Небось тоже кричал: «Даешь Ниццу и Корсику!» Получай. Она от нас ближе, чем престол римского папы. Папе в нужник ходить и то дальше.

— Ничего не кричал. Нужно мне это, как пятая нога собаке!

Мартини не унимался. Он напоминал чем-то старого Менарино, римского чечероне. Тот задирал и обрушивался потоком фраз на окружающих, точно так же, как Падре. Их обступили оборванные солдаты-артиллеристы. Погонщики мулов выглядят куда наряднее...

— А не завернуть ли нам по дороге в Монако? Сыграем в рулетку! — Мартини оживился, заметив, что слушают.— Да ты небось, мальчик, и не слыхал про такое рулеточное государство! Нам что, займем и его. Хлопушки у нас древние, одногодки с императором Францем-Иосифом. Он оказал мне честь, воевал со мной под Капоретто.

— Мой отец тоже там был.

— Ага! Значит, ты в курсе дела... Но теперь-то у нас австрийские пушки, достались в наследство. Если не разорвутся, на весь

мир шуму наделаем. Глядите! Красавицы! — Мартини похлопал ладонью по стволу, как конюхи хлопают лошадей по крупу.

Слова Мартини не поднимали, разумеется, боевого духа солдат. Они и сами видели — без оружия, в драных штанах не навоюешь.

Утром приходил «фазан» — командир полка. Поздравил с объявлением войны. Петушиным голоском повторил слова Муссолини. Известие встретили равнодушно, нестройно крикнули: «Вива!» Ждали Гуццони, командующего армией, но он не приехал. Был занят.

Солдаты не представляли себе, насколько прав окажется Падре, издеваясь над пушками. В день объявления войны в обеих армиях, выставленных против французов, у Гуццони насчитывалось всего полторы сотни старых-престарых, еще австрийских пушек. Гуццони искал выход и не находил. Но раз война началась, надо стрелять.

Обстрел французских позиций начался через три дня после объявления войны. Раньше не было снарядов — не подвезли. На батарее, где служил Челино, имелась всего одна пушка. Стреляли по закрытым целям, и никто не знал, как эффективен огонь. С наблюдательным пунктом связь нарушилась в самом начале. Старенькие телефонные аппаратики Эриксона отказывались передавать распоряжения. Убей бог, если телефонист мог разобрать хоть единственное слово. В трубке шипело, хрипело, булькало, и наконец телефон умолк окончательно.

Стреляли по заданным целям не меньше часа. Бруно взмок, подтаскивая снаряды. Он таскал их, как новорожденных ребят, прижимая к груди. Мартини покрикивал и балагурил:

— Ты, сынок, не работал в родильном доме? Шевелись, шевелись! — После каждого выстрела он проверял наводку.— Привыкай, парень. Война только началась. Через год кончим. К тому времени жена успеет родить. Разве ты не веришь в непорочное зачатье? Такие чудеса чаще всего происходят в войну. Господь бог нисходит своей благодатью на солдатских жен.

С наблюдательного пункта прибежал связной. Он задыхался от быстрого бега, едва переводил дыхание.

— Прекратите огонь! Прекратите огонь! — кричал он еще издали.

Оказывается, били по своим — спутали расчеты. Перенесли огонь дальше. После нескольких выстрелов разорвалась пушка. Отделались счастливо. На батарее никого не убило, только оглушило. До вечера сидели без дела у разбитой пушки. Переднюю часть ствола разворотило, орудие походило на распустившийся цветок с рваными лепестками. Мартини заметил:

— Господь бог украшает нашу землю цветами. Теперь можем встречать французов. Вот это война!..

Приехала комиссия. Смотрели, щупали разорванный ствол, покачивали головами. Другой пушки не было, артиллеристов перевели в пехоту.

Бруно шел в наступление с винтовкой тоже австрийского образца. Французы встретили батальон прицельным огнем. Откатились назад. Ходили снова и снова откатывались. Перелом наступил только через неделю. Удалось спуститься в долину, окруженную скалистыми горами. Но французы устроили ловушку, в которую попала вся дивизия. Били со всех сторон. Бруно, охваченный страхом, лежал, уткнувшись головой в ровик.

Неизвестно, чем бы все кончилось, если бы французы не запросили мира. Конечно, Мартини что-нибудь сказал бы по этому поводу, но его не было. Падре арестовали полевые жандармы из Овра. Говорили — за пропаганду, за непатриотические настроения. Когда его уводили, он подмигнул и сказал:

— Не знаю, что лучше — воевать или сидеть в каталажке. Будьте здоровы!

Бруно думал об этом, когда лежал под огнем. Не приведи бог еще раз пережить такое дерьмовое состояние!

Когда огонь прекратился, снова поднялись в горы. На скалах росли эдельвейсы с пушистыми, войлочными стеблями. Бруно нарвал их по дороге целый букетик. Хорошо, что война так быстро окончилась. Газеты шумели об итальянской победе.

Муссолини был доволен и недоволен. Хорошо, что успели ввязаться в драку. А если бы война затянулась? Что делать с таким народом! Глина... Он винил во всех неудачах солдат. Лентяи и трусы! Испортили настроение еще и события в Таранто. Сначала адмирал Кавеньяри сообщил, что итальянский воздушный флот за три дня уничтожил половину британских морских сил Средиземного моря. Радовались, сообщили в газетах. Потом выяснилось — шесть часов бомбили собственные корабли. Экие олухи! Это похуже, чем обстреливать в горах свои позиции. Подрывают престиж нового главковерха.

Унижало и поведение Гитлера. Немцы отказались создать объединенную комиссию по перемирию. Сам поехал в Компьен, а французам предложил заключать перемирие с Италией отдельно. Встреча состоялась на озере Лаго-Маджоре, в вилле «Инчиза». Гитлер не захотел делиться славой с союзником. Понятно, что церемония на озере прошла не так помпезно и пышно, как в Компьене. Муссолини подробно донесли, как все происходило.

Гитлер шел к вагону и задержался перед старой надписью. Прочитал: «Здесь похоронена преступная гордость Германской империи, стремившейся поработить все другие нации Европы».

Доска висела двадцать пять лет, с Версальского мира. Гитлер криво усмехнулся. Можно себе представить, как он торжествовал! Муссолини надеялся в это время быть рядом, Гитлер оттер его.

Что-то он затевает теперь? Нападение на Англию? Это надо предвидеть. Муссолини кое-что предпринял — написал в Берлин, предлагает людей и самолеты для налетов на британский остров. Гитлер подозрительно отмалчивается. Неспроста! Нет уж, Италия не удовлетворится крохами немецкого пиршества. Пора заняться Балканами. Он тоже не скажет ни слова Гитлеру о своих планах.

В начале июля верховный главнокомандующий Бенито Муссолини вызвал начальника штаба и предложил ускоренными темпами готовить нападение на Грецию. Предупредил — немцы не должны ничего знать. Атлас мира, лежащий на столе в кабинете, он оставил раскрытым на странице с картой Балканского полуострова.

III

От побережья Ла-Манша Морен и Фрашон шли до рассвета. Когда забрезжил день, забрались в стог и проспали до вечера. Ночью шли снова, выбирая безлюдные и глухие дороги. Где-то переоделись — нашли крестьянскую одежду — и через неделю очутились в Бретани. Пешком, на подножках вагонов, на крестьянских телегах, уклонившись далеко на запад, приближались солдаты к Фалезу. Подходили к родным местам не с севера, а с юго-запада. Пришлось сделать большущий крюк.

В пути условились: если все сойдет благополучно, Морен поселится у Фрашона. Что дальше — там видно будет. Только бы добрести до Фалеза, не то вместо дома можно угодить в лагерь. Немцы повсюду охотятся за солдатами.

Места теперь для Фрашона были знакомые. Добраться бы им засветло до Сен-Жю, там уж рукой подать, всего пяток лье. Но внезапная встреча с Сен-Жю несколько отдалила приход в Фалез.

Поселок Сен-Жю стоял в стороне от тракта. Возможно, поэтому он не был так сильно переполнен беженцами. В первом же домике им разрешили заночевать. Пусть лезут на сеновал. Спросили поесть. Хозяйка наотрез отказала. Все уже съедено, всех не накормишь. Пошли искать, где бы перекусить. Возле аптеки Фрашон остановил Шарля:

— Погоди-ка, кажется, это наша барышня. Дочка хозяина.

Он нагнал женщину, вышедшую из аптеки, посмотрел на нее сбоку.

— Здравствуйте, барышня!

Лилиан обернулась. Перед ней стоял бородатый крестьянин в потрепанной, будто с чужого плеча одежде. Но мелькнуло что-то знакомое.

— Дядюшка Жан... Неужели вы?! — Лилиан бросилась к Фрашону и заплакала.— Помогите мне, я не знаю, что делать...

Подошел Шарль, поклонился. Она стояла перед солдатами в

стоптанных туфельках на босу ногу, в шляпке с обломанным черным пером и помятом костюме. Она сильно осунулась, подурнела. Фрашон едва узнал барышню. Он слышал, что Лилиан вышла замуж, живет в Париже,— и вот на́ тебе, какая встреча!

Лилиан потянула за собой Фрашона.

— Идемте со мной! Нужно найти врача. Там раненый. Он не может дальше идти. Нам немного осталось... Вы тоже в Фалез, дядюшка Жан? Как я рада, что мы с вами встретились!

В комнатке, куда привела их Лилиан, на постели лежал черноголовый мужчина с забинтованной ногой.

— Вчера во время налета ранило. На дороге...

— Это ваш супруг, барышня?

— Нет, нет! Это месье Терзи. Мы идем в Фалез. Он провожает меня.

Фрашону показалось, что барышня смутилась. Какое ему дело, кто это... Он поздоровался, осторожно протянув руку.

Врача не нашли, и Фрашон рано утром отправился в соседнее село. Он привел доктора, но это был терапевт. Доктор промыл рану, забинтовал и сказал, что нужно искать хирурга. Тогда и решили, что Фрашон с Шарлем отправятся в Фалез, известят месье Буассона и приедут за ними в повозке или в машине. Лилиан надеялась, что отец давно уж вернулся в Фалез.

Так и сделали. Фрашон забежал домой, обнял жену, пробормотал: «Потом, все потом!» — и сразу же побежал к Буассонам. Хозяин давным-давно вернулся из Парижа. Ему удалось починить машину. На ней проехал половину пути — пока хватило бензина, оставил «пикап» у незнакомых людей и волновался, как бы не пропала машина. Поехал за ней механик. Должен был вернуться третьего дня, но задержался. Виноторговец беспокоился — нет ни дочери, ни машины.

Заложили коляску. Буассон решил ехать сам. Он множество раз переспрашивал Фрашона, как встретил тот дочку, как она выглядит, что с ними произошло. Хозяин спрашивал и про внучку. Но Фрашон не мог ничего сказать. Девочка как девочка. Мать при нем дважды ее кормила.

Фрашон несколько раз пытался спросить хозяина про долг, но не мог собраться с духом. Наконец осмелился:

— Господин Буассон, вы там должок жене не отдали?

— Какой должок? А, за работу! Отдал, отдал. Катарина приходила — отдал ей... Туфли, говоришь, стоптаны?.. Так, так. Что делается! Понять невозможно... На машине мы быстрее доехали бы.

В Сен-Жю Лилиан повисла на шее отца.

— Ну, будет, будет! — утешал он ее, а сам, расстроившись, вытирал платком слезы.

К вечеру все прибыли в Фалез. Рана Леона оказалась не слишком серьезной, но двигаться он не мог. Ему отвели комнатку тетушки Гарбо, которая переселилась в столовую. Леон для себя решил — застрял он здесь, видимо, довольно надолго.

IV

Итак, Франция сложила оружие. Она капитулировала, сдалась на милость победителя.

События развивались с катастрофической быстротой, приближаясь к неизбежному своему завершению. Они вовлекали в водоворот и страны, и песчинки — людей с их судьбами. События ломали, крушили, ввергали людей в новые и новые бедствия. Изменяли привычное, несчастье превращали в какую-то страшную норму всеобщего бытия.

Подготовленные и развязанные годами предательств, честолюбием, жаждой власти, жаждой обогащения, интригами, низменными страстями, события мстили жестоко и слепо.

Четырнадцатого июня германские войска биваком расположились в Булонском лесу. На следующий день они вступили в Париж. Французское правительство переселилось в Бордо. Премьером оставался Рейно. Он еще верил в чудо, раскрывая пакет с долгожданным ответом Рузвельта.

«Французское послание глубоко взволновало... Правительство Соединенных Штатов делает все, что в его силах... Мы удвоим свои усилия... Сопротивление французского народа вселяет уважение, оно замечательно...»

Фразы, фразы и ничего конкретного. В политике не бывает чудес. Рейно понял это. Не слишком ли поздно? Но Поль Рейно не будет могильщиком Франции. Пусть маршал Петен заключит перемирие. Рейно оставил пост премьер-министра, к которому так упорно стремился.

Петен стал во главе правительства.

Виновникам катастрофы еще казалось, что они могут управлять событиями. Но это были только иллюзии.

Уинстон Черчилль призывал защищать Париж руками французов, когда немцы заночевали в Булонском лесу, а полиция, вооруженная пулеметами и карабинами, получила приказ расстреливать всех, кто на свой страх и риск попытается оборонять столицу. Париж объявили открытым городом.

Генерал Вейган, который совсем недавно плел паутину интриг и провокаций против Советской России, оказался во главе рассыпавшейся французской армии. Для этого он прибыл из Бейрута — там был штаб предстоящего вторжения в Россию. Вейгану казалось, что он еще что-то сможет свершить, стать спасителем нации. Он сменил Гамелена, апостола Мажино,— глашатая пассивной обороны. Новый главком издал приказ о контрнаступлении. Но приказ повторял план Гамелена, только в более решительных выражениях. Решительных действий не наступило и не могло наступить. Черчилль спутал карты. Английский экспедиционный корпус, открыв фронт, грузился на военные корабли, на шлюпки и спортивные яхты. Это, как цепная реакция, повлекло за собой новые катастрофические последствия. Мощная группировка французских войск, прижатая к берегам канала, лишенная управления, оказалась бессильной выпра-

вить положение. Бельгийский король капитулировал перед натиском фашистских полчищ. Стотысячная бельгийская армия сложила оружие в районе Остенде.

Потерпев поражение, Вейган изменил поведение, стал требовать заключить перемирие. Он никогда не был сторонником активной борьбы с фашистской Германией. Для него иноземные полчища представляли меньшую опасность, чем угроза усиления коммунистов. Надо немедленно заключить перемирие. Армия должна сохранить остатки дисциплины. Иначе кто станет поддерживать порядок внутри страны? Если красные не восстали, они могут восстать. Вейган вдруг вспомнил о боге. Все, что произошло, он объяснял божьей карой, наказанием за грехи, за отход от христианской веры. Нельзя бренным людям идти против воли всевышнего. Он был смешон в роли сельского пастора.

Премьеру Рейно тоже кажется, что он управляет событиями. Он передает власть кагуляру, фашисту французского издания — Вейгану. Свой пост премьера вручает Петену. Перед реакционерами распахиваются двери в правительство. С Петеном пролезают в открытую дверь Лаваль, Дарлан и другие.

Старому маршалу тоже кажется, что он нашел выход, что он подчиняет события. Петен думает, как его давний единомышленник генерал Вейган. Петен требует капитуляции. Но и он только щепка в бурном потоке событий.

Петену кажется, будто он дважды спасает отечество. В канун первой мировой войны будущий маршал, еще тогда ушедший в отставку по возрасту, снова надел погоны. Его называли героем Вердена. Клемансо разоблачил тогда маршала как неисправимого пессимиста, скептика, прорицателя поражения. Теперь маршалу восемьдесят пять лет. У него выцветшие, влажные глаза и дряхлая, старческая походка. Но Петен считает — у него достаточно сил, чтобы спасти нацию. Это мог сделать Клемансо, «сокрушитель министров», сделает и он, маршал Петен. Сделает другими путями. Клемансо ненавидел Германию. Петен вступит с ней в соглашение. Главное, чтобы ему не мешали.

Первое, что сделал маршал, возглавив правительство,— арестовал Манделя. Никакой оппозиции! Он припомнил ему заседание в Туре. Бывшего министра внутренних дел арестовали в кафе. Через день освободили. Петен извинился — произошло недоразумение. Для себя сделал вывод — немного поторопился, нельзя так круто.

Петен стал пристально наблюдать за де Голлем. Он странно ведет себя. Когда-то де Голль служил в полку под командой его, Петена, но теперь он не желает подчиняться, хочет вести самостоятельную политику. Маршал приказал установить строжайшее наблюдение за де Голлем. Однако заместитель военного министра обманул бдительность агентов Сюрте. Англичанин Спирс оказался хитрее. Понятно, зачем Черчилль оставил его во Франции в эти дни. Де Голль отправился провожать Спирса на аэродром. Попрощались. Самолет вырулил на старт. Де Голль шел рядом, произно-

сил какие-то обычные в таких случаях фразы. Рядом стояли агенты Сюрте. Но вдруг распахнулись дверцы кабины, услужливые руки протянулись к де Голлю. Он вскочил в самолет.

В тот же день он был в Лондоне. Сторонники Петена предложили де Голлю вернуться во Францию. Он отказался. Тогда генерала заочно приговорили к смертной казни. Но для вишистов он был недосягаем.

Так происходили последние события во Франции. Казалось, все рушилось. Но, несомненно, была еще возможность восстановить положение, спасти национальную честь Франции. Компартия подсказывает выход. Загнанная в подполье, она призывает правительство объединить национальные силы, поднять народ, арестовать предателей.

В тюрьмах сидят десятки тысяч коммунистов — освободите их! В концлагерях томятся четыреста тысяч испанских бойцов, готовых снова взять оружие в руки,— освободите их! Освободите, используйте для борьбы!

Коммунистические газеты закрыты, редакции разгромлены. Правительство распустило шестьсот двадцать профессиональных союзов. Их тоже объявили красными. Рабочий класс Франции обезглавлен предателями. Компартия взывает к разуму, к патриотизму. Верните инициативу народу! Давайте вместе защищать Францию! Коммунисты не получили ответа. Франция теряет последнюю возможность предотвратить национальную катастрофу. Французский народ, единственная и могучая сила, способная сохранить честь Франции, повернуть ход событий, оттесняется в сторону. Французский народ пусть на время, но деморализован и оглушен свалившейся на него лавиной бедствий. Он расплачивается за предательство продажных политиков и политиканов.

Маленькой кокетливой продавщице Гризет тоже кажется, что она управляет своей судьбой. Гризет бродит с наплаканными глазами по улицам Тура, солнечным и старинным. Она не верит еще в новое несчастье, свалившееся на ее птичью головку. Исчез Жюль, ее покровитель. Она не нашла его нигде в городе. Пропал и «Кадиллак», стоявший во дворе гостиницы.

Продавщица цветов походит на перепуганную болонку, затерявшуюся в городской сутолоке. Она беспокойно мечется из стороны в сторону в поисках покровителя, но его нет. Заблудившаяся болонка готова прижаться к любым ногам, пойти за любым, кто ее позовет, приласкает. Но кто позовет, кто поможет сейчас одинокой, покинутой продавщице? Кому нужна она в такие дни с ее маленькой судьбой и кокетством?!

А международный обозреватель Жюль Бенуа уже мчится, влекомый потоком машин, в Бордо. Правительство эвакуировалось дальше, на юг Франции. Все еще идут разговоры — не все потеряно. Франция продолжает бороться. Если нужно, правительство из Северной Африки будет руководить войной. Но это уже агония. Мар-

шал Петен приглашает испанского посла, франкиста, просить его стать посредником в переговорах.

В устье Жиронды стоит «Массилья» — пароход, предназначенный для членов правительства. Капитан не решается идти в Бордо: говорят, русло реки минировано, можно с кораблем взлететь в воздух. Министры бегут в Ле Вердон — в порт на Бискайском заливе,— здесь ждет их «Массилья». Занимают каюты. Облегченно вздыхают.

«Массилья» уходит в море, к берегам Африки. В Оран или Дакар — безразлично. Борьба продолжается. Франция будет обороняться. Так думают министры, члены парламента. Они взнуздают события. В открытом море их настигает известие — Франция капитулировала. Теперь министры обладают меньшей властью, чем капитан «Массильи». Министры требуют повернуть в Англию, но капитан корабля хозяин на судне. Довольно играть в демократию, он приверженец де ля Рока! «Массилья» пойдет туда, куда нужно,— в Касабланку. «Массилья» становится комфортабельной плавучей тюрьмой, а члены правительства заключенными. Среди них журналист Бенуа, международный обозреватель. Он стоит, опершись о планшир, на верхней прогулочной палубе. Рядом африканский выжженный берег. Скалы, форт с пушками, наведенными на «Массилью». Бенуа думает: «Кажется, я промахнулся». Он полагал тоже, что управляет своей судьбой.

Стюард приглашает к обеду. Министры спускаются в кают-компанию. Они перестали возмущаться и протестовать. Маршал Петен еще не решил, что с ними делать. Чинно сидят за столом, из чашечек пьют консоме. Едят пулярку, запивают шабли. Это их утешает. Не так уж все плохо.

Наступает последний акт национальной трагедии — в Компьенском лесу генерал Хютцингер подписывает акт о капитуляции. Он представляет Францию. Церемония происходит в том же вагоне, в котором почти четверть века назад немецкие генералы подписали акт о капитуляции Германии. Роли меняются. У представителей вермахта долгая память — на их месте теперь стоят французы с видом просителей.

В Компьен приехал и Гитлер. Кейтель играет на пианино. Что-то из Вагнера. Инструмент немного расстроен, стоит ли обращать внимание...

Французы ждут, когда их пригласят в вагон.

После церемонии Гитлер спускается по ступенькам вагона, ступает на землю, топает ногой, выкидывает антраша. Кинооператоры фиксируют радость фюрера на пленку.

Французское радио, захлебываясь, сообщает о мире:

«Мир!.. Мир!.. Мир!..»

Но мир на коленях. Он никого не радует во Франции. В городах, деревнях траурные флаги. Флаги на ратушах. Уныло, тоскливо, похоронно, как по усопшим, гудят колокола.

Гризет стоит на улице незнакомого города. Рядом женщина, тоже слушает радио.

«Мир! Мир! Франция избавилась от войны!»
Женщина всхлипывает.
— Что теперь с нами будет?..
Гризет тоже начинает плакать.

V

О капитуляции Черчилль узнал по радио. Иных связей с Францией не было. Его обещания, предложения, недвусмысленные угрозы не дали результатов. Петен согласился на перемирие. Очевидно, действовали какие-то иные, более могучие силы, в которых Черчилль не мог разобраться. Он искал причины в интригах, в политических комбинациях, перебирал имена: Петен, Лаваль, Дарлан, может быть, Рузвельт, отказавшийся в критический момент огласить свои заверения о помощи. Премьер вновь оценивал каждого из политиков и не находил ответа. Но ответ был нужен, нужен во что бы то ни стало, хотя бы для того, чтобы уяснить самому запутанное и сложное положение. Чтобы действовать, нужна ясность. Этой ясности не было.

Премьер уединился в рабочем кабинете, чтобы продумать, собраться с мыслями перед заседанием правительства. Он обязан предложить план действий, но его непрестанно отрывали неотложными текущими делами. Это раздражало. Распорядился выключить телефоны, запер на ключ дверь.

Заложив за спину руки, Черчилль расхаживал по комнате, то поправлял носком сбившуюся бахрому ковра, то машинально сдвигал ногой стул, мешавший ходить, то останавливался у стола и переставлял бронзовую статуэтку, то заглядывал в окно и снова ходил по кабинету неторопливыми, тяжелыми шагами, упрямо наклонив вперед голову.

Черчилль трезво смотрел на вещи. Он интуитивно понимал — Рунштедт неспроста остановился перед Дюнкерком. Откуда такое джентльменство? Может быть, этот жест — какой-то сигнал, предложение начать переговоры, попытка задобрить Британию? Все может быть. Ясно одно — Гитлер затевает какую-то большую игру. Какую?

Премьер-министр попытался уяснить, что произошло во Франции. Он восстанавливал события так, как они развивались.

Надо признать — наступление немцев спутало карты. Гитлер выбил Францию из седла. При всех условиях Англия оказалась в лучшем положении — войска удалось сохранить. Из Дюнкерка вывезли триста тридцать восемь тысяч. Из них часть французы, но немного. Большинство их оказалось в плену у немцев. Что поделаешь, было бы хуже потерять британские дивизии. Тяжелое оружие потеряно безвозвратно, но уцелели солдаты. Можно провести переформирование. Сложнее с оружием. Придется снова идти на поклон к Рузвельту. Американцы постараются на этом заработать.

Рузвельт до сих пор не ответил на просьбу передать эсминцы Британии. Торгуется.

Да, положение тяжелое. Англия беззащитна — Черчилль с горечью сделал этот вывод. На острове нет боеспособных войск. Почти нет. Нет танков, орудий, нет зенитной артиллерии, ничего нет. Гитлер может взять Англию голыми руками. Правда, он, Черчилль, дал указания о дезинформации. Гизевиус получил задание уверить немецкий генштаб, что на южном побережье Англии сосредоточено тридцать дивизий. Но премьер знает, что это не так,— дай бог набралось бы три неполные бригады. Правда, есть надежда создать внутреннюю гвардию из добровольцев. Для этого нужно время. Черт возьми, на кого работает это время?

Да, Францию вышибли из игры. В связи с этим британского премьера тревожила судьба флота недавнего союзника. Французский флот стоит на четвертом месте в мире. Во время последней поездки во Францию Черчилль поднимал этот вопрос. Предлагал перебазировать французские корабли в английские порты, иначе флот может очутиться в руках Гитлера. Рейно обещал. Впрочем, Рейно говорил и другое: французы будут сражаться хотя бы в Северной Африке, даже за Атлантическим океаном. Получилось иначе — капитуляция. Морским министром стал адмирал Дарлан. От него зависит многое, но Дарлан никогда не внушал доверия.

Черчилль знал Дарлана, этого пучеглазого моряка с грубыми, вульгарными манерами старого морского волка. Дарлан говорил на невероятном морском жаргоне. Премьер познакомился с ним в прошлом году, Дарлан прилетал в Лондон. В его честь в адмиралтействе дали банкет. Сидели рядом. Черчилль произнес тост за дружбу. Дарлан отвечал. Он не был пьян, когда сказал с тайным вызовом: «Мой дед погиб в Трафальгарской битве, поэтому я считал его одним из тех добрых французов, которые ненавидят Англию».

Черчилль не встречал более невежливых людей. Что ж, на банкете Дарлан сам произнес себе приговор, пусть на себя и пеняет.

Характеристику Дарлана дополнил сэр Рональд Кемпбелл, британский посол в Париже. Он беседовал с ним, перед тем как покинуть Францию. Дарлан отменил приказ, запретил кораблям покидать французские порты. На вежливое предостережение Кемпбелла нагло и самоуверенно ответил: «Я теперь морской министр. Легко передать флот англичанам, но трудно получить обратно». Он засмеялся собственной шутке. Такими вещами не шутят. В глазах Черчилля мелькнули жестокие огоньки.

Но Черчилль не мог знать всего, что предшествовало разговору Дарлана с британским послом Кемпбеллом. В дни капитуляции Уильям Буллит, посол Соединенных Штатов во Франции, развил бурную деятельность. Встречался с людьми, советовал, нажимал. Пригласил и Дарлана, прощупывал его настроения. Разговор состоялся за несколько часов до встречи Дарлана с послом Кемпбеллом. Беседа касалась судьбы французского флота.

— Вы намерены отправить флот в Англию? — иронически спросил Буллит.— Вы многим рискуете...

— Вы угадываете мои мысли, господин посол. Англичане никогда не вернут нам корабли. Кроме того, если англичане теперь выиграют войну, едва ли они поступят с Францией более великодушно, чем немцы.

— Вы говорите разумные вещи.

Дарлан понял — американцы его поддержат. При встрече с Кемпбеллом он почти дословно повторил ту же фразу, только постарался произнести ее шутливым тоном.

Премьер взял справку адмиралтейства о дислокации французского флота, еще раз прочитал ее.

В английских портах стоят два линкора, четыре крейсера, восемь эсминцев, двенадцать подлодок, около двухсот мелких кораблей — тральщиков и охотников за подлодками.

— Эти в нашей власти,— вслух сказал Черчилль.

Из подводных лодок его особенно интересовала субмарина «Сюркуф», чудо современной подводной техники. Он подчеркнул название и место стоянки — Портсмут.

В Александрии дислоцировались линкор, четыре крейсера и несколько мелких кораблей.

Внимание премьера привлек Оран и соседний североафриканский порт Мерс эль Кабир. Здесь четыре крейсера, среди них «Дюнкерк» и «Страсбург». Новейшие, модернизированные корабли.

Дальше шел Алжир — семь крейсеров, Дакар — линкор «Решелье» и эскадренные миноносцы.

На острове Мартиника, в Вест-Индии, стоит авианосец «Беарн» с сотней аэропланов, закупленных в Соединенных Штатах. Он задержался на острове по пути из Америки.

В отношении Мартиники адмиралтейство приняло некоторые меры. Английские корабли патрулируют в районе острова. Но положение здесь внезапно осложнилось. Американцы сделали весьма недвусмысленное предостережение. Видимо, сами зарятся на Мартинику. Свое предостережение американцы подкрепили реальной силой — близ острова появились тяжелый американский крейсер и шесть эскадренных миноносцев. Предпринимать активные действия довольно рискованно. Нельзя ссориться с Рузвельтом.

Возможно, на поведение американцев влияет и еще одно обстоятельство. Из Канады на Мартинику доставлено французское золото в слитках — на двести сорок пять миллионов долларов. Рузвельт опасается, как бы оно не оказалось в руках англичан. Это понятно. К сожалению, французский губернатор острова адмирал Робер стал на сторону Виши. Американцы определенно заигрывают с ним. Больше того: может быть, поддерживают Петена. В данном случае придется обдумать все дополнительно.

— Что касается Тулона,— Черчилль пробежал последнюю страничку адмиралтейской справки,— Тулон недосягаем. Он прикрыт с моря и с воздуха. А вот остальные порты...— премьер забараба-

нил по столу пальцами,— здесь надо принимать меры. Да, жесткие меры.

Он потер подбородок, потом провел ладонью по щеке,— кажется, можно не бриться. Все равно перед заседанием кабинета не хватит времени. Премьер посмотрел на часы. Пора!

Черчилль не напрасно провел время в раздумье. Пусть не все еще ясно, но надо действовать, нечего принимать во внимание моральные категории. Сегодня — союзник, завтра — нет. Когда союзники расходятся, один из них должен быть обезврежен. Таков закон. Это имеет значение не только во время войны, надо думать о будущем. Французский флот должен быть обезврежен. Кстати, после войны станет одним конкурентом меньше — конкурентом на море.

Как же назвать эту операцию? Черчилль на мгновение задумался. Хотя бы «Катапульта»...

Премьер-министр повернул в двери ключ и вышел. Через четверть часа начиналось заседание британского кабинета.

Первого июля премьер и военный министр Великобритании Уинстон Черчилль передал вице-адмиралу Соммервиллу краткое распоряжение: «Операцию «Катапульта» следует приурочить к рассвету третьего июля 1940 года».

Соммервилл командовал британским флотом на Средиземном море. Корабли Соммервилла стояли на якорях в гибралтарской бухте — девятнадцать вымпелов во главе с линейным кораблем «Худ» и авианосцем «Арк Ройял». Несколько раньше вице-адмирал получил из Лондона текст ультиматума, который он должен был передать французскому адмиралу Жонсу. Французским кораблям, стоявшим в Оране и Мерс эль Кебире, предлагался выбор — перейти в английские порты, заявить о своем согласии продолжать борьбу с Германией или самим затопить свои корабли. Других вариантов ультиматум не предлагал.

В случае отказа адмиралу Соммервиллу предписывалось затопить французские корабли, используя для этого всю мощь имевшегося в его распоряжении флота.

Британская эскадра на рассвете покинула гибралтарскую бухту. Корабли обогнули скалистую, пирамидообразную крепость, прошли мимо мыса Европа с погашенным на время войны маяком. Когда-то маяк сиял рубиновыми огнями... Эскадра направилась к североафриканскому берегу.

В девять тридцать утра британские корабли появились на траверзе Орана. С верхнего мостика открывался вид на пепельно-белый город, обрамленный зеленью пальм, виднелись плоские кровли зданий. Он был по-восточному красив, этот город, раскинувшийся на выжженном, светло-коричневом, почти желтом берегу, омываемом прозрачным и сочным аквамариновым морем. В голубой бухте застыли серые громады кораблей. Соммервилл невольно залюбовался линейными кораблями. «Дюнкерк» и «Страсбург» стояли в

небольшом отдалении один от другого. На кораблях шла утренняя уборка. Доносились свистки боцманских дудок. Солнце уже поднялось высоко, но еще не чувствовалось изнуряющего африканского зноя.

С ультиматумом на «Дюнкерк» Соммервилл направил капитана Холланда, бывшего морского атташе в Париже. Холланд безукоризненно знал французский язык.

Белый катер под британским флагом пересек бухту и, вздымая буруны, лихо остановился у высокого, точно скала, отвесного борта линкора. Соммервилл невооруженным глазом видел, как на «Дюнкерке» спустили трап и капитан ловко поднялся на борт.

Прошло довольно много времени, прежде чем на палубе вновь появилась фигура капитана Холланда. Он спустился на катер. От взора Соммервилла не укрылась одна настороживщая деталь — на французских кораблях с пушек сняли чехлы. До этого времени вице-адмирал полагал — все закончится простой демонстрацией.

Прибывший капитан Холланд доложил — адмирал Жонсу отказался его принять. Считает ниже своего достоинства вести официальные переговоры с капитаном, с человеком значительно ниже его рангом. Тем не менее Жонсу ответил на письмо Соммервилла. Вкратце содержание ответа сводилось к тому, что французские корабли не перейдут к немцам. Что касается ультиматума, то он не желает вступать в переговоры, на силу будет отвечать силой.

Переговоры продолжались в течение всего дня. Соммервилл информировал о них Лондон. Два союзных флота стояли друг перед другом с наведенными орудиями.

В шесть часов двадцать шесть минут после полудня Уинстон Черчилль передал приказ из адмиралтейства: «Французские корабли должны подчиниться вашим условиям либо потопить себя. В противном случае они должны быть потоплены вами до наступления темноты».

Радиограмма из Лондона запоздала на полчаса. В пять часов пятьдесят четыре минуты, получив снова не удовлетворивший его ответ, вице-адмирал Соммервилл сам приказал открыть огонь. Орудийные залпы разорвали напряженную тишину. Тотчас же ответили береговые батареи. Бомбардировщики, поднявшиеся с авианосца, нанесли бомбовый удар по кораблям. Линкор «Бретань» взлетел в воздух. Авиационные бомбы или снаряды крупного калибра взорвали пороховые погреба. «Бретань» развалился на части и в несколько минут исчез под водой.

Бой продолжался. Французские корабли, видимо, приняли решение выходить из боя. Они намеревались воспользоваться наступающей темнотой. Первым пошел на прорыв линкор «Страсбург». Огонь британских кораблей нанес ему серьезные повреждения. В кормовой части пылал пожар. Клубы дыма тянулись длинным шлейфом. Пламя вздымалось до половины мачт. Отстреливаясь, «Страсбург» вышел в открытое море. Преследовать его не имело

смысла — он скрылся в сгустившейся темноте. Французской команде удалось погасить огонь.

Линейный корабль «Дюнкерк», не имея возможности для маневра, сел плотно на мель. Другой линкор, «Прованс», тоже получил тяжелые повреждения и сам выбросился на берег.

Операция «Катапульта» одновременно проводилась во всех портах, где стояли французские военные корабли. В Дакаре линкор «Ришелье», атакованный авианосцем «Гермес», также получил столь сильные повреждения, что на несколько лет выбыл из строя.

В Александрии французские морские силы уклонились от боя, крейсеры покинули порт. Впоследствии, так же, как и линкор «Страсбург», они достигли Тулона. Но бóльшая часть французского флота перестала существовать. Удар, нанесенный «Катапультой», на многие годы ослабил морскую мощь Франции. Одним ударом Черчилль вывел из игры своего конкурента. Он довершил то, что не мог сделать Гитлер, разгромивший сухопутные силы Франции.

В тот день, когда эскадра вице-адмирала Соммервилла приближалась к обожженному африканскому берегу, по дороге из Дувра в Портсмут двигалась колонна грузовых военных машин, приспособленных для переброски войск. Из Дувра колонна вышла глухой ночью. Солдат подняли по тревоге. На рассвете она приближалась к месту своего назначения. Солдаты не знали, куда их везут. Говорили, будто где-то на побережье немцы высадили парашютный десант и морскую бригаду перебрасывали в район боевых действий.

Под брезентовым тентом стоял полумрак. Свет просачивался сквозь плотную ткань, и от этого внутри царил зеленоватый сумрак, как в густом хвойном лесу. Иногда задний полог приоткрывался движением ветра, и в узкую щель виднелся край убегающей дороги. Роберт сидел рядом с рыжим Эдвардом, плечом ощущая его тепло. Было тесно. Как всегда в ранний утренний час, клонило ко сну. Эдвард пошевелился.

— Давай пересядем, у меня совсем затекли ноги.

Пересаживаясь, потревожил соседей. Кто-то недовольно заворчал:

— Сидели бы вы спокойно, черти! Дайте хоть немного вздремнуть!

Но дремать не пришлось. В просвете полога замелькали дома. Въехали в город, куда-то свернули, машина замедлила ход и остановилась. Приказали выходить, строиться. Роберт, выпрыгнул на мостовую. Ноги как деревянные. Он осмотрелся. Кажется, Портсмут. Так и есть. Вот там виднеется остров Уайт. Крошоу часто бывал здесь, когда плавал матросом.

— Это Портсмут,— сказал он Эдварду.

— Неужели здесь высадились боши? Что-то слишком уж тихо.

— Да, не похоже... Посмотрим.

Солдат встретил полковник Макгроег. Он накануне уехал из Дувра с кем-то из морского штаба.

Группами по десять человек прошли ближе к порту. Полковник остался с теми, где были Эдвард и Крошоу. Он сам инструктировал солдат. Теперь все разъяснилось. В порту стоят французские подводные лодки. Поступил приказ взять их под охрану. Французы нарушили союзный долг, заключили мир с Гитлером. Группа, которую возглавит сам Макгроег, займет субмарину «Сюркуф». Оружие применять только при крайней необходимости. Операция должна пройти без инцидентов. Решительные действия применять лишь в случае открытого сопротивления. Проверить оружие.

Солдаты защелкали затворами. Макгроег отошел, отдавая распоряжение другим группам.

— Знаешь,— сказал Эдвард,— мне как-то не по себе. Лучше бы воевать с немцами.

Роберт ответил что-то неопределенное. Он и сам был расстроен неожиданным оборотом событий. Вот тебе и парашютный десант! Эдвард прав. Было понятно, когда их везли в Норвегию,— говорили, надо сбить немцев. Еще понятнее, когда плавал через Ла-Манш. А сейчас... Роберта охватило смятение. Но он был только солдат.

Через площадь пробежали двое. Они волокли за собой пулемет на колесиках с широкими ободами. Третий бежал следом с металлическими коробками. Одна была полуоткрыта. Из-под крышки торчала пулеметная лента. Солдаты остановились у железной пожарной лестницы и начали втаскивать пулемет на крышу. Тот, что нес зеленые коробки, взобрался на первые ступени и, напрягаясь, тянул пулемет за хобот. Двое помогали снизу. Роберт заметил, что весь порт оцеплен войсками. Охрану несли шотландцы в коротких клетчатых юбках, в белых гетрах ниже колен.

Вскоре вернулся полковник Макгроег. Он отошел в сторону, чтобы видеть все группы, поднял руку и резко опустил ее.

Быстрым шагом солдаты вышли на пристань. У стенки, выстроившись в ряд, стояли подводные лодки кормой к берегу. На коротких флагштоках трепетали французские флаги. Дул легкий и мягкий ветер. Было совсем тихо. Только топот ног гулко разносился по пристани.

Субмарина «Сюркуф» стояла ближе других. Роберт сразу узнал ее. Остроносая, длинная, раза в полтора длиннее других подлодок. От кормы на берег был перекинут трап — две доски, сшитые планками. На борту стоял вахтенный. Он спокойно наблюдал за приближавшимися солдатами. Макгроег прошел по трапу. За ним шел Эдвард, потом Роберт.

— Пропуск! — Часовой опустил винтовку, преграждая дорогу.

Сзади напирали, и Крошоу невольно подтолкнул Эдварда. Тот едва не свалился с мостков. Вскинул руку, чтобы сохранить равновесие, и прикладом зацепил часового. Вахтенный отпрянул назад, вскинул винтовку.

Дальше все произошло молниеносно. Роберт видел, как мелькну-

ла чья-то рука, схватившая винтовку за ствол. Услышал выстрел, увидел падающего на полубу Эдварда, бледного француза, отходившего к открытому люку. Он целился в Макгроега. Роберт выстрелил, сделав это почти бессознательно. Вахтенный тоже упал на палубу. Из люка высунулся другой французский моряк. Он попытался захлопнуть люк, но ему это не удалось. Подскочившие солдаты вцепились в стальную плиту с торчащими болтами. Француз скатился вниз. Он успел крикнуть:

— Тревога! К оружию!

Несколько солдат тоже ринулись вниз. Роберт скатился по трапу. Началась свалка. Моряка обезоружили. Он вырывался, и его держали за вывернутые руки. С искаженным лицом моряк продолжал кричать:

— К оружию! Нас предали! Да здравствует Франция!..

В конце узкого длинного коридора, белого, как санитарный покой, появилось еще несколько французских моряков. Раздались выстрелы. В тесном коридоре они словно разрывали барабанную перепонку. Роберт тоже что-то кричал, старался выстрелить, но было так тесно, что он никак не мог вскинуть винтовку. Снова мелькнуло лицо командира бригады. Кровь на кителе. Фигура французского офицера в мундире с золотыми галунами...

Перекрывая шум, офицер властно скомандовал экипажу подлодки прекратить сопротивление.

— Что это значит? — обратился он к Макгроегу.

— Именем его величества передаю приказ...— Макгроег покачнулся, его поддержали солдаты. Ему трудно было говорить.— Ваше судно переходит под контроль британских властей.

— Я подчиняюсь силе. Вы нарушаете традиции союзного долга и дружбы.— Капитан субмарины повернулся к матросам, столпившимся в конце коридора: — Прошу вас не сопротивляться. Мы бессильны что-нибудь сделать.

— Я благодарю вас! — сказал Макгроег.— Понимаю и сочувствую, но я выполняю неприятный долг.— Он протянул капитану руку.

— Я тоже выполняю долг.

Капитан прошел в свою каюту, не заметив протянутой руки.

На палубе еще лежали трупы французского часового и Эдварда. Кровь сочилась из ран убитых, и, смешиваясь, она стекала по железу за борт. Кровь двух союзников... Роберт достал сигарету. Как же так?! Он закурил. Пальцы его дрожали.

Безоружные французские матросы выходили на берег. Подняли убитого и понесли. Первым сошел на берег капитан субмарины. Он остановился перед французским флагом и отдал честь. То же сделали и матросы. Не смогли отдать честь лишь те, что несли убитого часового.

На корме уже стоял английский патруль — два шотландца в клетчатых юбках и белых, до колен, гетрах. Солдаты теснились на железной палубе около люка. Они избегали смотреть друг другу в глаза, будто совершили что-то нечистое, позорное. В голове Крошоу

проносились разрозненные обрывки мыслей. Тошнота, возникшая при виде крови, не проходила. За что он убил его?.. Француз выполнял свой долг. Но и он, Роберт, тоже выполнял долг. Может быть, он родственник тех ребят, которых Роберт ночью вывозил с песчаного берега, тех, что отказались покинуть Францию. Как сказал Эдвард? «Давай пересядем, у меня затекли ноги». Кажется, Роберт и сейчас готов поменяться с ним местами. Упасть на палубу и лежать, откинув голову, чтобы только не думать... А как же Кэт? Что он должен сказать ей? «Кэт! Кэт, я не виноват, что так получилось...»

— Да, грязное дело война! — Слова дошли до сознания Роберта откуда-то издалека. Говорил солдат, который мучился морской болезнью там, на нарах, во время похода в Норвегию.— Пошли!

Из субмарины вышел Макгроег. Он ранен в плечо. Ранен был еще один солдат, но легко. Приказали строиться. Эдварда унесли. Один из солдат взял ведро, стоявшее за люком, распутал конец, зачерпнул из-за борта воды и плеснул на то место, где растеклась кровь. Вода стала розовой — кровь еще не успела застыть.

Британских солдат увели. Они возвращались строевым шагом. Топот их ног раздавался на пристани. Роберта продолжало мутить.

Подводные лодки, как железные рыбы, стояли у пирса. На «Сюркуфе» еще развевался французский флаг.

«Да, грязное дело война»,— повторил про себя Крошоу.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

I

Странное зрелище представляла эта карета потускневшего голубого цвета с резными, под бронзу, украшениями, мчавшаяся по дороге в майский день злополучного для Англии 1940 года. Было нечто бутафорское и в одежде лакеев, стоявших в красных ливреях на запятках кареты, и в облике двух джентльменов, сидящих внутри ее в расшитых камзолах, в коротких панталонах, в чулках до колен и завитых белых париках, какие носили когда-то в аристократической старой Англии.

Четверка лошадей мчала карету к Викториахаузу, видневшемуся невдалеке на возвышенности пологого холма; холм окружали редкие деревья, покрывшиеся молодой, весенней листвой. Высокие, в рост человека, колеса подскакивали на неровностях дороги, и при каждом толчке один из спутников болезненно морщился. Другой сидел с неподвижным лицом и медленно цедил слова, будто его не беспокоили неудобства такого средневекового путешествия. Человек с застывшим лицом, в парике и парадном мундире, точно позирующий придворному живописцу, напыщенный и театральный, был лорд Эмерли, а его сосед, подвижной и худощавый,— престарелый парламентарий Самуэль Хор. Оба они ехали в Викториахауз на торжество, которое ежегодно устраивал чудаковатый хозяин поместья Стюарт Кингтон по случаю дня рождения ее величества королевы Виктории.

Странный, архаический наряд путников и лакеев, карета диккенсовских времен, грохот колес с железными ободьями не мешали спутникам вести современный и злободневный разговор, начатый еще в машине по пути из Лондона. Речь шла о предложении нового премьер-министра Уинстона Черчилля, которое он сделал Самуэлю Хору. События во Франции, внезапное наступление германских войск еще не вызывали серьезной тревоги, но тем не менее следовало предпринять какие-то предварительные меры и ускорить выполнение давно задуманного плана.

— Я думаю,— сказал Эмерли,— вы действительно наиболее подходящая фигура для такой миссии. Премьер прав, именно вы должны быть послом с особыми поручениями при каудильо. Франко не мог забыть вашей роли в последних событиях.

— Возможно. Но в данном случае каудильо интересует нас меньше всего. Что говорит об этом лорд Гамильтон?

— Он говорил с кем-то из своих немецких друзей. Как раз перед началом войны условились не терять связей. Техника довольно проста. Вы возьмете почтовую открытку, напишете на ней четверостишие из Горация и бросите в почтовый ящик. Открытку пошлете из того города, где предлагаете встречу. Я передам вам швейцарский адрес и томик стихов — «Песня веков». Будем заниматься литературой... Свидание состоится через две недели, в пять часов вечера, на том же почтамте, где брошена открытка. Почтовый штемпель укажет точное место свидания. Нам остается решить, как вам перебраться в Мадрид, не привлекая излишнего внимания.

Самуэль Хор ответил не сразу. Карету подбросило, и он снова болезненно сморщился. Печень давала себя чувствовать. Следовало бы поехать в Карлсбад, в Чехословакию, но... Надо же придумать такой маскарад с каретой и париками! Стюарт Кингтон неисправим в своих чудачествах и упрямстве. Он и слышать не хочет, чтобы на его землях ездили в автомобилях. Машину пришлось оставить на границе поместья и ехать дальше в этой тряской карете.

— Я уже думал об этом,— сказал он, когда боль несколько поутихла.— Сначала я отправлюсь в Лиссабон в свите герцога Кентского. Он едет на празднование трехсотлетия независимости Португалии. После этого можно официально сообщить о моем назначении.

— Отлично! Это мне нравится! Вам любыми путями надо связаться с Гаусгофером, советником Гитлера. Он имеет на него большое влияние и настроен, кажется, проанглийски. С Гамильтоном у них прекрасные отношения.

— А сын связан с военной оппозицией немецких генералов. Не так ли? — Самуэль Хор вспомнил последнее донесение Гизевиуса — «Валета», как шифровался осведомитель в списках британских секретных агентов.

— Совершенно верно! Но это другая линия. Гаусгофер-отец вряд ли подозревает о настроениях сына. Мы с вами, дорогой лорд, должны знать больше, чем сын об отце или отец о сыне.— Эмерли улыбнулся впервые за всю дорогу, улыбнулся только нижней частью лица. Глаза оставались холодно-сосредоточенными.

Он одобрительно посмотрел на Хора: «Именно такой человек нам сейчас нужен». Лорд Эмерли давно знал Самуэля Хора. Эмерли еще учился в Оксфорде, когда Хор был уже начальником секретной службы в России. Опытнейший разведчик! Кто бы мог придумать использовать в дипломатической игре неграмотного мужика Григория Распутина, похотливого и юродствующего бородача! Через Распутина Хор оказывал влияние на русскую императрицу и на царя Николая II.

Самуэль Хор происходил из старинного рода банкиров Сити, его предок финансировал Оливера Кромвеля. Сам он избрал дипломатическую карьеру и по традициям сочетал ее с работой разведчика. Хор участвовал в мюнхенских переговорах, показал себя сторонни-

ком Франко в испанских событиях и, несомненно, представлял наилучшую кандидатуру для поездки в Испанию с особо важным и деликатным заданием.

— Конечно,— добавил Эмерли, лицо его снова стало непроницаемым, как маска,— почтовые открытки не единственное средство в поисках связей. Попытайтесь использовать для этого и другие каналы. Свяжитесь с немецким послом фон Шторером, используйте американского посла Уэделла. Он может быть очень полезен. Впрочем, все зависит от вашего искусства. Вы опытнее многих из нас.

Четверка легко вынесла карету на холм, миновала старый, наполовину засыпанный и поросший вереском крепостной ров. Викториахауз стоял на месте разрушенного замка. Кучер лихо осадил коней у подъезда дома с множеством пристроек и служб. Лакей, спрыгнув с запяток, откинул подножку и почтительно распахнул дверцу кареты.

— Наконец-то! — со вздохом облегчения произнес Хор.— Нет, такие чудачества не для меня...

Дворецкий провел гостей в просторный холл, обставленный старинной мебелью, растворил дверь в гостиную и громко провозгласил:

— Достопочтенный лорд Эмерли, достопочтенный лорд Хор почтили присутствием дом достопочтенного лорда Стюарта Кингтона!

Стюарт Кингтон вышел навстречу гостям. Это был высокий, крепкий старик с упрямо очерченным ртом и проницательными глазами, глядевшими из-под мохнатых седых бровей. Крупные уши, как две морские раковины, торчали из-под напудренного парика. Одет он был в форму артиллерийского полковника Ротермирского полка — в зеленом сюртуке, при всех регалиях, с орденской лентой через плечо. Старик обнял Хора и более сдержанно поздоровался с Эмерли.

— Рад, рад, что навестили меня в такой день,— говорил он своим глуховатым голосом.— А потомок Мальборо будет? — Кингтон спрашивал о Черчилле.— Нет? Ну конечно, все дела и дела. Неотложные, говорите? Да, да... При ее величестве королеве Виктории у нас тоже были дела, тем не менее мы всегда находили время отпраздновать день ее рождения. Какие там у вас дела?.. Впрочем, нет, знать не хочу про ваши дела! Идемте курить.

Кингтон пригласил их в библиотеку, заставленную дубовыми стеллажами с книгами. Полки закрывали до потолка стены высокой комнаты. На рабочем столе лежал, видимо только что прочитанный, пожелтевший майский номер «Таймса» за 1901 год.

— Как вам нравится этот молодой король? — Кингтон указал на портрет Эдуарда VII, глядевший со страницы «Таймса».— Только уважение к престолу не позволяет мне назвать его легкомысленным мальчишкой. При матери он не осмелился бы допускать такую вольность. Теперь, видите ли, германский император Вильгельм Второй стал фельдмаршалом британской армии. Поздравляю! — Кингтон иронически рассмеялся.— А давно ли Вильгельм

поздравлял Крюгера с победой... Бунтовщика, главаря буров, восставших против британской короны! И все это сразу после смерти матери. Едва успели отслужить заупокойную мессу...

Гости не выразили ни малейшего удивления словам Кингтона. Они давно были подготовлены к странностям старика.

— Эдуард Седьмой был не так уж молод, он вступил на престол с лысиной и бородой,— возразил Самуэль Хор, разглядывая портрет, но тотчас же понял, что не следовало возражать старику даже в такой мягкой форме.

— Не говорите мне «был»! — вспылил Кингтон.— Для меня он есть. Вы слишком быстро забываете золотой век британской истории. Я жил в этом веке и вернулся снова в эпоху королевы Виктории! Можете быть уверены, я не жалею об этом... К моему глубокому несчастью, неотвратимый рок еще раз заставил расстаться нас с королевой. Вот уже несколько месяцев я не могу оправиться после кончины ее величества.

Он перевел взгляд на портрет королевы. Из золоченой рамы, овитой траурной фиолетовой лентой, глядела широколицая женщина с тяжелыми веками, в белой вуали, с орденами и муаровой лентой через плечо. Портрет был сделан в конце ее жизни, лет сорок тому назад.

— Я совершенно согласен,— Хор поспешил исправить свою оплошность.— Царствование королевы Виктории поистине наш золотой век. При ней империя достигла наивысшего расцвета.

— Вот именно! — Старик заговорил спокойнее.— Знаете ли вы, что в царствование ее величества число подданных Британской короны увеличилось в двадцать раз — с двадцати миллионов почти до четырехсот? — Кингтон вычитал это накануне в старом журнале.— Она первой из английских королей стала императрицей Индии... Хотите курить?

Кингтон предложил гостям сигары. Протянул им зажженную спичку, погасил и зажег новую.

— Никогда не прикуриваю третьим,— объяснил он,— с бурской войны. Для вас это предрассудок, но я-то знаю, что такое закуривать африканской ночью на переднем крае! Любой лазутчик может из темноты влепить пулю в курильщиков. Да... Я отлично помню, как капитан Уинстон Черчилль угодил в плен к бурам. Это было почти на моих глазах.

Стюарт Кингтон предался воспоминаниям. Видимо, он нуждался в слушателях. Многолетнее добровольное затворничество в глухом имении лишало его такого удовольствия.

Самуэль Хор и лорд Эмерли слушали его, не перебивая. Ароматный голубой дымок прозрачными струйками подымался вверх и уплывал в распахнутое окно.

Странное поведение хозяина было не только старческим упрямством. Потомок старого дворянского рода, обедневший в последние десятилетия, Стюарт Кингтон остался ревностным поклонником викторианского века Британской империи. Он болезненно переживал первые симптомы начавшегося упадка мировой империи и без-

надежно цеплялся за прошлое. Человек властный и непримиримый, участник многих колониальных походов, он когда-то являл собой типичную фигуру жестокого колонизатора. Потом, на склоне лет, Кингтон вдруг ощутил, что другие державы подтачивают и разрушают достигнутое при королеве Виктории могущество Великобритании. Старик сделал из этого свои выводы.

Последней каплей, переполнившей его горестные чувства, были трагические, по его мнению, события середины двадцатых годов. Англию парализовала всеобщая забастовка углекопов. Она захватила и докеров, и рабочих транспорта, даже лакеев и дворников, проявивших неожиданную строптивость. Кингтон всегда оставался сторонником крутых мер. Такие вещи случались и при королеве Виктории. Он служил молодым офицером в полку, когда забастовали шахтеры Уэльса. То было полвека назад, но Кингтон все отчетливо помнил. Конечно, их было меньше, этих смутьянов, но все же тысяч четыреста. Правительство не стало тогда церемониться, стачечников расстреляли в Фидерстоне. Они сразу утихомирились. Сотня покойников не имеет значения, когда речь идет о порядке. В двадцать шестом году Кингтон предложил испытанный метод умиротворения забастовщиков. С ним не согласились. Подобную мягкотелость артиллерист объяснил дряблостью правительства и заявил, что не хочет с ним иметь ничего общего. Забастовка кончилась, но Кингтон отошел от государственных дел. Он вышел в отставку в чине артиллерийского полковника, решив для себя раз и навсегда уйти из тревожившей его действительности. Отныне его нога не ступит за пределы родового поместья!

Новый дом, которому тоже было не меньше ста лет, стоял на месте разрушенного рыцарского замка, стоял, как гриб, выросший на подгнившем пеньке векового, некогда могучего дерева. Кингтон назвал свой дом Викториахауз.

С тех пор прошло без малого полтора десятка лет, и Кингтон оставался верен себе. Он вел замкнутую, тихую жизнь, только раз в год приглашая старых друзей — в день рождения королевы Виктории. Но друзей становилось все меньше. Иные уходили из жизни, другим надоедали его чудачества.

Сначала совершенно случайно, листая комплект старых газет, Кингтон остановил внимание на событиях полувековой давности — королева Виктория провозглашена императрицей Индии. Чтение старых газет перешло в привычку, потом в потребность. Он стал жить прошлым, превратив его для себя в настоящее. Каждый день старый лакей подавал в библиотеку газеты, датированные тем же днем, но сорокалетней давности. Новое летосчисление Кингтон начал с пятидесятилетнего юбилея царствования королевы. Он почти совпадал с празднованием ее дня рождения — тоже в мае.

И странное дело — Кингтона все больше начинали волновать события, изложенные в газетах. Он вновь переживал то, что происходило в мире в годы его юности и зрелого возраста. Но события теперь не огорчали его. Старик разделял точку зрения кабинета ее величества королевы Виктории. Пожелтевшие газетные листы сооб-

щали о присоединении Бирмы, захвате Нигерии. Кингтон одобрял это — хорошо, империя расширяется. К власти пришел Солсбери. Отлично! Кингтону импонировала властная рука нового главы правительства. Все это успокаивало, поднимало настроение. Полковник в отставке запретил показывать ему современные газеты. В его доме не должно быть ни клочка раздражающей писанины.

После завтрака Кингтон удалялся в библиотеку и проводил здесь время до ленча. Читал, изучал материалы Коллегии геральдики. Он мог бы свободно стать ее экспертом. В голове старого аристократа сохранялись родственные связи и перекрестия аристократических родословных, восходящие и нисходящие ветви коронованных особ, герцогов, история их жизни, даты рождений, браков, смертей. Стюарт Кингтон с интересом разглядывал рисунки и фотографии. Проявлял недовольство, что во дворце китайского богдыхана, в Цзин-цзин чене — Пурпурном дворце, на просторном троне сфотографировались европейские послы. Снимок относился к временам боксерского восстания. Китайский трон послы облепили, как мухи. На переднем плане испанский, французский. Но где же англичане? Британия играла первостепенную роль в разгроме дайцзюней — участников боксерского восстания. Кингтон ворчал, усматривал в фотографии подрыв британского престижа на мировой арене. Новые вести восстановили нарушенное равновесие — Англия получила свое в Небесной империи.

Вызывала на размышления и другая новость — французы спустили на воду первую подводную лодку Густава Зеде. В тиши кабинета Кингтон прикидывал, не отразится ли это на могуществе британского флота. Он строил планы заполучить чертежи с помощью агентов Интеллидженс сервис.

Кингтон искренне умилялся, что у королевы Виктории уже сорок внуков и тридцать правнуков. Гордился и наполнялся патриотическим чувством — многочисленным потомкам королевы принадлежит чуть не половина всех престолов Европы. Плодовитость британской королевы привлекала особенное внимание Кингтона. По этому поводу он вынашивал и разрабатывал свою теорию. Начал даже писать трактат о мировой монархии. В самом деле, может же прийти такое время, думал он, когда все престолы будут связаны родственными узами. И тогда на большом семейном совете можно прийти к единому мнению об избрании монарха мира.

Конечно, датчане тоже поставляют принцесс в жены монархам, но королевская династия англосаксов имела бы все основания выдвинуть своего претендента на мировой престол. Кингтон делал вывод — королевская семья должна быть многодетной. В пример он снова ставил королеву Викторию — она родила девять детей.

Для своей теории Кингтон придумал термин — монархический космополитизм. Название понравилось ему. Он приводил примеры: жена нового короля Эдуарда VII — родная сестра русской государыни Марии Федоровны, дочь королевы Виктории — вдовствующая императрица Германии. Стало быть, есть все основания рассчитывать на улучшение англо-русских отношений, на взаимопони-

мание с Германией. Но, вопреки теории Кингтона, отношения Британии и России не улучшались, наоборот, возникали новые противоречия, трения в Афганистане, Китае. То же с Германией. Не помогло даже то, что германский император стал английским фельдмаршалом. Кингтон искал причины возникающих трений и находил их все в том же — в отсутствии единой монархии мира.

— Что такое войны? — Кингтон задавал вопрос своим редким слушателям и сам отвечал: — Они возникают в результате непослушания одних другим. Монарх мира устранит причину распрей.

Кончина королевы Виктории повергла Кингтона в печаль и фиолетовый траур. Она умерла сорок лет назад, но Кингтон вновь прочитал об этом совсем недавно, в январе этого года. В памяти встали горькие воспоминания. Он сопровождал тогда траурный кортеж. Гроб везли на лафете, перенесли в яхту. Лондон стал фиолетовым — новый король объявил этот любимый матерью цвет цветом траура. В знак траура офицеры носили сабли под мышкой, шли колонны солдат с ружьями под мышкой.

Стюарта Кингтона охватило смятение еще большее, чем сорок лет назад. Умудренный опытом, он глубже переживал кончину золотого века. Раздваивалось сознание — в траурном «Таймсе» вычитал и свою фамилию. Его упоминали среди присутствовавших на погребении, но сейчас он же, Кингтон, переживал смерть королевы в своем кабинете, уединившись от мира. Что же делать? Кингтон, как пророк Иеремия, угадывал будущее, знал, что с кончиной королевы Виктории начнется закат империи. Как быть ему, уже переселившемуся однажды в прошлое? Зарыться вновь, как в песок, но в более глубокое и отдаленное былое?

Спокойствие, которое Кингтон обрел за последние годы, снова нарушилось. В таком состоянии нашли его друзья Самуэль Хор и более молодой лорд Эмерли, посетившие его в традиционный день рождения королевы Виктории. Кингтон говорил, а гости слушали молча.

Лакей доложил — прибыл Кингтон-младший с супругой. Все поднялись и перешли в зал. Уже на ходу продолжая воспоминания, старик сказал:

— В наше время, в котором я продолжаю жить, иностранные офицеры состояли на службе в Интеллидженс сервис. Это очень удобно. Возьмите хотя бы французского капитана Вейгана. Полезный был человек.

— Теперь он генерал, командует французской армией,— сказал Хор и вновь спохватился: не вызовет ли и эта реплика приступ раздражения?

Но Кингтон заинтересовался:

— Да? Уже генерал. Любопытно... Я сам платил ему деньги... Впрочем, это меня не трогает. Идемте!

Эмерли знал сына Стюарта Кингтона, держателя акций бирмингамских военных заводов. Этого не упрекнешь в излишней романтике,— делец, человек вполне современный! Старик живет на его деньги. Для чудачеств тоже нужны средства.

Общество было в сборе. Оно оказалось не велико — несколько дам в кринолинах и мужчины, одетые, как на дворцовом приеме. Никаких фраков и смокингов. Чинно сидели за столом, сервированным сервским фарфором. В конце обеда пили за королеву. Когда стемнело, хозяин пригласил гостей в сад посмотреть иллюминацию. По старой памяти, Кингтон увлекался пиротехникой, возился с порохом, бертолетовой солью и наряду с геральдикой считал себя специалистом этого дела.

Старик волновался за успех зрелища, он сам поджег фитиль, попросил гостей отойти в сторону, дал условный сигнал — и внезапно синева ночи расцвела сияющими, многоцветными огнями. С грохотом канонады огненной спиралью взвилась ракета, взвилась и рассыпалась каскадом фиолетовых, синих, зеленых, оранжевых брызг. На старой замковой стене закрутились ослепительно белые огненные колеса. Рвались шутихи, вычерчивая в воздухе капризные зигзаги. Горели римские свечи, озаряя вишневым светом кроны деревьев, руины замка, стены нового дома. Запахло порохом, горелым картоном. А в небо взлетали все новые и новые ракеты. Стало светло, как при вспышках непрестанно блистающих молний.

Иллюминация продолжалась довольно долго. Кингтон радовался, как ребенок. Фейерверк удался на славу. Но главное старик приберег под конец: последняя ракета взвилась в зенит и распалась на множество цветных метеоритов, они образовали подобие короны. «Корона Виктории» — так назвал Кингтон свое пиротехническое изобретение. Сияющие алмазы, рубины, голубые жемчужины медленно опускались к земле. Корона расплывалась, теряла свою форму и наконец погасла. Сад и выступ замковой стены, заросшей лохматым кустарником, погрузились во мрак.

Гости несколько преувеличенно выражали свое восхищение. Они еще оставались в саду, когда на дороге затарахтел мотоцикл. Кингтон насторожился: кто посмел нарушить его приказ? Рокот мотора замолк, и через минуту в сад торопливо вошел озабоченный начальник противовоздушной обороны района. Его сопровождали два констебля.

— Сэр,— с вежливой суровостью сказал он,— должен сообщить, что вы нарушаете правила маскировки.— Лейтенант козырнул.— Условия военного времени заставляют меня...

Стюарт Кингтон нахмурился, взглянул на незваных пришельцев и, побагровев, словно при апоплексическом ударе, вдруг заревел:

— Вон! Вон отсюда... Я уже не могу быть хозяином на своей земле... Меня не касаются ваши дурацкие условия. Воюйте где угодно... Вон! Вон из моего поместья!..

В неистовстве старик топал ногами, размахивал руками, сжатыми в кулаки, задыхался от гнева. Его увели в дом. Лейтенант бормотал извинения. Вечер, начавшийся так хорошо, был испорчен.

Вскоре подали карету, и Эмерли с Хором уехали в Лондон. На границе поместья их ожидала машина. Сын Кингтона и остальные гости остались в Викториахаузе до утра.

II

Агреман — согласие на прием британского посла — из Мадрида получили молниеносно. Это вселяло надежды, что план, задуманный Черчиллем, сможет осуществиться. Во всяком случае, Франко не собирается чинить препятствий. Больше того, возможно, немцы сами подсказали каудильо ускорить согласие на приезд Самуэля Хора. Такой вариант тоже не исключен. Теперь не следовало терять ни минуты.

Первого июня, в разгар битвы за Францию, посол с особым поручением Самуэль Хор был в Лиссабоне. Он прилетел в португальскую столицу в свите герцога Кентского, но на празднование трехсотлетия не остался. Черчилль торопил его. На следующий день специальный британский самолет опустился на аэродроме Барахос, близ Мадрида. Хор немедленно приступил к делу.

Британское посольство помещалось на фешенебельной улице Фернандо эль Санто, но Самуэль Хор предпочел остановиться в отеле «Ритц». Вскоре он переселился на улицу Кателано, переименованную в проспект Франко. Обжитым апартаментам посольства Хор предпочел менее удобный особняк. На этот счет британский посол имел свои соображения. Новое жилище стояло рядом с домом германского посла фон Шторера, их разделяла только кирпичная стена.

Время и события заставляли торопиться. Франция со дня на день могла капитулировать перед Гитлером. Хор трезво допускал такую возможность, но он был терпелив и расчетлив. Посол с особым поручением надеялся, что ему, выражаясь символически, удастся разрушить, устранить каменную стену, возникшую между его страной и Германией. В этом заключался смысл особого поручения, данного Самуэлю Хору на Даунинг-стрит перед отлетом из Лондона.

Из сводчатого окна Хор мог наблюдать, как к германскому посольству подходили машины. Он уже знал автомобиль барона фон Шторера — длинный, похожий на гончую, открытый «хорьх» вишневого цвета. Раза два он видел посла, высокого, представительного мужчину с аристократической внешностью, его жену, красивую и элегантную. По утрам супруги выезжали на прогулку, но завязать с ними личное знакомство Хору не представлялось возможным. Лондон уже объявил о назначении Хора британским послом в Испании. Малейший неверный шаг мог бы вызвать ненужные разговоры. Французы сразу насторожатся.

Немало времени пришлось затратить на бесполезные, но необходимые формальности. Вручение верительных грамот проходило с большой помпой. Давно Мадрид не видал таких пышных зрелищ. Облаченный в парадный мундир британский посол в открытом экипаже проследовал во дворец каудильо. На улицах шпалерами стояли испанские войска. Коляску посла сопровождал эскадрон мавританских кавалеристов.

Торжественная церемония происходила в тронном зале. При-

сутствовал Франко — маленький, полненький человечек с внешностью бродячего торговца фруктами. Был его шурин — министр иностранных дел чернявый Суньеро. Его называли «испанским Чиано». В зале присутствовали другие министры, разряженные генералы, сановники, архиепископ. Британский посол вручил верительные грамоты, произнес заготовленную речь, прослушал такой же ответ и представил состав английского посольства. Сыщиков Скотланд-ярда, прилетевших с Хором, назвали секретарями, торговых атташе — референтами.

После церемонии Хор отправил в Лондон первую информацию, сообщил о своих впечатлениях. Но в Лондоне нервничали, требовали форсировать события, ради которых новый посол отправился в испанскую столицу. Даунинг-стрит не интересует, сколько мавританских кавалеристов сопровождало посла во дворец. Нервозность едва не испортила все дело. В глубине души Хор был абсолютно уверен, что поспешность здесь совершенно излишня. Так подсказывал опыт. Но, следуя настроениям Даунинг-стрит, он все же пошел на то, что считал преждевременным.

Грандиозный вечер по случаю назначения нового посла привлек цвет мадридского общества. Отсутствовали только итальянские и германские дипломаты — представители стран, находившихся в состоянии войны с Великобританией. А они-то гораздо больше других нужны были Самуэлю Хору! Однако посол сумел обойти это препятствие. С помощью герцога Виндзорского нащупал возможности связаться с немцами. Герцог располагал в Мадриде завидными связями в самых различных слоях общества. Помогли нейтралы, роившиеся на приеме в смокингах и лакированных туфлях. Они поглощали все, что подавали к столу, будто не ели несколько дней, и поддакивали, глядя в рот именитым гостям. Герцог Виндзорский благосклонно говорил то с одним, то с другим. Нейтралы жевали паштет и понимающе кивали головами. Швейцарец и венгр обещали помочь.

Вечер прошел блестяще. Мадридские газеты были полны сообщениями о приеме, писали о туалетах, меню, перечисляли гостей с полным наименованием титулов. Все, казалось бы, шло хорошо, герцог Виндзорский намеревался воспользоваться услугами нейтралов, но через день мадридская радиостанция передала в эфир неприятную информацию. В еженедельном политическом обзоре радиоинформатор глухо сообщил, что новый британский посол ведет с немцами переговоры о мире. Хор ломал голову: кто же из нейтралов сыграл с ними такую шутку? Похоже, швейцарец. А может, румын из правительства Антонеску. Венгерский дипломат тоже не прочь купить и продать. Посол перебирал представителей нейтральных стран, присутствовавших на банкете, и терялся в догадках. Черт с ними! Каждый готов заработать. Надо быть осторожнее.

Радиоинформацию кое-как удалось дезавуировать, но и от услуг герцога Виндзорского пришлось отказаться. Хотя бы временно.

Странная неудача постигла Хора и в другом отношении. Он так и не получил ответа на почтовую открытку с четверостишием из

«Песни веков». Точнее — в назначенное время никто не явился на встречу. А время шло. Посол недоумевал. Неужели он допустил промах?

Агентам Интеллидженс сервис поручил разузнать, не произошла ли какая ошибка. Сотрудник секретного ведомства, занимавший в посольстве должность помощника торгового атташе, вскоре кое-что сообщил. Он проверил: открытку бросили в почтовый ящик в районе Карабанчель Альто — там было удобнее, не привлекая внимания, провести встречу. Агент установил, что почту вынимают три раза в день, но старик почтальон иногда запаздывал с обходом почтовых ящиков и тогда относил письмо прямо на центральный почтамт, где их штемпелевали перед отправкой. Не ждал ли посланец Гаусгофера на центральном почтамте? Возможно, так и получилось. Какая нелепость! Однако нет ли здесь чего-то другого? Хор решил выждать. Нельзя быть назойливым. Пусть немцы не думают, что он так настойчиво жаждет встречи.

Сомнения осторожного дипломата имели свои основания. Он не знал о судьбе открытки, но интуиция подсказывала, что дело не только в технических помехах. И в самом деле — открытка со стихами Горация нашла своего адресата. У Гаусгофера, которому переслали открытку из Берна, были причины воздержаться от встречи с британцами. Гитлер намеревался выступить с программной речью в германском рейхстаге. Закулисные переговоры могли бы испортить впечатление.

III

В Лондоне нервничали. Нервничал и премьер-министр, тревожимый непонятным ходом событий. Собственно говоря, ради того чтобы отвлечься от мрачных мыслей, Черчилль и решил провести уик-энд в Чартвилле — загородном доме. За последние два месяца он впервые позволил себе отлучиться на воскресенье из Лондона. Надеялся на лоне природы восстановить душевное равновесие. Но и здесь тревожные мысли не оставляли премьера. Порой ему начинало казаться, что неприятности приходят скопом, одна тянет за собою другую.

Кстати, об атомной энергии. Сейчас об атоме говорят очень много — модная, хотя и секретная тема. Физик Дарвин, внук знаменитого Чарльза Дарвина, утверждает, что стоит накануне открытия. Оно внесет переворот в современную технику, как и в военную стратегию. Все может быть. Проблема атомной бомбы в принципе уже решена. Премьер располагает точными данными — прошлой осенью президент Рузвельт дал задание готовить первую бомбу. Когда-то она будет! Через несколько лет. К тому же американцы не простаки, чтобы дать ее кому-то другому. У них не допросишься и полсотни эсминцев. Требуют за это базы. Хотят нажиться на чужом несчастье. Вот торгаши!

Все же какова ирония судьбы: дед открывает тайны жизни, внук изобретает атомную бомбу для ее уничтожения... Два Дарвина...

Да, была бы у него такая бомба, у него, премьер-министра Великобритании, Черчилль сумел бы ею распорядиться... Впрочем, зачем фантазировать! Нечего раньше времени думать об атомных, когда на Лондон падают обыкновенные фугасные бомбы. Три дня назад, десятого июля, немцы совершили первый налет. Чего добивается Гитлер? Дорого бы он дал, чтобы разгадать замыслы немцев...

Заложив за спину руки, Черчилль метался по старому, запущенному парку, бродил, не разбирая дороги. Сигара его давно погасла. Он ломился напролом через кустарник, забирался в самую глушь и выходил опять на солнечную аллею.

Мысли премьера были так же сбивчивы, как его блуждания в парке. Хуже всего то, что он начинает терять уверенность в себе. Поездка в Чартвилль не принесла пользы. Кажется, и его железная воля начинает сдавать под бременем фатальных неудач, градом падавших на его голову.

Стояли знойные, ясные дни, но в парке было прохладно. Вековые деревья давали густую тень. Однако премьер не замечал ни прохлады, ни зноя. Он вообще не замечал ничего, только ходил и думал.

Что же будет дальше? Вот проклятый вопрос! Почему все-таки, вопреки логике, Гитлер вообще повернул на запад? Кажется, яснее ясного дали понять — Великобритания не возражает против германского вторжения в Россию,— и все же после Варшавы немцы пошли не на Москву, а на Францию. Почему? Может быть, Гитлер действует по принципу — брать то, что плохо лежит? В этом есть своя логика. Черчилль не поступил бы иначе. Но если так, дни Англии сочтены, она плохо, очень плохо лежит, премьер-министр знает это лучше других. Может быть, он единственный человек в Великобритании, который понимает, в каком трагическом положении очутилась страна. Полностью в этом не отдают себе отчета ни король, ни министры. Только коммунисты бередят народ, критикуют политику правительства. Надо признаться, они кое в чем правы. Но и левые не знают всего. Разве знает тот же Гарри Поллит, что после Дюнкерка на острове осталось с полсотни танков и не больше трехсот орудий? Для обороны побережья можно наскрести две-три дивизии, это от силы. Когда-то сформируется внутренняя национальная гвардия добровольцев... Знает ли об этом Гитлер или его удалось ввести в заблуждение дезинформацией, что в Англии под ружьем стоят сорок дивизий?

Тогда возникает новое «почему». Почему немцы сосредоточивают в северных портах Франции баржи, пароходы, понтоны — все, что нужно для морского десанта? Остенде, Кале, тот же Дюнкерк забиты судами. Там сосредоточиваются войска, снаряжение. Неужели они предназначены для вторжения в Англию? И воздушные налеты на Лондон... Может, это начало?..

Черчилль боялся этого пуще всего. Боялся вторжения. При всей выдержке, только от одной этой мысли его бросало в дрожь. Тогда конец всему. Конец империи, конец власти. Кто снимет с него ответственность за события? История ничего не прощает. Он лелеял

честолюбивую мечту войти в историю наряду с великими людьми Англии. Теперь его могут прогнать, как проштрафившегося капрала. Он должен будет уйти в отставку. Вот что принесли первые два месяца его власти в империи. Это ужасно! Уходит власть, которая стала почти физиологической потребностью, как пища, вода.

Потерять власть... Эта мысль больно хлестнула Черчилля. Кто-то уже предлагает, в случае чего, эвакуировать правительство в Канаду. Позор! Оказаться на положении голландских министров, ввалившихся к нему с выпученными от страха глазами... Нет, нет, только не это! Уж лучше...

Черчилль впервые подумал о самоубийстве. Это отрезвило. Какая чепуха лезет в голову! Нужно успокоиться. Нужно трезво разобраться во всем. Не может быть, что все так трагично. Он остановился на поляне, щедро залитой солнцем. Сквозь листву деревьев виднелся задний фасад дома, пристройки, службы, распахнутые двери каретника, недостроенная кирпичная кухня, примыкавшая к левому крылу дома.

Премьер не мог понять, как очутился здесь, на задворках. Его внимание привлекли стены кухни, выложенные до подоконников. В прошлом году, перед войной, он начал сам ее строить. Как раз перед выборами. Работал урывками несколько месяцев. Кладка заменяла ему гимнастику, игру в гольф. Кроме того, работа имела предвыборное значение. Фоторепортеры сделали несколько оригинальных снимков — кандидат в члены парламента работает в фартуке каменщика... Фотографии обошли все газеты. С тех пор интерес к строительству пропал, и только сейчас Черчилль вспомнил о незаконченной кухне.

«Может быть, это отвлечет меня от мрачных мыслей»,— подумал премьер, выходя из тени деревьев.

В кустах мелькнула фигура Томпсона-телохранителя. Он никогда не спускал глаз со своего шефа. Сейчас детектив был мокрый от пота. Ему немало пришлось побегать по парку.

— Хелло, Томпсон! — прогудел Черчилль.— Не вспомнить ли нам старину? Давайте займемся кладкой.

— Да, сэр, это легче, чем гоняться за вами по всему парку...— Он снял берет и вытер платком раскрасневшееся лицо.

Из каретника вышел садовник с мотыгой и лейкой.

— Послушайте-ка, голубчик, пригласите ко мне мисс Мэри да приготовьте все, что нужно для кладки.

Садовник ушел выполнять поручение. Через минуту появилась младшая дочь в форме сержанта внутренней гвардии. Черчилль гордился: члены его семьи вступили в армию. Пусть символически. В частях они не бывали, но это не имеет значения.

— Мэри, принеси мне фартук. Томпсон, вы будете подавать кирпичи. Кого бы нам еще взять в помощь?..

Мэри вернулась с брезентовым фартуком, помогла отцу пристегнуть сзади лямки. Услыхав, что отец собирается работать, из дома скучающей походкой вышел Рандольф — самонадеянный, начинающий тучнеть молодой человек. Он тоже носил военную фор-

му. Садовник принес ведра с водой и раствором. Премьер засучил рукава.

— Приступим.

Черчилль привлек к делу всех свободных обитателей Чартвилля. В окне появилась фигура миссис Черчилль.

— Ради бога, будьте осторожны! — с тревогой в голосе воскликнула она.— Не уроните на ногу камень, как в прошлый раз.

— Ничего, ничего, не беспокойтесь, моя дорогая.

Он принял от Томпсона кирпич, обмакнул в воде и торжественно положил на стену. Садовник подавал раствор. Доктор тоже принимал участие в строительстве. Сощурив глаз, он смотрел, правильно ли ложатся кирпичи. Рандольф скептически наблюдал за работой. Всем своим видом будто хотел сказать: «Посмотрим, посмотрим, что из этого выйдет». «Дядюшка вешает картину»,— пришла ему на ум сценка из книжки Джером-Джерома. «Тоже, перебулгачил всех близких. Надолго ли его хватит?..»

Рандольф оказался прав. Минут через пятнадцать, когда на стену легло десятка два кирпичей, Черчилль, тяжело отдуваясь, сказал:

— На сегодня довольно. Мэри, помоги мне снять фартук. Я пройду к себе отдохнуть...

Садовник собрал инструмент, ведра и унес их в каретник.

IV

Премьер-министр все же достиг своего — работа отвлекла и успокоила. Он смог думать более трезво. Ситуация показалась не такой уже безнадежной. Позволил же Гитлер уйти из Дюнкерка, от сокрушающего и неотвратимого удара! Он помог сохранить личный престиж. Иначе получилось бы как в Дарданеллах. В конце концов Дюнкерк удалось изобразить стратегической победой британских войск. Конечно, Гитлер это сделал недаром. Но зачем?.. Переговоры смогли бы прояснить многое. Ах как нужна эта встреча! А из Мадрида никаких новостей. Что думает Хор? Не слишком ли он стар для таких поручений? Может, следовало бы послать туда кого-то помоложе, порасторопнее? Впрочем, нет,— Черчилль возразил самому себе, он любил полемизировать не только в обществе,— Самуэль Хор, конечно, на месте. У них в характере есть что-то общее. Черчилль тоже враг поспешных, непродуманных действий. Терпение прежде всего. Чтобы поймать рыбу в бассейне, следует вычерпывать воду столовой ложкой, действовать наверняка и хватать рыбу голыми руками... Но все же Хор должен учитывать обстановку, должен понять, что от его поведения зависит многое. Не вызвать ли посла на денек в Лондон?

Воспоминания о Самуэле Хоре по непонятной сперва ассоциации направили мысли премьера в иное русло. Подумал о Франции. Если бы удалось убедить ее не выходить из войны!.. Предлагал же он создать единое англо-французское правительство, объединенный парламент. Это не то что идея выживающего из ума старика Кинг-

тона о «монархическом космополитизме». Хор напомнил ему об этом, когда рассказывал перед отъездом о поездке в Викториахауз. Так вот почему вспомнилось это в связи с именем Самуэля Хора... Да, Кингтон убеждает, что выход в плодовитости королевских особей. Будто королевская семья порфироносный крольчатник или инкубатор, в котором выводят павлинов... Старик живет в веке монархии, а сейчас век республик, парламентов. Но в рассуждениях Кингтона есть какое-то зерно истины. Нужна не мировая монархия, а для начала Соединенные Штаты Европы. Вот где можно заполучить власть!

Европейские Соединенные Штаты — старая идея Черчилля. Он вынашивал ее годами, как Кингтон теорию «монархического космополитизма». Черчилль считал, что при некоторой настойчивости можно осуществить идею объединенной Европы. Конечно, под британской эгидой. Иначе в идее нет никакого смысла. Надо только убедить, доказать, что в наш век суверенитет большинства стран не имеет значения. На смену должен прийти космополитизм. Именно эту мысль развивал он, предлагая Франции не прекращать войну. Правительство из Бордо могло бы переехать в Лондон. Черчилль предпринял для этого кое-какие шаги. Французские министры, возможно, перебрались бы на берега Темзы, если бы капитан «Массильи» не завернул обратно. Из пассажиров «Массильи» прибыл в Лондон только один журналист... как его... Жануа... Бенуа, что-то в этом роде... Надо узнать, как ему удалось это сделать.

Конечно, «Массилья» — явная неудача. Лучше, надежнее было бы посадить французских министров на британский корабль. Теперь этого не вернешь. Надо попробовать использовать де Голля. Он настроен антинемецки, настроен продолжать сопротивление, затеял организацию комитета «Свободная Франция». Это на руку. Конечно, де Голль не совсем та фигура — заносчив, упрям, своенравен. Но где взять лучшего? Американцы — те, по всему видно, делают ставку на адмирала Дарлана.

Премьер-министр начал прикидывать, как можно использовать комитет «Свободная Франция». В Лондоне собирается целая коллекция эмигрантских правительств. Пригодятся. Бенеш из Чехословакии, Соснковский и Миколайчик из Польши, бельгийцы, голландцы... Люксембуржцы — и те имеют свое правительство. Черчилль усмехнулся. Это все его иждивенцы. Впору открывать меблированные комнаты для европейских премьер-министров и их заместителей. Вот готовые кадры для Соединенных Штатов Европы!

Да, но как бы самим не пришлось нанимать меблированные комнаты в Канаде. Черчилля снова охватило состояние нервной тревоги, которое испытал он сегодня в парке. Усилием воли отбросил навязчивую мысль. Что она далась ему? Лучше думать о другом, выдвигать варианты, отбрасывать негодные, искать новые. Как за шахматной партией... Он снова вернулся к Германии.

А что, если... Осенившая его мысль так поразила его своей простотой и внезапностью, что Черчилль остановился. Что, если

Гитлер не хочет иметь затяжной войны на западе? Что, если он намерен побыстрее развязать себе руки в Европе и кинуться на восток?.. Если так, Гитлер будет искать в Британии не врага, а союзника. Отсюда и Дюнкерк — как задаток при взаимных услугах. Эта мысль смутно уже мелькала. Сейчас она вернулась снова, но более отчетливо. В таком случае все приготовления к морскому десанту, бомбардировка Лондона — просто блеф, испытание нервов. Гитлеру нет смысла и выгоды застревать в Англии, когда перед ним стоят нерешенные проблемы в России, на Украине, в Прибалтике.

Под впечатлением охвативших его мыслей премьер сел за письменный стол. Обычно даже частные письма, записи в дневнике он диктовал стенографистке. Но в Чартвилль премьер не взял никого, только Томпсона и секретаря. Ни тот, ни другой не могут стенографировать. Черчилль начал писать от руки. С кем, как не с фельдмаршалом Сметсом, следует поделиться мыслями...

Британского премьера и фельдмаршала Сметса связывала давняя, родившаяся при странных обстоятельствах дружба. Когда-то Сметс сражался в Южной Африке в рядах бурской армии. В то время Черчилль не знал, что сотрудники Интеллидженс сервис загодя обратили внимание на способного студента Кембриджского университета. Сметс прибыл из Трансвааля заканчивать образование. Это было за несколько лет до англо-бурской войны. Обратно в Южную Африку Ян Сметс уехал в качестве тайного агента британской разведки. С будущим фельдмаршалом молодой капитан Черчилль впервые познакомился, попав в плен к бурам. Сметс занимал важный пост у повстанцев.

Ян Сметс оправдал надежды Интеллидженс сервис. Из активного участника войны против Англии он вдруг стал ревностным сторонником Британского союза. Англичане в немалой степени были обязаны Сметсу заключением мирного договора с бурами. Велики и непостижимы тайны Интеллидженс сервис! В Трансваале Сметса называли предателем. Болтунов удалось приструнить. Сметс сделал карьеру, стал английским фельдмаршалом. Одно время даже входил в военный кабинет Ллойд-Джорджа. Теперь он премьер-министр и главком Южно-Африканского союза.

Черчилль с уважением относился к Сметсу, ценил его мнение. Импонировали ему и настроения фельдмаршала — жгучая неприязнь к Советской России. Казалось бы, какие точки соприкосновения могут быть между Южной Африкой и Советской Россией, расположенными по разные стороны земного шара? Но фельдмаршал Сметс на протяжении многих и многих лет, еще с времен интервенции, оставался непримиримым и яростным врагом Советов. Кому же, как не фельдмаршалу, следовало сейчас написать — поделиться мыслями, доверить тайные планы...

Британский премьер откровенно написал о возникших у него сомнениях, тревоге, о возможных перспективах. В конце он сделал приписку:

«Если Гитлер не сможет разбить нас здесь, он, вероятно, ринется на восток. По существу, он, возможно, сделает это, даже не пытаясь предпринять вторжения в Англию».

Письмо помогло Черчиллю сформулировать свои мысли и выводы. Да, надо действовать так, чтобы Гитлер побыстрее свернул на восток. С ним можно еще поладить. Многое будет зависеть от американцев. Что-то нового скажет Кеннеди? Он скоро должен приехать.

V

Кеннеди, посол Соединенных Штатов, позвонил в Чартвилль днем, после ленча. Извинился, что вынужден побеспокоить премьера в воскресный день, но им крайне необходимо встретиться.

Когда? Как будет удобно премьеру, желательно сегодня. Не сможет ли он приехать к господину премьеру в Чартвилль? Кеннеди что-то говорил об инструкциях, полученных из Вашингтона. Звонок посла застал Черчилля в том паническом состоянии, в котором он пребывал днем. Телефонный разговор показался предупреждением еще об одной опасности. Хорошо, пусть приезжает. Уж все к одному! Американский посол показался ему нетерпеливым гробовщиком, который является в дом к безнадежно больному. Вспомнил статью из «Таймс геральд». Давно ли она была написана... «Возможно, что Британская империя будет разрушена в ходе этой войны. Будет лучше, если мир уже сейчас узнает, что мы собираемся получить из английского наследства...» Нет, это не гробовщики. Хуже — самозваные наследники, ждущие своего часа. С нетерпением ждут конца, потому и отказывают в помощи. Прикрываются нейтралитетом. Посмотрим, что они хотят еще выкинуть!

Но Семнер Уэллес, посланец президента, говорил и другое — подсказывал пути соглашения с Германией. Тогда была иная ситуация. Все надеялись, что конфликт в Финляндии разрастется в объединенную войну против Советской России. Черчилль сам предложил через Соединенные Штаты уговорить немцев не мешать переброске англо-французских войск.

Несомненно, в большой игре Вашингтон намеревается сорвать банк. Каковы его козыри?

Встреча с Кеннеди прояснила обстановку. Посол изложил позицию госдепартамента: правительство Британии может рассчитывать на активную помощь Соединенных Штатов в европейской борьбе. Черчилль решил выпустить пробный шар.

— Военная обстановка складывается не в нашу пользу,— удрученно произнес он.— Не исключена возможность, что нам придется просить перемирия у Гитлера. Бомбардировки Лондона, сосредоточение десантных судов — все подтверждает, что немцы готовят вторжение в Англию. Мы остались одни! Буду откровенен, господин посол: вряд ли мы выдержим такое напряжение после Дюнкерка. Единственный выход — просить перемирия.

— Нет, нет,— живо возразил Кеннеди,— я повторяю, можете рассчитывать на Соединенные Штаты! Вся военная и промышленная мощь Америки будет в вашем распоряжении. Надо продержаться еще немного. Представьте себе, как укрепятся позиции Гитлера, если Англия выйдет сейчас из войны...

Черчилль сидел, будто размышляя. «Такую песню я сам пел недавно французам»,— подумал он. Что-то еще скажет Кеннеди? Но американский посол ничего не добавил.

— Почему же вы не оказывали нам помощь раньше? — спросил премьер.

— Кто мог думать, что Германия располагает такой потенциальной силой! Разгром Франции явился трагической неожиданностью. Это многим раскрыло глаза. Закон о нейтралитете теперь легче отменить, чем в прошлом году.

Так вот оно в чем дело! Вашингтон опасается усиления германского конкурента... Черчилль внутренне торжествовал. Американские планы становятся яснее. Сперва надеялись ослабить Германию с помощью англо-французского блока — Германия оказалась сильнее. Теперь американцы предлагают помощь. Что ж, всякое даяние благо... Верно говорит Рузвельт: «Нельзя доить козу, отрезав ей голову». Британская коза нужна американцам... Вот они, неоткрытые козыри!

Черчилль был прав. Инструкции американскому послу из Вашингтона предписывали Кеннеди принять все меры к тому, чтобы поднять дух британского правительства, вселить уверенность, обещать близкую и солидную помощь. Госдепартамент полагал, что открытая, демонстративная поддержка Англии Соединенными Штатами заставит Гитлера воздержаться от активных действий на западе и направит его армии на восток. Иначе как бы с Британией не получилось то же, что с Францией. Это непомерно усилит Германию, нарушит равновесие в Европе.

Черчилль понял это из отрывочных фраз Кеннеди.

Американцы предлагают помощь! Конечно, не даром. Теперь нужно выяснить, сколь дорога будет помощь. Но иного выбора нет. Тонущий человек не может обижаться, что брошенная ему веревка слишком шероховата. Главное — зацепиться, выкарабкаться, на худой конец хотя бы удержать голову на поверхности.

— На каких же условиях британское правительство может получить американскую помощь?

— Стоит ли говорить об этом, дорогой премьер! Наши цели едины.— Кеннеди уклонился от прямого ответа.

— Но все же?

— Только послушание. Послушание голосу разума. Мы дети единой идеи. Не так ли? — Американский посол попробовал отшутиться.

— Нас интересуют эсминцы. Пятьдесят эсминцев для обороны острова. Можете ли вы сообщить мне ответ президента?

— О да, я привез добрую весть. Мое правительство в принципе согласно их передать вам. Но услуга за услугу. Президент надеется,

что вы передадите нам в аренду некоторые базы на Атлантическом побережье. К примеру, на Бермудских островах. Это облегчит ваше финансовое положение. Я получил указания сообщить, что президент Рузвельт обо всем напишет вам лично.

«Какое бескорыстие! — иронически подумал Черчилль.— Спасители! Начинают растаскивать британское наследство...» Он нахмурился. Вот она, веревка, за которую приходится цепляться. Веревкой не только спасают, но и душат.

— Хорошо, я подумаю о ваших предложениях.

Кеннеди покинул Черчилля. Премьер видел из окна, как посол садился в открытый «бюик», как дворецкий вынес ему книгу визитов. Кеннеди впервые бывал в Чартвилле, вероятно, не знал порядков, а надо бы знать. Каждый гость должен был оставить запись в книге. Это могли быть афоризмы, цитаты, мудрые или шутливые изречения или хотя бы автограф. Писали, конечно, только приятное. Книга лежала в холле на отдельном столике, толстая, как Библия, в кожаном переплете. Если гости забывали сделать запись, дворецкий торжественно выносил книгу и напоминал им об этом.

Кеннеди, улыбаясь, достал «паркер», на секунду задумался и написал, вероятно, очень короткую фразу, потому что сразу же захлопнул книгу. «Бьюик» ушел. Премьер позвонил в колокольчик, попросил принести ему книгу визитов. На последней странице он прочитал: «В доверии и послушании залог бескорыстной дружбы».

«Доверие! Этому палец в рот не клади... Если бы удалось втянуть американцев в войну! Тогда можно вздохнуть свободнее. Что ж, будем играть на доверии...» На бесстрастном лице премьера скользнула загадочная улыбка, отражавшая не то добродушие, не то вероломство. Сейчас он был очень похож на японского божка из коллекции фон Дирксена.

В конечном счете Черчилль остался доволен минувшим днем. Время покажет, прав ли он в своих выводах.

Через несколько дней, девятнадцатого июля, Гитлер выступил с речью в германском рейхстаге. Черчилль слушал его по радио. Он был главным слушателем, которому адресовал речь германский канцлер. Гитлер грозил вторжением в Англию. Но главное было не в этом. Он соглашался отменить приказ о подготовке к десантным операциям, если Британия выразит согласие прекратить войну и признает законным все, что совершил он, Гитлер,— оккупацию Франции, Польши.

Рейхсканцлер не скупился на обещания. Гарантировал неприкосновенность Британской империи, принимал на себя охрану ее территорий с помощью немецких вооруженных сил. Пусть подумает об этом господин Черчилль. Но если... Из репродуктора снова посыпались угрозы, предостережения.

Британский премьер не ответил на предложения Гитлера. Это входило в его планы. В Мадрид, Самуэлю Хору, он направил инструкции искать контакта с немцами, но события не форсировать. Пусть сами проявят инициативу — легче будет торговаться.

Бомбардировка Лондона продолжалась. Воздушные бои над Англией не прекращались. Но теперь Черчилль знал — это лишь козырь в дипломатической игре. Каждый налет приносил новые жертвы, новые разрушения. За политическую игру премьера и его приспешников лондонцы расплачивались кровью.

ГЛАВА ВТОРАЯ

I

Лето сорокового года в Берлине ознаменовалось пышными военными торжествами. Шло массовое производство генералов в фельдмаршалы. Такого еще не бывало в прусской истории. Это было вскоре после капитуляции Франции. Только девятнадцатого июля, в день выступления Гитлера в рейхстаге, не меньше десятка отличившихся генералов получили высшие звания. Среди них были Кейтель, Рундштедт, Браухич, Милх, Лист, Клюге... Еще раньше получил звание фельдмаршала фон Бок и многие другие. Гитлер щедро осыпал наградами своих генералов.

Зигес зойле — Колонна победы — в Тиргартене, водруженная в честь франко-прусской войны, стояла расцвеченная гирляндами, флагами. Происходили бесконечные приемы, банкеты, парады. Чествовали победителей Польши и Франции. На парадных мундирах сверкали новые ордена — черные Железные кресты с серебристыми ободками, золотые Дубовые листья, Рыцарские мечи. На Курфюрстендамме, на Унтер-ден-Линден портные сбивались с ног, заваленные неотложными заказами. Шили новые формы и обязательно срочно — к очередному банкету.

На многотысячных офицерских приемах участники получали корзины-подарки «от фюрера» — бутылки французских вин, голландский сыр, итальянские сардины, датскую ветчину, шоколад, фрукты. Все это с привлекательными заграничными этикетками. По цветным этикеткам впору изучать географию Европы.

В корзине на каждого полагалось еще два бесплатных билета в театр, варьете, цирк. Все это для жен, для невест, для любовниц.

Звуки фанфар, дробь барабанов заглушали обычные шумы улиц — звон трамваев, сирены автомобилей. Радио врывалось в квартиры военными маршами, солдатскими песнями.

Гитлеровская Германия, ее армия приближались к зениту славы. Немецкие войска маршировали на улицах Варшавы, Праги, Брюсселя. Казалось, вот она, вершина торжества. Немцы ходили гусиным шагом в Осло, танцевали в Вене, обедали в Париже, шатались по Елисейским полям. Париж манил, привлекал. Солдаты чувствовали себя в французской столице как армия Ганнибала в Капуе. Здесь наслаждались и отдыхали, здесь все было дозволено, все возможно. Ганс Шпейдель, начальник штаба оккупационных войск, гарантировал безопасность. Никаких беспорядков! Шпейдель приструнит французов, не желающих стать на колени...

И в Италии, хотя Вечный город никак нельзя было назвать оккупированным городом, уроженцам Баварии, Пруссии, Рейнланд-Вестфалии жилось не менее привольно. В Риме, когда-то заполненном туристами многих стран, теперь, среди иностранцев, звучала преимущественно немецкая речь. Новых туристов интересовали не древности, не Колизей, не росписи Микеланджело, а магазины на виа Конте. Раскупали все, что замечал глаз. Денег хватало — в Италии военные тоже получали дополнительную плату. Развалившись в плетеных креслах на Тарпейской скале, представители союзной армии, штатские и военные, пили кастелийское вино и распевали: «Тринк, брудерлей, тринк!..» («Пей, братец, пей!..»)

В Берлин, во все города и деревни третьего рейха шли посылки и письма с заграничными марками. Филателистам стало раздолье. Завоеватели писали домой восторженные письма — всего вволю, достать можно все что угодно. Письма волновали, раздражали аппетит, как запах жаркого из кухни на троицу. Ведомство Геббельса подогревало алчность — это лучше всего воспитывает воинственный дух. Обыватели чувствовали себя юберменшами — сверхчеловеками, неистово кричали: «Хайль Гитлер!» Это Гитлер принес Германии! Посылки и славу... Дальше будет еще лучше. Скоро настанет черед Англии. О России не говорили, но наиболее алчные думали: «Зачем фюрер заключил договор с русскими?»

Газеты писали — скоро начнется вторжение в Англию, если Черчилль не хочет покончить миром, пусть уезжает в Канаду.

Однако Гитлер еще не принял решение, куда сначала направить удар — на Москву или Лондон. У него под ружьем, включая тыловую армию, насчитывалось десять миллионов солдат. В ангарах, на аэродромах стояло много тысяч боевых самолетов. Куда их направить? Для Англии поначалу хватит четверти миллиона десантников. Хватит ли? А если застрянут? Канарис уверяет, на острове сорок дивизий. Нельзя рисковать и ослаблять себя перед восточным походом. Главная цель — Россия. Пока она существует, не может быть речи о мировом господстве. С Черчиллем можно еще договориться, с коммунистами — никогда.

В имперской канцелярии на совещании Гитлер сказал громогласно: «Я решил подготовить десантную операцию против Англии и в случае необходимости выполнить ее. Подготовку к вторжению приказываю завершить в середине августа».

Но есть ли такая необходимость? Может, Британия пойдет на попятную?

Через два дня в рейхстаге он предложил Черчиллю мир. Британский премьер не ответил. На что он надеется? На американскую помощь? Возможно. Американцев словно кто подменил в последнее время. По многим признакам Гитлер ощущал холодок, наступивший в их отношениях. Теперь не дождешься от них поздравления по случаю победы, как это было после захвата Польши. Буллит уже не говорит, что Штаты сохранят нейтралитет. Видимо, и это относилось лишь к Польше.

Гитлер вывел одну закономерность: американцы поздравляют

с победой на востоке и делают кислую мину, когда дело идет о его успехах на западе. Семнер Уэллес с тем и прилетел в Европу. Подсказывал, что лучше покончить миром на западе и сообща влезть в Россию через Финляндию. Гитлер и сам думал об этом. Иначе почему же он перенес удар по Франции, с осени на весну? Давал возможность французам и англичанам помочь Маннергейму. Русские опередили, они совсем не вовремя заключили мир с Финляндией. Да, здесь есть над чем призадуматься! Соблазн большой — покорить Англию, но рискованно растрачивать силы перед русским походом.

Постепенно созревало решение: прежде — удар на восток. На землях поверженного, разгромленного Советского Союза возникнет германская Индия. У англичан есть опыт управления в колониях. Почему не перенять его? Недавно он, Гитлер, прочитал книжку Альсдорфа о методах господства британцев в Индии. Занятная книга! Приказал отпечатать ее большим тиражом. Пригодится. Она должна стать настольной книгой для каждого гауляйтера, каждого немецкого администратора в покоренной России.

Мысли о завоевании России не давали покоя. Тем не менее подготовка к операции «Морской лев» — к вторжению в Англию — шла полным ходом. В генеральном штабе не делали из этого особой тайны. Порой, казалось бы, самые секретные сведения просачивались в печать. Открыто по французским каналам и рекам тянулись караваны барж, железными дорогами везли понтонные средства, в портах Ла-Манша накапливались десантные войска, нарастала мощь авиационных ударов по Англии.

К концу лета начались налеты на остров. Гитлер ждал — должен же образумиться Черчилль! Ожесточенные воздушные бои над Англией происходили изо дня в день. Обе стороны несли тяжелые потери. Гитлер не щадил ни летчиков, ни машин. Потери окупятся. Но англичане продолжали молчать. Гитлер сравнивал себя с полководцем, стоящим перед осажденной и обреченной крепостью. Ждал с часу на час: вот-вот распахнутся ворота и ему вынесут ключи... Ключи не несли.

Несколько раз в Берхтесгадене, в имперской канцелярии, происходили острые разговоры с рейхсмаршалом Герингом. Гитлер не стеснялся в выражениях. Он кричал в исступлении:

— Твои летчики болваны и недоучки! Я не хочу, чтобы авиация ела даром немецкий хлеб! Почему нет решающего успеха?!

— Мой фюрер, мы потеряли уже более тысячи самолетов...

— Плевать! Меня интересуют больше потери Англии. Или вы хотите, чтобы я пригласил на помощь Муссолини? Может, итальянцы способнее...

— Мы добьемся перелома, мой фюрер.— Упоминание об итальянцах больно кололо самолюбие Геринга.

— К дьяволу ваш перелом! По вашим сводкам получается, что в Англии не осталось ни одного самолета! Кто же сбивает наши машины?! Предоставьте врать Геббельсу!

Геринг выходил из кабинета красный и злой. После таких разговоров на Лондон, на Бирмингам, Ливерпуль сыпались новые сотни тяжелых бомб, но десятки новых и новых германских самолетов не возвращались на базы. Над Герингом точно висел злой рок — германские потери почти вдвое превосходили английские. Рейхсмаршал не мог понять причин неудач. А причины заключались не только в стойкости британских пилотов, защищавших свои города. Здесь было и нечто другое, чего не знал Геринг. Райхсмаршал никак не мог добиться внезапности. Он объяснял это хорошо поставленным британским шпионажем. Гестаповцы сновали на аэродромах, в авиационных частях, но толку от них не было — в Берлине еще не знали, что англичане стали применять радары.

В последнем разговоре Гитлер не случайно обмолвился об итальянских летчиках. Муссолини надоедал с предложениями о помощи, рвался принять участие в налетах на Англию. Авиационные эскадрильи под командованием генерала Фужье были готовы по первому приказу отправиться на французское побережье. Муссолини заискивал, лебезил, писал о союзном долге, готовности нести жертвы во имя общей победы.

«Я готов,— писал он,— принять самое непосредственное участие в штурме острова как сухопутными, так и воздушными силами. Вы знаете, как я этого ожидаю».

Гитлер рассудил иначе. Зачем делить с кем-то победу! Станут потом попрошайничать, требовать своей доли. Если надо, Германия сама управится с Англией. Ответил вежливым длинным письмом, но категорически отверг предложение о помощи. Так же, как при вторжении во Францию. Объяснил это тем, что могут возникнуть ненужные затруднения в снабжении двух авиационных армий. Наоборот, Гитлер предлагал свои услуги для бомбардировки Суэцкого канала. В Ливии начались бои, шло итальянское наступление на Египет.

Не помогла и поездка Чиано в Берлин. Гитлер оставался непреклонен. Предложил съездить на линию Мажино, хвастался: смотрите, чего достигли германские вооруженные силы! Чиано осматривал холм Дуомон, подземные укрепления — линия Мажино в полной сохранности перешла к немцам. Чиано поразило, что многие французские специалисты-военные остались на своих постах. Немцы сразу не могли разобраться в сложной системе электрообслуживания, в управлении гидравлической аппаратурой. Пригласили французов. Некоторые согласились — все равно война кончилась.

Приглашение французских офицеров на германскую службу произошло с ведома Петена. Это огорчило, насторожило Чиано, вызвало нечто похожее на ревность. Петен явно переползает в антианглийский лагерь, заискивает перед Гитлером. Если так пойдет дальше, Петен тоже постарается сделать свой вклад, тоже станет просить проценты на капитал. Не лишатся ли итальянцы части добычи? Следует подумать над тем, чтобы отношения Виши с Берлином не стали слишком тесными.

Чиано вернулся ни с чем, если не считать, что Гитлер передал дуче теплое поздравление с наступающим днем рождения и послал ему в подарок эшелон с материалами для светомаскировки. В Риме это было нелишне. Ночами окна драпировали одеялами, пледами, тряпьем, и, конечно, окна просвечивали, как потертые штаны на солнце.

Наступил август. Он не внес ничего нового в военную обстановку в Европе. Черчилль упорствовал, Гитлер выходил из себя. Решил усилить нажим еще одним способом. Двадцать второго августа германские дальнобойные орудия открыли огонь по английскому побережью.

Незадолго перед тем Гитлер обсуждал создавшееся положение с Гессом. Вместе искали пути примирения с Великобританией.

— Англичане не делают никаких предложений? — спросил он.

Гесс давно ждал такого вопроса. Рассказал об открытке, полученной Гаусгофером. Назвал нескольких людей, через которых можно найти контакт с британским правительством. Есть разные пути. Полезен господин Бургхардт — председатель международного Красного Креста в Женеве. Нелишне связаться с Самуэлем Хором. А непосредственно в Англии следует иметь в виду герцога Гамильтона — лорда-стюарда королевского двора. Гесс когда-то встречался с ним на Олимпийских играх в Берлине. У них сложились наилучшие отношения. Гамильтон несомненно может быть отличным посредником.

— Попытайтесь найти с ним общий язык,— сказал Гитлер.— Не тратьте времени. Иодль и Варлимонт получили мое задание готовить план «Барбаросса». «Морского льва» оставим как ширму.

План вторжения в Англию, намеченный на пятнадцатое августа, Гитлер перенес на конец месяца, потом на первую половину сентября. Гитлер семнадцать раз откладывал вторжение. В конечном счете отложил на неопределенный срок.

II

Из всех праздников Франц, пожалуй, больше всего любил химмельфарт — вознесенье. Самый веселый и суматошный. Его называют еще праздником дураков. Это о мужчинах. Химмельфарт— мужской праздник. Женщины остаются дома. В этот день делай что хочешь, хоть на голове ходи. В такой день жены не могут сказать ни слова. Иные мужчины, конечно, пользуются случаем, стараются приволокнуться, забрести к знакомой вдове или еще там к кому. Но Франца, с тех пор как он познакомился с Эрной, не привлекала эта сторона праздника. Просто неплохо провести день в мужской компании, выпить, подурачиться, покуролесить.

С утра мужчины собираются где-нибудь возле локаля, ходят наряженные по улицам — в масках, измазанные сажей, в вывернутых кепках и пиджаках. Потом едут за город поездом или на велосипедах. Кто поискуснее в велосипедной езде, едет задом на-

перед. Делают все, чтобы было смешнее и нелепее. В химмельфарт все дозволено.

В этот раз Францу не хотелось никуда ехать. Лучше бы остаться с Эрной, понянчиться с сыном. Ему уже три месяца. Такой забавный! Но приятели из пуговичной мастерской уговорили — нечего строить из себя домоседа. Пришлось согласиться. Неудобно держаться на отшибе, тем более что в мастерской он работает недавно. Скажут еще — задается, сторонится товарищей.

Условились встретиться в Панкове, у виадука. Оттуда поехали на канал по сто девятой дороге, что ведет на Бернау. Франц явился в вывернутом пиджаке, без сорочки, в разных башмаках — один коричневый, другой черный. Одну штанину засучил до колен, а на голую шею вместо галстука подвязал какую-то тряпицу. Получилось смешно.

Веселой ватагой тронулись в путь. За Панковым их обогнали легковые машины. В переднем открытом «хорьхе» промелькнул Геринг. В машинах тоже были одни мужчины. Штамповщик Клаус, тот, что уговорил Франца праздновать химмельфарт, сказал:

— Поехали в Каролиненгоф. У Геринга там имение. Вот бы где погулять!

Вскоре свернули в сторону. Ехать на канал передумали и остановились на берегу какого-то озера. Купались, возились, рассказывали непристойные анекдоты, конечно, пили. Когда опорожнили фляги и съели последние бутерброды, решили возвращаться назад. День провели весело. Было еще рано, и Клаус предложил заехать к «грубому Готлибу» на Егерштрассе. Вот где можно похохотать вволю, надорвешь животы. Позже штамповщик признался — там рядом живет у него одна знакомая. Но у озера он ничего не сказал. Если бы знали раньше, может, и не поехали бы — не так-то легко крутить педали через весь город. Но спьяну все одобрили предложение Клауса.

На Жандарменплац задержались. Глазели на канатоходцев. Через площадь на высоте крыш струной натянут был трос. На головоломной высоте он казался тоненькой паутинкой. Две девушки, затянутые в трико, балансируя шестами, шли навстречу друг другу. Зрители, запрокинув головы, следили за ними, отпуская смачные шутки. Канатоходки добрались до середины. Обнявшись, будто танцуя, осторожно поменялись местами и пошли дальше в разные стороны.

Клаус уверял, что ради таких девочек он сам готов влезть на крышу собора. Акробатки благополучно закончили рискованный номер. Поаплодировали и поехали дальше. Ресторанчик «У грубого Готлиба» был совсем рядом, за несколько домов от площади.

Франц никогда здесь не бывал. В первой комнате все столики были заняты. Прошли во вторую, изображавшую задний двор баварской крестьянской усадьбы.

Со стены на посетителей печальными глазами глядела нарисованная рыжая корова. Корова стояла в хлеву и держала во рту клок

сена. С другой стороны поднималась глухая стена с выщербленными кирпичами. Тоже нарисованная, но выглядела точь-в-точь как на задворках в деревне. И столики сделаны в форме кормушек. За ними сидели захмелевшие гости, тянули из крохотных подойников пиво. Официанты называли его пойлом. Над головами на протянутой из угла в угол веревке висели старые башмаки, ржавая клетка с поломанной дверцей, скелет обглоданной рыбы, обрывки сбруи, заплатанная штанина, всякая заваль, будто найденная на мусорной свалке.

Клаус успел рассказать, что лет тридцать назад этот ресторанчик открыли безработные актеры. Они сами обслуживали посетителей. Работали официантами и выступали с эстрады. Тогда они были молодыми, а теперь каждому лет под шестьдесят. Но по-прежнему у каждого на спине золотой тесьмой вышиты ласкательные имена: «Францхен», «Паульхен», «Гансхен».

На сковородке с железной ручкой — она служила вместо подноса — Гансхен принес шнапс. Пили из стопочек в форме ночных горшков. Было тесно и весело. Сидели по двое на одном табурете.

Паульхен, отставив поднос-сковородку, взял гитару. Исполнил несколько скабрезных куплетов о еже, влюбившемся в сапожную щетку, о старом муже, который зашел к соседке и наткнулся на злую жену. Хохотали действительно до упаду. В табачном дыму носились грубые шутки и непристойности.

Зал освещали закопченные фонари — такие бывают на скотных дворах. Но вместо свечей в них горели электрические лампы. В разгар веселья Франц заметил в углу за кормушкой-столиком Рудольфа Кюблера. Он сидел, нахлобучив на лоб вывернутую наизнанку шляпу. Францу приятно было встретиться с Кюблером. Подошел, поздоровался:

— Здорово, Руди!

Кюблер сидел в компании четверых незнакомых людей. Один, помоложе, вполголоса что-то рассказывал. Он умолк, когда Франц подошел к столику.

— Старик, мы частенько начинаем встречаться,— сказал Франц, положив на плечо Кюблеру руку. Францу показалось, будто Кюблер вздрогнул от неожиданности.— Давай выпьем.

— А, Франц! — Кюблер узнал его и улыбнулся.— Ты тоже проводишь время в холостяцкой компании? Выпить никогда не грех, особенно в химмельфарт.

Кюблер допил пиво. Поговорили о том о сем. Франц не вполне владел собой. Язык заплетался. Кажется, немного перебрал «У грубого Готлиба».

— Ну, когда же мы встретимся?

— Охотно! — Кюблер на секунду задумался.— Знаешь что, давай в пятницу на той неделе. Хотя бы здесь. Вечером. Часиков в шесть. Ты когда кончаешь работу?.. Вот и договорились.

Франц вернулся к приятелям. Вскоре Кюблер ушел. Сначала поднялись двое, потом, через несколько минут, остальные. Пошатываясь, они направились к выходу. Неуверенной рукой Кюблер

нахлобучил шляпу на самые глаза. Парни ничем не выделялись среди подгулявших посетителей ресторана.

Спустя полчаса, поспорив, не выпить ли еще по одной, и согласившись, что хватит, Франц с компанией тоже двинулся к выходу. Долго прощались, корили Клауса, что он обманул их, собираясь ехать к подружке. Но Клаус уехал.

На улице их привлекло еще одно происшествие. Рассказывали, что какой-то мотоциклист на полном ходу промчался по Егерштрассе и вон какие следы оставил на мостовой. Шуцманы сердито разгоняли любопытных, заставляли велосипедистов объезжать улицу другой стороной. Но прохожие, узнав, в чем дело, сами торопились уйти подальше. Дворники и полицейские щетками стирали с асфальта какие-то надписи. Краска сразу не поддавалась. Франц успел прочитать. Коричневой краской было написано: «Гитлер — война. Долой Гитлера!» Надпись повторялась, тянулась длинным следом вдоль всей улицы.

Франц тоже заторопился, нажал на педали. Подальше от греха! Когда-то в комсомоле они тоже откалывали такие номера. Делали специальные шины для мотоцикла с лозунгами вместо протектора. Получалось нечто вроде штемпеля. Потом гнали по улице и на ходу краской мазали шину. Лозунг отпечатывался на мостовой. Если подобрать стойкую краску, сам черт ее не сотрет, надо счищать вместе с асфальтом. Значит, и сейчас кто-то работает. «Долой Гитлера!» За такое дело сразу голову отвернут. Нет уж, он свое отъездил.

Домой Франц приехал поздно. Втащил по лестнице велосипед и сразу же пошел мыться. За ужином не в меру разговорчивый Франц подробно рассказал Эрне, что было, как провели они химмельфарт. Впрочем, он всегда рассказывал ей о событиях дня. Рассказал и о Кюблере, о таинственном мотоцикле.

— В пятницу вечерком встретимся,— зевая сказал он.— Руди хороший парень. Будет что вспомнить.

— Ой, Франц, зачем тебе все это нужно? — сказала Эрна с тревогой в голосе.

Лучше бы Франц не встречался с Кюблером, который принес им столько горя. Но раз так, надо сообщить в гестапо, как обещала. Пусть этот Кюблер не мешает им жить.

— Как так не нужно? — возразил Франц.— Руди мой старый приятель.

— Когда же вы условились?

— Часиков в шесть. Там же, «У грубого Готлиба». Тебе обязательно тоже надо там побывать. Хочешь, поедем вместе? Хоть посмеемся... Однако пора спать! Как бы не опоздать на работу. Пошли, Эрнхен!

Он поцеловал жену и стал раздеваться.

Эрна не спала всю ночь. Ворочалась, думала. Опять этот Кюблер! Вспоминала, как мучилась и переживала, когда арестовали Франца. Вспоминала непонятную до сих пор историю с какими-то деньгами. Кто прислал их тогда? Утром позвонили, она открыла,

но на лестнице никого не было, только внизу кто-то торопливо сбегал по ступенькам. Шаги будто детские. Решила, что балуются ребятишки. Заглянула в почтовый ящик. Достала конверт. На нем надпись: «Фрау Вилямцек». Ее никогда еще так не называли — они ведь не были женаты с Францем. В конверте лежало пятьдесят марок. И никакой записки. Конечно, деньги очень ей пригодились. Но кто их прислал? Она так и не разгадала тайны. Видно, хороший человек. Скорее всего кто-то из приятелей Франца решил помочь, но так, чтобы самому остаться неизвестным...

Утром, когда Франц ушел на работу, Эрна пошла в гестапо. Она сказала:

— В пятницу, в шесть часов вечера, Кюблер будет «У грубого Готлиба».

— Где это? — спросил чиновник.

— Не знаю. Где-то в городе.— Как она не сообразила спросить, где находится ресторанчик?

— Ладно, узнаем сами.

— Только скажите, мужу ничего не будет?

— Не беспокойтесь, фрау Вилямцек, мы же договорились с вами.

Эрна ушла из гестапо успокоенная. Франца не тронут. Больше ей не придется ходить в гестапо. Если бы не Франц, разве она стала бы заниматься такими делами...

III

Кюблер, покачиваясь, вышел из ресторана. Простились на углу Жандарменплац.

— Будьте осторожны,— сказал он приятелям.— Ты, Гейнц, наделал переполоху своим мотоциклом. Представляю, как обозлились гестаповцы!

— Черт с ними! Пусть знают, что не всех коммунистов пересажали в концлагери. Это собьет им немного спесь. Фашизм еще не германский народ.

— Все это правильно. Но ты не горячись. Пока еще мы одиночки, только искры, которые тлеют. Главная наша работа — на заводах, в армии, в массах.

— Я понимаю это. Но сегодня хоть отвел душу. Не все же копошиться в подполье!.. Ладно, давайте расходиться.

Кюблер зашагал в метро. Его походка сразу стала уверенной, будто он ничего и не пил. Да это так и было.

Последние месяцы для Кюблера не прошли даром. Кое-что удалось сделать. Как-никак людей он нашел. Надежных и преданных. Не то что было в прошлом году, когда каждую ночь приходилось искать пристанища. Но с каким трудом, как мучительно медленно, ощупью приходилось идти и искать, будто в кромешной тьме шагаешь по краю пропасти... Итог — восемь человек за год. Может быть, удастся привлечь и Франца. Он порядочный парень, только, как многие, устранился, замкнулся, возможно, оробел. Скрывать

нечего, фашистам многих удалось запугать. Взять того же Гейнца — он и слышать не хотел ни о какой работе: «У меня семья. Черт с ним, с фашизмом! Они сами себя передушат, как в ремовском путче...» Как он изменился за полгода! Сам предложил тряхнуть стариной и «наследить» фашистам. Не каждый за такое возьмется — печатать на асфальте лозунги против Гитлера. Вообще-то Кюблер был против таких мальчишеских выходок, но Гейнц прав — надо показать наци, что они не смогли задушить и не задушат то живое, что есть в немецком народе.

Коммунист-подпольщик отлично понимал: булавочные уколы, подобные выходке Гейнца, еще не то, что нужно. Даже его, Кюблера, партийная организация, распыленная на шести берлинских предприятиях, так мало значит. Может ли она противостоять мутной коричневой волне фашизма, захлестнувшей Германию? Все это верно, но вывод один — надо работать, работать, искать связи с другими группами. Здесь тоже кое-что удалось сделать.

С весны, как раз вскоре после того, как он встретил Франца в Кепенике, на берегу озера, Кюблер устроился на военный завод. Ясно, что по фальшивому паспорту и подложной справке. Теперь он имеет работу, жилье и какие-то деньги. Даже кое-что смог передать жене Гертруде — впервые за семь с половиной лет.

Кюблер шел по ночной улице и вспоминал.

Гертруду он встретил летом. Она гуляла с сыном на озере. Рудольф знал ее распорядок. Вечерами, очевидно после работы, выходила с вязаньем или книжкой подышать свежим воздухом. Иногда кроме сына рядом с ней появлялся незнакомый мужчина. Скорее всего у Гертруды был какой-то близкий ей человек. Рудольф делал вид, что смирился. Эти годы он и сам не всегда жил монахом. Жизнь остается жизнью. Когда они встретились, даже не спросил ее об этом. «Встретились»! Посидели всего полчаса на скамейке.

Когда Кюблер сел рядом, Гертруда не обратила на него внимания, увлеклась книжкой. Он тихо позвал ее:

— Гертруда!..

Она растерянно оторвалась от чтения, глянула по сторонам. Думала, что померещилось. Повернулась и ахнула, побледнела.

— Рудольф, ты! — Закрыла лицо руками.— Не может этого быть!

— Ради бога, держись спокойно. Как ты живешь?

Все-таки молодец Гертруда! Как она держалась! Сидели будто незнакомые люди. Начинали говорить, когда вокруг никого не было. Собственно, говорила больше Гертруда. Он спрашивал, она отвечала. Первое время было так трудно жить! Сейчас лучше. Видно, ко всему привыкаешь. В прошлом году умер его отец в Бухенвальде. Комендант с извещением прислал счет — оплатить стоимость похорон. Гроб, рытье могилы, что-то еще... Ужас, какое впечатление произвел на нее этот счет! Убивают и требуют за это деньги. Она не представляла себе такой подлости. Сразу заплатить не могла, не было денег. Через неделю прислали снова повестку:

предложили внести на такой-то текущий счет, в таком-то банке, в такой-то срок, иначе взыщут судом и начислят пени. Гертруда не выдержала и рассказала соседке. Рудольф, может, помнит Корб? Они жили над ними. Еще бы не знать Вальтера Корба! Жену помнит плохо, а Вальтер Корб был в одной с ним организации. Интересно, какова же его судьба... Гертруда рассказала:

— Теперь фрау Корб вдова. Мужа казнили в Плетцензее в тридцать седьмом году. Ей тоже прислали извещение и счет — оплата палача. Она молчала два года, рассказала только, когда я пришла... Вот так и живем мы, Рудольф. Оплачиваем сами убийства близких... Я думала, и тебя давно нет в живых... Ты, верно, хочешь поглядеть на сына?

— Конечно. Но так, чтобы он не знал.

— Понимаю. Все конспирация...— В интонации жены Кюблер почувствовал не то иронию, не то тоску и горечь.— Вильхельм! — позвала она мальчугана,— Вильхельм!

Мальчик, разгоряченный игрой, стоял перед матерью. На отца он не обратил внимания — мало ли кто может сидеть на скамейке.

— Вильхельм, не бегай так много, ты весь потный,— сунула руку за воротник его блузы.— Нам скоро пора домой. Посиди немного, остынь.

— Но, мутти, мы так интересно играем! Я сейчас, сейчас вернусь, мутти...

Кюблер смотрел на сына и ни единым мускулом лица не выдал своего волнения. Вот когда действительно понадобилось самообладание! Вильхельм был так похож на него. Рудольф годами мечтал об этой встрече, и вот он сидит рядом с сыном, скованный по рукам и ногам, не имея права даже назвать его по имени. Когда мальчик убежал, Рудольф спросил:

— Вильхельм знает что-нибудь обо мне?

— Конечно. Говорит даже, что смутно помнит. Ему не было пяти лет, когда это случилось. Он считает, что ты погиб. А в школе его до сих пор дразнят каторжанином, сыном висельника. Прости меня, Рудольф, все это так тяжело...— Гертруда вытерла глаза платком.

Кюблер взял ее руку.

— Мне пора уходить.

— Я знаю, ты все такой же, Рудольф. Когда-то мы еще встретимся...

— Вот этого я не знаю. Постараюсь найти тебя.

— Будь осторожен, Рудольф. Сейчас, с этой войной, с победой, все ходят словно в угаре. Гитлер сумел многих взять за живое.

— А ты как думаешь?

— Я же сказала — угар.

Вот и все, что произошло. Кюблер оставил деньги. Гертруда не хотела брать — небось нужны самому. Сунул ей в книгу, между страницами.

Возвращался грустный, расстроенный, словно с кладбища. А все-таки молодец Гертруда! Ни одного слова упрека. Умеет дер-

жать себя. Об остальном лучше не думать. Все равно жизнь уже сломана. Его называют фанатиком. Если бы кто знал, как это трудно! По-человечески трудно. Может быть, стоило все же спросить про того?.. Нет, не нужно. Он правильно сделал, что не спросил.

Возвращаясь домой,— последние месяцы жил он в Шпандау, Кюблер вновь переживал и встречу с сыном и разговор с женой. Есть какие-то детали, которые царапают, ранят, точно колючки шиповника. Гестаповские счета — только штрихи преступлений. Его тоже поразил рассказ Гертруды об оплате казни. Поразил цинизм убийств. На всем экономят... Итак, отец умер. И Корб тоже. Вспомнил о спорах с отцом. Он не принимал фашизма всерьез, верил в социал-демократические устои. И вот: «Едэм дас зайне!» — каждому свое! Библейское изречение на воротах концлагеря в Бухенвальде... Что же происходит, что происходит? В Германии сейчас, как в химмельфарт, все дозволено. Но это не веселый, невинный праздник. Праздник дураков? Может быть. Скорей одураченных. И все же Гитлеру не удастся задушить то живое, ради которого борется Кюблер. Пусть тяжело, пусть нечеловечески трудно... Кюблер снова вспомнил о разговоре с женой. Она пример этому. Тогда он понял одно — фашизм не растлил ее, осталась такой же, какой была в комсомоле. Она тоже немного подпольщица. Когда-то вместе расклеивали плакаты, маршировали на демонстрациях... Не сдалась, не поддалась массовому психозу, обывательской корысти. Таких много в Германии...

Выйдя из метро, Кюблер не поехал дальше трамваем. Решил пройтись. Здесь всего три остановки. Сегодня безопасно. С химмельфарта возвращаются многие. Кюблер ничем не отличается от других подгулявших мужчин.

Он, по обыкновению, вошел в улочку с другой стороны, прошел мимо калитки. Ничего подозрительного, можно идти ночевать.

В пятницу, как условились с Францем, Кюблер после работы, к шести часам, пришел на Егерштрассе.

«У грубого Готлиба» посетителей было меньше, чем в прошлый раз. Франц поджидал его. Они встретились глазами, и Рудольф, пробираясь между посетителями, направился к его столику.

— Господа, прошу оставаться на месте! Проверка документов.

Кюблер оглянулся. В дверях словно из-под земли выросли два гестаповца. Они были в штатском. Но Кюблер безошибочно узнал в здоровяках агентов гестапо. Облава! Рванулся в уборную, там есть запасный выход. В дверях тоже стояли двое. Прикинулся пьяным.

— Довольно притворяться, парень! Не вовремя тебе приспичило. Предъяви документы.

В руках мелькнули вороненые браунинги. Ждали, сволочи!..

Франц перепугался не на шутку. Облегченно вздохнул только после того, как, предъявив документы, очутился на улице. Пере-

шел на противоположный тротуар и оглянулся. Двое гестаповцев выводили Кюблера из ресторана. Он был в наручниках. Подошла машина, и его втолкнули в кузов. Машина такая же, как приходила за Францем.

Ощутив на запястьях металл наручников, Кюблер прежде всего попытался взять себя в руки. Как это все получилось? Не может быть, чтобы случайно. Выследили? Или кто-то выдал? Товарищи? Нет! Он верил в каждого, как в самого себя. Франц? Не может быть! Но все же кто-то донес. В душе колыхнулось отвратительное чувство подозрения. Кто из пяти предатель? Неужели он ошибся в людях и напоролся на провокатора? Это конец...

В гестапо, куда его привезли, Кюблера с улыбкой встретил оберштурмфюрер.

— Вот мы и встретились, господин Кюблер. Давненько не видались...

Подошел и с размаху ударил кулаком в лицо.

IV

Наконец-то судьба, казалось, улыбнулась Самуэлю Хору. Это было наградой за его долготерпение. Кажется, немцы сами начинают проявлять инициативу. Хорошее предзнаменование!

Началось с того, что Серано Суньеро, министр иностранных дел Франко, как бы мимоходом сказал ему:

— Не кажется ли вам, дорогой посол, что Британия в результате последних событий оказалась в затруднительном положении? Я говорю с вами как искренний друг Англии.

Они возвращались из дворца Прадо в окрестностях Мадрида. Франко давал частную аудиенцию послу с особыми поручениями. Втроем они беседовали в библиотеке каудильо. Встреча происходила днем, но горели электрические лампы. Естественный свет с трудом проникал сквозь узкие окна. На стенах висели портреты Гитлера и Муссолини с автографами и посвящениями. Это выглядело как демонстрация, поэтому признания в дружеских чувствах к Англии со стороны Франко и Суньера звучали не так уже искренне.

На слова министра Хор ответил уклончиво:

— Частные события еще не решают судьбы империи.

— Да, но подготовка к вторжению идет полным ходом. Уверены ли вы, что вам удастся отразить нападение? Потом эти ужасные воздушные налеты...

— У нас достаточно сил, чтобы обеспечить свою безопасность. Наш остров — неприступная крепость.

— Мне хотелось бы обладать вашим оптимизмом, но...— Суньеро помедлил, чтобы произвести большее впечатление, достал портсигар, долго прикуривал.— Но скажу вам совершенно конфиденциально, господин Гитлер пригласил меня на коктейль в Лондон на пятнадцатое сентября. Я недавно побывал в Берлине.

Суньеро явно запугивал. Самуэль Хор это понял. Он продолжал играть:

— С таким же успехом я могу пригласить вас на порцию баварских сосисок в ресторане «Адлон» на Унтер-ден-Линден.

— Я говорю серьезно. Не лучше ли прекратить бессмысленную войну на западе? Мы должны это сделать во имя сохранения европейской цивилизации. Война на руку только большевикам.

Посол слукавил:

— Мы никогда не проявим инициативы. Традиционный британский престиж не позволяет нам унижаться перед противником. Называйте это англосакским упрямством.

Машина миновала пригород, пересекла Плац-де-Виторио с каменной колесницей посреди площади. Слева мелькнули вычурные башни главного почтамта. Почтамт напомнил Хору о почтовой открытке, стихах Горация. Может быть, здесь немецкий представитель ждал его посланца, который в тот час бродил у входа в почтовое отделение на Карабанчель Альто? Что, если произошло недоразумение?..

С мягкой настойчивостью Суньеро продолжал разговор, интересующий Хора:

— Мне трудно возражать вам. Возможно, здесь многое зависит от национального характера. Но можно же использовать третьих лиц? Переговоры для начала могут быть частными и ни к чему не обязывать.

— То есть?

— Кажется, мне надо быть до конца откровенным. Поверьте в мои искренние чувства.— Суньеро повернулся к послу, доверительно наклонился, на лице застыла обольстительная улыбка.— Вы знаете принца Гогенлоэ? Макс Гогенлоэ. Он женат на испанке. Мы считаем его почти испанцем. У него большие связи в Германии. Он как-то мне говорил, что не прочь бы встретиться с вами. Я уж забыл о нем. Сейчас, к случаю, вспомнил.

— Что ж, разумные предложения я готов выслушать. Но как это сделать?

— О, это не так уж сложно! Вы могли бы, например, случайно встретиться с принцем в Памплоне. Вы никогда там не бывали? В столице Наварры? Советую побывать. Вы увидите настоящую старую Испанию. Поезжайте на праздник святого Фермина. Бой быков, национальные танцы, богослужение... Принц Гогенлоэ также собирался поехать на праздник.

«Вот бестия! — подумал Хор о своем собеседнике.— У него уже все подготовлено».

— Хорошо, я приму ваше приглашение. Я люблю испанскую старину.

И вот Хор появился в Памплоне. Старинный городок был переполнен гостями. Каждое утро, на заре, мимо средневековой гостиницы с метровыми прохладными стенами, где поселился британский посол, к цирку приводили упиравшихся рыжих быков. До поздней ночи под окнами звучали гитары, серенады. С ка-

станьетами плясали жгучие, гибкие девушки. Их сопровождали загорелые, сурового вида мужчины. Наваррцы ходили в традиционных байну — красных беретах, отчего казалось, что тесные знойные улицы расцвечены яркими маками.

В таверне хозяйка сервантесовских времен подавала в глиняных мисках касидо — подобие лапши, сваренной из кур и баранины. К вину ставились на стол маслины, фаршированные острой, соленой рыбой, похожей на анчоусы. Все это было вкусно, но приступы боли в печени мешали лорду оценить труд хозяйки.

В первый день праздника святого Фермина Хор посетил торжественное богослужение, побывал в цирке, смотрел бой быков. Однако все это очень мало интересовало посла с особыми поручениями. Он ждал встречи, ради которой предпринял это туристское путешествие.

В цирке все едва не испортили тореадоры. Дон Фернандес, гордость Памплоны, высокий и статный тореадор в ярком опереточном наряде, явился в ложу Самуэля Хора. Он приветствовал посла от корпорации тореадоров и любезно спросил, не возражает ли господин посол, если он посвятит ему быка, с которым предстоит сразиться тореадору. Таков обычай в Памплоне — посвящать бой знатному гостю. Дон Фернандес почтет для себя большой честью...

Самуэль Хор попробовал отшутиться:

— До сегодняшнего дня я полагал, что такие посвящения делают только очаровательным синьоритам, красивым и юным. Кажется, я не обладаю такими качествами...

Тореадор настаивал. Стоило больших трудов отказаться от предложенной чести. Посол с особыми поручениями больше всего боялся привлечь здесь чье-то внимание. Дон Фернандес, скрыв в театральном поклоне обиду, покинул ложу. «Откуда он знает о моем приезде? — раздумывал Хор, следя за ареной, за быком, оглушенным криками и аплодисментами экспансивных зрителей.— Вероятно, это работа того же проворного Суньеро».

Встреча с Гогенлоэ произошла в тот же вечер. Оказалось, что они поселились в одной гостинице. Макс Гогенлоэ напомнил тореадора, приходившего в ложу,— подчеркнуто вежливый, сдержанный, с театральной улыбкой заправского сутенера. Хору он не понравился. Было в нем что-то не внушающее доверия. Слишком быстро со всем соглашался — как нейтралы, присутствовавшие на приеме в Мадриде. Те вот так же распинались в преданности, соглашались оказать любую услугу и, вероятно, в тот же день продали информацию за недорогую подачку. Хор решил держать себя осторожно.

Но излишней осторожности не понадобилось. Деловая часть разговора была краткой. Выждав, когда хозяйка покинет комнату — она зашла, чтобы сменить свечи,— Гогенлоэ сказал:

— Разрешите передать вам привет от немецких друзей.

— Мне?

— Да, вам и лорду Гамильтону. От господина Хорна.

Как ни напрягал Хор свою память, он никак не мог припомнить, кто такой Хорн.

— Извините, я не знаю такого имени, оно ничего мне не говорит.

— Может быть, вам больше скажет имя Рудольфа Гесса? Это одно и то же лицо...

Гогенлоэ выжидающе посмотрел на британского посла: как-то он будет реагировать?

Хор действительно был поражен: заместитель германского канцлера, правая рука Гитлера передает привет герцогу Гамильтону! Это покрепче открытки со стихами Горация! Черчилль будет доволен. Кажется, немецкий эмиссар с внешностью завсегдатая испанских кабачков не такая уж пешка. У Гогенлоэ, видимо, в самом деле большие связи в Германии.

Князь напрасно старался прочесть на лице Хора его мысли. В затруднительных случаях дипломат ссылался на печень, кривил рот, словно от боли.

— Благодарю вас. Вы уполномочены господином Хорном передать что-то еще?

— Нет, только привет... Впрочем, да... Сердечный привет и еще письмо герцогу,— Гогенлоэ протянул Хору конверт.

С едва заметной поспешностью посол положил его в карман пиджака. Он только скользнул глазом по адресу. Для этого потребовалась доля секунды. На конверте стояла надпись: «Герцогу Гамильтону. Шотландия».

— Господин Хорн просит передать письмо по назначению. Если будет ответ, его можно направить в Женеву, господину Бургхардту. Вы знаете господина Бургхардта? Председатель Международного Красного Креста.

— Да, да, я выполню просьбу господина Хорна.

Гогенлоэ допил вино, тонкими, холеными пальцами взял маслину.

— Какой пикантный вкус! Только в Памплоне умеют так фаршировать маслины... Разрешите откланяться, сэр. Счастлив был познакомиться!

Посол проводил гостя. Легкий, не остывший от дневного зноя ветерок тянул в окно. Под его дуновением колыхалось пламя свечей, и на стенах плясали причудливые тени. С улицы доносился веселый гомон, пение, треск кастаньет. Памплона праздновала день святого Фермина. Хор сел в плетеное кресло и, задумавшись, глядел на неровное пламя, на прозрачные струйки воска, стекающие со свечи. Капли быстро мутнели и застывали янтарными сталактитами, нависая над глиняной розеткой подсвечника.

Хор думал о поездке в Памплону. Конечно, немцы ищут примирения с Англией. На каких условиях они хотят заключить мир? Гогенлоэ об этом ничего не сказал. Но он что-то говорил о Гаусгофере. Значит, открытка дошла по назначению. У немцев другой метод — сразу берут быка за рога. Посол так и понял визит Гогенлоэ — Гитлер предлагает вести переговоры без второстепенных посредников.

То, что немцы ищут контакта с Западом, не было новостью.

Разные предложения приходили и раньше. Взять ту же поездку Вольтата в Лондон перед войной. А предложения «военной оппозиции», переговоры в Ватикане с помощью папы Пия? Все это одна цепь — поиски соглашения. Самуэль Хор находился в курсе дела закулисных взаимных исканий. Для него Черчилль не делал из этого тайны. Больше того — Хор сам причастен к событиям, о которых мир, может быть, никогда и не узнает. Недаром адмирал Канарис прилетал «на минутку» в Мадрид — нащупывал почву для переговоров военной оппозиции с Лондоном. Результатом был меморандум фон Гасселя. Ульрих фон Гассель — германский дипломат. В генеральской оппозиции слывет экспертом по внешнеполитическим вопросам. В случае свержения Гитлера его прочат в министры иностранных дел. В этом-то и дело — в случае свержения Гитлера. Но пока такие предположения не имеют особых оснований. Оппозиционеры — это генералы без власти, без армии. Армия — в руках Гитлера.

Хор отчетливо помнил содержание меморандума, посланного окольными путями — через Женеву, Лиссабон, Мадрид. Гассель писал по поручению оппозиции: «Чрезвычайно важно как можно скорее покончить с этой бессмысленной войной. Такая необходимость диктуется тем, что все время растет опасность, что Европа будет совершенно разрушена и, прежде всего, большевизирована».

Немецкие генералы тоже стремятся на восток. Так же, как и католики. Попы, генералы, разведчики... В Германии существуют разные течения, но их объединяет одно — все хотят поживиться за счет России. Пусть! Надо это умело использовать. Но вот предложение, которое привез князь Гогенлоэ, дело более реальное. Остальных надо держать в запасе. Рудольф Гесс, или Хорн, как его называют, может говорить от имени Гитлера. Пока это единственная реальная сила в Германии. При всех разногласиях, с ним можно иметь дело.

В окно залетел ночной мотылек, покрутился метеором вокруг свечи и, опалив крылья, прилип к расплавленному воску. Хор поднялся с кресла, щелчком сбил мотылька. Капелька воска пристала к ногтю. Додумывая мысль, посол пробормотал про себя:

— Главное — повернуть его на восток. Пусть подпалит себе крылья на русской свече, после легче скинуть его со счетов.

Хор вытер платком запачканный ноготь.

— Будем играть, будем играть,— сам того не замечая, повторил он любимое выражение Черчилля.

Утром Самуэль Хор покинул Памплону, вернулся в Мадрид и немедленно приказал отправить в Лондон пакет, полученный от князя Гогенлоэ. Быстрее всего было бы послать его самолетом, через Францию. Быстрее, но не надежнее. Хор вызвал помощника.

— Вам предстоит небольшое путешествие, мистер Паркинс. Прежде всего отправляйтесь в Гибралтар и передайте письмо адмиралу Соммервиллу. Затем поплывете в Англию и лично вручите премьеру вот этот пакет,— Хор протянул пакет с печатями на четырех углах и пятой посередине.— До Гибралтара вас проводит

наша охрана. О дальнейшем позаботится адмирал Соммервилл. Говорить о важности поручения, надеюсь, излишне? Это дороже жизни, дороже жизней, я бы сказал. Вы можете пойти ко дну, взорваться на мине, все что угодно — это ваше частное дело,— но пакет должен быть на Даунинг-стрит. Понятно?

— Да, сэр!

— Тогда отправляйтесь. Желаю успеха. Морские прогулки всегда приятны...

Еще через день, по личному приказанию адмирала Соммервилла, командующего Средиземноморским флотом, из Гибралтара вышел эскадренный миноносец «Роджерс». Корабль снялся с якоря тотчас же, как только на борт приняли единственного пассажира — курьера Самуэля Хора. Вахтенный матрос принял чемодан мистера Паркинса, отнес его в каюту, расположенную рядом с салоном. Вахтенный несколько замешкался и только поэтому услышал фразу, которая так обрадовала матроса королевского флота.

— Когда мы прибудем в Плимут? — спросил пассажир, здороваясь с командиром эсминца.

— Если все будет благополучно, в четверг, на рассвете.

Так Роберт Крошоу узнал приятную новость. Значит, они побывают в Англии. Может, удастся завернуть в Лондон... Как-никак из Плимута ближе, чем из Гибралтара.

Роберт не так давно покинул Англию. Вскоре после той истории с французской подлодкой. Ох и муторное же было у него настроение! Из морской пехоты его перевели на «Роджерс». Служба, конечно, здесь лучше, но, как говорят, хлеб не бывает без корки. Минувшие недели показались Роберту вечностью. Переписка с Кэт оборвалась. Может быть, она не получила еще новый адрес, пишет в Дувр, и письма валяются где-нибудь в казарме. Ребята не догадаются переслать их на «Роджерс». Даже если не удастся съездить в Лондон, он все же получит эти письма, а может быть, поговорит по телефону...

Чтобы не подумали, что вахтенный подслушивает чужие разговоры, Крошоу осторожно вышел из каюты и вернулся на палубу.

Эсминец выходил из гибралтарской бухты. Вскоре, вздымая буруны, «Роджерс» лег курсом на запад.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

I

Жюль Бенуа так и не понял, как очутился в Англии. Видит бог, все произошло помимо его воли! Если трезво разобраться, совсем ни к чему было предпринимать глупый и рискованный побег с «Массильи». Понял он это слишком поздно. Просто его втравили, сделали чем-то вроде подопытного кролика, проверяли на нем, удастся ли организовать побег французских министров с борта

парохода. Не удалось. Ну и что? На такую роль могли бы взять кого-то другого.

Французских министров, как он слышал, вернули обратно, а Бенуа сделался эмигрантом. Разве так уж плохо было бы ему в оккупированной Франции? Живут же другие! В Виши снова выходят газеты, нашлось бы и для него местечко. Кто-то ведь должен писать обзоры. Природа не терпит пустоты. Теперь на обзорах зарабатывают другие, те, что сумели лучше его приспособиться. Как это он промахнулся? Дурак! В конце-то концов, что могут иметь против него немцы? Ничего. Он мог бы показать свои статьи. Ни одной строкой Жюль не выступал против Германии. Это мог бы подтвердить Боннэ — он входит в правительство — или Лаваль. Наконец, он знаком с герром Абетцом, тот стал теперь гаулейтером в Париже... Глупейшее стечение обстоятельств!

На худой конец, если бы не удалось с газетой, можно было бы уехать в Фалез, к тестю. Жюль уверен, что месье Буассон и сейчас не откажется принять его в дело. Не все ли равно, политика или виноторговля! Немцы пьют не меньше французов. Им тоже можно продавать и шартрез, и бургундское. А теперь вот все рухнуло. Теперь в глазах нового правительства он преступник, политический эмигрант. Во Францию дорога отрезана. Поди-ка вернись туда! Для немцев он тоже враг — посадят в два счета.

Так думал недавний международный обозреватель Жюль Бенуа, выплеснутый волной событий на английский берег. В тесной приемной он ждал встречи с генералом де Голлем.

Штаб «Свободной Франции» разместился в сером, унылом доме торговой фирмы «Сен Стефен Хауз». Бенуа долго искал его. В гостинице портье объяснил, как попасть на шоссе Эмбенклемент,— это недалеко, на Темзе. Но Бенуа сбился с пути близ Вестминстерского моста. Языка он не знал, спрашивал у прохожих, и те непонимающе пожимали плечами. Вскоре начался налет, в воздухе над Темзой разыгрался воздушный бой, где-то в отдалении ухнули взрывы. Набережная опустела. Жюль тоже нырнул в какой-то подъезд. Налет еще больше его расстроил. Противно сосало под ложечкой. Не было печали — уехать от бомбежек во Франции и угодить под них в Лондоне! В Париже теперь все спокойно... Угораздило же сделать такую глупость!

Налет продолжался недолго. Жюль вышел из своего убежища. За рекой горел сбитый самолет, не то немецкий, не то английский. Черные клубы дыма столбом подымались в воздух. Рвались патроны. Приглушенный треск отчетливо доносился с другой стороны Темзы. Бенуа опасливо оглядывался — как бы не зацепило... Улица заполнилась пешеходами, они шли, не обращая внимания на сбитый самолет. Значит, не опасно. Остановился в раздумье: куда же идти?

С ним поравнялся человек в форме французского морского офицера. Левую руку он держал на черной косынке, перекинутой через шею.

— Не скажете ли вы мне, как пройти в штаб генерала де Голля?

— Не слишком ли вы откровенны, месье? Существует военная тайна. Мы находимся с вами в чужой стране.

Жюлю не понравился поучающий тон офицера. Но что делать! Он был рад, что в толпе озабоченных лондонцев встретил француза.

— Извините, но я только вчера приехал в Лондон. Здесь очень трудно без языка.

Офицер ответил более мягко:

— Тогда понятно. Вам нужен штаб «Свободной Франции». Идемте.

По дороге они познакомились. Офицер представился — капитан Лекруа, командир субмарины «Сюркуф».

— Бывший командир,— добавил Лекруа.— Лодка интернирована в Плимуте, стоит под охраной шотландских стрелков. Она в надежных руках.— Капитан иронически улыбнулся, кивнул на свою руку.— Это мне кое-чего стоило.

Бенуа не понял, о чем говорит капитан. Хотел спросить, но не успел. Капитан Лекруа сказал:

— Вот мы и пришли.

Штаб оказался совсем рядом. Высокое здание выходило фасадом на шоссе, тянувшееся вдоль Темзы. Недалеко от Вестминстерского моста. Оказывается, Жюль все время бродил вокруг штаба.

Лифтер в поношенной ливрее поднял их на третий этаж. Прошли длинным, узким коридором.

— Вам сюда, а я должен зайти еще в управление морских сил. Мы с вами встретимся.— Лекруа указал на тупичок, аппендиксом уходящий вправо от коридора.— Зайдите сначала к адъютанту. Его фамилия де Круссоль. Жофруа де Круссоль.

В приемной де Голля стоял стол, заставленный батареей назойливых телефонов. Длинный, худой лейтенант-кавалерист с маленькой головой и огромным носом метался от телефона к телефону.

— Мадам Катру? Вы жена бригадного генерала?.. Да, но генерал занят... Говорит по другому телефону... По важному вопросу?.. Хорошо, хорошо! Прошу вас, позвоните через пять минут.— Адъютант схватил другую трубку. Зазвонили еще два телефона.

Бенуа ждал, когда лейтенант освободится. Ждать пришлось долго. «Не родственник ли он графини де Круссоль? — пронеслось в голове Бенуа.— Может, она тоже здесь? Через нее можно было бы установить связи».

Наконец наступила короткая телефонная пауза. Лейтенант облегченно вздохнул. Бенуа назвал себя.

— Прошу посидеть. Я доложу генералу.

Снова задребезжали телефоны. Жюль сел на конторский стул. Иной обстановки здесь не было, только диван, дубовый, отполированный задами, как на вокзале. На нем сидели еще несколько посетителей. Вскоре вошел Лекруа, оглянулся, где бы присесть, вышел в коридор и через минуту вернулся со стулом. Подсел к Бенуа.

— Пока воюем в приемных, скажу я вам! Адмирала Мизелье опять нет.— Капитан был чем-то раздражен.— Третий раз нет.

Придется доложить генералу де Голлю.— Он плотно уселся на стул, всем своим видом давая понять, что будет сидеть здесь хоть до самого вечера, но своего добьется.— Вместе с патриотизмом мы привезли в Лондон и свой бюрократизм. Пока что-то сделаешь, надо потратить неделю. Потом выясняется, что все не так и надо начинать сначала... Но мы не можем же сидеть сложа руки, как английские приживалки! Надо действовать, если серьезно думать о Франции. Не так ли? — Лекруа искал единомышленника.— Нам нужна своя территория, своя база. В Англии осталось десять тысяч французских моряков, готовых сражаться. Они требуют этого. Но пока что территория «Свободной Франции» ограничена площадью трех комнат в английской торговой фирме. Скажите: разве не могли бы мы высадиться в Северной Африке и оттуда начать борьбу? Генерал де Голль думает так же, но...

Капитан Лекруа говорил о своем, наболевшем, но Бенуа плохо слушал его. Сейчас Жюля меньше всего интересовало, что думает его собеседник, каковы его планы. Кому это все нужно? Жюль попал сюда, как каплун на вертел. А капитан, видать, забияка, рвется в драку. Не лучше ли примириться с немцами? Петен более трезво смотрит на вещи. Если так получилось, надо приспосабливаться. Обозревателя не оставляла точившая его мысль, что он совершил непоправимую глупость.

Так прошло с полчаса. Дребезжали звонки, адъютант с яростью рвал трубки, исчезал в кабинете де Голля и снова метался среди телефонов. Появлялись новые посетители, штатские и военные. Перед одними адъютант услужливо распахивал двери кабинета, других просил посидеть. На Бенуа лейтенант-кавалерист, казалось, не обращал никакого внимания. Это уязвляло самолюбие. Жюль не вытерпел и снова подошел к столу:

— Вы не забыли обо мне, месье де Круссоль? Доложите генералу, что я прибыл с «Массильи».

Отношение адъютанта изменилось в мгновение ока. Он и в самом деле забыл о пышнобородом человеке с помятым лицом и в такой же помятой одежде военного корреспондента. Свое отношение к людям адъютант строил на основе погонов и регалий. У посетителя ничего этого не было. Может быть, рядовой... Оказалось, он тот самый человек, которого ждал генерал. Де Круссоль забыл его фамилию. Переспрашивать посчитал неудобным.

— С «Массильи»? Одну минуту, месье... месье...

— Жюль Бенуа,— помог адъютанту обозреватель.

— Да, да! Ну конечно! Провал памяти... Одну минуту, месье Бенуа! Я уверен, генерал сейчас же вас примет. Как вы не сказали этого прежде!

II

Де Круссоль скрылся за дверью. И сразу же:

— Генерал ждет вас, прошу! — Дверь широко распахнулась.

Подчеркнутое внимание адъютанта чуточку повысило настроение. Жюль прошел в кабинет. Де Голль сидел, откинувшись в крес-

ле, подтянутый и суховатый. В холодных светлых глазах мелькнуло нечто похожее на любопытство.

— Так вы с «Массильи»? Рассказывайте, что произошло в Касабланке. Почему наши министры не смогли прибыть в Лондон? Садитесь,— генерал снисходительным жестом предложил журналисту стул.

Бенуа не успел произнести первой фразы, как в дверях появилась долговязая фигура адъютанта.

— Извините, мой генерал, мадам Катру настоятельно просит вас к телефону, звонит третий раз. Хочет говорить по неотложному делу. Она только что приехала из Индокитая.

Де Голль снял трубку.

— Мадам Катру?.. Счастлив приветствовать вас! — На его лице появилось выражение нежной почтительности, с которой он всегда говорил с женщинами.— Чем могу вам служить? Надеюсь, путешествие прошло благополучно... Что? Пропал багаж... Какая досада! Ах, вот что! Но что же я могу сделать? Надо обратиться в английскую таможню... К сожалению, я не могу давать такие распоряжения. Мы не во Франции... Не огорчайтесь... Конечно, все, что будет от меня зависеть... Что еще? Не понимаю... Попугаи... Какие попугаи? Ах, вот что! Вы привезли с собой попугаев! В клетках. Теперь понял... И еще туземную прислугу... Узнаю вас! Вы не можете без экзотики... Очень мило!.. Но где же мы разместим ваших индокитайцев?.. Нужна моя помощь?.. Позвонить Черчиллю! Вы очаровательно наивны, мадам Катру!

По мере того как продолжался разговор о потерянном багаже, корме для попугаев, размещении привезенных слуг, де Голль постепенно мрачнел, но оставался безгранично вежливым. Бенуа успел осмотреть кабинет руководителя «Свободной Франции». Так же, как и в приемной, здесь все носило печать неустроенности. Подбор вещей казался случайным. Рядом с письменным столом красного дерева в витиеватом стиле барокко стояли уродливые деревянные стулья. В углу конторский шкаф, заставленный книгами. На стене портрет Наполеона в треуголке, со скрещенными на груди руками. Бенуа знал — великий полководец для де Голля был предметом преклонения и подражания, так же, как Цезарь и Александр Македонский.

Два широких окна выходили на Темзу. Отсюда были видны готические башни британского парламента, увенчанные огромным циферблатом часов. Через Вестминстерский мост лился поток машин — красные автобусы, черные, вышедшие из моды такси, автокары, повозки. Город продолжал жить вопреки германским авиационным налетам.

Де Голль произнес несколько банальных фраз и, повесив трубку, в изнеможении опустил руки.

— Вот чем приходится заниматься мне, руководителю движения Сопротивления! Попугаями экстравагантных дам и формированием батальонов иностранного легиона... Так я слушаю вас, месье Бенуа. Что же произошло в Касабланке?

Бенуа рассказал о «Массилье», о том, как в канун капитуляции пароход вышел в море, как капитан отказался идти в Англию и повернул на Касабланку. Французские министры не могли ничего сделать. Долго стояли на рейде под наведенными жерлами береговых пушек. Ночами пароход освещали прожекторы. О побеге не приходилось и думать. Но все же... Бенуа несколько приукрасил свою роль и находчивость.

Примерно три раза в неделю к «Массилье» подходил катер с продуктами. Бенуа не знает, как родилась идея воспользоваться катером для бегства членов правительства. Об этом ему сказал Мандель.

Министр внутренних дел встретил его на палубе. Катер выгрузил продукты и готовился идти на берег. На его борт сносили порожние ящики, корзины от фруктов. Мандель спросил, готов ли месье Бенуа совершить подвиг во имя Франции. Надо предпринять побег. Если удастся, вслед за Бенуа «Массилью» покинут и члены правительства.

Вот здесь обозреватель и совершил непростительную глупость. Отсюда начались его злоключения. Де Голлю он сказал:

— Я патриот Франции, мой генерал, и, не раздумывая, согласился.

Де Голль одобрительно кивнул. Он слушал, полуприкрыв глаза.

Дальше все произошло молниеносно. Бенуа толкнули в каюту, кто-то помог ему натянуть поверх одежды грязную морскую робу, нагрузили пирамиду ящиков, и он, пряча лицо, спустился по трапу на катер. Жюль до сих пор ощущал холодящий озноб, охвативший его в тот момент, когда, нахлобучив на голову порожний ящик, он проходил мимо охраны. Но не рассказывать же об этом де Голлю!

На берегу его спрятали в какой-то пакгауз, кишащий крысами. Бенуа двое суток сидел без пищи, много раз замирая от страха. Была только вода, приторно-теплая и противная. Ночью его вывели из порта, усадили в машину и увезли в Танжер, оттуда в Гибралтар и потом в Лондон.

В Танжере Бенуа узнал, что его побег не прошел незамеченным. Усилили охрану парохода, и вскоре «Массилья» ушла во Францию. Теперь министры находятся под домашним арестом. По требованию немцев их намерены судить.

Де Голль сам знал о финальных событиях. Он совещался с Черчиллем по поводу того, как освободить членов правительства с «Массильи». Черчилль предложил организовать побег — тогда в Лондоне можно будет создать полномочный французский кабинет. Готовились захватить судно, но ничего не получилось, Петен оказался предусмотрительней.

Неудача осложняла положение де Голля. В этом отношении интересы его совпадали с планами Черчилля. Оба были заинтересованы в том, чтобы создать широкое, авторитетное правительство. Но генерал трезво смотрел на вещи. Он уже раскусил Черчилля — британский премьер цеплялся за малейшую возможность усилить свои позиции, собрать и поставить на карту все, что только воз-

можно. Ради этого и поддерживает де Голля. Сама по себе нужна ли ему Франция? Де Голль не верил в громкие, пышные фразы британского премьера.

С другой стороны, понимая всю эфемерность своей кажущейся власти — вооруженные силы де Голля пока составляли два батальона иностранного легиона,— генерал вынужден опираться на английскую помощь. Иначе мог ли он проглотить молчаливо такую горькую пилюлю, как разгром французского флота в Оране, Алжире! Черчилль не предупредил его о «Катапульте», о трагических событиях он узнал из газет. При всем этом де Голль стремился к самостоятельности. Эвакуация французских министров могла бы, пусть в самой малой степени, укрепить и его власть. Теперь об этом нечего говорить. До тех пор, пока штаб «Свободной Франции» останется прозябать в Лондоне, самостоятельность — несбыточная мечта. Черчилль не такой человек, чтобы выпустить вожжи из рук.

Де Голль все больше и больше задумывался над тем, чтобы обосноваться где-то в Северной Африке, в французских владениях. Там легче уйти из-под назойливой английской опеки. Эту мысль он невольно высказал сидевшему перед ним журналисту.

— Что делать? Мы испытали еще один удар судьбы. Но я верю во Францию. Пока — она великая немая. Мы объединим свои силы. Будем начинать с малого, как Жанна д'Арк. Где-нибудь в наших колониях создадим ударный кулак.

Де Голль серьезно думал о захвате африканского плацдарма. Предположим, в Дакаре. Он уже принимает меры для высадки десанта в Западной Африке. Но об этом журналист пока не должен ничего знать.

Бенуа понуро слушал рассуждения де Голля. О том же самом говорил что-то командир субмарины в приемной. Кого тут объединять — мадам Катру с ее попугаями, вице-адмирала Мизелье, торговавшего казенным сукном для бушлатов, капитана Лекруа, откровенно ненавидящего англичан, или его, Бенуа, попавшего с перепугу в герои? Коммунисты тоже зовут к сопротивлению. Значит, с ними тоже надо объединяться. Получается какой-то слоеный пирог. Вот влип он в историю! Бенуа вдруг подумал: «Как только умещаются под столом ноги де Голля? Длинные, как бамбук. Он и адъютантов подбирает по своему росту...»

Де Голль спросил:

— Что же вы намерены делать?

— Не знаю. Посвящу себя освобождению Франции,— Жюль бессознательно подладился под патетический тон генерала.

— Я должен поблагодарить вас за самоотверженный поступок.— Де Голль протянул через стол руку.— А относительно дела мы подумаем сообща. Как вы смотрите на работу в газете? У нас начала выходить «Резистанс» [1].

Бенуа хотел спросить, сколько будут платить, но сказал вместо этого:

---

[1] „Сопротивление" (*фр.*).

— Я готов выполнять любое ваше распоряжение, мой генерал. Вы для меня олицетворяете Францию...

— Благодарю, благодарю вас! — Слова Бенуа растрогали генерала. Он поднялся, давая понять, что аудиенция закончена.— Адъютант поможет вам устроиться. До свидания!

— Я должен избрать себе псевдоним,— подымаясь со стула, сказал Бенуа.

У него шевельнулась тревожная мысль: стоит ли афишировать свою связь с движением Сопротивления? Газета — прямая улика. Жюль Бенуа — сотрудник «Резистанс»! С такой уликой наверняка будут отрезаны все пути в Париж, во Францию. Бенуа не особенно верил в успешный исход деголлевской затеи. Следовало бы оставить запасный ход. Мало ли как могут обернуться события... Но генерал возразил:

— О нет! Пишите под своим именем. Нам нужны имена. Пусть знают все, что обозреватель Бенуа борется за освобождение Франции. Мы выступаем с открытым забралом.

Жюль вышел из кабинета, прикидывая, что получил от встречи. Придется ставить на де Голля, иначе делать нечего. Во Францию не попадешь. В первой же статье он напишет о генерале. Начальство любит, когда им восторгаются. Назовет его современной Жанной д'Арк... Но женское имя не подходит к генералу. Ничего, что-нибудь придумает. Важна идея...

III

Рана Леона, представлявшаяся на первый взгляд пустяковой, оказалась серьезной. На целый месяц она приковала его к постели. Одно время врач опасался заражения крови. Температура поднималась за тридцать девять, и Леон впадал в беспамятство. Так продолжалось с неделю. Потом наступило улучшение, но поправлялся он медленно.

Лилиан с трогательной заботой ухаживала за ним. Измеряла температуру, меняла компрессы, давала какие-то микстуры. Она не могла только перевязывать рану. Ей становилось страшно. Этим занималась тетушка Гарбо.

Когда Леон стал поправляться, Лилиан подолгу сидела подле него, иногда читала или молча что-то вышивала цветным гарусом. Казалось, что теперь она разделила свои заботы между Леоном и дочкой. Лилиан перестала быть такой сумасшедшей и мнительной, какой была в Париже. События, особенно дорога из Сен-Назера в Фалез, излечили ее. Она посмеивалась над собой, вспоминая, как сдувала с Элен каждую пылинку, кормила по минутам и плотно закрывала окна, чтобы, упаси бог, не просквозило ребенка. Крошке столько пришлось пережить, что, думалось, теперь уж ей ничто не страшно. Это благотворно повлияло и на девочку. Элен заметно окрепла, поздоровела и даже позагорела.

Матери уже не казалось, что у тетушки Гарбо шершавые руки,

и она не тревожилась, когда месье Буассон сажал на колени внучку, неуклюже придерживая ее своими ручищами.

Виноторговец тоже оказывал Терзи всяческое внимание. Он был признателен ему за спасение дочери. Каждое утро, перед тем как отправиться на виноградники или в подвалы, месье Буассон заходил к Леону, справлялся о здоровье и, потоптавшись у входа, заканчивал визит неизменной фразой:

— Ну, я пойду покурю, месье Терзи. Не буду вас искушать. Быстрей поправляйтесь.

Ради больного он изменил своей привычке и не заходил в комнату с дымящей сигарой. Поэтому во всем доме только здесь и, может быть, в комнате маленькой Элен не чувствовалось прогорклого табачного дыма, которым хозяин пропитал все жилье. Доктор строго запретил Леону курить на время болезни, и месье Буассон хорошо знал, как трудно курильщику выполнить запрет, если кто-то будет дымить в присутствии больного.

Два раза в неделю, во вторник и пятницу, виноторговец посылал коляску в Фалез, за врачом. Ездил за ним дядюшка Фрашон, который снова начал работать на виноградниках у Буассона. Потом врач стал появляться реже, и наконец — это было в середине августа — доктор сказал, что теперь раненый больше не нуждается в его услугах.

По этому поводу распили пару бутылок старого вина, хранившегося в отдельном подвале и составлявшего особую гордость месье Буассона. Сидели в прохладной столовой, затененной густой зеленью дикого винограда. Леон уже давно начал выходить. Опираясь на палку, он устроился в качалке напротив Лилиан. Она сидела ближе к окну, в легком платье с разноцветными листьями клена — оранжевыми, черными, фиолетовыми. Ей шло это платье. Вино было приятно терпкое и ароматом напоминало пряный запах цветущей маслины. Может быть, это только показалось Терзи. Он высказал сравнение вслух. Врач возразил: скорее запах тамариска, старые вина всегда имеют такой запах. В спор вмешался месье Буассон: вино пахнет вином. Для него нет лучше запаха винного подвала. Он бьется об заклад, что любой свежий человек через час выйдет из подвала пьяным от одного запаха.

Лилиан промолчала. Терзи видел, как она потупила глаза. Значит, поняла. Фраза о цветущих маслинах только для нее и предназначалась.

Леон впервые нарушил немой уговор — не касаться того, что произошло между ними в дороге. Это случилось как раз накануне того дня, как ранило Терзи. Утомленные переходом, они отдыхали под тенью дикой маслины. Рядом, на солнцепеке, стояла копна свежего, пахучего сена. Терзи принес охапку, бросил на землю, и они уселись рядом, так близко, что Леон ощущал тепло ее разгоряченной руки. Лилиан кормила грудью Элен. Она почти перестала стесняться своего спутника и с целомудренным бесстеснением матери расстегивала при нем кофточку, лиф, только рукой прикрывая обнаженную грудь.

Леон крутил в руке ветку цветущей маслины. Цветы выглядывали желтыми бусинками из серебристой листвы. Элен заснула. Мать положила ее на сено. «Кажется, мы скоро придем в Фалез... Скорей бы!» Терзи сказал: «Понюхайте, как пряно пахнет маслина». Лилиан наклонилась к нему. Он обнял ее за плечо и поцеловал. Леону показалось, что она ответила мимолетным движением губ. Только показалось. Лилиан испуганно отпрянула, умоляюще поглядела. «Зачем вы так...» — прошептала она.

Леон поднялся. Он долго стоял у причудливо изогнутого ствола. Лилиан сидела, охваченная внутренним трепетом. Он сказал: «Идемте. Пора»,— и взял осторожно Элен. Девочку они несли по очереди. Шли будто скованные, не говоря ни слова. Только в деревне, где остановились на ночлег, обменялись сухими, короткими фразами. Кормить дочку Лилиан ушла в комнату к хозяевам.

Утром его ранило. Потом они встретили дядюшку Фрашона. Терзи привезли к Буассонам. Во время болезни он иногда задумчиво, подолгу смотрел на Лилиан, склонившуюся над книгой. Когда Лилиан замечала настойчивый взгляд, она под каким-нибудь предлогом уходила из комнаты.

Сейчас Леон впервые напомнил о цветущей маслине. В присутствии других тоже можно говорить о сокровенном на непонятном для других языке.

Лилиан поставила недопитый стакан, собираясь уйти.

— Тебе не нравится вино, дочка? — спросил Буассон.

— Нет, ты же знаешь, папа, мне нельзя пить.— Лилиан все еще кормила ребенка.

Она вышла, оставив мужчин одних. Месье Буассон заговорил о положении в стране. Это была его излюбленная тема.

Теперь, слава богу, все начинает утихомириваться, входит в свои берега. От немцев можно было ждать худшего. Что ни говори, они все же культурные люди. Их даже почти и не видно. Гарнизон стоит только в Фалезе. Взять того же коменданта. Обер-лейтенант. Плохо, но говорит по-французски. Вежливый, предупредительный человек. Приехал сначала на машине, познакомился. Пришлось, конечно, угостить вином и подарить анкерок шартреза. Позже заезжал еще раза два. На мотоцикле. Чувствует себя уверенно, держится просто. Петен правильно сделал, что заключил перемирие. В старости — мудрость. Ведь маршалу сейчас без малого девяносто лет.

У доктора была своя точка зрения. Немцы остаются врагами. Лучше бы их не было ни в Сен-Клу, ни в Париже. Там, говорят, берут заложников.

— Кстати,— доктор вспомнил и одобрительно рассмеялся,— вы слышали, что произошло недавно в Париже? Какой-то наборщик перепутал букву в фамилии Петена. Вместо «Петен» поставил «Пютен» — шлюха... Разве не остроумно? Говорят, наборщика арестовали немцы.

— Не вижу ничего остроумного... Не знаю, что делают немцы в Париже, но здесь с ними жить можно. Они не мешают работать.

Мы — коммерсанты, наша политика — в винных бочках. В этом году урожай должен быть хорошим...

Сельский врач не сдавался. Вино начинало действовать. Он говорил, смешно теребя седеющую эспаньолку и поправляя поминутно пенсне:

— А что вы скажете по поводу Англии? Разве культурно совершать такие налеты на Лондон? Это ужасно, что там происходит. Потом наши беженцы. Десять миллионов людей бросились с насиженных мест. Вы сами бежали из Парижа. А месье Терзи? Хорошо, что все так благополучно кончилось.

— Англичане — упрямцы. Петен более трезвый политик. Плетью обуха не перешибешь. Если им нравится, чтобы на голову сыпались бомбы, пусть воюют.

— Подождите! Но беженцы... Сколько их не вернулось домой!

— Я с вами согласен, но на то и война. У меня у самого зять пропал без вести.— Буассон оглянулся, нет ли поблизости дочери. Он не хотел расстраивать Лилиан.

Терзи не принимал участия в споре. Он потерял интерес к беседе, после того как Лилиан ушла из столовой. Думал о ней. Что привлекает его в этой женщине? Странно,— когда Лилиан не было рядом, он не мог точно представить ее лицо. Отдельно видел ее невысокий лоб, зачесанные назад глянцевитые волосы, мягкий подбородок, нежные, будто слегка наведенные тушью тени на верхней губе, маленький, точеный носик с тонкими ноздрями. Но все эти отдельные черты и штрихи не давали общего представления. В деталях исчезало выражение лица, манящего и недоступного, лукаво-кокетливого и одновременно спокойного...

Доктор уехал, не оставшись обедать. К вечеру, когда жара начала спадать, Лилиан и Леон пошли погулять. Последние дни они совершали небольшие прогулки. Иногда Лилиан брала с собой дочку, но ей приходилось одной нести Элен на руках. Это довольно трудно, у Лилиан быстро затекали руки. А Леон не мог помогать — он едва управлялся с непослушной ногой.

На этот раз они вышли вдвоем. Усадьба Буассона стояла на высоком берегу реки, в одном лье от Сен-Клу — маленькой деревеньки в два десятка домов. Иногда они заходили туда. Надо было только перейти лощинку с каменным мостиком, под которым журчит холодный ручей. Лилиан обязательно сбегала с насыпи и пригоршнями пила родниковую воду. Им всегда становилось весело, когда она с мокрым лицом возвращалась обратно и брала его под руку. Лилиан говорила, что месье Терзи трудно одному подыматься в гору. Леон, конечно, против этого не возражал.

Сейчас они пошли в противоположную сторону — берегом реки. Леон предложил дойти до перелеска, видневшегося за излучиной на холмах. Лилиан согласилась, если он не устанет. Но сначала она искупается. Солнце печет так жарко! Жаль, что не взяла полотенца. Месье Терзи должен остаться здесь, наверху. Подъем слишком труден.

Леон не стал спорить, он присел на пригорке над кручей. Вниз

ему и в самом деле не стоит спускаться. Проклятая нога! По такой козьей тропке трудно взбираться. Лилиан легко сбежала к реке по осыпа́вшейся под ногами каменистой дорожке, исчезла в кустах и бросилась в воду. Леон услыхал только всплеск. Лилиан он увидел, когда она плыла на середине реки, рассекая темную воду и рассыпая вокруг прозрачно-белые брызги.

— Месье Терзи, какая вода! Жаль, что вам нельзя купаться!..

Она хотела крикнуть что-то еще, но, захлебнувшись, закашлялась. Потом звонко рассмеялась над своей оплошностью и принялась колотить ладонями по воде. Сверху Леон видел ее смуглое, стройное тело в прозрачной воде. Леон подумал: «Она все время подчеркнуто называет меня только «месье Терзи». Строго и официально. Держит на расстоянии».

Лилиан повернула назад и скрылась из виду. Берег заслоняли густые ивы, серебристо-зеленые, как ветви маслины... «Что это сегодня приходит на ум масличовая ветка?»

Леон силился разглядеть сквозь листву фигуру молодой женщины. Она появилась совсем в другом месте, гораздо левее. Махнула рукой:

— Идемте!

Лилиан другой тропинкой поднялась на берег и ждала, пока он, прихрамывая и опираясь на палку, шел к ней навстречу.

— Я все-таки намочила волосы! — Лилиан, нагнувшись, отжимала из них воду.

Как все изменилось вокруг за время болезни Леона! Пшеничные поля, закрывавшие тогда буйной зеленью холмы и пригорки, лежали теперь обнаженные. Ярко-желтые копны шалашиками выстроились вдоль межей. На южных склонах холмов уступами подымались виноградники. Они тоже сменили цвет с бирюзово-зеленого на густой, малахитово-бурый. Там, где пшеницу свезли в скирды, на жнивье паслись овцы. Издали они походили на шерстяные клубочки, перекатывающиеся на поле.

Вот таким запомнился Терзи этот угасающий августовский день, полный ароматов трав и сухого жнивья.

Они спустились в низину и тропинкой стали подыматься на холм. Лилиан шла впереди. Подъем оказался довольно крутым. Солнце било в глаза, и платье Лилиан с цветными листьями кленов просвечивало насквозь. Леон видел ее, как в воде. Это волновало больше, чем обнаженное тело. Лилиан вдруг остановилась. Возможно, почувствовала его горячий, пронизывающий взгляд.

— Идите вперед, месье Терзи.

— Почему?

— Идите, прошу вас!..

Леон подчинился.

С холма открывалась широкая панорама реки, стиснутой обрывистыми берегами. По дороге ползли игрушечные повозки, груженные снопами. На виноградниках работали женщины в ярких платьях. Присели на траве, у куста шиповника. На нем уже появились глянцевитые, подернутые оранжевым цветом плоды.

— Смотрите, будто и не было войны,— сказала Лилиан, словно очнувшись от забытья.

— Сейчас меня не интересуют ни война, ни мир, ничего, кроме...

— Кроме чего?

— Вы помните запах маслины, Лили?

— Да...

Терзи обнял ее за плечи, так же, как там, в дороге, привлек к себе, нашел губы и застыл, задохнувшись.

Лилиан беспокойно оглянулась:

— Не надо, Леон! Нас могут увидеть...

— Ну и пусть!

Он потянулся к ней снова, но она отстранилась.

Стало прохладнее. Умолкли цикады, наполнявшие треском воздух. К усадьбе подошли, когда солнце готово было скрыться за горизонтом. И ей и Леону казалось теперь, что все на них подозрительно смотрят, о чем-то догадываются. Лилиан все еще не могла осознать, что произошло с ней. Испытывала трепетное и беспокойное чувство. Она почти знала, что так получится. В груди подымалась теплая волна почти материнской нежности к человеку, шагавшему с ней рядом. Нечто похожее переживал и Леон, но более сильно и остро. Внутренне протестуя, пытался скрыть это под нарочитой развязностью. Кругом почти никого не было. Только несколько женщин шли с виноградников, да дядюшка Фрашон обогнал их на арбе. Он возвращался с поля, где возил снопы. Радушно улыбнулся и поклонился:

— Здравствуйте, мадам! Добрый вечер, месье Терзи! Как ваша нога?

— Спасибо, дядюшка Фрашон! Скоро смогу идти хоть до Парижа.

— Ну и хорошо! А я гляжу: кто это так далеко в холмы забрался? Хозяйку-то я сразу узнал... Будьте здоровы!

Невинные слова Фрашона вновь повергли Лилиан в трепет. Леон сделал вид, что ничего не произошло. Когда арба удалилась, тарахтя по наезженной колее, он приостановился, посмотрел на пшеничное жнивье.

— Смотрите, Лили, уже конец лета... Мне бы хотелось, чтоб скорей наступила осень.

— Почему?

Леон невпопад скаламбурил:

— Чтоб упали эти кленовые листья.

Кивнул на ее платье и тут же почувствовал, как неудачно сострил. Она вспыхнула и отвернулась.

— Зачем вы так, месье Терзи?..

Мгновенно рассмеялось обаяние вечера. Исчезла, поблекла приподнятость, наполнявшая их до той минуты.

— Я больше не буду,— с искренним сожалением, тихо сказал Леон, но это ничего не исправило, не изменило.

Они прошли мимо кузницы-мастерской, пристроенной к гаражу. Дверь была распахнута, и там кто-то еще работал. Гудел вен-

тилятор переносного горна, раздавался дребезжащий стук молотка по железу. Загораживая вход, стояла разобранная жнейка. Из мастерской высунулся Шарль Морен, смахнул со лба пот. Шарль так и осел здесь после капитуляции. Нанялся механиком к Буассону. Леон не видел его несколько дней — Шарль на велосипеде ездил в Париж. Сказал, что хочет проведать мать.

— Ну как там, в Париже? — спросил Леон, когда они поздоровались.

— Не особенно весело. Самое оживленное место — форт Шатобриан, куда свозят заложников. Их расстреливают в крепостном рву — по пятьдесят человек за каждого убитого боша. Господин Абетц повысил расценки вдвое — сначала стрелял по двадцать пять. Но все равно не помогает.

— Я не слышал об этом. Здесь гораздо спокойнее.

— Вы о многом не слышали, месье Терзи... Я предпочел побыстрее смыться. Лучше не встречаться на улицах с сигарными этикетками!

— Что это такое?

— Нарукавные повязки немецких патрулей. Как этикетки на гаванских сигарах. Париж не скупится на хлесткие прозвища.

— Что же вы там делали?

— Ничего. Хотел выпить стаканчик мартини, но в бистро́ тоже немцы, французам не хватает места. Мне это не понравилось. Я захватил с собой приятеля, и мы укатили обратно. Вы правы, месье Терзи, здесь гораздо спокойнее. Только надолго ли?.. Знакомьтесь.

За спиной Шарля выросла фигура второго парня. Леон его сразу узнал — шофер, который возил их тогда на передний край.

— А мы уже знакомы. Вот так встреча! — Леон вполголоса затянул итальянскую песенку: — «Над Неаполем небо сине, как глаза моей милой...» Теперь я пою правильно?

— Здравствуйте, месье Терзи. Я вас тоже сразу узнал... Но про глаза и Неаполь не советую петь: это стало опаснее, чем прежде. Немцы не любят вспоминать об Испании.

Терзи пропустил это мимо ушей.

— А ваша монетка у меня сохранилась. Которую чеканили астурийцы. Теперь это мой единственный капитал.

— Надеюсь, вы еще разбогатеете, месье Терзи.

Они поболтали немного. Когда Терзи и молодая хозяйка ушли, Шарль спросил Симона Гетье:

— Так ты знаком с месье Терзи? Что он из себя представляет?

— Кто его знает... Кажется, порядочный человек... Ты не разбрасывай все-таки эти штуки,— он указал на самодельные гранатные кожухи, лежащие на верстаке.— Из таких стаканчиков как бы не пришлось пить за упокой наших душ...

Вернувшись домой, Лилиан отказалась от ужина и ушла к себе. Сослалась на головную боль. Заснула она только под утро. Лежала в темноте с открытыми глазами. Она тщетно пыталась заставить

себя думать о муже. Где он теперь? Жив ли? Многие давно возвратились. Но мысли упрямо возвращались к другому. Перед ней возникало иронически-насмешливое лицо Леона, ищущие, горячие глаза и копна черных волос, спадающих на лоб.

IV

В сентябре у месье Буассона начались первые неприятности. Как бывает всегда, пришли они скопом. Из немецкой комендатуры прислали бумажку — стандартную, отпечатанную в типографии. От руки написаны только фамилия и цифры. Буассон прочитал и расстроился:

«Господину Буассону. Сен-Клу. Во исполнение приказа германских оккупационных властей вам надлежит в порядке конфискации сдать...»

Дальше столбиком шли цифры: вина столько-то галлонов, пшеницы, мяса, масла, яиц столько-то... Буассон прикинул в уме — придется сдавать почти две бочки вина.

Примечание, напечатанное крупным шрифтом в конце, не на шутку перепугало виноторговца. Комендант предупреждал: «В случае невыполнения настоящего распоряжения в указанный срок виновные будут привлекаться к ответственности вплоть да расстрела на основе законов военного времени».

Распоряжение подписал тот самый комендант, который приезжал к нему пить вино. Вот тебе и культура! Это же беззаконие! Буассон долго вертел бумажку, разглядывая штамп, подпись, зачем-то поднял на свет, сердито сопел, но все же приказал завтра же отправить все, что требовала комендатура.

Нагрузили целую повозку, и дядюшка Фрашон повез продукты в Фалез. Вернулся он к вечеру с квитанцией и пачкой новеньких денег — оккупационные франки.

— Куда мне это дерьмо? Разве только оклеить уборную! — Буассон швырнул деньги на стол, но потом убрал в сейф: может быть, пригодятся.

В конце недели обер-лейтенант как ни в чем не бывало снова приехал к Буассону. Был предупредительно вежлив, пытался делать комплименты Лилиан и смотрел на нее маслеными глазами. Просидел допоздна. Что поделаешь, пришлось слушать его разглагольствования о германских победах и разглядывать семейные фотографии жены, детей, папы и мамы, сидевших на какой-то веранде с застывшими лицами и вытаращенными, как у раков, глазами. Обер-лейтенант хвастался с одинаковым удовольствием семьей и фатерландом, лакированными сапогами, сшитыми в Польше, и победами в небе Англии.

— Англии скоро капут, герр Буассон. Германский рейх станет властелин мира... Ми сделаем новый порядок в Европа... Ми хорошо станем жить с вами, герр Буассон, как добрый соседи...

«Чтоб ты подох с твоими порядками!» У Буассона не выходили из головы две бочки вина, которые пришлось отдать даром. Как

псу под хвост вылил! Но с гостем он оставался заискивающе любезным. Вышел провожать на крыльцо.

Обер-лейтенант оседлал мотоцикл и лихо, с оглушительным треском промчался мимо гаража. За его плечом болтался вороненый пистолет-автомат, похожий на тавотный шприц, которым смазывают машину. Через минуту комендант был на той стороне лощины, за каменным мостиком.

Шарль стоял возле кузницы. Он с завистью проводил мотоцикл глазами.

— Вот это да! Гляди, Симон, как с ходу берет подъем... Зверь, а не мотоцикл! Нам бы достать такой!

— Держи при себе свои мысли. Может быть, твое желание осуществится. У меня есть один план...

Гетье оборвал себя на полуслове. На крыльце стоял месье Буассон. Он мог услышать их разговор.

Но Буассону было не до того. Его стали тревожить частые наезды обер-лейтенанта. Какими плотоядными глазами смотрит немец на Лилиан! Этого еще не хватало! Нет, уж если говорить о любовнике дочери, пусть им будет француз. Последнее время он замечает, что между Терзи и дочерью что-то происходит. Все эти взгляды, которыми они перекидываются, обрывки фраз, прогулки, официальный тон, который принимают вдруг при посторонних... Нет, его все это не обманет! Недавно ночью Буассону почудилось, будто кто-то крадется по коридору мимо его спальни. Комната Лилиан расположена рядом. Открыл дверь — никого. Неужели у них дошло до этого?.. Куда запропастился месье Бенуа? Пусть, в случае чего, пеняет на себя, а ему самому и без того хватает забот, чтобы следить еще за нравственностью замужней дочери.

Виноторговец сначала раздумывал: не переселить ли Леона в отдельный домик, точнее — в сторожку, подальше от соблазна? Но когда Леон лежал раненый, это было неудобно делать, потом как-то не находил повода сделать такое предложение Терзи. А теперь, может, уже поздно — все равно станет шататься по ночам к дочери. Получится еще хуже: увидит кто — пойдут разговоры. Нет уж, пусть лучше живут под одной крышей.

Буассон делал вид, что ничего не замечает. Но подозрения виноторговца имели под собой почву. Лилиан с каким-то неистовством отдалась своему внезапному чувству. Леон, пожалуй, заслонил для нее даже крошку Элен. После того вечера они почти каждый день ходили к дальнему перелеску. Их тянуло туда. Усаживались под кустом шиповника на холме и сидели, обнявшись, пока не вспоминали, что пора возвращаться. Леону не хватало одних поцелуев. А Лилиан с трепетом озиралась вокруг — ей все казалось, что кто-то бродит около них.

— Уйди, Леон, прошу тебя! — Наедине они уже говорили друг другу «ты».— Смотри, вон пастух, я хорошо его вижу.

— Но он далеко.

Леон вообще никого не видел. Только овцы шерстяными клуб-

ками скатывались по жнивью в лощину. Паслись они далеко, за деревней.

— Ты такой тонкий, Леон, неужели не понимаешь моего состояния?

— Глупая! Здесь же никого нет.

— Все равно. Это не боязнь, совсем другое. Ну как тебе объяснить... Не понял?

— Понял...

— Вот и хорошо, милый... Помоги, я опять зацепилась.

Леон послушно выполнял просьбу, отцеплял запутавшееся в колючках шиповника платье Лилиан.

— Тебе бы быть дрессировщицей...

Однажды на том же холме Лилиан поднялась с травы, посмотрела на Леона затуманенными глазами.

— Знаешь что,— сказала она, совсем еще не уверенная, что договорит до конца,— мы не дети. Я не хочу тебя мучить.— Она помедлила и решилась: — Приходи сегодня ночью ко мне...

В ту ночь месье Буассону и почудились осторожные шаги в коридоре. Лилиан тоже их слышала. Замирая, волнуясь, ждала Леона за дверью. Она уже раскаивалась в том, что сказала ему на холме. Но теперь поздно, шаги были рядом.

Бесшумно распахнув дверь, она в темноте нащупала его руку. Дверь скрипнула, но другая. Лилиан затаила дыхание. Сердце билось в неистовом страхе. Кто-то шагал по коридору... Отец! Она из тысячи людей узнает его походку, тяжелую, шаркающую. Месье Буассон остановился. Вероятно, прислушивается. Негромко окликнул:

— Лилиан, это ты?

Что, если отец толкнется к ней в дверь? Она еще не успела закрыть ее на ключ.

Потом грузные шаги удалились, еще раз скрипнула дверь, в доме все стихло.

В темноте нельзя было разглядеть собственных пальцев. На окнах висели непроницаемые маскировочные шторы.

— Осторожно, здесь туалетный столик,— Лилиан сказала это тихим, как дыхание, голосом и повлекла за собой Леона...

Немецкий обер-лейтенант, зачастивший в усадьбу, последний раз приезжал к Буассону в пятницу. Он не появлялся без малого неделю. А в следующую среду, глубокой ночью, когда все давно спали, двор усадьбы наполнили треск мотоциклов, рокот автомобильного мотора и гомон тревожных голосов. Шум поднял на ноги обитателей дома.

— Что его принесло ни свет ни заря? — ворчливо бормотал Буассон, натягивая брюки.— Теперь и ночью нет от него покоя...

Леон был еще у Лилиан, когда все это случилось. Что там за суматоха? Выждав, когда в коридоре стихли шаги месье Бу-

ассона, Леон проскользнул в свою комнату, оттуда выглянул из окна.

Только-только начинало светать. Яркие, ослепительно бледные лучи фар выхватывали из серого сумрака куски стен, зелень деревьев, край черепичной крыши. При таком освещении и земля казалась покрытой снегом. В отсветах фар мелькали солдатские фигуры в касках, с автоматами. У многих были электрические фонарики. Незнакомый офицер в фуражке с высокой тульей нервно отдавал какие-то приказания. Торопливым шагом он подошел к крыльцу и грубо спросил, кто здесь хозяин.

Расстроенный Буассон вышел вперед. «Что за напасть?» — в страхе подумал виноторговец. Колючим холодком пронзила мысль: уж не хотят ли его арестовать? Теперь можно всего ожидать. Но офицер лишь спросил, кто здесь живет, и потребовал ключи от всех помещений.

В сопровождении двух солдат, настороженно державших на изготовку пистолеты с откидными прикладами, он осмотрел дом. Заглянул во все комнаты. Солдаты взобрались на чердак, обшарили двор, осмотрели подвалы. В иное время они не преминули бы задержаться у винных бочек, стоявших вдоль каменных, пахнущих сыростью стен, но сейчас им было не до того — они, видно, кого-то или что-то искали. Осмотрев, облазив все уголки, солдаты по команде вскочили на бронетранспортер с железными косыми бортами и с таким же треском и грохотом покинули усадьбу. Тронулись на Сен-Клу. Впереди проворными светляками мчались мотоциклисты, щупая острыми лучами обочину дороги.

Месье Буассон, как и все остальные, исключая, может быть, Шарля и Гетье, так и остались в неведении, чем обязаны такому стремительному появлению нежданных ночных гостей. Утром все прояснилось. Вскоре после завтрака приехал доктор. В Фалезе творится что-то невообразимое. Немцы арестовали два десятка заложников. Аресты продолжаются. Доктор попросил разрешения заночевать сегодня у Буассона — попадаться сейчас на глаза разъяренным немцам рискованно.

Оказывается, накануне вечером фалезский комендант возвращался на мотоцикле и в темноте наткнулся на перетянутую через дорогу стальную проволоку. Она была натянута, как струна, и прикреплена к стволам деревьев, растущих у обочин. Обер-лейтенант мчался на большой скорости, в темноте не заметил препятствия, и проволока снесла ему полчерепа. Ясно всем, что это диверсия. Коменданта нашли через несколько часов. Он лежал в кювете. Ни мотоцикла поблизости, ни оружия при нем не оказалось.

Диверсия произошла по ту сторону Фалеза, в десятке миль от Сен-Клу, но тревогу немцы подняли по всей округе. Так вот почему ночью появлялись немцы в усадьбе...

— Как вам все это нравится? — спросил доктор, заканчивая рассказ.— Вы слышали призывы де Голля из Лондона? Они нашли отзвук и в нашей тихой заводи. Чья же это, интересно, работа?

— Не знаю. С тех пор как это запретили оккупационные власти, я не слушаю радио, велел аппарат унести на чердак.

Буассон, посапывая, раздумывал над событиями ночи. Он и не знал, что Шарль Морен, его новый механик, давным-давно тайком перетащил радиоприемник с чердака в укромное и надежное место. Возможно, коменданта и следовало проучить, вел он себя посвински. Но все же нельзя так. Война окончилась, нечего после драки махать кулаками. Немцы это запомнят. Только и видали теперь спокойную жизнь! Буассон глубоко вздохнул.

— Да...— неопределенно протянул он.— Хорошо, что это произошло по ту сторону Фалеза,— меньше подозрений... Ну, я пойду, дорогой доктор. Мы начинаем убирать виноград. Располагайтесь как дома...

Месье Буассон давно бы умер от страха, знай он, что предшествовало взволновавшим его событиям ночи.

Шарль и Гетье частенько отлучались из усадьбы. Уезжали на велосипедах поодиночке, чтобы не было так заметно. Оба мечтали об оружии, но как достать его, еще не решили. Выезжали на рекогносцировку, высматривали на всякий случай, где лучше устроить засаду. Остановились на шоссейке к северу от Фалеза. Во-первых, что далеко от Фалеза, а во-вторых, место там очень удобно — глухое, лесистое и есть дороги, по которым можно в случае чего скрыться.

Но место местом, а как совершить нападение? Не с камнями же! Симону обещали в Париже достать взрывчатку и капсюли. Кожухи для гранат начали делать сами. Но за взрывчаткой надо ехать,— попробуй провези, да и когда это будет? И шуму наделаешь невесть сколько. Тогда Гетье предложил свой план с проволокой. Против автомобилей с ней ничего не сделаешь, но на шоссе появляются и мотоциклы. Комендант, конечно, подвернулся случайно. Будто угадали.

Уехали с вечера «прогуляться», как только кончили работу. Жали на педали так, чтобы в сумерках быть на месте. В лесу давно сгустились тени. Приятели терпеливо лежали в кустарнике. Мимо них с интервалом в пятнадцать — двадцать минут проходили машины. Потом оба услышали треск мотоцикла. В тишине ночи его далеко было слышно. Гетье перебежал через дорогу и натянул проволоку. Второй конец был закреплен раньше.

Остальное произошло в течение нескольких секунд. Мотоциклиста будто кто вышиб из седла. Он сделал сальто и упал на дорогу. Мотоцикл пролетел дальше. Гетье кинулся к немцу, срезал автомат — снимать не было времени. Шарль занялся мотоциклом. Еще через секунду свернули с шоссе. Пришлось остановиться только затем, чтобы взять спрятанные велосипеды. Мотоцикл вел Гетье, а Шарль сидел сзади и держал за рули велосипеды. Он тянул их, словно быков за рога. Чудо, как Морен удержался на такой скорости!

Сделав круг, снова пересекли шоссе и поехали на Сен-Клу. Мотоцикл пока спрятали в овраге и на велосипедах вернулись в

усадьбу. В темноте протерли тряпкой колеса, рамы и легли спать.

Как-никак все это заняло добрых три часа времени. Шарль только что задремал, когда в усадьбе появились немцы. Было отчего в тревоге забиться сердцу! Ясно, немцы их выследили и примчались по следу. Оказалось, не так. После всех треволнений уже не спали. Какой тут сон!

Днем они работали в мастерской — чинили виноградный пресс. Терзи зашел к ним справиться, скоро ли будет готов. Леон, с тех пор как поправился, помогал месье Буассону в хозяйстве — надо же что-то делать. Шарль и Симон о чем-то оживленно говорили вполголоса. Они сразу оборвали разговор, как только Терзи подошел к ним. Лица у них были утомленные, и сами они какие-то встревоженные. До слуха Леона донесся обрывок фразы Шарля Морена. Он сказал: «Мотоцикл надо срочно убрать. Иначе...»

«Уж не их ли рук дело? — подумал Терзи.— Ну, а мне-то что! Пусть...» Леон до сих пор бравировал своим безразличием, невмешательством в события, в жизнь. На его столике продолжала стоять любимая статуэтка — три обезьянки: одна с заткнутыми ушами, другая с закрытыми глазами и третья, зажавшая рот маленькой обезьяньей ручкой. Это все, что осталось у него от Парижа. Конечно, если не считать костюма, истрепанного в дороге, да астурийской монеты, подаренной шофером Симоном Гетье.

Да, он только Свидетель. Кроме Лилиан, ему ни до чего нет дела. Впрочем, нет, в свободное время Леон начал приводить в порядок старые записи. Они случайно уцелели во время сен-назерской трагедии, лежали в боковом кармане и сохранились. Конечно, намокли, но не так, чтобы нельзя было ничего разобрать. Леон несказанно был рад этому. Он уже многое успел сделать. Свой труд назвал «Современной летописью», а в скобках поставил: «Записки Свидетеля».

Леон попросил Шарля побыстрее закончить ремонт пресса, чтобы к вечеру можно начать работать, и, прихрамывая, пошел к дому. Ему хотелось посидеть над записками.

Что же касается Гетье и Шарля, то им пришлось посвятить в свою тайну Фрашона. Мотоцикл решили спрятать под скирдой обмолоченной соломы, в самом низу. Без Фрашона ничего не выйдет. Фрашон пожевал губами и сказал:

— Ох, ребятки, не то вы затеяли. Сколько теперь из-за вас сирот осталось...

Новый комендант объявил накануне, что за убийство офицера немецкой армии взятые в Фалезе заложники расстреляны. В приказе перечислялись их имена.

Но дядюшка Фрашон все же согласился помочь: не подводить же теперь ребят! Скирду не будут трогать до самой весны. Кто в нее сунется?

Соломенный холм вырос позади коровника. Из окна месье Буассона его хорошо видно. Если бы обо всем знал почтенный виноторговец!..

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

I

— Хелло, Малыш! — Это прозвище так и осталось за Стивенсом, даже и после того, как он приехал в Старый Свет.— Не хотите ли вы немного развлечься здесь, в Лондоне? Предположим, провести время с девочкой... Как вы думаете, Малыш? Кажется, вы соскучились по Нью-Йорку?

— Да, немного...

Бывший джимен застенчиво улыбнулся и покраснел от собственного признания. Конечно, он скучал здесь от безделья. Какой смысл бесцельно слоняться изо дня в день по городу? В Англии, куда Бен приплыл со своим новым шефом, генералом Доновеном, Стивенс продолжал выглядеть робким увальнем.

— Так как вы смотрите на то, чтобы познакомиться с молоденькой английской леди? — Доновен говорил лениво-насмешливым тоном.

Стивенс не всегда мог понять, говорит ли шеф серьезно или шутит.

— Как вам будет угодно, мистер.

— Хорошо. Мне будет угодно, чтобы вы отправились вот сюда,— Доновен ткнул пальцем в раскрытый перед ним план Лондона и назвал улицу.— Вы знаете, где это?

— Да, мистер, я познакомился с городом. Это недалеко от Пикадилли. Там расположен центр противовоздушной обороны Лондона.

Доновен взглянул на стоявшего перед ним здоровенного парня с таким открытым и простодушным лицом. Откуда он знает, что центр ПВО расположен именно на этой улице? Ему этого никто не поручал. Прирожденный талант!

— Правильно. Вы, кажется, недаром провели здесь время. Молодец!

— Благодарю вас, мистер Доновен. Я понемногу знакомлюсь с городом, как вы мне приказали.

— Ну, так вот, именно здесь, около центра, вы познакомитесь с какой-нибудь девочкой из противовоздушной обороны. Выбирайте себе по вкусу. Я не буду в претензии, если она окажется чересчур хорошенькой. Пока только и всего. Дальнейшие указания получите позже.

Доновен предпочитал сам давать задания своим сотрудникам, благо их было пока не так много. Он отпустил Стивенса. Внимание руководителя американской разведки в Лондоне привлекал штаб британской противовоздушной обороны. Из Пентагона он получил шифровку — авиационное ведомство Штатов интересовала битва за Англию. От Доновена требовали выяснить все, что касается службы оповещения. Почему так получается, что британские истребители постоянно оказываются на пути немецких бомбардировщиков, преграждают им дорогу и завязывают бой на подсту-

пах к Лондону? Удивительно, что при явном превосходстве немецкой авиации англичане продолжают успешно сопротивляться. Нет ли у них какой-то технической новинки, которую британцы держат в секрете? Над этим следовало поразмыслить. Пути для уяснения истины могли быть различные, но не лучше ли начинать с самого простого — узнать, что происходит в центре противовоздушной обороны.

В тот же день к вечеру, рассчитав время, когда в штабе противовоздушной обороны происходит смена, Бен появился на улице, вблизи интересовавшего его здания. Он прошел мимо разрушенного, точно рассеченного надвое четырехэтажного дома. Последний раз, когда Стивенс был здесь, дом стоял на месте, теперь он походил на вырванный зуб. Рабочие в брезентовых комбинезонах успели расчистить улицу и начали ставить дощатый забор, загораживая кирпичные развалины, засыпанные, припудренные известью и штукатуркой. Вероятно, это были следы последнего, наиболее крупного налета на Лондон. Он произошел в субботу седьмого сентября, когда на город прорвалось больше трехсот германских истребителей и бомбардировщиков. Битва за Англию, как называли в газетах напряженные воздушные бои, находилась в самом разгаре.

Бывший джимен прошел по тротуару, засыпанному осколками стекла, задержался на минуту около разваленного бомбой здания и с видом не особенно занятого человека подошел к серому зданию с высокими железными воротами. Каменные мускулистые геркулесы с обнаженными торсами поддерживали на плечах массивную кровлю. С рассеянным видом Стивенс заглянул во двор. Вахтеры-солдаты проверяли пропуска у выходивших из ворот девушек в военной форме. Он пошел дальше. Две девушки нагнали бывшего джимена. Он ускорил шаг и прислушался к разговору. Бен усвоил психологию людей: они не обращают внимания на идущего впереди и настораживаются, если чувствуют, что кто-то настойчиво следует сзади. Девушки находились от Стивенса в двух шагах. Бен успел разглядеть их, когда они выходили из ворот центра. Одна была невысокого роста, полногрудая, другая, шатенка с выбивавшимися из-под берета волосами, в форме сержанта, выглядела моложе. Она стройнее и несколько выше подруги. Даже военную форму иные девушки умеют носить с кокетливой элегантностью. Однако Стивенс не видел, которая из них сказала:

— Смотри, Кэт, я не советую тебе ехать. Боши нарушают расписание бомбежек. Не застрянь где-нибудь по дороге.

— Нет, нет, я должна съездить. Может быть, там есть письмо... Я ненадолго.

— Ну, смотри! Счастливого пути! Мне сюда. До свидания!

Полногрудая перешла улицу, оглянулась, помахала подруге рукой.

— Не перепутай смену, Кэт. Завтра мы начнем с утра.

— Хорошо, хорошо! Вот идет мой автобус. До завтра!

Девушка, которую подруга назвала Кэт, обогнала Стивенса и торопливо пошла к автобусной остановке. Бен тоже прибавил шагу.

Он пропустил девушку, вскочил следом за ней в автобус и назвал кондуктору ту же станцию, что и Кэт. Извинившись, сел рядом, на свободное место.

Кэт не обратила внимания на соседа. Разве только скользнула взглядом по его одежде: вероятно, американец. Последнее время их все больше встречается в городе. Она достала из сумочки книгу и углубилась в чтение. Но сложная ситуация, в которую попал герой романа, его переживания не трогали Кэт. Читая, она думала о Роберте, строила предположения, почему он так долго не пишет. Последний раз Боб написал из Плимута. Его корабль пришел откуда-то на два дня в Англию и снова уплыл неизвестно куда. В письме Боб сетовал на то, что не удалось договорить по телефону. Кэт тоже огорчилась до слез. Противные боши! Она только успела сказать несколько слов, и оборвалась связь — немцы где-то разбомбили линию. Хорошо хоть услышала его голос... Теперь над всей Англией происходят воздушные бои. Надо же было немцам прилететь именно в то время, когда она говорила с Бобом! Прилетели хотя бы немного позже. Роберт рассказывал в последнем письме, с каким трудом ему удалось получить этот разговор. В газетах на другой день сообщили, что накануне произошло наиболее крупное сражение за всю войну. На фронте в пятьсот миль разыгралось одновременно пять воздушных боев. И каких! С аэродромов подняли всю авиацию. На оперативной карте появились сотни самолетиков. Девушки-операторы просто сбились с ног. Даже не хватало моделей, принесли дополнительно со склада. Немцы потеряли семьдесят две машины. Так им и надо! Пусть не лезут куда не следует!

О том, как идет битва за Англию, Кэт знала не только из газет. Уже несколько месяцев она работала в центре противовоздушной обороны Лондона. Ей удалось неплохо устроиться. Хотя бы потому, что на работе можно было чувствовать себя в безопасности. Постоянный страх и бессонные ночи так изматывают! Чтобы отоспаться, Кэт иногда оставалась ночевать в центре.

Пост главного управления воздушной обороны находился в глубоком подземелье с толстыми бетонными потолками. Это не то что моррисоновские убежища — стальные столы с проволочными стенками, которыми начинают снабжать лондонцев. Оказалось, что Лондон в войну не имеет бомбоубежищ, поэтому в городе так много жертв.

Каждый день много часов подряд Кэт проводила в оперативном зале, круглом, как цирк или казино.

Кэт в жизни не бывала в игорных домах, но говорят, что похоже. Стол с оперативной картой прозвали рулеткой. Вместо костяного шарика на разграфленные квадраты падают пластмассовые самолетики. Но скорее сам Лондон напоминает ужасную рулетку. Никто не знает, в какой квартал упадут бомбы. Выиграть здесь нельзя, можно спастись только каким-то чудом.

Кэт принимала по телефону донесения с постов наблюдения, разбросанных по всей Англии. Конечно, у операторов легче работать: переставляют на карте крохотные самолетики, наносят обста-

новку для начальника штаба — играют в рулетку. Там нужно только внимание. Некоторое время Кэт тоже стояла у карты. Ее район был тот, где жил Роберт. Она даже определила, где стоит дом Крошоу — маленький квадратик темно-коричневого цвета. Кэт давно не была у родителей Боба. Что-то скажет ей тетушка Полли? Неужели и у них нет вестей от Боба?

Кэт оторвалась от книги и посмотрела в окно. Охваченная своими мыслями, она давно механически переводила глаза со строки на строку, не улавливая смысла повествования. Автобус, выбравшись из центра, шел по лондонским захолустьям и теперь сворачивал на пригородное шоссе. Здесь, как и всюду, видны следы налетов немецкой авиации. Разбитые дома, незасыпанные воронки на улицах, поваленные фонари, наспех сдвинутые к тротуарам. Среди руин бродили мужчины, женщины, лопатами или просто палками раскапывали груды развалин,— надеются хоть что-нибудь найти из вещей, погребенных под грудами щебня. Кэт подумала: то же самое может случиться и с их домом в Ист-Энде. Какой ужас! Когда же все это кончится?..

Тем временем бывший джимен все придумывал, как бы ему заговорить с девушкой. Шеф задал нелегкую задачу. Бен десять раз готов бы выслеживать попа Кофлина на сквозняках нью-йоркских улиц, ему легче две ночи кряду мерзнуть где-нибудь у подъезда, нежели заводить знакомство с такой вот девушкой. Пока Кэт сидела, углубившись в книгу, Стивенс успел разглядеть ее. Тонкий, прямой носик, пухлые губы, мягкий овал лица. Даже в войну девушки не забывают подкрасить губы. Она похожа на киноактрису из Голливуда. Бен не мог вспомнить, кого она напоминает. Может быть, Мэри Пикфорд. Перед отъездом из Штатов он смотрел какой-то старый фильм.

Все-таки как же завести разговор? Чувство врожденной робости не покидало Бена. Когда Кэт повернулась к окну, он наконец решился выдавить из себя несколько слов:

— Смотрите, как все здесь разбито! Вы живете в этом районе?

— Нет, в Ист-Энде. Но у нас тоже падают бомбы. Когда только все это кончится? — Кэт повторила вслух то, о чем думала.

— Да, у нас в Штатах этого нет!

— Как я завидую вам! Вы, американцы, счастливее нас. Представьте себе, если бы на ваш дом упала такая же бомба.— Кэт указала на развалины, которые миновал автобус.

Дом, стоявший у самой дороги, был начисто срезан взрывом. Только часть стены с лестничным пролетом, уцелевшая среди этого хаоса, возвышалась над грудами битого кирпича. На стене верхнего этажа, оклеенной желтыми обоями, висел какой-то портрет, а на обломках стропил, похилившись, стояла детская кроватка, засыпанная штукатуркой.

«Маленький Бен» тоскливо подумал: а что, если действительно такая бомба рухнет на их будущее ранчо? Что тогда останется от Дельбертсхолла? Бену стало не по себе. За эти полгода, которые Стивенс провел в Англии, он уже несколько раз посылал матери

деньги на ранчо. Мать писала, что удалось присмотреть подходящую ферму. Теперь, слава богу, денег почти хватает. Вдова фермера, может быть, уступит. Только за этим и дело. Но что, если и в самом деле... Одно мгновение — и все пропадет. Пропадут и надежды, и деньги, которые копили по центам с тех пор, как Бен стал себя помнить. Впрочем, ему-то тревожиться незачем, от войны их отделяет Атлантический океан. Девушке он почему-то сказал:

— Мы живем в Нью-Йорке, но отец хочет переселиться на ферму. К моему приезду он купит ранчо.

— А у нас теперь никто не думает что-то приобретать. Хоть сохранилось бы то, что есть!

Так они разговорились. Кэт оказалась общительной девушкой. С ней очень легко говорить. Она вела себя просто, но сдержанно. Бен чувствовал себя уже куда смелее. Он рассказывал про Америку, про жизнь в Нью-Йорке. Угостил девушку жареным соленым миндалем, любимым своим лакомством, которым всегда были набиты его карманы. Кэт взяла несколько зернышек и поблагодарила.

— Берите, берите! — Он высыпал ей в руку почти весь целлофановый пакетик.— У меня есть еще. Это очень вкусно.

Миндаль не поместился в маленькой ладони Кэт, и зерна упали на колени и на пол.

— Смотрите, какой вы щедрый!

Кэт улыбнулась и подобрала с колен хрупкие коричневатые зерна. Ей было жаль, что часть их упала на пол. Миндаль оказался действительно превосходным. Кэт откусывала половинки, чуть-чуть приоткрывая белые красивые зубы, а Бен бросал в рот по нескольку штук.

На остановке они сошли как старые знакомые.

— Вы надолго сюда? — спросил Бен.

— Нет, мне нужно успеть пораньше домой.

— У вас здесь родные?

— Да, я должна заехать к ним на полчасика.

К кому она едет, Кэт не сказала. Конечно, к родным. Кем же еще она должна считать семью Крошоу! Если бы не война, Кэт давно жила бы в их квартирке. Тетя Полли говорила, что уступит им одну комнатку наверху. Оба они, дядя Джон и тетушка Полли, такие милые. А Вирджиния — та души не чает в Кэт. Они крепко сдружились с девочкой. Пожалуй, Вирджинию ей хотелось повидать больше всех. Кэт не сказала спутнику, к кому она идет,— к родным, и все. До сих пор она стеснялась говорить, что у нее есть жених. Удерживало ее и что-то еще, может быть, неосознанное кокетство — пусть думает, что Кэт совершенно свободна.

Бен предложил поехать обратно вместе — он тоже задержится здесь ненадолго. Кэт согласилась.

— Хорошо, если вы управитесь за это время со своими делами.— Она посмотрела на часы.— Автобус пойдет минут через сорок.

Кэт пошла вдоль сквера, а «маленький Бен» свернул в противоположную сторону.

II

Бену предстояло почти час слоняться без дела. Он неторопливо шагал по улице. Неистово сигналя, навстречу ему промчались две пожарные машины. «Видимо, снова где-то сбросили бомбы»,— подумал Бен. Он шагал по улицам незнакомого поселка и думал о встрече с Кэт, о Нью-Йорке, о матери. Почему-то ему захотелось очутиться сейчас в нью-йоркской квартирке, схватить мать и закружиться с ней по тесной кухне. Обычно он делал это, когда являлся домой в хорошем настроении — оттого ли, что его похвалит шеф, или просто потому, что принесет субботнюю получку. Мать, смеясь, отбивается, делает вид, что старается вырваться из его объятий, а он тормошит ее и приговаривает: «Мутти, все идет превосходно, мутти! Скоро мы поселимся на ферме». Потом он забирает у матери полотенце вытирать посуду, и они вместе начинают мечтать о том, как будут жить в Дельбертсхолле.

Ферма, ферма... Может быть, ее уже купили. Если бы Бен не поехал в Европу, черта с два собрали бы они деньги на ранчо! Несомненно, ему повезло. Но если бы не война, вряд ли он попал бы в Европу. Как это сказала Кэт: «У нас теперь никто не думает что-то приобретать. Лишь бы сохранить то, что есть». Да, она права. Здесь трудновато сохранить нажитое,— что ни день, на крыши падают немецкие бомбы. Значит, у него с Кэт разное представление о войне. Выходит, он зарабатывает на том, что лондонцам приносит столько несчастий. А может быть, кто-то из Вилямцеков, из его родственников, что живут в Берлине, летают над Англией и бросают бомбы. Сам дьявол не разберется в такой путанице. Ну и наплевать. А ранчо все-таки, вероятно, уже купили...

Беннет сунул руку в карман, нащупал миндальные зерна и бросил их в рот. Настроение оставалось прекрасным. Насвистывая какую-то песенку, он продолжал бродить по улицам. Теперь уже скоро надо идти к автобусной остановке.

А Кэт Грей находилась в ином состоянии. За всю жизнь ей не приходилось переживать подобного. По дороге она тоже обратила внимание на красные пожарные машины, промчавшиеся с ревом мимо нее. Машины завернули как раз в тот переулок, куда предстояло свернуть и Кэт. В мыслях о Роберте она не придала особого значения этому обстоятельству. Только на углу, когда перешла засаженную акациями улочку, перед Кэт встала ошеломившая ее картина. Дома Крошоу не существовало. На том месте, где он раньше стоял, дымились развалины. Пожарные в блестящих касках и мокрых брезентовых комбинезонах тушили пожар. Огня уже не было, только белый, мутно-молочный дым клубами поднимался над соседним, тоже разрушенным домом.

С захолонувшим сердцем Кэт бросилась вперед. Первый, кого она встретила, был дядя Джон. Тяжело переступая ногами и спотыкаясь о щебень, он нес к санитарной машине тело своего друга Вильяма.

Кто-то пытался помочь отцу Роберта, но дядюшка Джон отстранял всех и только повторял: «Не надо, не надо... Я сам...» По щекам его текли слезы. Сзади шел доктор в медицинском халате, запачканном кирпичной пылью. Может быть, это была кровь — Кэт не разобрала.

Дядюшка Джон увидел ее, когда опустил Вильяма на мостовую. Двое санитаров положили убитого в машину.

— Где тетушка Полли? Где?..— Кэт хотела спросить про Вирджинию.

— Иди к ней, они там,— дядя Джон кивнул на развалины и всхлипнул.

Несколько человек подымали обрушенную балку. Тетушка Полли топталась рядом с обезумевшими глазами и что-то шептала. Она была в коротеньком жакете, растрепанные волосы сбились на лицо, но тетушка Полли не поправляла их. В руках она держала плетеную сумочку, с которой ходила на рынок. Налет застал ее по дороге к продовольственному магазину. Она так и не дошла до магазина, вернулась сразу, как только дали отбой. Оставалась дома одна Вирджиния. Теперь ее откапывали из-под развалин.

Девочка лежала рядом с убежищем Моррисона — стальным столом, обтянутым металлической сеткой. Угол стола придавил голову девочки, лицо Вирджинии было залито кровью. Пока ее освобождали из-под развалин, Полли стояла с жутко безразличным видом. Она только негромко говорила:

— Осторожней, прошу вас, не сделайте девочке больно...

Рядом стоял разбитый, засыпанный щебнем комод с вывалившимися ящиками. Валялись цветные клубки шерсти, белье, розовое платье Вирджинии, в котором она ходила на конфирмацию. Полли осторожно подняла платье, отряхнула с него пыль, хотела положить в сумочку, но не сделала этого.

— Смотри, Кэт, какое хорошее платьице! Вирджиния сможет пойти в нем в церковь. С него надо только стряхнуть пыль. Куда девалась платяная щетка! Ты не видела, Кэт, платяную щетку?..

Доктор опустился на колени перед Вирджинией, приложил ухо к груди, мучительно долго слушал. Все ждали молча. Только тетушка Полли что-то невнятно бормотала, озиралась кругом, искала кого-то глазами. Доктор поднялся, тяжело вздохнул:

— Здесь тоже медицина бессильна. Несите в машину.

Отец поднял Вирджинию. Кэт подобрала свалившуюся туфельку и пошла следом. Она тоже не соображала, что делает.

Тетушка Полли, потерявшая рассудок, вела себя спокойно. Она только говорила мужу:

— Джон, ради бога, будь осторожен, не сделай Вирджинии больно!

Когда захлопнулась дверца машины и она тронулась в морг, Полли вдруг неистово закричала, бросилась следом. Дядя Джон едва успел задержать ее.

— Куда вы увозите девочку? Не делайте ей больно! Остановите

машину! Пусти меня, Джон! Пусти, я говорю! — Она забилась в руках дяди Джона.

Потом тетя Полли снова утихла, спокойно позволила усадить себя в другую санитарную машину. Там было несколько раненых. Ее увозили в психиатрическую больницу. Дядя Джон, постаревший, с опущенными плечами, стоял среди развалин. Доктор садился в машину рядом с шофером. Словно проснувшись, докер спросил его:

— Скажите, доктор, мне можно поехать с женой?

— Хорошо, друг, поезжайте. Прошу вас, мужайтесь.

Санитары изнутри открыли дверцу, и дядя Джон сел в машину. Кэт он сказал:

— Я заеду к вам, девочка. Видишь, у нас теперь нет дома. Не знаю, где будем жить.

В распахнутую дверцу Кэт увидела сидевшую внутри тетушку Полли. Она не выпускала из рук платья Вирджинии и продолжала бормотать что-то бессвязное.

Машина ушла, Кэт осталась одна, так и не успев, не сумев спросить, были ли письма от Роберта. Она пошла к автобусной остановке.

На полдороге ее встретил Бен Стивенс. Пропустив автобус, прождав еще полчаса, бывший джимен пошел навстречу девушке. Он сразу увидел, что случилось непоправимое. Улыбка исчезла с лица Беннета. Кэт была неузнаваема — подурневшая, бледная, с заплаканными глазами.

— Что случилось? Что с вами?

— Не спрашивайте. Это так страшно. Там... там ничего не осталось. И убили Вирджинию...

Кэт зарыдала. Теряя силы, она, может быть, не удержалась бы на ногах. Бен поддержал ее. Он понял и не расспрашивал. В автобусе ехали молча. Не спрашивая разрешения, Стивенс решил проводить девушку. Нельзя же в таком состоянии оставлять ее одну...

Уже в Ист-Энде, в районе порта, проехали мимо пылающего многоэтажного здания. Было совсем темно. Густой туман, опустившийся на Лондон, делал пламя расплывчатым и неясным. Кровавые зловещие отблески просачивались будто сквозь матовое стекло. В багровом тумане мелькали силуэты пожарников с брандспойтами и топорами. Из окон вырывались языки пламени. Пассажиры с тревогой приникли к стеклам. Но автобус миновал пожарище, и за окном снова сгустился непроницаемый белесый мрак. Сквозь него едва обозначились синие огни уличных фонарей.

Картина ночного пожара вселила новую острую тревогу в душу Кэт. Ей казалось, она была совершенно уверена, что на месте своего жилища застанет такие же руины, изогнутые балки и красный щебень, похожий на запекшуюся кровь. Кэт почти бежала от автобусной остановки. Бен едва поспевал, придерживая девушку под руку.

В нескольких шагах ничего не было видно. Сырой туман поглощал одиноких прохожих, возникавших, как призраки, на их пути. Наконец из груди Кэт вырвался вздох облегчения. Дом стоял на

месте, старый, каменный, с закопченными стенами. Значит, все хорошо... Силы окончательно покинули девушку. Она не могла поднять руку, чтобы позвонить у входной двери. Бен нажал кнопку, нащупав ее в темноте. Он почти внес Кэт в прихожую и прищурился от яркого света, ударившего в глаза.

Мать и отец были дома. Сначала их шокировало и смутило появление нежданного гостя — он явился так поздно, без приглашения! Не в обычаях семьи Грей, чтобы посторонние врывались в их святая святых. Это нарушало представления об элементарном приличии. Но, увидев, в каком состоянии находится дочь, миссис Грей всполошилась, пригласила Бена пройти в комнату. Бена снова охватила застенчивость. Он потоптался в прихожей, стоял, не зная, куда девать руки, и, извинившись, покинул квартиру Греев.

III

Утром бывший джимен докладывал шефу об итогах минувшего дня. Опустив слегка припухшие веки, Доновен слушал с рассеянным видом, устремив глаза куда-то вниз, между столом и креслом, словно разглядывал свои колени. Бен подробно рассказал о встрече с Кэт Грей, о налете немецкой авиации и посещении квартиры Греев.

— До чего же вы везучий, малыш!

Доновен взял карандаш и записал для памяти: «Кэт Грей. Сержант из центра противовоздушной обороны». Потом записал ее домашний адрес в Ист-Энде. Бен посмотрел на торопливые руки шефа. Откуда такая подвижная гибкость в коротеньких толстых пальцах с обкусанными ногтями? Доновен перехватил взгляд Стивенса, нахмурился и убрал руки. Он стеснялся вида своих плебейских рук с широкими ладонями, похожими на медвежьи лапы.

— Надо же было свалиться бомбе на головы родственников вашей новой знакомой! — сказал Доновен, когда Бен закончил доклад.— Вы, кажется, зарекомендовали себя джентльменом в семье Греев? Продолжайте действовать в том же духе. Наведывайтесь почаще в Ист-Энд. Постарайтесь завоевать симпатии родителей девушки. Но не забывайте, что нам очень важно знать круг ее обязанностей в противовоздушном центре. Эта птичка поможет нам кое в чем разобраться.

Цинизм, с которым Доновен отнесся к вчерашней трагедии Кэт, передернул Бена, но он скрыл свои чувства под маской застенчивой робости. Беннет и впрямь робел в присутствии шефа.

В субботу, к вечеру, прикинув, когда Кэт вернется с дежурства, Стивенс поехал в Ист-Энд. Он прихватил с собой объемистый пакет, завернутый в плотную, как клеенка, бумагу.

Конечно, Бен допустил оплошность, что вторично явился без приглашения в квартиру Греев,— он нарушил традиционный английский этикет. Но ледок предвзятого отношения, вызванный бесцеремонным вторжением нового знакомого Кэт, быстро растаял в душе миссис Грей. Развернув на столе содержимое пакета, Беннет

нашел верный путь к ее сердцу. Он принес дневной рацион американского солдата — три кирпичеобразные картонные коробки с надписями: «Динер», «Ленч», «Брекфест». На каждой хотя и в скобках, но достаточно броско было написано: «Произведено в Соединенных Штатах».

Миссис Грей не терпелось взглянуть, что скрыто в картонках. С тех пор как началась война и в Англии ввели карточки на продукты, не так-то легко стало жить. Каждую унцию продовольствия приходилось держать на учете. Вооружившись складным ножом, Беннет ловко вскрыл одну за другой принесенные коробки и принялся выкладывать на стол содержимое. Перед миссис Грей появлялись то кусочки аппетитного поджаренного хлеба в блестящем целлофане, то зеленая жестяная баночка яичного порошка с маслом. Достаточно подогреть на огне — и готова яичница. Были там и маленькие плиточки шоколада, консервированная колбаса, малиновый джем и три сигаретки, тоже обернутые в прозрачный целлофан. Миссис Грей с умилением разглядывала содержимое коробок. Ее внимание привлекли листочки бумаги травянистого цвета. Бен замялся, но все же объяснил:

— Это туалетная бумага, миссис Грей! Она находится только в коробке «Динер».

— Смотрите, как все предусмотрено! Все, до мелочей... Ах, если бы американские солдаты помогли нам воевать с бошами! Скажите, почему вы не помогаете нам? Если так пойдет дальше, немцы уничтожат весь Лондон.

Увлеченная осмотром солдатского рациона, миссис Грей забыла о закипевшей воде, которую грела на плите для посуды.

Беннет не смог ответить хозяйке, почему американцы не спасают Лондон от германских налетов, но по поводу защитного цвета туалетной бумаги сказал:

— Это для маскировки, миссис Грей. У нас полотенца такого же цвета, чтобы не было видно с воздуха. Все сделано под цвет хаки, как униформа.— Бен оттянул рукав блузы, подтверждая собеседнице свои слова.

Бутылка виски с этикеткой, изображавшей статую Свободы, окончательно пленила миссис Грей, укрепила ее расположение к молодому застенчивому американцу. Они продолжали непринужденно разговаривать в кухне. Бен вызвался помочь миссис Грей и принялся вытирать тарелки, как делал когда-то дома.

Мистер Грей еще не вернулся со службы из Сити. Жена поджидала его с минуты на минуту. Что касается Кэт, то она обычно возвращается несколько позже. Но ее стоит подождать. Кэт будет рада повидать мистера Стивенса. Жена банковского служащего еще раз поблагодарила за любезность по отношению к Кэт. Бедняжка была так расстроена несчастьем у Крошоу. Если бы не мистер Стивенс, она не представляет, как девочка добралась бы одна в таком состоянии.

Раздался звонок. Вернулся муж. Миссис Грей пошепталась с ним в передней, и банковский служащий в белом стоячем воротнич-

ке, войдя в кухню, радушно поздоровался с Беном. Он между прочим сказал, что Кэт звонила ему на службу и предупредила — сегодня ночью она задержится на работе, изменились часы дежурства.

Миссис Грей приготовила мужу ужин, пригласила Бена к столу, но он отказался. Только выпил пару рюмок виски, поговорил с банковским служащим о битве за Лондон, выслушал рассказ мистера Грея о том, что тот двадцать пять лет работает на одном месте — у Шредера, просил передать привет дочери и, очаровав своей скромностью супругов, попросил разрешения покинуть их общество. С этого вечера бывший джимен завоевал прочные позиции в семье старшего клерка из банка Шредера. В лице супругов Грей он обрел надежных союзников.

IV

К мистеру Доновену неожиданно приехал гость из Вашингтона. Об этом ему позвонил секретарь посольства. Секретарь предупредил — подполковник Макговен хотел бы срочно встретиться для беседы. Фамилия гостя ничего не говорила Доновену. Тем не менее он не стал задавать вопросов по телефону, ограничился обычным «райт!» и добавил, что ждет к себе господина подполковника.

Все прояснилось, когда через полчаса в кабинет вошел высокий светлоглазый блондин в форме пехотного офицера американской армии. Это был Роберт Мерфи.

— Так это вы подполковник Макговен?! — приветствовал Доновен своего давнего знакомого.— Признаться, я долго ломал голову: кто бы это мог быть? И в таком виде! Пожалуй, сутана католического священника вам больше к лицу, чем военная форма. Меняете специальность?

Мерфи не ответил на шутку. Он сказал озабоченно:

— Специальность у меня одна. В Лондоне я только проездом. Всего на сутки. Для всех, кроме вас и Кеннеди, я здесь подполковник Макговен. Извините, но мне хотелось бы сразу приступить к делу. Есть кое-какие новости, старина. Вам не надоел еще Лондон?

— Не так Лондон, как военная непогода. Немцы бомбят каждый день. В один прекрасный день мы можем взлететь на воздух вместе с этим бунгало,— Доновен кивнул на стены особняка, в котором он поселился по приезде в Англию.

С Робертом Мерфи Доновен находился, что называется, на короткой ноге, знал его по Бюро стратегической информации. Много лет назад Мерфи закончил школу иезуитов и в разведке слыл специалистом по Ватикану. Позже он перешел в госдепартамент на дипломатическую работу, но с разведкой не порывал старых связей.

Годы, проведенные в школе иезуитов, будто наложили свой отпечаток на внешность Мерфи. Человек выше среднего роста, с тонкими бледными губами и елейным выражением святости на лице,

которое он умел напускать, он и в самом деле походил больше на католического священника, нежели на военного.

В кабинете горел камин, и хозяин предложил Мерфи сесть ближе к огню. Осеннюю слякоть рано сменили суровые морозы. Считали, что в Европе лет сто не было таких холодов.

— В этих старинных особняках здесь единственно теплое место. Я просто замерзаю! — Доновен зябко потер руки, протянув их к огню.— Так зачем вам понадобилась эта форма? Надеюсь, вы направляетесь в Ватикан, поближе к святому престолу?

— Нет, наоборот, ближе к магометанам. Нас интересует Северная Африка. Особенно после этой попытки де Голля высадить десант в Дакаре.

Доновен отметил про себя — Мерфи сказал: «Нас интересует». Кого «нас»? Госдепартамент? Значит, полез в гору...

— Черчилль упорно хочет закрепить свое влияние в Марокко и Алжире,— продолжал Мерфи.— Удивительное дело — сам тонет и все же упорно цепляется за французские колонии. Для нас ясно, что именно он толкает своего протеже де Голля на подобные операции. Надо помешать этому. У нас есть свои виды. Нас больше устраивает адмирал Дарлан.

— Но высадка в Дакаре не удалась,— возразил Доновен,— Дарлан опередил де Голля и приплыл к Зеленому мысу на сутки раньше. Судьба помогла ему.

— Не скромничайте! Я читал ваши донесения. Вы сумели вовремя предупредить Виши о планах де Голля. Братья Даллесы просили поблагодарить вас от госдепартамента и разведки. Президент тоже доволен. Это имеет большое значение для будущего. Дакар может стать отличной американской базой в Западной Африке.

— Благодарю вас! — Доновен наклонил голову и в знак признательности приложил руку к сердцу.— Вообще-то эти лавры следует адресовать вице-адмиралу Мизелье — он командует у де Голля морскими силами «Свободной Франции».— Доновен добродушно рассмеялся,— Мизелье и не подозревает о своем предательстве. Ведь вся информация шла от имени вице-адмирала. Ему еще придется расхлебывать эту кашу. Черчилль вряд ли простит ему.

— Отлично! Узнаю ваш почерк! Но теперь нам следует быть вдвойне осторожными.

— Что ж вы хотите предпринять? Я так и не догадываюсь, зачем вы приехали в Европу.

— С вашей помощью буду продавать арабам погребальные саваны. Я же говорил вам, что меня сейчас больше интересует пророк Магомет, чем папский престол в Ватикане.

— Не понимаю...

Доновен был старым разведчиком, но он в самом деле не мог взять в толк, какое отношение имеют саваны к северо-африканским проблемам. Тонкие губы Мерфи скривились в усмешке.

— Видите ли, в обществе Иисуса, к которому я принадлежу, Восток интересовал меня до сих пор лишь своей древностью, связанной с библейской историей: Иерусалим, гроб господень, кресто-

вые походы и прочее. Но времена меняются. Я охотно поверю в легенду, что кровь Христа, пролитая там девятнадцать веков назад, теперь превратилась в нефть. К этой крови господней тянется весь христианский мир, как к причастию. Муссолини воюет в Ливии, Гитлер ждет удобного случая прихватить кое-что на Востоке. Я уже не говорю об англичанах. А французы, потерпев поражение, не в силах удержать свои африканские колонии. Кому достанется их наследство? Разве мы не имеем на него права?

— Да, но при чем же тут саваны?

— А вот послушайте. Саван из простой хлопчатки стоит гроши, но без него ни один правоверный магометанин, каким бы праведником он ни был при жизни, не попадет в рай. Сейчас идет война, и никто не торгует чаем и саванами. Арабы оказались в безвыходном положении — не могут напиться чаю при жизни и попасть в рай после смерти. Мы им поможем, а саваны помогут нашим людям проникнуть в Алжир и Марокко. Теперь вы поняли меня? Я уже не говорю о продовольствии, которое пойдет туда через Красный Крест. Мы поставим только одно условие — за распределением продуктов должны наблюдать американские чиновники. Для этого мы нарядим офицеров в штатские костюмы. Представляете, какие возможности открываются для нас с вами! Вот зачем я приехал в Европу. Сегодня я выезжаю в Лиссабон, а оттуда в Виши. Что же касается вас,— закончил Мерфи,— то, закончив дела в Лондоне, вы также отправитесь в Южную Францию. Саванами придется нам торговать вместе.

— Да, этого мне еще не приходилось делать,— протянул Доновен. Он сразу оценил, какие возможности представляются для разведки с помощью Красного Креста, чая и саванов. Хитрая бестия этот Мерфи, недаром кончал школу иезуитов.— Надеюсь,— спросил он,— мой перевод согласован с мистером Алленом Даллесом?

— Конечно! Не только с ним. В Штатах придают большое значение нашему проникновению в Северную Африку. План, о котором я рассказывал, одобрен госдепартаментом. Во Францию едет сотрудник штаба Уильям Леги. Он не дипломат, но назначен американским послом во Франции. Адвокат Кесседи будет военно-морским атташе. Правда, Кесседи не имеет никакого отношения к флоту, он вряд ли отличит нос корабля от кормы, но это не имеет значения. Кесседи толковый разведчик...

Мерфи откинулся в кресле. В комнате сгустился сумрак. Догорающие в камине угли бросали тусклые блики на холодно-благочестивое лицо гостя. Донoвен поднялся, закрыл шторы и включил свет.

— Может быть, вы хотите что-нибудь выпить?

— Не откажусь.

— Виски?

— Лучше джин энд джюсс. Если имеется — джин с апельсиновым соком.

Донoвен позвонил в колокольчик. В дверях появился Бен Стивенс.

— Дорогой мой, угости-ка нас джин энд джюссом.

Когда Бен вышел, Доновен сказал Мерфи:

— Здесь я предпочитаю не держать английской прислуги, обхожусь услугами своих парней.

— Более надежных возьмите с собой.

«Маленький Бен» снова вошел с напитком, разлитым в стаканы. Осторожно поставил стаканы на стол, с таким видом, будто опасался, что невзначай раздавит их своими ручищами. Кроме стаканов Бен принес графин джина и стеклянный кувшин с апельсиновым соком. Он остановился, ожидая дальнейших распоряжений.

— Спасибо, Бен, можешь идти. Теперь мы распорядимся сами. Последи, чтобы нам не мешали. Только подбрось угля в камин.

Вскоре приехал посол Кеннеди. Он был не в духе. Произошла неприятная беседа с Черчиллем. Британский премьер выразил недовольство качеством эсминцев, предоставленных Англии в обмен на базы. Он жаловался, что ему всучили эсминцы, построенные еще в первую мировую войну. Из пятидесяти кораблей большинство пришлось поставить в ремонт сразу, как только они пришли в Англию.

— Вы меня ставите в глупое положение! — возмущался Кеннеди.— Мы получили восемь первоклассных баз вдоль всего Атлантического побережья и посылаем металлолом взамен кораблей. Что думают в Вашингтоне? Нельзя же, в самом деле, проявлять такую скупость!

— Кто это «вы»? При чем здесь я? — возразил Мерфи.— Эсминцы отправлял Нокс, морской министр, госдепартамент только вел предварительные переговоры. Вы возражаете против сделки?

— Ни капли! Но не забывайте, что в истории Англии британцы впервые уступают свою территорию. Можно же было им дать что-нибудь поприличнее...

— Не знаю, что им остается делать. Насколько мне известно, англичане уже израсходовали весь свой золотой запас,— Мерфи заглянул в записную книжку.— Вступая в войну, они располагали немногим больше четырех миллиардов фунтов. До сих пор Черчилль расплачивался с нами наличными деньгами, теперь он платит натурой. Только и всего... Могу сообщить: английские заводы, построенные в Штатах, тоже перешли в собственность нашего правительства. Мы перепродали их через биржу и получили в казну минимум двести процентов прибыли. Как видите, неплохой бизнес. Но все это мелочи по сравнению с тем, что мы получаем и еще будем получать от своего британского партнера. Мы заставили англичан раскошелиться. В компенсацию за нашу помощь они передают нам секреты своих последних изобретений — бомбовой прицел Нордена, новый авиационный мотор «1820», а главное — предварительные расчеты по изготовлению атомной бомбы. Мы заставили английских физиков приехать в Штаты и выложить свои атомные секреты. После этого стоит ли вам огорчаться, дорогой посол, что кто-то всучил англичанам старые миноносцы! Пусть уж огорчается Черчилль.

В словах Мерфи звучала железная логика бизнесмена. Кеннеди не возражал. Что правда, то правда. Неприятное чувство, вызванное беседой с Черчиллем, постепенно рассеялось.

— Конечно, вы правы,— сказал Кеннеди.— Я уже говорил Черчиллю: за нашу помощь англичане должны платить раболепием и послушанием... Впрочем, не будем больше говорить об этом. Я заехал предупредить о другом,— вам, дорогой Макговен, надо знать это перед поездкой во Францию,— Черчилль только что обратился к нам с новой просьбой.

— Снова просит что-нибудь в долг?

— Нет, на этот раз другое. Британский кабинет просит нас посредничать в его переговорах с Петеном.

— В чем?

— Черчилль просит передать предложение: если Виши согласится переехать в Северную Африку и возобновит там военные действия против Германии, то англичане согласны прийти на помощь французам. Черчилль готов направить туда экспедиционный корпус в составе шести дивизий. Это на первое время. Англо-французские войска смогут оборонять Марокко, Тунис и Алжир.

— Что же сказал американский посол? — Мерфи задал вопрос в третьем лице.

Кеннеди ответил в тон Мерфи:

— Посол заявил, что немедленно сообщит об этом своему правительству. Он заявил, что Соединенные Штаты безусловно поддержат такое предложение. Надо же как-то смягчить недоразумение с миноносцами!

— Ну, а что подумал в это время посол Кеннеди?

— Подумал, что следует немедленно предупредить подполковника Макговена,— Кеннеди впервые улыбнулся.— Полагаю, что не в наших обычаях пускать в свой огород чужого козла. Черчилль не теряет надежды проникнуть и закрепиться в Северной Африке.

— Откуда он может взять шесть дивизий?

— Из метрополии. Черчилль уверен, германское вторжение не состоится. Намекает, что ему удастся повернуть Гитлера на восток. Возможно, и так...

Кеннеди не договорил. Госдепартамент располагал последней информацией, полученной из Берлина: Гитлер ведет усиленную подготовку к нападению на Россию. Лучше, если об этом будет знать только самый ограниченный круг людей.

Угли в камине разгорелись и отсвечивали лиловым пламенем. Стало жарко. Собеседники отодвинулись от огня. Кеннеди вытянул ноги, наслаждаясь теплом. Сказано было все, что требовалось сказать. Три джентльмена заговорили о посторонних делах. Только в конце Мерфи спросил Доновена:

— Скажите, вам удалось что-нибудь узнать об английских радарах? Имейте в виду, этот секрет мы тоже сможем положить себе в карман. Нужно только знать — что это такое.

Доновен посмотрел на гостя безмятежно голубыми глазами и равнодушно ответил:

— Пока не так много, но кое-что есть. Кажется, англичане опередили нас со своим изобретением. Мы даже знаем, кто автор,— профессор Уотсон. Надеюсь в ближайшее время получить подробную информацию. Возможно, и чертежи секретной аппаратуры.

Доновен говорил с таким видом, будто секретное изобретение для него не составляет тайны. Даже назвал имя физика — Уотсон-Уатт. Хорошо, что Мерфи несведущ в науке. О работах профессора можно прочитать в любом научном журнале. Доновен опасался, как бы Мерфи не стал расспрашивать о деталях. Зачем признаться в собственном бессилии! Неожиданно посол Кеннеди вывел его из затруднительного положения.

— Однако вам пора ехать,— обратился он к Мерфи,— позже могут задержать авиационные налеты. Сейчас самое удобное время выбраться из города. Машина в вашем распоряжении, подполковник Макговен.

Проводив гостей, Доновен вызвал Стивенса.

— Скажи, милый, как у тебя дела с твоей крошкой? Ты уж забрался к ней под одеяло?

Доновен говорил стариковски шутливым тоном, с мягким ирландским акцентом. Бен вспыхнул. У него даже покраснела шея и от смущения загорелись уши.

— Что вы, шеф... Она очень порядочная девушка... Уверяю вас, я не позволю себе этого... Мисс Кэт Грей...

— Да-а-а...— протянул Доновен. «Парень-то, кажется, влюбился,— подумал он.— Этого еще не хватало! Для разведчика опаснее всего влюбиться. Надо убирать его...» Доновен продолжал глядеть на подчиненного отечески добрыми глазами и улыбался.

— Ты не понял меня. Наоборот, я хотел, чтобы это быстрее случилось. Но, видно, герой-любовник из тебя не выйдет. Передадим твою красотку другому. Позови-ка сюда Испанца.

Фостер Альварес, американец испанского происхождения, из южных штатов, работал с Беном. Его специальностью было ходить по злачным местам, заводить знакомства с женщинами легкого поведения, с завсегдатаями кабачков и подгулявшими солдатами. Среди них всегда можно почерпнуть что-то полезное. Бен не любил этого развязного, франтоватого парня с черными стрелками усиков и постоянно несвежим бельем. Фостер заботился только о своем внешнем виде. Слова Доновена прямо-таки оглушили «маленького Бена».

— Но, шеф, я не хочу знакомить Фостера с мисс Грей... Она... он... Я прошу вас... Это грязный субъект...

— Бен Стивенс! — Доновен повысил голос.— Не забывайте, что вы работаете в Бюро стратегической информации Соединенных Штатов. Личные симпатии и прочее оставьте при себе.— Даже робкое возражение подчиненного вывело из себя шефа разведки.— Я не повторяю своих распоряжений дважды. Пригласите ко мне Фостера и завтра же отправитесь с ним в Ист-Энд к своей пассии. Там больше вам нечего делать. Получите другое задание. Вы свободны, Бен Стивенс, идите!

Быть может, впервые в жизни «маленький Бен» попытался робко возразить начальству. Но из этого ничего не получилось. Чувство протеста мгновенно погасло, как только Доновен повысил голос и метнул на него потяжелевший взгляд. Бывший джимен понуро вышел из кабинета.

Через четверть часа к «маленькому Бену» зашел Альварес. Бен лежал на койке, уткнувшись в подушку.

— Хелло, Бен! Говорят, ты потерпел фиаско, не справился. Шеф сказал, нужна моя помощь. Клянусь, твоя недотрога через три дня сама будет расстегивать здесь лифчик! — Фостер захохотал.— Скажи только, она не очень противна?

Стивенс поднялся с кровати, лицо его пылало, на скулах ходили упругие желваки. Он впился рукой в спинку стула.

— Убирайся отсюда, Фостер! Или... или я размозжу тебе голову! — Бен угрожающе ухватил тяжелый стул.

— Ну, ну, без шума, детка! — Фостер вызывающе поднял голову, но все же отступил к двери.— Я не виноват, что у тебя не получается... Значит, завтра поедем.

— Убирайся прочь! Никуда я не поеду! Слышишь, уйди! — Стивенс был страшен в своем гневе.

Фостер поторопился исчезнуть за дверью.

— Вот бешеный! — пробормотал он и, насвистывая, пошел к себе.

На другой день бывший джимен все же поехал с Испанцем в Ист-Энд. Была суббота. Бен еще раньше условился с Кэт Грей вместе провести уик-энд.

ГЛАВА ПЯТАЯ

I

В начале сентября генерал-лейтенант фон Паулюс получил новое назначение — занял пост обер-квартирмейстера в штабе сухопутных вооруженных сил. Практически это означало, что он становился первым заместителем начальника генерального штаба и вступал в избранный и ограниченный круг руководящих деятелей германского вермахта.

О предстоящем назначении генерал узнал несколько дней назад. С ним предварительно говорили и Кейтель и Гальдер. Паулюс дал согласие. Предложение льстило самолюбию, но что значат предварительные переговоры! Все может измениться. Последние дни фон Паулюс пребывал в ожидании и тайных сомнениях. Что, если Гитлер отклонит его кандидатуру?

Разговор с Кейтелем происходил в среду на прошлой неделе, сегодня уже вторник. Только сегодня закончились треволнения. Рано утром офицер связи доставил приказ и предписание: с получением сего генерал-лейтенанту Фридриху фон Паулюсу явиться в ставку, к начальнику штаба Гальдеру.

Приказ подписал Кейтель и завизировал советник Гитлера Иодль. Синий карандаш — Кейтеля, зеленый — Иодля, Паулюс, как и любой работник генштаба, мог безошибочно, не разбирая подписи, только по цвету карандаша знать, кем подписан приказ. Не было случая, чтобы Иодль или Кейтель подписали какую-либо бумагу карандашом другого цвета. Это деталь незыблемого порядка «орднунга», который пронизывал громоздкую, сложную военную машину Германской империи. Вскрыв запечатанный и прошитый конверт, Паулюс увидел сразу два цвета — зеленый и синий. А предписание подписал Гальдер — коричневый карандаш. Три цвета — три начальника. Но главное все же не в подписях руководителей вермахта. Приказ — фон Паулюс отлично знал это — исходил из имперской канцелярии, от самого Гитлера. К чему скрывать — это вызывало чувство удовлетворенного честолюбия. Значит, Адольф Гитлер оценил, выделил его среди других генералов.

Несколько омрачил настроение сухой и подчеркнуто официальный тон предписания. Возможно, это тоже часть орднунга, но мог бы Гальдер просто позвонить по телефону, пригласить его к себе, не подчеркивая своего превосходства. Наконец, хотя бы поздравить. Давно ли Гальдер был генерал-лейтенантом и они стояли на равной ноге... Впрочем, надо же знать Гальдера. Педантизм и пристрастие к ненужным формальностям — его вторая натура. Таким он был еще на Доротеенштрассе, в академии генерального штаба. Формализм присущ ему. Посмотреть только на всю его внешность, на подстриженные спереди волосы, торчащие словно щетина платяной щетки, и губы, постоянно сжатые в тонкой улыбочке.

Новый генерал-квартирмейстер попытался отбросить омрачавшие его мысли. Плевать на всякие мелочи! Напряжением воли фон Паулюс заставил себя думать о другом, более важном. И все же мысль о Гальдере возвращалась. К будущему шефу Паулюс питал скрытую неприязнь, о которой едва ли кто мог догадаться, тем более сам начальник генерального штаба. Внешне у Паулюса с Гальдером были самые наилучшие отношения. С новым назначением их придется укреплять и поддерживать, иначе вряд ли удастся долго продержаться на высоком посту.

Ставка сухопутных сил располагалась в Цоссене, под Берлином. Фон Паулюс отправился туда немедленно, как только офицер связи покинул его квартиру. Сначала он хотел приехать к Гальдеру с некоторым опозданием: пусть не думает, что генерал-лейтенанта можно вызвать, как капрала. Но, поразмыслив, Паулюс отказался от этого решения. Зачем с самого начала дразнить гусей? Наоборот! Именно ради того, чтобы прибыть в ставку пораньше, генерал приказал водителю ехать кратчайшим путем. Не через Темпельгоф, мимо аэродрома, как он всегда ездил, а Берлинеррингом — кольцевой автострадой, опоясывающей город. Это сократит время — в городе приходится стоять у светофоров на каждом перекрестке.

Генерал редко бывал в этой части Берлина, но малознакомые

места не отвлекали его от мыслей о предстоящей встрече с Гальдером. Представитель замкнутой касты немецкой военной аристократии, Фридрих фон Паулюс придавал существенное, если не первостепенное, значение продвижению по службе. Свою жизнь он посвятил военной карьере. Не напрасно же Паулюс тратил годы в Лихтерфельде, в кадетском училище, натирал там грубым суконным воротником мундирчика тогда еще нежную, детскую шею. В Лихтерфельде было много таких, как он, воспитанников из Ост-Эльбии. Ост-Эльбия — это скорее социальное, нежели географическое понятие, которым обозначают германские земли к востоку от Эльбы. Сюда включают и Пруссию. Это традиционная родина немецких генералов — современных, бывших и будущих. Не случайно говорят, что единственная промышленность Пруссии — ее армия. Ост-Эльбия веками поставляет генералов и высших офицеров. Там генералов воспитывают с детства. И получается толк...

Фон Паулюс улыбнулся охватившим его воспоминаниям. Воспоминания всегда вызывают прилив теплых чувств. Как давно это было, когда мальчуганом он положил вату под воротник! Сукно нестерпимо терло шею. Воспитатель обнаружил предательские белые волоски. Маленькому кадету крепко досталось. Что ж, воспитатель хотел добра, он воспитывал настоящего генерала. Сейчас Паулюс на него не в обиде.

Военная карьера... А разве мало времени ушло на военную академию в мрачном и строгом кирпичном здании на Доротеенштрассе? Там он и познакомился с Гальдером... Снова Гальдер! Почему обязательно лезет в голову то, от чего хочешь избавиться?.. В академию ежегодно принимали четыреста молодых офицеров. Их называли «сырьем для генерального штаба». Уже на памяти генерала из Доротеенштрассе вышли тысячи штабных офицеров. Тысячи. И тем не менее на должность обер-квартирмейстера назначили его, Паулюса. Этим нельзя не гордиться...

Генеральский «хорьх» приближался к Берлинеррингу. Справа лепились последние домики, слева раскрылась пустошь, поросшая кустарником и молодыми деревцами. Листья на них кое-где начинали желтеть. Внезапно водитель замедлил ход. Паулюс посмотрел вперед — несколько легковых машин, загораживая дорогу, шли в том же направлении, но медленно. Передняя сворачивала с шоссе в сторону пустоши.

— Что это там?

— Хоронят породистую собаку, господин генерал-лейтенант.

Паулюсу показалось, что в словах шофера звучат иронические нотки.

— Я спрашиваю серьезно, Ридел, не говорите глупости!

— Никак нет, господин генерал. Здесь кладбище для чистокровок. Хоронят доберманов, овчарок, бульдогов, японских болонок — собак с паспортами и родословными.

— Не хватало еще участвовать в такой похоронной процессии! — недовольно пробормотал генерал, разглядывая надгробья и

могилы, вытянувшиеся рядами за изгородью вдоль дороги. Он так и не понял, серьезно ли говорил водитель.

Передние машины продолжали тянуться медленно, как полагается на похоронах. Волей-неволей «хорьх» Паулюса замыкал траурный кортеж. Генерал успел прочитать ближайшую к дороге надпись на мраморе: «Кто хочет быть верен без раздумий, границ и сомнений, приди сюда и поклонись».

«Нас тоже призывают к собачьей верности...» Паулюс вздрогнул, испугавшись собственной мысли. Украдкой взглянул на шофера, словно тот мог услыхать его мысли.

На соседней могиле на постаменте сидел каменный бульдог с толстыми лапами и короткой свирепой мордой. «Водитель вправе иронизировать,— подумал Паулюс.— Вот она, расовая теория, доведенная до абсурда. Теперь все это в моде».

Фридрих фон Паулюс многое принимал в нацизме. Он считал, что государством должен руководить человек с твердой рукой и железной волей. Одобрял неистовую гонку вооружений, которую осуществлял Гитлер. Девяносто миллиардов марок, затраченных на боевую мощь армии, считал патриотическим делом. Но вот выдумки Розенберга по поводу чистоты арийской расы, все эти аненпассы, проверки родословных чуть ли не до седьмого колена считал абсурдом. Что-то здесь действительно напоминает паспорта чистокровных борзых.

Он допускал, что, возможно, не понимает философской глубины рассуждений об арийском и неарийском происхождении. Чтобы разобраться, попробовал читать розенберговский «Миф XX века», но бросил на десятой странице — стало томительно скучно. Для себя еще раз сделал вывод: такая философия не для людей, посвятивших себя военному искусству. Лучше читать уставы и сочинения военных авторитетов. Лучше верность без границ и сомнений. Собачья верность...

Передняя машина, свернув на кладбище, остановилась. Из нее вынесли цинковый ящик, увитый лентами. Размером он был, может быть, чуть побольше сигарного ящика. «И в самом деле хоронят карманную болонку»,— подумал обер-квартирмейстер, наблюдая трагикомическую сцену.

Из той же машины вышла пожилая дама с заплаканным лицом. Она опиралась на руку сопровождавшего ее мужчины в высоком котелке, с черной нарукавной повязкой. Дама непрестанно прикладывала к глазам платок и, видимо, искренне переживала свалившееся на нее горе.

«Какой абсурд, какой поразительный фарс!»

Сцена у кладбищенских ворот вызвала глухое раздражение.

Машины наконец очистили узкое шоссе, и шофер переключил скорость.

— У каждого свое горе,— сказал Ридел.

Генерал не ответил.

«Хорьх» вырвался на автостраду и помчался по бетонной глади к Цоссену.

II

Через полчаса Паулюс был на месте. Оберштурмфюрер проверил пропуск, козырнул и приказал открыть ворота.

Внешне ставка в Цоссене представляла собой деревенский поселок с широкими улицами, с просторными, баварского типа домами. Но, в отличие от крестьянских строений, крыши были сделаны из железобетона. Идиллическая картина баварского селения нарушалась еще и минаретообразными, тоже бетонными, островерхими башнями — бомбоубежищами, разбросанными по всему поселку. Это была новинка фортификационной техники, введенная всего год или два назад. Внутри каждой бетонной сигары спиралью до самого верха поднимался узкий коридор, который должен был служить убежищем для штабных офицеров, застигнутых на поверхности воздушным налетом. Правда, рейхсмаршал Геринг многократно, с оттенком присущего ему хвастовства, утверждал громогласно, что ни одна бомба противника не упадет на Германию.

Опытный военный специалист, фон Паулюс отлично понимал, что рекламное хвастовство министра имперской авиации предназначалось только для умов обывателей, чтобы поднять дух, уверенность в непроницаемой воздушной обороне Германии. Но надо смотреть трезво на вещи.

Война с Англией, если она продлится, может сулить всякие неожиданности. Кто гарантирует, что самолеты не прорвутся в германское небо? Тем более что Геринг всячески усиливает бомбардировочную авиацию в ущерб истребительной. В этом заключалась стратегия немецкого воздушного флота. Паулюс не разделял излишней самоуверенности рейхсмаршала. Пусть уж Геринг сам отвечает за свои слова. Что касается его, Паулюса, он одобряет идею строителей Цоссена. Под каждым зданием они соорудили многоэтажные подземные казематы, недоступные для бомб любого калибра.

Все эти мысли пронеслись в голове нового обер-квартирмейстера, когда он проходил в приемную начальника генерального штаба. После своего назначения он смотрел на все глазами хозяина. Паулюс с удовлетворением отметил, что в Цоссене он не нашел никаких изъянов, все добротно и прочно. Будь он на месте главнокомандующего сухопутными силами генерала фон Браухича, он бы сделал все точно так же.

Гальдер принял нового заместителя немедленно, как только адъютант доложил о приезде Паулюса. Он стоял над развернутой на столе картой Восточной Польши и приграничных районов Советской России.

— Поздравляю вас с новым назначением, мой дорогой генерал! — сказал Гальдер, растягивая в улыбку тонкие губы.— Ради этого я главным образом и пригласил вас в ставку. Надеюсь, первым приношу вам свои поздравления?.. Ну, а заодно воспользуемся случаем, поговорим о делах. Нам предстоит часто теперь встречаться.

Начальник штаба прошел за письменный стол, поправил суконную подкладку на сиденье кресла, разгладил ее и сел.

— Рекомендую обзавестись таким же сукном — не лоснятся брюки. Нам, штабистам, приходится проводить бо́льшую часть времени в кресле... Садитесь!

Паулюс вежливо и сдержанно поблагодарил Гальдера, но подумал: «Чтобы поздравить, не вызывают к себе в кабинет, а приезжают сами».

Разговор шел о круге обязанностей обер-квартирмейстера, о первоочередных и неотложных задачах. Паулюс слушал и делал пометки в блокноте. В конце беседы Гальдер сказал:

— Теперь о самом главном и конфиденциальном. Вы как мой заместитель должны быть посвящены во все тайны. Пройдемте к карте. Это, как вы видите, пограничные районы Советской России. В недалеком будущем они станут театром военных действий. Мы готовимся к войне с Россией. Фюрер уже принял решение.

— С Россией? — вырвалось у генерал-квартирмейстера.

— Да, с большевистской Россией. Вас удивляет?

Гальдер взглянул на Паулюса, но генерал-лейтенант уже справился со своим изумлением, и его худощавое, тонкое лицо стало вновь непроницаемым.

— Фюрер дал задание,— продолжал Гальдер,— разработать план предстоящей кампании: стратегическое развертывание сил, направление главных ударов и прочее. Вы слышали что-нибудь о «плане Барбаросса»? Нет?.. Это естественно. Пока о «Барбароссе» — войне с Россией — знает только узкий круг людей. Может быть, человек десять. Теперь вы среди них. Нам предстоит колоссальная работа. Пока есть только наметки плана, данные фюрером. Вот, смотрите.

Гальдер взял из открытого сейфа папку с надписью: «Вариант «Барбаросса». Совершенно секретно».

— Могу предварительно сообщить одну подробность: план войны с Россией первоначально назывался «Фриц». Недавно я предложил фюреру назвать его иначе — именем Фридриха Барбароссы. Не правда ли, это лучше? Барбаросса символизирует вековые устремления Германии на восток. Мы пойдем по пути великого завоевателя... Фюрер в восторге от предложения.

— Простите,— спросил Паулюс,— но война с Англией продолжается. Значит, война на два фронта? Против этого предостерегают нас все немецкие военные авторитеты, в том числе Фридрих Великий, не говоря уж о Мольтке, наконец...

— О нет,— прервал Гальдер,— войны на два фронта не будет! Англичане сидят на своем острове, как на корабле, поставленном на прикол.

— А вторжение в Англию?

— Вы говорите о подготовке к операции «Морской лев»? Это стратегическая ловушка, гениально задуманный план ввести в заблуждение русских. С Англией мы воевать не станем. Для этого предпринимаются надежные меры, дипломатические и военные.

К ним мы еще вернемся. Сейчас я хочу посвятить вас в некоторые практические дела. Они касаются непосредственно штаба сухопутных сил. Пока «план Барбаросса» находится в стадии разработки, но фюрер сам сделал основные наметки. Вот его директивы.

Гальдер перелистал страницы, нашел нужное место и прочитал:

— «Немецкие вооруженные силы должны быть готовы к тому, чтобы еще до окончания войны с Англией победить путем быстротечной военной операции Советскую Россию». А вот стратегическая задача. Она поражает смелостью и размахом. Слушайте:

«Находящиеся в западной части России войсковые массы русской армии должны быть уничтожены в смелых операциях с глубоким продвижением танковых частей. Следует воспрепятствовать отступлению боеспособных частей в просторы русской территории... Затем,— читал дальше Гальдер, подняв указательный палец,— путем быстрого преследования должна быть достигнута линия, с которой русская авиация уже не будет в состоянии совершать нападения на германские области. Конечной целью,— обратите на это внимание, генерал! — конечной целью операций является задача отгородиться от азиатской России по общей линии Архангельск — Волга».

— Что вы на это скажете? — Гальдер захлопнул папку и поверх пенсне торжествующе поглядел на фон Паулюса.— Мы с вами присутствуем при зарождении гениальнейшего стратегического плана! Такого не знает история военного искусства! Уверяю, что через три недели после нашего наступления это государство, именуемое большевистской Россией, рассыплется, как карточный домик, лопнет, как мыльный пузырь. Вы не согласны со мной?

— Я должен внимательно изучить все материалы,— осторожно ответил Паулюс.— В военном деле необходим трезвый и холодный расчет. Мы не должны недооценивать сил противника. Этому учит военная история.

Паулюс сказал и пожалел: зачем затевать беспредметные споры? Гальдер, увлеченный идеей стратегического плана, живо возразил:

— Опыт военной истории пополняется непрестанно. Кампанию в России станут изучать веками как классический образец военного искусства. Мы с вами должны сохранить подробности разработки «плана Барбаросса». Будущие немецкие стратеги скажут нам за это спасибо.

Паулюс перевел разговор на деловую почву. Он спросил Гальдера:

— Какие же оборонительные меры намечаются в обеспечение плана?

— Оборона? — Гальдер рассмеялся. Вопрос показался наивным.— Никаких оборонительных мероприятий! В этом и гениальность, стратегическая новинка. Мы разгромим русские войска, окружим и уничтожим их в самом начале кампании, на самой границе. Дальше наши танковые колонны врежутся в русские просторы. Мы захватим Москву, Ленинград, займем Северный Кавказ

с его нефтяными источниками, выйдем на линию Архангельск — Астрахань. Вы правильно поставили вопрос, но «Барбаросса» не нуждается в оборонительных мероприятиях. Только наступление, только сосредоточение всех сил для удара! Блицкриг — война стремительная, как молния! Зачем отвлекать силы на оборону, если через три, от силы через шесть недель после первого выстрела на границе наши части окажутся на берегах Волги на всем ее протяжении? Для успеха нужна лишь внезапность. Побеждает тот, кто первым наносит удар. Разве не убеждает вас в этом опыт скоротечных операций в Польше, во Франции, наконец, в Чехословакии? Меня самого одолевали сомнения, но фюрер рассеял их за последние полтора года. Ситуация складывается в нашу пользу: русские успокоены договором о ненападении.

Обычно сдержанный и педантичный, каким знал его Паулюс, Гальдер был неузнаваем. Лицо его порозовело, он весь был во власти захвативших его идей. По мере того как начальник штаба излагал «план Барбаросса», Паулюс невольно заражался его настроением. Кого из профессионалов военных не захватил бы грандиозный план русской кампании! Может, и в самом деле следует пересмотреть старые стратегические каноны? Польша и Франция опровергают многие представления.

— Кто же практически занимается разработкой «плана Барбаросса»? — обер-квартирмейстер хотел знать, с кем ему придется работать.

— О, это звучит очень парадоксально! Вы знаете генерал-майора Маркса, начальника штаба у фельдмаршала Кюхлера? Однофамилец Маркса, которого большевики сделали своей иконой. Наш Маркс преподнесет им другие идеи,— Гальдер рассмеялся родившемуся каламбуру.— Кроме него участвует в подготовке «Барбароссы» полковник Хойзингер из оперативного отдела. Он подает большие надежды. Затем Варлимонт и еще два-три человека. Я познакомлю вас с ними. Что касается вашей роли, то мне бы хотелось поручить вам проанализировать возможность наступательных операций из расчета, что у нас будет сто тридцать — сто сорок дивизий. Если потребуется, исходите из двухсот. Мы снимем с запада всех, до последнего солдата. Кроме того, мы можем рассчитывать на Финляндию, Румынию, Венгрию... С бароном Маннергеймом и Антонеску уже договорено. На войну с Россией мы подымем всех мужчин Европы, даже не умеющих держать оружие. Мы заставим их идти туда, куда нужно.

Беседа начальника генерального штаба с его заместителем подходила к концу. Гальдер дал обер-квартирмейстеру еще одно задание. Предстоит перебросить с запада на восток миллионы солдат, тысячи эшелонов амуниции, продовольствия, вооружения. Пусть фон Паулюс займется всем этим. Нельзя ждать, пока «план Барбаросса» утвердят окончательно.

Военная машина Германии, нацеленная было на запад, начинала медленно поворачиваться в сторону Советской России. Приказ о демобилизации полумиллиона немецких солдат из Франции был

только военной хитростью. Солдаты, разъехавшиеся по домам, через неделю снова получили призывные повестки. На восток потянулись первые эшелоны. Паулюсу предстояло взять на себя размещение складов и войск в непосредственной близости от русской границы.

— Я не хочу вмешиваться в ваши функции,— заключил Гальдер,— но учтите одно категорическое требование: склады боеприпасов и прочего выдвигайте как можно ближе к границе. Что касается дивизий и армий, держите их на расстоянии двухсот, даже трехсот километров. Чаще передислоцируйте их с места на место. Вводите в заблуждение русскую разведку. Официально мы ведем подготовку к вторжению в Англию. Операция «Морской лев» поможет нам втайне сосредоточить нужные силы на восточных границах.

Паулюс попробовал уточнить:

— Но склады, выдвинутые к границе, не окажутся ли под угрозой внезапного нападения русских? Мы можем лишиться всех материальных ресурсов.

— Нет,— Гальдер беззаботно отмахнулся рукой,— пусть это вас не тревожит. Крепс, военный атташе в Москве, сообщает, что русские и не помышляют о военном столкновении. В вашем распоряжении месяцев семь-восемь. Фюрер дал указание готовить кампанию к маю будущего года. Как видите, срок не так уж велик. В будущем году в это время мы с вами будем в Москве. Привлекает вас такая перспектива?

Прощаясь, Гальдер сказал:

— В этом месяце мы готовим здесь, в Цоссене, штабные учения. Присутствовать будут только командующие армиями с начальниками штабов. Я хочу разыграть русскую операцию. Фельдмаршал Браухич дал мне другое задание. Что, если бы вам возглавить учения? Вам это поможет быстрее войти в курс дела.

Все последующие недели новый обер-квартирмейстер был поглощен свалившимися на него делами. Он почти не покидал Цоссена. Работа захватила его. Правда, то впечатление, которому фон Паулюс поддался во время разговора с Гальдером, значительно ослабло. Трезвое, рассудочное отношение взяло верх. Тем не менее масштабы подготовки к русской кампании увлекли генерала. Работа обер-квартирмейстера представляла большой профессиональный интерес.

III

— Ну что? Что вы на это скажете?! — Муссолини торжествующе протянул Чиано оперативную сводку из Ливии.— Англичане стали наконец сопротивляться, но мы их бьем. Итальянские акции повышаются...

С тех пор как Муссолини принял на себя главнокомандование, он не расставался с военным мундиром. Радовался, как подросток, которому купили золоченый игрушечный кивер и шпоры. Казалось,

что он не расстается с мундиром даже ночью, в собственной спальне. Благоприятные вести из Ливии, где наконец началось итальянское наступление, взбодрили, окрылили Муссолини. Чиано застал тестя пребывающим в радостном возбуждении. Хорошее настроение отразилось и на его внешнем виде. Он посвежел, исчез серо-землистый цвет лица, исчезли боли в желудке. Даже язва перестала его беспокоить.

— Я очень рад, что у вас хорошее настроение, дуче,— учтиво сказал Чиано.— Вести в самом деле отличные.

Разговор происходил в Венецианском дворце, в рабочем кабинете Бенито Муссолини. Дуче оживленно расхаживал по комнате, останавливался перед раскрытым атласом и вновь продолжал ходить по ковру, который скрадывал его тяжелые шаги.

— У нас четырехкратное превосходство сил в Северной Африке: двести тысяч солдат против пятидесяти тысяч — все, чем располагают англичане. Можем же мы позволить себе роскошь потерять какую-то часть своих войск под Мерса-Матрух? Я не любитель легких побед. Наши потери — отличный козырь при разговоре с Гитлером за круглым столом. Он не скажет теперь, что мы не внесли своего вклада в общую победу. Так-то вот, дорогой мой Чиано!

В самом деле, наступление на Египет, которое началось в середине сентября, развивалось успешно. Муссолини начал его вопреки возражениям, даже сопротивлению некоторых генералов. Они ссылались на растянутость коммуникаций, на затруднения в снабжении. Муссолини парировал возражения маршала Грациани: «Я вам построил тысячемильную дорогу от Триполи, через Киренаику, к Египту. Используйте ее. Мне нужен Суэцкий канал, я не могу ждать.— Потом он добавил: — Моя дорога как ожерелье на груди Африки, на нем нанизаны бусы военных складов и гарнизонов. Я дарю ожерелье победе».

Последние фразы понравились Муссолини, он не раз повторял их в разговорах с Чиано и на военном совете.

Вопреки мнению советников, Муссолини приказал начать наступление немедленно. Маршала Грациани предупредил: если он не начнет военных действий в Египте, будет смещен. С военными тоже надо быть жестче, они страдают той же болезнью, что и все итальянцы,— их гложут неуверенность и сомнения.

Муссолини оказался прав, за короткий срок итальянские войска прошли половину пути до Каира. Отдельные неудачи не в счет. Даже гибели Бальбо, командующего войсками в Ливии, Муссолини не придал большого значения. Маршала обстреляли собственные батареи под Тобруком. При случае он скажет Гитлеру: «Бальбо доблестно погиб во имя победы». Способнейший генерал! Отныне «Стальной пакт» скреплен кровью.

Муссолини заговорил об отношениях с Гитлером. Собственно, ради этого он и пригласил зятя.

— Наши успехи поставили Гитлера на место. Я заставил его отказаться от пренебрежительной манеры разговаривать со мной,

как с младшим партнером. Он сам просит, чтобы мы приняли участие в бомбардировках Англии. Роли меняются, теперь и Гитлер нуждается в нашей помощи.

— Простите, дуче, я несколько сомневаюсь в искренности немцев,— осторожно возразил Чиано. Он не хотел противоречить тестю, но считал необходимым внести ясность.— Два месяца назад,— продолжал он,— Гитлер отказал нам в совместных налетах на Лондон, а теперь просит итальянские самолеты. Не кажется ли вам, дуче, что немцы рассчитывают за наш счет сократить собственные потери? Гитлер намерен освободиться на западе, чтобы заняться Россией. Он бережет силы и с нашей помощью хочет создать видимость серьезной борьбы с Британией.

— А я в этом совершенно уверен! — живо ответил Муссолини.— Но это не имеет значения. Меня он не проведет. С Гитлером я расплачусь той же монетой. Сейчас самое удобное время покончить с Грецией. О наступлении немцы узнают из газет, так же, как мы узнали об оккупации Румынии германскими войсками. Я поставлю его перед фактом. Главное, чтобы немцы не пронюхали раньше времени о наших планах. Иначе снова начнет уговаривать, чтобы мы не портили ему игру...

Чиано согласен, но его смущало одно обстоятельство. Он сказал:

— Все это верно, но, к сожалению, немцам уже известно многое. Риббентроп пробовал убеждать меня, что наша акция на Балканах несвоевременна.

— В таком случае мы опередим их. Лишь бы Гитлер не стал меня уговаривать! Воспользуемся его отсутствием. Он долго пробудет во Франции?

— Как сообщает Аттолико из Берлина, фюрер намерен встретиться с Франко, затем с Петеном. Это займет неделю. Он выехал позавчера. Значит, в нашем распоряжении дней пять.

— Тогда начнем немедленно. Хотя бы в четверг. Я вызвал маршала Бадольо. Он скоро приедет. Смотрите, что я ему предложил.

Муссолини остановился перед атласом, раскрытым на карте Греции. Внимание Чиано привлекла сафьяновая закладка с тисненой монограммой — его подарок ко дню рождения тестя. Скрытая наполовину в толще атласа, она отмечала какие-то другие страницы.

— Я заложил карту Египта,— сказал Муссолини, перехватив взгляд Чиано.— Кажется, мне нужен еще один атлас, чтобы одновременно держать открытыми нужные карты. Пока я с удовольствием пользуюсь вашим подарком.— Он рассмеялся собственной остроте: — Свои карты я раскрываю только здесь, в кабинете... Однако смотрите, что получается. Тосканская дивизия наносит внезапный удар сюда. В секторе Корча мы располагаем...— Муссолини принялся излагать план греческой операции.

Вскоре явился маршал Бадольо, семидесятилетний старик, сохранивший отличную военную выправку. Он был расстроен и недо-

волен. Хмуро слушал Муссолини, который с увлечением рисовал картину предстоящих военных действий.

— Таким образом,— закончил он,— не пройдет и двух недель, как мир должен будет согласиться, что Греции больше не существует. Разве вы не согласны со мной, маршал Бадольо?

— К сожалению,— начальник генерального штаба несколько помедлил, словно подбирая слова,— к сожалению, не все обстоит так, как нам хотелось бы.

— Что вы хотите сказать? — насторожился Муссолини.

— В нашем распоряжении всего пять дивизий.— Бадольо снова помедлил.— Против двадцати девяти, которыми располагают греки.

— Ну и что? Тем эффектнее будет победа. Вы забываете про внезапность.

Маршал Бадольо словно не расслышал восклицания Муссолини.

— Я пришел к вам сообщить, дуче, что мнения начальников штабов морских и воздушных сил не расходятся с моим мнением. Мы еще не готовы к военным действиям.

— Опять та же песня! — Муссолини досадливо сморщил подвижное лицо.— Я не узнаю вас, маршал Бадольо! В Эфиопии вы вели себя иначе. Вас не приходилось подталкивать. Вы не остановились перед тем, чтобы применить удушливые газы против абиссинцев. Потом вы стали вице-королем Эфиопии... Могу вам обещать этот пост в Греции.

Муссолини бил на честолюбие маршала. Ему не хотелось обострять отношения с начальником генерального штаба в канун таких серьезных событий. Бадольо продолжал возражать:

— Там было иное — наше полное превосходство. Туземцы сражались против нас с кремневыми ружьями... Может быть, следует предварительно обсудить вопрос на верховном фашистском совете? К тому же финансовое положение в стране напряженное. Где мы возьмем деньги?

Муссолини вспылил:

— Никаких советов! Я ваш верховный совет! К вашему сведению, финансы никогда не приводят к государственным потрясениям. Империи распадаются лишь вследствие военных поражений или внутренней политической неустойчивости. Нам это не угрожает... Военные действия мы начинаем в четверг. Таков мой приказ.

— Даже раньше назначенного срока?

— Да! — Муссолини резко отвернулся от собеседника.

В кабинет без стука вошла Кларетта Петаччи. Наступило молчание.

— Я не помешала вам, дуче?

— Нет, нет, нисколько! — Муссолини расплылся в улыбке.— Вы собрались на охоту?

— Да. Как я вам нравлюсь в этом костюме?

— Великолепно! Вы как Диана, синьора Петаччи! Ваше место — в ее храме в Капуе. Могу ли я быть вашим лесным царем? — Муссолини явно заискивал перед любовницей.

В охотничьей куртке, тирольской шляпе и короткой юбке, открывавшей красивые ноги, Кларетта выглядела весьма эффектно и молодо. Она кокетливо повернулась, показывая охотничий наряд.

— Дорогой маршал, вы извините, если я похищу у вас дуче? Нельзя же постоянно заниматься делами... Вы не хотите проводить меня на охоту, дуче?

— Конечно, конечно! К тому же мы уже закончили наши дела... Итак, маршал Бадольо, вы отдаете приказ. Это окончательно и бесповоротно.

К машинам спускались все вместе. Мушкетеры взяли «на караул». Впереди шли Муссолини с Кларетгой, позади маршал Бадольо и граф Чиано. Чиано смотрел на Кларетту и Муссолини. На лице мелькнула усмешка. Мелькнула и исчезла,— упаси бог, если ее заметит Бадольо! Властитель Италии шел рядом с любовницей, подлаживаясь под ее легкий шаг. Возможно, ему казалось, что рядом с ней он так же строен и молод. Но со стороны это выглядело комично.

Чиано не принимал участия в разговоре Муссолини с Бадольо. Он только подумал: «Если бы любовница дуче не вошла в кабинет, возможно, маршалу удалось бы убедить Муссолини отложить операцию». Он и сам раздумывал над исходом кампании: не слишком ли все авантюристично? Когда еще военные операции начинались при таком сопротивлении маршалов и генералов? Но теперь дело сделано.

Прощаясь с тестем, Чиано сказал:

— Вы разрешите мне, дуче, принять участие в предстоящих событиях? Я хочу доказать вам свою преданность и возглавить авиационную эскадрилью.

Слова Чиано растрогали Муссолини.

— Благодарю вас, дорогой граф! Благодарю! Я всегда знал, что вы поддержите меня в ответственную минуту...

Война была решена. Двадцать восьмого октября 1940 года итальянские войска вторглись на территорию Греции.

IV

Когда германского рейхсканцлера захватывала очередная навязчивая идея, он уединялся, замыкался в себе. Каждый раз он приходил в буйное неистовство, встречая малейшие возражения или сталкиваясь с внезапным препятствием. Пусть отдаленно, но подобное состояние напоминало бешенство животных в первой стадии заболевания. Так собака, пораженная бешенством, прячется от людей, отказывается от пищи, пока признаки раздражительного беспокойства и возбуждения не переходят в приступы необузданной ярости.

Дилетантство Гитлер возводил в принцип. Он был уверен, что только не отягощенные излишними знаниями люди могут стать творцами оригинальных идей. Гитлер и себя причислял к этой категории, высказывая изумительное пренебрежение к науке,

искусству, морали, ко всему, что, с точки зрения воинствующего обывателя, может сковать полет мысли юберменша — сверхчеловека. Среди излюбленных фраз была одна, которую Гитлер повторял особенно часто: «Когда я слышу слово «культура», мне хочется взяться за пистолет...»

Его рука слишком часто тянулась за пистолетом. Могло ли быть иначе?

Дилетантство, возведенное в принцип, Гитлер относил к несомненным качествам выдающейся человеческой личности. Только дилетанты, озаренные сверхъестественной интуицией, способны поставлять миру великие идеи. Только они могут осуществлять их решительно и упрямо... Таким Адольф Гитлер считал себя.

Рейхсканцлер радовался и торжествовал, когда в два счета набросал план захвата Гибралтара, воспользовавшись туристской картой, висевшей на стене салон-вагона.

Это произошло на пути в Андеи на франко-испанской границе. Гитлер ехал туда для встречи с испанским диктатором генералом Франко.

Военный советник Иодль и начальник штаба вермахта Кейтель вышли из салона ошеломленные. Даже их шокировало поведение Гитлера. В их глазах все еще стояла туристская карта Западной Европы, изрезанная красными волосяными линиями железных дорог, пунктирами шоссейных магистралей. Сверху и снизу на карту наползали рекламы французских вин, марсельского варьете, средиземноморского курорта с видом ядовито-лазурного побережья. Угол занимало расписание поездов и международных пароходных рейсов. Карту, предназначенную для туристов, выпустила перед войной фирма Кука. Она не имела даже отдаленного сходства с привычными крупномасштабными картами генерального штаба. Генералы растерянно смотрели на синие стрелы, возникавшие под рукой Гитлера. Бегло начертанные линии пересекали танцовщицу, застывшую в фривольной позе около гибралтарской крепости. Шокированные профанацией военного искусства, представители штаба мысленно пожимали плечами, но вслух соглашались с Гитлером и отчетливо повторяли: «Яволь!»

— Я предлагаю вам только идею,— говорил Гитлер, расхаживая с карандашом в руке по салон-вагону.— Я исхожу из того, что мне нужен Гибралтар, как его захватить — подумайте сами. Многое я рассчитал лично, вам остаются только детали. Переброска войск требует три месяца. Переход франко-испанской границы произойдет за тридцать восемь дней до нападения. Британский ключ от Средиземного моря должен лежать у меня в кармане. Конкретные сроки я назначу после встречи с Франко. Произойдет она, возможно, сегодня. Все!..

Гитлер наклонил голову, давая понять, что беседа окончена. Он проводил глазами генералов, сгрудившихся у выхода, повернулся к Гессу и рассмеялся.

— Ну как тебе нравится?! Задал я своим тугодумам работу! Они, кажется, опять обалдели от моего плана.— Гитлер сел на ку-

шетку и в радостном возбуждении шлепнул себя ладонями по коленям.

— Это гениально, мой фюрер! Как всегда, смело и неожиданно.

Гесс смотрел на Гитлера сухими, горящими глазами, запавшими в глубокие орбиты. Взгляд его скрывали дремучие, нависшие брови. Своего заместителя Гитлер считал наиболее преданным человеком. В салон-вагоне они остались вдвоем.

— Главное — предложить идею,— самодовольно повторил Гитлер.— Кто может сделать это лучше меня? Здесь хватит их надолго, всяких идей,— рейхсканцлер прикоснулся кончиками пальцев к потному лбу, прикрытому жесткой прядью волос.— Здесь главная национальная ценность Германии. Разве не так?

Подлаживаясь к хвастливо-патетическому тону Гитлера, Гесс ответил:

— Да, мой фюрер, это счастье, что вы стоите во главе Третьей империи. Большое счастье. Я помню еще ваши идеи на заре фашистского движения...

Заря нацистского движения рождалась в ландсбергской тюрьме лет семнадцать назад. Оба они попали туда вместе с другими участниками неудачного фашистского путча в Мюнхене. Гитлер и тогда любил пускать пыль в глаза, бахвалился и кичился. Его голову распирали идеи, свои и чужие, но Гитлер не всегда мог внятно их выразить. В тюрьме писали программу, писали сообща, каждый свое: Розенберг — о чистоте крови, Лей — о евреях, Гесс — специализировался в социальных вопросах. Потом авторство отдали Гитлеру. Так родилась книга «Майн кампф». Гесс вспоминал. Как-то утром они лежали на жестких нарах. Свет скупо проникал в камеру через кованую решетку тюремного окна. Зевая, Гитлер лениво сказал: «Сегодня ночью я изобрел пулемет новой конструкции, придумал сюжет пьесы и сочинил балладу в четыреста строк. Хочешь, прочту?» Гесс слушать не стал — сослался на то, что пора прибирать камеру. Мало ли что взбредет в голову человеку бессонными тюремными ночами... Конечно, уборка камеры служила только предлогом, просто обрыдло изо дня в день слушать бредовые прожекты, тем более бессмысленные, бессвязные стихи. Потом, когда участники путча стали называть себя «старой фашистской гвардией», когда времена изменились, Гесс иначе стал относиться к случайным разговорам на тюремных нарах. Произошла переоценка ценностей. Он вдруг обнаружил в рассуждениях Гитлера глубокий и сокровенный смысл, гордился близостью с фюрером в те далекие времена. Гесс охотно отдавался воспоминаниям, тем более что рейхсканцлер всегда благосклонно слушал подобные разговоры. На этот раз Гитлер бесцеремонно перебил Гесса:

— Подожди, подожди! Сейчас не до лирических воспоминаний. Меня занимает другое. Только с тобой я могу быть откровенным.— Гитлер лукавил, казалось, без видимой нужды. До конца он никому не верил, ни единому человеку, с годами становился все более мнительным. Но сейчас Гесс был ему нужен: только Гесс сможет выполнить его план. От этого зависит многое.— То, что я

сказал генералам,— продолжал Гитлер,— только половина правды. Гибралтар — не все. Он нужен мне, чтобы сломить британское упрямство. С ключом от Гибралтара я заставлю Черчилля быстрее стать на колени. А тогда,— Гитлер мечтательно поднял глаза,— тогда я уверенно пойду на восток — в Москву, на Украину, в Донбасс... Покончив с Россией, брошу экспедиционные корпуса через Закавказье к Персидскому заливу, захвачу Индию, Ближний Восток, Египет... На Египет целится Муссолини, я знаю. Но он не способен разгрызть кость, брошенную ему судьбой. Муссолини один ничего не сделает в Северной Африке. Мы поможем ему и возьмем Египет себе.

— На пути к Египту лежит еще Турция. Что, если...

— Турки перейдут на нашу сторону,— уверенно возразил Гитлер.— А если нет, пусть пеняют на себя. Удар на юг нанесем через Анатолию, хотя бы и вопреки воле турок. Я все рассчитал, генералам даю сто сорок пять дней, чтобы закончить всю операцию. Это самое большее. Мне нужно экономить время, чтобы приблизить эру мирового господства Великогермании. Вот тогда я стану властелином мира. Только я! Но прежде надо покончить с Россией...

В охватившем его возбуждении Гитлер с размаху ударил кулаком по столу, вскочил и снова заходил по салону. Речь его стала отрывистой.

Взвинченный собственными мыслями, он будто забыл о том, что намеревался сообщить Гессу. Еще не начиная борьбы на востоке, Гитлер уже бесился при мысли, что Россия стоит на его пути к мировому господству. Последние месяцы Гитлера одолевала одна мысль: как сокрушить Россию? Остальное, в том числе и Гибралтар, и налеты на английский остров, играло лишь подчиненную роль. Предстоящий разговор с Гессом тоже имел прямое отношение к России. Как бы случайно Гитлер спросил:

— Скажи-ка, ты предпринял наконец что-нибудь для встречи с британцами — с Гамильтоном или еще с кем? — Гитлер не оставлял надежды покончить войну с Англией методом дипломатических переговоров.

— Да, я уже говорил вам, мой фюрер, о письме, которое отправил через принца Гогенлоэ в Шотландию.

— Ну и что?

— Не исключена возможность, что встреча состоится где-нибудь в Португалии. Возможно, в Швейцарии. Наиболее подходящим местом может быть Цюрих.

— В Швейцарии или Португалии... Послушай, Гесс,— Гитлер остановился с таким видом, словно идея только что родилась в его голове,— а что, если... Да... Да, да! А что, если тебе самому отправиться в Англию? Не в Цюрих, не в Лиссабон, а именно в Англию...

— Простите, фюрер, я вас не понял. Идет же война...

— Да. Но ты можешь, предположим, поссориться со мной и сбежать из Германии. Тайно сесть в самолет и улететь. Приземлишься в имении того же герцога Гамильтона. Это в районе Глаз-

го. Для «мессершмитта» горючего с лихвой хватит в один конец, ну, а обратно тебе самолет не понадобится. После переговоров англичане проводят тебя с помпой, как миротворца. Они спят и видят заключить перемирие. Как тебе нравится план? Переговоры без всяких посредников. Но,— Гитлер предостерегающе поднял руку,— об этом пока никто не должен знать, кроме нас. Никто... Честное слово, мы с тобой сделаем отличное дело! Подумай, напиши еще раз Гамильтону. Ну, и, конечно, сначала потренируйся. Ты ведь когда-то был летчиком.

— Да, фюрер, я все сделаю, как вы сказали.

Гесс отлично знал, как бессмысленно возражать Гитлеру. Но перспектива лететь в Англию под разрывами зенитных снарядов не улыбалась. Английские зенитчики не станут разбираться, зачем летит к ним вражеский самолет. Да, предложение,— впрочем, какое тут предложение, приказ, Гесс это тоже прекрасно знал,— свалилось на его голову, как ком снега в жаркое лето. От одной мысли, что придется совершить такой перелет, засосало под ложечкой, будто появилась изжога. Слава богу, фюрер ничего не заметил...

— Я всегда был уверен в твоей преданности,— сказал Гитлер.— К сожалению, не на многих я могу положиться... Итак, действуй! Когда договоришься о встрече, мы все обсудим подробнее. Займемся пока Гибралтаром. Я назвал это планом «Феникс».

Ради «Феникса» Гитлер и предпринял поездку в Андеи, чтобы договориться с Франко.

— Думаю, будет нетрудно уломать каудильо.

Гесс был доволен, что разговор перешел на другую тему: останется время подумать. Он с преувеличенным оживлением принялся обсуждать гибралтарскую проблему.

— Без испанцев,— сказал он,— будет трудно захватить крепость.

— Конечно, Франко должен вступить в войну. Мадридский головастик нам многим обязан.— Гитлер не стеснялся в пренебрежительных выражениях по поводу своих сателлитов.— Без меня коммунисты давно дали бы ему коленкой под зад и вышвырнули бы из Испании. Пообещаю ему пару обглоданных костей. Мне это ничего не стоит — пообещать...— Рейхсканцлер поглядел на часы: — Каудильо теперь, вероятно, уже ждет нас в Андее.

Гесс тоже посмотрел на часы:

— Да, часа через два будем на месте.

— Значит, у нас еще есть время выпить по чашке кофе.

Гитлер нажал звонок. В дверях появился полковник Шмундт, личный адъютант фюрера.

— Пригласи Геринга пить кофе. И Гиммлера тоже...

Геринг уже прознал, что фюрер разговаривает наедине с Гессом. Настроение упало. Он болезненно ревновал к любому, кто чаще его встречался с Гитлером, особенно с глазу на глаз. Может, наушничает? Так, чего доброго, его посадят на мель завистники и интриганы...

Рейхсмаршалу не помогло даже такое испытанное средство, как драгоценные камни. Геринг всюду возил их с собой. Адъютант хорошо знал его страсть, знал, как восстановить равновесие шефа. Когда Геринг появлялся не в духе, адъютант приносил туго завязанный мешочек из синей замши, в хрустальный кубок высыпал драгоценные камни и оставлял Геринга одного. Рейхсмаршал садился, навалившись грудью на стол, пересыпал их, как зерна, с ладони на ладонь, любовался игрой самоцветов, радужным холодным сиянием алмазов, чистотой изумрудов, сапфиров, формой жемчужин. Прикосновение к камням вызывало удовлетворенную алчную дрожь. Рейхсмаршал начинал вспоминать, при каких обстоятельствах попал к нему камень, прикидывал, сколько он стоит. И каждый раз получалось, что сокровища достались за сущий бесценок. А он в любое время может выручить за них миллионы. Это сразу рассеивало дурное настроение.

Но на этот раз камни не помогали. Геринг сгреб их в синюю замшу, затянул шнур, подкинул на ладони и передал адъютанту. В этот момент позвонил Шмундт, приглашая к Гитлеру.

В салон-вагон пришел с затаенной обидой, сел молча за стол, покосился на Гесса. Гесс сидел с торжествующе-непроницаемым видом. О чем он успел договориться с фюрером?

За кофе говорили о предстоящей встрече с Франко, о Гибралтаре. Гитлер спрашивал мнения Геринга, и тот постепенно оттаял, перестал дуться. Значит, фюрер по-прежнему считается с его мнением. Он высказал точку зрения, что, прежде чем нападать на Россию, следует покончить с Гибралтаром и вообще с Англией,— надо полностью развязать руки.

V

Тем временем поезд — бронированная крепость, ощетинившаяся пулеметами и стволами скорострельных пушек,— пересекал Южную Францию. Он приближался к испанской границе. Первая часть путешествия подходила к концу. Не надеясь на прочность брони и огневую мощь подвижной крепости, Гиммлер позаботился о более надежной охране. В побежденной стране могут быть всякие неприятности. На всем протяжении от Мюнхена до Андеи через каждые двести метров стояли двойные патрули немецких солдат. Для этого к железной дороге стянули немало войск со всей Франции.

В Андеи поезд подошел к пустому перрону. На нем маячила только одинокая приземистая фигура испанского диктатора в пышном, опереточного вида, военном мундире. Свита каудильо почтительно стояла в стороне. Франко ни с кем не хотел делить честь первым встретить могущественного союзника. Напыщенный, маленький, с толстенькими, обвисшими щеками, Франко довольно комично выглядел в своем бутафорском наряде.

Едва поезд остановился, как Франко, уцепившись за поручни, взобрался на высокую подножку вагона. Гитлер наблюдал за ним из окна сквозь неплотно прикрытые шторы.

— Торопится в вагон, как носильщик,— сказал он, скептически скривив губы.— Его даже не нужно уламывать, просто заплатить за мелкие услуги...

Но получилось иначе.

Следом за каудильо в вагон поднялась и его свита. Встреча с Гитлером произошла в салон-вагоне. Здесь же начались и переговоры. Сначала Франко внимательно слушал затянувшийся монолог Гитлера, пытался раз-другой вставить свое замечание, но Гитлер каждый раз перебивал и не давал ему раскрыть рта. Тогда каудильо уставился в полированную ножку кресла и в такой позе продолжал слушать. Свою часовую речь германский рейхсканцлер закончил словами:

— Вот все, что хотел я сказать. Наши страны связаны одними целями, одними идеями. Надеюсь, у вас нет недоуменных вопросов? О практической стороне дела путь договорятся наши штабисты. Не станем тратить на это время.

Участие Испании в гибралтарской кампании Гитлер считал делом решенным. Но Франко осторожно спросил:

— Скажите, фюрер, значит, нам придется объявить англичанам войну?

— Это дипломатическая формальность. В наше время она не обязательна.

— Но фактически мы окажемся в состоянии войны? — Франко настойчиво добивался ответа.

— Если хотите — да. Какое это имеет значение?

— Видите ли, мы еще не готовы к войне. Где гарантия, что мы не потерпим материального ущерба? Я уж не говорю о возможных человеческих жертвах... Я хотел бы знать, ради чего Испания должна идти на такой риск.

— Риска здесь нет. Я располагаю такими силами, которые покончат с Гибралтаром в несколько суток. После войны вы получите то, что вас интересует.

— Видите ли,— Франко говорил, не подымая головы, уставившись по-прежнему в ножку кресла,— выражаясь коммерческим языком, нам нужны реальные гарантии.

— Хотите сказать — вексель? — Гитлер начинал закипать, но сдерживался по мере сил.

— Вексель — не то слово,— мягко и невозмутимо ответил Франко.— Скорее закладная под имущество. Прежде всего нужны продовольствие и оружие. Скажу не стесняясь: мы ощущаем недостаток в том и другом. Ну и, конечно, следует поговорить об Алжире. Как вы посмотрите на наши претензии в Северной Африке? Алжир и Марокко должны быть испанскими.

Начался торг. Франко торговался, как на мадридском базаре. Гитлер вскипал, взрывался, но ничего не мог сделать. Франко вдруг заартачился, боялся, как бы не продешевить. Он понял — нельзя упускать момент. Гитлер тоже понял — мадридский торгаш намерен прижать его. Такого давно не бывало. Гитлер терял самообладание, трижды прерывал совещание, сердито шел к выходу и

возвращался обратно. Ничего не поделаешь, план «Феникс» может рухнуть из-за упрямства дерьмового человечка. Мысленно он употребил более крепкое выражение. Чего хочет Франко? Гитлер же согласился — даст оружие, даст продовольствие. Начнет поставки хоть завтра. Обещает поддержать территориальные притязания, согласен на Алжир и Марокко. Дает слово честного человека, что все так и будет. Но Франко сначала должен вступить в войну. Сегодня Гитлер физически не может отдать Алжир, он принадлежит французам, надо повременить. Рейхсканцлер надеется, что каудильо поймет его. Ведь с Францией заключено перемирие...

Франко соглашался. Да, он понимает, но ему нужны гарантии, рисковать он не может.

Переговоры длились до глубокой ночи, закончились в третьем часу. Обломать Франко не удалось. Он лишь уклончиво согласился подумать и незамедлительно, как только будет возможность, дать свой ответ. Согласовали ничего не значащее коммюнике и разошлись.

В ту же ночь поезд Гитлера вернулся на север. Направлялся он в Монтуаре на Луаре, куда рейхсканцлер вызвал из Виши Лаваля и дряхлого Петена. Они возглавили французское правительство после капитуляции. С этими можно не церемониться — холопы.

К завтраку Гитлер вышел с серым лицом и оловянными подтеками под глазами. Волнения и бессонница прошлой ночи не прошли для него бесследно. Черт бы побрал этого каудильо! Неблагодарная свинья! Придется оттянуть подготовку к «Фениксу».

За столом все пытались отвлечь Гитлера от мрачных мыслей. Геринг старался вовсю. Когда заговорили о Петене, Геринг, сам того не подозревая, повторил остроту Черчилля:

— Такова судьба маршалов — передавать вам власть, дорогой фюрер. В Германии Гинденбург, во Франции Петен... Хайль Гитлер! — Геринг встал из-за стола, поднял руку в нацистском приветствии.

Гитлер ответил благосклонной улыбкой — шутка понравилась. Он спросил:

— А Черчилль не имеет звания маршала? Ему придется нам уступить. Как полагаешь, Гесс? — Гитлер заговорщически посмотрел на Гесса.

Геринг приметил это. У него вновь упало настроение: что-то они вдвоем затевают?..

Дурное настроение Гитлер сорвал на французах. Петен и Лаваль явились в салон-вагон как просители. Рейхсканцлер предупредил — для беседы у него ограничено время. Сказал просто так, чтобы унизить холопов и насладиться властью. Но беседу и в самом деле пришлось оборвать по непредвиденным обстоятельствам.

В разгар беседы в салон вошел Кейтель. Он наклонился к Гитлеру и шепнул на ухо:

— Извините, мой фюрер, из Рима поступило важное донесение: Муссолини решил оккупировать Грецию.

— Что? Опять этот болван лезет мне под ноги!

Гитлер забыл про сидевших французов. Как у него вырвалась такая фраза? Посмотрел: не догадался ли кто из них, о ком идет речь? Но оба невозмутимо сидели в почтительных позах. Гитлер обратился к Петену:

— Извините, но более значительные дела вынуждают меня прервать беседу. Надеюсь, мы продлим ее позже.

Французы заторопились.

— Конечно, конечно! Мы можем и позже, месье фюрер...— Лаваль, раскланиваясь, пятился к двери.

Гитлер небрежно ткнул каждому руку.

На платформе Лаваль и Петен переглянулись. Они так и не поняли, почему их стремительно выпроводили из вагона. Когда же продолжится беседа? Пошли к машинам, оставленным за вокзалом. Торопливым шагом их обогнал фельдмаршал Кейтель. Его сопровождал адъютант. Кейтель глянул по сторонам — под платанами, уже начинавшими терять листву, стояли только две французские правительственные машины. Не раздумывая, Кейтель сел в первый автомобиль, предназначенный для Лаваля. Лаваль протянул было руку к лакированной дверце.

— Извините, господа,— грубо сострил Кейтель,— я должен на время конфисковать ваш лимузин, хотя война уже кончилась.— Не дожидаясь ответа, бросил шоферу: — Аэродром! Быстро!

Машина исчезла за поворотом.

— Не кажется ли вам, месье Лаваль, что отношение несколько странное? Как-никак мы представляем Францию.

— В политике не всегда следует быть щепетильным. Мы еще найдем с ними общий язык. Надо приноровиться.

Вместе сели в одну машину. Лаваля озадачила внезапная поспешность, с которой Кейтель отправился на аэродром. Но как ни ломал голову, сообразить ничего не смог.

VI

Когда выпроводили французов, Гитлер резко спросил:

— Сведения достоверны?

— Да, мой фюрер, сомневаться нельзя. Не сегодня завтра итальянские войска перейдут греческую границу. Маршал Бадольо подписал приказ о наступлении. Я только что получил донесение.

— А, черт! — Гитлер переломил карандаш надвое. Посмотрел и бросил: — Как это не вовремя! План «Ось», скажите, у вас готов?

План «Ось» — оккупация Италии германскими войсками на случай измены итальянского союзника или других непредвиденных обстоятельств.

— Нет, мой фюрер, он в стадии подготовки.

— Какого же дьявола вы до сих пор тянете?! — вспылил Гитлер, хотя он совсем недавно поручил это Кейтелю.— Немедленно дайте мне план! Немедленно, повторяю... Летите сейчас же в Берлин, заберите все, что есть. Дайте указания штабникам. Нечего им

даром протирать штаны! Я их заставлю работать!.. Теперь вот что...— Гитлер с мучительным напряжением думал, как предупредить события на Балканах.— Вот что. Завтра я должен встретиться с Муссолини. Подготовьте все материалы о возможных контрмерах. Если успеете, возвращайтесь в Мюнхен. Быть может, застанете меня там.

Гитлер принял решение молниеносно. Нельзя терять ни минуты. Он немедленно поедет в Италию, удержит Муссолини от опрометчивого шага. На Балканах должна быть тишина. Нечего там баламутить воду. Иначе... Иначе черт знает что может получиться!

— Встречу вы хотите провести в Бреннере? — спросил Кейтель.

— Нет, нет! Я сам поеду в Италию. В Бреннер он станет собираться неделю. Сообщите Муссолини — завтра я должен с ним встретиться. Хотя бы во Флоренции. И пусть дурака не валяет. Передайте — завтра во Флоренции.

Кейтель экстренно вылетел в Берлин, а личный поезд Гитлера на всех парах помчался к Альпам. Минуя промежуточные станции, он останавливался только, чтобы набрать воды или сменить паровоз. По всей дороге иное движение было приостановлено. Гитлер боялся упустить время. От скорости его локомотива зависело многое, если не все.

В Мюнхене Кейтель успел нагнать поезд. За эти часы он справился со всеми делами.

На следующий день поезд Гитлера прибыл во Флоренцию. К своему удивлению, среди встречающих Гитлер не обнаружил Бенито Муссолини. Это насторожило: «Затягивает время, пройдоха!» С вокзала отправились в отведенную резиденцию, но и там Муссолини не оказалось.

Появился он часа через полтора — намеренно заставлял себя ждать. Вошел напыщенный, с поднятой головой и выпяченной грудью. Вся его фигура, самоуверенное выражение будто говорили: «Теперь мы на равной ноге, мой дорогой союзник фюрер».

После взаимных, несколько церемонных приветствий Гитлер сказал:

— Я прибыл к вам, дуче, и предпринял это путешествие, чтобы предостеречь вас от неверного шага. Наши общие интересы требуют...

С первых же слов Муссолини остановил Гитлера:

— Фюрер, вы приехали слишком поздно. Дело на полном ходу: наши войска вступили в Грецию сегодня утром, несколько часов назад. Я не мог предупредить вас раньше — вы находились в отъезде.— Совсем другим тоном спросил: — Успешны ли были ваши переговоры с Франко? Надеюсь, он хорошо себя чувствует?

— Да, хорошо,— бросил Гитлер.— Неплохо выглядит.

Сам в это время подумал: «Дьявол бы их побрал, моих горемычных союзников!» Да, приехал он слишком поздно, это надо признать. Сделал еще одну попытку, совсем не уверенный в успехе.

— Я надеялся,— сказал он,— поделиться с вами моими мыслями еще до начала конфликта с Грецией. Операцию следовало проводить в лучшее время года. Во всяком случае, после президентских выборов в Соединенных Штатах.

— Вы надеетесь, что вместо Рузвельта изберут более приемлемую для нас фигуру? Для меня это сейчас не имеет значения. Не беспокойтесь, фюрер, с Грецией мы покончим в несколько дней,— Муссолини с внутренним злорадством заметил недовольство и разочарование Гитлера.— Мои берсальеры успешно продвигаются вперед, они почти не встречают сопротивления.

— Я рассчитывал предложить вам две дивизии германских парашютистов, чтобы ускорить события.— Гитлер решил: раз уж заварилась каша, ее нужно быстрее доваривать.

— Благодарю, благодарю вас, мой фюрер! Ваши слова достойны верного союзника. Но вам не стоит распылять силы, мы управимся сами,— Муссолини вспомнил: Гитлер ответил ему такой же фразой по поводу бомбардировок Лондона. Пусть проглотит ту же пилюлю.

Во Флоренции Гитлер не стал задерживаться, вернулся в Берлин. Две неудачи почти в течение суток — с Гибралтаром и на Балканах — расстроили его. И то и другое могло отразиться на вторжении в Россию. Если Муссолини завязнет в Греции, значит, придется ему помогать. Англичане непременно встрянут в это дело. Уйдет лишнее время, лишние силы...

На очередном докладе Кейтеля в имперской канцелярии Гитлер распорядился:

— Готовьте план «Марита» — вторжение в Грецию. Я не уверен в военных способностях Муссолини. Его бахвальство и самонадеянность подобны цветку, который вянет при холодном ветре. Не удивлюсь, если в Греции его обдует морозным ветром.— Потом добавил: — Муссолини напоминает мне импотента, который пытается изнасиловать женщину. Может быть, фельдмаршал Лист сделает это лучше? Поручите ему готовить операцию.

Многочисленные идеи, рождавшиеся в голове Гитлера и его приближенных, трансформировались в секретные военно-стратегические планы. Подобно кораблям или берлинским аптекам, каждый из них имел свое название: «Марита», «Феникс», «Ось», «Морской лев»... Но важнейшим из них оставался «план Барбаросса». Он словно поглощал в себя все остальные планы германского вермахта.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

I

В тот год снег в горах лег раньше обычного. В конце октября, когда началось злополучное наступление в Греции, вершины стояли белые, точно крахмальные головные уборы монахинь ордена кармелиток. Они сливались с тусклым небом, затянутым рваными, хо-

лодными облаками. Помнится, по этому поводу Бруно поспорил с Джузеппе — ездовым, тоже из резервистов. Джузеппе уверял, что горы похожи на убранство монахинь, а он, Челино, сравнивал их цвет с исподним солдатским бельем — такие же серые.

Вероятно, сравнения приходят на ум в зависимости от настроения. Джузеппе до войны был художником. Он тоже из Рима — рисовал на тротуарах картинки. Стоял обычно у храма святого Петра, где больше всего шатается иностранцев. Говорил, что насобачился в два счета рисовать мелом, особенно портреты прохожих. Подходит человек, а на панели уже его портрет,— пожалуйста, любуйтесь! Этим Джузеппе и зарабатывал. Конечно, когда впервые попал в горы, все его восхищало, для всего придумывал красивые сравнения. Восторженный, как ребенок. А Челино знал уже, почем фунт солдатского лиха. Из Франции едва унес ноги. Если бы не перемирие, может, там и остался бы. Думал — отвоевался, так на́ тебе, послали в Грецию...

Перед наступлением настроение было паскудное, будто чуял недоброе. Римский художник ехал на зарядном ящике, и ему не приходилось месить грязь дырявыми сапогами. Если бы Джузеппе не убили, посмотрел бы Челино, какие сравнения стали бы приходить художнику в голову. Из батареи Джузеппе первым отправился на тот свет. Малокалиберный снаряд попал прямо в живот. Джузеппе не успел даже спрыгнуть с зарядного ящика. В тот раз они напоролись на греческую засаду.

Но в основном Челино считал, что ему и на этот раз повезло чертовски. Как он завидовал ездовому Джузеппе, а обернулось все иначе. Уж лучше получить осколок в ягодицу, чем снаряд в брюхо.

Сначала все шло будто бы хорошо. Целую неделю наступали, не встречая сопротивления. Конечно, мерзли, мокли, конечно, уставали, как заезженные клячи, но шли вперед и не слышали никакой стрельбы. Неприятности начались с того, что новые сапоги, которые выдали солдатам, расползлись на третьи сутки по швам. Главное — у всех. Оказались гнилыми. Ох и чертыхались же ребята по адресу интендантского ведомства! Говорили, будто Петаччи, брат любовницы дуче, заработал на этом миллионы лир. Чтоб ему сдохнуть, если это правда!

Челино сначала подвязал подошву веревкой. Она порвалась на первом же каменистом подъеме. Не помогла и проволока. Бруно подобрал ее на дороге. Пришлось бросить и проволоку, и подошву. Натянул запасные шерстяные носки, которые связала мать, насовал туда еще старой травы. От холода это не спасало, но ноги не побил, как другие солдаты.

Ночью в горах крепко морозило, а днем отпускало, и горные дороги превращались в сплошное месиво из грязи и снега. Потом пошли ливни. Такие, что горные ручьи вздулись и ледяные потоки приходилось преодолевать вброд. Греки старательно разрушали за собой мосты. При таком положении какая же может быть стремительность в наступлении! Все же за неделю прошли в глубь Греции довольно далеко. Но зато уж, когда поддали греки, ударили ни с

того ни с сего, пришлось улепетывать куда быстрее, чем наступали. Потом останавливались, затевали перестрелку и под ударами греческих войск снова откатывались назад. «Трубочисты» — солдаты из отрядов чернорубашечников — носились как угорелые, грозили расстреливать дезертиров. Поди расстреляй всех! На этот раз дезертиров в армии дуче не было, бежали все скопом — и солдаты, и генералы.

В начале декабря греки снова начали наступление. Ходили слухи, будто заняли всю Албанию и угрожают Валоне. Это уже в самой Италии. В декабрьских боях Челино и зацепило осколком. Угодило в самую ягодицу. Ни сидеть, ни лежать невозможно. Рана Челино стала предметом солдатских шуток, но большинство их Челино не мог слышать — его вскоре отправили в госпиталь.

Раненых вывозили на крестьянских тряских повозках, иногда на санитарных автомобилях, но машины чаще всего стояли — не хватало бензина. Солдаты предпочитали выбираться из этой клоаки любым способом, хоть пешком, но не на машинах. Автомобиль — самое ненадежное дело.

Албанское селение, в котором остановилась колонна, было забито повозками с обмороженными, ранеными солдатами. Обмороженных стало особенно много, когда на смену ливням пришли морозы с пургой и ветром. Середину деревни занимала какая-то отступающая часть. Мрачные, обозленные берсальеры стояли в дверях и никого не пускали, кроме своих. Поругавшись с двумя часовыми, Челино, едва переступая ногами, пошел дальше. На узеньких, горбатых улицах сплошная толкучка. Шли вместе с широколицым тосканцем, они двое суток тряслись с ним на одной подводе. Но до сих пор Челино не знал его имени. Каждый был занят самим собой.

С грехом пополам удалось найти место в каменном домишке, прижавшемся к скале на краю деревни. По всей вероятности, здесь прежде была корчма. У ворот стояла коновязь — толстая перекладина на невысоких столбах, источенная чуть не до половины конскими зубами. Просторный двор обнесен стеной из дикого камня на глине. В глубине его виднелись конюшни с распахнутыми дверями. Во дворе теснились повозки: распряженные лошади понуро стояли, привязанные к ободам колес.

Кое-как улеглись на полу рядом со стойкой. В очаге догорали дрова. Блики падали на сводчатые потолки, на разбитые стекла посудного шкафа. Иного света в комнате не было. Устраиваясь поудобнее, тосканец спросил:

— Ты что же, правда, в задницу ранен?

— Ну да. Почему же я не могу быть ранен?

— Уж больно удачно.

— Бывает.— Челини осторожно лег на бок.— А у тебя что с рукой? Ранен?

Тосканец держал на перевязи замотанную полотенцем руку.

— Нет, обморозил,— ответил он неохотно.— Чертовские морозы здесь, в этих горах!

— Где же тебя угораздило?

— Там,— неопределенно сказал тосканец.— Давай спать, что ли...— Он поправил под головой ранец и закрыл глаза.

Челино посмотрел на него. Широкие скулы и подбородок заросли щетиной. Сколько ему лет, не разберешь. Наверно, уже пожилой. Чего-то таится. Солдаты всегда охотно говорят о своих ранах, болезнях, а этот...

— Говорят, на дорогах стоят заставы, проверяют раненых,— безразличным тоном сказал Челино.— Ищут дезертиров. Овра о нас заботится.

Овра — политическая полиция. Челино уголком глаза наблюдал за тосканцем: как будет он реагировать? Веки тосканца дрогнули, он открыл глаза и тревожно спросил:

— Неужели проверяют? — Помолчал немного и тоже безразлично добавил: — Ну, это меня не касается. Боюсь, как бы не отняли пальцы... Дезертиров ищут! — тосканец передразнил непонятно кого.— Теперь мы все дезертиры... Чудное дело: когда один бежал — дезертир, все вместе — отступление.

Челино согласился.

— А как тебя зовут? — спросил он.

— Зачем тебе? — снова насторожился тосканец. У него мелькнула мысль: «Уж не овровец ли этот черномазый парень? Что-то подозрительно он расспрашивает обо всем...»

В комнату вошел запоздавший солдат, волоча за собой ранец. В другой руке у него была винтовка. Разговор оборвался. Солдат осмотрелся.

— Подвиньтесь-ка, ребята,— сказал он, заметив, что эти двое не спят.— Измучился, как собака.

Тосканец недовольно пробормотал что-то, но подвинулся ближе к Челино.

— Ложись. Всем места хватит.

— Хватит, дьявол бы их побрал... На погосте тоже сейчас вповалку кладут. Нам везде места хватит. Гениально командуют! Спасибо дуче! — Солдат втиснулся между тосканцем и спящим соседом.

— Тише ты! Дурной иль пьяный? Держи язык за зубами, не один небось здесь.— Тосканец испуганно оглянулся.

Челино тоже стало не по себе. Он никогда не слышал, чтобы так откровенно и пренебрежительно отзывались о Муссолини. Как бы не нажить греха с такими разговорами! Сделал вид, что засыпает.

— Чего мне тише? Не правду, что ли, я говорю? Здесь нас бьют, в Африке бьют, а мы все пыжимся, кричим, что наступаем... Слыхал? Тосканскую дивизию греки в дым разделали. Только что подошла свежая. Теперь Албания для нас, считай, тоже накрылась.

— Откуда ты знаешь?

— Знаю, раз говорю. Хотите, послушайте моего совета — подавайтесь отсюда, да побыстрее. Греки на побережье вышли.

Пошептались немного еще и заснули. Под утро, когда в проемах окон обозначился белесый, неясный рассвет, Челино почувствовал, что его кто-то толкает.

— Послушай,— прошептал ему на ухо тосканец,— ты слышал, что говорил этот солдат вчера вечером?

— Не все. А что?

— Может, и правда, стоит пораньше сматывать удочки?

— Как их смотаешь? — Челино тоже подумывал, как бы выбраться поскорее из этого людского месива.

— Возьмем подводу и пораньше уедем. Сейчас дороги свободнее.

— Как ее взять? Я запрягать не умею.

— Городской, видно... Я запрягу.

Солдаты осторожно поднялись, чтобы не разбудить спящих, и вышли во двор. Светало. Тосканец подошел к повозке, что стояла ближе к воротам. Зевнул, помочился, прикидывая, как бы аккуратнее все сделать.

— Подержи ранец,— сказал он Челино и принялся запрягать лошадь.

Больной рукой орудовал, как здоровой. «Врет, что отморозил»,— подумал Бруно.

— Поехали,— вполголоса сказал тосканец.— Придержи немного ворота — заденет.

— А меня что, забыли?!

Оба замерли на месте. Оглянулись — перед ними стоял солдат, который говорил с ними ночью.

— Я тоже с вами. Подождите, захвачу ранец.

Не дожидаясь ответа, солдат исчез в темном провале двери.

— Принесла еще нелегкая! — недовольно сказал тосканец.— С его языком пропадешь. Теперь уж нечего делать...

Когда солдат вышел, они вывели лошадь на улицу, притворили ворота и тронулись в путь. Челино с трудом взобрался в телегу и стал на колени — сидеть было больно.

Сразу за деревней каменистая дорога круто спускалась вниз и за мостом снова шла в гору. Некормленая лошадь с трудом тянула повозку, скользила копытами по заледенелой земле. Перевалили через седловину, ехать стало полегче. Повозка сама подталкивала конягу, и лошадь упиралась всеми ногами, вылезала из хомута.

— Так немудрено и в обрыв сверзиться — костей не соберешь. Надо что-то придумать.

Тосканец остановил лошадь, спрыгнул с повозки и побежал в сторону от дороги. Вернулся с длинной жердью — выворотил ее из ограды. Одним концом сунул под заднюю ось. Получился отличный тормоз.

Уже совсем рассвело, когда солдаты миновали еще одно селение. Несколько домиков с плоскими крышами тесно жались друг к другу, словно хотели согреться. На заборе подле самой дороги солдаты прочитали надпись: «Вива ла гуэрра!» («Да здравствует война!») Такие надписи малевали солдаты из роты пропаганды.

Сейчас внизу, под надписью, штыком был пришпилен рассеченный портрет Муссолини в военной парадной форме. Край портрета трепал ветер, и поэтому казалось, что Муссолини шевелит тяжелым подбородком, будто бы говорит.

Челино, возможно, сам бы ничего и не заметил. Он все старался устроиться поудобнее. Внимание его привлек третий спутник. Он сидел в повозке, свесив наружу ноги.

— Гляди-ка, гляди-ка! Вот это здорово! Ловко придумали!..

Тосканец отнесся иначе.

— За такие шутки может не поздоровиться. Пойти снять, что ли...— Тосканец собрался выпрыгнуть из телеги.

— Не лезь не в свое дело! Не ты вешал, не тебе и снимать,— остановил его солдат.

Поехали дальше. Точно такую же надпись на плоском камне у поворота дороги заметил Челино. Ее кто-то перечеркнул мелом и сверху написал торопливо: «Долой Муссолини!»

— Видали?! — одобрительно воскликнул солдат.— Может быть, тоже полезешь стирать?

— А мне-то что? — отозвался тосканец.— Меня не касается, пусть хоть что пишут.

Дорога полого спускалась в долину. Выглянуло солнце и начало пригревать. Челино наконец придумал, как ему лучше устроиться. Положил под живот ранцы — свой и тосканца — и лег ничком, выставив зад из повозки. Так они подъехали к следующему селению, где их неожиданно остановил патруль чернорубашечников.

— Куда едете? — спросил капрал, нахмурившись для пущей важности.

— Сопровождаю раненых, синьор капрал,— не растерялся берсальер.

— Документы!

Солдат охотно полез в задний карман штанов и достал книжку.

— А твой? — не унимался капрал.

Тосканец, как только они наткнулись на заставу, изобразил на лице жестокие страдания.

— У меня рука обморожена, синьор капрал,— сказал он.— Левой трудно достать.

— Доставай, доставай!

Капрал сличил документы.

— Ты что же, раненых из других частей возишь? — обратился он к первому солдату.— Задержать! Отойди в сторону.

Почесав затылок, солдат потянулся в повозку за винтовкой и ранцем.

— А ты куда ранен? — спросил капрал у Челино.

— В задницу.

— Болван! — взъярился капрал. Ему показалось, что солдаты над ним издеваются.— Ты мне за это ответишь! Я с тобой не шучу.

— Я говорю правду, синьор капрал.

— Покажи!

Челино закинул шинель и, спустив штаны, показал ягодицы, замотанные бинтом. Третий солдат, поняв, что терять ему нечего, принялся балагурить:

— Как сказал дуче, рана солдата — святыня. Может быть, поцелуете, синьор капрал...

— Молчать! Всех на пересыльный пункт! Там разберутся...

В сопровождении двух «трубочистов» солдаты двинулись на сборный пункт. По пути тосканец сказал Челино:

— Говорил я, что этот шалопай нас подведет,— так вот оно и вышло.

II

Анжелина была дома одна, занималась хозяйством, когда дверь бесшумно отворилась и в комнату вошел Луиджи. Вошел без стука. Она почти сразу узнала его по фотографиям. Только выглядел он гораздо старше. И одет был иначе — в берете и клетчатом шарфе, торчащем из-под легкого пиджака. Одежда явно не по сезону. От Анжелины не скрылась мимолетная растерянность, скользнувшая по лицу Луиджи. Встретив незнакомую женщину, он спросил:

— Скажите, здесь ли живет еще семейство Челино? — Окинув комнату взглядом, добавил: — Судя по обстановке, кажется, здесь.

— Да, здесь, но матери сейчас нет дома,— Анжелина называла Кармелину матерью.— Проходите, я ведь вас знаю: вы — Луиджи.

Луиджи инстинктивно оглянулся. Его давно никто не называл старым именем.

— Не так громко, синьора! Но я не знал, что у меня есть сестра... Кто же вы?

— Я Анжелина,— просто ответила она,— жена Бруно. Он в армии, а я живу с матерью. Она работает на господском дворе и бывает здесь раз или два в неделю.

— Так братишка женился? Смотри-ка!.. Давно?

— Перед войной. Скоро будет два года.

— А что такое господский двор? Где работает мать?

— О, по старой памяти мать называет так особняк графов Чиано, как прежде, в деревне. По ее примеру мы тоже так называем. Она работает судомойкой.

— Смотрите, сколько новостей вы сразу мне выложили. Но...— Луиджи вдруг глухо и тяжело закашлялся. Подавив приступ кашля, вытер платком рот и закончил: — Но я хотел бы встретиться с матерью... Проклятый кашель! Видно, простудился в дороге.

— Да вы садитесь, садитесь, отдыхайте с дороги! Вам, верно, нужно помыться? Я сейчас согрею воды.

Луиджи продолжал стоять посреди комнаты. Он представлял, что дома все будет иначе. Больше всего мечтал выспаться, хоть чуточку отдохнуть. Но как знать, кто эта женщина? Досаднее всего, если тебя предадут в собственном доме. За последние годы Луиджи привык к осторожности. Анжелина будто угадала мысли Луиджи:

— Здесь вы можете себя чувствовать совершенно спокойно. Мне много говорили о вас. У нас в семье нет никаких тайн друг от друга... Садитесь, садитесь, я сейчас пойду предупрежу мать.

— Это было б неплохо.

— Знаете что? На плите в кухне горячая вода, я согрела ее для посуды. Берите, мойтесь, а я тем временем успею сходить на господский двор... Тазик за печкой.

— Ладно. Так давайте и сделаем.

Анжелина накинула на плечи теплый платок.

— Сегодня на улице что-то холодно. Я закоченела, когда шла с работы... А вы запирайтесь и мойтесь. Пусть дверь будет закрыта, будто никого нет дома.

Луиджи запер за молодой женщиной дверь, постоял, прислушался, когда утихнут шаги на лестнице, и снова открыл дверь. Нет, уж лучше он подождет мать здесь. Не должно быть ни малейшего риска. Луиджи поднялся в темноте этажом выше, ощупью нашел нишу и остановился. Здесь все было ему бесконечно знакомо. В случае чего можно выбраться на чердак, а оттуда на соседнюю крышу. Тут-то парни из Овра не так легко с ним справятся...

Луиджи стоял долго, может быть час, если не больше. У него занемели, застыли ноги. Но в концлагерях Луиджи научился терпению. Сколько раз приходилось стоять в холодном, каменном гробу карцера! Стоять куда дольше, чем здесь. Кажется, теперь это все позади, в прошлом...

Челино-старший покинул свое убежище, когда услышал внизу торопливые женские шаги и голос матери,— она озабоченно спрашивала о чем-то Анжелину.

— Где же он? — растерянно сказала Анжелина, заглянув в пустую комнату.— Уж не ушел ли куда?

— Здравствуй, мать.

Луиджи вошел следом за женщинами. Он поцеловал мачеху.

— Давно мы с тобой не видались,— сказала Кармелина.— Ты еще больше стал походить на отца. Где же ты пропадал? Думаю, мог бы дать о себе знать. Или, может быть, перестал считать меня матерью?

— Не мог, мать.

Луиджи развязал шарф, снял берет. Мать очень мало изменилась за эти годы. Конечно, немного постарела, осунулась, но на лице по-прежнему ни единой морщинки. Такие лица рисовали на старых иконах. Под внешней суровостью Луиджи угадал теплые чувства, охватившие Кармелину при встрече с пасынком.

— Не мог,— повторил он,— но я о тебе всегда помнил, мать.

— Тогда хорошо. А мы с тех пор, как заходил твой приятель, больше о тебе и не слышали.

— Так Орриго к вам заходил? Значит, он добрался до Рима. Где он?

Луиджи оживился. Вот это здорово! Стало быть, Орриго удалось бежать из концлагеря. Может, через него удастся наладить связи...

— Кто его знает, может, Орриго, может, нет. Он не назвал своего имени. Обещал зайти. Уж второй год, как заходит.

— Какой он? Худощавый, высокий?

— Вроде тебя. В таком же пиджачке, подбитом рыбьим мехом. Анжелина, ты не помнишь, когда заходил он?

— В начале зимы. Бруно был еще дома.

— Нет, Бруно тогда уже не было.

Женщины заспорили, они не могли установить точно, когда же заходил Орриго.

— Ты что же, бежал из армии? На фронте, говорят, дела неважные.

— Нет, не из армии, но в солдаты идти не собираюсь.

— Наконец-то взялся за ум! Говорили, ты сам ездил воевать в Испанию. Будто пулю нельзя найти у себя дома! Как-то теперь там мой Бруно?.. Не успела я ему сделать рожистое воспаление... Если тебе нужно, Луиджи, я могу что-нибудь придумать для военной комиссии. Нога распухает за одну ночь.

Кармелина полагала, что скрываться от властей могут только дезертиры и закоренелые преступники. К преступникам она не могла отнести своего пасынка, оставалось одно — у него, как у многих итальянцев, нелады с военным комиссариатом.

— Нет, мать, нога мне еще пригодится. А вот укрыться получше от карабинеров стоит. Сегодня я у тебя переночую, мать. Ладно?

— Я бы на твоем месте не стала так говорить,— обиделась Кармелина.— Впрочем, может, тебе здесь неудобно? У нас пуховиков нет.— Она подобрала губы и стала еще больше похожа на лик потемневшей иконы.

— Да нет, мать, ты не поняла меня! Я не хочу причинять вам неприятности. Если заберут меня здесь, тебе тоже не поздоровится.

— Ну, это уж мое дело!

Пока Кармелина говорила с Луиджи, Анжелина не сидела без дела. Прислушиваясь к разговору, она приготовила ужин — собрала все, что было. По карточкам получали сущие пустяки. Жили все время впроголодь. Хорошо, что Кармелина иногда ела на господском дворе и тогда оставляла Анжелине часть своего пайка. Коечто приносила и Анжелина — она работала на макаронной фабрике. Но последнее время усилили охрану. Нахальные карабинеры лапали женщин, обыскивая их в проходной. Анжелина смазала одному по физиономии — в другой раз будет знать.

— Мать,— сказала она, входя с глиняной миской в комнату,— а может быть, Луиджи можно поселиться у тебя на господском дворе? Там спокойнее. Говорят, вчера ночью у нас в квартале проводили облаву. Все дезертиров ищут... Садитесь, макароны готовы.

— Что ж, можно и так. Но не сегодня. Ночью на улице наверняка сцапают... Садись, Луиджи. Ты, верно, голоден?

— Нет, я только что ел,— солгал Луиджи, хотя его мутило от голода.

За столом все трое делали вид, что они сыты. Мать сказала Анжелине:

— Анжелина, посмотри там, на полочке, не осталось ли оливкового масла? В плетеной бутылке...

Луиджи уговорили съесть еще хоть немного макарон с оливковым маслом.

— Смотрите,— воскликнула Анжелина,— нам вполне хватит еще завтра на утро!

Ужин совсем разморил Луиджи, он едва держался на ногах. Слипались глаза. Привалился на сундуке, да так и заснул, не раздеваясь.

III

Утром поднялись затемно. Анжелина первая убежала на работу. Мать посоветовала Луиджи выйти одному, она нагонит его. Хотя соседи люди надежные, но лучше избавиться от лишних разговоров. Она достала хранившийся все эти годы костюм Бруно, дала куртку. Оказалась в самую пору. В таком виде Луиджи не выглядел беглецом. В дополнение ко всему Кармелина нагрузила его большим узлом — она давно собиралась перетащить на господский двор свой волосяной матрац. Луиджи подумал о матери — из нее выйдет неплохой конспиратор. С узлом он меньше будет привлекать внимание на улице.

Луиджи вышел, а через минуту пошла следом и Кармелина. У подъезда столкнулась с соседкой, жившей этажом выше.

— Донна Челино, скажите, к вам никто не приехал?

— Нет, а что?

— Видите, вон там пошел мужчина с матрацем. Как он похож на вашего пасынка! Я уж думала, не вернулся ль Луиджи, сохрани его пречистая дева.

— Нет, донна Чезарине, вы, к сожалению, ошиблись. Я уж перестала его ждать. Думала, не отслужить ли заупокойную мессу.

— Что вы, что вы, донна Челино! Грех думать так! Помолимся вместе за его возвращение... Потом мне показалось, что у вас вчера вечером говорил какой-то мужчина.

— Нет, нет, донна Чезарине, вам, видно, послышалось... До свидания, я тороплюсь на работу.

— До свидания, донна Челино!

Соседка посмотрела Кармелине вслед. «Клянусь святой девой Марией, что это ее пасынок,— подумала она.— Будто я не узнаю платка Кармелины, в котором завязан узел...» Сделав такой вывод, донна Чезарине решила на минуту забежать к донне Ферейро. Она вспомнила — к ней есть небольшое дельце.

— Вы слышали новость, донна Ферейра? К Кармелине вернулся ее пасынок Луиджи. Я его видела своими глазами...

К полудню новость облетела всю улицу, дала женщинам пищу для разговоров. Но вечером, когда отряд карабинеров прочесывал квартал в поисках дезертиров, никто не проронил ни единого слова о том, что в квартире Кармелины появился Луиджи, уехавший несколько лет назад воевать в Испанию. Такие новости не предназна-

чались для ушей карабинеров или агентов Овра, шнырявших повсюду в рабочих кварталах Рима.

Кармелина очень хорошо придумала, где можно на время приютиться Луиджи. Анжелина права, в их квартале то и дело происходят облавы. Сын поживет несколько дней в ее каморке. Она будет спать на полу, а Луиджи на койке. Одно окно выходит в простенок между домами. В случае чего через него можно пробраться в сад, а оттуда во двор церкви святого Марка. В костеле всегда бывает народ. Луиджи там может считать себя в безопасности. Кармелина все предусмотрела.

Луиджи одобрил предложение матери. На господский двор они прошли с заднего хода. По пути никого не встретили. Кармелина на то и рассчитывала. К тому же все равно через главные ворота управляющий не разрешает ходить челяди.

В каморке, отведенной для судомойки, было два тесных окна, похожих на амбразуры. Одно выходило в стену конюшни, другие — на господский двор. Из второго окна виднелась часть гаража и половина чугунных ворот, украшенных мраморными львами. Чтобы увидеть ворота, надо сунуть голову в амбразуру, как в печку, и приблизить глаза к стеклу. Внутреннее убранство каморки составляла старая дубовая кровать, пережившая, видно, не одно поколение людей, такой же стол и ветхий стул с торчащей пружиной, вдавленным сиденьем и остатками позолоты.

В соседней комнате, как сказала мать, жил одинокий глухой садовник. Его никогда не бывало дома, и Челино-старший мог рассчитывать, что здесь он избавлен от посторонних взоров.

Мать вскоре ушла на господскую кухню. Луиджи осмотрел все, заглянул в простенок, поросший прошлогодней сорной травой, заваленный битым кирпичом, черепицей. Он остался доволен — в случае чего через окно можно выбраться за пределы владения графа Чиано.

В каморке Луиджи безвыходно провел трое суток. На четвертый день он вдруг исчез и не появлялся неделю. Затем так же неожиданно пришел снова. Луиджи был задумчив и молчалив, что-то сильно его угнетало. Кармелина не стала спрашивать, это не в ее характере. Захочет — расскажет сам. На рассвете Луиджи ушел опять. Появляться он стал в самое неопределенное время. Иногда Кармелина узнавала о его появлении лишь по остаткам пищи, которую она приносила для него с господской кухни.

Раз ночью он пришел вдвоем с тем самым Орриго, который в прошлом году заходил к ним и передавал привет от Луиджи. Луиджи был весел и оживлен, но в то же время Кармелина заметила, что вел он себя беспокойно, часто прислушивался,— видимо, нервничал.

Пришли они, когда Кармелина спала. Последнее время она не запирала дверь — так просил Луиджи. Но сам он, когда приходил, запирался на ключ и еще накидывал крючок. Кармелина провела рукой по лицу, чтобы разогнать сон, и встала с кровати. Луиджи сказал ей:

— Мать, не могла бы ты пойти ночевать домой? Нам очень нужно поговорить. Ты уж извини нас...

— Ну что ж, если так нужно...

Кармелина начала собираться. Впрочем, какие там сборы — натянуть башмаки да накинуть шаль... Орриго что-то сказал Луиджи. Что — она не расслышала.

— Правильно,— согласился пасынок. Он подошел к матери, взял ее за руку и сказал: — Послушай, мать, а что, если ты сделаешь иначе? Посиди на скамеечке здесь, у входа, пока мы будем разговаривать. Если придет кто посторонний, предупреди нас. Ну, хотя бы заговори громко. Ты, верно, устала, но...

— Ладно уж, ладно. Пойду...

— Мы недолго, мать, какой-нибудь часик. Замерзнешь — приходи греться.

Проговорили они не час, а всю ночь. Что-то еще сочиняли и спорили. Кармелина дважды заходила греться, и тогда мужчины говорили шепотом. Оба ушли под утро, когда стали отчетливо видны контуры церкви святого Марка. В это время улицы Рима заполняются трудовым людом, спешащим на работу.

Кармелина рассчитывала, что ей удастся еще часок соснуть, но прибежала взволнованная Анжелина. Прибежала перед работой по дороге на фабрику.

— Бруно приехал, мать! Ты слышишь? — расталкивала она Кармелину.— Приехал Бруно! Вот радость-то! Раненый...

Анжелина встала на колени и уткнула голову в плечо Кармелины.

— Чего же плакать-то? Радуйся! — Мать провела рукой по волосам Анжелины, косынка сбилась с ее головы.

— Это от радости. Я так счастлива...— Засмеялась с глазами, полными слез. Чмокнула мать.— Ну, побегу на работу. Может быть, отпрошусь с обеда. А ты, мать, не смогла бы прийти пораньше? Бруно один там.

— Не знаю. Сегодня у господ большой вечер. Вряд ли вырвусь... Да когда он приехал?

— Вчера вечером. Мы с ним столкнулись на лестнице... Ой, как это здорово!

Анжелина убежала. Кармелина решила больше уж не ложиться. Пошла на кухню. Вырваться домой ей не удалось ни днем, ни вечером. Отпросилась только на другой день, но зато пришла вместе с Луиджи. Он пришел ночевать и узнал новость. Решили, что с Бруно лучше встретиться дома. Здесь неудобно, вызовет подозрение, что к судомойке ходит много народу.

IV

Так вот они и встретились — Луиджи и Бруно. С вечера поговорить им не удалось — сидели за столом вчетвером, пили вино и говорили обо всем и ни о чем. Так всегда бывает при встрече. Сча-

стливая Анжелина ежеминутно вскакивала из-за стола то за тем, то за другим, а Бруно сидел на кончике стула или, прихрамывая, расхаживал по комнате. Рана его заживала, но все еще давала себя чувствовать.

Луиджи заночевал дома. Братья поднялись поздно. Женщины давно ушли на работу. Стали хозяйничать сами, приготовили завтрак, допили вино, оставшееся в жбане. Луиджи спросил:

— Ну, как, братишка, доволен жизнью?

— Как сказать... Если бы не война, жить можно.

— Я вижу, пришлось тебе повоевать,

— Да,— Бруно усмехнулся,— больше от войны бегаю, чем воюю. В отца пошел, потомственный дезертир. Ты как будто иной.

— Почему? На твоем месте я тоже бегал бы.

— Зачем же тебя понесло воевать в Испанию? Сначала я думал, что ты правда поехал во Францию на работу.

— Это другое дело. Война войне рознь.

— Для меня все равно. Лучше сто раз быть трусом, чем один раз покойником. Я думаю, как все итальянцы.

— Муссолини тоже так думает, считает наш народ бездарно трусливым. На самом деле не так. Вспомни Гарибальди.

— Что Гарибальди! А Капоретто? Я помню, отец рассказывал, как они драпали... Подожди, подожди,— Бруно остановил брата, который хотел перебить его.— Подожди. Французы нас побили, хотя мы как будто бы выиграли войну? Побили. Я сам едва унес ноги. В Северной Африке мы отступаем? Отступаем. Скажешь, от храбрости? Так, что ли?! А сейчас греки поддали нам пониже спины. Удивляюсь, как мы захватили Албанию! Наверно, потому, что меня там не было,— Бруно засмеялся.— Скажешь, не прав я?

— Прав и не прав. Сначала ты мне скажи: зачем тебе воевать с греками?

— То есть как?.. Не знаю...

— В том-то и дело. И другие солдаты не знают... А после того, как захватили Албанию, ты лучше стал жить?

— Не замечал что-то...

— А граф Чиано, у которого наша мать работает судомойкой? Ты знаешь, что он стал богатейшим человеком в Италии, прихватив себе албанские рудники?

— Ну и что же? Мне от этого ни жарко ни холодно.— Бруно все еще не понимал, к чему клонит Луиджи.

— Нет, жарко и холодно. В Северной Африке итальянские солдаты изнемогают от зноя, а в Греции гибнут от холода. Ты сам говорил, сколько у вас обмороженных, скольким солдатам ампутировали ноги и руки.

— Так я же и говорю, что не хочу воевать.

— Нет, подожди. Муссолини нападает на Грецию, не спрашивая, хочет ли этого солдат Бруно Челино. Гитлер тоже не спрашивает немцев, хотят ли они воевать... Так вот, слушай меня, братишка, внимательно. Когда-нибудь ты поймешь это. Чтобы не было войны, надо уничтожить самую причину, которая ее порождает в

наше время,— фашизм. Ради этого я поехал в Испанию и ради этого бежал из Вентотене. Ты знаешь, что это такое?

— Нет, не слыхал.

— Концлагерь. Такой же, как Дахау в Германии. Муссолини гноит в нем итальянских борцов за свободу, прежде всего коммунистов.

— Да сам-то ты коммунист?

— Да. Ты разве не знал?

— Предполагал, но не был уверен... Все равно не понимаю тебя. Недавно мне встретился один берсальер, говорил почти так же, как ты.— Бруно рассказал брату о солдате, ехавшем с ним в повозке по горной заледенелой дороге, о надписях на стенах и о портрете Муссолини, приколотом штыком, как жук на булавку.

Луиджи заинтересовал рассказ брата. Он переспрашивал, заставлял повторять снова, смеялся над выходкой солдата и огорчился, узнав, что его и тосканца задержали чернорубашечники. Грозили судить, но как будто бы снова отправили в действующие части.

— Вот видишь,— Луиджи заключил рассказ брата,— это еще только начало. Втыкают штыки пока лишь в портрет Муссолини. Подожди, доберутся и до него самого. Итальянский народ покажет себя. Храбрости нам занимать не придется. Я верю в Италию! И в тебя тоже, братишка!

Луиджи подошел сзади к Бруно и стиснул его плечи руками, потом заговорил снова. Бруно с удивлением смотрел на брата. Луиджи разволновался, глаза его горели; весь он, жестикулируя, подался вперед, словно грудью пытался преодолеть невидимое препятствие.

Братья проговорили весь день. В сумерках Луиджи сказал:

— Я очень рад, что встретил тебя, братишка. Все эти годы часто вспоминал о тебе. Ведь у меня больше никого нет на свете...

Слова брата растрогали Бруно.

— Я тоже тебя крепко люблю,— порывисто ответил он Луиджи.— Думал, уж больше не встретимся... Возможно, ты прав, брат. Как всегда, прав. Но не слишком ли тяжелый груз взваливаете вы себе на плечи? Нечеловеческую тяжесть. Тарпейскую скалу легче свалить, чем Муссолини.

— Ничего, ничего! С каждым днем нас становится больше... Однако пора мне. На одном месте нашему брату задерживаться не следует. Пойдем, проводи меня по старой памяти. А вот это возьми себе, почитай.— Он протянул Челино листовку, отпечатанную на серой оберточной бумаге.

Челино прочитал заголовок: «Муссолини ведет нас к гибели». Луиджи добавил:

— Будь осторожен. Прочитаешь — передай кому-нибудь из надежных людей. Прознают в Овра — влепят хуже, чем за дезертирство.

— Это что же, твоя работа?

Луиджи усмехнулся.

— Общая... Пошли, пошли, братишка! Уже стемнело.

Братья вышли на улицу, знакомую с детства, пошли по тому пути, по которому Бруно когда-то провожал Луиджи во Францию. На улице стояла темень. Дошли до угла. На стене в отблесках тусклой лампады темнел лик пресвятой богородицы. Перед иконой на коленях стояла женщина и скорбно молилась. Когда братья прошли, Бруно сказал:

— Помнишь, Луиджи, тот раз тоже кто-то молился. Мы расстались вон у того фонаря.

— Помнишь?! Давай и на этот раз здесь простимся. Будь счастлив, братишка...

Они поцеловались. Бруно едва удержался от слез.

— Ты тоже будь счастлив,— сказал он.— И осторожен. Когда же мы теперь встретимся?

— Не знаю. Если не встретимся, помни наш разговор... Прощай, братишка! — Луиджи, как в прошлый раз, оглянулся, махнул рукой и исчез в темноте.

Бруно постоял немного, пытаясь глазами прорвать темень, поглотившую брата. Женщина, молившаяся на углу, встала и пошла. Бруно услышал ее сдавленные рыдания. «Убили сына,— подумал он.— Может быть, мужа. Сейчас много женщин молятся на улицах.— Солдат еще раз посмотрел вслед брату.— Когда-то мы встретимся?»

V

Диктатор Италии и главнокомандующий вооруженными силами Бенито Муссолини ждал графа Чиано. Его раздражала каждая мелочь, в том числе и непонятная задержка зятя. Ждал и раздумывал.

Гитлер и впрямь оказался пророком. Дела на фронте идут хуже некуда. Невольно приходит дурное настроение, а в голову лезут мрачные мысли. Муссолини искал виновных. Причину всех бед прежде всего усматривал в итальянском народе. С таким народом ничего не получается. Трусы и лентяи! Единственно, что умеют,— роптать в тылу и показывать пятки на фронте. Генералы тоже заразились плебейскими настроениями. Даже маркиз Грациани раскис, как изнеженная дама. Вместе с письмом прислал жене завещание — не надеется остаться живым в Ливийской пустыне. Утверждает, что война в Северной Африке походит на битву блохи со слоном! Это называется маршал! Чего же требовать от солдат! Письмо полно пессимизма. Муссолини случайно узнал о послании — разболтала маркиза. Болтливая сорока! Уж лучше б молчала! Никакого самолюбия. Женщины никогда не могут держать язык за зубами.

Хныканье командующего ливийской армией взорвало, вывело из себя Муссолини. Хотел немедленно отстранить Грациани, но передумал. Кем заменить? Другие не лучше. За две недели пять генералов попали в плен. Наступление на Мерса-Матрух кончилось

разгромом итальянских войск. Англичане вдруг перешли в контрнаступление. Весть об их атаке на Сиди-Барани поразила как громом. Вот уж несколько дней молчит радиостанция Бардии. Если верить британскому радио, сопротивление гарнизона длилось всего несколько часов. А в крепости насчитывалось почти пятьсот пушек. Солдаты были всем обеспечены. Жалкие трусы! Маршал Грациани предлагает отступать к Триполи. Это значит потерять все колонии на побережье. Нет, в армии происходит что-то непонятное, полный развал. Пять дивизий разбиты вдребезги. Теперь еще новое донесение — дивизия «Катанцаро», его лучшая дивизия, рассыпалась на куски, как глиняный горшок, упавший на мостовую. Глина, глина, а не солдаты! Где уж говорить о граните и мраморе...

Из Греции вести идут не лучше. Пал Аргикострон. Под угрозой Валона. Генерала Сауда пришлось отстранить от командования. Ему не воевать, а пиликать на скрипке в кабаке. Музыкант! Муссолини презрительно сощурил глаза и скривил губы. Вместо того чтобы командовать, сочиняет музыку для кинофильмов. Но и Каваллеро тоже не блещет талантами. Болтун! Только обещает перейти в наступление.

Письмо из Берлина подлило масла в огонь, растравило болезненное самолюбие. Муссолини вертел в руках послание Гитлера. Рейхсканцлер писал итальянскому союзнику:

«Я даже не осмеливаюсь думать о последствиях того, что произошло. Приходится только сожалеть о вашем опрометчивом выступлении против Греции. Я предупреждал вас об этом во Флоренции. До сего времени румынская нефть находилась вне досягаемости английских бомбардировщиков, теперь британские базы находятся в нескольких сотнях километров от нефтяных центров».

Гитлер напоминал, что англичане оккупировали Крит и еще не известно, как поведут себя турки. Гитлер достаточно прозрачно обвинял во всем дуче и в конце предлагал помощь. Не велико удовольствие глотать такие пилюли...

Наконец адъютант доложил о приезде Чиано,— Муссолини переименовал секретарей в адъютантов, обрядил их в пышную военную форму.

Вошел Чиано, цветущий, красивый и подчеркнуто предупредительный. «Как парикмахер из модного салона на Виа Тритоне»,— подумал Муссолини, сдерживаясь, чтобы не выдать своего раздражения. Последнее время он начинал завидовать здоровым людям. «Таких рисуют на пасхальных открытках. На него ничего не действует». Сухо сказал:

— Что будем делать? Читайте...

Галеаццо Чиано пробежал письмо Гитлера. Подумав, ответил:

— Видимо, придется просить помощи у немцев. Но это будет дорого стоить.

Муссолини сам пришел уже к такому выводу, но из чувства раздраженного упрямства согласился не сразу. Со своей стороны Чиано тоже предпочел не настаивать — он никогда не возражал Муссолини. Дуче сам должен был сделать вывод:

— Греки прорвали фронт. Больше делать нечего, придется кланяться немцам...

Не так-то просто прийти к подобному выводу. Нельзя даже сделать вид, что снисходительно соглашаешься с чьими-то советами.

Сообща написали ответ Гитлеру. Муссолини объяснял неудачи в Греции плохой погодой, морозами, ливнями, предательской политикой болгарского короля, который позволил грекам перебросить из Фракии восемь дивизий, и, конечно, изменой албанских войск, сражавшихся на стороне Италии. «Только в одной нашей дивизии,— писал Муссолини,— пришлось разоружить шесть тысяч албанцев. Но, вопреки временным затруднениям, мы готовим тридцать свежих дивизий, которые раздавят Грецию».

— Откуда мы их возьмем? — усомнился Чиано.— Фортуна нам изменяет. В Ливии мы потеряли сто тридцать тысяч одними пленными.

Муссолини неприязненно посмотрел на зятя. К чему напоминать о неприятных вещах? Он сам знает об этом не хуже.

— Откуда? Не все ли равно... Гитлер должен знать, что мы сильны по-прежнему. В случае нужды я и без него управлюсь с Грецией.— Муссолини словно забыл о только что сделанном печальном выводе.— В военном деле я понимаю больше, чем Гитлер.— Ревнивое самомнение никогда не покидало итальянского главкома, даже в такие моменты.

До недавнего времени Чиано тоже так полагал. Подумаешь, Греция... Горная страна с шестимиллионным населением. Что она значит в сравнении с Италией, в которой как-никак сорок пять миллионов жителей! Слон и муха! Но муха вдруг стала больно кусаться. Чиано впервые почувствовал это в начале войны, на второй или третий день. Он мимоходом вспомнил об этом. Вспомнил, и холодок пробежал по спине.

...Министр иностранных дел летал на бомбежку Салоник. Погода улучшилась, и впервые после вторжения проглянуло солнце. Чиано вел звено бомбардировщиков — нельзя же идти на попятную после разговора с дуче! К тому же он полагал, что полет не представит опасности, все пройдет благополучно, как тогда, в войне с Францией.

Самолеты сбросили бомбы на жилые кварталы Салоник, развернулись над городом и легли на обратный курс. Здесь-то все и произошло. За Чиано увязались греческие истребители, гнались по пятам, хлестали пулеметными очередями. Министр пережил отвратительные минуты леденящего страха. Он бросил управление и закрыл глаза. Выпутывался настоящий командир звена, которого Чиано подменил на время полета. Капитан сидел рядом, на месте второго пилота.

Граф окончательно пришел в себя, когда звено приземлилось на аэродроме. Капитан с оттенком развязной бравады подсчитал пробоины, а министр тотчас же покинул аэродром. Чиано решил для себя — в дальнейшем никогда не станет вести опрометчивых разговоров с дуче. Хорошо, что так получилось. Куда спокойнее

управлять дипломатическими делами! Откуда только у греков взялись самолеты?..

Воспоминания о пережитом страхе мелькнули в голове Чиано по непонятной ассоциации. Может быть, потому, что невпопад сказал дуче по поводу пленных. Чиано сразу почувствовал недовольство тестя. Постарался поправиться. Заговорил о временных неудачах — они бывают у любого полководца; согласился, что, несомненно, сами могут справиться с Грецией. Тем не менее оба пришли к выводу — в Берлин надо посылать военную делегацию. Возглавит ее начальник главного штаба, генерал Гуццони, Чиано будет сопровождать.

VI

В Берлине итальянцев встретили пренебрежительно, глядели как на бедных родственников. Несомненно, такое отношение исходило от Гитлера. Чиано уловил это сразу — он знал повадки придворных кругов. Было бы иначе, германские военные не осмелились бы вести себя так заносчиво.

Посетив Берлин в январе сорок первого года, Галеаццо Чиано понял еще одну горькую истину: они, итальянцы, больше не представляют для Гитлера особой ценности как союзники. До него дошел злой каламбур, распространенный в Берлине. Об Италии говорили: она всегда была безопасным врагом и опасным союзником... И все же стратегическое положение Италии понуждает немцев возиться с ними, вытаскивать за шиворот из лужи, в которую так неосторожно сел Муссолини в Греции. Проницательный Чиано сделал вывод: значит, Гитлер все же нуждается в итальянцах.

А Гитлер давно ждал визита. Знал — рано или поздно итальянцы приедут сами. В то время, когда в имперской канцелярии он принимал генерала Гуццони, напыщенного толстяка в крашеном парике, и скептически слушал его рассуждения о мифическом контрударе в направлении Корицы, штабные офицеры в Цоссене уже трудились над планом «Марита». Гитлер сонно глядел на итальянского генерала, разукрашенного, будто павлин, ждал, когда он кончит, и, не утерпев, все же спросил:

— Если у вас на севере сосредоточено десять дивизий, зачем же вы отступаете?

— Мы выжидаем время,— Гуццони бухнул первое, что пришло в голову.

Чиано кусал губы. Вот дуб! Никакой гибкости... Кто поверит в такую галиматью?..

— Значит, дуче прав, когда пишет, что вы не так уж заинтересованы в нашей помощи? Я рад за вас...

— Нет, нет! — Гуццони испуганно перебил Гитлера. Он не заметил иронии.— Ваша помощь нам крайне необходима.

— Хорошо, будем говорить о помощи. Фельдмаршал Кейтель, что мы можем сделать?

Ввязываться в балканский конфликт Гитлеру не хотелось, пусть Муссолини выпутывается сам. Но он знал, что рано или поздно придется вмешиваться. Черчилль не будет Черчиллем, если не использует ситуации. Англичане обязательно высадятся на континенте,— значит, очутятся еще ближе к румынской нефти. Рейхсканцлер предвидел это, когда в декабре подписывал директиву «Марита». Он с этого и начал.

«Вследствие опасной ситуации, сложившейся в Албании,— писал он,— для нас вдвойне необходимо парализовать попытки англичан создать базы под защитой балканского фронта, что было бы в высшей степени опасно как для Италии, так и для нефтяных промыслов Румынии».

Запустив руку в румынскую нефть, Гитлер ни за что не хотел расставаться с добычей. В предстоящих событиях на востоке нефть необходима ему, как воздух, как снаряды и танки.

Пятого декабря полковник Хойзингер в присутствии Иодля и Кейтеля докладывал Гитлеру об окончательном варианте «плана Барбаросса». Был здесь еще командующий сухопутными силами Браухич и его педантичный начальник штаба Франц Гальдер. Гитлер остался доволен. Из Хойзингера выйдет толк! Полковник сумел уловить его главную мысль: в борьбе с Советской Россией прежде всего надо уничтожить живую силу, окружить и уничтожить. В этом и только в этом ключ молниеносной войны.

Рейхсканцлер сделал несколько частных замечаний и восемнадцатого декабря в Берхтесгадене подписал директиву. Гитлер чувствовал себя именинником. Заветная мечта начинала сбываться, подготовка к войне идет полным ходом, к пятнадцатому мая все будет закончено. Теперь главное, чтобы никто не прознал раньше времени о «Барбароссе». Гитлер так и написал в директиве: «Особое внимание следует обратить на то, чтобы не было разгадано намерение произвести нападение».

Пока это удавалось.

Адъютант Шмундт старательно вывел на оригинале порядковый номер директивы: «№ 21». В сейфе папки «Марита» и «Барбаросса» стояли рядом — «Марита» значилась под № 20. Она составляла неотъемлемую часть «плана Барбаросса».

И в самом деле, в предстоящей кампании балканские страны послужат плацдармом для удара по Украине с выходом на Сталинград и Закавказье. Поэтому обстановка на Балканах привлекала пристальное внимание Гитлера. Правое плечо гигантского фронта должно быть свободным. Опрометчивость Муссолини осложнила дело. Того и гляди англичане высадятся на скалистом греческом побережье. У Гитлера есть данные — Черчилль что-то задумал. Он успел уже оккупировать Крит. Вот натура! Ведь сам едва дышит, как кит, выброшенный на отмель... Но кто знает, может быть, Черчиллю удастся выстрелить из пистолета, направленного на Балканы. Кто знает, кто знает... Надо предусмотреть и парализовать британские усилия.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

I

В подземном кабинете стояла немая тишина склепа. Премьер обычно спускался сюда во время налетов — в бомбоубежище. Но налеты происходили так часто, что Черчилль, находясь в городе, проводил здесь значительную часть времени. Это не то что моррисоновские убежища. Здесь безопасно, можно думать, не отвлекаясь. Даже выстрелы зениток едва достигали до подземелья мягкими, приглушенными хлопками. Да и удары бомб, если они падали недалеко, раздавались глухо, почти беззвучно, и только дребезжание бронзовой чернильницы говорило об интенсивности германских налетов. На этот раз бомбы падали где-то далеко, вероятно в районе Пикадилли, и тишина кабинета не нарушалась.

Премьер рассеянно перелистывал страницы евангелия — искал цитату для выступления. Так же, как в сочинениях древних философов, в евангелии тоже можно найти мудрые изречения. Надо лишь подобрать то, что соответствует моменту. «Кажется, я похожу на схимника,— подумал он, прерывая ход мыслей.— Подземная келья, святое евангелие...»

Черчилль искал цитату и не мог найти... Не то... Не то... Прочитал: «Всякое даяние — благо». Тоже не то. Нужно о смоковнице, о дереве, которое узнается по своим плодам. Как раз уместно привести на военном совете, если кто вздумает сомневаться. Вообще-то премьер не ожидал возражений, но на всякий случай готовился отразить их, если возникнут. Старый, опытный полемист знал, что в доказательствах в споре иногда решает острое, хлесткое слово. Для этого нужно заранее отшлифовать, отточить шпагу, чтобы вступать в бой во всеоружии.

Но, может, взять цитату: «Всякое даяние — благо»? Пригодится. Она имеет прямое отношение к поискам союзников.

Уинстон Черчилль всюду искал союзников. Любых, кто хотя бы на йоту мог облегчить положение империи. Де Голль — так де Голль, греки — так греки. Не все ли равно! Утопающий цепляется за соломинку. Был бы волос, ухватился бы за него... Премьер вспомнил выступление в парламенте. Это было вскоре после Дюнкерка. Тогда он только что пришел к власти. Ему совсем ни к чему было рисовать обстановку в розовом свете, наоборот, лучше сказать британцам горькую правду, припугнуть и вселить надежду. Он так и сделал, сравнил Англию с человеком, брошенным в открытом море, среди бушующих волн: «Британия едва держит голову над водой, но мы напряжем силы и вырвемся из пучины».

Когда это он говорил? Полгода назад. Даже больше. Теперь не на кого сваливать. Не слишком ли долго Британия находится в положении утопающего? Волны захлестывают все сильнее, тянут ко дну, не дают поднять голову. В таких условиях действительно «всякое даяние — благо». Де Голль не такое большое «даяние», но все же соломинка.

Черчилль не принимает его всерьез. Приказав арестовать адмирала Мизелье, правую руку де Голля, он не поставил даже в известность руководителя «Свободной Франции». Черчиллю сообщили — Мизелье не только жулик, но и шпион. Вот с кем приходится иметь дело...

Черчилль пришел к выводу: при всех условиях грекам следует оказать помощь, хотя бы символическую. Даже если греки в ней не нуждаются... Англичанам необходимо там закрепиться. Кто владеет Балканами, «подбрюшьем Европы», тот влияет на европейскую политику. Гитлер и Муссолини поняли это. Гитлер захватил Румынию, хозяйничает в Болгарии, итальянцы проглотили Албанию и напали на Грецию. Теперь очередь за Югославией. Кому-то она достанется?

Современная Европа представилась Черчиллю универсальным магазином во время погрома. Каждый тянет, что ему нравится. Один он оказывается вне игры. Отсиживается в склепе, прячется от бомб, которые вываливаются из животов «юнкерсов». Но все же Черчилль переиграет, попробует прийти на помощь грекам.

Для экспедиционного корпуса нужно порядочно войск — тысяч пятьдесят, не меньше. Их можно снять из Египта, дополнить морской пехотой. Если на военном совете подымутся возражения, то прежде всего по поводу войск. Он видит ироническую, подчеркнуто вежливую улыбочку, с которой ему зададут вопрос: «Полагает ли достопочтенный премьер-министр, что мы вправе идти на такой риск — снимать войска с ответственного театра военных действий и бросать в сомнительное предприятие? Разве угроза вторжения для Англии миновала?» Черчилль знает, кто задаст такой вопрос. Скорее всего... Впрочем, дьявол с ними, кто бы ни задал! Он заставит их согласиться со своим предложением! Убедит, докажет. Великобритания существует века, века будет существовать. Надо думать о будущем империи. Позиции на Балканах так же важны, как Гибралтар, как Мальта. Прежде всего следует начинать с острова Крита. Кажется, сам господь бог создал его для военной базы на подступах к Ближнему Востоку.

Премьер скажет на военном совете... Что он скажет?.. Ага, вот она, наконец, цитата! Евангелие от Матфея. Он приведет ее целиком и на память. Черчилль громко вслух прочитал евангельское изречение: «По плодам узнаете их. Собирают ли с терновника виноград или с репейника смокву?»

Приоткрыв тяжелую стальную дверь, в кабинет вошел секретарь.

— Вы меня вызывали, господин премьер?

Раздосадованный, что ему помешали, Черчилль недовольно сказал:

— Для этой цели есть электрический звонок. Он изобретен еще в прошлом веке... Я не вызывал вас.

— Но мне показалось, будто вы говорили... Извините, господин премьер...

— Подождите, подождите! Если уж так случилось, не будете ли вы любезны сообщить мне о последних новостях в мире? — Черчилль успел принять добродушно-снисходительный тон, которым разговаривал с подчиненными.— Кто мне звонил?

— Да лорд Эмерли. Сообщил грустную весть: сегодня днем на берегу Темзы погиб лорд Кингтон. Подорвался на морской мине. Пытался ее обезвредить...

— Кто, кто? Лорд Кингтон?.. Да упокоит господь его душу! — Премьер-министр молитвенно сложил руки и склонил голову. Так он стоял некоторое время. Губы его шептали заупокойную молитву.

Весть о гибели Кингтона опечалила премьера. Черчилль так и не побывал в Викториахаузе у чудаковатого старика. Недавно Эмерли рассказывал ему, что немецкая бомба разрушила дом Кингтона — Викториахауз. Видно, от современных бомбардировщиков нельзя скрываться в глубинах прошлого. Под конец своих дней Кингтон сам понял это. Плюнул на развалины и переехал в Лондон. Он считал себя опытным пиротехником, стал разминировать морские мины, которые немцы швыряли в Темзу. Эмерли говорил — неплохо бы старика представить к награде. Кингтон заслужил крест Виктории или орден Подвязки. Не шуточное дело — обезвредить одиннадцать морских мин. Премьер обещал поддержать. Теперь уже поздно. Не на двенадцатой ли мине он подорвался? Может, на тринадцатой? Тринадцать — несчастливое число.

— Когда это произошло?

— Между десятью и одиннадцатью часами. Лорд Эмерли сказал, что по утрам в это время Кингтон приходил на берег.

— От него что-нибудь осталось?

— Нет, господин премьер-министр, лорд Эмерли передал — ничего. Только обломок трости. Все, что осталось от него и его слуги. Так сказал лорд Эмерли.— Секретарь не хотел принимать ответственность за информацию, ссылался только на лорда Эмерли.

— Бедный, бедный Кингтон! — повторил еще раз премьер.— Вот и ушел от нас последний представитель золотой эры Великобритании. Золотой эры королевы Виктории... Да, надо думать о будущем империи. Ничего, что мы не в силах еще поднять голову над поверхностью,— все равно мы остаемся теми, кем создало нас провидение — властелинами мира. Вызовите машину, Бутфорд, мне пора ехать на заседание.

— Слушаюсь, господин премьер-министр.— Секретарь так и не разобрал, о чем говорил Черчилль.

Предложение премьера оказать военную помощь Греции приняли без возражений. Из небогатых ресурсов выделили пятидесятитысячное войско. Липерту, британскому послу в Афинах, поручили довести до сведения греческого правительства о решении кабинета. Если греки откажутся от помощи, на них следует оказать давление. Пусть сэр Липерт сам изыщет для этого пути. Черчилль доверял опыту британского посла.

Премьер покинул заседание в хорошем настроении. Прощаясь с Иденом, шутливо сказал:

— Я имею на вас свои виды — поезжайте в Афины. Если в Греции даже постигнет нас неудача, мы приобретем нового союзника. На худой конец, в Лондоне прибавится еще одно эмигрантское правительство. Король Греции должен быть под руками. Это пригодится в дальнейшем. «Всякое даяние — благо»,— как говорится в евангелии... В том, чтобы помогать Греции, мы заинтересованы больше, чем сами греки. Учитесь оказывать помощь, мой дорогой сэр Антони! — Премьер рассмеялся густым, басовитым смехом.

II

К страху, очевидно, нельзя привыкнуть. Во всяком случае, так думала Кэт, Кэт Грей, девушка из Ист-Энда. При свисте бомб она невольно втягивала голову в плечи, и под ложечкой у нее начинало сосать, холодить, будто проглотила ледышку, и предательски слабели ноги. Но Кэт не стеснялась возникавшего чувства страха, как делали это другие, и откровенно, с легким юмором, говорила: «Во время бомбежек у меня тошнит под коленками...»

Состояние постоянного страха, в котором пребывали лондонцы в ту зиму, вызывало скорее не привычку, но отупение. В свою очередь у многих оно переходило в равнодушие и безразличие.

Однако к самой Кэт все это не относилось. Ее душевное состояние уж никак нельзя было назвать апатией. Нет, вопреки всему, Кэт оставалась общительной и жизнерадостной девушкой, способной посмеяться и даже при случае немного пококетничать.

Как и прежде, Кэт работала оператором в центре противовоздушной обороны. Ходила на дежурства, а свободное время проводила главным образом дома или иногда ходила гулять с «маленьким Беном». Он зачастил в Ист-Энд, к Греям. Раза два появлялся Джимми Пейдж, преуспевающий и все более лысеющий лейтенант. Лейтенанта он получил в начале зимы и заходил похвастаться новыми погонами и офицерской формой. Джимми очень пренебрежительно отозвался о Роберте. Это возмутило Кэт, она прямо сказала об этом. Джимми надулся, обиделся, долго не приходил, но потом появился снова.

Пришел он как раз в тот вечер, когда Бен Стивенс привел своего друга Альвареса. Вместе неплохо провели вечер. Выпили бутылку вина, которую принесли американцы. Они оказались хорошими ребятами. Особенно Бен. Такой добродушный, милый увалень. Чем-то напоминает Роберта. Кэт настолько успела привыкнуть к «маленькому Бену», что называла его домашним медведем, и, когда тот долго не приходил, девушке немножечко его недоставало.

В тот вечер Бен вел себя как-то странно. Сказал, что собирается уезжать в Америку. Все ему завидовали, а он сидел скучный, и казалось, что возвращение в Штаты совершенно не радует парня. Зато Альварес вел себя шумно и весело. Он непрестанно острил,

рассказывал смешные истории. Кэт смущали только его пронизывающие, словно раздевающие глаза. Становилось не по себе, когда он смотрел на нее или невзначай касался руки. Но в общем Фостер Альварес ей тоже понравился. С Пейджем американцы как будто сдружились, во всяком случае завели какой-то деловой разговор. Кэт не расслышала, о чем они говорили в прихожей,— кто-то что-то предлагал сменять или купить. Нашли время для коммерческих сделок!..

Мужчины уговорили Кэт выйти с ними на улицу. Хоть до автобуса... В ту ночь в Ист-Энде не было воздушной тревоги. Американцы уехали, а Джимми вернулся проводить Кэт. Он снова вел странные разговоры, о чем-то сожалел, говорил намеками о своих чувствах, а потом сказал, что теперь стал обеспеченным человеком и, если найдется подходящая девушка, не прочь жениться.

— А ты все ждешь Роберта? — спросил он.

— Конечно! А как же!

— Думаешь, он тебя тоже ждет?

— Уверена!

— Ну-ну! Блаженны верующие! — Джимми неприятно усмехнулся.

Кэт передернуло.

— Почему ты так плохо думаешь о Роберте? Ведь ты его знаешь, он твой товарищ.

— Как раз неплохо. Я не осуждаю его. Он мужчина и живой человек.

— Джимми, ты начинаешь говорить гадости!

— Не буду, не буду...

Остановились на углу улицы. Со стороны Вест-Энда доносились гулкие взрывы, отрывистый стук зениток. Улица была пустынна. Пейдж стоял молча, словно прислушиваясь к отдаленной канонаде. Вдруг привлек к себе Кэт, схватил ее, пытаясь поцеловать. Кэт увернулась, только влажные губы скользнули по щеке. Она вырвалась и гневно сказала:

— Что это значит, Джимми? Как не стыдно!..

Пейдж снова усмехнулся. Почему у него такой противный смешок? К его усмешке примешивалась скрытая ярость. Он был разозлен неудачей.

— Ничего не значит... Одним можно, другим нельзя. Если я не американец...

— Джимми! — Кэт подняла руку, точно защищаясь от удара. Пейдж не окончил фразы. Кэт задохнулась.

— Ты... Ты... негодяй!

Кэт с размаху ударила его по щеке. Джимми отшатнулся, подался вперед и грязно выругался. К счастью для Кэт, она ничего не слышала. Закусив губу, чтобы не разрыдаться, девушка побежала по улице, свернула в подъезд. Джимми стоял, ярость, клокотавшая в нем, стала понемногу спадать, но не так-то легко было унять ее.

— Ты еще вспомнишь это! Я не забуду...— Он еще раз выругался, как ругаются пьяные матросы. Как-никак Пейдж работал в морском интендантстве...

Утром, уходя на работу, Кэт сказала матери:

— Мамочка, если зайдет Бен или Альварес, не принимай их, говори, что меня нет дома.

Миссис Грей удивленно посмотрела на дочь.

— Что случилось, Кэт? Они обидели тебя?

— Нет, нет, мама, ничего не случилось... Просто не хочу с ними встречаться. И с Пейджем тоже... Ну, я пошла, мама!

Вот, пожалуй, и все, что случилось за последние дни в жизни Кэт.

Через день Испанец заехал к Греям, и мать поступила так, как просила дочь. Испанец собирался подождать Кэт, но миссис Грей сказала, что ей нужно куда-то уйти. Фостер пришел с большим свертком и унес его обратно. Миссис Грей с вожделением проводила глазами пакет — американцы всегда приносят такие вкусные вещи. Она огорчилась. Странно, почему Кэт не хочет больше с ними встречаться?

Мать рассказала Кэт о появлении Альвареса, высказала сомнение, правильно ли она поступает, но девушка осталась непреклонна. Миссис Грей едва не сказала дочери того, о чем упорно думала последнее время. Уж если говорить о хорошей партии для Кэт, то она, несомненно, предпочла бы голодранцу Крошоу солидного американца. Кэт уехала бы в Штаты, а потом, как знать, может, забрала бы к себе родителей. Все равно отец скоро должен выйти на пенсию.

Но свои мысли миссис Грей держала пока при себе. Она представляет, как взорвалась бы Кэт. Взбалмошная девчонка! Что ей дался этот нищий моряк Крошоу? Пишет, пишет ему и даже не получает ответа.

Кэт Грей по-прежнему аккуратно писала Бобу, конечно, не так часто, как первое время. На последнем письме поставила цифру «73». Написала и не отправила. Так же, как с полдюжины других писем. Кэт не знала нового адреса Роберта. В прошлом месяце ее письмо почему-то вернулось обратно с лиловым штемпелем: «Адресат выбыл».

Письма Кэт приобрели форму своеобразных дневников, она записывала все, что с ней происходило, делилась с Робертом мыслями, планами, запечатывала письма в конверт и складывала их стопочкой в письменном столике. Кэт не была суеверна, но почему-то наивно верила в то, что сбудется загаданное в разговоре с Бобом перед отъездом,— война закончится, когда напишут по сотне писем. То, что письма не отправлены, не имеет значения, Боб все равно их прочтет, когда приедет или пришлет новый адрес.

Досаднее всего было то, что теперь Кэт не могла уже поехать к Крошоу, к тетушке Полли, и расспросить про Роберта. После несчастья, случившегося в их семье, тетушка Полли больше месяца

провела в психиатрической больнице, и потом дядя Джон увез ее в деревню, куда-то под Глазго, на север. Роберт, возможно, еще и не знает о несчастье. Бедный Боб, он так любил Вирджинию!

У Кэт Грей не было от Роберта тайн. Она могла говорить с ним в письмах, будто сама с собой. Лишь в последний раз, когда произошел неприятный разговор с Джимми, ей почему-то не хотелось об этом писать. Она рассказала о новом знакомстве с Альваресом, но о Пейдже упомянула глухо: «В тот же вечер заходил Джимми. Сияет, в новой форме. Мне он не нравится. Имей в виду, к тебе он очень плохо относится».

Кэт, задумавшись, сидела над письмом Роберту, когда в прихожей раздался звонок. Пришел Испанец. Кэт узнала его по голосу и торопливо сунула недописанное письмо в ящик стола. Мать ответила, что Кэт еще не вернулась, вероятно, заночует на службе.

— Странно...— сказал он,— я был уверен, что мисс Кэт дома. Странно...

Альварес ушел, раздумывая над повторной неудачей. Он твердо знал, что Кэт дома. Он приехал раньше, ждал на улице, когда Кэт вернется с работы. Он видел, как она входила в подъезд. Первый раз, может, верно, что девчонки не было, но сейчас старая миссис чего-то петляет. Здесь что-то не то. Его не проведешь! Но почему Кэт не хочет встречаться? Неужели придется обращаться за помощью к Бену?..

Поразмыслив, Альварес пришел к выводу — без Стивенса не обойтись. Вечером зашел в его комнату и сказал:

— В субботу, Бен, будем тебя провожать. Пригласи Кэт. Остальное беру на себя.

— Никого не стану приглашать. И вообще отстань от меня!

— Тогда, хотя это мне неприятно, я доложу шефу, что ты срываешь его задание.

Угроза подействовала.

— Что ты от меня хочешь? — спросил Бен.

— Так-то вот лучше! — Испанец блеснул жгучими глазами и улыбнулся.— Меня почему-то не принимают в доме Греев...

— Правильно делают.

Испанец пропустил мимо ушей замечание Бена.

— В субботу мы составим маленькую компанию. Я приглашу кое-кого. Поводом будет твой отъезд. За тобой Кэт. Сегодня мы к ней заедем. К тебе девчонка больше привыкла.

Стивенс вздохнул. Испанец втягивает его в грязное дело. Хотел отказаться. Подумал о Доновене — шеф в самом деле не спустит.

— Ладно, дьявол с тобой, поедем!

Всю неделю Кэт работала в дневную смену. Возвращалась не поздно, и сотрудники Доновена приехали в Ист-Энд засветло, когда только начинало смеркаться. Миссис Грей встретила их в прихожей и опять сказала, что Кэт еще не приходила домой.

— Если вы разрешите, мы подождем ее, миссис Грей.— Бен

добродушно улыбнулся пожилой женщине и смущенно добавил: — Вы уж извините, я заехал прощаться. Еду в Америку.

— Вы еще в прошлый раз говорили об этом. Значит, не уехали? А я думала, вы где-нибудь по пути к дому. Говорят, к вам надо долго плыть на пароходе...

— Пришлось задержаться...

Миссис Грей не успела сказать джентльменам, что Кэт, вероятно, задержится. Она медлила. Внезапно ее охватили сомнения. Может быть, ради такого случая Кэт не станет на нее сердиться... Внимание жены банковского чиновника привлек объемистый сверток. Его держал в руках «маленький Бен». Не уплывет ли в третий раз сверток из их квартиры? Миссис Грей догадывалась о его содержимом.

Пока женщина раздумывала, Бен шагнул вперед и протянул миссис Грей сверток.

— Здесь для вас кое-что, миссис Грей,— как всегда смущаясь, сказал он.— Впрочем, разрешите, я помогу его развязать.

Бен взял сверток и понес его в кухню. Альварес двинулся за ними. «Ласковый, черт!» — подумал он про Стивенса.

Бен в самом деле отличался какой-то особенной склонностью оказывать людям услуги. Он находил удовольствие в этом, делал это с таким искренним и бескорыстным видом. Миссис Грей была покорена. Какие обходительные джентльмены!

— Может, вы разденетесь, господа? Кэт должна скоро вернуться.

Через четверть часа пришла Кэт. Она немного задержалась на почте. Вчера пришло наконец письмо от Роберта. Он жив и здоров, у него все в порядке, но загнали их куда-то очень далеко. Куда — не пишет. Цензура все равно вычеркнет. Вероятно, где-нибудь в Средиземном море. Хитрец этот Боб! Дважды повторил фразу, что погода стоит изумительная и в свободное время они загорают на солнце. Очень много света, не то что в туманном Лондоне.

На письме стоял номер семьдесят два. Значит, шесть писем Кэт не получила. Может, еще придут. Кэт огорчилась, но не особенно. Главное — есть новый адрес. На почте отправила сразу все письма и в радушном настроении вернулась домой. Узнав, что ее ждут гости, девушка нахмурилась, бросила на мать укоризненный взгляд.

— Бен приехал проститься, Кэт. Мне не хотелось его огорчать, он такой обходительный.

Кэт согласилась. Американские ребята совсем и не виноваты в том, что сказал ей Пейдж. Встретила их, будто бы ничего не случилось. Альварес сказал:

— Бен в субботу нас покидает. Мы хотим его проводить и очень просим вас разделить с нами компанию. Мы бы могли заехать за вами на «джипе».

— А Бен тоже просит? — кокетливо спросила Кэт. Ей нравилось смущать «маленького Бена».

От вопроса Кэт Бэну стало совсем тошно.

— Да, Кэт, я тоже прошу, чтобы вы были,— выдавил он из себя. «Какой все-таки я паскудный человек!» — подумал он.

— Бен, милый, когда же вы наконец перестанете смущаться! — воскликнула Кэт.— Хорошо, если мама разрешит, я согласна.

Миссис Грей присутствовала при разговоре.

— Я думаю, это вполне прилично. Надеюсь, ты будешь не одна в мужской компании, Кэт?

— Конечно, конечно,— подхватил Альварес.— Там еще будут несколько девушек, очень воспитанных и приятных. Я уверен, они понравятся Кэт.

Испанец сразу и не подумал об этом. В самом деле, надо кого-нибудь пригласить. Но кого? «Ладно, кого-нибудь достану»,— мысленно отмахнулся он. Посидели немного и покинули квартиру Греев.

В субботу вечером американский «джип» остановился перед закопченным двухэтажным домом в Ист-Энде. Испанец остался в машине, а Бен отправился за Кэт. Когда Бен ушел, Альварес грубовато сказал спутницам:

— Вот что, сегодня чтобы все было прилично. Особенно прошу тебя, Мэри. Ты как подвыпьешь, сразу лезешь на стол танцевать. Чтобы этого не было.

— Ладно, котик, для тебя все сделаю,— Мэри протянула руку и потрепала Фостера по щеке.

— И вот еще — чтобы без таких фамильярностей.

— Да что ты, в самом деле, везешь нас на прием к королю? Подумаешь! Будто бы я не бывала в приличном обществе...

Вторая спросила деловитым тоном:

— Мы останемся на ночь или раньше отпустите?

— Не знаю.

— Если раньше, отвезите нас на машине. Иначе я не согласна. Верно я говорю, Мэри?

— Разумеется!.. Котик, ты нас отвезешь на машине?

— Если буду свободен.

Подруги зашушукались.

— Я тебе говорила, не надо связываться. Ты всегда что-нибудь придумаешь, Мэри! — шептала вторая недовольным голосом.

— А что? Все равно нечего делать.

— Ну да, сейчас война, мужчин свободных сколько угодно. Здесь, может, проездишь и даром... Надо заранее договориться.

— Тихо вы! — оборвал их Альварес.— Все будет в порядке. Вы меня знаете... Здравствуйте, мисс Кэт! Садитесь рядом со мной. Надеюсь, Бен не станет ко мне ревновать? Знакомьтесь. Наши приятельницы.

Кэт поздоровалась. Она была в своей шубке, которая так шла к ней. Для вечера Кэт решила расстаться с военной формой. Ей

порядочно надоели тесный, сковывающий движения китель и галстук. Бен взобрался назад, потеснив девушек. Альварес сказал про них: «Мои знакомые». Бен всю дорогу молчал.

На проводах было весело. Сидели за столом в просторной комнате старинного особняка. Пылал камин, а на столах горели свечи в тяжелых канделябрах. Кроме Испанца, «маленького Бена» и девушек, с которыми познакомилась Кэт, пришло еще несколько мужчин. Кэт не запомнила их имена. Она много пила. Альварес непрестанно наполнял ее бокал.

— Нет, нет, это слишком крепкое,— останавливала она, когда Фостер будто случайно подливал ей ром или виски в недопитый бокал с вином.

Туманилась и кружилась голова. Кэт чувствовала себя все беззаботнее и веселее. Фостер куда-то на минуту исчез. К ней придвинулся Бен и тихо сказал:

— Не нужно так много пить, Кэт, вам может быть плохо.

— Почему? Вы не хотите выпить со мной, Бен? За ваш отъезд! Чтобы вы меня не забывали. Не хотите? — Кэт засмеялась и подняла бокал.— Вы такой милый, Бен! Я довольна, что вы пригласили меня...

Все же в середине вечера Кэт стало не по себе. Она вышла в холл — там прохладнее. Разгоряченная, с затуманенной головой, Кэт полной грудью вдыхала воздух.

Почувствовала, что кто-то ее обнимает. Рядом стоял Альварес.

— Не надо, оставьте меня!

— Но вы мне нравитесь.

— Пойдемте.

Опираясь на его руку, она вернулась в зал.

Кэт не заметила, как постепенно поредела компания. Остались только Бен, Испанец, две девушки — Мэри и Лина — и еще кто-то. Этот незнакомый подсел к Мэри, что-то ей говорил, лез целоваться. Мэри громко хохотала и отбивалась. Лина, худая девушка с озабоченным, изможденным лицом, сидела одна и ела. Она весь вечер ела и, казалось, не могла насытиться. Потом, скучая, глядела на всех и украдкой зевала. Словно в тумане Кэт различила устремленные на нее грустные, страдающие глаза Бена. Откуда-то издали донесся голос Альвареса. Это было смешно и странно, потому что Альварес сидел с ней рядом.

— Теперь, по английской традиции, выпьем за короля. Кэт, где ваш бокал?

Она не смотрела, что налили ей. Кэт хотела что-то сказать, но, забыв что, рассмеялась. Заплетающимся языком все же сказала:

— Давайте, давайте... За короля... Кажется, я совсем опьянела...

Кэт отпила из бокала, хотела поставить его на стол и, покачнувшись, разлила вино на скатерть.

— Мэри, отведи Кэт в мою комнату. Вторая дверь направо. Ей надо прилечь...

Слова Альвареса едва достигали сознания. Это было последнее, что запомнила она в тот вечер.

Очнулась Кэт утром, и первое, что бросилось ей в глаза,— разбросанные в беспорядке вещи: белье, чулки, скомканная блуза. Какое-то мгновение она не могла понять, где же она находится. Кэт никогда не оставляла одежду в таком беспорядке. Значит, кто-то ее раздевал. Девушка с трудом повернула тяжелую голову. Рядом, уткнувшись в подушку, спал Альварес. Кэт сразу все поняла и ужаснулась. Первым ее ощущением было чувство брезгливости. Это чувство заставило вскочить. Поспешно начала одеваться. Непослушными, дрожащими пальцами натягивала чулки, застегивала пуговицы, сунула руки в измятую, залитую вином блузу.

— Боже мой, боже мой, что же со мной случилось? — беззвучно шептала она.

Кэт чувствовала, как дрожат ее губы. Она напрягала силы, чтобы не разрыдаться. Во что бы то ни стало ей надо скорей, как можно скорей покинуть страшную, пропахшую табаком комнату. Уйти так, чтобы не проснулся этот... Но она разбудила его своими торопливыми движениями. Испанец открыл глаза, увидел Кэт, потянулся.

— Ты уже проснулась, крошка? С добрым утром...

Кэт, не отвечая, бросилась к двери. Альварес прислушался к удаляющимся шагам.

— Теперь-то ты никуда не уйдешь...

Он зевнул, еще раз потянулся, встал и начал заниматься гимнастикой.

Вырвавшись в холл, Кэт сорвала с вешалки шубку и у входной двери столкнулась с Беном. Бен шел умываться. Растерянно остановился с полотенцем и несессером.

— Вы... вы не уехали? Значит... Вы предали меня, Бен!.. Какой ужас! Как это подло!

Кэт всхлипнула, зарыдала и, распахнув дверь, побежала по лестнице.

Не сознавая, куда и зачем она идет, Кэт прошла несколько кварталов. Около витрины, заложенной мешками с песком, остановилась, увидела в стекле свое отражение. Как могла она в таком виде появиться на улице! Свернула за угол, зашла в какие-то развалины, чтобы как-то привести себя в порядок. Сумку она, конечно, забыла. Значит, и деньги. Порылась в карманах, нашла какую-то мелочь.

До центра хватит, дальше пройдет пешком. Главное — чтобы ни о чем не узнала мама. Ах, как это грязно! Как грязно!.. Кэт преследовал тяжелый, застоявшийся запах комнаты, которую она только что покинула. Ей казалось, что и она пропитана этим запахом, вызывающим тошноту и брезгливость. Как она ненавидела себя в эту минуту!..

III

В новогоднюю ночь на море бушевал шторм. Его отголоски доносились до Лондона. На пустынных и неприятных улицах, среди развалин, гулял порывистый ветер, мела поземка, наметая рыхлые, влажные сугробы на тротуарах. Белый снег покрывал закопченные, обгоревшие стены зданий, и казалось, что город погружен в траур. Это отметил премьер по дороге в Чартвилль.

Наступил новый, 1941 год. Что-то принесет он Великобритании? Наступит ли прояснение в военно-политической погоде или над островом по-прежнему будут грохотать взрывы бомб, будут завывать штукасы с леденящим душу визгом и рокотом?

Новогоднюю ночь Черчилль проводил в загородном доме. Он сидел у камина, прислушиваясь к порывам ветра, бросавшим в окно пригоршни снега. В Новый год принято вспоминать о прожитом. Иногда порывы были так сильны, что в стекла хлестали голые ветви деревьев, и тогда казалось, что кто-то стучится в переплеты тяжелых рам. Заботы не покидали премьера и в новогоднюю ночь. Черчилль перебирал в памяти события минувшего года. Может быть, правда, что високосный год приносит излишние беды. Черчилль далек от мысли, что в несчастьях, постигших Англию, повинен он сам. Все вызвано стечением тяжелых обстоятельств.

Порой премьеру казалось, что в машине времени что-то испортилось — сломалась пружина или какое-то зубчатое колесико. За год произошло столько событий, что хватит на десятилетия. Правда, иногда время останавливается, замирает на месте, словно в колесо попало инородное тело, а тогда время начинает тянуться тягуче-медленно, как в бомбоубежище во время налета. Так бывало, когда приходилось чего-то ждать,— например, вестей из Мадрида о переговорах с немцами. Потом время снова убыстряло бег, события напластовывались одно на другое, и стрелка невидимых часов начинала вращаться, будто пропеллер.

Казалось, давно ли Альберт Кессельринг, германский фельдмаршал, сосредоточил воздушный флот на аэродромах Северной Франции? Это было в августе. С тех пор немецкие летчики не покидают британское небо. Скоро два месяца, как они бомбят Лондон изо дня в день, без единого перерыва. Когда это кончится? В Лондоне насчитывают тысячи разбитых зданий.

В августе Кессельринг располагал тремя тысячами бомбардировщиков первой линии, в том числе сотнями штукасов. Гитлер запустил их в серийное производство и испытывает над Англией, как на учебном полигоне. Можно представить, как торжествует Гитлер, сумев преподнести миру такой сюрприз, как штукасы. Они в самом деле страшны, эти пикирующие бомбовозы.

А что он, Черчилль, может противопоставить немцам? Число действующих самолетов тает изо дня в день. Боевые машины можно пересчитать по пальцам на каждом аэродроме. Британского премьера несколько утешало, что германские потери над Англией

вдвое больше британских, по официальным сводкам — даже раз в пять. На деле Кессельринг потерял за три месяца тысячу семьсот тридцать три машины, против девятисот британских. Кессельринг сам ужасается неслыханным потерям. Черчилль узнал об этом от пленного аса, сбитого неделю назад над Лондоном. Он рассказал — из главной ставки, из Берхтесгадена, из имперской канцелярии летят приказы Гитлера наращивать удары, невзирая ни на какие потери. Поэтому, точно москиты в душную ночь, летят на Англию германские самолеты. Их сбивают, они горят в воздухе и на земле, но на смену им приходят другие, жалят распластанное тело страны. Чего же, в конце концов, хочет Гитлер?

Несомненно, британские потери оказались бы еще значительнее, не будь секретного средства оповещения. Его удалось ввести в действие. Изобретенный радар — большой плюс в балансе минувшего года. Пусть радары несовершенны, но они дают результаты. Новые аппараты с возможной поспешностью внедряют в войска. У каждого свое: у Гитлера — штукасы, у англичан — радарные установки. Немцы и не подозревают о причинах своих тяжелых потерь.

Диковинные громоздкие установки, похожие на поднятые, настороженные уши гигантских допотопных животных, все чаще появляются то там, то здесь на побережье и вокруг Лондона. Черчилль наблюдал их работу и остался доволен. Британия должна благодарить изобретателя, профессора Уотсона. Американцы тоже допытываются о радаре, просят проинформировать их о военной новинке. Как бы не так! Пусть ищут простаков где-нибудь в другом месте...

И все же военный баланс минувшего года складывается не в пользу Британии, даже если учесть некоторые успехи в Африке. Уэйвелл сумел остановить итальянское наступление, разбил армию Муссолини. Можно считать, что угроза, нависшая над Египтом, снята — итальянцы отброшены. Если бы удалось еще захватить Тобрук!.. Если бы отпала угроза вторжения в Англию, если бы прекратились налеты... Если бы, если бы... Но пока результаты плачевны. Это надо признать.

Черчилль тяжело поднялся из кресла, перешел к письменному столу. Чтобы освежить в памяти этапы битвы за Англию, перелистал папку донесений штаба противовоздушной обороны. Впрочем, он мог бы обойтись и без нее. Все это происходило почти на его глазах.

Вот сводка, она датирована десятым июля 1940 года. Первая крупная воздушная атака на Англию. Черчилль вспомнил, какое жуткое впечатление она произвела на него. Он не принял ее всерьез. В Дюнкерке Гитлер дал ясно понять, что не хочет воевать с Англией. И вот после этого — удары с воздуха. Неужели Гитлер решился на активные действия? Может быть, он изменил планы, отказался от нападения на Россию? Черчилль задумался. Не слишком ли далеко зашла его игра с немцами? Может, это начало возмездия за коварство, в котором обвиняют премьера его против-

ники? И все же Черчилль остался при своем мнении, считал, что он прав. В правительстве царила растерянность, почти паника, подумывали, не перебраться ли королевскому дому в Канаду. Черчилль с непроницаемым видом утверждал — происходит только война нервов, налеты больше не повторятся.

Он и сейчас думает так же — идет война нервов. Но в сентябре его уверенность поколебалась. В ночь на шестое сентября на Лондон прорвалось шестьдесят восемь немецких бомбардировщиков. В следующую ночь лондонское небо бороздили триста машин с черными крестами на распластанных крыльях. Через неделю произошел еще более тяжелый налет на столицу. Горящий Лондон представлял отличную цель для бомбардировки.

Но странное дело — чем ожесточеннее были бомбардировки, тем больше Черчилль уверялся, что Гитлер не имеет серьезных намерений. Так подсказывали интуиция и секретная информация, стекавшаяся отовсюду. Тем не менее «война нервов» приносила тяжелые беды, главным образом жителям Англии. Но в большой игре Черчилль не придавал значения жертвам, призывал к стойкости, сваливал неудачи на старый кабинет.

Четырнадцатого октября большая часть Пелл Мелл пылала в огне. На одной улице вспыхнуло пять или шесть пожаров. Пожары бушевали в Сент-Джеймс и на Пикадилли.

Пятнадцатого ноября немцы разбомбили Ковентри. Город, подобно помпее, превратился в развалины. После налета Гитлер каламбурил по радио: «Если англичане будут сопротивляться, конвентрирую весь остров...»

Казалось, Гитлер в самом деле хочет осуществить угрозу, но Черчилль не верил,— не может быть, что это серьезно. Убеждения премьера не поколебали ни трехкратные налеты на Бирмингем, ни последняя бомбежка Лондона, наиболее страшная из всех налетов. Немцы прилетели на рождество. В городе возникло полторы тысячи пожаров. Гитлер заканчивал сороковой год двадцатого столетия.

В Южном Лондоне бомба-торпеда упала в Пекеме, заселенном лондонской беднотой. Торпеда разрушила, словно слизнула горячей волной, тридцать прилепившихся друг к другу трехэтажных домов. Лондонцы оказались беззащитными под ударами бомб. Что делать! К началу войны в городе с семимиллионным населением не оказалось ни одного мало-мальски прочного бомбоубежища. Моррисоновские клетки не оправдали себя, они предохраняли от бомб не больше, чем дождевые зонты. Лондонцы назвали их ломберными столами для игры в карты. Черчилль и сам полагал, что не следует тратиться на дорогие убежища в Лондоне,— ведь война разгорится в России. Тогда все верили, что «странная война» на западе останется войной символической, она не пойдет дальше перестрелки патрулей на французской границе. Теперь премьер с искренним возмущением обвинял кабинет Чемберлена в опрометчивой и недальновидной политике.

Однако, если размышлять трезво, произошел огромный про-

счет. Хуже всего здесь то, что лондонская беднота, жители Ист-Энда, Пекема, лишенные крова, штурмуют, захватывают уцелевшие особняки и живут в них, как дома. Полиция бессильна что-нибудь сделать. Это походит на бунт, революцию. А революция опаснее германских бомб, она колеблет вековые устои...

Раздумывая об уходящем годе, Черчилль не приукрашивал события и не сгущал краски. Что говорить, не только военный, но и политический баланс складывается не в пользу Британии. Пришлось пожертвовать многим. Сколько нервов и крови испортили ему американцы! Расхаживают по британским колониям, как покупатели в разоренном поместье. Видит бог, Черчилль делал все, чтобы умерить аппетиты ростовщиков, но его взяли за горло. Отхватили себе восемь баз вдоль Атлантического побережья — от Ньюфаундленда чуть ли не до Огненной Земли. За что? За полсотни старых эсминцев. Это называется арендой на девяносто девять лет.

Хелл сыграл с ним ловкую штуку, обобрал дважды. Американцы присвоили базы и всучили за них устаревшие корабли. Их сразу пришлось ставить в капитальный ремонт. Черчилль написал Рузвельту, выразил недовольство, но кто же возвращает назад военные базы? Разве он, Черчилль, поступил бы иначе?

И все же премьер не считал, что остался внакладе. Политическая выгода несомненна — обмен стратегических баз на эсминцы обострил отношения между Гитлером и Соединенными Штатами. Бог даст, Штаты влезут в войну, тогда станет полегче...

Нет, нет, не так уж все мрачно! В новогоднюю ночь надо думать о лучшем будущем, укреплять в себе бодрость. Нужна уверенность. Войну он повернет на восток, повернет во что бы то ни стало. Американцы помогут. Они тоже заинтересованы. Конечно, им не следует класть палец в рот — отхватят всю руку. Черчилль надеялся на судьбу, на гибкость своего макиавеллиевского ума.

Да, что-то сулит наступающий сорок первый год?..

IV

Соединенные Штаты Америки неотвратимо приближались к войне. Эти предвоенные годы и месяцы в жизни американцев изобиловали событиями самых различных масштабов. Собственно говоря, иначе и не могло быть. События, большие и малые, исключительные и повседневные, напластовывались одно на другое, втягивали в свою орбиту множество людей, создавая пеструю и многоликую жизнь нации. События развивались в кругу мультимиллионеров и среди гарлемской бедноты Нью-Йорка. О некоторых писали в газетах, передавали по радио, но чаще всего события оставались лишь в памяти соприкасавшихся с ними людей. Происходило это либо потому, что они не имели ни малейшего общественного значения и не представляли ценности для истории или

газетных репортеров, либо наоборот — в силу слишком большого значения, причем знать их надлежало только ограниченному кругу особо доверенных лиц.

Одни события не затрагивали судеб отдельных людей, другие вовлекали их в свой водоворот, а третьи, не связанные на первый взгляд одно с другим, неожиданно оказывались звеньями единой, причудливо переплетающейся цепочки сложных человеческих отношений. К примеру, что общего, казалось бы, могло быть между ускоренной событиями в Финляндии поездкой дипломата Семпнера Уэллеса в Европу и делами торгового дома бывшего замоскворецкого купца Данилы Романова — фирмы, где подвизался германский резидент Фирек. Или в какой связи могли находиться мечты простого американского парня Беннета Стивенса о покупке ранчо в штате Георгия с торговлей погребальными саванами в далекой Северной Африке. Или...

Все эти и множество других событий будто бы вписывались симпатическими чернилами между строк на листке внешне безобидного письма шпиона-осведомителя. И только время, да и то не всегда, подобно сложному химическому реактиву, помогает проявить логическую связь исторических событий и разрозненных фактов...

Совершенно безразлично восприняли пассажиры лайнера «Куин Элизабет» появление на верхней палубе немолодого военного, занявшего с женой и сыном каюту по правому борту. Лайнер стоял в манильском порту и уходил очередным рейсом в Сан-Франциско. Это было года за два до вступления Соединенных Штатов в войну.

Сочетание почтенного возраста и звания подполковника не говорило в пользу нового пассажира. В такие годы преуспевающие офицеры давно выходили по меньшей мере в бригадные генералы Подполковник американской армии, с узким, худощавым лицом, торчащими в стороны ушами и выдающимися вперед зубами, был одним из помощников генерала Макартура, занятого реорганизацией филиппинской армии. Шли упорные слухи, что Филиппины получат наконец независимость, и в Пентагоне принимали срочные меры, дабы сохранить в своем подчинении будущую национальную армию.

Имя подполковника, возвращавшегося на родину, было Дуайт Эйзенхауэр. Он относился к категории военных средней руки, и потому ни его фамилия, ни внешность не привлекали ничьего внимания...

Подполковник рассчитывал проездом в Штаты побывать в Европе, но начавшаяся там война нарушила планы, и супруги Эйзенхауэр предпочли отправиться прямым путем в Сан-Франциско. По пути лайнер должен был зайти на Гавайские острова в Гонолулу, точнее, в бухту Перл-Харбор, чтобы забрать оттуда группу американских офицеров тихоокеанской военной базы.

Многопалубный лайнер, выкрашенный по ватерлинию ослепительно белой краской, стоял близ гранитного пирса, красиво выде-

ляясь на фоне тропической зелени и синевы просторной закрытой бухты. Был канун рождества 1939 года. На Мен-стрите уже открылись предпраздничные базары. Витрины магазинов украсились искусственными елками с зеленой бумажной хвоей. На ветвях, покрытых сверкающими хлопьями ватного снега, сидели плюшевые обезьянки. В городе стояла знойная духота. Малайцы торговали янтарным апельсиновым соком со льда, в магазинах бесшумно вращались электрические опахала, создавая видимость прохлады. В сочетании с тропической жарой заснеженные елки, особенно обезьяны на ветвях, вызывали снисходительные улыбки супругов, заехавших кое-что купить перед своим отъездом.

Предстоящий отъезд в Штаты приятно будоражил, волновал, создавал приподнятое настроение. Подполковник снисходительно заговаривал с продавцами, шутил, даже пробовал объяснить хозяину магазинчика, что обезьяны не водятся на заснеженных елках. Малаец вежливо улыбался, соглашался с покупателем, но по всему было видно, что он вовсе не имеет представления, что же такое мороз, снег, холод. Хозяин видел прозрачные кубы искусственного льда только у продавцов прохладительных напитков. Вот полуголый малаец поливает соком ледяную глыбу. Он кричит на всю улицу: «Оранж джюс! Оранж джюс!» А сок прохладными струйками стекает обратно в стеклянный сосуд, похожий на таз.

Оживленные, в самом веселом настроении, супруги отправились в порт. Багаж их уже был погружен на пароход. Оставалось еще около часа до отхода лайнера, и они решили проехать по городу. Когда еще занесет их судьба в этот край! Их автомобиль с трудом вырвался из потока машин, медленно двигавшихся по Мэн-стриту. Они выбрались к побережью и очутились в царстве свайных лачуг, покрытых тростником и побуревшими листьями пальм. Острые, засохшие листья рваной бахромой свисали вниз, похожие на лохмотья людей, снующих вокруг. Роскошь большого колониального города с высокими домами, блеском витрин, нарядной толпой, асфальтом улиц сменили трущобы и нищета. Вероятно, и триста, и пятьсот лет назад свайные хижины выглядели точно так же, как и сейчас, в день отъезда семьи Эйзенхауэров в Соединенные Штаты.

На перекрестке внимание супругов привлекла небольшая толпа малайцев. Увлеченные каким-то зрелищем, малайцы не обратили внимания на притормозившую, сияющую лаком машину. Женщины, дети, мужчины стояли плотным кругом, задние поднимались на носки, вытягивали шеи. В центре толпы два окровавленных петуха — огненно-рыжий и грязно-белый,— изнемогая, дрались не на жизнь, а на смерть.

Подполковник любил петушиные бои, столь распространенные на Филиппинах. В Маниле — в столице с полумиллионным населением — нет ни одного театра, но петушиных рингов достаточно. Эйзенхауэр не раз захаживал в деревянный многоярусный цирк, приспособленный для петушиных турниров, с рингом, партером

и неистовствующей галеркой. Петухов здесь выращивали в каждом доме, и в каждом квартале имелся свой петух-чемпион. Это зрелище для бедноты своей экзотикой привлекало внимание многих богатых туристов.

Петушиный бой в окружении ревущей толпы болельщиков на берегу манильской бухты остался последним впечатлением от Филиппин. Через час подполковник уже стоял на палубе лайнера и смотрел на удалявшийся живописный город, обрамленный кольцом свайных лачуг, столпившихся над водой вдоль илистых берегов бухты.

«Куин Элизабет» пересекла бухту, вошла в длинную и узкую протоку, отделявшую бухту от моря. Пассажиры вышли полюбоваться закатом, искрящимся первозданными красками. Но как только огненный шар исчез за горизонтом, холодная сырость загнала всех обратно в каюты. Ушла и жена, а подполковник все стоял на ботдеке, вглядываясь в стремительно наступающую темноту... С капитанского мостика доносились звонки машинного телеграфа, в кают-компании играла радиола, засвежевший ветер дул прямо в лицо.

Подполковник раздумывал над своим будущим, и, как всегда, изменение чего-то привычного вызывало чувство, близкое к легкой тревоге.

Поездка на Филиппины в какой-то степени оправдала его надежды. Как и многие офицеры, подполковник сам рвался из Штатов в колонию. В Маниле у него была вилла, за которую в Америке пришлось бы платить бешеные деньги. Здесь он имел полный комфорт, необременительную службу и многое другое, что выгодно отличало жизнь в Маниле от пребывания в Штатах. Но что будет дома?

Правда, в военном министерстве остался кое-кто из друзей. Возможно, помогут. Как-никак он проработал там несколько лет. Слов нет — должность была незавидная. Всего-навсего рядовой помощник в канцелярии помощника военного министра. Приятели шутили — помощники в квадрате. Но сейчас, с началом европейской войны, может быть, ему предложат что-нибудь посолидней. Ради этого подполковник и направлялся обратно в Штаты...

Эйзенхауэр начал перебирать в памяти всех, кто бы мог составить ему протекцию. Прежде всего, конечно, майор Кларк — по-старому Марк. У него связи в деловом мире. Связи — великое дело... С Марком они учились в военном колледже. Не может быть, чтобы Кларк забыл приятеля Айка... Мог бы помочь, конечно, и Паттон, но его сейчас нет в Штатах. Вот повезло человеку — стал военным атташе в Берлине... У него хорошая орбита...

Жена принесла теплую куртку и снова ушла в каюту.

— Да, орбита удачная,— восстанавливая прерванную мысль, подумал Айк.— Но вообще-то Паттон бахвал, выскочка...

Полковник считал, что каждый человек имеет свою орбиту, свою систему и вращается среди больших и малых событий, как спутники вокруг множества солнц. Все общество распадается на

подобные системы разной, часто несоразмеримой величины — государства, сословия, корпорации, семейные, дружеские связи, землячества. Системы переплетаются, взаимодействуют, враждуют. Да и он сам разве смог бы получить место на Филиппинах без поддержки людей, связанных взаимным притяжением! Таков закон природы. Он действует в деловых кругах, в космосе и в недрах атома.

Одинокий пассажир, стоящий на палубе, продолжал размышлять.

Да, все стремится вперед. Всё и все. Хотят откуда-то вырваться, что-то захватить, что-то приобрести. Подполковник относил себя к военной корпорации. Вот если бы в Штатах власть перешла к военным — как в какой-нибудь южноамериканской республике!.. Он представил себе: военные управляют государством. Они поддерживают, выдвигают друг друга, распределяют посты. Тогда ему бы не пришлось раздумывать о карьере. Не пришлось бы, имея за плечами полвека жизни, пересекать из конца в конец океан в поисках лучшего... Но это все мечты, мечты...

Стало совсем ветрено. Лайнер краем проходил полосу тайфуна, и брызги падали на ботдек. Подполковник Эйзенхауэр спустился в каюту.

Через несколько суток лайнер пришел в Перл-Харбор. Остров был таким же зеленым, как Филиппины. На рейде дымили военные корабли, стояли неуклюжие авиаматки. Эсминцы, тяжелые крейсеры, подводные лодки теснились в самой бухте, они стояли у причалов, загороженных складами, портальными кранами, горами угля, цистернами для горючего. В стороне поднимались плавучие доки. В военных кругах Пер-Харбор считался такой же несокрушимой базой, как Сингапур, Мальта, но под американским флагом.

В Перл-Харборе лайнер принял на борт с полсотни моряков-офицеров. В салоны и кают-компании «Куин Элизабет» они внесли новое оживление. Пожилой подполковник Эйзенхауэр окончательно затерялся в этом обществе, стал будто бы еще незаметней.

В тот же день лайнер покинул тропический остров, заброшенный в просторах Тихого океана, а еще через несколько суток блистающий белизной лайнер подходил к Сан-Франциско. Супруги Эйзенхауэр прибыли в Штаты.

Как ни старался прибывший на родину подполковник наладить старые связи, сколь ни обзванивал он добрых приятелей, называя себя по старой памяти Айком, большого толка из этого не получалось. Лучшее, что могли ему предложить,— скромную должность начальника штаба дивизии в каком-то захолустном штате. Марк Клар обнадежил — потерпи, старина, попробуем один ход. Он назвал фамилию директора крупнейшего промышленного концерна, выполняющего военные заказы правительства. Концерн заинтересован иметь своих людей в армии. Кларк обещал поговорить. Но, конечно, услуга за услугу — в случае нужды директор должен

рассчитывать на помощь Айка в получении военных заказов для его фирмы.

Пришлось согласиться. На новом месте Айк не располагал виллой с благоухающим тропическим садом, здесь не было туземной челяди, готовой выполнить любую прихоть, и жалованье стало поменьше.

В глубине души подполковник, и особенно его супруга, начинали сожалеть о том, что раньше времени поднялись с насиженного и обжитого места. Но прошло немного времени, и судьба улыбнулась терпеливому подполковнику — впервые после его приезда на родину. В корпусе оказалось вакантное место начальника штаба. Его предложили Эйзенхауэру. Приятель Кларк выполнил свое обещание. Директор промышленного концерна оказался влиятельным человеком в Пентагоне.

Но переход в корпус мало чем отразился на жизни семьи Эйзенхауэров. Дуайт по-прежнему оставался в звании подполковника, жил в том же захолустном штате, и орбита его не распространялась за пределы офицерского круга армейского корпуса. Подполковник оставался все таким же незаметным и неизвестным... А честолюбивые мысли, гнездившиеся где-то внутри, больно кололи самолюбие. Он вновь и вновь обращался к мечтам — вот если бы к власти пришли военные, тогда...

Даже у репортеров, удивляющих поистине собачьим чутьем, когда дело касалось предстоящих выдвижений, фамилия Эйзенхауэр еще долгое время не вызывала ни малейшего интереса. Это с горечью ощущал на себе подполковник. Особенно расстроило его одно событие, которое произошло много месяцев спустя после возвращения Эйзенхауэра в Соединенные Штаты. На какое-то время это событие вышибло из колеи нового начальника штаба корпуса.

Естественно, что события в Европе отразились на внутренней жизни американской армии. Как ни далеко была война, ее отзвуки доходили через океан и заставляли военных призадуматься над тем, что принято называть состоянием боевой готовности войск. Случись что, с такими кадрами много не навоюешь. Даже в сравнении с тем, что пришлось наблюдать Эйзенхауэру на Филиппинах, здесь, в Штатах, многие вещи вызывали тревогу. Начальник штаба знал это по своему корпусу. Знали это и в Пентагоне, предписывая армейскому корпусу провести широкие маневры, приближенные к боевой обстановке.

С этого все и началось. Первоначально казалось, что в штабе предусмотрели все до малейших деталей. Разослали приказы, но корпус сосредоточился на двое суток позже намеченного срока. Еще хуже получилось с пехотным полком, который должен был изображать противника. Он вообще как сквозь землю провалился. Эйзенхауэр сам отправился разыскивать пропажу — полк в конце концов не иголка. Он нашел его милях в тридцати от того места, где проходили учения. Выяснилось, что солдаты ожидали возвращения машин, которые ушли на заправку. Но машины вернулись толь-

ко к ночи, и солдаты решили никуда не трогаться. Они разбили палатки, стали мирно дожидаться утра. Взбешенный начальник штаба и обнаружил их здесь, на опушке леса, в стороне от дороги.

Как-никак учения все-таки состоялись. Была стрельба, в атаку шли танки, в воздух поднимались разведчики и штурмовики. Для людей неискушенных учения выглядели даже эффектно. По крайней мере газетные репортеры, наехавшие в район маневров, остались довольны. Им показали настоящую войну: они ездили в «виллисах», покрашенных в защитный цвет, и были одеты в форму такого же защитного цвета с нашивками на плечах — «Военный корреспондент».

Подполковник как гостеприимный, общительный хозяин показывал и объяснял журналистам все, что возможно. Фотохроникеры запечатлели его за работой в штабе. Снимок мог бы получиться удачный — начальник штаба склонился над оперативной картой и острием карандаша указывает место сосредоточения войск. Но подполковнику снова не повезло. Фотография не появилась в газетах. Там напечатали другую — командир корпуса, представитель Пентагона и он, Дуайт Эйзенхауэр, наблюдают за тактическими учениями. На снимке все было правильно, за исключением подписи. Надо же так переврать! Вместо фамилии Эйзенхауэр — он сам продиктовал ее по буквам корреспондентам — стояла какая-то совершенно другая. Конец подписи выглядел так: «...и подполковник Д. Д. Эрзенбинг следят за атакой».

Почему Эрзенбинг?.. Видимо, репортер, позабыв фамилию, написал первую, пришедшую ему на ум. Лень было рыться в блокноте ради какого-то подполковника...

Эта пренеприятная история сильно расстроила подполковника...

Прошел еще год, и Дуайту Эйзенхауэру удалось наконец перекочевать в Вашингтон. Зимой его вызвали в Пентагон — гигантское круглое здание с множеством комнат, лабиринтом коридоров и внутренних переходов. Он стал работать в отделе генерального штаба, именовавшегося лаконично «Джи-2»,— в разведывательном управлении. Покровитель Айка — директор военного концерна — следил за карьерой своего подопечного.

О Пентагоне, его гигантских размерах и лабиринтах, среди офицеров ходил анекдот: лейтенант, вызванный из дивизии на доклад к военному министру, заблудился в здании и бродил там так долго, что когда вышел наконец из другого подъезда, он был уже в чине полковника. Для Дуайта Эйзенхауэра это не было анекдотом: вступив в Пентагон уже во время войны, заняв там довольно скромную должность в разведывательном отделе, он через полтора года вышел оттуда в звании генерала, вышел для того, чтобы занять солидный командный пост в американских войсках, прибывших в Европу. Но все это было значительно позже. Тайные силы военно-промышленных магнатов Соединенных Штатов помогли ему совершить головокружительную карьеру. В его орбите, в орбите, о

которой думал никому не известный пожилой подполковник декабрьской тропической ночью всего два года тому назад, вращались сотни тысяч людей, судьбами которых он распоряжался. Но сам он в созданном воображением человеческом космосе оставался лишь спутником могучих военно-промышленных концернов Соединенных Штатов Америки.

V

Начало нового года принесло некоторое прояснение политической ситуации. В потоке событий, сменявшихся одно другим, Черчилль выискивал, отбирал главные, анализировал, делал выводы и по мере сил направлял течение в нужное русло.

Прежде всего в начале января в Лондон прибыл Гарри Гопкинс — личный советник Рузвельта. Он пользовался неограниченным влиянием на американского президента. Худой, болезненно хрупкий, но пылкий и язвительно остроумный, Гопкинс произвел выгодное впечатление. С его приездом Черчилль окончательно убедился — американцы намерены участвовать в делах Европейского континента. Ясно, на определенных условиях. Снабженный высокими полномочиями, Гарри Гопкинс прибыл для переговоров о лендлизе — о передаче взаймы американского вооружения. Прямо Гопкинс не говорил об условиях, тянул, лукавил, интриговал, но Черчилль понял — американцы опасаются, как бы Британия не пошла раньше времени на мировую с Гитлером. Штаты не хотят усиления Германии, но и Англию, как тяжело больного, намерены держать на кислородных подушках.

Вообще последнее время американцы зачастили в Лондон. Следом за Гопкинсом появился Уилки — лидер республиканцев. Этот более откровенен. Рассказал о планах Берлина. Оказывается, в Вашингтоне тоже хорошо знают о намерениях Гитлера. Нападение на Россию предрешено. Уилки располагал достоверной и обстоятельной информацией.

В ответ на многообещающие визиты Черчилль решил отправить в Штаты наиболее представительную фигуру. Остановился на Галифаксе — бывшем министре иностранных дел. В мюнхенских переговорах он был правой рукой Чемберлена. Русофоб и опытный дипломат. Как раз то, что нужно. Лотиан был бы тоже на месте, но он умер, и должность британского посла в Вашингтоне оставалась вакантной.

Нового посла отправили в Америку с большой помпой. Черчилль сам поехал провожать его в Скапа Флоу. Лорд Галифакс отбыл вместе с супругой на мощном линкоре «Король Георг VI». Его недавно спустили со стапелей. Пусть американцы знают, каким флотом располагает Британия!

Сведения о подготовке Гитлера к войне с Россией поступали и из других, не только американских источников. Об этом информировал Гизевиус — британский агент и участник военной оппозиции в германской армии.

После длительного молчания вдруг заговорил снова и разведчик Александр Патерсон Скотленд, проникший в немецкий генеральный штаб. Черчилль возлагал на него большие надежды и не ошибся. Семнадцатилетним юнцом Скотленд поступил на военную службу к немцам. Это было еще до первой мировой войны. В разгар боев за Верден вернулся в Англию, но вскоре его снова переправили через границу. Ловкий разведчик сумел завоевать доверие немцев.

После войны Скотленд жил в Лондоне, а несколько лет назад вновь очутился в Германии. Он проник в оперативный отдел генштаба, вошел в доверие, стал там своим человеком. Скотленд явно преуспевает на немецкой службе — награжден орденами Третьей империи, повышен в звании, стал майором германской армии.

Осторожный разведчик после долгого перерыва прислал донесение. Информирует, что происходит в капище германского бога войны. Гитлер весной намерен напасть на Россию. В декабре он подписал директиву — «план Барбаросса». Этому можно верить: британский агент сам принимал участие в разработке стратегического плана вторжения вместе с полковником Хойзингером и другими сотрудниками генерального штаба.

Сообщения тайных агентов и дипломатов окрылили премьера. Из Мадрида Самуэль Хор сообщил, что переговоры с немцами проходят успешно, немцы согласны послать доверенное лицо в Англию. Скорее всего таким лицом будет Гесс, он же Хорн, заместитель Гитлера и его ближайший сотрудник.

Черчилль пребывал в приподнятом настроении. Теперь надо умело создавать ситуацию.

Провожая Идена — министр иностранных дел ехал в Афины,— Черчилль сказал ему:

— Имейте в виду, дорогой мой Антони, возможно, нам и не придется помогать грекам. Все будет зависеть от ситуации.

— Но в таком случае, может быть, мне и не следует ехать? Путешествие не из приятных...

— Нет, нет, езжайте! Убедите короля, что мы готовы защищать их всеми доступными средствами, вселите уверенность в наших силах. Но,— Черчилль помедлил,— запомните еще раз: я несу ответственность только за те распоряжения, которые даю в письменном виде. Вы еще получите мои инструкции.

В конце февраля Иден вылетел в Афины, а через два дня в королевском дворце подписал соглашение о вводе английских войск на территорию Греции. Вскоре в Пирее началась высадка английского экспедиционного корпуса. Корпус насчитывал свыше пятидесяти тысяч человек. Почти одновременно Черчилль отправил Идену конфиденциальное шифрованное письмо — он сообщал ему о слухах по поводу нападения Гитлера на Россию, о германских намерениях ввязаться в балканский конфликт. В заключение Черчилль писал:

«Все это побуждает меня усомниться, располагаем ли мы теперь

возможностью предотвратить судьбу, угрожающую Греции... Не следует побуждать Грецию к безнадежному сопротивлению».

Премьер хотел написать более откровенно: не следует отвлекать Гитлера от России,— но воздержался. Надо осторожно высказывать свои мысли.

В то же самое время Черчилль решил для себя: следует предупредить Сталина о том, что Гитлер готовится напасть на Советский Союз. Это тоже создание выгодной ситуации. Нельзя допускать, чтобы Гитлер беспрепятственно вторгся в Россию. Пусть оба противника обессилят себя до предела. Он, Черчилль, сумеет извлечь из этого выгоду...

Март принес новые огорчения. Внезапно снова сгустились тучи — армия Роммеля пришла на помощь итальянским войскам в Ливии. Успехи Уэйвелла, командующего нильской армией, оказались весьма мимолетными. Правда, Уэйвелл разбил десять итальянских дивизий, захватил четыреста танков, больше тысячи орудий и сто тридцать тысяч пленных, за два месяца он продвинулся на пятьсот миль вдоль африканского побережья, но теперь Уэйвелл вынужден отступать под ударами германских дивизий.

Шестого апреля германские войска вторглись в Грецию и Югославию. Венгерский премьер, граф Телеки, покончил самоубийством. Он даже не знал, что его генеральный штаб через голову правительства предоставил немцам свою территорию для нападения на Югославию...

Самоубийство графа Телеки не взволновало Черчилля, как и столкновение английских передовых частей с танковыми колоннами немцев. Стычки в горных проходах имели символическое значение. Не вступая в борьбу, Черчилль отдал приказ эвакуировать экспедиционный корпус из Греции.

«Будем играть, будем играть,— повторял премьер излюбленную фразу.— Британия может проиграть любую битву, кроме последней,— мысленно говорил он, раздумывая о балканских событиях.— Главное — подняться из-за стола с выигрышем в кармане, когда слуги гасят свечи. Свечи еще не погашены. Будем играть».

Черчилль продолжал создавать выгодную ситуацию.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

I

Эрна Вилямцек, урожденная Кройц, и не подозревала, что ее маленькая судьба, ее жизненный путь, затерявшийся в сплетении миллионов судеб таких же, как и она, людей, соприкоснется с извилистой тропой американского дипломата-разведчика. Ограниченная узким кругом житейских забот, она и не вспоминала о случайной встрече в кино на Шонхаузераллее, что стоит рядом с виадуком электрички, протянувшимся над улицей от Александерплац.

Если бы она только знала, как отразится на ней, на ее семье, больше того — на ее родине тайная встреча двух незнакомых людей в затемненном зале берлинского кино, встреча, невольным свидетелем которой она оказалась! Ну, а если бы знала? Что бы могла сделать Эрна, даже посвященная в тайны международного заговора? Что могла бы она предпринять, молодая, наивно-ограниченная немецкая женщина, довольная уже тем, что ее Франца оставили наконец в покое? Ничего. В те мрачные годы германский народ не мог решить собственную судьбу.

По субботам Эрна и Франц после работы ходили в кино. Франц продолжал работать в пуговичной мастерской Мюллера, и Эрна в конце дня заезжала к нему в Панков. Они медленно шли пешком, покупали билеты в кино и в течение двух часов, забыв обо всем, следили за приключениями, переживаниями героев. Сентиментальная Эрна частенько плакала над чужой судьбой. Но на экране обычно все заканчивалось благополучно, герои преодолевали житейские невзгоды, влюбленные сердца находили друг друга, и Эрна покидала кино растроганная и удовлетворенная. Все обошлось хорошо. Может быть, и они с Францем обретут тихое счастье...

Однажды — это было в конце зимы — Вилямцеки заняли свои места в зрительном зале. Кино заполнилось людьми, и только несколько кресел оставалось свободными. Два из них находились как раз впереди, с самого края среднего ряда. Свет медленно гаснул, когда опоздавший посетитель сел на свободное место. Он был невысокого роста, скорей даже маленький — поверх его лысой головы Эрна свободно могла видеть экран.

Второй посетитель вошел в зал, когда начали демонстрировать старый киножурнал. Эрна досадливо повернулась к нему. Человек отвлекал ее, мешал смотреть, усаживаясь и скрипя откидным сиденьем кресла. Темноту зала заполнили звуки военного марша, дробь барабанов — на экране под Бранденбургскими воротами проходили колонны немецких солдат. Затем показали танки, наступающие на Варшаву, пылающий, разбитый город, выступление Гитлера в поверженном городе. Диктор, захлебываясь, говорил о торжестве германского оружия. Потом показали польскую деревню. Немецкая семья переселяется на хутор. Довольный хозяин осматривает новые владения — коровник, сад. Диктор сказал: «Отныне здесь будут жить немцы»...

Эрна вздохнула: хоть бы их кто-нибудь переселил из Берлина!

Глаза привыкли к мраку. Луч проекционного аппарата бросал достаточно света, чтобы видеть не только экран, но и соседей. Эрна случайно взглянула на спины сидевших впереди нее мужчин. Ей показалось, будто лысый сунул что-то в карман соседа. Так и есть. Но второй ничего не заметил. Эрна толкнула мужа, кивнула ему, указывая вперед, но Франц не понял и спросил шепотом:

— Что ты?

— Потом...

Эрна продолжала наблюдать. Некоторое время лысый сидел спокойно, сосредоточив все внимание на экране. Его сосед осторожно вытащил из кармана пальто пачку каких-то бумаг и переложил их в пиджак. Эрна видела его в полупрофиль — горбинку носа и слегка выдающийся вперед подбородок. Потом в его руке появился другой пакет, что-то вроде туго набитого конверта. Он осторожно сунул пакет в карман лысого маленького человека. Вскоре лысый поднялся и вышел из зала.

Когда сеанс кончился, оба кресла впереди Вилямцеков были пусты.

По дороге домой Эрна рассказала, что случилось в кино. Франц не поверил:

— Это тебе показалось.

— Да нет, я видела своими глазами.

— Не может быть. Зачем им лазить друг другу в карманы?

На том и кончился разговор.

По поводу хроники Франц был иного мнения. Эрна сказала, что хорошо бы переселиться им в Польшу. Он возразил жене:

— У меня нет охоты забирать чужое имущество. Поляков оттуда выгнали.

— Конечно, это плохо, если выселяют с насиженного места. Но уж если так случилось, могли бы поселить и нас. Мы сами не стали бы никого выгонять...

Дома их встретила мать. Она оставалась с внуком, когда по субботам Эрна отправлялась в кино. Сказала, что Францу прислали повестку, приходил какой-то солдат. Вон она, лежит на столе.

Повестка была из военного округа — рядового Франца Вилямцека призывали на военную службу.

— Зачем? Ведь война уже кончилась? — недоуменно спросила Эрна.

— Вероятно, нужно.— Франц еще раз более внимательно перечитал повестку.— На переподготовку. Видишь, я сразу не заметил. Это ненадолго,— Францу хотелось успокоить Эрну.

Из округа рядовому Вилямцеку предписывалось явиться на призывной пункт с вещами через два дня. Так и получилось, что в ту субботу Франц последний раз отработал в пуговичной мастерской. Только все стало налаживаться — и вот тебе на!

В воскресенье поехали к брату. Карл снова предложил поселиться Эрне в деревне — к весне ему нужен надежный человек наблюдать за хозяйством. Молодожены подумали и согласились. Что станет Эрна делать одна? Там хоть будет сыта и в тепле. И сыну тоже как-никак полезнее дышать деревенским воздухом.

В понедельник Франц ушел в армию, а в среду Карл приехал на «пикапе» за Эрной и перевез ее с пожитками в деревню недалеко от Буха, близ Панкова. Но не прошло и недели, как Вилямцек-старший тоже получил повестку. Он ворчал, собираясь в армию. Какая нужна ему военная подготовка? Он огородник. К тому же Вилямцеку за сорок лет. Но повестка строго приказывала Карлу явиться в назначенный день на призывной пункт.

За советом обратился к зятю — Вилли был в это время в Берлине. Просил, не поможет ли Вилли отменить приказ или отложить призыв, сейчас самая работа на огородах. Штурмфюрер не ответил ничего определенного. Приказ есть приказ. Но обещал, если удастся, взять к себе в часть. Там, конечно, служить легче, чем в пехотном полку, куда получил назначение Вилямцек.

Карл ушел в армию, а фрау Герда приняла на себя все хозяйство. Хорошо, что Эрна согласилась поехать в деревню, иначе одной впору хоть разорваться.

А Эрна постепенно входила в новую роль. Погруженная в заботы, охваченная тревогой за Франца, она, конечно, и не вспоминала о том незначительном событии, которое произошло в кино на Шонхаузераллее в последнюю субботу перед призывом в армию Франца.

II

Самуэль Вудс, или просто Сэм, слыл хорошим шпионом. Во всяком случае, таким считали его — и не без оснований — в Бюро стратегической информации. Иногда в секретной переписке Вудса именовали «дядюшкой», опуская и только подразумевая его имя. Имя Вудса давно стало нарицательным и определяло делового, предприимчивого американца. Несомненно, его кличка «дядюшка Сэм» звучала символически. По крайней мере мистер Аллен Даллес, уверенно подымавшийся к вершинам разведки, глубоко был уверен, что каждый американец, отправляясь в Европу по служебным делам, должен обязательно сочетать в себе качества осведомителя и шпиона.

Официально Самуэль Вудс занимал в Берлине должность торгового атташе Соединенных Штатов. Какое-то время Вудс проводил в конторе представительства, но это только отрывало его от основных занятий. В то же время положение коммерсанта позволяло более свободно завязывать нужные связи и добывать полезную информацию, в которой нуждалось не только бюро, но и государственный департамент.

Конечно, один Вудс едва ли мог справиться с обширным кругом обязанностей, возложенных на него Бюро стратегической информации. Но в том-то и дело, что основным качеством дядюшки Сэма была его способность привлекать в помощь нужных ему людей. Одним из сотрудников Вудса был таинственный Джордж, завербованный среди сотрудников германского министерства иностранных дел. Вряд ли кто, кроме самого Вудса и нескольких работников бюро в Вашингтоне, знал настоящее имя маленького человека с лысой головой и сосредоточенным лицом. Казалось, что глаза, нос, губы и даже насупленные брови Джорджа устремлялись в одну невидимую точку, расположенную где-то впереди его лица. Джордж оказывал неоценимые услуги американскому резиденту, и никто не знал, какими путями проникает он к источникам секретнейшей информации.

Торговый атташе не чурался черновой работы — дело есть дело. Действовал он без излишнего риска и только с Джорджем, пренебрегая опасностью, предпочитал встречаться лично. «Золотого Джорджа» Вудс не доверял никому из сотрудников. Джордж в самом деле стоил немало денег. В условленное время они встречались в кино, каждый раз в новом и во время сеанса совали в карманы друг другу: Джордж — записки, Вудс — пачки денег.

Еще в августе минувшего года Вудс через Джорджа получил первую информацию о подготовке германского вторжения в Россию. То были отрывочные и неполные данные. Агент сообщал, что в Берхтесгадене, в Цоссене и в имперской канцелярии регулярно происходят совещания, посвященные подготовке войны с Россией. Гитлер намеревался вступить в войну осенью сорокового года, вскоре после разгрома Франции. Однако рейхсканцлер вынужден был временно отказаться от намеченного плана — мосты, дороги в Польше не подготовлены для прохода тяжелых танков. Приближалось время распутицы, и войска вторжения могли завязнуть на польских дорогах. Кроме того, требовалось время для переброски войск с запада. Активные действия Гитлер перенес на весну следующего года. Теперь этот срок приближался.

Постепенно сообщения о планах Гитлера пополнялись новыми данными, и наконец в половине зимы Вудс располагал достаточно полной информацией.

Вернувшись из кинематографа на Шонхаузераллее, Вудс всю ночь просидел над бумагами Джорджа, кропотливо разбирая условные, кодированные записи. Под утро донесение было готово. Его немедленно отправили в Вашингтон.

Не прошло и недели, как копия информации берлинского резидента лежала на рабочем столе мистера Хэлла, секретаря государственного департамента Соединенных Штатов. Донесение поступило из Бюро стратегической информации с припиской Аллена Даллеса о том, что достоверность информации не вызывает сомнений.

Государственный секретарь с интересом прочитал сообщение берлинского агента. Оно изобиловало важными деталями, вплоть до стратегического развертывания германских войск в предстоящей кампании, и подтверждало, что события в Европе назревают с решительной быстротой.

Агент подтверждал, что армейская группа фон Бока, участвовавшая в разгроме Франции, еще летом прошлого года перебазировалась в Познань. На восток Германии переброшены также 12-я армия Листа, 4-я армия фон Клюге, 18-я армия фон Кюхлера... В сообщении мелькали цифры — номера германских дивизий и армий, двинувшихся с запада на восток. Но государственного секретаря интересовали итоги. Он нашел их — из Франции к границам России переброшена полумиллионная армия.

Кроме того, личный состав двадцати дивизий, якобы расформированных после французского похода, отправлен в Германию и

только уволен в краткосрочный отпуск. Временно распущенные дивизии насчитывают в общей сложности еще триста тысяч солдат. Их держат в резерве на случай экстренной мобилизации.

Но это не все. В сентябре в районе Лейпцига началось формирование новой армии в составе сорока дивизий. Руководит этим генерал-полковник Фромм. Сейчас формирование дивизий подходит к концу. В Германии объявлена мобилизация нескольких возрастов, якобы для прохождения военной переподготовки.

Ссылаясь на данные, полученные из генерального штаба, резидент сообщил и о стратегических замыслах германского вермахта. Решающий удар предполагается нанести в центре, в направлении на Москву. Кроме того, мощные удары с юга и севера завершат молниеносный разгром России. Гитлер еще не назначил точного срока вторжения, но начало боевых действий приурочено к весне текущего года.

В заключение таинственный Джордж информировал, что недавно на совещании Гитлер утвердил особое военное управление для руководства оккупированной территорией. В двадцать одну область Советской России уже назначены немецкие генерал-губернаторы. На этом совещании Гитлер сказал,— Джордж в кавычках привел его слова: «В наступившем году от Владивостока до Гибралтара я намерен иметь только своих солдат».

Кардэлл Хэлл задумался над последней фразой. Не слишком ли много хочет иметь Гитлер? На события в Европе государственный секретарь имел свою точку зрения. Там должно быть равновесие сил. Ни Англия, ни Россия и ни Германия не должны иметь превосходства. Но с такими силами, которыми располагает Гитлер, не исключена возможность, что он добьется цели. Может, следует предупредить русского посла Уманского? Нет, пока это преждевременно. Представители всесильной промышленной ассоциации — тот же Дюпон или Ламот, конечно, и Форд — будут решительно против. С ними надо считаться. К сожалению, в Америке президент не всегда принимает самостоятельные решения...

Хэлл позвонил президенту.

— Хелло! — сказал он.— Есть новости из Европы. Я хотел бы доложить вам... Хотя бы сейчас... Отлично! Это займет столько времени, сколько потребуют мои непослушные ноги.

Государственный секретарь тяжело поднялся с кресла. В семьдесят лет не так-то легко заставить ноги ходить, как в молодые годы. В последнее время Хэлл особенно часто испытывал недомогания. Преодолевая томительную боль в суставах, Хэлл прошел в кабинет Рузвельта.

Совещание с президентом затянулось надолго.

III

К весне сорок первого года военная подготовка против Советской России была закончена. Конечно, в основном, в главном. Оставались мелкие недоделки, неизбежные в таком грандиозном

предприятии и не имевшие существенного значения. Главное же заключалось в том, что вдоль советских границ — от крайнего севера до побережья Черного моря — стояли почти две сотни полностью укомплектованных дивизий. Их тайно сосредоточили близ советской границы за последние месяцы. Потребовалось больше десяти тысяч пар поездов только для того, чтобы перебросить войска и вооружение с запада, из Франции, на восточный театр предстоящих боевых действий. «День X» — срок вторжения в просторы России,— намеченный «планом Барбаросса» на пятнадцатое мая, оставался незыблемым. Со дня на день Гитлер намеревался подтвердить его оперативным приказом. По плану стратегического развертывания вооруженных сил Гитлер отводил шесть недель на то, чтобы армии могли сосредоточиться непосредственно на границе.

Все было готово. Но в конце марта внезапные и непредвиденные события на Балканах изменили ситуацию. Перед тем, казалось, все соответствовало намеченному плану. Двадцать пятого марта югославский премьер Цветкович подписал наконец пакт о присоединении к тройственному союзу. Премьер не упирался, подписал все, что требовал Гитлер. Согласился предоставить страну для транзита германских войск и материалов, уступал медные рудники в Боре для немецких военных нужд, передавал всю экономику в распоряжение нового могучего союзника. Премьер умолял об одном — содержание договора должно оставаться в тайне. Но шила в мешке не утаишь; даже то, что стало известно, вызвало в Югославии грозное возмущение. Через два дня генерал Симович совершил правительственный переворот, он использовал недовольство народа. Договор с Германией был расторгнут. В Белграде, во всех городах и селениях народ ликовал, праздновал победу. Заговор реакционеров раскрыт и обезврежен! На улицах жгли чучело свергнутого премьера.

Но в Берлине белградские события вызвали ярость. В тот же день Гитлер подписал директиву. Он назвал ее «Наказание». Разъяренный и взбешенный неудачей, рейхсканцлер сам продиктовал ее адъютанту.

— «Военный путч в Югославии,— диктовал он, останавливаясь и снова продолжая метаться по кабинету,— изменил политическое положение на Балканах. Даже в том случае, если теперь Югославия заявит о своей лояльности, ее следует рассматривать как врага и вследствие этого разгромить так скоро, как это будет возможно».

«Так скоро, как это будет возможно»,— повторил он.

Возможность наступила очень скоро. Гитлер решил действовать безотлагательно. Близились сроки вторжения в Россию, их нельзя упускать. Тем не менее Гитлер все же распорядился отодвинуть выполнение «Барбароссы», отложить вторжение на шесть недель. Это больше всего вызвало неистребимую ярость.

Глубокой ночью, едва подписав приказ о наступлении, рейхсканцлер вызвал в имперскую канцелярию генерал-квартирмейстера

Фридриха фон Паулюса. Гальдер перехватил Паулюса в приемной.

— Зайдите ко мне на минуту,— озабоченно сказал он.

Прошли в первый свободный кабинет. Гальдер поправил пенсне. Волосы его торчали ежиком, и весь он был преисполнен важностью порученного дела. Говорил, понизив голос до шепота, хотя в просторном кабинете, кроме них, никого не было.

— Фюрер решил напасть на Югославию,— начал Гальдер безо всякого предисловия.— Заодно мы покончим и с Грецией. Главная наша цель — освободить правое плечо для «Барбароссы». Обратите на это внимание. Фюрер сейчас подписал директиву. Мы, военные, полностью согласны и разделяем его точку зрения. Действовать надо немедленно. Берите мой специальный поезд и отправляйтесь в Вену сразу же после приема у фюрера. Командующий армейской группой фельдмаршал Лист и генерал фон Клейст вызваны туда телеграммой.

Фон Паулюс отлично знал, что Клейст возглавляет танковую группу войск на юго-востоке, но Гальдер педантично напомнил:

— Генерал фон Клейст командует танковыми войсками. На него возлагается основная задача. Вы передадите оперативные приказы и объясните обстановку. Из Вены поедете в Будапешт и согласуете с венгерским генеральным штабом план стратегического развертывания наших войск на территории Венгрии... Теперь идемте, фюрер вас ждет.

Аудиенция продолжалась несколько минут. К словам Гальдера рейхсканцлер добавил:

— С венгерским правительством не вступайте в переговоры, решать будут военные. Премьеру Телеки нечего путаться под ногами. Желаю удачи!..

Из имперской канцелярии фон Паулюс уехал на вокзал. В Вену его сопровождали штабные офицеры. Через несколько дней фон Паулюс возвратился в Берлин, доложил Гитлеру о выполнении задания. Ускоренными темпами войска сосредоточивались на границе.

Шестого апреля 1941 года германские вооруженные силы нанесли одновременный, двойной удар. Греческие и югославские войска были разгромлены в две недели. Греки капитулировали перед германской армией, но затягивали подписание перемирия с Муссолини. Будучи разбитыми, они все еще проявляли оскорбительное пренебрежение к итальянцам. Через военного атташе Муссолини намекнул об этом в Берлине. Гитлер пропустил жалобу мимо ушей: пусть Муссолини остается доволен, что выручили его из беды,— мало греки надавали ему оплеух...

IV

В конце апреля в Берхтесгадене праздновали день рождения Гитлера. Было много гостей, но после приема Гитлер оставил лишь избранных. Поднялись наверх. Сидели за кофе. Геринг хвастался успехами авиации, рассказывал о бомбардировке Белграда. Бомби-

ли два дня — восемнадцать тысяч убитых. Летчики разбили зоопарк, дикие звери бродили по улицам, сеяли панику. Гитлер рассмеялся:

— Звери тоже нам помогают! Вот что значит иметь войска в мобилизационной готовности! Я ковентрировал югославов в течение недели. Очередь за Россией. Теперь ничто не мешает осуществить веление судьбы. Давайте подведем итоги. Альфред,— обратился он к Розенбергу,— начинай ты, ты у нас министр колоний в России.

— Да, мой фюрер, я уже собирал будущих гаулейтеров оккупированной России, изложил ваши мысли. Они приняли их с восторгом.

— Повтори, повтори еще раз! Пока не будем говорить о борьбе с коммунизмом, этот жупел оставим для западных политиков. Коммунистов будем уничтожать, как евреев. Здесь пропагандировать нам некого. Помечтаем, что станет с Россией через полгода.

— Хорошо. Я приготовил вам еще один подарок, мой фюрер,— карту прежнего Советского Союза. Будем говорить о нем в прошедшем времени, просто как о географическом понятии.

Розенберг поднялся из-за стола, взял свернутую в рулон карту и раскрыл перед Гитлером. Он держал ее двумя руками. Геринг помог, взялся за край толстыми пальцами. Не найдя ничего подходящего, Розенберг вооружился чайной ложкой вместо указки.

— Я хочу воспользоваться случаем,— сказал он,— и прошу утвердить подготовленный раздел России. Большевики называют свою территорию единым многонациональным государством, но мне она напоминает бочку с песком. Достаточно разбить обручи — и все рассыплется. В этом предпосылка плана. Прежде всего, Прибалтика. Как видно на карте, ее границы проходят несколько западнее Петербурга, южнее Гатчины, к озеру Ильмень. Здесь она захватывает часть Московской губернии и выходит к территории, заселенной украинцами. Это первый имперский комиссариат, весьма пригодный для германизации. Прибалтика когда-то была нашей древней колонией. Несомненно, ее надо отторгнуть от Советского Союза.

— Там были когда-то владения баронов Розенбергов? — спросил Гитлер.

— Да, мой фюрер, здесь сохранился еще замок нашей семьи,— Розенберг указал точку на карте где-то недалеко от Риги.

— Скоро ты сможешь вступить во владение своими землями. Я дарю их тебе... Продолжай!

— Благодарю, мой фюрер!.. Вот здесь,— министр оккупированных территорий провел кончиком ложки вдоль границ Белоруссии,— здесь будет второй имперский комиссариат. В нем мы предполагаем поселить социально нежелательные элементы, изгнанные из других имперских комиссариатов. Будут содержать их, как в заповеднике, пока не сдохнут.

Здесь,— кончик ложки пополз вдоль украинской границы и

выше, к северу,— возникнет третье государство, разделенное на восемь генеральных комиссариатов. В Украину включаем Курск, Воронеж, Тамбов и Саратов. Административное управление передается на Украине двадцати германским комиссарам.

Ну и, наконец, Кавказ. Он занимает площадь немногим больше полумиллиона квадратных километров. Живут здесь грузины, армяне, абхазцы, кто-то еще. Во главе их мы поставим гаулейтера и назовем его германским покровителем. На востоке диктаторов принято называть покровителями. Не станем нарушать восточных традиций...

— А что же у тебя остается для России? — спросил Геринг, все еще державший край карты.

— Все остальное. Как видите, не так много. Главным образом север. На карте Россия обозначена белым цветом. Здесь тундры и почти не заселенные пустынные земли. Нашим генерал-губернаторам придется жить в тяжелых условиях. С вашего разрешения, мой фюрер, подготовлен закон, по которому год службы на востоке приравнивается к пяти годам службы в империи, так сказать, поощрение за трудность... С запада Россия будет граничить с Великофинляндией.— Розенберг пояснил окружающим: — Фюрер передает Маннергейму Советскую Карелию, Кольский полуостров, Ленинградскую область и еще некоторые земли на востоке.

— Нет, я передумал,— прервал Розенберга Гитлер.— На Кольском полуострове добывают никель. Мы оставим его себе. Что касается Ленинграда, я сровняю его с землей и после этого отдам финнам. Этот порт на Балтике нам совершенно не нужен... Ты, Альфред, забыл о Крыме и Черноморье,— Гитлер повернул осунувшееся, утомленное бессонницей лицо к Розенбергу.— Крым тоже включи в германскую империю, так же, как и Черноморье. Говорят, там плодородные земли. Правда, Антонеску хочет прихватить себе Бессарабию и Одессу. Конечно, румынам можно обещать что угодно. Это нас ни к чему не обязывает. Пусть Антонеску сначала выставит обещанные дивизии.

Кейтель на это ответил:

— Маршал Антонеску обязался дать пятнадцать дивизий и еще пять в дальнейшем.

— Посмотрим, как они будут воевать. Хорти и Антонеску грызутся из-за Трансильвании. Я обещал ее и тому и другому... Кстати, о Венгрии. Хорти требует Дрогобыч. Я успокоил Хорти, но венграм не видать Дрогобыча, как своих ушей. Этот нефтяной район должен быть нашим. Его мы займем до прихода венгерских войск. И вообще мне не нравятся колебания венгерского правительства. Дух Телеки еще живет, хотя премьер и застрелился. Придется им вправить мозги хорошей бомбардировкой. Ты, Герман, подготовь десяток самолетов, намалюй на них красные звезды — свалим на русских.

— Все готово, мой фюрер,— Герингу не терпелось вступить в разговор.— «Русские» самолеты стоят в моих ангарах и ждут си-

гнала. В первый день войны мы решили немного побомбить Кошице.

Рейхсмаршал имперской авиации явился на прием, как всегда, при орденах и регалиях. Серо-голубой мундир выделял его среди присутствующих. Он отпустил карту, которая едва не упала. Розенберг удержал ее и недовольно посмотрел на Геринга. Словно ничего не заметив, Геринг допил кофе. Ему хотелось бы выпить еще чашку, но никто не предлагал. В углу на столике дымился никелированный кофейник. Под ним мерцало синее пламя спиртовки. Гитлер словно прочитал мысли Геринга.

— Господа,— сказал он,— кофе наливайте сами. Я отпустил слугу — мы должны говорить без свидетелей.

Геринг не заставил повторять предложение.

— Разрешите теперь сказать мне? — Он держал в руках чашку.

— Да, я хотел бы тебя послушать. Пусть Розенберг извинит нас, но в конечном счете не в этом дело, какие государства мы создадим на востоке. Это все фикция. Важнее освоить огромный пирог, даруемый нам провидением. Здесь мы обязаны учиться у англичан. Их колонизация Индии может служить примером. В плане Розенберга я усматриваю одну идею — расчленение России поможет установить новый порядок. Надо подумать о том, чтобы покоренные народы никогда не объединились. Объединиться они могут только против нас. Через сто лет в Европе будет жить двести пятьдесят миллионов людей, говорящих по-немецки. Народы должны забыть свой язык... Теперь говори, Герман!

— Я полностью согласен с вами, мой фюрер.— Геринг приложил руку к груди и поклонился. Звякнули ордена.— Я как уполномоченный по руководству экономикой оккупированных районов вижу свою цель в том, чтобы брать. Брать, брать и брать! В экономическом отношении мы просто разделим Россию на две области — лесную и черноземную. Вот здесь,— Геринг взял у Розенберга карту и снова развернул ее,— здесь, от Балтики до Урала, будем брать лес, хлеб и скот. Мы не заинтересованы в поддержании лесного района. Миллионы людей могут умирать от голода или переселяться в Сибирь. Это их дело. Рогатый скот и свиньи, возможно, исчезнут здесь. В ближайшее время они станут такой же редкостью, как зубры в Беловежской Пуще. Что касается второй половины России, или черноземной области, то отсюда станем черпать сырье и продовольствие более длительное время. Тоже брать... Я повторяю — для меня нет сомнения, что в результате от голода умрут миллионы людей,— но сейчас мы говорим о другом. Я закрываю глаза и снимаю белые перчатки.

Геринг посмотрел на рейхсканцлера. Гитлер сидел, отодвинувшись от стола, и одобрительно кивал головой. Рейхсмаршал не преминул отпустить шпильку в адрес министра оккупированных территорий:

— Я не печатал еще таких карт, как Розенберг, но мы создали четыре инспекции во главе с экономическим штабом «Ольденбург».

По указанию фюрера «Ольденбург» включен в «план Барбаросса».

— Но мы тоже назначили двадцать гаулейтеров для управления Россией! — Розенберг обиделся на Геринга за пренебрежение к его плану.

— Согласен, Альфред, но я говорю о конкретных вещах... Пять инспекций созданы для Ленинграда, Москвы, Киева, Баку и одна в резерве. Из предосторожности я дал им условные названия — Хольштейн, Заксен, Баден, Вестфален и Боркум. Каждая инспекция включает специальные экономические команды. Всего их тридцать пять. Команды инспекции Заксен, например, будут дислоцироваться в Москве, Минске, Туле, Брянске, Рыбинске и Ярославле. Под их наблюдением мы станем вывозить с востока все, что нам нужно. Нефть, уголь, свиней, масло...

— Ты забыл про рабочую силу.— Это сказал Борман, который вел запись беседы и потому почти не принимал участия в разговоре.

— Нет, не забыл. Но уполномоченным по рабочей силе фюрер предполагает сделать Фрица Заукеля. Это его область. Не так ли, мой фюрер?

— Совершенно верно... Но я хотел бы, господа, чтобы все вы помнили и не забывали одного — надо не только завоевать, но и замирить гигантское пространство, которое пока условно мы называем Россией. Там живут фанатики, пропитанные большевистским духом. Поэтому лучше всего достигнуть замирения расстрелом каждого, кто бросит хотя бы косой взгляд в нашу сторону. Гиммлеру, да и всем нам придется поработать. Я приближаюсь к решающим часам истории с колоссальным ледяным спокойствием и без предрассудков. Провидение предопределило, что я буду величайшим освободителем человечества. Я освобождаю людей от сдерживающего начала ума. Наступило время действий. Ты, Кейтель, подготовь распоряжение о подсудности в районе «Барбаросса». Мои солдаты в России не должны нести ответственности за проступки, которые принято называть преступлениями. Не будет ничего страшного, если немецкий солдат изнасилует русскую девку или прикончит помешавшего ему старика. Запиши себе это и подготовь директиву.

— Яволь! — Начальник штаба вооруженных сил вскочил и вытянулся в струнку, как ефрейтор.— У меня есть некоторые соображения, мой фюрер. Я проконсультировался с военными юристами. Точно так же мы должны поступать с захваченными советскими политработниками.

— С законниками советуйся возможно меньше. На востоке закон — немецкий кулак и пуля. Запиши и разошли командующим армиями.

Гитлер продиктовал:

— «Руководящие политические работники, комиссары, составляют повышенную опасность для войск и замирения покоренной страны». Записал? Дальше!

«По мере их захвата они должны быть доставлены к ближайшему германскому офицеру, после чего офицер обязан немедленно приговорить задержанного к расстрелу».

Гитлер говорил невозмутимо спокойно. Подвинулся к столу, взял чашку с остывшим кофе, сделал глоток и закончил:

— Казнить политработников лучше всего на месте. Эвакуировать в тыл нет никакого смысла. Отметь, что отличительный знак комиссаров — красная звезда на рукаве.

Все, что говорилось здесь, в Берхтесгадене, за вечерним кофе, для присутствующих не составляло новости. Гитлер только подытоживал и проверял. Нить разговора то отдалялась от основной темы, то возвращалась к главному. Каждый, пользуясь хорошим настроением рейхсканцлера, стремился ввернуть свое слово. Когда говорили о политработниках, Гиммлер сказал:

— Особому режиму должны подвергаться не только советские комиссары.

— Говори прямо — расстрелу,— перебил его Геринг.— Чего стесняться!

— Это и без того всем ясно,— отпарировал Гиммлер.— Я хочу сказать об инструкции начальникам полиции безопасности. Как было согласовано с вами, мой фюрер, я дал задание выявлять на оккупированной территории всех руководящих партийных работников — членов Центрального Комитета, членов правительства, партийных работников. В городах — членов магистрата...

— Их называют там членами Советов,— поправил Розенберг.

— Хорошо, членов Совета, профсоюзных работников — они тоже все коммунисты. Дальше идут советские интеллигенты, профессиональные революционеры, политические деятели, писатели, редакторы и, конечно, все обнаруженные евреи.

Генрих Гиммлер почти дословно повторил инструкцию, которую он подготовил для начальников гестапо и полевой жандармерии.

Тщедушного вида, с внешностью банковского чиновника или провинциального учителя, всесильный Гиммлер вел себя с непонятной робостью в присутствии Гитлера. В то же время рейхсфюрер СС обладал дьявольски мрачной силой в империи. В его распоряжении находились концентрационные лагеря, гестапо, отборные эсэсовские части, система надзора и политического сыска.

Приближенные Гиммлера взирали на него с чувством затаенного страха. Гиммлер мог пойти на любую подлость по отношению к каждому из собравшихся в зале, впрочем, так же могли поступить и остальные по отношению друг к другу. Из окружения Гитлера, может быть, только еще Рудольф Гесс отличался такой фанатичной, собачьей верностью Гитлеру.

С тонкой улыбкой и холодным блеском в глазах Гиммлер отвечал на вопросы Гитлера. Да, для розыска наиболее опасных людей в Советской России, подлежащих особому режиму, составлена специальная книга с тысячами адресов и фамилий. Книга отпе-

чатана большим тиражом, и каждое отделение гестапо в любой момент сможет получить ее в свое распоряжение. О грядущих преступлениях Гиммлер говорил с невозмутимым спокойствием, словно учитель, рассуждавший об учебниках для своего класса.

— Мне нечего добавить,— сказал Гитлер.— Все, что мы здесь говорим, включено в общий «план Барбаросса».— Устремив тяжелый, остановившийся взор в одну точку, Гитлер добавил: — В заключение я выскажу вам одну философскую мысль: естественный инстинкт всех живых существ подсказывает им не только побеждать врагов, но и уничтожать их. На этом давайте закончим.

V

Простившись с гостями, Гитлер задержал Гесса на несколько минут. Но разговор продлился значительно дольше.

Они прошли в кабинет рядом с комнатой, где пили кофе.

— Скажи мне,— спросил Гитлер,— все ли готово для твоего полета в Англию?

— Да, мой фюрер, лорд Гамильтон пригласил меня в свое именье. Я смогу вылететь в любой момент, как только позволит погода.

— Нет, дело не только в погоде. Подождем, когда яснее обозначатся успехи Роммеля в Африке. Черчилля надо взять крепче.

Месяца три назад Гитлер назначил Роммеля командующим африканским корпусом. Германские части, переброшенные в Триполи, начали наступление в конце марта. Наступление развивалось успешно: английские войска оставили Бенгази, оказались в тяжелом положении в районе Тобрука. Рейхсканцлер полагал, что не ошибся, поставив бывшего начальника полевого штаба ставки во главе африканского корпуса. Волевой, умеющий идти напролом, Роммель показал себя в польской и французской кампаниях. Бронетанковая дивизия Роммеля «Привидение» первой вышла к Ла-Маншу. Теперь Гитлер возлагал большие надежды на этого генерала с решительной челюстью, похожей на булыжник. От него многое зависит в предстоящих переговорах с британским премьером.

— Мы условимся так,— продолжал Гитлер,— ты передашь Черчиллю мои предложения. Пусть они исходят от твоего имени. Запомни: сейчас, когда я сосредоточил силы против России, все зависит от твоего визита. Мы не можем воевать на два фронта.

Гитлер порылся в папке и достал листок бумаги с коротким текстом, напечатанным на половине странички. В углу листка стоял заголовок: «План АВС № 274-К» [1].

— Вот пункты: A, B, C, D... Это в самом деле азбука, которую преподадим Черчиллю. Я сформулировал здесь все, о чем мы говорили. Прежде всего, докажи британскому правительству, что

---

[1] Абецеда — азбука *(нем.)*.

после разгрома Франции англичанам бессмысленно вести с нами войну. Это первое. Можешь пообещать Черчиллю, что Англия сохранит независимость и колонии, конечно, если перестанет вмешиваться в дела Европы. Предложи ему заключить соглашение на любой срок, хотя бы на двадцать пять лет. И последнее — Великобритания должна сохранить благожелательный нейтралитет на время русско-германской войны. Все остальное будет зависеть от твоего искусства. Если переговоры пойдут успешно, направь в Цюрих частную телеграмму,— предположим, жене о твоем здоровье. Текст ее должен быть самый невинный.

— Да, мой фюрер, я сделаю все, что нужно. Полет из Аугсбурга я изображу как бегство в Англию.

— Да, да! Остальное беру на себя. Разыграю такую сцену, что позавидует любой актер!

В этот вечер говорили о технике задуманного полета. Условились, что Гесс отправится немедленно, как только в Ливии обозначится явный успех, а в Греции сосредоточатся силы для захвата острова Крита.

— Высадку десанта на Крит,— сказал Гитлер,— я приурочу к тому времени, когда ты начнешь переговоры. Это подкрепит твои позиции... Итак, ни слова! Мы еще перетянем Черчилля на свою сторону. Не случайно он без сопротивления убрался из Греции. Я раскусил его план. Освобождает нам дорогу в Россию. Пусть будет так!..

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

I

Британский эсминец «Роджерс» застыл на рейде пирейского порта, в нескольких кабельтовых от берега. Стояла тихая, почти штилевая погода. Солнце еще не поднялось, но заря уже захватила край неба, мягким светом заливая недалекий холмистый берег. Его видно было невооруженным глазом. Легкое дуновение ветра доносило на рейд пряный запах земли, цветущих серебристых олив, рощи которых теснились по склонам гор.

На миноносце только что пробили в корабельную рынду восемь склянок — четыре двойных удара. Почти одновременно звонкие удары донеслись и с других кораблей, стоявших на якорях неподалеку от эсминца. Мелодичный перезвон рынд почему-то напомнил Роберту праздничный благовест в Ист-Энде — они жили недалеко от кирхи.

Роберт Крошоу, сменившись с вахты, пробирался по бронированной палубе в матросский кубрик. Пирей лежал перед ним, окруженный амфитеатром гор, исчезавших за горизонтом. В порту у причалов лениво дымились корабли — транспорты, грузовые суда, рыбачьи шхуны, заслоняя мачтами, трубами, палубными надстройками здания портовых сооружений. Обычно выжженные, берега в

эту весеннюю пору манили к себе нежной зеленью, тишиной и прохладой.

Матрос едва миновал артиллерийскую башню с расчехленными стволами орудий, когда первозданную тишину наступающего утра потряс взрыв неистовой силы. Сначала Роберт не понял, что с ним случилось. Воздух, ставший упругим, как натянутая резина, отбросил его к башне. Он ударился плечом о броню, упал на палубу и тотчас же вскочил на ноги. Там, где несколько секунд назад стояли у причалов будто задремавшие корабли, в небо медленно поднимался столб белесого дыма, прорезанного багрово-черными клубами пламени. В воздух летели обломки мачт, куски железа, шлюпки, затянутые брезентом, горящие надстройки, развороченная корма рыбачьей шхуны. На месте парохода «Клан Фрезер», того, что пришел два дня назад с грузом боеприпасов, клокотал огненный вихрь, он вырвался словно из кратера ожившего вулкана. Вздыбившаяся волна ринулась на миноносец, накренила его, сорвала с якорей соседний транспорт. Почти тотчас же прозвучал сигнал тревоги, завыла сирена, засвистели боцманские дудки. От утренней тишины не осталось следа. Командир приказал выбрать якорь и отойти в море. Загрохотали брашпили, всасывая тяжелые звенья якорных цепей. Но опасность, видимо, уже миновала. Эсминец вернулся на старое место.

Стало совсем светло. Наступил ясный, безоблачный день. Солнце, поднявшееся над горизонтом, озарило страшную картину разрушений в пирейском порту. На берегу, выброшенные силой взрыва, лежали корабли, обнажив красные днища. Другие погрузились в воду, и только трубы и мачты торчали на поверхности бухты. Горели какие-то здания, в отдалении стояли машины, санитарные и легковые, работали пожарные и спасательные команды.

С борта эсминца спустили моторный бот, и команда матросов отправилась на спасательные работы. Роберт был среди них. Взрыв, происшедший по неизвестным причинам, уничтожил одиннадцать британских кораблей, причинил большие разрушения в порту. Матросы гасили пожар, разбирали руины, выносили убитых, раненых и обгорелых. Обугленные трупы складывали рядами под каким-то навесом. Отсюда грузили их на машины, а под навес приносили другие, такие же обезображенные трупы.

Крошоу подумал, и сердце заныло неутихающей болью:

«Вирджиния, может быть, так же лежала у развалин нашего дома... И дядюшка Вильям...»

С тех пор как Роберт покинул Англию, ему казалось, что война идет только там, но, оказывается, и за три тысячи миль от его Ист-Энда гибнут английские парни. Вот лежит военный моряк в обгоревшей холщовой робе, в такой же, как у него. На его месте мог бы оказаться и матрос эскадренного миноносца «Роджерс» Роберт Крошоу. Он походил бы на этот обугленный труп. Даже волосы такие же русые... Роберта передернуло. Кому хочется умирать, будь это в Лондоне или в Пирее!

Кто-то сообщил новость — сегодня немцы напали на Грецию.

Пришли к выводу, что взрыв в порту не иначе как дело рук фашистских диверсантов. Ходили слухи, будто кто-то видел двух бегущих людей за несколько минут до взрыва. Они вскочили в машину и уехали по дороге в Афины. Роберт не поверил — теперь могут болтать что угодно. Позже — это было в середине дня — сказали, что началась эвакуация британского экспедиционного корпуса. Роберт тоже не поверил — какого черта болтают,— но матрос, с которым они остановились, чтобы минуту передохнуть и напиться воды, указал на другую часть порта.

— Не веришь — посмотри сам... Да, недолго мы здесь повоевали...

Они стояли у сваленной колонки. Из трубы фонтаном била холодная струйка воды. Она растекалась по асфальту, исчезая под развалинами какого-то здания. Сырой асфальт казался черным, как обугленная головня. Роберт поднялся с мокрым лицом и глянул в ту сторону, куда указывал приятель. У причалов на плоские самоходные баржи, грузили танки, орудия. Солдаты с винтовками гуськом подымались по трапу на моторный баркас. Второй баркас только что отвалил от берега и, вздымая пенистые буруны, шел к военному транспорту. За его кормой расплывался голубоватый дымок отработанных газов. Сомнений никаких не было, войска грузились на корабли.

— Везет мне! — ответил Роберт. Он вспомнил Дюнкерк.— Наш адмирал будто знал, что придется заворачивать обратно. Почему бы это?..

Роберт Крошоу не имел представления, сколь прав он был, высказав такое предположение. Военные транспорты всего месяц назад доставили в Пирей экспедиционный корпус, но корабли так и стояли в порту и на рейде, словно дожидаясь обратного рейса. Эсминец «Роджерс», сопровождавший транспортные корабли, тоже не покидал греческие воды.

Моряки снова принялись за работу. Вскоре им поручили другое дело — предстояло очистить пирс, чтобы и отсюда производить погрузку.

Роберт вернулся на «Роджерс», когда сгустились вечерние сумерки, грязный, как кочегар, падающий с ног от усталости. Через час эсминец в составе конвоя вышел в море. Он сопровождал первый караван военных транспортов, увозивших из Греции солдат британского экспедиционного корпуса.

И все же Роберт остался доволен, что измочален собачьей усталостью. События отвлекли его от мрачных дум, которые одолевали последнее время.

Несчастья свалились на него как-то сразу, точнее — он узнал о них почти одновременно.

О смерти сестры написал отец много спустя после того, как все это случилось. Написал из Шотландии, куда они переехали с матерью. Про болезнь матери отец писал скупо, сообщил только, что долгое время она находилась в тяжелом состоянии, но теперь, слава богу, ей значительно лучше. Мать живет у брата на ферме, а

сам он работает в Глазго. Старик написал и о гибели дядюшки Вильяма. Бедный отец! Они так были дружны!

От Кэт тоже очень долго не приходили письма. Наконец получил. Не письмо, нет, короткую записку. Роберт никогда не думал, что листок бумаги с неровными, торопливыми строками может причинить столько боли, перевернуть и опустошить душу. Что случилось, Роберт так и не знал. Кэт говорит в письме, что вообще не хотела писать,— это так тяжело, лучше бы ей умереть... Но она обязана сказать, что между ними все кончено. Она недостойна его и просит Роберта считать себя свободным. Почему? Почему?.. Письмо не давало ответ на мучительный и самый главный вопрос. Наверно, влюбилась. В кого же, в кого? Может быть, Пейдж добился своего, переехав в Лондон? Интендантская крыса! Как ненавидел Роберт своего бывшего друга!.. Но, может, это не так. Может, кто-то еще... Моряк представлял себе Кэт в объятиях безликого человека и стискивал зубы в бессильной ревности.

Письмо от Кэт пришло через неделю после того, как он узнал про несчастье в их доме. Он раньше еще написал матери, не знает ли она что-нибудь про Кэт Грей. Может, зайдет к ним. Как получилось все глупо! Мать, оказывается, лежала в это время в больнице.

Так и остался моряк Роберт Крошоу в тяжелом неведении. Он терзался догадками, упрекал Кэт, ненавидел Пейджа, кого-то еще, искал ответа и не находил. Винил войну, которая сломала, скомкала его жизнь. За эти два месяца Роберт пришел к одному, впрочем, не совсем твердому выводу: надо бросить все к дьяволу, выкинуть из головы. Но не так-то легко это сделать. Даже усталость не избавляет от неотвязных, жестоких мыслей.

Роберт стоял на палубе миноносца среди южной ночи и моря. С погашенными огнями «Роджерс» шел впереди каравана транспортных кораблей. Судя по звездам, эсминец спускался на юг, к острову Криту.

II

Для тетушки Полли, конечно, в Шотландии было гораздо лучше, чем в Лондоне. Джон Крошоу долго ломал голову, как выполнить совет врача. Доктор сказал, хотя опасность и миновала, но пройдет немало времени, пока женщина окончательно придет в себя после нервного потрясения. Лучше всего больной жить в тихой, спокойной обстановке. Где? Доктор пожал плечами. Лучше в санатории на взморье или в частном пансионате. Конечно, если есть средства. Но у докера не было денег.

Наконец Джон придумал. У Полли под Глазго жил ее двоюродный брат Дэвид, он занимался там сельским хозяйством. Джон плохо знал шурина, но, когда стряслась беда, вспомнил о нем и написал письмо. Писал не без тяготивших его колебаний, но в таком положении не до стеснений. Дэвид ответил телеграммой, приглашал ехать немедля. Так они очутились в Шотландии.

Шурин Макклин имел ферму неподалеку от Иглхема — приземистую хижину, вросшую в землю и окруженную полем и лугом. Ферма небольшая, всего несколько акров земли, но она все же давала возможность существовать семье Макклинов. Стояла ферма почти на границе владений лорда Гамильтона, простиравшихся чуть ли не до самого Глазго.

Тетушке Полли отвели комнатку, в которой жил старший сын Дэвида, ушедший в армию. В комнате едва умещались кровать и столик, но и этого вполне достаточно — Джон появлялся в Иглхеме лишь по субботам и редко когда в середине недели. Работать он устроился в Глазго, в порту. Найти службу оказалось не такто трудно, не то что в мирное время, когда на одно место претендует десяток безработных. Предложили должность стивидора — управлять разгрузкой кораблей. Работа не тяжелая, но канительная, и поэтому Джон бóльшую часть времени проводил в Глазго.

В очередную субботу Джон собирался пораньше уехать в Иглхем, но его задержал американский пароход, пришедший к вечеру в порт. Последнее время в Глазго зачастили американские корабли, они доставляли военные грузы и продовольствие по ленд-лизу. Пока стивидор отдавал распоряжения, выяснял, где складывать бочки и ящики, пока началась разгрузка, прошло немало времени. Только в десятом часу Джон выбрался из порта, он опасался, как бы не опоздать на последний автобус. Крошоу прикинул — в Иглхем приедет не раньше полуночи. Он уж подумывал, не остаться ли ночевать в Глазго, но все же решил ехать — Полли станет тревожиться.

Автобус шел на Килмарнок. На половине дороги Джон вышел. Ему до фермы предстояло пройти около мили. За мостом навстречу докеру вынырнули две легковые машины военного образца, ослепив его оранжевым светом фар. Прижавшись к перилам моста, Джон пропустил автомобили, проводил их глазами — они свернули по шоссе к Глазго. Джон подумал: «Здесь будто и нет войны, ездят с открытым светом».

Стояла прозрачная, лунная ночь. С рюкзаком на одном плече докер шагал через пустошь, поросшую редким кустарником. Потом он свернул на тропинку и в воротах фермы столкнулся с Дэвидом. Обычно спокойный, уравновешенный, Макклин был чем-то взволнован. Он нервно попыхивал трубкой. Тень от стены падала на его лицо, и только багровый огонек, вспыхивая и угасая, неясно озарял крупные черты и нахмуренные брови. По этому огоньку Джон и угадал, что кто-то стоит в воротах.

— Послушай-ка, что я тебе расскажу,— сказал шурин.— Хорошо, что ты приехал. Женщины уже спят, и мне не с кем поговорить... До чего обнаглели боши, стали летать даже к нам в Шотландию... Идем в дом.

Дэвид осторожно, чтобы не разбудить спящих, отворил дверь, чертыхнулся, когда невзначай грохнул щеколдой, и вошел в кухню.

В очаге тлели угли — приходилось топить, потому что ночами бывало холодно. Шурин зажег свет и присел к столу.

— Ты понимаешь, какое дело,— Дэвида переполняли недавние события.— Что-то мне не спалось с вечера. Сначала заснул, а потом все ворочался с боку на бок. Дай, думаю, гляну скот. Корова должна телиться. Зашел в хлев — все в порядке. Вдруг слышу — гудит. Самолет. Посмотрел в небо — летит. Под луной его хорошо видно. Это бы все ничего, но гляжу — на моих глазах распускается парашют. Тут я и сообразил — дело неладно. Кому нужно прыгать к нам среди ночи? Не иначе как немецкий шпион. Схватил дубину — и туда. Ну, думаю, сейчас я тебя огрею! Подбежал, а он лежит на земле, как дохлый баран. В капитанской форме. Я их с той войны знаю. Потрогал — живой, только без памяти. Оружия никакого, один фотоаппарат на боку. Что тут делать? Сбегал за водой — у меня на лугу колодец вырыт. Бегу, а сам думаю: как бы не улепетнул, подлец. Нет, ничего... Отстегнул с него лямки. Тут как раз на машинах наши подъехали. Может, они тебе встретились?

— Да,— подтвердил Джон,— на мосту, у шоссейной дороги.

— Вот-вот! Так оно и будет.— Макклин раскурил угасшую трубку.— Я думаю, наши тоже за ним следили. Выскочили из машины, спрашивают: «Кто здесь такой?» — «Не знаю, говорю. Немец. В чувство его привожу». А он мокрый весь — я на него воды не пожалел — сел и отвечает: «Я капитан Альфред Хорн. Доставьте меня к герцогу Гамильтону». Подумай ты, какой наглец! К лорду Гамильтону! Прилетел, будто в гости. Так ему и поверили... Этого самого Хорна посадили в машину и увезли. Сам-то он не мог идти, говорит — повредил ногу... Лейтенант мою фамилию записал, сказал спасибо. Я у него парашют попросил — не дал. Жалко, хороший материал, чистый шелк. Говорит — нужен как доказательство... Вот какие дела-то бывают!

Мужчины еще поговорили и легли спать.

Воскресенье Джон Крошоу провел на ферме, а в понедельник в Глазго прочитал в газете, что заместитель Гитлера Рудольф Гесс бежал из Германии и приземлился в Шотландии. «Так вот какую птицу Дэвид чуть не огрел дубиной,— подумал докер.— Жаль, что он приземлился без памяти». Джон пожалел, что нет его Вильяма. Вот с кем бы они поспорили всласть! Крошоу помрачнел — он до сих пор не мог смириться с гибелью друга.

К третьему пирсу швартовался американский корабль, стивидор пошел распоряжаться разгрузкой.

III

В ту ночь, десятого мая 1941 года, герцог Гамильтон, лорд-стюард королевского двора, член британского парламента и командующий воздушным флотом Северной Англии, находился на командном пункте в Тренгазене, в Шотландии. Дежурный доложил

герцогу, что по данным поста воздушного наблюдения у берегов Нортумбэрленда в двадцать два часа ноль восемь минут обнаружен германский самолет типа «Мессершмитт-110».

— Здесь, вероятно, какая-то ошибка, милорд,— добавил дежурный. Он выразил сомнение в достоверности сообщения.— «Мессершмитт» не может залетать так далеко, у него не хватит горючего на обратную дорогу.

Но лорд Гамильтон резко поднял голову:

— «Мессершмитт»?.. Немедленно дайте указание постам не выпускать его из поля зрения.

У лорда Гамильтона едва не сорвалось с губ: «Я давно жду его». Он справился с охватившим его волнением и спокойно добавил:

— Докладывайте мне немедленно обо всем, что будут сообщать воздушные посты.

Наблюдательные посты продолжали следить за полетом таинственного германского самолета. В двадцать два часа пятьдесят шесть минут его заметили на высоте тысячи метров к северо-востоку от Андроссана.

Потом он повернул на юг, вернулся назад и лег курсом на запад. Лорд Гамильтон не отрывался от карты. Приказал поднять в воздух истребитель «дифайен» и неотступно следовать за самолетом.

— Строго предупредите летчика: ни в коем случае не вступать в бой, только сопровождать,— повторил он. Чего доброго, излишне рьяный пилот окажет медвежью услугу своим огнем. Но Гамильтон не сказал этого, только подумал.

В двадцать три часа ноль три минуты «Мессершмитт-110» находился к югу от Глазго. Летчик с «дифайена» передал по радио — видит на земле горящий самолет в таком-то квадрате.

— Что?! — лорд Гамильтон вскочил, теряя самообладание.— Он сбил его? Я приказал...

— Нет, нет, милорд,— адъютант поспешил закончить доклад,— летчик радирует, что он не вступал в бой. Самолет упал сам. Пилот выбросился на парашюте в районе селения Иглхем. Вот здесь...

— Позвоните на ближайший пост, прикажите немедленно разыскать летчика.

Прошло не меньше томительного получаса, когда с наблюдательного поста сообщили — пилот найден, назвался капитаном Альфредом Хорном.

— Здесь снова какая-то ошибка, милорд. Немецкий летчик требует, чтобы его немедленно доставили к вам.— Дежурный в эту ночь ничего не понимал.

Командующий воздушной эскадрой облегченно вздохнул: наконец-то!

— Направьте его в Глазго, поместите в казарме Мэрихилс. Остальное перенесем на завтра. А сейчас соедините меня с премьером. Немедленно...

IV

Уинстон Черчилль проводил уик-энд в Дитчли у старых друзей. После ужина хозяин предложил посмотреть комический фильм с участием братьев Маркс. Все шумно поднялись из-за стола и перешли в зал, где киномеханик настраивал аппарат. Премьер от души хохотал, наблюдая за веселыми похождениями талантливых актеров, с детской непосредственностью хлопал в ладоши, и казалось, что для него больше ничего не существует на свете. Пожалуй, так это и было — премьеру хотелось отвлечься от всех дел и раздумий. Но и здесь ему не удавалось это сделать. В начале сеанса в зал вошел секретарь Бранен и зашептал на ухо. Черчилль слушал с улыбкой, не успевшей сойти с лица.

Секретарь передал — звонят из Лондона, просят премьера подойти к телефону.

— Что там еще? — недовольно спросил Черчилль.

— Немцы бомбардируют Лондон. Считают, что это самый тяжелый налет за все время. Город в огне.

— Что же я могу сделать? Скажите, занят.

Секретарь вышел, но через четверть часа появился снова.

— Что еще?

— Командующий противовоздушной обороной настоятельно просит вас подойти к телефону. Просил передать — в Лондоне пылает не меньше двух тысяч пожаров, тысячи убитых и раненых. Разрушена палата общин. Все вокзалы вышли из строя, разрушены доки. Он повторяет, что сегодня самый разрушительный налет.

Бранен докладывал шепотом, и Черчилль досадливо слушал.

— Скажите еще раз командующему, что я занят. Занят! Дайте же мне хоть немного отвлечься!

Премьер продолжал смотреть комический фильм. Он снова смеялся, перекрывая басовитым раскатом смех присутствовавших в зале. Но через несколько минут секретарь снова в нерешительности стоял рядом с креслом премьера.

— Вы оставите меня наконец в покое? Сегодня я не подхожу к телефону. Ясно?!

— Извините, милорд, я так и ответил, но сейчас звонит герцог Гамильтон, просит вас по неотложному делу...

— Гамильтон?.. Спросите, может быть, можно отложить на завтра.

Секретарь ушел к телефону и тотчас же вернулся.

— Лорд Гамильтон настаивает. Дело государственной важности. Просил сообщить, что Альфред Хорн прибыл в Шотландию.

— Кто? Хорн!..

Премьер вскочил, словно его пронзил электрический ток. Это поважнее налета на Лондон! Зацепившись в темноте за кресло, Черчилль торопливо пошел к телефону.

Сообщение подтвердилось. Рудольф Гесс — премьер знал, кто

скрывается под именем Хорна,— находился в Шотландии. Гамильтон передал подробности, которыми располагал.

— Вы говорите, что Хорн в Глазго? — переспросил Черчилль.— Завтра же посетите его лично и спросите, чего он хочет. Спокойной ночи!

Но сам Черчилль остаток ночи не спал. Еще бы! Рудольф Гесс, заместитель Гитлера, рейхсминистр, член тайного совета германского рейха, лидер гитлеровской партии и, главное, ближайший поверенный Гитлера, прибыл в Англию для переговоров! Это козырь в игре. Есть отчего поволноваться! Премьер позвонил министру внутренних дел, поднял его с постели. Его голос гудел в телефонную трубку:

— Более удобно с ним обращаться как с военнопленным. Относитесь с уважением, как к важному генералу, попавшему в наши руки. Следите за состоянием здоровья, обеспечьте комфорт, питание, книги, письменные принадлежности... Я думаю, его лучше перевезти в Тауэр. Там будет удобнее. Подготовьте все к его переезду. Назначьте специальную охрану. Но пока не давайте газет и не позволяйте слушать радио. Все это я подтвержу письменно.

Потом звонил в министерство иностранных дел, куда-то еще, поставил всех на ноги и с нетерпением стал ждать звонка из Шотландии. Что-то сообщит ему Гамильтон о первом посещении Гесса?!

В воскресенье одиннадцатого мая лорд Гамильтон с утра поехал в казармы Мэрихилс. Сначала он познакомился с личными вещами, изъятыми у немецкого капитана Хорна. Фотоаппарат, несколько семейных фотографий, визитная карточка на имя Карла Гаусгофера, пузырек с лекарством. Гамильтон открыл пробку и понюхал — похоже на валерьянку. «Нуждается в успокоении нервов»,— подумал он. С этой мыслью Гамильтон прошел в комнату, где находился Гесс.

Перед ним стоял человек с аскетической внешностью — худощавый, с запавшими глазами и нависшими, широкими бровями. Бледное лицо с землистым оттенком. Очевидно, летчик еще не оправился от тяжелого перелета. Лорд Гамильтон сразу узнал его — лет пять назад они встречались в Берлине на Олимпийских играх. Гесс принимал его в своем доме.

Гесс шагнул Гамильтону навстречу.

— Я хотел бы говорить с вами наедине,— сказал он.

— Конечно.

Лорд кивнул сопровождавшему его офицеру. Они остались одни.

— Вы узнаете меня? Я хотел бы говорить откровенно. Только для этого я совершил тяжелое путешествие, не думая о последствиях, которые ожидают меня в Берлине. Я прилетел к вам по собственной инициативе.— Гесс пока не раскрывал своих полномочий.

— Что же привело вас сюда в Шотландию таким, простите меня, несколько странным путем? — Гамильтон тоже предпочитал играть в наивность.

— Мы с вами коллеги, милорд. В прошлую войну я был летчиком. Это мне пригодилось. Вчерашний полет был четвертой попыткой прилететь к вам. Но каждый раз я поворачивал с половины пути из-за плохой погоды. Я прилетел к вам, как голубь, с пальмовой ветвью мира.

Гесс рассказал о своих приключениях. Из Аугсбурга вылетел вчера перед вечером. Когда приблизился к берегам Англии, было еще светло. Опасался зенитных батарей и истребителей. Пришлось кружить над морем в течение часа. Потом немного заблудился, горючее оставалось на исходе, пришлось выброситься с парашютом. Он не долетел каких-нибудь четырнадцать километров до Дунгавел Кастл — родового имения Гамильтонов.

Рудольф Гесс вспомнил то состояние страха, страха до тошноты, которое испытал. Труднее всего было решиться на прыжок вниз. При первой попытке ему стало дурно. Глотнул из флакона припасенное лекарство. Показатель расхода горючего стоял на нуле. Дальше оставаться в самолете нельзя. Гесс прыгнул. Рванув кольцо парашюта, снова потерял сознание. Очнулся он на земле от ушата холодной воды. Первое, что увидел,— склонившегося над ним крестьянина с увесистой дубиной в руках. Гесс не стал рассказывать подробности кичливому лорду. Чего он валяет дурака, прикидываясь политической девственницей! Но следовало продолжать.

Он сказал:

— Я не хотел предпринимать путешествия в то время, пока у вас были успехи в Ливии: мой полет могли бы расценить как признак слабости Германии. Теперь, когда мы восстановили положение в Северной Африке и на Балканах, дело иное. Нас никто не упрекнет в слабости.

— И все же что можете вы предложить?

— Риск, который я взял на себя, должен подтвердить вам мою искренность. Фюрер убежден, что он выиграет войну. Вспомнить об ужасных налетах нашей авиации на Лондон. Перед отлетом я слышал о новом ударе, который должен был состояться минувшей ночью. Но я хочу предотвратить бессмысленное кровопролитие. Уверяю вас, Гитлер не против того, чтобы заключить с Англией мир.

Лорд Гамильтон внимательно слушал Гесса. Значит, Гитлер отправил своего посланца под грохот бомб. Лорд знал о жестоком налете прошлой ночью.

Это тоже мера воздействия, как наступление в Ливии и на Балканах.

— Что могу я для вас сделать? — Он предпочел не высказывать своего мнения по поводу предложений Гесса: не следует путать карты премьеру Черчиллю.

— Вы лорд-стюард королевского двора, помогите мне получить аудиенцию у короля и встретиться с представителем британского правительства, полномочным вести переговоры. У меня есть свои предложения.

В английской казарме Рудольф Гесс совсем не чувствовал себя пленником, скорее чрезвычайным послом. Гамильтон обещал передать его просьбу. Они расстались.

Из Мэрихилс герцог отправился на аэродром. Через несколько часов он сидел в кабинете Черчилля, который ждал его с возрастающим нетерпением.

Для дальнейших переговоров, также еще предварительных, премьер отрядил чиновника «Форейн-офис» мистера Кирпатрика, опытного в таких делах человека. Кирпатрик долгое время работал в Берлине и лично знал Гесса. Черчилль проинструктировал Кирпатрика перед отъездом. Прежде всего надо установить — чего хотят немцы.

Беседа состоялась через день в той же холодной и неприютной казарме, пропитанной запахом дезинфекции. Гесса еще не успели перевести в лондонскую крепость — тюрьму Тауэр.

Гесс встретил Кирпатрика потоком жалоб. Его держат в нетерпимых условиях. Разве это апартаменты! Заперли в камере и приставили молчаливого солдата. Он, парламентер, оказался в роли бесправного пленника.

Смотрите, самому приходится делать записи для предстоящих переговоров! Нет ни секретаря, ни стенографа, не говоря уже о юристах-советниках... Гесс говорил преисполненный достоинства и негодования.

— Прежде всего,— сказал он,— я хотел бы иметь штат, приличествующий моему положению. Мне необходимы советники.

— Но как это сделать? — возразил Кирпатрик.— Англия в состоянии войны с Германией. Ваши советники вряд ли смогут прибыть сюда таким же путем, как вы.

— Им не надо ехать из Берлина и подвергаться опасностям военного времени. Направьте ко мне доктора Земельбауэра и Курта Мааса. Они содержатся в английском лагере для интернированных близ Ливерпуля. Чтобы облегчить дело, могу назвать их лагерные номера,— Гесс на память назвал две пятизначные цифры: 43125 и 44012.

— Однако вы хорошо осведомлены о месте пребывания своих сотрудников,— усмехнулся Кирпатрик.

— Как же иначе! Я тщательно готовился к переговорам. Вы мне поможете?

Кирпатрик постарался успокоить германского рейхсминистра — сделает все, что в его силах. Но в данный момент он прибыл с поручением — выяснить, что хотел бы предложить господин Гесс британскому правительству.

Гесс начал издалека — с обзора взаимоотношений с Англией за тридцать последних лет. Германия всегда старалась найти общий язык с англичанами, чего нельзя сказать о Британии. Теперь Британия расплачивается за свои ошибки. Гесс начинал грозить. Ан-

глия стоит на краю гибели. Он готов это доказать. Если Лондон покрылся дымящимися развалинами, то Англия сама виновата. Следовало быть сговорчивее. Но он должен предупредить — это только начало. Производство самолетов в Германии достигло громадных размеров.

Покончив с воздушной войной, Рудольф Гесс перешел к положению на море. Он говорил, заглядывая в записки, сделанные минувшей ночью:

— Вы несете тяжелые потери на море. Немецкий подводный флот растет с каждым днем. Англия стоит под угрозой потери всех своих кораблей. Вы в тисках блокады. Скоро наступит время, когда ни один пароход не проскользнет к острову. Если надо, Гитлер продлит блокаду до тех пор, пока жители Англии не станут перед угрозой голодной смерти, все, до последнего человека.

Забывшись, Гесс ударил кулаком по столу. Кирпатрик продолжал невозмутимо слушать.

— Мое путешествие дает вам последнюю возможность заключить мир, не теряя достоинства,— продолжал Гесс.— У вас сохранился единственный шанс. Если вы его отвергнете, Гитлер раздавит вас. Он будет прав — нельзя так долго злоупотреблять великодушием.

Покончив с угрозами, Гесс сказал более спокойным тоном:

— Я прибыл, чтобы предложить вам следующее соглашение: А. Англия представляет Германии полную свободу действий в Европе. В...— Гесс перечислил все пункты плана ABCD, переданные Гитлером, выдав их за свои предложения.

Кирпатрик почувствовал, что разговор дошел до той кульминации, которая интересовала обе стороны. Он спросил:

— А что же, Россия, по вашему мнению, находится в Европе или в Азии?

— В Азии,— ответил рейхсминистр.

Он решил пока не раскрывать всех карт перед человеком, который ничего не решает в британском правительстве. Вообще Гесс был весьма недоволен, что ему приходится говорить с неполноценным партнером.

— У нас есть некоторые претензии к России,— осторожно продолжал он,— они могут быть удовлетворены путем соглашения или войны. Но это особая тема.

Разговор Рудольфа Гесса с чиновником министерства иностранных дел продолжался два с лишним часа. В следующие дни они встретились еще дважды, но Гесс не сообщил ничего нового. Только раз, прощаясь с Кирпатриком, попросил оказать небольшую услугу:

— Не смогли бы вы, мистер Кирпатрик, протелеграфировать в Цюрих? Я дам вам адрес: Герцогштрассе, семнадцать, господину Ротгехеру. Сообщите ему, что Альфред Хорн жив и здоров. Это успокоит мою семью, вы понимаете?

Кирпатрик понял — Рудольф Гесс собирается проинформировать Гитлера.

V

Адмирал Дарлан, восходящая звезда среди французских предателей, переметнувшихся к немцам, явился в Берхтесгаден по вызову Гитлера. Напыщенный, довольный выпавшей честью, он сидел в приемной, ожидая аудиенции. Прием задерживался. В кабинете рейхсканцлера происходило что-то совсем непонятное. Даже через непроницаемые, плотно закрытые двери в приемную доносились истерические крики, звуки падающих стульев, глухие удары, словно кто-то неистово топал ногами. Из двери выскочил адъютант с бледным испуганным лицом и трясущимися руками. Следом вышел Кейтель, тоже взволнованный до предела. Он забыл прикрыть за собой дверь. Адъютант передал Дарлану, что аудиенция состоится несколько позже.

Покидая приемную, Дарлан услышал срывающийся голос Гитлера:

— Расследовать! Арестовать всех, кто замешан!.. Я застрелю, повешу любого... Он сумасшедший!..

Рейхсканцлер Германии классически разыграл приступ неудержимого гнева по поводу внезапного «бегства» Гесса. Ему сообщили об этом на следующий день в Берхтесгадене. Гитлер бушевал, топал ногами, кричал. Его лицо искажалось судорогой. Он старался, чтобы свидетелями его неистовства было возможно больше людей.

Гестапо занялось срочным расследованием «дела». Арестовали Мессершмитта, владельца аугсбургских авиационных заводов, но вскоре выпустили. Установили, что Мессершмитт непричастен к побегу. Вызывали жену Гесса. Объявили, что она тоже ничего не знала о замыслах мужа.

Оставшись наедине с Герингом, Гитлер устало сел в кресло.

— Ну как, задал я им перцу? Поверят? — Перед отлетом Гесса Гитлер все же посвятил кое-кого в задуманный план.

Геринг изобразил на лице неподдельное восхищение.

— О да, мой фюрер, этому нельзя не поверить!

Деловитым тоном Гитлер сказал:

— В официальном коммюнике надо указать, что Гесс совершил поступок в состоянии психической невменяемости и, очевидно, погиб при авиационной катастрофе. Риббентропа мы пошлем в Рим — пусть убедит итальянцев: Рудольф самовольно полетел в Англию. Теперь нам остается ждать сообщений из Цюриха. После этого займемся Критом. Гессу нужна моральная поддержка. Не так ли? Скажи, у тебя все готово?

— Да, мой фюрер. Одиннадцатый воздушный корпус стоит наготове.

— Имей в виду, меня интересуют не только военные успехи. Падение Крита должно подкрепить позиции Гесса.

В день появления коммюнике о предполагаемой гибели заместителя Гитлера в министерство иностранных дел начали поступать соболезнующие телеграммы. Алфиери, итальянский посол в Берли-

не, рвался первым выразить соболезнование об утере Гитлером любимого сотрудника. Посол принял все за чистую монету. Граф Чиано едва успел задержать телеграмму. Таинственная история насторожила, напомнила газетно-бульварную сенсацию. Он не поверил коммюнике. Гитлер хитрит! Приезд Риббентропа не рассеял сомнений, наоборот, укрепил мнение, что немцы ведут какую-то игру с англичанами.

Муссолини по обыкновению ворчал, был недоволен, что фельдмаршал Лист без его ведома заключил перемирие с греками. Он уверен, Гитлер снова хочет его обмануть. В частном разговоре назвал немцев грязными псами. Немцы на словах распинаются в дружбе, а на деле готовы бросить лишь небольшую кучу костей. Муссолини этого не потерпит. Его сердце полно негодования. Он по горло сыт лихоимством Гитлера. Но в палате дуче выступил с речью, прославляя германского союзника, распинаясь в дружеских чувствах к Гитлеру.

В разговоре с Риббентропом Чиано выяснил — германское вторжение в Россию предрешено. Муссолини сказал по этому поводу: «Пусть, пусть Гитлер потеряет там побольше своего оперения! Это нам на руку». А Галеаццо Чиано записал в дневнике:

«Многочисленные признаки создают впечатление, что операции против России должны скоро начаться. Идея войны с Россией популярна, поскольку день падения большевизма нужно считать одним из самых важных в современной истории. Немцы считают, что война закончится в восемь недель.— Здесь Чиано задумался и записал смутно тревожившую его мысль: — Но что, если советские армии покажут силу сопротивления, которая превзойдет силу, проявляемую нашими странами? Какое влияние это окажет на пролетарские массы мира?..»

Первое сообщение из Цюриха, от Ротгехера, пришло через неделю после отлета Гесса. Телеграмма была короткая: «Альфред Хорн жив, здоров, просит передать, чтобы не беспокоились».

Гитлер с довольным видом постучал пальцами о подлокотник кресла. Показал телеграмму Герингу.

— Теперь твое слово, Герман. Послезавтра мы начинаем.

Вторжение воздушного десанта на остров Крит началось утром двадцатого мая 1941 года. На стороне немцев в операции принимало участие шестнадцать тысяч парашютистов и другие войска, обслуживающие боевые действия. Кроме того, семь тысяч солдат было переброшено на остров военно-морскими судами.

VI

Матросу королевского флота Роберту Крошоу в третий раз пришлось заниматься эвакуацией. Сначала в Дюнкерке, потом в Пирее и теперь здесь, у рыбачьего поселка, притулившегося под скалой с непонятным названием, словно взятым из учебника истории древней Греции,— Сфакион. В общем — на острове Крит.

Иногда Роберту казалось, что весь мир походит на груду ветоши, сваленной на палубе корабельного склада, той, что машинисты вытирают поручни или комкают постоянно в руках. Каждая нитка — перепутанные человеческие судьбы, и распоряжается ими боцман. Хочет — даст на машинную вахту, либо оставит в складе, или невзначай затопчет ногами и потом выбросит за борт. Вероятно, нити его и Кэт тоже попали в разные руки. Роберт очутился в Эгейском море, а Кэт осталась где-то там, в Лондоне. И никогда не бывает, чтобы ветошь вновь собирали в кучу. Разве для того только, чтобы сжечь...

Когда на Крите высадился германский десант, эсминец «Роджерс» стоял в Александрии. Через четыре дня корабль был на траверзе острова. Думали, придется отражать атаки, вести бой, но получилось другое — снова эвакуация. Правда, Роберт не знал, какие потери несли британские войска на острове, что же касается морского флота, то в первые дни он потерял два крейсера, три эскадренных миноносца и надолго вышел из строя один линкор. Эсминец «Лондон» погиб на его глазах. Море, точно акулами, кишело германскими подводными лодками. Торпеда ударила в борт рядом с машинным отделением. Корабль затонул в несколько минут. «Роджерс» находился ближе других к месту катастрофы, начал спасать тонувших людей, но тотчас же ушел — снова появились немецкие субмарины. Эсминец едва увернулся от торпедного залпа. Гибнущие матросы цеплялись за брошенные канаты, но осатаневшая вдруг вода срывала их и отбрасывала в сторону. Они исчезали в кипящих бурунах. Роберт пытался спасти одного из моряков. С какой силой тянул канат! Упирался ногой в планшир, сантиметрами выбирал неподатливый пеньковый трос. На другом конце его болтался человек с искаженным от напряжения лицом. Волны захлестывали его, Роберт перехватил руку, но эсминец шел уже полным ходом, со скоростью курьерского поезда. Моряк пытался вцепиться зубами в канат, но в следующее мгновение бешеные струи оторвали его и бросили в зеленый водоворот. Канат вдруг обмяк, и Роберт упал. Когда он поднялся, на море никого не было. Только за кормой темнели удалявшиеся точки — головы людей, брошенных на произвол судьбы. Ветошь, выброшенная за борт... Говорят, позже некоторых удалось спасти, но очень немногих.

К берегу подошли ночью. С гор доносились пулеметные выстрелы, ухали мины. Арьергардные войска сдерживали натиск немцев. Такого ералаша Крошоу не видел и в Дюнкерке. Царила неразбериха. Предполагали, что в Сфакионе оставалось около трех тысяч солдат,— оказалось в три раза больше. Охваченные паникой, люди в темноте штурмовали лодки, бросались к кораблям вплавь, но многие так и не достигли цели. Перед рассветом корабли ушли в море. С берега доносились проклятья, истерические, исступленные крики о помощи. Они долго стояли в ушах Роберта.

Утром в открытом море налетели бомбардировщики. «Роджерс» рыскнул в сторону. Бомба разбила корму. Эсминец сохранил плавучесть, но потерял управление. Германские летчики добивали его из

пулеметов. На палубе валялись убитые, стонали раненые. В Александрию пришли на буксире, потеряв четвертую часть людей, погруженных в Сфакионе.

Всего из двадцати двух тысяч британских солдат, прижатых к берегу у дикой скалы Сфакиона на острове Крит, эвакуировали немногим больше шестнадцати тысяч. Общие потери убитыми, ранеными, попавшими в плен составили пятнадцать тысяч человек — бо́льшая часть войск, оборонявших остров.

Но и германским десантным частям не дешево досталась победа. Первая волна посыпавшихся с неба парашютистов попала под губительный огонь английских пулеметчиков. Сотни планеров, что шли следом, тоже оказались в тяжелом положении — их посадили в расположении английских передовых частей. Просчет штаба 11-го воздушного корпуса стоил немало жертв. Германские потери оказались не ниже британских. В десятидневных боях — на аэродроме в Маламе, в горах и на дорогах, в оливковых рощах — погибло пятнадцать тысяч немецких солдат. Были уничтожены отборные части парашютных войск 11-го воздушного корпуса.

Тридцать тысяч убитых немцев и англичан стали разменной монетой в крупной игре, которая шла в Тауэре — средневековой лондонской крепости, ставшей резиденцией Рудольфа Гесса.

VII

Германского парламентера перевели в Тауэр. В переговорах с ним английская сторона пока не сказала ни да ни нет. Непредвиденная затяжка не нравилась Гессу, но что он мог сделать? А Черчилль вынашивал, готовил исподволь задуманный план. После того как Гесс появился в Англии, премьер окончательно убедился, сколь был он прав, делая ставку на конфликт Германии с Советской Россией.

Пятнадцатого мая, через два дня после очередной беседы мистера Кирпатрика с Гессом, британский премьер написал своему «душеприказчику» Сметсу:

«Похоже на то, что Гитлер сосредоточивает свои силы против России. Идет беспрерывная переброска войск на восток из Франции и Германии. Я лично полагаю, что наилучшим шансом для него является нападение на Украину и Кавказ. Это обеспечит ему хлеб и нефть. Никто не может помешать ему сделать это».

В последней фразе Черчилль подразумевал самого себя. Он-то уж не будет мешать Гитлеру!

На заседании военного кабинета — совещание происходило закрытое — вести переговоры от имени правительства поручили лорду Саймону, в прошлом министру иностранных дел. Лорд поблагодарил кабинет за доверие, но семидесятилетний дипломат дал согласие при одном условии — переговоры должны происходить строго конфиденциально и сохраняться на правах государственной тайны. С ним согласились. Премьер даже предложил выступать Саймону

под другим, вымышленным именем,— предположим, под именем Балла. Впрочем, это касалось и Кирпатрика, и самого Гесса — остальных участников переговоров в крепости Тауэр.

После заседания Черчилль взял под руку Джона Саймона и увлек его в свои апартаменты.

— Послушайте, я вам расскажу кое-что из жизни моего предка герцога Мальборо.— Премьер усадил Саймона в вольтеровское кресло и сел напротив. Сидели так близко, что почти касались коленками.— Это было во времена королевы Анны. Правительство беспокоил союз молодого шведского короля с Францией. Следовало отвлечь внимание Карла Двенадцатого в противоположную сторону. Такую деликатную миссию поручили моему предку. И знаете, с чего он начал? Отгадайте!.. Когда герцог Мальборо вошел в кабинет короля, он увидел большую карту России. Герцог воскликнул: «А, Россия! Какое великолепное поле битвы для такого полководца, как ваше величество!» Вы поняли мою мысль, дорогой викинг? Не следует ли вам в переговорах с Гессом высказать ту же самую мысль?

— Согласен,— кивнул лорд Саймон,— но вторжение Карла в Россию закончилось Полтавской битвой. Не надо быть историком, чтобы вспомнить это.

— Ну и что же? — Черчилль готов был ввязаться в спор.— Швеция потеряла свое былое могущество. Россия ослабла, ей недешево стоила победа. Но зато Англия вышла на первое место, стала великой державой... Однако вернемся к более современным проблемам.— Премьер закурил сигару, готовясь изложить Саймону самое сокровенное. Он сказал, понижая голос: — Когда вы будете говорить с Гессом, намекните, что мы не доверяем Гитлеру, боимся его вероломства. Пусть он сначала,— голос Черчилля стал еще тише,— пусть сначала начнет в России, а потом мы заключим мир. Не наоборот, понимаете?..

Премьер поднял указательный палец и улыбнулся. Лицо его приняло коварное выражение, которое делало потомка Мальборо столь похожим на деревянного божка.

Посещение крепости Тауэр пришлось оттянуть по непредвиденным обстоятельствам. Двадцатого мая Гитлер начал наступление на Крит. «Хочет нажать на нас, играет в покер,— безошибочно определил Черчилль.— Кирпатрик прав, это из той же серии, что наступление в Африке или налеты на Лондон».

Но вести с Крита приходили одна безрадостнее другой. Черчилль силился найти какую-то возможность реванша. Нужно равновесие сил хотя бы в переговорах. Где реванш, где?.. Все так беспросветно плохо. Вдруг фортуна словно повернулась к премьеру...

В те же дни, когда на гористом острове разворачивались трагические события, точнее — в среду двадцать первого мая, дальняя морская разведка донесла о появлении в Каттегоатском проливе сверхмощного германского линейного корабля «Бисмарк». Поки-

нув базу, линкор в сопровождении «Принца Евгения» шел курсом на Бергенфиорд.

В Северном море стояла густая облачность, шел мелкий дождь, ухудшавший и без того плохую видимость. Разведка, посланная на следующий день в район Бергена, установила, что в фиорде кораблей нет. Час от часу не легче! Было отчего встревожиться в британском адмиралтействе.

Линкор «Бисмарк», недавно спущенный со стапелей, представлял внушительную угрозу для британского королевского флота. Вооруженный пятнадцатидюймовыми орудиями, он имел самую тяжелую броню в мире. «Бисмарк» на десяток тысяч тонн превосходил любой, самый новейший английский корабль этого класса. В бою один на один «Бисмарк» легко мог бы потопить такие плавучие крепости, как «Родней» или «Нельсон».

Положение осложнялось еще и тем, что с Американского континента готовились выйти в море одиннадцать караванов с военным грузом для Англии. Некоторые корабли уже пересекали Атлантический океан. У Черчилля не возникло никаких сомнений по поводу намерений адмирала Лютьенса, командующего отрядом кораблей. Цель «Бисмарка» совершенно ясна — поживиться легкой добычей, блокировать английский остров. Об этом же говорил и Рудольф Гесс, угрожая задушить Англию голодом.

Вскоре подтвердились самые худшие предположения. Морские разведчики обнаружили германские корабли в открытом море северо-восточнее Исландии. Они полным ходом шли к Датскому проливу, в северные широты. Оттуда, как из засады, легко выскочить на большую океанскую дорогу, перерезать путь транспортным кораблям. С каждым часом назревала угроза. На борьбу с германскими рейдерами по тревоге подняли весь флот. Британские корабли вышли из Гибралтара, из портов Англии и устремились на север. Началась охота за «Бисмарком». На рассвете в субботу британский флот вошел в соприкосновение с противником.

Рано утром Черчилля разбудил телефонный звонок. Уик-энд он проводил в Чекерсе. Первые вести были тяжелые. Из адмиралтейства передали — взорвался «Худ». «Бисмарк» потопил его с пятого залпа. Корабль переломился пополам и затонул. Из полуторатысячной команды спаслось только три человека.

Через час снова звонили из адмиралтейства. «Принс оф Уэлс» тоже вышел из боя, ему нанесены серьезные повреждения. Но одновременно морской лорд передал, что «Бисмарк» получил повреждения — снаряды пробили хранилище горючего, нефть хлещет из зияющих пробоин. Линкорн стремится выйти из боя, но скорость его значительно сократилась.

Преследование продолжалось еще трое суток. Линкорн походил на раненого зверя, уходящего от погони. Оставляя на море нефтяной след, «Бисмарк» повернул на юг, видимо стараясь укрыться в одном из французских портов. Но зверь еще не потерял силы,— огрызаясь огнем орудий, «Бисмарк» держал преследователей на почтительном расстоянии. Двадцать седьмого мая германский рей-

дер водоизмещением в сорок пять тысяч тонн был потоплен в четырехстах милях от Бреста. Его потопил «Родней», подоспевший к развязке.

Гибель «Бисмарка» явилась серьезной удачей британского флота. Черчилль торжествовал — вот он, реванш! Переговоры в Тауэре продолжались. Уполномоченный правительства Джон Саймон встретился с Гессом. Немецкий парламентер передал лорду письменные основы для соглашения. Предварительно он прочитал их вслух:

— «Чтобы предотвратить будущие войны между Англией и Германией,— читал Гесс,— договаривающимся странам будут определены сферы интересов. Германская сфера — Европа, английская — ее империя».

— Одну минуту,— прервал его Саймон.— Я хочу уточнить: Европа здесь, конечно, означает континентальную Европу? — Лорда интересовал тот же вопрос, который Кирпатрик задал Гессу в мэрихелской казарме.

— Да, континентальную Европу,— подтвердил Гесс.

— Включает ли она какую-либо часть России?

Пора было раскрывать карты. Гесс ответил:

— Москва и европейская часть России до Урала входят в сферу интересов Германии. Англия не должна вмешиваться в наши взаимоотношения с Россией.

Он ничего не сказал о «плане Барбаросса». Лорду незачем это знать. Но Гесс не случайно упомянул Урал — Волга и Уральские горы служили целью вторжения германских войск на восток.

— Но каковы реальные гарантии, что господин Гитлер выполнит свои обязательства?

Джон Саймон перешел к самому главному пункту. Он изложил сомнения, подсказанные ему британским премьером.

Толстые крепостные стены не пропускают звуков и тайн. Саймон покинул Тауэр удовлетворенный переговорами. В его кармане лежал текст частной телеграммы, которую Гесс просил передать в Цюрих для своей семьи. Гесс просил только не менять в телеграмме ни единого слова.

В ту же ночь из Лондона ушла частная телеграмма. Дежурный телеграфист выстукивал на ключе швейцарский адрес: «Ротгехеру, Гарцогштрассе, 17, Цюрих». Телеграфиста предупредили — быть особенно внимательным и не допускать искажений. Но в телеграмме не было ничего особенного. Подписал ее какой-то Альфред Хорн. Телеграфист был аккуратен до педантичности, он и без предупреждения точно передал бы телеграмму — кому хочется получать замечания по службе!

Следствием этих событий,— впрочем, велико ли событие для телеграфиста передать частную телеграмму,— было то, что командующий 2-м воздушным флотом германской империи генерал-фельдмаршал Альберт Кессельринг перевел ставку из Франции в Познань. Как по мановению руки, бомбардировки Лондона вдруг прекратились. Разрушенный город, потерявший под бомбами сто

тысяч жителей, среди которых жизнь маленькой Вирджинии Крошоу была пылинкой в дымовой завесе военно-дипломатической маскировки, обрел тишину. В английском небе больше не появлялось ни единого германского самолета. Казалось, что Гитлер авансом выполняет принятые обязательства. Переговоры в Тауэре приносили первые результаты.

Две недели спустя за тысячу миль на восток от Лондона генерал-полковник Гудериан проводил последнюю рекогносцировку. Сопровождаемый штабными офицерами, командир танковой группы вышел на песчаный берег, волглый от ночной росы. Песок скрипел под ногами так же, как там, на Ла-Манше, вблизи Дюнкерка.

Только что по мосту прогрохотал экспресс Москва — Берлин. Несколько окон были ярко освещены. Гудериан проводил глазами ночной поезд. «Последний экспресс из России»,— подумал он.

За Бугом начинала заниматься заря, она обещала солнечный, ясный день. Над рекой, застывшей и тихой, плыли дымки тумана, а темные воды отражали побледневшие звезды. Адъютант предупредил — лучше стоять за кустами. Гудериан не ответил, будто не услышал,— ведь войны еще не было. Он взял бинокль и навел его на противоположный берег. Низкий берег, покрытый редкими ветлами и кустарником. На втором плане возвышаются геометрически правильные зеленые холмы — форты Брестской крепости. В расплывчатой темноте берег казался таинственным, хотя и мирным. Чем-то кончится восточный поход? Что сулит наступающий день? Повторится ли французский вариант с Абвиллем, Дюнкерком, или... Туманные предчувствия скользнули и рассеялись, как дымки над Бугом. Нет, иного не может быть. Пусть побледнеют звезды...

Перед выездом на рекогносцировку Гудериан подписал приказ, правила поведения войск в России. Это касалось людей, живущих за Бугом, за рекой, которая на глазах начинала светлеть с приближением утра. Приказ Гудериан подписал в развитие распоряжения Кейтеля. Главной в нем была одна фраза — генерал помнил ее на память: «Неоправданная гуманность по отношению к коммунистам и красноармейцам неуместна. Их следует беспощадно расстреливать».

Кого? Любого, кто встанет на пути, кто окажет малейшее сопротивление. Знают ли они, хотя бы там, в крепости, что для многих сегодня последний раз взойдет солнце? Пусть спят... Но все же что ждет его в этой стране? Россия продолжала казаться таинственной, непроницаемой, как будущее.

Гудериан перевел бинокль вправо, к железнодорожному мосту. Мост надо захватить с ходу и переправиться на ту сторону. Все решено и расписано. Стало гораздо светлее, но впечатление таинственности противоположного берега не исчезало. Это были последние мысли немецкого генерала перед войной.

Гудериан вернулся на командный пункт. Ровно в срок над командным пунктом прошли на восток самолеты, и сразу же ухнул артиллерийский выстрел. Следом загрохотали другие орудия. Гудериан подозвал адъютанта.

— Танки пошли?

— Яволь! Атакуют железнодорожный мост, согласно приказу.

Война фашизма против Советского Союза началась.

В этот день британский премьер-министр Уинстон Черчилль выступил в палате общин. Он говорил о новом вероломном нападении Гитлера, предлагал Советской России поддержку, искреннюю и бескорыстную помощь.

1946—1956
Нюрнберг—Берлин—Москва

СОДЕРЖАНИЕ

Юрий Михайлович
Корольков

ТАЙНЫ ВОЙНЫ

М., «Советский писатель», 1986, 592 стр.
План выпуска 1986 г. № 76.

Редактор *О. С. Ляуэр*
Худож. редактор *Е. И. Балашева*
Техн. редактор *Ф. Г. Шапиро*
и *И. М. Минская*
Корректоры *Н. П. Задорнова*
и *Б. Ш. Котт*

ИБ № 5514

Сдано в набор 10.12.85. Подписано к печати 19.06.86. Формат 60×90[1]/16. Бумага кн.-журн. Академическая гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 37,0. Уч.-изд. л. 43,12. Тираж 200 000 экз. Заказ № 1919. Цена 3 р. 00 к.

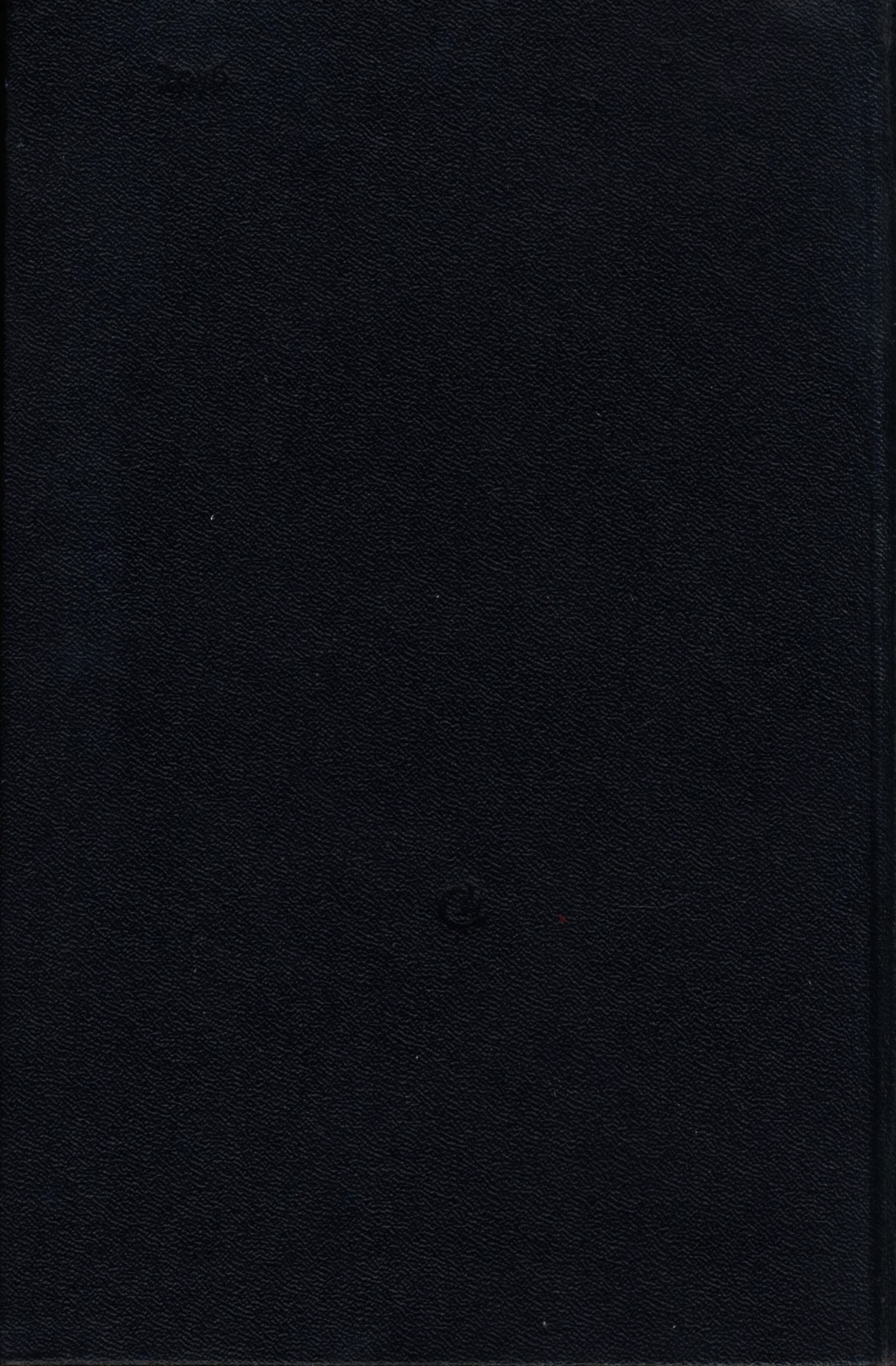
Ордена Дружбы народов издательство «Советский писатель» 121069, Москва, ул. Воровского, 11. Ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени МПО «Первая Образцовая типография» имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 113054, Москва, Валовая, 28.

Корольков Ю. М.

К 68 Тайны войны: Роман.— М.: Советский писатель. 1986.— 592 с.

Роман-хроника, написанная Ю. Корольковым (1906—1981) в середине пятидесятых годов на основе документов Нюрнбергского процесса, показывает широкую сеть международного заговора против Советского Союза, изобличает нацистских преступников и рассказывает о борьбе народов против фашизма.

К $\frac{4702010200-268}{083(02)-86}$ 76—86 ББК 84.Р7



Юрий Корольков

Тайны войны